

И.И. Мартинович

**ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ**

Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь

Национальный центр правовой информации Республики Беларусь
Общественное объединение «Белорусский республиканский союз юристов»
Общество с ограниченной ответственностью «ЮрСпектр»

НАСЛЕДИЕ ПРАВА

И.И. Мартинович

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Минск
Редакция журнала «Промышленно-торговое право»
2016

УДК 347.97/.99+347.965

ББК 67.71

М29

Серия основана в 2012 году

Члены научного совета проекта «Наследие права»:

председатель Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь А.А. Гаев; заместитель директора правового департамента Евразийской экономической комиссии В.А. Дорошкевич; заместитель Председателя Верховного Суда Республики Беларусь, председатель судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Беларусь А.А. Забара; директор Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь В.Д. Ипатов; проф., д-р юрид. наук, заслуженный юрист Республики Беларусь, председатель ОО «Белорусский республиканский союз юристов» В.С. Каменков; директор Национального центра правовой информации Республики Беларусь Е.И. Коваленко; Генеральный прокурор Республики Беларусь А.В. Копюк; О.Э. Кравцов; начальник главного государственного-правового управления Администрации Президента Республики Беларусь А.Ф. Мательский; проф., д-р юрид. наук, судья Конституционного Суда Республики Беларусь Л.М. Рыбцев; Министр юстиции Республики Беларусь О.Л. Слизевский; генеральный директор ООО «ЮрСпектр» О.В. Сломенец; проф., д-р юрид. наук, заслуженный юрист Республики Беларусь, директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» В.М. Хомич.

Координатор проекта: Ю.В. Олешкевич, директор издательского унитарного предприятия «Редакция журнала “Промышленно-торговое право”», начальник департамента информации для юристов ООО «ЮрСпектр».

Мартинovich, И.И.

М29 Избранные труды / И.И. Мартинovich. – Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2016. – 560 с. – (Наследие права).

ISBN 978-985-6789-31-4

В книге представлены изданные в 1961–2002 гг. наиболее значимые монографии белорусского ученого-правоведа И.И. Мартинovich, профессора, доктора юридических наук, заслуженного юриста Республики Беларусь. Труды автора посвящены истории суда в Белорусской ССР, общественных судов Белорусской ССР, гласности в уголовном судопроизводстве, истории и правовому регулированию деятельности адвокатуры в Беларуси.

Издание предназначено для ученых-правоведов, работников законодательских, правоохранительных органов и судов, практикующих юристов, адвокатов, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов юридических специальностей высших учебных заведений.

КОНСУЛЬТАНТ ПЛЮС
надежная правовая поддержка

ISBN 978-985-6789-31-4

УДК 347.97/.99+347.965
ББК 67.71

© Мартинovich И.И., 2016
© Оформление. Редакция
журнала «Промышленно-
торговое право», 2016

Содержание

От организаторов проекта	8
<i>В.С. КАМЕНКОВ.</i> Вступительное слово	8
<i>В.Д. ИПАТОВ.</i> Вступительное слово	10
<i>Е.И. КОВАЛЕНКО.</i> Вступительное слово	12
Данилевич А.А. Биография И.И. Мартинович	13
От автора. Штрихи воспоминаний.....	16
ИСТОРИЯ СУДА В БЕЛОРУССКОЙ ССР (1917–1960 ГГ.).....	19
Глава I. Судебное строительство в Белоруссии в период борьбы за установление и упрочение советской власти (1917–1920 гг.)	20
Глава II. Задачи и организация суда БССР в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.)	54
Глава III. Задачи и организация суда БССР в период социалистической реконструкции народного хозяйства (1926–1934 гг.)	95
Глава IV. Задачи и организация суда БССР в период борьбы за упрочение и развитие социалистического общества (1935–1941 гг.)	127
Глава V. Суд БССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	145
Глава VI. Задачи и организация суда БССР в послевоенный период восстановления и развития народного хозяйства (1945–1953 гг.)	150
Глава VII. Задачи и организация суда БССР в период борьбы за мощный подъем народного хозяйства и завершение строительства социализма (1954–1958 гг.)	161
Глава VIII. Задачи и организация суда БССР в период развернутого строительства коммунистического общества.....	172
ГЛАСНОСТЬ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	193
Предисловие	194

Сущность и развитие принципа гласности в советском уголовном процессе	195
Значение принципа гласности в советском уголовном процессе	204
Осуществление принципа гласности в отдельных стадиях советского уголовного процесса	231
Случаи возможного рассмотрения уголовных дел в закрытом судебном заседании.....	240
ОБЩЕСТВЕННЫЕ СУДЫ БССР	
В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ	253
Предисловие	254
Глава I. Возникновение и развитие общественных судов в БССР	256
Глава II. Задачи и организация товарищеских судов в условиях развитого социализма	285
Глава III. Взаимодействие товарищеских и государственных судов	306
Заключение	347
АДВОКАТУРА БЕЛАРУСИ:	
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	349
Предисловие	350
Глава I. Организация судебной защиты и иной правовой помощи населению в первые годы советской власти (1917–1921 гг.).....	353
Глава II. Образование адвокатуры в БССР и ее развитие в годы социалистических преобразований (1922–1935 гг.)	369
Глава III. Адвокатура в БССР в 30–80-е годы XX столетия	396
Глава IV. Организационные формы адвокатской деятельности в Республике Беларусь на современном этапе	445
Заключение	491
Приложения	494

СТАТЬИ.....	501
Создание ювенальной юстиции в Беларуси – требование времени.....	502
Судоустройственное право в системе белорусского права.....	514
Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей 2006 г. – достижение судебно-правовой реформы.....	521
Начальный этап создания белорусской прокуратуры.....	532
Почему нам нужен суд присяжных заседателей.....	539
Кодификация белорусского судоустройственного законодательства в новейшей истории.....	545
Инновационное развитие белорусской адвокатуры – вызовы времени.....	550
Библиографический список трудов И.И. Мартинович, опубликованных в настоящем издании.....	558

От организаторов проекта

*Віктар Сяргеевіч КАМЯНКОЎ,
прафесар, доктар юрыдычных навук,
загачык кафедрай фінансавага права
і прававога рэгулявання
гаспадарчай дзейнасці
юрыдычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
медыятар, старшыня
грамадскага аб'яднання
«Беларускі рэспубліканскі саюз юрыстаў»*

Першая ў Беларусі жанчына – доктар юрыдычных навук

Нават калі не чытаць далей змест гэтага сардэчнага і шчырага віншавання-пажадання, многія згадаюцца, што размова пойдзе пра **Ізабэлу Іванаўну Марціновіч** – дзеючага супрацоўніка кафедры крымінальнага працэсу і пракурорскага нагляду юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, прафесара, доктара юрыдычных навук, заслужанага работніка вышэйшай школы Беларускай ССР, заслужанага юрыста Рэспублікі Беларусь, ганаровага работніка юстыцыі Беларусі, лаўрэата прэміі «Феміда» грамадскага аб'яднання «Беларускі рэспубліканскі саюз юрыстаў», прэміі імя В.І. Пічэты, чалавека, які мае іншыя дзяржаўныя і грамадскія ўзнагароды.

Чаму пры абмеркаванні гэтага чарговага, ужо сёмага па ліку, выдання праекта з мнагазначнай назвай «Спадчына права» ўсе

аднагалосна згадзіліся, што яно павінна быць прысвечана навуковым працам Ізабэлы Іванаўны?

Адказ на гэта пытанне ведае кожны, хто вучыўся ў нашай альма-матэр – на юрыдычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Яму, яго студэнтам, аспірантам, маладым вучоным, іншым калегам Ізабэла Іванаўна прысвяціла 60 гадоў свайго жыцця і таленту. Таму кожны з выпускнікоў памятае яе як ветлівага чалавека, прыгожую жанчыну, выдатнага і патрабавальнага выкладчыка, здольнага вучонага, цікавага суразмоўцу.

І тыя юрысты, якія не вучыліся ў Беларускім дзяржаўным ўніверсітэце, але працуюць ці працавалі у органах судовай улады, пракуратуры, адвакатуры, натарыяту, міліцыі і іншых праваахоўных і правапрымяняльных органах Рэспублікі Беларусь, не менш ведаюць і добразычліва ўспамінаюць нашага юбіляра. Справа ў тым, што шмат навуковых прац Ізабэлы Іванаўны, метадычных распрацовак прысвечаны судовай уладзе, яе рэфарміраванню (Ізабэла Іванаўна з'яўляецца адным з аўтараў яго канцэпцыі), судаўладкаванню, пытанням пракурорскага нагляду, адвакатуры, суда прысяжных, ювенальнай юстыцыі.

Абавязкова ўспомніць Ізабэлу Іванаўну і той, хто абараняў кандыдацкія і доктарскія дысертацыі ў навуковых саветах Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, членам якіх яна паранейшаму з'яўляецца. Пытанні, якія задае прафесар Марціновіч, заўсёды дарэчы, яны адрозніваюцца добразычлівасцю і павагай да таго, хто выканаў навуковую працу. Сваю кандыдацкую дысертацыю «Прынцып галаснасці ў савецкім крымінальным працэсе» Ізабэла Іванаўна абараніла яшчэ ў далёкім 1954 г. ў Маскоўскім юрыдычным інстытуце. А доктарскую дысертацыю «Развіццё суда і крымінальна-працэсуальных форм судовай дзейнасці ў Беларускай ССР (1917–1967 гг.)» – у 1969 г. ў Беларускім дзяржаўным універсітэце.

Навуковыя і метадычныя працы Ізабэлы Іванаўны маюць высокі індэкс цытавання і карыстаюцца бяспрэчным аўтарытэтам сярод тых, хто праводзіць навуковыя даследаванні.

Можна яшчэ шмат чаго цікавага расказаць пра Ізабэлу Іванаўну – нашага настаўніка і чудоўнага чалавека. Пажодаем ёй моцнага здароўя на доўгія гады.

*Вадим Дмитриевич ИПАТОВ,
директор Национального центра
законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь*

Уважаемый читатель!

Судоустройство в высокой степени актуальная и общественно значимая тема. В настоящее время, как и несколько тысячелетий назад, человечество ищет ответы на одни и те же вопросы, в том числе принципиальные, например, как сделать суд справедливым, скорым, обеспечить подлинную самостоятельность и независимость судебной власти.

В каждую историческую эпоху эти проблемы решались по-разному. Однако предлагаемые меры казались эффективными лишь определенный период, с изменением условий жизни приходилось искать новые подходы.

Очередное интересное издание в рамках проекта «Наследие права» включает труды известного белорусского ученого-правоведа, преподавателя, заслуженного юриста Республики Беларусь, заслуженного работника высшей школы БССР, лауреата премии имени Пичеты **Изабеллы Ивановны Мартинович**, посвященные вопросам судоустройства (судоустройственного права), истории и методологии модернизации судебной системы, уголовного процесса, деятельности прокуратуры и адвокатуры по обеспечению защиты прав и свобод граждан.

Среди плеяды наиболее известных белорусских ученых-юристов И.И. Мартинович занимает особое место. Это первая в Беларуси женщина, которой присвоена ученая степень доктора юридических наук, ученое звание профессора права.

Научная биография Изабеллы Ивановны плодотворна и многогранна. Родилась она в 1927 году в местечке Богушевск Витебской области. В 1949 году окончила Минский юридический институт, а после окончания аспирантуры с 1952 года начала работать преподавателем этого института. С 1956 года работает в Белорусском государственном университете. В 1971 году была назначена профессором кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ.

И.И. Мартинович награждена Грамотой Верховного совета БССР, является членом ученого совета БГУ по защите докторских диссертаций, входит в состав редакционного совета журнала «Юстиция Беларуси».

Изабелла Ивановна – автор свыше 150 научных работ. Особого внимания заслуживают ее труды по истории государства и права

Беларуси, в рамках которых нашли отражение вопросы развития судов в Белорусской ССР, особенности формирования и деятельности общественных судов БССР. Отдельно необходимо отметить весомый научный вклад И.И. Мартинович в исследование вопросов становления, развития и современных тенденций деятельности прокуратуры и адвокатуры.

Знакомство с творческим наследием И.И. Мартинович будет интересным и полезным не только для судей и сотрудников правоохранительных органов, профессорско-преподавательского состава, научных работников, студентов, магистрантов, аспирантов (адъюнктов), но и для всех интересующихся вопросами истории права, уголовного процесса, судостроительства.

*Евгений Иосифович КОВАЛЕНКО,
доцент, кандидат юридических наук,
директор Национального центра
правовой информации Республики Беларусь*

Дорогой читатель!

Вы держите в руках очередную книгу серии «Наследие права» – сборник научных трудов выдающегося ученого, первой в Беларуси женщины – профессора и доктора юридических наук **Изабеллы Ивановны Мартинович**.

Являясь профессором кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ, членом двух специализированных ученых советов по защите кандидатских и докторских диссертаций по юридическим наукам БГУ, Изабелла Ивановна вносит огромный личный вклад в дело подготовки высококвалифицированных юристов, развитие отечественной правовой науки и совершенствование национальной правовой системы.

Более 150 научных работ И.И. Мартинович по проблемам судостроительства, прокурорского надзора и уголовного процесса, истории государства и права Беларуси, а также непосредственное участие в подготовке проектов Конституции Республики Беларусь и Концепции судебной-правовой реформы принесли ей известность и признание в научной среде и профессиональном юридическом сообществе нашей страны и зарубежья. Многогранная и плодотворная работа Изабеллы Ивановны отмечена почетными званиями заслуженного работника высшей школы, заслуженного юриста Республики Беларусь и другими высокими наградами.

Актуальность и практическая значимость исследований, глубина и полнота анализа затронутых в работах проблем, проверка временем внесенных идей и их востребованность в законодательской деятельности и правоприменительной практике сделали научные труды И.И. Мартинович ценным наследием белорусской правовой науки.

В этом выпуске публикуется только часть научных работ Изабеллы Ивановны, касающихся гласности в советском уголовном судопроизводстве, создания ювенальной юстиции в Беларуси, кодификации законодательства о судостроительстве, развития белорусской адвокатуры. Многие из отраженных в сборнике авторских идей уже реализованы в законодательстве и практике его применения, остальные продолжают выступать в качестве ориентира для дальнейшего развития правовой науки.

Уверен, настоящий сборник будет интересен и полезен научным работникам, преподавателям, специалистам государственных органов, адвокатам, аспирантам, магистрантам и студентам учреждений образования как в Беларуси, так и за ее пределами.

Биография И.И. Мартинович

Изабелла Ивановна Мартинович родилась 27 октября 1927 г. в г. п. Богушевск Витебской области в семье служащего. Отец до войны и в послевоенные годы работал судьей народного суда. Несомненно, это сказалось на выборе юридической профессии дочерью, которая нередко посещала судебные заседания. Родители советовали ей поступить в медицинский или педагогический институт, но в 1945 г., после окончания 10-го класса с золотой медалью, Изабелла без вступительных экзаменов поступила в Минский юридический институт, а в 1949 г., окончив с отличием институт, – в аспирантуру. В 1954 г. Изабелла Ивановна успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Принцип гласности в советском уголовном судопроизводстве» в Московском юридическом институте; в 1969 г. – докторскую диссертацию на тему «Развитие суда и уголовно-процессуальных форм судебной деятельности в Белорусской ССР (1917–1967 гг.).»

И.И. Мартинович стала первой в Беларуси женщиной – доктором юридических наук и профессором права. Ее научная деятельность началась в 1952 г. в Минском юридическом институте, преобразованном после реорганизации в юридический факультет Белорусского государственного университета. За более чем 60-летний период научно-педагогической работы И.И. Мартинович провела научное исследование актуальных проблем становления, развития, реформирования и совершенствования белорусского судоустройства в советский и постсоветский периоды.

В 1960–1970-е гг. в свет вышел ряд публикаций молодого ученого, которые отличались высоким научным уровнем и практической значимостью. Среди них стоит отметить монографии

«История суда в БССР (1917–1960 гг.)», «Судоустройство и прокурорский надзор в БССР (1921–1925 гг.)», «Общественные суды в БССР», «Адвокатура в БССР», «Гласность в советском уголовном судопроизводстве», написанные на основе анализа законодательства, практики его применения, широкого использования архивного материала, не утратившего важного теоретического значения по сей день.

Как один из разработчиков концепции судебной реформы в Республике Беларусь 1992 г., а затем участник рабочей группы по выработке ее новой редакции в соответствии с решениями I съезда судей страны, И.И. Мартинович исследовала проблемы модернизации судебной и правоохранительной системы, внесла конкретные предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения, организации суда, правоохранительных органов и адвокатуры.

В частности, И.И. Мартинович одна из первых обосновала идею о необходимости создания в Республике Беларусь ювенальной юстиции и разработала ее модель, а также выдвинула предложения по модернизации организационных форм адвокатской деятельности, унификации и гармонизации законодательства о судоустройстве Республики Беларусь и Российской Федерации.

И.И. Мартинович является одним из редакторов и авторов учебника «Судоустройство» (ее перу принадлежат 10 глав из 14), 5 учебных пособий, научно-практических комментариев к Белорусской советской энциклопедии, энциклопедии истории Беларуси, а также многочисленных статей. У этого известного исследователя 180 научных работ, в том числе 9 монографий

И.И. Мартинович (вторая справа в первом ряду) и сотрудники кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, 1987 г.

(в трех из них она выступает как соавтор). Это яркое свидетельство значительного вклада в развитие таких направлений юридической науки, как судоустройство, адвокатура, уголовный процесс, в осуществление судебной реформы в Республике Беларусь.

И.И. Мартинович (третья слева), первая в Беларуси женщина – доктор юридических наук, и В.В. Терешкова (в центре), первая в мире женщина-космонавт, на Пленуме Комитета советских женщин. Москва, 16–17 февраля 1983 г.

На протяжении своей многолетней профессиональной деятельности И.И. Мартинович принимала активное участие в государственной и общественной жизни республики, в частности избиралась депутатом Минского городского Совета, народным за-

седателем, была членом профкома, председателем товарищеского суда Белорусского государственного университета. Десять лет (1975–1985 гг.) Изабелла Ивановна была членом Комитета советских женщин и членом постоянной палаты Международного третейского суда в Гааге, участвовала в качестве эксперта-разработчика в подготовке проекта Конституции Республики Беларусь 1994 г. В настоящее время она член двух специализированных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций по юридическим наукам при Белорусском государственном университете.

И.И. Мартинович неоднократно поощрялась за успехи в научно-педагогической деятельности. Она имеет Грамоту Верховного Совета БССР, в 1982 г. Изабелле Ивановне было присвоено почетное звание заслуженного работника высшей школы БССР, а в 1995 г. – заслуженного юриста Республики Беларусь, в 2011 г. – заслуженного работника Белорусского государственного университета.

В 2006 г. И.И. Мартинович стала лауреатом премии первого ректора Белорусского государственного университета В.И. Пичеты, в 2010 г. – лауреатом высшей юридической премии «Фемида».

*Анатолий Александрович ДАНИЛЕВИЧ,
профессор, кандидат юридических наук,
заслуженный юрист Республики Беларусь,
отличник образования Республики Беларусь,
заместитель декана юридического факультета
Белорусского государственного университета,
заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора
юридического факультета
Белорусского государственного университета*

От автора

Штрихи воспоминаний

Как говорят мои дети (теперь уже сами родители со стажем), работа в моей жизни занимала главное место. Для такого мнения есть основания. По натуре я трудоголик. К тому же научно-педагогическая деятельность приносила мне моральное удовлетворение, была моей «психотерапией», позволяла отвлечься от повседневных житейских забот и тревог, ведь послевоенная жизнь была весьма непростой.

Несомненно, на результативности моей деятельности сказалось и то, что работала я в здоровом, деловом и творческом трудовом коллективе. Повезло мне и с руководителями этого коллектива, которые были профессионалами и достойными лидерами.

В первую очередь хотелось бы вспомнить директора Минского юридического института Г.А. Поветьева, которому я обязана выбором научно-педагогической работы после окончания института. Дело в том, что при распределении я просила направить меня на должность следователя, а Г.А. Поветьев настойчиво рекомендовал поступать в аспирантуру (у меня был диплом с отличием). Впоследствии поняла, что именно выбранная профессия была моим призванием. В скромной, хрупкой девушке талантливый педагог рассмотрел будущего доктора юридических наук, первую женщину-белоруску в таком высоком ученом звании (извините за нескромность, прекрасно понимаю, что это произошло по воле случая).

Несколько слов мне хотелось бы сказать и о ректоре Белорусского государственного университета академике В.А. Белом. Вообще-то хотя я пережила в буквальном и переносном смысле за время своей работы несколько ректоров, мое знакомство с ними было весьма отдаленным, образно говоря, шапочным. А вот В.А. Белый оставил в моей трудовой биографии и памяти свой след. Когда он в 1978 г. стал ректором, последующие два года университет занимал первое место в социалистическом соревновании среди вузов Советского Союза. Не сомневаюсь, что эти достижения определялись и стилем руководства Белорусского государственного университета, вниманием к преподавателям и студентам.

Когда ректор В.А. Белый знакомился с профессорско-преподавательским составом нашего факультета и ему представили меня, он обратил внимание руководства, что автор этих строк, как первая женщина в Беларуси – кандидат, а потом и доктор юридических наук, профессор права с тридцатилетним стажем научно-педагогической работы, заслуживает быть представленной к присвоению почетного звания. В январе 1982 г. «за успехи в подготовке специалистов и большой личный вклад в развитие науки» мне было присвоено почетное звание заслуженного работника высшей школы БССР.

Навсегда остался в моей памяти и яркий образ моего однокурсника, а потом и коллеги И.А. Юхо – профессора, доктора юридических наук, неумолимого исследователя истории государства и права Беларуси, основателя научной школы и учебного курса по этой отрасли науки.

Вспоминая некоторые эпизоды из своего многолетнего трудового пути, хочу объяснить, почему я, человек достаточно общественно активный (куратор студенческих групп, член профкома и председатель товарищеского суда Белорусского государственного университета, народный заседатель, депутат Минского городского Совета, член Комитета советских женщин), оказалась вне партии, и это почти при стопроцентной партийности профессорско-преподавательского состава юридического факультета. После защиты кандидатской диссертации, изучив устав и программу партии, я успешно прошла партийные инстанции университета и вместе с секретарем парткома направились на заседание бюро райкома. Ответила на все вопросы по партийным документами, но, когда секретарь райкома спросил, как я помогаю восстанавливать сельское хозяйство, наивно ответила: «Никак», – хотя это было не так, ведь, как и мои коллеги-преподаватели, осенью

и весной вместе со студентами выезжала на сельскохозяйственные работы в колхоз. Члены бюро пришли к выводу, что «молодой кандидат наук еще не созрел, чтобы быть в КПСС».

В последующие годы мне многое пришлось переосмыслить и переоценить, понять, что главное – сохранить духовные и нравственные начала, общепризнанные человеческие ценности. И еще следует признать, что господствовавшая в советское время установка на партийность общественных (гуманитарных), в том числе юридической, наук затрудняла, а порой и препятствовала проведению историко-правовых исследований, непредвзятому всестороннему научному анализу социально-политических явлений и государственно-правовых институтов. Это, естественно, отражалось на объективности выводов, нередко страдавших декларативностью, тенденциозностью и догматизмом. Не обеспечивалась в полной мере историческая преемственность, использование предшествующего отечественного и международного опыта.

Глубокие социально-экономические и политические преобразования в конце 1980-х и начале 1990-х гг. в нашей стране, а затем устойчивое развитие суверенной Беларуси создали благоприятные условия для объективного исследования пройденного пути, в частности становления и развития белорусского судостроительства, определения направлений его трансформации и совершенствования в соответствии с современными вызовами и потребностями.

*Изабелла Ивановна МАРТИНОВИЧ,
профессор, доктор юридических наук, заслуженный юрист
Республики Беларусь, почетный работник юстиции Беларуси,
заслуженный работник высшей школы Белорусской ССР,
профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
юридического факультета
Белорусского государственного университета*

ИСТОРИЯ СУДА В БЕЛОРУССКОЙ ССР (1917–1960 ГГ.)

Публикуется по книге:

*Мартинovich, И.И. История суда в Белорусской ССР (1917–1960 гг.) /
И.И. Мартинovich. – Минск : БГУ, 1961. – 175 с.*

Славным дочерям белорусского народа, осуществляющим социалистическое правосудие, посвящаю.

Автор

Глава I.

Судебное строительство в Белоруссии в период борьбы за установление и упрочение советской власти (1917–1920 гг.)

Сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции перед молодой Советской страной встала задача полного упразднения буржуазно-помещичьей судебной системы – неотъемлемой части аппарата угнетения трудящихся.

Уничтожение органов царской юстиции и создание нового пролетарского суда было одним из условий закрепления завоеваний Октября, упрочения диктатуры пролетариата и успешного проведения социалистических преобразований.

Как и вся государственная машина, буржуазный суд ревностно охранял интересы господствующих классов. Эксплуаторская сущность и классовая природа дореволюционного суда превращали его в действенное средство защиты частной собственности. По выражению В.И. Ленина, буржуазный суд «был слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка»¹. В Белоруссии, одной из национальных окраин царской России, суд, кроме того, использовался правящими классами как орудие национального угнетения и порабощения трудящихся.

Переход власти в руки рабочих и крестьян всколыхнул темные силы реакции. Свергнутые эксплуататорские классы пытались всеми силами помешать строительству нового общества. Оживилась преступная деятельность деклассированных элементов.

Советская власть с первых дней своего существования стала принимать решительные меры к установлению революционного порядка в стране, к охране безопасности граждан. Борьба с мелкобуржуазной анархичностью, а тем более с контрреволюционной деятельностью не могла быть эффективной без применения мер принуждения. Одним из средств обеспечения революционной дисциплины и охраны революционных завоеваний должна

¹ В.И. Ленин. Соч., т. 26, с. 421.

была стать судебная репрессия. Это хорошо понимал пришедший к власти трудовой народ.

В приказах и постановлениях военно-революционных комитетов, в решениях Советов, в резолюциях митингов и собраний рабочих, солдат и крестьян новые суды рассматривались как органы обеспечения революционной законности и порядка мерами государственного принуждения, как органы воспитания населения в духе трудовой дисциплины. Так, в приказе № 5 Военно-революционного комитета X армии от 15 ноября 1917 г. указывалось, что за нарушение установленного Советами революционного порядка виновные подлежат немедленному аресту и преданию революционному суду¹. В постановлении Радошковичского районного Совета Виленской губернии, принятом 1 декабря 1917 г., также отмечалось, что за неисполнение решений Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов виновные лица будут преданы народному или военно-революционному суду².

Борьба за ликвидацию старых государственных учреждений и создание нового советского аппарата на территории Западной области³ широко развернулась уже с первых дней социалистической революции.

Под руководством большевиков повсеместно проводились губернские, уездные и волостные съезды Советов, на которых решались вопросы образования новых органов государственной власти и управления на местах. Большая роль в государственном строительстве в этот период принадлежала революционному правотворчеству трудящихся. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла широкие возможности для участия ранее угнетенного народа «не только в управлении государством, но и во власти... в самом устройстве государства»⁴.

Правотворчество революционного народа проявилось и в области судебного строительства.

Как и в центральной России, в Белоруссии уже в первые дни революции, до издания декрета о суде № 1, по инициативе народных масс упразднялись старые судебные установления и создавались суды диктатуры пролетариата. Революционный творческий процесс в области судостроительства шел в городах, уездах и волостях

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, Минск, 1957, с. 191. В дальнейшем ссылки делаются на это издание.

² Там же, с. 349.

³ Так именовалась в то время территория неоккупированной части Белоруссии; в нее входили Минская, Могилевская, Витебская и часть Виленской губернии.

⁴ В.И. Ленин. Соч., т. 10, с. 221.

Белоруссии. Новые суды создавались и в революционно настроенных армейских частях Западного фронта и на железнодорожном транспорте.

22 ноября 1917 г. по решению Городокского уездного Военно-революционного комитета Витебской губернии был избран военно-революционный суд в составе трех человек¹.

В некоторых местах Белоруссии по инициативе трудящихся и их представительных органов – Советов революционные суды создавались и после принятия декрета о суде № 1. Объясняется это тем, что вследствие отдаленности многих районов от центра, отсутствия постоянной связи и других причин декрет Совета Народных Комиссаров о суде стал известен в ряде мест лишь в декабре 1917 – январе 1918 г. Например, из протокола общего схода граждан Мошевской волости Климовичского уезда Могилевской губернии видно, что сход 12 декабря 1917 г. принял решение провести выборы революционного суда. Каждый округ должен был выдвинуть по два кандидата, а кандидаты – из своей среды избрать суд из пяти человек на общем собрании волости².

Иногда революционные суды временно создавались и после получения декрета о суде №1, но до его осуществления. Так, после упразднения окружного суда юридической секцией Витебского губернского Совета 20 декабря 1917 г. был учрежден Временный революционный суд. «Юридическая секция, – указывалось в постановлении Совета, – впредь до разрешения губернским Советом вопроса об организации судов составляет Временный революционный суд...»³

До проведения в жизнь декрета о суде № 1 в Белоруссии, как и в других местах, разбирательство уголовных и гражданских дел осуществлялось иногда общими собраниями граждан, волостными сходами крестьян, исполнительными комитетами Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Судебные функции эти органы выполняли редко и только там, где не были организованы революционные суды или трибуналы.

Общие собрания граждан и волостные сходы сельского населения рассматривали лишь неотложные дела. Чаще всего это были дела об имущественных, земельных и иных спорах, а также

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, с. 249.

² Там же, с. 505.

³ «Известия Витебского Революционного Совета» от 21 декабря 1917 г. Временный революционный суд был образован в составе двух членов от революционного трибунала местного Совета и одного от юридической секции губернского Совета. Революционный трибунал и юридическая секция имели право вводить в состав суда и лиц, не являющихся членами революционного трибунала и юридической секции.

о преступлениях, совершенных в данной местности и этим самым затрагивавших интересы и права ее жителей (дела о кражах, нанесении телесных повреждений, оскорблении, клевете и т.п.). В отдельных случаях сходы выносили решения об аресте лиц, обвиняемых в совершении серьезных преступлений, и о передаче их революционным судам и трибуналам.

Такие собрания и сходы проходили организованно и отличались широкой демократией. На них созывалось все взрослое население. Участники схода избирали председателя, который и руководил ходом обсуждения вопросов. Каждый присутствовавший мог высказать свое мнение по существу дела, изложить известные ему обстоятельства, сообщить о тех или других фактах. Таким образом, все вопросы на сходах и собраниях подвергались всестороннему обсуждению. Решения принимались большинством голосов и, как правило, заносились в протоколы.

В Государственном архиве Могилевской области сохранился подлинник протокола общего собрания граждан Мошевской волости Климовичского уезда бывшей Могилевской губернии. В этом протоколе, датированном 10 декабря 1917 г., подробно излагается принятое сходом решение по рассмотренным делам. В нем записано следующее:

«С л у ш а л и: Доклад председателя Павла Кунаева об арестованных.

П о с т а н о в и л и: Гр-на Павла Вавилова признать виновным и наказания, им отбытые, признать достаточными. Председателя земельного комитета Петра Полякова признать виновным и наказание, им отбытое, признать недостаточным, Постановили, что Поляков не должен быть ни в каких организациях. Члена губернского земельного комитета Дмитрия Ясенкова за урекания – признать наказание, им отбытое, недостаточным, лишить его должности и впредь, в случае если будет заниматься провокацией, предать его революционному суду. Арестованных арендатора Хаима Беленького, приказчика его Евсея Козакевича, лесничего дер. Боронек Даниила Грищанкова, Ивана Савичова признать виновными в расхищении народного имущества в имении Коновалова и признать арестованными до разбора дела. Гражданина деревни Разрытой, который ночью вез от Беленького гречиху, и второго – Абрама Козакова и его сына Ицку Козакова арестовать на 3 суток за то, что ночью везли ворванный хлеб»¹.

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, с. 487–488.

Деятельность сельских и волостных сходов по отправлению правосудия, разумеется, не лишена была недостатков. Не всегда сходы выносили правильные, отвечающие классовому правосознанию трудящихся решения. Иногда на сходы оказывали давление кулаки, бывшее земское начальство. поголовно неграмотной население деревни находилось в плену мелкобуржуазной морали и всякого рода предрассудков. Однако в целом такого рода деятельность сельских и волостных сходов можно расценивать положительно. Она предотвращала самосуды, устраняла произвол и беззаконие, содействовала повышению активности трудящихся масс деревни¹.

Новые суды, созданные революционным правотворчеством масс для рассмотрения неотложных уголовных и гражданских дел, носили различные наименования и были весьма разнообразными по своей структуре, формам организации и количественному составу. Одни суды избирались непосредственно населением на общих собраниях и сходах, другие комплектовались Советами и революционными комитетами. Товарищеские суды, получившие наибольшее распространение в армии и на железных дорогах, избирались прямым открытым голосованием².

Все суды были органами диктатуры пролетариата, являлись подлинно демократическими судебными учреждениями. В их состав входили рабочие, крестьяне, солдаты, представители революционно настроенной интеллигенции. Этим судам была свойственна широкая гласность, устность, непосредственность, состязательность. Обвиняемый в судебном заседании пользовался правом на защиту. Впервые в истории правосудия отправлялось трудящимися и в интересах трудящихся.

Первые революционные суды сыграли положительную роль в укреплении Советской власти, в охране революционного порядка и дисциплины. Их деятельность способствовала повышению сознательности трудящихся и привлечению их к государственному управлению.

Большое разнообразие форм в организации первых революционных судов свидетельствовало об огромной политической

¹ Отрицательная оценка такого рода деятельности сельских сходов была дана проф. М. М. Исаевым (М. М. Исаев. Общая часть уголовного права РСФСР, М., 1925, с. 63–64). Однако эта точка зрения не получила поддержки среди исследователей (П. Г. Мишунин. Очерки по истории советского уголовного права, М., 1954, с. 44–45; П. П. Михайленко. Революционное творчество народных масс в создании советского суда и советского уголовного права в УССР, Львов, 1955, с. 38 и др.).

² Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, с. 326, 468 и др.

активности трудящихся масс, давало возможность быстрее накопить и обобщить опыт в области судебного строительства, отыскать наилучшие формы построения советского суда.

В ряде мест эти суды были первым шагом в создании новой советской судебной системы. Суды, образованные по инициативе революционного народа, предвосхитили основные положения декрета о суде № 1. Поэтому многие из них продолжали свою деятельность и после издания декрета, подвергшись незначительной реорганизации.

Таким образом, ленинское положение о том, что «революционные массы после 25 октября 1917 г. вступили на верный путь и доказали жизнеспособность революции, начав устраивать свои, рабочие и крестьянские, суды еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-бюрократического судебного аппарата»¹, полностью подтверждено и практикой судебного строительства в Белоруссии.

Исключительное значение в деле ликвидации буржуазно-помещичьего суда и создания новой советской судебной системы имел декрет о суде, принятый Советом Народных Комиссаров 22 ноября 1917 г. Этим декретом упразднялись все старые судебные установления и формулировались основные принципы организации нового суда.

Первый законодательный акт Советской власти о суде был положен в основу судебного строительства всех национальных республик. Образование судов на местах, в том числе в Белоруссии, которая до 1 января 1919 г. входила в состав РСФСР, происходило в соответствии с принципами, провозглашенными в этом историческом документе.

Декрет о суде № 1 впервые был опубликован в «Газете Временного Рабочего и Крестьянского правительства» 24 ноября 1917 г., а в Собрании узаконений и распоряжений правительства – 12 декабря 1917 г.

В Минске полный текст декрета был напечатан 26 ноября 1917 г. в газете «Звезда» – органе Северо-Западного областного и Минского комитета РСДРП. 30 ноября 1917 г. в редакционной статье «Нет больше старых царских судов» в популярной форме разъяснялось значение декрета и подчеркивалось принципиальное отличие нового суда от суда буржуазно-помещичьей России. Статья заканчивалась призывом повсеместно упразднить царские суды и проводить выборы народных судов. «Только тогда, – говорилось в ней, – когда крестьяне и рабочие устроят свой суд, который будет

¹ В.И. Ленин. Соч., т. 27, с. 236.

судить беспощадно врагов деревенской бедноты, крестьяне могут не бояться, что земля останется у них, только тогда рабочие могут свободно вздохнуть и не бояться, что за одно свободное слово им будет каторга»¹.

Огромная работа по претворению в жизнь декрета о суде № 1 была проведена в Белоруссии в декабре 1917 – январе 1918 г. областным исполнительным комитетом (облисполкомзапом) и Совнаркомом Западной области и фронта. На всей не оккупированной немцами территории прежние органы юстиции были упразднены и созданы новые суды.

Социалистические преобразования в области судостроительства проводились под непосредственным руководством Коммунистической партии.

3 декабря 1917 г. на заседании фракции большевиков в областном исполнительном комитете Западной области наряду с другими важнейшими вопросами государственного строительства обсуждался вопрос об организации революционных трибуналов. В своем докладе председатель Совнаркома Западной области (тов. Ландер) подчеркнул, что ввиду накопления всевозможных судебных дел согласно декрету Совета Народных Комиссаров при Советах должны быть образованы революционные трибуналы. Он предложил создать при всех комиссариатах революционные трибуналы из шести человек. Предложение было принято единогласно².

16 декабря 1917 г. газета «Советская правда» сообщала, что Совет Народных Комиссаров Западной области приступил к организации местных судов.

Созданием новых судов на местах занимались губернские и уездные Советы и Военно-революционные комитеты – временные чрезвычайные органы государственной власти.

16 декабря 1917 г. вопрос об учреждении судов и революционных трибуналов обсуждался на Витебском губернском съезде Советов, в котором участвовало свыше 500 делегатов. Съездом

¹ «Звезда» от 30 ноября 1917 г.

² На этом заседании большевистской фракции представитель левых эсеров потребовал предоставить им руководящее место в Комиссариате юстиции. Такое заявление левых эсеров встретило решительные возражения. Выступивший от имени большевиков член большевистской фракции тов. Калманович заявил, что пост в Комиссариате юстиции ни под каким видом нельзя отдавать левым эсерам, поскольку у большевиков с ними по вопросу о судах имеются принципиальные расхождения. На третьем пленарном заседании областного исполнительного комитета (Облисполкомзапа) Комиссаром юстиции был назначен большевик Селезнев (Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, с. 359 и 364).

единогласно была принята резолюция следующего содержания: «Заслушав доклад об организации местных судов и революционных трибуналов и принимая во внимание, что весь старый механизм суда служит страшным орудием классового господства помещиков-крепостников и крупной буржуазии, что это был суд, в котором с богатым нельзя было судиться, – Чрезвычайный губернский съезд крестьянских, рабочих, солдатских и батрацких депутатов считает необходимым:

- 1) полностью уничтожить механизм суда снизу доверху, причем мера эта должна быть проведена самым решительным образом, и
- 2) немедленно на местах создать местные народные суды и революционные трибуналы»¹.

До создания постоянных судебных органов всеми Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Военно-революционными комитетами избирались комиссары юстиции, учреждались юридические отделы или секции. В обязанности этих органов и должностных лиц входило хранение имущества и архивов упраздненных судов, направление неоконченных дел, выдача справок заинтересованным гражданам и выполнение всех других функций, связанных с ликвидацией старых судебных учреждений.

Значительная работа по изъятию дел из прежних судебных и следственных учреждений, по пресечению волокиты и дальнейшему направлению годами лежавших без движения материалов была проведена в рассматриваемый период Комиссариатом юстиции Западной области².

Советы и Военно-революционные комитеты в своей работе по созданию новой судебной системы встречали упорное сопротивление со стороны городских дум, управ, уездных земств, которые, несмотря на их роспуск, нередко продолжали свою деятельность, саботируя мероприятия Советской власти. Бывшие органы местного самоуправления призывали царских судебных и следственных чиновников не подчиняться Советам, бойкотировать их декреты, протестовать против упразднения судов, не сдавать дел и архивов.

Таким образом, в Белоруссии, как и по всей стране, ломка старого судебного аппарата осуществлялась революционным путем.

При создании нового суда в Белоруссии широко использовался опыт Российской Федерации. В Москву и Петроград для

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, с. 567.

² Государственный архив Минской области, ф. Р-620, оп. 1 ед. хр. 2 л. 78–79, 90, 92, 97 и др.

ознакомления с опытом организации судов по мандату Советов командировались уполномоченные лица, как правило, будущие судебные и следственные работники¹.

В первые месяцы Советской власти судебное строительство в Белоруссии, несмотря на тяжелые условия (близость линии фронта), протекало успешно. За два-три месяца после издания декрета о суде № 1 на всей неоккупированной территории Белоруссии были созданы местные суды и революционные трибуналы.

Так, в докладе исполкома Несвижского Совета Слуцкого уезда Минской губернии об упрочении Советской власти в городе и уезде² указывалось, что исполкомом был организован революционный трибунал (из двух отделов, по 40 заседателей в каждом), а также образована следственная комиссия. Выборы в местный суд были назначены на 20 декабря 1917 г. Лепельским уездным съездом Советов Витебской губернии выборы судей в количестве 10 человек были произведены 31 декабря 1917 г.³

В г. Витебске местные суды начали действовать со второй половины января 1918 г. (4 участка), в Витебском уезде (9 участков) – с апреля этого же года. Тогда же приступили к работе и местные суды в Гуродке и Гуродокском уезде (5 местных судов). В Оршанском уезде было создано 9 таких судов, в Быховском – 3, Мстиславском – 6, Сенненском – 3 и т.д. Всего ко второй половине 1918 г. в Витебской губернии действовало 98, а в Могилевской – 60 местных судов⁴.

Местные суды рассматривали дела в составе местного судьи и двух очередных заседателей. Избирались местные суды (до назначения прямых демократических выборов) районными и волостными, а где их не было – уездными, городскими и губернскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Эти же Советы должны были составлять списки народных заседателей и определять очередность их явки на сессию суда. Местные суды на фронтах, как устанавливалось ст. 2 декрета о суде № 1, избирались полковыми советами или полковыми комитетами.

¹ Один из участников организации советского суда в Белоруссии И. Славин в своих воспоминаниях рассказывает, что он был направлен исполкомом г. Могилева в Москву и Петроград для изучения и последующего использования опыта образования новых судов. По возвращении в Могилев им был сделан доклад на губернском съезде Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (И. Славин. О деятельности народного суда в 1917–1918 гг., «Еженедельник советской юстиции», 1922, № 44–45, с. 34).

² «Советская правда» от 13 января 1919 г.

³ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, с. 661.

⁴ «Пролетарская революция и право», 1918, № 5–6, с. 78–79; № 8–9–10, с. 73, 75.

К подсудности местных судов было отнесено рассмотрение всех уголовных дел, по которым могло быть назначено наказание не свыше двух лет лишения свободы, и всех гражданских дел с ценою иска до 3000 руб.

Производство предварительного расследования по уголовным делам, подсудным местному суду, возлагалось на местных судей. Их постановления о личном задержании и о предании суду должны были подтверждаться всем составом суда.

Кассационной инстанцией для местных судей являлся уездный (столичный) съезд местных судей.

Следовательно, по декрету о суде № 1 местный суд создавался как основное звено советской судебной системы. Именно этот орган правосудия предназначался для рассмотрения по первой инстанции подавляющего большинства уголовных и гражданских дел. Впоследствии подсудность местного суда все более и более расширялась.

Местные суды, получившие по декрету о суде № 2 наименование местных народных судов, а по Положению о народном суде от 30 ноября 1918 г. – народных судов, успешно выполняли возложенные на них задачи. Об объеме их работы свидетельствуют следующие факты. Местными народными судами г. Витебска и Витебского уезда за период с января по август 1918 г. было рассмотрено 2688 дел¹, а местными народными судами Могилевской губернии – 3472 дела².

Характерным для деятельности местных судов являлось широкое участие в их работе трудящихся как в качестве народных заседателей, так и в качестве обвинителей и защитников. Народный суд, состоявший почти исключительно из рабочих и крестьян, решительно отвергал старые законы и определял наказание, исходя из конкретных обстоятельств дела, вины и личности обвиняемого, ставя своей целью главным образом его исправление и перевоспитание.

Особыми судами диктатуры пролетариата, задачами которых было рассмотрение дел о контрреволюционных и иных наиболее опасных для Советского государства преступлениях, являлись революционные трибуналы. Создание судов специального назначения в виде революционных трибуналов обуславливалось необходимостью подавления яростного сопротивления свергнутых классов и их агентуры. По меткому выражению Д. И. Курского, революционные трибуналы были «временными, но абсолютно необходимыми организациями политической борьбы»³.

¹ «Пролетарская революция и право», 1918, № 5–6, с. 78.

² Там же, № 8–10, с. 75.

³ Д.И. Курский. Избранные статьи и речи, М., 1948, с. 21.

В.И. Ленин неоднократно указывал, что «уничтожение классов – дело долгой, трудной, упорной классовой борьбы, которая после свержения власти капитала, после разрушения буржуазного государства, после установления диктатуры пролетариата не исчезает (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее»¹.

Контрреволюция использовала всевозможные формы и методы борьбы против Советской власти: вооруженные выступления и заговоры, террористические акты в отношении наиболее активных партийных и советских деятелей, саботаж мероприятий новой власти, систематические кампании лжи и клеветы и т.п.

Совету Народных Комиссаров Западной области пришлось выдержать серьезную борьбу с буржуазной Белорусской радой, подавить контрреволюционный мятеж польских легионеров во главе с генералом Довбор-Мусницким. Попытки внутренней контрреволюции вооруженной силой восстановить старые буржуазно-помещичьи порядки всемерно поддерживались мировой реакцией. Империалисты стран Антанты являлись организаторами и вдохновителями контрреволюционных авантюр.

Активную деятельность по борьбе с контрреволюционными элементами в контакте с органами ВЧК развернули революционные трибуналы.

Энергичную борьбу с такими опасными преступлениями, как саботаж, вредительство, взяточничество, спекуляция, дезертирство и т.д., вел Минский губернский революционный трибунал².

Решительно боролся с контрреволюцией и Витебский губернский революционный трибунал. Им были рассмотрены дела о Гродокском мятеже, о погромном антиеврейском выступлении, о разгроме Вязьменского военного комиссариата и волостного Совета и т.д.³

В основу организации революционных трибуналов, как и местных судов, были положены демократические принципы.

Революционные трибуналы избирались Советами. В их работе принимали участие народные заседатели, судебные заседания проводились публично. При вынесении приговоров трибуналы руководствовались декретами ВЦИК и Совнаркома, а также своей революционной совестью и пролетарским правосознанием.

¹ В.И. Ленин. Соч., т. 29, с. 359.

² ЦГАОР БССР, ф. 194, оп. 1, ед. хр. 7, 11.

³ «Пролетарская революция и право», 1919, № 1, с. 112.

Поскольку революционные трибуналы учреждались для рассмотрения дел о контрреволюционных и других наиболее опасных преступлениях, их деятельность имела некоторые особенности. Предварительное расследование по делам, отнесенным к компетенции трибуналов, проводилось специально учреждаемыми при Советах следственными комиссиями. Декретом о суде № 1 устанавливался такой порядок выборов членов революционного трибунала, который обеспечивал подбор преданных Советской власти лиц. Члены революционных трибуналов, а также очередные заседатели должны были избираться губернскими или городскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Кроме того, количество заседателей, участвовавших в судебном заседании трибуналов, увеличивалось до шести человек в сравнении с местными судами.

Позднейшие законодательные акты, определявшие организацию революционных трибуналов, также сохранили некоторую специфику их устройства и деятельности, которая делала эти суды боевыми карательными органами диктатуры пролетариата.

19 декабря 1917 г. в развитие ст. 8 декрета о суде № 1 об учреждении революционных трибуналов НКЮ РСФСР была издана инструкция «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний»¹. В ней подробно перечислялись дела, отнесенные к рассмотрению революционных трибуналов, а также указывалось, что преступления против народа, совершенные путем использования печати, подлежат ведению особого учреждаемого революционного трибунала печати.

Революционные трибуналы должны были действовать в составе одного председателя, двух заместителей, секретаря, его заместителей и сорока народных заседателей. Постоянный состав трибуналов избирался на три месяца Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Заседатели избирались на один месяц исполнительными комитетами Советов из общего списка заседателей путем жеребьевки. На каждую сессию трибунала, которая продолжалась не более недели, составлялся список очередных заседателей из шести человек и одного-двух запасных заседателей. Определяя порядок производства дел в революционных трибуналах, инструкция предусматривала образование коллегий правозащитников, на которые возлагались функции общественного обвинения и общественной защиты. В эти коллегии могли записаться

¹ СУ РСФСР 1917 г. № 11, ст. 166.

лица, желавшие оказать помощь революционному правосудию и представившие рекомендации Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Общественное обвинение и защита создавались в дополнение к общегражданскому обвинению и защите, установленным декретом о суде № 1 (в качестве обвинителей и защитников в суде имели право выступать мужчины и женщины, пользовавшиеся политическими правами).

Приговоры революционных трибуналов признавались *окончательными*. Однако в случае нарушения форм судопроизводства и явной несправедливости наказания народный комиссар юстиции имел право обратиться во ВЦИК с предложением передать соответствующее дело на вторичное рассмотрение. Следует отметить, что отдельные положения инструкции (избрание очередных и запасных заседателей на каждую сессию трибунала путем жеребьевки, ведение стенографического протокола судебного заседания, невозможность применения высшей меры наказания) стесняли деятельность трибуналов. Поэтому последующими законодательными актами они были отменены. Не способствовало выполнению стоящих перед революционными трибуналами задач построение их применительно к организационной структуре местных судов; дробление их по участкам (например, в Минске в декабре 1917 г. действовало пять участков революционных трибуналов).

30 декабря 1917 г. при Комиссариате юстиции Западной области было образовано Центральное бюро революционных трибуналов и следственных комиссий¹. В задачу этого органа входило осуществление руководства деятельностью революционных трибуналов и следственных комиссий и их организация. На него же возлагались проверка и дополнение следственного материала до направления дел в революционные трибуналы, а также издание инструкций, положений и декретов по ведомству Наркомюста.

Создание в Западной области единого центра по руководству деятельностью революционных трибуналов и следственных комиссий способствовало их организационному укреплению.

18 февраля 1918 г. социалистическое строительство в Белоруссии было прервано начавшимся наступлением немецких войск. Ее территория, за исключением 12 уездов Могилевской и Витебской

¹ «Советская правда» от 31 декабря 1917 г.

губерний, была оккупирована интервентами. В этот период все силы молодого Советского государства направлены на оказание всемерной помощи фронту, на оборону страны от интервентов и подавление поднявшей голову внутренней контрреволюции. Вместе с тем Коммунистическая партия и Советское правительство продолжают уделять большое внимание вопросам государственного строительства. Развивается и совершенствуется законодательство об организации и деятельности советского суда, на который в этот период в связи с иностранной интервенцией и начавшейся гражданской войной возлагаются особенно ответственные задачи.

21 (8) февраля 1918 г.¹ был опубликован декрет о суде № 2, развивший и дополнивший положения декрета о суде № 1.

Декрет о суде № 2 предусматривал образование окружных и областных народных судов, а также верховного судебного контроля. В нем были сформулированы положения, ставшие незыблемыми принципами организации и отправления социалистического правосудия: судоговорение на местном языке, устность и состязательность процесса, отмена апелляции, пересмотр приговоров по мотивам их несправедливости. Существенное значение для создания и развития институтов советской защиты и обвинения имели положения декрета об учреждении при Советах коллегий лиц, посвящавших себя правозащитничеству.

Принятый несколько позднее декрет о суде № 3 (20 июля 1918 г.) расширял подсудность местного народного суда, а Инструкция об организации и действии местных народных судов (23 июля 1918 г.) конкретизировала положения ранее изданных судеустройственных актов и установила процессуальные правила производства по уголовным и гражданским делам.

23 июля 1918 г. Комиссариатом по военным делам был издан приказ об образовании в прифронтовой полосе (к которой относились и неоккупированные районы Белоруссии) фронтовых полковых (отрядных) местных судов. Они состояли из одного постоянного судьи и двух очередных заседателей, избираемых прямым, равным и тайным всеобщим голосованием полка (отряда) на

¹ В советской юридической литературе декрет о суде № 2 обычно датируется 7 марта (22 февраля) 1918 г., т.к. в этот день он был опубликован в «Собрании узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства». Однако, как установлено, декрет о суде № 2 впервые был опубликован в «Газете Рабочего и Крестьянского правительства» от 21 (8) февраля 1918 г. и в этот день вступил в силу (И.А. Ушаков. История суда в первый период Советской власти (октябрь 1917 г. – июль 1918 г.), автореферат кандидатской диссертации, Л., 1953, с. 9).

трехмесячный срок. Эти суды, как и местные народные суды в неприфронтовой полосе, решали все уголовные дела о преступлениях, караемых лишением свободы не свыше пяти лет. Остальные дела передавались для рассмотрения в окружные народные суды и революционные трибуналы. Для производства предварительного следствия при фронтовом местном суде учреждалась следственная комиссия в составе трех членов, назначаемых комиссаром дивизии по соглашению с постоянным судьей. Право задержания в порядке предварительного следствия было предоставлено следственной комиссии, фронтовым местным судам, а также комиссарам частей и командному составу, начиная с ротного командира.

Решения прифронтовых судов обжалованию в апелляционном порядке не подлежали. Они могли быть пересмотрены кассационной инстанцией – советом фронтовых местных судов данного участка фронта в составе постоянных судей. Таким образом, в прифронтовой полосе в организации и деятельности первого звена судебной системы имелись некоторые особенности. Они объяснялись исключительными условиями работы фронтовых местных судов, а также повышенной опасностью преступлений, совершаемых в этой зоне.

В соответствии с декретом о суде № 2 на территории Белоруссии действовали окружные народные суды. Они были созданы в Витебской и Могилевской губерниях, частично не оккупированных.

Первый окружной народный суд Могилевской губернии стал функционировать с 3 июня 1918 г. в Мстиславле, бывшем в то время в связи с оккупацией г. Могилева губернским центром. В составе окружного суда было образовано три отделения: общее, уголовное и гражданское. На рассмотрение суда за пять месяцев его работы (с 3 июня по 1 ноября 1918 г.) поступило 576 дел, в том числе 489 уголовных и 87 гражданских. Уголовные дела разбирались на местах отдельными выездными сессиями¹. Первое судебное заседание Витебского окружного народного суда состоялось в начале июня. В качестве народных заседателей участвовали рабочие местных фабрик и заводов.

Витебский окружной народный суд действовал в составе двух отделений: уголовного и гражданского. В течение четырех с половиной месяцев (с 1 сентября 1918 г. по 15 января 1919 г.) по уголовному отделению состоялось 19 сессий и было рассмотрено

¹ «Пролетарская революция и право», 1918, № 7, с. 71.

67 уголовных дел. В основном это были дела об имущественных преступлениях (крупные кражи, грабежи, укрывательство краденного), дела о посягательствах на жизнь, телесную неприкосновенность, дела о служебных подлогах, взяточничестве, спекуляции. Гражданское отделение окружного народного суда по первой инстанции рассмотрело небольшое число дел, поскольку по декрету о суде № 3 все гражданские дела с ценою иска до 10 000 руб. были отнесены к подсудности местного суда.

При Витебском окружном народном суде имелась следственная комиссия, в которую (входили 8–9 членов и председатель. С 1 августа 1918 г. при суде открылось консультационное бюро для оказания бесплатной юридической помощи беднейшему населению¹.

Существование двух судов – местного и окружного – являлось временным явлением. С укреплением местного народного суда и его освобождением от дел, оставшихся от прежних судебных установлений, окружные народные суды намечалось упразднить. Это впоследствии и было осуществлено Положением о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. На всей территории РСФСР учреждался единый народный суд, действовавший в трех составах: народный судья единолично, народный судья и два народных заседателя, народный судья и шесть народных заседателей. В каждом судебном округе для рассмотрения кассационных и частных жалоб на приговоры, решения и определения народных судов, а также осуществления ближайшего контроля за ними учреждался совет народных судей. Он состоял из председателя, его заместителя, постоянных членов (от двух до пяти) и народных судей округа, принимавших участие в заседаниях совета по очереди. Председатель, его заместитель и постоянные члены совета избирались губернскими съездами народных судей округа и утверждались исполкомами губернских Советов рабочих и крестьянских депутатов. Председатель совета, заместитель председателя, постоянные члены составляли президиум, осуществлявший функции контроля. Для рассмотрения поступавших по кассационным жалобам дел создавались уголовные и гражданские отделения. Уголовные и гражданские дела рассматривались по кассационной инстанции на заседаниях совета народных судей в составе двух членов президиума этого совета и трех народных судей.

¹ Д.И. Курский. Избранные статьи и речи, с. 34; Отчет о деятельности Витебского губернского комиссариата юстиции с сентября 1918 г. по январь 1919 г. «Пролетарская революция и право», 1919, № 1, с. 104–117.

Для оказания помощи суду в вынесении правильных приговоров и решений при уездных и губернских исполкомах Советов создавались коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе.

В этот период ВЦИК и СНК издали ряд декретов, направленных на укрепление революционных трибуналов и на усиление их роли в борьбе с посягательствами на пролетарскую власть и революционный правопорядок.

Особенно выделяется среди законодательных актов по своему значению декрет о революционных трибуналах, принятый СНК 4 мая 1918 г. По предложению В.И. Ленина первоначальный проект этого декрета, содержащий ряд серьезных недостатков, был подвергнут коренной перделке. В своем письме членам коллегии Комиссариата юстиции В.И. Ленин указывал, что необходимо «обратить внимание на практические результаты работ коллегии юстиции в деле создания действительно революционного, скорого и беспощадно строгого к контрреволюционерам, хулиганам, лодырям и дезорганизаторам суда»¹.

Эти ленинские указания нашли отражение в декрете о революционных трибуналах от 4 мая 1918 г. Декрет значительно сократил сеть революционных трибуналов. Они сохранились лишь в крупных городах и центрах (в столице, губернских городах, на крупных узловых станциях и в промышленных центрах). Отменялась намечившаяся специализация революционных трибуналов, т.е. их деление на трибуналы по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и по делам печати². Из ведения трибуналов изымались все дела общеуголовного характера. При них наряду со следственной комиссией местными Советами рабочих и крестьянских депутатов учреждались коллегии обвинителей, избираемые в составе не менее трех лиц.

В мае 1918 г. для рассмотрения важнейших дел был образован Революционный трибунал при ВЦИК. При трибунале создавалась коллегия обвинителей, на которую, в частности, возлагалось объединение и руководство деятельностью коллегий обвинителей всех местных революционных трибуналов.

Для рассмотрения кассационных жалоб и протестов на приговоры революционных трибуналов был учрежден особый Кассационный отдел при ВЦИК, который Положением о революционных

¹ В.И. Ленин. Соч., т. 27, с. 193.

² Трибуналы по делам печати были образованы в соответствии с декретом СНК РСФСР от 28 января 1918 г. (СУ РСФСР 1918 г. № 28, ст. 362) для рассмотрения дел о преступлениях и проступках против народа, совершенных путем использования печати.

трибуналах от 12 апреля 1919 г. был переименован в Кассационный трибунал при ВЦИК.

В связи с усилением сопротивления классовых врагов пролетариата революционные трибуналы наделяются неограниченными правами в применении мер наказания. Трибуналы беспощадно карали контрреволюционеров, бандитов, шпионов, взяточников и спекулянтов.

7 марта 1919 г. в Минском губернском революционном трибунале слушалось весьма характерное для того периода дело. Группа лиц обвинялась в спекуляции сахарином. Ввиду общественно-политического значения дела трибуналом в качестве обвинителей были привлечены временный председатель губернского совета народных судей и заведующий судебнo-следственным отделом Комиссариата юстиции, а также председатель партийного комитета учреждения, где работал один из обвиняемых. Спекулянты были сурово наказаны¹.

По всей строгости закона наказывали революционные трибуналы лиц, позорно бежавших с поля боя, оставивших самовольно свою часть, скрывшихся от мобилизации, а также оказывавших содействие дезертирам.

Революционные трибуналы в своей деятельности умело сочетали меры судебной репрессии с мерами воспитательного характера. Как и общие суды, при рассмотрении дел они дифференцированно подходили к определению наказания, учитывали степень вины подсудимого и характер совершенного им преступления².

В начале 1919 г. немецкие войска были изгнаны со всей территории Белоруссии. В освобожденных районах сразу же развернулась большая работа по созданию советского государственного аппарата и, в частности, советского суда.

10 декабря 1918 г. был освобожден от немецких оккупантов Минск, а уже 12 декабря упразднены судебные учреждения,

¹ «Звезда» от 12 марта 1919 г. Деятельность Минского губернского революционного трибунала широко освещалась в «Звезде». Почти в каждом номере газеты в разделе «Местная жизнь» сообщалось, какие дела рассмотрены трибуналом, нередко подробно воспроизводились обстоятельства дела, приводилось содержание выступлений сторон и вынесенного приговора.

² Например, 2 мая 1919 г. Минский губернский революционный трибунал рассмотрел дело по обвинению милиционера Шевченко в том, что он отпустил за взятку из арестного дома задержанных. Шевченко был приговорен к расстрелу, но, принимая во внимание происхождение обвиняемого (из среды бедного крестьянства), полное раскаяние подсудимого и его обещание исправиться, трибунал заменил высшую меру наказания пятилетним заключением с применением принудительных общественных работ («Звезда» от 1 июня 1919 г.).

действовавшие при оккупации¹, и создано пять народных судов. В феврале 1919 г. Минский городской Совет избрал первый состав народных судей². В этом же месяце был избран губернский совет народных судей, являвшийся органом судебного контроля и высшей кассационной инстанцией в губернии. В марте 1919 г. открылись следственные камеры при народных судах. В Минске было создано три следственных участка³. С 11 апреля 1919 г. начала свою работу комиссия по делам несовершеннолетних, ведению которой подлежали все дела о преступлениях несовершеннолетних (до 17 лет)⁴.

10 января 1919 г. исполком Бобруйского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов открыл в уезде 14 участков народных судов, 2 следственные комиссии, назначил 2 судебных исполнителя и 4 правозаступника⁵.

В письме отдела юстиции Речицкого уездного исполкома в Комиссариат юстиции от 7 апреля 1919 г. сообщалось, что «мировая юстиция на территории уезда была ликвидирована 20 февраля 1919 г.» и вместо нее создано 14 участков народных судов⁶.

Особенно интенсивно развернулось судебное строительство в Белоруссии после опубликования 1 января 1919 г. Манифеста Временного Революционного Рабоче-крестьянского правительства об образовании Белорусской Советской Социалистической Республики. Для руководства отдельными отраслями государственной жизни были созданы народные комиссариаты, в том числе Комиссариат юстиции, который с первых дней своей деятельности приступил к созданию на территории республики советского судебно-следственного аппарата.

13 (26) января 1919 г. в газете «Звезда» было опубликовано постановление Комиссариата юстиции БССР об организации народного суда. Это постановление является одним из важнейших документов в истории судоустройства Белорусской ССР. Оно законодательно подтвердило упразднение в Белоруссии старых судебно-следственных учреждений и объявило о создании на широких демократических началах органов пролетарского правосудия.

¹ ЦГАОР БССР, ф. 194, оп. 1, ед. хр. 1.

² «Звезда» от 9 февраля 1919 г.

³ «Звезда» от 25 марта 1919 г.

⁴ Государственный архив Минской области, ф. Р-413, оп. 3, ед. хр. 3, л. 13.

⁵ ЦГАОР БССР, ф. Р-811, оп. 1, ед. хр. 1, л. 48.

⁶ Там же, хр. 8, л. 200.

Комиссариат юстиции БССР разработал конкретную программу национально-государственного строительства в области судостроительства. Всем Советам предписывалось немедленно провести выборы народных судей и народных заседателей. Кандидаты на должность народных судей в городах избирались городскими Советами и утверждались их исполнительными комитетами, в уездах – волостными и уездными Советами и утверждались их исполкомами.

Кандидатами в народные судьи могли быть лица, имевшие право избирать и быть избранными в Совет рабочих и крестьянских депутатов и обладавшие опытом работы в партийных организациях, профессиональных союзах и прочих рабочих организациях и советских учреждениях. Кроме того, требовалось, чтобы они по возможности были теоретически и практически подготовлены для выполнения обязанностей народного судьи.

В список очередных и запасных народных заседателей включались трудящиеся, имевшие право избирать и быть избранными в Совет рабочих и крестьянских депутатов.

Таким образом, общим и обязательным условием для кандидатов в народные судьи и народные заседатели являлось наличие у них права избирать и быть избранными в Советы рабочих и крестьянских депутатов. Благодаря этому исключалось участие в отправлении правосудия лишенных избирательных прав эксплуататорских, нетрудовых элементов и обеспечивалось привлечение к работе суда широких масс трудящихся.

Повсеместно созданные в Белоруссии народные суды пользовались авторитетом и доверием населения. «Недавно учрежденные народные суды, – писала газета «Звезда», – уже успели завоевать себе симпатии и уважение широких масс. Народный суд сумел устранить все затруднения, встретившиеся на его пути. Без всякого оружия, без тяжеловесных томов свода законов, являвшихся неизбежными атрибутами буржуазных судов, народный суд отправляет дело правосудия. В судах заседают рядовые рабочие; они внимательно выслушивают стороны, свидетелей и по совести выносят свои приговоры»¹.

Народные суды рассматривали уголовные и гражданские дела самых разнообразных категорий. 22 марта 1919 г. народный суд второго участка Борисовского уезда рассмотрел дело по обвинению Леона Сацука в ограблении гр-ки Марии Ивановой. Сацук был признан виновным и осужден на пять лет тюремного заключения,

¹ «Звезда» от 15 мая 1919 г.

но, принимая во внимание тяжелое стечение обстоятельств для подсудимого и его чистосердечное раскаяние, суд нашел возможным смягчить наказание. Сацук был подвергнут штрафу и содержанию под стражей на срок полтора месяца¹.

11 июля этого же года в народном суде второго участка г. Минска с участием шести народных заседателей слушалось дело по обвинению Р. в невязанности чрезвычайного революционного налога, которым облагалась буржуазия с целью образования фондов для нужд пролетариата и обороны республики.

Дело рассматривалось несколько дней в открытом судебном заседании. С большой речью на процессе выступил председатель коллегии по взысканию революционного налога т. Линкович. Обращаясь к суду, он заявил: «Вы должны на суде решить принципиальный вопрос об уклоняющихся от взноса чрезвычайного налога.

Мы судим известный класс, который наживался путем чудовищной спекуляции. Этот класс людей в годину самых тяжелых испытаний, обрушившихся на народные массы, занимался только тем, что всячески эксплуатировал рабочих и бессовестно набивал свои карманы. Этот суд должен быть судом классовой мести, судом политическим. Деньги, нажитые спекулянтами, не должны им принадлежать, они должны принадлежать народу, ибо это его деньги»².

Народный суд признал Р. виновным в неисполнении требования Советской власти об уплате наложенного на него чрезвычайного революционного налога и приговорил Р. к заключению в исправительном доме сроком на два года с использованием его на принудительных работах; движимое имущество и капитал подсудимого были конфискованы³.

Народный суд бдительно охранял интересы и права трудящихся. Одной из первостепенных задач судебной деятельности явилась борьба с частнособственнической моралью, охрана неприкосновенности граждан, их жизни, человеческого достоинства.

В одном из народных судов г. Минска разбиралось дело по обвинению А. в плохом обращении со своим 70-летним отцом. Поскольку примирение сторон не состоялось, суд вынес в отношении А. приговор. Он был осужден к 2 месяцам тюрьмы условно. В приговоре указывалось, что при повторном возбуждении

¹ Государственный архив Минской области, ф. Р-430, оп. 1, ед. хр. 135, л. 24.

² «Звезда» от 13 июля 1919 г.

³ «Звезда» от 22 июля 1919 г.

против подсудимого такого обвинения он будет немедленно заключен в тюрьму¹.

В народном суде находили защиту интересы женщин и детей – самой бесправной части населения дореволюционной России.

15 апреля 1919 г. народный суд пятого участка Борисовского уезда в составе народного судьи и двух очередных заседателей в открытом судебном заседании рассмотрел гражданское дело по иску гр-ки Е. Кухто к гр-ну С. Кухто о взыскании содержания на внебрачного ребенка. Суд постановил: «Обязать С. Кухто выдавать ежемесячно Е. Кухто на пропитание ребенка по 300 руб. до 14 лет»².

2–4 февраля 1919 г. в жизни белорусского народа произошло знаменательное событие. В эти дни проходил Первый съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Белоруссии, законодательно оформивший образование суверенного белорусского государства. Съездом была принята первая Конституция БССР, которая определила государственное и общественное устройство республики, компетенцию и организацию ее центральных органов.

На НКЮ БССР возлагалась организация народных судов и, революционных трибуналов, следственных комиссий, органов обвинения и защиты, наблюдение за работой всех органов юстиции и мест лишения свободы, а также дача судам руководящих указаний по вопросам судебной практики. В обязанность НКЮ БССР входило осуществление надзора за точным исполнением советских законов, редактирование проектов законодательных и других нормативных актов и т.д.

Проводниками организационно-административных мероприятий НКЮ БССР на местах являлись уездные совещания судей и бюро народных судей. Уездные совещания народных судей проходили периодически, но не реже одного раза в месяц. По инициативе НКЮ БССР, а также по заявлению народных судей могли созываться и экстренные, т.е. внеочередные совещания судей. В уездных совещаниях судей принимали участие члены следственных комиссий, коллегий обвинителей, защитников и представителей сторон в гражданском процессе. Они решали важные вопросы, связанные с организацией работы народных судов: определяли количество участков народных судов для данного уезда, устанавливали сроки и места выездных сессий, порядок замещения

¹ «Звезда» от 15 мая 1919 г.

² Государственный архив Минской области, ф. Р-430, оп. 1, ед. хр. 14, л. 8.

отсутствующих судей, очередность участия судей в заседаниях совета народных судей и т.п.

Уездные совещания судей избирали бюро народных судей, которое поддерживало постоянную связь с советом народных судей и уездным исполнительным комитетом, осуществляло политический контроль за работой народных судов уезда. Бюро народных судей рассылало циркуляры, инструкции и указания, получаемые от НКЮ и совета народных судей, снабжало суды бумагой, канцелярскими принадлежностями, нормативными материалами. Одной из серьезных обязанностей бюро была организация в уезде юридических консультаций и наблюдение за их деятельностью. Бюро контролировало также работу судебных исполнителей, участвовало в окончательном составлении списков народных заседателей и распределении их по участкам.

Большое значение для судебного строительства Белоруссии имели решения первого съезда народных судей и членов следственных комиссий, созванного по инициативе Наркомюста БССР в феврале 1919 г. в Минске.

За три дня работы (с 12 по 14 февраля) съезд заслушал два доклада: об организации народного суда и о постановке предварительного следствия¹. Он подтвердил, что организация и деятельность народного суда Белоруссии должны определяться декретом ВЦИК от 30 ноября 1918 г. о едином народном суде. Обращалось внимание на то, что народный суд действует на территории всего уезда. В интересах наиболее полного освещения обстоятельств дела и в воспитательных целях рекомендовалось устраивать сессии суда в соответствующих пунктах района. Согласно ст. 22 декрета от 30 ноября 1918 г. народный суд должен был применять декреты Рабоче-крестьянского правительства, а в случае их отсутствия или неполноты руководствоваться социалистическим правосознанием. В резолюции было записано и другое важное процессуальное положение, а именно: народный суд не стеснен никакими формальными доказательствами и всегда должен руководствоваться соображениями справедливости.

Важное значение имели указания съезда относительно обязанности народных судей поддерживать постоянный контакт с Советами и их исполкомами (периодически делать доклады о работе народных судов на заседаниях исполкомов, оказывать им помощь в составлении списков народных заседателей и распределении их по участкам и т.д.).

¹ «Пролетарская революция и право», 1919, № 1, с. 119–123.

Съезд отметил, что только правильно построенный следственный аппарат может явиться основой для пролетарского правосудия. В этих целях устанавливались основные демократические формы ведения предварительного следствия по уголовным делам.

Коллегии обвинителей, защитников и представителей сторон в гражданском процессе предлагалось строить в общегубернском масштабе, соблюдая осторожность при подборе кандидатов. В необходимых случаях до организации коллегий в качестве защитников и обвинителей разрешалось привлекать в порядке выполнения общественной обязанности наиболее сознательных представителей трудящихся и ответственных советских работников. Этим самым предвосхищалась форма организации защиты, установленная позднее Положением о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г.

Руководящие указания первого съезда народных судей и членов следственных комиссий Белоруссии способствовали созданию на ее территории единого народного суда, организации коллегий защитников, обвинителей и представителей гражданских истцов и ответчиков. Съездом были определены принципы осуществления социалистического правосудия и проведения предварительного следствия.

С образованием 28 февраля 1919 г. Литовско-Белорусской Советской Республики (это вызывалось общностью экономических и политических интересов республик и необходимостью укрепления их обороноспособности) проводятся дальнейшие мероприятия по укреплению народного суда и революционных трибуналов.

Исключительно большое значение для судебного строительства в Литовско-Белорусской республике, как и во всех остальных союзных республиках, имели программные положения РКП (б), принятые VIII съездом партии в марте 1919 г. В программе отмечалось, что Советская власть, создав единый народный суд взамен прежних судов различного устройства со множеством инстанций, упростила судебную систему и устранила всякую волокиту в ведении судебных дел. Программа наметила пути дальнейшего развития советской судебной системы. «РКП, отстаивая дальнейшее развитие суда по тому же пути, – указывалось в ней, – должна стремиться к тому, чтобы все трудящееся население поголовно привлекалось к отправлению судебских обязанностей и чтобы система наказаний была окончательно заменена системой мер воспитательного характера»¹.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1, М., 1953, с. 419.

Среди законодательных актов в области судостроительства; действовавших в период существования объединенной Литовско-Белорусской республики, следует отметить Положение о народном суде и Положение о революционных трибуналах. Эти законодательные акты были приняты 31 января 1919 г. Временным Революционным Рабоче-крестьянским правительством Литвы, а после образования Литовско-Белорусской республики их действие с 10 марта 1919 г. распространяется на всю территорию республики¹.

За основу Положения о народном суде был взят декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде РСФСР». Однако в отличие от него акт Временного Революционного Рабоче-крестьянского правительства Литвы 31 января 1919 г. устанавливал, что в народных судах при рассмотрении дел должны участвовать два или четыре (вместо шести) народных заседателя.

Организация и деятельность революционных трибуналов по Положению о революционных трибуналах Литвы строились в соответствии с принципами, проведенными в декретах и циркулярах ВЦИК и НКЮ.

Надзор за деятельностью революционных трибуналов, действовавших на территории Литовско-Белорусской республики, осуществлял Особый отдел при ЦИК Литвы и Белоруссии. Он же являлся для них кассационной инстанцией (Кассационный трибунал). Председатель Особого отдела назначался СНК и утверждался ЦИК. Члены Особого отдела делегировались ЦИК.

При ЦИК Литвы и Белоруссии был учрежден Верховный революционный трибунал в составе трех лиц. Председатель и члены этого судебного органа назначались Президиумом ЦИК Литвы и Белоруссии. Членом Верховного революционного трибунала являлся председатель Минского губернского революционного трибунала, Сессии трибунала созывались Президиумом ЦИК или СНК Литовско-Белорусской республики для рассмотрения наиболее важных дел, изъятых из ведения местных революционных трибуналов. В частности, 29 мая 1919 г. Верховный революционный трибунал рассмотрел дело по обвинению некоего Найденкова. Выдав себя за старого партийного работника, последний вошел в доверие и, будучи назначенным на ответственные должности, злоупотреблял своим служебным положением, дискредитировал Советскую власть.

¹ Правовые акты Советской власти Литвы 1918–1919 гг., Ин-т права АН Литовской ССР, т. 2, Вильнюс, 1949, с. 61–89, 135.

На суде была убедительно доказана справедливость предъявленного ему обвинения, и он был подвергнут высшей мере наказания¹.

Тяжелые условия гражданской войны требовали укрепления воинской дисциплины, усиления борьбы с преступностью в частях рабоче-крестьянской армии. По инициативе командования Красной Армии летом 1918 г. для рассмотрения дел о воинских преступлениях были образованы военные революционные трибуналы. Законодательно учреждение органов военной юстиции было оформлено Положением о военных революционных трибуналах от 4 февраля 1919 г. На территории Белоруссии действовали революционный трибунал Западного фронта и революционный военный трибунал Белорусско-Литовской армии (Беллитармии). Трибуналы состояли из председателя и двух постоянных членов, назначаемых соответствующими военными советами. К компетенции военных судебных органов было отнесено рассмотрение дел о всех преступлениях, совершенных военнослужащими. В районах военных действий и в прифронтовой полосе военные революционные трибуналы рассматривали и дела общеуголовного характера. Следствие по делам, подлежащим разбирательству в этих трибуналах, вели военные следователи, чрезвычайные комиссии и органы военного контроля. Приговоры военных революционных трибуналов обжалованию не подлежали и приводились в исполнение в течение 24 часов.

О вынесенных приговорах революционных военных трибуналов, действовавших на территории Белоруссии, сообщалось в печати, в частности в газете «Звезда»². Иногда в самом приговоре отмечалось, что его следует довести до всеобщего сведения. Например, в приговоре военно-революционного трибунала Беллитармии по делу военнослужащего Витольде, обвинявшегося в недостойном поведении, было записано: «Приговор этот опубликовать во всех органах печати и объявить во всех учреждениях советской республики Литвы и Белоруссии»³.

Открытые судебные процессы и широкая популяризация приговоров военных революционных трибуналов явились важным средством укрепления военной дисциплины и воспитания красноармейской массы. Это способствовало также повышению политической сознательности и революционной бдительности трудящихся.

¹ «Звезда» от 31 мая 1919 г.

² «Звезда» от 15, 16 мая и 22 июня 1919 г. и др.

³ «Звезда» от 22 июня 1919 г.

В феврале 1919 г. социалистическое строительство в Белоруссии было вновь прервано начавшейся агрессией со стороны панской Польши. Вдохновляемые государствами Антанты белополяки отвергли мирные предложения Советского правительства и вторглись в пределы Украины и Белоруссии. В захваченных районах оккупанты восстанавливали старые порядки и старые судебные учреждения. Однако летом 1920 г. войска Красной Армии освободили территорию Белоруссии от белопольских интервентов.

31 июля 1920 г. была провозглашена Декларация об образовании независимой Белорусской Советской Социалистической Республики, которой отменялись все законы оккупационных властей и указывалось, что основные положения об организации народнохозяйственной жизни, утвержденные 1 января 1919 г. Манифестом Временного Революционного Рабоче-крестьянского правительства Белоруссии, сохраняют силу.

Необходимость скорейшего восстановления разрушенного народного хозяйства, обеспечения нужд Красной Армии и фронта требовала наведения на освобожденной территории революционного порядка, решительной борьбы с дезертирами, спекулянтами и другими нарушителями революционной законности.

1 августа 1920 г. Военно-революционным комитетом БССР был издан приказ № 1 об организации судебно-следственного аппарата в республике. Этим приказом на территории Белорусской ССР окончательно упразднялись судебно-следственные установления, функционировавшие во время белопольской оккупации, и создавались народные суды. Прежние институты судебных следователей, прокурорского надзора, присяжной и частной адвокатуры заменялись «следственными и осуществляющими надзор и право заступничество установлениями типа, выработанного практикой пролетарской революции»¹. На основании приказа Минский уездный революционный комитет вынес решение о создании уездного бюро юстиции и судебно-следственного аппарата в уезде². Аналогичные приказы были изданы и в других уездах БССР.

Волостным революционным комитетам предлагалось в недельный срок со дня получения приказа избрать народных заседателей и списки их представить для утверждения в уездный военно-революционный комитет. Всем волостным революционным комитетам и сельским Советам вменялось в обязанность оказывать вновь

¹ Революционные комитеты БССР, сб. документов и материалов, Минск, 1957, с. 74.

² Там же, с. 75–76.

назначенным народным судьям и народным заседателям всемерное содействие в организации на местах народного суда и следственного аппарата.

Ввиду того, что требовалось незамедлительное создание советских судебных органов, а трудящееся население еще не было в достаточной мере организовано в общественные организации, чтобы избрать в качестве народных судей и следователей «достойных носителей идей пролетарского права и честных защитников трудящихся, а не случайный элемент», Военно-революционный комитет БССР 5 августа 1920 г. вынес специальное постановление о порядке комплектования судебно-следственных органов¹. Народных судей и следователей по представлению уездного бюро юстиции назначали уездные революционные комитеты и утверждал губернский отдел юстиции. Последнему с санкции губернского революционного комитета предоставлялось право отвода и перевода этих работников юстиции.

В разъяснение и дополнение приказа № 1 Военно-революционного комитета БССР и его постановления от 5 августа 1920 г. Комиссариат юстиции республики было издано циркулярное письмо² и определен порядок направления неоконченных дел упраздненных судебных установлений³.

Все дела, возбужденные во время польской оккупации по политическим и религиозным мотивам, прекращались. Дела, обжалованные в кассационном порядке, передавались в Минский губернский совет народных судей, а обжалованные в апелляционном порядке распределялись по подсудности между народными судами соответствующих участков. При пересмотре уголовных дел исходил из революционного правосознания и интересов трудящихся. Гражданские дела проверялись только в случае просьбы о пересмотре со стороны непосредственно заинтересованных лиц. Дела о несовершеннолетних, не достигших 18 лет, направлялись в специально учрежденные комиссии о несовершеннолетних при отделах народного образования.

В циркулярном письме Комиссариата юстиции подчеркивалось, что назначение народных судей и народных следователей является временной мерой, до выборов Советов. В связи с преобразованием отделов Военно-революционного комитета в комиссариаты уточнялось, что народные судьи и народные следователи утверждаются в должности Комиссариатом юстиции БССР.

¹ ЦГАОР БССР, ф. Р-8, оп. 1, ед. хр. 18, л. 29.

² Там же, л. 22; по штампу циркулярное письмо датируется 15 августа 1920 г.

³ Там же, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 30, л. 22.

Последнему принадлежало также право с санкции Революционного комитета республики смещать, перемещать и отводить этих лиц.

Во исполнение постановления Военно-революционного комитета от 5 августа 1920 г. уездным революционным комитетам предлагалось немедленно приступить к созданию органов советской юстиции на местах. Им необходимо было назначить и представить на утверждение Комиссариата юстиции кандидатов в председатели уездных бюро юстиции из подготовленных для этой работы коммунистов и лиц, «безусловно стоящих на платформе Советской власти»¹.

Председатели уездных бюро юстиции непосредственно занимались подбором кандидатов в народные судьи и народные следователи. Эти кандидаты должны были иметь право избирать и быть избранными в Советы рабочих и крестьянских депутатов и обладать либо политическим опытом работы в пролетарских организациях партии, профессиональных союзах, рабочих, кооперативных, фабрично-заводских комитетах и советских учреждениях, либо иметь теоретическую и практическую подготовку в области юриспруденции.

Назначение народных судей проводилось в порядке, который обеспечивал участие трудящихся в подборе кандидатов на эту должность. Для всеобщего обозрения вывешивались списки кандидатов. Граждане, проживавшие в районе деятельности соответствующего участка, могли заявить отвод в отношении выдвинутых кандидатов. Мотивированное заявление подавалось в трехдневный срок либо в Комиссариат юстиции (в отношении народных судей и народных следователей г. Минска), либо в уездные революционные комитеты². Анонимные заявления во внимание не принимались. В случае непоступления отводов кандидаты считались утвержденными в должностях.

Среди положений, содержащихся в циркулярном письме Наркомюста БССР по вопросам судостроительства, особого внимания заслуживают указания относительно организации следственного аппарата в республике. В них отмечалось, что «следственным аппаратом впредь будут являться не следственные комиссии, а единые народные следователи»³.

Следует иметь в виду, что в РСФСР в рассматриваемый период времени (август – сентябрь 1920 г.) предварительное расследование по делам, подсудным народному суду с участием шести народных

¹ ЦГАОР БССР, ф. Р-8, оп. 1, ед. хр. 18, л. 22.

² Там же, л. 21; Государственный архив Минской области, ф. 431, оп. 2, ед. хр. 11, л. 33.

³ Там же, л. 22.

заседателей, в соответствии со ст. 28 Положения о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. проводили уездные и городские следственные комиссии.

Построение следствия на коллегиальных началах было вполне уместно и неизбежно в период, когда не было подготовленных кадров следственных работников из среды пролетариата. Как отмечал нарком юстиции РСФСР Д.И. Курский, коллегиальность в организации следствия помогала разобраться в сложных вопросах следствия и в то же время содействовала формированию будущих самостоятельных следователей¹. Однако к 1920 г. назрели условия для замены следственных комиссий единоличными следователями. Необходимость внесения изменений в организацию следствия отмечалась в марте 1920 г. в докладной записке на имя ВЦИК². За упразднение следственных комиссий высказался также состоявшийся в июне 1920 г. III съезд деятелей юстиции РСФСР. Юридически эти пожелания были оформлены в Положении о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г.

В Украинской ССР предварительное следствие на единоличных началах стало строиться с февраля 1919 г., т.е. с момента принятия Положения о народных судах и революционных трибуналах от 19–20 февраля 1919 г.

Опыт РСФСР и УССР в области организации предварительного следствия был использован при создании следственного аппарата в Белорусской ССР. С учетом этого опыта, а также местных условий в БССР в августе 1920 г. (до принятия Положения о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г.) был введен институт народных следователей.

Этим же циркуляром Комиссариата юстиции БССР вносились изменения и в организацию защиты и обвинения. Учрежденные Положением о народном суде РСФСР 30 ноября 1918 г. коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе упразднились. В качестве защитников и обвинителей привлекались лица, способные выполнять эти обязанности в порядке обязательной трудовой повинности. Уездные бюро юстиции составляли списки обвинителей и защитников, которые и участвовали в процессе по очереди. Обвинителями могли также выступать представители заинтересованных ведомств и учреждений. Бесплатная юридическая помощь населению возлагалась на уездное бюро юстиции.

¹ Д.И. Курский. Избранные статьи и речи, с. 65.

² М.В. Кожевников. История советского суда, М., 1957, с. 72.

Такая реорганизация защиты и обвинения была вполне своевременна. Как отмечалось на съезде деятелей советской юстиции в Москве, институт должностной защиты, введенный Положением о народном суде от 30 ноября 1918 г., себя не оправдал. Поэтому новым Положением о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г. формы организации защиты и обвинения были подвергнуты изменению.

Указания высших органов власти и управления БССР об организации судебно-следственного аппарата в республике энергично претворялись в жизнь.

В сентябре 1920 г. в Минске уже функционировали 5 участков народных судов и 5 участков народных следователей, а в Минском уезде – 6 народных судов и 6 участков народных следователей¹. В августе 1920 г. был организован и приступил к выполнению своих задач совет народных судей².

В Борисовском уезде, на неоккупированной его территории, действовало 4 участка народного суда. После освобождения от белопольской оккупации в остальной части уезда было образовано 12 народных судов и 7 участков народных следователей³.

Комиссариатом юстиции БССР принимаются меры по усилению активности народных судов в борьбе с преступными посягательствами, по укреплению революционной законности. В связи с отсутствием специальных органов по надзору за соблюдением советских законов к выполнению этой задачи привлекались и народные судьи. В обязанность народных судей входила дача отзывов обо всех проектах приказов и распоряжений местных органов власти с точки зрения их соответствия декретам и постановлениям центральной власти и внесение в них необходимых редакционных корректив⁴.

В целях развития социалистического правосознания трудящихся народные судьи в лекциях и докладах знакомили население с основами советского законодательства, принципами организации советского правосудия.

Непосредственный контроль за работой народных судей осуществлялся председателем уездного бюро юстиции⁵. Одновременно

¹ ЦГАОР БССР, ф. Р-99, оп. 1, ед. хр. 30, л. 45.

² Там же, л. 47–49.

³ Государственный архив Минской области, ф. Р-586, оп. 1, ед. хр. 4, л. 147–148.

⁴ Там же, оп. 2, ед. хр. 2, л. 16–17.

⁵ Циркуляром Комиссариата юстиции БССР от 23 августа 1920 г. вместо бюро народных судей были учреждены уездные бюро юстиции (Государственный архив Минской области, ф. Р-586, оп. 2, ед. хр. 2, л. 6).

он являлся юрисконсультom всех учреждений в уезде, следил за соблюдением постановлений и декретов Советской власти.

В августе 1920 г. приступил к работе Минский губернский революционный трибунал¹. Организация и деятельность его проходила в соответствии с Положением о революционных трибуналах от 18 марта 1920 г.

Следственные комиссии, проводившие расследование поданных в трибунал дел, были заменены единоличными органами следственного розыска. На рассмотрение трибунала поступали дела от Чрезвычайной Комиссии, Особого отдела губернского исполнительного комитета, Комиссариатов (юстиции, внутренних дел), Рабоче-крестьянской инспекции, а также от совета народных судей. Для подготовки докладов по поступавшим делам и составления заключений по ним в состав трибунала были введены 3 следователя-докладчика. В исключительных случаях они по поручению трибунала могли производить дополнительное расследование по принятым к производству делам без направления их в Чрезвычайную Комиссию или Особый отдел. Следователи-докладчики выступали в распорядительных заседаниях трибунала. Однако их постановления об арестах, выемках, обысках, освобождении арестованных и изменении мер пресечения, о привлечении новых лиц в качестве обвиняемых имели силу только после подписания их председателем трибунала. Деятельность следователей-докладчиков находилась под наблюдением одного из членов трибунала, назначенного председателем.

Председатель и члены Минского губернского революционного трибунала назначались Минским губернным революционным комитетом², а позднее – Военно-революционным комитетом Белорусской ССР³.

Для координации действий Комиссариата юстиции БССР и губернского революционного трибунала постановлением Военно-революционного комитета республики от 4 сентября 1920 г.

¹ 26 августа 1920 г. состоялось первое после изгнания белополяков заседание Минского губернского революционного трибунала. Слушалось дело Богодяжа, Мытько, Рабцевича и других по обвинению в бандитизме. Богодяж и Мытько дезертировали из рядов Красной Армии и вступили в бандитскую шайку, которая своими преступными действиями способствовала белополякам в наступлении на Советскую республику. Остальные соучастники обвинялись в укрывательстве бандитов и оказании им содействия в совершении преступлений. Вторым слушалось дело Онбрейта по обвинению в провокации и предательстве. Как по первому, так и по второму делу был вынесен обвинительный приговор («Звезда» от 28 августа 1920 г.).

² ЦГАОР БССР, ф. 194, оп. 1, ед. хр. 9, л. 11.

³ Там же, ф. Р-8, оп. 1, ед. хр. 18, л. 65.

председателем губернского революционного трибунала был назначен Комиссар юстиции¹.

Отступление в Белоруссии от установленного Положением о революционных трибуналах от 18 марта 1920 г. порядка выборов революционных трибуналов местными Советами и губернскими исполнительными комитетами диктовалось чрезвычайными условиями военно-политической обстановки в республике.

Поскольку территория Белорусской ССР после освобождения ее от белополяков состояла только из 6 уездов бывшей Минской губернии (общая площадь 45 969 кв. км), в республике действовал один Минский губернский революционный трибунал. 22 декабря 1920 г. он был переименован в Революционный трибунал Белоруссии².

Осенью 1920 г. в связи с начавшимся новым наступлением польских интервентов деятельность советских государственных учреждений, в том числе органов юстиции, находившихся на оккупированной территории и вблизи линии фронта, была прервана. Некоторые уезды Белоруссии и г. Минск подверглись кратковременной оккупации.

Военные обстоятельства осложнили работу Комиссариата юстиции Белоруссии, который на некоторый срок эвакуировался из г. Минска. Однако сразу же после подписания 12 октября 1920 г. прелиминарного мирного договора с Польшей Комиссариатом юстиции были даны указания о возобновлении на местах деятельности всех органов юстиции. Уездным бюро юстиции предписывалось: 1) принять меры к тому, чтобы немедленно связаться с Комиссариатом юстиции; 2) срочно представить в Комиссариат юстиции подробный доклад о происшедших за время отсутствия связи переменах в личном составе органов юстиции; 3) представить ведомость о движении дел за период до 1 ноября³.

К этому времени вступило в силу Положение о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г. Как и все предыдущие судеоустойственные акты РСФСР, оно нашло применение в практике судебного строительства Белорусской ССР. К концу 1920 г. на территории БССР завершается работа по восстановлению и созданию судебно-следственных органов.

Судебное строительство в Белоруссии в период борьбы за установление и упрочение Советской власти проходило в исключительно тяжелой военно-политической обстановке. Территория

¹ ЦГАОР БССР, ф. 194, оп. 1, ед. хр. 9, л. 66.

² Там же, л. 72.

³ Государственный архив Минской области, ф. 586, оп. 2, ед. хр. 2, л. 56.

республики несколько раз подвергалась оккупации. Немецкие и польские захватчики терроризировали мирное население, сжигали города и села, реквизировали скот и продовольствие. Советской власти приходилось вести непрерывную борьбу с вооруженными бандами. Все это окончательно разорило и без того слаборазвитые промышленность и сельское хозяйство Белоруссии.

В тяжелейших условиях приходилось создавать на территории республики органы советской юстиции: было мало помещений, бумаги, топлива – всего того, без чего немислима нормальная работа учреждений. Из-за отсутствия денежных средств нередко месяцами задерживалась выплата заработной платы судебным и следственным работникам.

Но особенно было трудно с кадрами – не хватало подготовленных, преданных революции и Советской власти специалистов. Членам революционных трибуналов и народным судьям нередко приходилось сменять судейское кресло на винтовку, чтобы с оружием в руках защищать Советскую республику от интервентов и внутренней контрреволюции.

Тем не менее основная задача в области советского судебного строительства в республике была выполнена: был упразднен, сломан старый буржуазно-помещичий суд и вместо него создан настоящий народный суд «на прочных основах социалистического общества»¹. На территории Белоруссии, как и в других союзных республиках, начала осуществляться идея единого народного суда – основного звена советской судебной системы. Практикой судебного строительства были выработаны и законодательно закреплены демократические принципы организации и деятельности советского суда.

17 декабря 1920 г. состоялся Второй Всебелорусский съезд Советов. Съезд принял дополнения к Конституции БССР 1919 г. и призвал трудящихся Советской Белоруссии проявить трудовой героизм, с энтузиазмом взяться за восстановление промышленности и сельского хозяйства, за укрепление советского государственного аппарата.

Начался период мирной работы по восстановлению народного хозяйства Белорусской Советской Социалистической Республики, а вместе с тем и новый период в истории судостройства БССР.

¹ В.И. Ленин. Соч., т. 26, с. 421.

Глава II.

Задачи и организация суда БССР в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.)

Победоносно завершив гражданскую войну и покончив с иностранной интервенцией, Советская страна под руководством Коммунистической партии вступила в новый этап своей истории – период мирной работы по восстановлению и дальнейшему развитию народного хозяйства.

В чрезвычайно сложной и тяжелой обстановке начался восстановительный период для Белоруссии. Промышленность, транспорт и сельское хозяйство республики были окончательно разорены годами войны, немецкой и белопольской оккупациями. Везде царили голод, эпидемия, нищета, безработица. В полном упадке находились народное образование и здравоохранение. На территории БССР действовали многочисленные бандитские группы. Эти трудности были на руку врагам, пытавшимся использовать их в борьбе с Советской властью. Оживилась враждебная деятельность кулаков в деревне, всякого рода контрреволюционных элементов в городе. Требовалось принятие решительных мер для быстрого восстановления и подъема народного хозяйства, для дальнейшего укрепления союза рабочего класса и крестьянства и создания фундамента социалистической экономики. В связи с этим X съезд РКП (б) принял решение о переходе к новой экономической политике.

Новая экономическая политика, допускающая некоторое оживление капитализма в стране, была рассчитана на победу социалистических элементов над капиталистическими, на построение экономической базы социализма.

Одной из гарантий успешного выполнения задач новой экономической политики являлось установление во всех областях народнохозяйственной и государственной жизни строгих начал революционной законности, что прямо отмечалось в постановлении III Всебелорусского съезда Советов, одобдившего введение нэпа¹. В этих условиях особенно возросли роль и значение судебных органов, призванных обеспечивать проведение в жизнь декретов и постановлений Советской власти мерами

¹ III Всебелорусский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, резолюции и постановления. Минск, 1921, с. 14.

государственного принуждения, охранять в судебном порядке новые формы общественных отношений.

Ответственные задачи правосудия обусловили необходимость дальнейшего развития и совершенствования советской судебной системы, внесения некоторых изменений в организацию и деятельность органов юстиции.

Первый шаг по пути практического осуществления этой задачи был сделан Всебелорусским съездом деятелей советской юстиции, который состоялся в феврале 1921 г.¹ Конкретно сформулировав задачи суда и разрешив ряд организационных и процессуальных вопросов, съезд содействовал укреплению социалистической законности.

Центральным пунктом работы съезда был вопрос о народном суде. В связи с переходом от политики военного коммунизма к периоду мирного хозяйственного строительства надобность в судах специального назначения отпала. Среди органов государственного принуждения на первый план выдвигался народный суд. В задачу съезда деятелей советской юстиции и входило определение путей организационного укрепления народного суда и улучшения качества его работы. Необходимо было прежде всего изменить порядок комплектования народного суда. Это было осуществлено вскоре после выборов Советов, проведенных в большинстве районов в декабре 1920 г. Народные судьи вновь стали избираться исполкомами местных советов. Необходимость строгого соблюдения принципа выборности народных судей была подтверждена съездом судебных деятелей Белоруссии.

Большая роль в улучшении деятельности народного суда отводилась кассационной инстанции – совету народных судей. Он вносил коррективы в судебную практику народных судов, исправляя ошибки, допущенные по конкретным делам, давал указания относительно правильного применения законов и исследования доказательств.

Особое внимание съезд уделил вопросу улучшения состава судебных работников, укомплектованию органов юстиции кадрами, которые по своим политическим и деловым качествам способствовали бы поднятию авторитета судов. От имени всех судебных деятелей Белоруссии съезд принял торжественное обещание «приложить всю энергию, весь опыт и знания для укрепления Советской власти в Белоруссии»².

¹ «Звезда» от 13 февраля 1921 г.

² Съезд пролетарской юстиции, «Звезда» от 24 февраля 1921 г.

Важное значение для поднятия престижа правосудия имел также циркуляр НКЮ Белоруссии от 4 августа 1921 г. о независимости судей от местных органов власти¹. НКЮ БССР указывал на недопустимость вмешательства в судебную деятельность со стороны каких бы то ни было государственных органов. Возбуждение уголовного преследования в отношении народных судей и народных следователей, а также их арест могли иметь место только с ведома НКЮ, отзывать народных судей и народных следователей вправе были лишь избравшие их Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов или уездные исполкомы как по их инициативе, так и по представлению НКЮ. Временное отстранение от должности указанных выше лиц могло быть произведено НКЮ, а в экстренных случаях – соответствующими уездными бюро юстиции.

Циркуляром от 4 августа 1921 г. устанавливались, таким образом, существенные гарантии независимости судей и подчинения их только закону, что являлось необходимым условием правильного отправления правосудия.

После освобождения территории БССР от белопольских интервентов одной из первоочередных задач судебного строительства была повсеместная организация судебных и следственных органов. В основном эту задачу удалось решить уже в конце 1920 – начале 1921 г. В этот период в городах, уездах и уездных центрах имелись народные суды, дежурные камеры народных судов и уездные бюро юстиции². В республике действовали совет народных судей и Революционный трибунал.

Первое место среди судебных органов занимали народные суды. Они рассматривали почти все уголовные и гражданские дела, за исключением тех, которые были отнесены к компетенции Революционного трибунала (дела о контрреволюционных преступлениях, о крупной спекуляции, о взяточничестве и других крупных должностных и хозяйственных преступлениях). Как и Революционный трибунал республики, народные суды рассматривали дела об уклонении от выполнения продразверстки, сокрытии хлеба и других продуктов, о превышении власти представителями продовольственных отрядов и т.д. Судебное разбирательство этих дел проводилось в особых сессиях народного суда с «ударным составом народных заседателей», т.е. с участием

¹ ЦГАОР БССР, ф. Р-33, оп. 1, ед. хр. 57, л. 19.

² В частности, в Минске было образовано 5 судебных участков и 1 дежурная камера; в Борисовском уезде – 12 судебных участков; в Слуцке – 9 судебных участков и 1 дежурная камера и т.д. (Советская Белоруссия. Минск, 1921, с. 244).

наиболее сознательных и политически подготовленных граждан. С 3 февраля 1921 г.¹ в заседаниях народных судов и Революционного трибунала по продовольственным делам участвовали представители от Наркомпродбела и его местных органов. С заменой продразверстки продналогом народные суды содействуют проведению продналоговой кампании, выполнению различных хозяйственных мероприятий. Эта деятельность судов имела важное значение для упрочения экономического союза рабочего класса и трудового крестьянства и создания основ социалистической экономики.

В связи с изменением военно-политической обстановки и сокращением сети военных революционных трибуналов народные суды в местностях, где не было полковых судов, рассматривали все без исключения дела по обвинению военнослужащих в общеуголовных деяниях, подсудных народному суду². Там же, где действовали полковые суды, народные суды принимали к своему производству дела по обвинению военнослужащих в серьезных преступлениях общеуголовного характера (посягательства на жизнь, причинение тяжелых увечий, изнасилование, разбой, подделка денежных знаков и документов). На рассмотрение народных судов были переданы также дела о дезертирстве, пособничестве, попустительстве дезертирам и их укрывальстве.

Наряду с народными судами в БССР действовали особые сессии народного суда и дежурные камеры. В РСФСР учреждение этих органов было осуществлено постановлением НКЮ от 16 сентября 1920 г. В Белоруссии в связи с наступлением белополяков в октябре 1920 г. образование особых сессий и дежурных камер задержалось до начала 1921 г.

Особые сессии народного суда рассматривали наиболее серьезные уголовные дела и дела, имеющие важное общественное значение. Задача дежурных камер состояла в освобождении народных судов от рассмотрения несложных дел, по которым не требовалось проведения предварительного расследования³.

Особые сессии и дежурные камеры были образованы в г. Минске при совете народных судей и в уездах – при уездных бюро

¹ Государственный архив Минской области, ф. Р-586, оп. 1, ед. хр. 4, л. 42.

² Там же.

³ Дежурная камера г. Минска в 1921 г. рассмотрела большое количество мелких уголовных дел о самых разнообразных правонарушениях (дела об оскорблении, нарушении общественной тишины, по обвинению в пьянстве, хищении чистых бланков со штампом, неисполнении требований милиционера, кражах и т.д.) (Государственный архив Минской области, ф. Р-455, оп. 1, ед. хр. 3, 21, 276, 947, 1071 и др.).

юстиции. В судебных заседаниях особых сессий председательствовали соответственно либо члены президиума совета народных судей, либо члены уездного бюро юстиции. Президиум совета народных судей имел право поручать председательствование в особых сессиях и народным судьям, не являвшимся членами президиума. Очередность народных судей для рассмотрения дел в дежурной камере устанавливалась также по принадлежности советом народных судей и уездными бюро юстиции.

Функции суда второй инстанции для всех народных судов, особых сессий и дежурных камер, действовавших на территории республики, выполнял совет народных судей Белоруссии. Им же непосредственно и через уездные бюро юстиции осуществлялся контроль за деятельностью судебных и следственных органов. От этой обязанности совет народных судей был освобожден с мая 1921 г. в связи с расширением объема работы по пересмотру приговоров и решений народных судов в кассационном порядке. Судебный контроль стал прерогативой судебно-следственного отдела НКЮ¹.

1921 г. в Белоруссии можно только условно назвать первым годом мирного строительства. После освобождения территории от белополюских оккупантов широкий размах в республике получил бандитизм, особенно усилившийся весной и летом 1921 г. Бандитизм поддерживался зарубежной контрреволюцией, не останавливавшейся перед прямой переброской на территорию Белоруссии сформированных за границей офицерских отрядов. Банды пополнялись также за счет кулаков и уголовных элементов. Бандитизм затруднял работу советского аппарата, мешал восстановлению промышленности и сельского хозяйства. Бандиты совершали налеты на районные и волостные центры, убивали активных советских и партийных работников, совершали массовые избиения населения, взрывали мосты, железные дороги.

Важную роль в борьбе с бандитизмом играл Революционный трибунал. В Мозырском, Бобруйском, Игуменском и Слуцком уездах были образованы выездные сессии, а в районах военных операций против бандитов – военные отделы трибунала. В открытых судебных заседаниях они рассматривали дела о бандитах, их пособниках и укрывателях, применяли к ним суровые меры наказания². Одновременно Революционный трибунал рассматривал

¹ Советская Белоруссия, с. 244.

² «Звезда» от 28 января 1922 г.

дела о крупной спекуляции, должностных преступлениях, дезертирстве, подлогах. Для разбирательства дел, связанных с продовольственным вопросом, были организованы продовольственные сессии трибунала¹, а с отменой продразверстки – выделены специальные сессии по продналогу.

29 января 1921 г. Совнарком БССР принял Положение о Революционном трибунале². Этим законодательным актом подробно определялись компетенция и организационная структура Революционного трибунала БССР.

Революционный трибунал Белоруссии учреждался со специальной целью рассмотрения дел о контрреволюционных действиях (взрывах, поджогах, государственной измене, шпионаже и т.д.), о крупной спекуляции, о крупных должностных преступлениях, о явном дискредитировании власти, о злом дезертирстве, о бандитизме. Кроме того, Революционный трибунал мог принять к своему производству дела о всех тех преступлениях, в которых он усматривал признаки опасности для республики или порядков, в ней установленных.

Революционный трибунал состоял из председателя и пяти членов, один из которых являлся представителем Чрезвычайной Комиссии БССР. Председатель и члены трибунала утверждались по представлению народного комиссара юстиции Советом Народных Комиссаров. Революционный трибунал подчинялся непосредственно НКЮ БССР.

Предварительное расследование по делам, подсудным трибуналу, производилось исключительно Чрезвычайной Комиссией и ее местными органами (политбюро), особыми отделами и иными органами, которым было предоставлено это право. Для подготовки докладов по поступающим делам и составления заключений по ним при трибунале состояли особые следователи-докладчики. За их деятельностью наблюдал один из членов трибунала, назначенный председателем трибунала. В исключительных случаях по принятым к производству делам следователи-докладчики могли производить дополнительные следственные действия. Постановления следователей об арестах, выемках, обысках, освобождении арестованных, изменении меры

¹ Вопрос об организации продовольственных выездных сессий Революционного трибунала обсуждался на заседании СНК БССР 11 июня 1921 г., на котором было принято решение об организации сессий в случае их надобности по договоренности Наркомпрода с Наркомюстом (ЦГАОР БССР, ф. Р-99, оп. 1, ед. хр. 16, л. 86).

² ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 16, л. 8–9,

пресечения, о привлечении новых лиц в качестве обвиняемых утверждались председателем трибунала.

Для надзора за деятельностью Революционного трибунала и рассмотрения кассационных жалоб и протестов на его приговоры и определения учреждался Кассационный трибунал при ЦИК. Он состоял из председателя – народного комиссара юстиции и членов – заведующего судебным отделом НКЮ и председателя Революционного трибунала, если последний не участвовал в разбирательстве пересматриваемого дела. Кассационному трибуналу предоставлялось право отмены и изменения приговоров, проверенных в кассационном порядке.

В 1921 г. в Белоруссии, как и по всей стране, были осуществлены меры по объединению деятельности революционных военных трибуналов и Революционного трибунала республики. Конкретно это выразилось в слиянии всех военных революционных трибуналов, действовавших на территории БССР, и образовании военного отдела в составе Революционного трибунала.

Однако судебная система БССР в этот период времени продолжала еще оставаться в организационном отношении раздвоенной: с одной стороны, действовали общие суды (народные суды, их особые сессии, дежурные камеры и совет народных судей), с другой – специальные суды (Революционный и Кассационный трибуналы). Связующим звеном между этими судебными органами был НКЮ. Он являлся органом судебного управления в отношении всех судов БССР и одновременно осуществлял контроль и надзор за их деятельностью. Роль НКЮ в этом отношении еще более возросла с предоставлением ему права пересмотра приговоров и решений в порядке Высшего судебного контроля. Высший судебный контроль включал осуществление общего надзора за деятельностью судебных органов, дачу им руководящих разъяснений и указаний по вопросам действующего советского права. По установленным в законе основаниям Высший судебный контроль мог признать не имеющими силы приговоры и решения судов БССР. В отношении приговоров Революционного трибунала народный комиссар юстиции предварительно запрашивал заключение Кассационного трибунала. В порядке осуществления Высшего судебного контроля решался вопрос возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам, независимо от того, каким судебным органом республики были рассмотрены эти дела.

Перечисленные функции, именуемые в их совокупности Высшим судебным контролем, выполнялись в БССР сначала

коллекцией НКЮ непосредственно, а с июля 1922 г. – специальным отделом¹.

Наделение НКЮ БССР указанными выше полномочиями означало создание в республике единой судебной надзорной инстанции для всех судов, действующих в пределах ее территории. Таким образом, введение института Высшего судебного контроля нужно рассматривать как одну из мер, направленных на объединение деятельности общих и специальных судов, на укрепление судебной системы.

Одним из наиболее знаменательных в истории советской юстиции является 1922 г. К этому времени советская страна, упрочив свое международное положение и полностью покончив с иностранной интервенцией и гражданской войной, приступила к восстановлению народного хозяйства. В этих условиях задача укрепления и развития советской демократии и социалистической законности приобретает исключительное значение. В течение 1922 г. осуществляется ряд важнейших мероприятий, направленных на решение этой задачи.

6 февраля 1922 г. Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК) была реорганизована в Государственное Политическое Управление. По сравнению с ВЧК компетенция ГПУ была ограничена расследованием дел о контрреволюционных преступлениях. Все общеуголовные дела (о спекуляции, о должностных и других преступлениях), находившиеся в производстве ВЧК и ее органов, подлежали передаче по принадлежности в революционные трибуналы и народные суды. В декрете ВЦИК об упразднении ВЧК отмечалось, что впредь все дела о преступлениях, направленных против советского строя или представляющих нарушение законов РСФСР, подлежат разрешению только в судебном порядке революционными трибуналами или народными судами.

Аналогичная реорганизация ЧК была произведена в БССР. Вместе с упразднением чрезвычайных органов при ЦИК Белоруссии было создано Государственное Политическое Управление².

Большое значение для укрепления социалистической законности в республике имели постановления третьей сессии ЦИК БССР

¹ Дата учреждения отдела Высшего судебного контроля устанавливается приблизительно, на основании материалов, отражающих его деятельность (ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 42, л. 111, 112, 114, 163, 165, 171). Положение о Высшем судебном контроле НКЮ БССР в архивных фондах отыскать не представилось возможным. По всей вероятности, оно не было издано. Деятельность Высшего судебного контроля в республике строилась в соответствии с принципами, закрепленными в декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 10 марта 1921 г. (СУ РСФСР 1921 г. № 15, ст. 97).

² «Звезда» от 5 марта 1922 г.

об учреждении прокурорского надзора и адвокатуры, о распространении действия УК и УПК РСФСР на территорию Белоруссии¹.

В конце 1922 г. решением октябрьской сессии ЦИК в БССР была проведена частичная реформа суда.

Предварительно 31 августа 1922 г. вопрос о проведении частичной судебной реформы обсуждался на расширенном заседании Центрального Бюро КПБ совместно с Контрольной Комиссией КПБ² и 1 сентября – на заседании Совнаркома Белоруссии³. На этих заседаниях было признано необходимым упростить судебную систему БССР путем объединения Революционного трибунала с советом народных судей, а Кассационного трибунала – с отделом Высшего судебного контроля НКЮ. Конкретно вопросы реорганизации судебной системы разрешались в циркуляре НКЮ БССР, изданном на основе принятых постановлений⁴.

Высший суд республики, созданный вместо Революционного трибунала и совета народных судей, состоял из трех отделений: из отделения особой подсудности (бывший трибунал), уголовного и гражданского отделений.

Отделение особой подсудности рассматривало в качестве суда первой инстанции все уголовные дела, которые ранее относились к компетенции Революционного трибунала.

Уголовное и гражданское отделения Высшего суда пересматривали в кассационном и надзорном порядке соответственно уголовные и гражданские дела, подсудные народному суду. Кроме того, каждое из этих отделений являлось и первой инстанцией для отдельных категорий дел. В уголовном отделении рассматривались дела о нарушениях правил, установленных для учета военнослужащих (ст. 81 УК), должностных преступлениях, изъятых из отделения особой подсудности (ст. 105–109), должностных растратах (ст. 113, ч. 1), взяточничестве (ст. 114, ч. 1–3), служебных подлогах (ст. 116), разглашении должностными лицами сведений, не подлежащих оглашению, нарушении закона об отделении церкви от государства (ст. 117), трудовом дезертирстве (ст. 126, ч. 2) и расточении арендатором договорного имущества (ст. 129).

¹ СУ БССР 1922 г. № 5, ст. 80–84. УК РСФСР был распространен на территорию БССР с 1 июля 1922 г., а УПК РСФСР – с 15 июля того же года. Гражданский, Гражданско-процессуальный и Земельный кодексы вступили в силу в БССР в 1923 г.

² ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 61, л. 130.

³ Там же, ф. Р-15, оп. 1, ед. хр. 28, л. 66.

⁴ Там же, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 63, л. 1.

Гражданскому отделению Высшего суда по первой инстанции были подсудны дела по спорам с ценою иска свыше 1000 руб. золотом, в которых одной из сторон являлось государственное учреждение, предприятие или общественная организация.

Все дела в уголовном и гражданском отделениях рассматривались в составе постоянного члена судебной коллегии соответствующего отделения и двух народных заседателей, избранных из числа наиболее подготовленных и политически сознательных граждан. В качестве народных заседателей по гражданским делам могли привлекаться и народные судьи. Дела о преступлениях, которые должны были рассматриваться в составе народного судьи и четырех народных заседателей¹, предписывалось разбирать городским народным судьям с таким же числом заседателей.

Особые сессии по гражданским и уголовным делам упразднены. Для рассмотрения в уездах дел, подсудных уголовному и гражданскому отделениям Высшего суда, создавались выездные сессии.

Высший суд республики приступил к своей деятельности с 1 октября 1922 г.² Кассационной инстанцией для него являлся Высший кассационный суд, образованный взамен Кассационного трибунала и отдела Высшего судебного контроля. Он же выполнял функции и Высшего судебного контроля. Таким образом, Высший кассационный суд был последней и окончательной инстанцией в судебной системе республики. Его постановления могли быть отменены только Президиумом ЦИК БССР.

Высший кассационный суд состоял из председателя и двух членов. При нем находился и помощник прокурора республики.

Проведенная в Белоруссии в октябре 1922 г. реформа суда способствовала укреплению законности, повышению эффективности судебной деятельности. Вместо двух параллельно действовавших судебных систем – исключительной (Революционный и Кассационный трибуналы) и общей (народные суды и совет народных судей) – была создана единая судебная система. Эта реформа подготовила условия для успешного осуществления последующих преобразований в области судостроительства. Деятельность Высшего суда и Высшего кассационного суда республики

¹ Ограниченный состав народных заседателей (вместо шести, как предусматривалось УПК РСФСР, – четыре) устанавливался по решению третьей сессии ЦИК БССР (СУ БССР 1922 г. № 5, ст. 81).

² В распоряжении НКЮ БССР № 1 от 30 сентября 1922 г. об открытии Высшего суда с 1 октября 1922 г. указывался его состав: председатель суда, председатели трех отделений и восемь членов (ЦГАОР БССР, ф. Р-189, оп. 2, ед. хр. 5, л. 1).

способствовала улучшению качества отправления правосудия. Обобщая кассационную и надзорную практику, вскрывая наиболее типичные ошибки в работе народных судов, они давали указания об устранении выявленных недостатков, о правильном применении законов при рассмотрении уголовных и гражданских дел. Циркуляры и разъяснения Высшего суда наряду с циркулярами и инструкциями НКЮ касались различных вопросов деятельности народных судов и содействовали вынесению законных и обоснованных приговоров и решений, выполнению судами задач по обеспечению точного исполнения советских законов¹.

Окончательное завершение судебная реформа в БССР получила в Положении о судоустройстве, принятом второй сессией ЦИК Белоруссии четвертого созыва 30 марта 1923 г. и введенном в действие с 15 апреля 1923 г. В нем впервые обобщался опыт судебного строительства в республике с момента ее образования и вместе с тем определялись пути дальнейшего развития судебной системы.

Положение о судоустройстве БССР восприняло основные принципы Положения о судоустройстве РСФСР от 11 ноября 1922 г. Однако в нем имелись и некоторые специфические черты, обусловленные местными условиями и особенностями административно-территориального деления.

В соответствии со ст. 1 Положения на территории республики устанавливалась единая система судебных учреждений: 1) народный суд в составе постоянного народного судьи и в составе того же постоянного народного судьи и двух народных заседателей; 2) Высший суд; 3) Верховный суд. Для рассмотрения дел специальных категорий наряду с единой системой общих судов временно предусматривалось создание и специальных судебных органов. К ним относились: 1) военные трибуналы по делам о преступлениях, угрожающих боеспособности Красной Армии; 2) особые трудовые сессии народных судов по делам о преступлениях, нарушающих Кодекс законов о труде; 3) земельные комиссии по земельным делам; 4) арбитражная комиссия по делам об имущественных спорах между государственными органами. Наличие этих судов не противоречило единству судебной системы, поскольку все они входили в общую судебную систему, осуществляли единые задачи, строились на единых принципах и руководствовались при рассмотрении дел едиными материальными

¹ Так, в 1922 г. Высшим судом республики были изданы циркуляры об усилении репрессий за пьянство, торговлю спиртными напитками и самогонарование, о точном соблюдении требований УПК и ГПК (ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 110, л. 2–4).

и процессуальными законами. Кроме того, в Положении подчеркивался временный характер деятельности специальных судов. Следовательно, Положением о судоустройстве БССР была полностью осуществлена на территории республики идея единого народного суда.

Основным звеном судебной системы по-прежнему являлся народный суд. Народный судья единолично или с участием двух народных заседателей осуществлял свою деятельность в пределах уездного или городского района.

Народными судьями могли быть избраны не опороченные по суду граждане БССР (независимо от пола), имевшие право избирать и быть избранными в Совет и обладавшие двухгодичным стажем ответственной политической работы в рабоче-крестьянских общественных, профессиональных или партийных организациях или трехлетним стажем практической работы в органах советской юстиции на должностях не ниже народного следователя.

В отличие от РСФСР, где народные судьи избирались губернскими исполкомами, в БССР народные судьи избирались по представлению Высшего суда: в уездах – уездными исполкомами, в г. Минске – исполкомом городского Совета – и утверждались НКЮ. Народные судьи избирались на один год, но могли быть переизбраны на следующий срок. Отзыв народного судьи до истечения его полномочий или его перемещение в пределах города или уезда допускались исключительно по постановлению исполнительного комитета, его избравшего, по предложению народного комиссара юстиции или по собственной инициативе исполкомов, но с обязательным извещением об этом НКЮ.

Народными заседателями избирались граждане БССР независимо от пола, имевшие право избирать и быть избранными в Советы. Не могли быть народными заседателями лица, опороченные по суду либо исключенные из общественных организаций за порочащие поступки или поведение.

Каждый народный заседатель принимал участие в судебных заседаниях не более шести дней в году. На время исполнения обязанностей в суде за народными заседателями сохранялась заработная плата по месту работы. Лица, занимавшиеся сельским хозяйством или домашним ремеслом, получали суточные из средств уездных исполкомов. Таким образом, закон устанавливал гарантии реального участия народных заседателей в отправлении правосудия.

Положением о судоустройстве БССР от 30 марта 1923 г. определялся порядок составления списков народных заседателей и привлечения их к исполнению судебных обязанностей. Списки

народных заседателей составлялись один раз в год на 1 декабря. В каждом уездном (районном) центре особая комиссия, состоявшая из члена местного уездного исполкома, помощника прокурора и одного из народных судей, за месяц до срока распределяла соответствующее количество заседателей по промышленным предприятиям, волостям и воинским частям, расположенным на территории уезда. Разверстка производилась из расчета 50 % народных заседателей из рабочей среды, 35 % из сел и волостей и 15 % из воинских частей. Фабрично-заводские комитеты, коммиссары частей и волостные исполкомы производили выборы кандидатов, учитывая степень их политической подготовленности. Списки кандидатов в народные заседатели вывешивались для всеобщего обозрения в помещениях фабрик, волостных исполкомов, рабочих клубов и т.д. В течение недели каждому трудящемуся предоставлялось право заявить мотивированный отвод против отдельных кандидатов. Отведенные из списка граждане в недельный срок могли обжаловать это решение в вышестоящее учреждение или организацию. Окончательно списки народных заседателей утверждались упомянутой комиссией. Она могла исключить из списка кандидатов, не удовлетворявших предъявляемым требованиям. Ее решения об исключении заинтересованные лица имели право обжаловать в местный исполком, решение которого считалось окончательным. Из числа избранных граждан для участия в судебных заседаниях выездных сессий Высшего суда составлялся отдельный список народных заседателей.

Указанный порядок составления списков народных заседателей для народных судов обеспечивал участие населения в подборе кандидатов и привлечение к работе суда трудящихся политически сознательных и имеющих жизненный опыт.

Народные судьи обязаны были разъяснять народным заседателям, призываемым к рассмотрению дел, их права и обязанности. Каждый заседатель давал судье торжественное обещание судить по совести. Все это повышало активность народных заседателей в судебном процессе.

Подсудность народного суда – первого и основного звена судебной системы – определялась широко. Большинство дел, отнесенных к компетенции народного суда Уголовно-процессуальным и Гражданско-процессуальным кодексами, рассматривалось с участием двух народных заседателей. Только несложные дела разрешались единолично народным судьей в порядке судебного приказа¹.

¹ СУ БССР 1923 г. № 1–2, ст. 27.

Народному суду отводилась видная роль в борьбе со злоупотреблениями со стороны предпринимателей, с нарушениями прав и интересов трудящихся.

В г. Бобруйске владелец портняжной мастерской Нейман отказался уплатить рабочему Эпштейну по установленным в законе ставкам и подписать коллективный договор с профессиональным союзом. Народный суд приговорил его к аресту на два месяца и удовлетворил иск рабочего.

Предприниматель Пинок также эксплуатировал своих рабочих, заставляя их работать с утра до 10 часов вечера. Народный суд оштрафовал подсудимого и обязал его соблюдать трудовое законодательство¹.

В конце января 1922 г. внимание трудящихся г. Минска привлек процесс большой группы предпринимателей, которые злостно нарушали законодательство о труде: не оплачивали сверхурочные работы, лишали рабочих выходных дней и т.п. Эксплуататоры были заслуженно наказаны, а права рабочих восстановлены².

Наибольший процент дел, рассмотренных народными судами в 1922–1923 гг., падал на долю преступлений против порядка управления (около половины всех совершенных преступлений). Второе место занимали дела о преступлениях против личности и об имущественных преступлениях³. Это объяснялось социально-экономическими условиями того периода, попытками частнокапиталистических элементов подорвать основы советского строя, обойти советский закон. Кроме того, над значительной частью населения еще довлел дух стяжательства и частной собственности.

Правильная карательная политика народного суда во многом содействовала ограждению Советской власти и установленного ею правопорядка от преступных посягательств.

По Положению о судостроительстве БССР 1923 г. Высший суд учреждался в качестве кассационной инстанции и органа непосредственного надзора за всеми действующими в Белоруссии народными судами и их трудовыми сессиями. Он же действовал и как первая инстанция по отнесенным к его ведению делам, а также наделялся организационно-административными функциями в отношении поднадзорных ему органов. Высший суд представлял кандидатов в народные суды, определял количество участков народных судов, границы их деятельности, проводил ревизии

¹ «Звезда» от 15 февраля 1922 г.

² «Звезда» от 28, 29, 31 января и 1 февраля 1922 г.

³ Белорусская ССР в 1922–1923 гг. (К V Всебелорусскому съезду Советов). Минск, 1924, с. 402–403.

и т.п. В компетенцию Высшего суда входило распределение следственных участков, назначение и отстранение народных следователей, осуществление контроля за их деятельностью¹.

Таким образом, в целом Высший суд в БССР выполнял функции, аналогичные полномочиям губернского суда в РСФСР. Особенностью в компетенции Высшего суда являлось то, что он в отличие от губернского суда не осуществлял надзора за деятельностью арбитражной и земельных комиссий. В БССР выполнение этой обязанности было возложено на Верховный суд, прокурора республики и НКЮ.

В состав Высшего суда входили председатель, два его заместителя, двенадцать постоянных членов и народные заседатели, призываемые к участию в рассмотрении дел по первой инстанции.

Председатель Высшего суда избирался Президиумом ЦИК по представлению НКЮ, а заместители председателя и члены этого суда – пленумом Минского городского Совета сроком на один год с утверждения НКЮ. Смещение и отзыв указанных лиц до истечения срока их полномочий не допускались, кроме случаев отстранения по суду или в порядке дисциплинарного производства в Верховном суде БССР.

К председателю Высшего суда и его заместителям предъявлялись такие же требования, как и к остальным судьям; кроме того, они должны были иметь не менее чем трехлетний стаж практической работы на должности народного судьи или члена революционного трибунала. Членами Высшего суда могли быть только лица, проработавшие не менее двух лет на тех же должностях. Из этого правила для отдельных лиц с разрешения народного комиссара юстиции могли допускаться исключения.

Более высокие требования предъявлялись и к кандидатам в народные заседатели Высшего суда. Они должны были обладать двухлетним стажем работы в профессиональных и других общественных организациях. В качестве народных заседателей Высшего суда избиралось не менее 25 народных судей для участия преимущественно в заседаниях гражданского отделения Высшего суда, чем обеспечивался наиболее квалифицированный состав последнего при рассмотрении по первой инстанции сложных гражданских дел и одновременно повышалась квалификация народных судей.

¹ По Положению о судеустройстве БССР 1923 г. следователи при Высшем суде не состояли (в отличие от губернского суда РСФСР, при котором были старшие следователи). В БССР в этот период существовали две категории следователей: народные следователи при соответствующих следственных участках, находившиеся в ведении Высшего суда, и следователи по важнейшим делам при отделе прокуратуры Наркомюста.

Высший суд действовал в составе: пленума, уголовного и уголовно-кассационного отделений (уголовный отдел), гражданского и гражданско-кассационного отделений (гражданский отдел); дисциплинарной коллегии.

В состав пленума входили все члены Высшего суда. Заседания пленума считались правомочными при участии в его работе не менее половины членов. На пленумах обязательно присутствовал представитель отдела прокуратуры НКЮ. Одной из функций пленума было рассмотрение вопросов, связанных с организационно-административной деятельностью Высшего суда (определение границ и числа участков народных судов, числа народных следователей, назначение ревизий, выработка наказов и инструкций, возбуждение дисциплинарного преследования в отношении народных судей, народных следователей и других подведомственных Высшему суду должностных лиц и т.п.). Вторая функция пленума состояла в разъяснении неясных вопросов действующего законодательства. Такие вопросы могли выноситься на пленарные заседания председателем Высшего суда, составом коллегии или отделом прокуратуры в связи с конкретным делом или решением. При этом принятое постановление считалось предварительным и подлежало обязательному утверждению пленумом Верховного суда республики.

Уголовный отдел Высшего суда состоял из семи постоянных членов. Он разделялся на уголовное и уголовно-кассационные отделения. Судебные заседания уголовно-кассационного отделения действовали в составе трех постоянных членов Высшего суда, а судебные заседания уголовного отделения – в составе одного постоянного члена и двух народных заседателей. Аналогичные принципы лежали в основе организации гражданского отдела.

Дела особой государственной важности рассматривались, коллегией в составе председателя Высшего суда и его заместителей. В дисциплинарную коллегию входили председатель или один из его заместителей и два члена суда, избранных на пленарном заседании.

24 ноября 1923 г. в составе Высшего суда была создана Особая судебная коллегия¹. Она выделялась пленумом Высшего суда для рассмотрения дел о наиболее серьезных преступлениях (дела о некоторых контрреволюционных преступлениях, об особо опасных преступлениях против порядка управления, о преднамеренных

¹ ЦГАОР БССР, 99, оп. 1, ед. хр. 164, л. 93.

убийствах и т.д.). В Особую коллегияу дела направлялись прокурором республики. Приговоры, вынесенные этой коллегией, обжалованию в кассационном порядке не подлежали и приводились в исполнение по истечении 24 часов. Их исполнение могло быть приостановлено лишь Президиумом ЦИК и прокурором республики.

В качестве высшего судебного органа республики учреждался Верховный суд. Он осуществлял судебный контроль и надзор за судебной деятельностью всех судов БССР, кроме военных и военно-транспортных трибуналов, а также рассматривал в кассационном порядке дела, решенные Высшим судом. К Верховному суду БССР перешли, таким образом, полномочия, ранее осуществляемые Высшим кассационным судом. Дополнительно на Верховный суд был возложен надзор за деятельностью земельных и арбитражной комиссий, выполнение контрольно-ревизионных функций в отношении Высшего суда.

Председатель и члены Верховного суда назначались Президиумом ЦИК: председатель – непосредственно Президиумом ЦИК, а члены – по представлению НКЮ. От должности они могли быть отозваны и отстранены только по решению Президиума ЦИК.

Структура Верховного суда БССР была следующей: президиум, пленарное заседание, кассационные коллегии по гражданским и уголовным делам.

Президиум Верховного суда включал председателя суда и председателей кассационных коллегий. В его заседаниях с правом совещательного голоса принимал участие помощник прокурора республики. К ведению президиума относилось осуществление административно-организационной деятельности: распределение обязанностей между членами Верховного суда, просмотр и утверждение отчетов отдельных коллегий и составление отчетов о работе Верховного суда, назначение ревизий Высшего суда, возбуждение дисциплинарных производств в отношении членов Верховного суда, председателя Высшего суда и его заместителей, созыв пленарных заседаний.

Пленум Верховного суда состоял из всех его членов и председателя. Участие прокурора республики или его старшего помощника в заседаниях пленума было обязательно. Задачи пленарных заседаний состояли: 1) в толковании законов в связи с вопросами судебной практики, возбуждаемыми отдельными коллегиями или отдельным составом судебного заседания той или иной коллегии, а также по представлению президиума Верховного суда, прокурора республики или его помощника, состоящего при Верховном

суде; 2) в рассмотрении приговоров, вынесенных Особой коллегией Высшего суда в составе председателя этого суда и его заместителей, определений кассационных коллегий Верховного суда, а также решений любого суда республики, если об этом поступило предложение со стороны Президиума ЦИК, президиума Верховного суда, членов этого суда, председательствовавших в заседаниях коллегий, или был принесен протест прокурором республики или его помощниками.

Пленум Верховного суда создавался, таким образом, как высшая судебная инстанция в республике, в которой окончательно должны были решаться сложные и спорные вопросы судебной практики. Разъяснения законов, данные пленумом в связи с рассмотрением конкретного уголовного или гражданского дела, носили обязательный характер для всех дел и всех судов республики.

Пленум Верховного суда избирал состав дисциплинарной коллегии Верховного суда, рассматривал все другие вопросы, вносимые на его обсуждение.

В компетенции и структуре Верховного суда БССР имелись некоторые особенности по сравнению с Верховным судом РСФСР. В отличие от последнего Верховный суд БССР по первому Положению о судостроительстве не был наделен правами суда первой инстанции. Верховный суд Белоруссии не осуществлял надзора за деятельностью военных и военно-транспортных трибуналов, поскольку транспортные трибуналы на территории БССР в этот период времени не действовали, а военные трибуналы подчинялись Верховному суду РСФСР, а затем – Верховному суду Союза ССР. В связи с этим в составе Верховного суда БССР не были образованы военная и транспортная коллегии.

В начале 1924 г. по решению ЦК РКП (б), ЦИК СССР и VI Всебелорусского Чрезвычайного съезда Советов в состав БССР в целях ее расширения и укрепления были включены уезды Витебской, Гомельской и Смоленской губерний с преобладающим белорусским населением. Территория республики увеличилась более чем вдвое, а численность населения возросла в 2,7 раза.

В связи с расширением территории республики, а также в целях наилучшего учета экономических особенностей отдельных районов и приближения государственного аппарата к населению летом 1924 г. было изменено административно-хозяйственное

деление БССР¹. Вместо уездов и волостей территория республики была разделена на 10 округов и 100 районов.

Укрупнение БССР и введение нового административно-территориального деления потребовали проведения перестройки и в области судостроительства. Поскольку в присоединенных районах действовало Положение о судостроительстве РСФСР от 11 ноября 1922 г., Президиум ЦИК БССР 28 марта 1924 г. принял постановление о структуре судебных учреждений БССР². Целью этого постановления было введение на всей территории республики единой системы судов.

Судебные органы в присоединенных уездах и городах перестраивались применительно к Положению о судостроительстве БССР от 30 марта 1923 г. Вследствие увеличения количества участков народных судов (с 32 до 106)³ признавалось необходимым в г. Витебске, Могилеве и Мозыре открыть постоянные судебно-кассационные сессии Высшего суда и возложить на них пересмотр не вошедших в законную силу приговоров и решений народных судов соответствующих округов и рассмотрение по первой инстанции дел, подсудных Высшему суду⁴. Создание постоянных судебно-кассационных сессий Высшего суда вызывалось еще и тем, что вследствие расширения территории республики возросла роль Высшего суда как органа судебного контроля и судебно-административного центра. В осуществлении надзора за деятельностью судов повышалось также значение и Верховного суда. Постановлением Президиума ЦИК БССР от 28 марта 1924 г. компетенция Верховного суда была значительно расширена. Он наделялся полномочиями суда первой инстанции по делам особой важности. Были приняты меры и к организационному укреплению Верховного суда, количественному расширению его состава и укомплектованию кадрами постоянных

¹ СУ БССР 1924 г. № 13, ст. 117. Новое административно-хозяйственное деление республики окончательно было утверждено постановлением ЦИК и СНК БССР 2 ноября 1925 г. (СУ БССР 1925 г. № 2–3, ст. 12).

² ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 362, л. 22. 24 марта 1924 г. вопрос о структуре судебных органов Белоруссии обсуждался на заседании Совнаркома БССР (Там же, л. 42–43).

³ ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 357, л. 99.

⁴ В частности, в г. Витебске постоянная судебно-кассационная сессия Высшего суда начала свою деятельность с 5 апреля 1924 г. Она предназначалась для обслуживания Витебского, Оршанского и Полоцкого округов (Отчет Витебского окрисполкома I окружному съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Витебск, 1925, с. 92–94). Постоянной судебно-кассационной сессии в г. Могилеве были подсудны Могилевский и Калининский округа. В г. Мозыре судебно-кассационная сессия Высшего суда открыта не была. Для народных судов Мозырского округа кассационной инстанцией являлся непосредственно Высший суд республики (ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 90, л. 18).

работников. Неотложность и необходимость осуществления этих мер вызывались тем, что до марта 1924 г. Верховный суд БССР не имел постоянного состава¹. Председатель и два члена суда одновременно были заняты другой работой. Это отрицательно отражалось на деятельности Верховного суда как высшего судебного органа республики и фактически лишало его возможности осуществлять судебный контроль за нижестоящими судами.

Поднятию авторитета Верховного суда, а также оживлению его деятельности содействовало установление постоянной связи с Верховным Судом СССР, учрежденным 6 июля 1923 г. В соответствии с Положением о Верховном Суде СССР председатель Верховного суда БССР входил в состав пленарного заседания Верховного Суда СССР по должности и, таким образом, принимал участие в решении важнейших вопросов его деятельности. С другой стороны, Верховный Суд Союза ССР осуществлял надзор за соответствием общесоюзному законодательству постановлений, решений и приговоров Верховных судов союзных республик, в том числе Верховного суда Белорусской ССР. В случае противоречия этих решений общесоюзным законам, а также при нарушении ими интересов других союзных республик Верховный Суд СССР мог опротестовать их перед Президиумом ЦИК СССР. Верховный Суд СССР давал также Верховным судам союзных республик руководящие разъяснения и толкование общесоюзного законодательства².

Происшедшие изменения в организации судебной системы республики необходимо было отразить в Положении о судостроительстве. Юдичная практика работы судебного аппарата, построенного в соответствии с первым республиканским законом о судостроительстве, показывала, что структура и компетенция отдельных звеньев судебной системы нуждались в уточнении. Президиум ЦИК БССР поручил НКЮ разработать новый проект Положения о судостроительстве. Представленный проект этого закона с внесенными в него изменениями и дополнениями был утвержден второй сессией ЦИК БССР шестого созыва 15 июля 1924 г. и введен в действие с 1 августа 1924 г.³

¹ Отчет Правительства VII Всебелорусскому съезду Советов. Минск, 1925, с. 387.

² Верховный суд БССР неоднократно проявлял инициативу в получении от Верховного Суда СССР руководящих разъяснений по отдельным вопросам законодательства. Так, в 1925 г. Верховный суд БССР просил пленум Верховного Суда СССР дать разъяснения о праве пленумов Верховных судов союзных республик непосредственно вносить вопросы в Верховный Суд СССР, об участии Верховных судов республик в обследовании деятельности военных трибуналов, действовавших на территории этих республик, и т.д. (ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 607, л. 73).

³ СУ БССР 1924 г. № 12, ст. 112.

Новое Положение о судостроительстве, сохранив прежние судебные органы, улучшило их организационную структуру и уточнило их полномочия. Целью нового законодательного акта было приближение судебной системы к массам, дальнейшая демократизация ее принципов.

Впервые в судостроительном законе БССР четко определялись задачи органов правосудия¹. В задачи суда входило: «а) ограждение завоеваний пролетарской революции, установленной ею рабоче-крестьянской власти, приходящей на смену капитализму коммунистической системы собственности, от посягательства со стороны классовых противников и неустойчивых элементов из среды самих трудящихся; б) защита интересов и прав трудящихся и их объединений, а также правовое воспитание трудящихся; в) разрешение гражданских споров и совершение актов, для которых установлен законодательством БССР судебный порядок, хотя бы таковые акты и не были связаны непосредственно с гражданскими спорами». В этих задачах наглядно проявлялись классовая природа советского суда, его воспитательная роль, подлинно демократический характер принципов его организации и деятельности.

Вследствие введения окружного деления устанавливался новый порядок выборов народных судей. Они избирались исполкомами окружных Советов и утверждались Наркомюстом. Исполкомы окружных Советов определяли количество участков народных судов в округе, границы этих участков и местонахождение камер судов. Постановления исполкомов окружных Советов по организационным вопросам согласовывались с Высшим судом и утверждались НКЮ. Порядок составления списков народных заседателей был сохранен прежний, но вместо уездной комиссии создавалась комиссия в окружном центре. В состав ее входили член окружного исполкома (председатель комиссии), местный прокурор и уполномоченный Высшего суда.

Председатель, заместители и члены Высшего суда по новому Положению назначались по представлению НКЮ Совнаркомом БССР сроком на один год.

Расширение организационно-административных и прежде всего инструктивно-реvisionsных полномочий Высшего суда обусловило создание в его составе президиума, в который входили председатель суда и два его заместителя. Президиум разрешал все

¹ В РСФСР задачи суда были сформулированы в Положении о судостроительстве от 19 ноября 1926 г. (ст. 1).

важнейшие вопросы судебного управления: определение границ и числа участков народных судов и размещение их камер, проведение ревизий народных судов, возбуждение дисциплинарного преследования в отношении народных судей и народных следователей. Он же распределял членов Высшего суда по отделениям и постоянным сессиям, формировал особые составы для слушания отдельных дел и решал все иные вопросы, связанные с организацией работы этого судебного органа. На президиуме предварительно обсуждались вопросы, вносимые на рассмотрение пленума. Следовательно, президиуму Высшего суда передавалась часть функций, которые ранее являлись прерогативой его пленума. Учреждение президиума преследовало цель освободить пленум Высшего суда от текущей административно-организационной работы и сосредоточить его внимание на обобщении судебной практики народных судов и даче им указаний относительно правильного применения законов при рассмотрении дел.

Ведению пленума Высшего суда в соответствии со ст. 44 Положения о судостроительстве БССР 1924 г. подлежало: образование новых постоянных судебно-кассационных сессий; слушание отчетов о деятельности президиума, заместителей председателя; обсуждение результатов проведения обследований работы народных судов и разработка мер для устранения выявленных недостатков; выборы дисциплинарной коллегии и т.п. Как и прежде, одной из главных задач пленума Высшего суда являлось рассмотрение вопросов, связанных с неясностью и неполнотой действующих законов¹. С ноября 1924 г. пленум и уголовно-кассационное отделение Высшего суда получили право пересматривать в порядке надзора вступившие в законную силу приговоры и решения народных судов.

Положение о судостроительстве 1924 г. сохраняло созданные ранее в г. Витебске и Могилеве постоянные судебно-кассационные сессии, целью которых являлось оказание Высшему суду помощи в осуществлении кассационных функций и рассмотрении дел по первой инстанции. В отличие от Высшего суда постоянные судебно-кассационные сессии не занимались вопросами судебного управления.

¹ Следует отметить, что в 1924–1925 гг. пленум Высшего суда не выполнял полностью возложенных на него задач. Полномочия пленума нередко осуществлялись президиумом этого суда. Вопрос о нарушении президиумом Высшего суда ст. 44 Положения о судостроительстве БССР 1924 г. был предметом специального обсуждения 10 июля и 27 сентября 1925 г. на пленарном заседании Верховного суда республики (ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 435, л. 50–62; ед. хр. 445, л. 33; ед. хр. 600, л. 14). Верховный суд обязал президиум Высшего суда в дальнейшем действовать только в пределах компетенции, установленной ст. 42 Положения о судостроительстве БССР 1924 г.

В округах учреждались должности уполномоченных Высшего суда. Они назначались НКЮ по представлению Высшего суда из числа народных судей округа. Помимо выполнения судебной работы по участку, уполномоченные Высшего суда выполняли административно-финансовые и организационно-инструкторские обязанности, рассматривали по предложению Высшего суда поданные ему дела. Окружные уполномоченные инструктировали народных судей и производили по поручению НКЮ (отдела судостройства и надзора) ревизии народных судов. Они же участвовали в комиссиях по составлению списков народных заседателей, осуществляли систематический контроль за деятельностью бюро коллегий защитников и судебных исполнителей, действовавших на территории округа. Для ознакомления работников юстиции с циркулярами НКЮ, судебной практикой Высшего и Верховного судов и совместного обсуждения других вопросов их деятельности уполномоченные созывали совещания. Они составляли сметы на содержание народных судов и представляли их в окружные исполкомы и НКЮ, распределяли ассигнованные кредиты, заботились об обеспечении судов помещениями, оборудованием, юридической литературой, канцелярскими принадлежностями и т.д.

Выполнение сложной и большой административно-организационной работы отвлекало уполномоченных Высшего суда от их обязанностей по своему участку. Поэтому возникла необходимость в дополнительных народных судьях, которые находились бы в распоряжении уполномоченного Высшего суда, помогали ему в осуществлении судебных функций и одновременно участвовали в заседаниях земельных комиссий.

1 сентября 1924 г. при Высшем суде было образовано инструкторско-ревизионное отделение¹. В его обязанности входило составление проектов циркуляров и разъяснений по запросам с мест, проведение ревизий судебных учреждений, разработка поступавшего в Высший суд статистического материала. Учреждение этого органа благотворно отразилось на инструкторно-ревизионной деятельности Высшего суда, получившего возможность более планомерно проводить ревизии народных судов. Благодаря этому установилась тесная связь Высшего суда с местными судебными органами и улучшилась их работа.

Еще более расширились полномочия Верховного суда республики как высшего судебного органа, руководящего судебной практикой нижестоящих судов. По сравнению с первым Положением

¹ Отчет Правительства VII Всебелорусскому съезду Советов, с. 328.

Верховный суд был наделен правом надзора за всеми действовавшими на территории БССР судами, включая военные трибуналы, арбитражную и земельные комиссии. Он стал кассационной инстанцией для военных трибуналов¹. До этого времени военные трибуналы, расположенные на территории Белоруссии, не входили в ее судебную систему. Они находились в ведении НКЮ и Верховного суда РСФСР. Приговоры военных трибуналов Западного военного округа подлежали обжалованию в соответствующую коллегию Верховного суда РСФСР. Организационное руководство в отношении военных трибуналов осуществлялось Верховным Судом СССР. С 15 июля 1924 г. военные трибуналы в Белоруссии стали составной частью единой судебной системы республики. Верховный суд БССР стал осуществлять непосредственный надзор и контроль за их деятельностью. Для более тесной связи с военными трибуналами Западного военного округа пленумам Верховного суда республики через НКЮ было внесено представление в Президиум ЦИК БССР о введении в состав Верховного суда (его пленум и уголовно-кассационную коллегию) председателя военного трибунала Западного военного округа или его заместителя. Президиум ЦИК БССР 4 декабря 1925 г. решил этот вопрос положительно и включил в состав Верховного суда республики председателя военного трибунала Западного военного округа. В случае отсутствия последнего его обязанности в Верховном суде исполнял председатель военного трибунала 3-го кавалерийского корпуса².

В 1924–1925 гг. были осуществлены и другие важные мероприятия, направленные на укрепление судебной системы в республике и прежде всего на поднятие роли и авторитета народного суда. В целях разгрузки народных судов³ и сосредоточения их внимания на рассмотрении серьезных дел из их подсудности изымались и передавались административным органам мелкие гражданские и уголовные дела (установление трудового стажа, расторжение брака при наличии обоюдного согласия супругов или желания одного

¹ Некоторое время и после принятия Положения о судостроительстве от 15 июля 1924 г. кассационной инстанцией для военных трибуналов фактически продолжал оставаться Верховный суд РСФСР (Отчет Правительства VII Всебелорусскому съезду Советов, с. 337).

² ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 445, л. 33; ед. хр. 600, л. 37.

³ Народные суды в это время были перегружены рассмотрением дел о мелких правонарушениях. Об указанном свидетельствуют следующие данные: в 1924 г. из всех дел, рассмотренных народными судами, 20 % уголовных и 17,5 % гражданских дел прекращены производством. По 68,2 % обвинительным приговорам мера наказания определена в виде штрафа (Отчет Правительства VII Всебелорусскому съезду Советов, с. 331).

из них, самовольная порубка леса, изготовление спиртных напитков). С другой стороны, в связи с укреплением народного суда и повышением его роли в осуществлении задач правосудия некоторые категории уголовных и гражданских дел, ранее рассматриваемых Высшим судом, были отнесены к подсудности народного суда (неосторожное убийство, побег арестованного из-под стражи, грабеж, соединенный с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего, и т.д.)¹.

В подсудности Высшего суда по уголовным делам оставались только дела о некоторых государственных преступлениях, о наиболее серьезных преступлениях против порядка управления, против личности и о должностных преступлениях. Так, 12–21 февраля 1925 г. Высший суд республики рассмотрел актуальное для того периода дело о преследовании кулаками сельского корреспондента Лапицкого, жителя деревни Жирховки. В отношении подсудимых был вынесен обвинительный приговор².

В соответствии с постановлением второй сессии ЦИК БССР шестого созыва от 15 июля 1924 г. о практических мероприятиях по проведению национальной политики³ в республике были созданы национальные камеры народного суда.

Руководящее значение для деятельности судов БССР, как и всех других союзных республик, имели указания XIV партконференции и III Всесоюзного съезда Советов о твердом проведении в жизнь начал революционной законности, о еще более широком привлечении к судебной работе трудящихся, особенно крестьян из бедняков и середняков. Состоявшийся в мае 1925 г. VII Всебелорусский съезд Советов, подчеркивая необходимость широкого вовлечения рабоче-крестьянских масс в советское строительство, особое внимание обратил на привлечение к государственной и общественной работе женщин – крестьянок и работниц. Выполняя эти решения, НКЮ БССР под руководством ЦК КП(б) и СНК БССР осуществил мероприятия по укреплению связи суда с трудящимися массами, приближению его к населению. Значительно расширилась сеть народных судов. К концу 1925 г. в республике имелся 121 народный суд; 24 участка обслуживали городское население и 97 находились в районах. Таким образом, почти в каждом административном районе действовал народный суд⁴.

¹ СУ БССР 1924 г. № 24, ст. 218; СУ БССР 1925 г. № 29, ст. 273.

² Ежедельник советской юстиции, 1925, № 9, с. 233.

³ СУ БССР 1924 г. № 11, ст. 108.

⁴ ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 398, л. 2.

В конце 1924 г. в республике были проведены очередные выборы народных заседателей. Всего на 1925 г. было избрано 30 000 человек. Среди них было 30 % женщин. В городских судах 50 % народных заседателей составляли рабочие, 20 % служащие, 20 % красноармейцы, 10 % кулаки. В судах сельских районов преобладали народные заседатели, избранные из крестьян (50 %)¹.

Для укрепления связи народных судов и других звеньев судебной системы с широкими массами трудящихся немаловажное значение имели открытые судебные процессы, особенно организация по наиболее актуальным делам показательных процессов и выездных сессий. Постановка гласных «демонстративных, ярких процессов»² способствовала воспитанию граждан в духе соблюдения и уважения советских законов. Благодаря гласности судебного разбирательства устанавливался контроль трудящихся за деятельностью суда, что, в свою очередь, положительно отражалось на его работе.

Осуществляя лозунг партии «лицом к деревне», суды выезжали для рассмотрения соответствующих категорий уголовных и гражданских дел в деревни и села, где проводили общественно-политическую работу по разъяснению и популяризации советского законодательства. На суды ложилась задача борьбы с вековой отсталостью и бескультурностью населения, унаследованными от царского режима, и воспитание нового человека с новым, социалистическим мировоззрением и правосознанием.

Поднятию авторитета органов юстиции и укреплению их связи с массами способствовало также широкое освещение вопросов судебного строительства и судебной деятельности в печати. На страницах республиканских и местных газет регулярно помещались сообщения, информация и отчеты о проводимых в области судостроительства мероприятиях, о совещаниях судебных работников, о судебных процессах. Хорошо налаженная связь суда с прессой повышала к нему интерес и доверие со стороны населения, что также усиливало воспитательное значение судебной деятельности. Этой же цели служили и отчетные доклады судей на собраниях рабочих и крестьян. Они были одной из важных форм пропаганды советского права, эффективным средством повышения политической активности населения.

Укрепление связи органов юстиции с трудящимися выражалось и в усилении политического контроля за деятельностью суда

¹ ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 398, л. 4.

² В.И. Ленин. Соч., т. 33, с. 304.

со стороны местных органов власти. Согласно Положению об окружных съездах Советов и их исполнительных комитетах от 17 июля 1924 г.¹ окружные исполкомы избирали народных судей, составляли предварительный план распределения судебных и следственных участков по округу, утверждали списки народных заседателей. В их компетенцию входило наблюдение за деятельностью всех судебных учреждений в округе и организация юридической помощи населению.

Исполкомы районных Советов, не вмешиваясь в рассмотрение и разрешение конкретных дел, осуществляли политический контроль за работой судов и о всех замеченных недостатках сообщали в исполком окружного Совета. Одной из основных обязанностей исполкомов районных Советов в области судостроительства и судопроизводства было оказание практической помощи судебным органам в борьбе с нарушениями законности. Они также решали вопросы, связанные с организацией судов: выдвигали кандидатуры народных судей и представляли на утверждение исполкомов окружных Советов списки народных заседателей².

Все это укрепило судебные органы, повысило их значение в обеспечении социалистической законности. Заметно возросла роль народного суда, являвшегося основной ячейкой народной судебной системы. Высокая оценка судебной и общественно-политической деятельности народного суда была дана в отчете Правительства VII Всебелорусскому съезду Советов: «...народные суды Белоруссии, 70 % которых составляют рабочие и крестьяне, вполне справляются со своей работой, обладая классовым подходом и проводя правильную политику как по уголовным, так и по гражданским делам.

Стоя на страже охраны интересов трудящихся и республики в рамках своей компетенции и принимая самое широкое участие в общественной жизни, народный суд все более и более углубляет свой авторитет среди широких трудящихся масс»³.

15 октября 1925 г. вопрос о революционной законности обсуждался на заседании Совнаркома БССР, где также отмечалось улучшение качества работы судов, повышение их авторитета среди населения. Одобрив практические мероприятия НКЮ в области судостроительства, взятый им твердый курс на приближение органов юстиции к населению, на расширение их общественно-политической деятельности и повышение квалификации судебных

¹ СУ БССР 1924 г. № 13, ст. 114.

² Там же, ст. 115.

³ Отчет Правительства VII Всебелорусскому съезду Советов, с. 385.

работников, Совнарком БССР признал необходимым и в дальнейшем вести решительную борьбу за укрепление социалистической законности и усиление правовой пропаганды среди трудящихся¹.

Однако в судебной организации республики имелись и серьезные недостатки. Основной порок действовавшей тогда системы судебных органов заключался в оторванности Высшего суда от народных судов. Отдаленность кассационных инстанций (Высшего суда и его судебно-кассационных сессий) от местных судебных органов отрицательно сказывалась на отправлении правосудия. Высший суд, осуществляя свои полномочия на территории всей республики, не был в состоянии обеспечить постоянный и действенный контроль за рассмотрением народными судами дел, оказывать им повседневную практическую помощь. При таких условиях недостаточно внимания уделялось обобщению и изучению судебной практики и судебной статистики, без чего трудно было своевременно вскрывать недостатки в работе народных судов и принимать меры к их устранению. Высший суд и его постоянные судебно-кассационные сессии почти не занимались распространением положительного опыта лучших народных судов. Существование в республике одного кассационного центра для пересмотра приговоров и решений народных судов было связано с известными трудностями для населения. Заинтересованные лица (истцы, ответчики, обвиняемые, их представители), чтобы явиться лично в Высший суд, должны были преодолеть значительное расстояние, затратить время и средства².

Высшему суду нелегко было поддерживать тесный контакт с местными советскими, партийными, профсоюзными и другими общественными организациями при разрешении различных организационных вопросов, связанных с деятельностью народных судов и других органов юстиции (подбор кадров, составление списков народных заседателей, проведение выездных сессий, финансирование и материально-техническое снабжение судов и т.д.). Особенно ощущалось в деятельности Высшего суда отсутствие постоянной связи с исполкомами окружных Советов, что мешало ему строить свою работу применительно к условиям каждого округа. Реорганизация Высшего суда республики становилась жизненно необходимой. Учитывая

¹ Белорусская Советская Социалистическая Республика, Минск, 1927, с. 475.

² Так, Высший суд, находившийся в г. Минске, выполнял кассационные функции в отношении народных судов не только территориально близких округов (Минский, Борисовский), но и значительно отдаленных (Мозырский). (ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 90, л. 18).

эти обстоятельства, Президиум ЦИК и СНК БССР 5 октября 1925 г. приняли постановление о ликвидации Высшего суда и его постоянных судебно-кассационных сессий и об учреждении вместо них 5 окружных судов в г. Минске, Витебске, Могилеве, Бобруйске и Мозыре¹. В конце октября 1925 г. вопрос о внесении изменений в судебную систему был включен в повестку дня второй сессии ЦИК БССР седьмого созыва. Сессия ЦИК БССР заслушала доклад наркома юстиции² и приняла новое Положение о судостроительстве с введением его в действие с 1 ноября 1925 г.³ Положение о судостроительстве БССР от 15 июля 1924 г. с этого времени утратило силу.

Новое положение о судостроительстве было согласовано с Основами судостроительства СССР и союзных республик – первым общесоюзным законодательным актом, утвержденным постановлением ЦИК СССР 29 октября 1924 г. Основы судостроительства СССР и союзных республик закрепили важнейшие принципы организации советского суда и определили единую систему судебных учреждений для всех республик. Отступление от установленной системы судебных органов допускалось только по особому постановлению Президиума ЦИК СССР в связи с особенностями национально-культурных условий и административно-хозяйственного деления той или другой республики.

Как и в других союзных республиках, в Белоруссии была создана трехзвенная судебная система: народный суд в составе постоянного народного судьи или в составе того же постоянного народного судьи и двух народных заседателей, окружные суды, Верховный суд. Для рассмотрения дел специальных категорий по-прежнему сохранялись особые трудовые сессии народных судов, арбитражная и земельные комиссии, по делам об общественно опасных действиях несовершеннолетних – также соответствующие комиссии. Дела о воинских преступлениях были подсудны военным трибуналам.

Благодаря образованию окружных судов взамен Высшего суда судебный аппарат республики приближался к населению, устанавливалась более тесная связь с окружными и районными исполкомами.

В точном соответствии со ст. 1 Основ судостроительства СССР и союзных республик формулировались в Положении задачи суда: а) ограждение завоеваний пролетарской революции, рабоче-крестьянской власти и правопорядка, ею установленного; б) защита интересов и прав трудящихся и их объединений; в) укрепление

¹ ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 599, л. 38.

² «Савецкая Беларусь» от 1 ноября 1925 г.

³ СУ БССР 1925 г. № 49, ст. 382.

общественно-трудовой дисциплины и солидарности трудящихся и их правовое воспитание; г) осуществление революционной законности в личных и имущественных отношениях граждан.

Положением о судоустройстве БССР 1925 г. проводилось дальнейшее укрепление народного суда. Это выражалось в усилении его связи с окружными и районными исполкомами, с одной стороны, и с окружными судами – с другой. Сохраняя прежний порядок избрания народных судей исполкомами окружных Советов и их утверждения народным комиссаром юстиции, новый закон указывал, что они избираются из кандидатов, выдвигаемых исполкомами окружных или районных Советов или представляемых окружными судами. В целях наиболее широкого привлечения к судебной работе трудящихся в качестве народных судей могли избираться не только лица, имевшие двухлетний стаж общественно-политической деятельности в советских, партийных или профессиональных организациях или трехлетний стаж работы в органах советской юстиции на должностях не ниже народного следователя, а также лица, обладавшие опытом работы в административных органах.

В сторону дальнейшей демократизации был изменен и порядок привлечения граждан к исполнению обязанностей народных заседателей. Заседатели народных судов избирались на общих собраниях учреждений, организаций, воинских частей и на сельских сходах. За семь дней до выборов соответствующие учреждения, фабрично-заводские комитеты и т.д. составляли списки кандидатов в народных заседатели и вывешивали их для всеобщего обозрения. После избрания народных заседателей списки направлялись в районную комиссию, в которую входили член районного исполкома, представитель районного профбюро и местный народный судья. Комиссия имела право исключить из списков лиц, не отвечавших требованиям, предъявляемым к народным заседателям, и заменить их избранными в установленном порядке кандидатами. Составив списки народных заседателей по каждому участку народного суда, комиссия передавала их на утверждение в президиум районного исполкома. Им же разрешались жалобы о неправильном исключении из списков народных заседателей. В таком же порядке избирались народные заседатели для участков народных судов в окружных городах. Единственной особенностью было то, что обязанности районной комиссии по составлению списков для отдельных участков народных судов выполняла окружная комиссия. В нее входили член окружного исполкома, два представителя окружного бюро профсоюзов, окружной прокурор

и представитель местного суда или уполномоченный окружного суда, если последний находился в данном городе. Новый порядок выборов народных заседателей обеспечивал широкое вовлечение в работу суда трудящихся масс, укреплял его связь с народом.

Большая политическая кампания по выборам народных заседателей для народных судов на основе нового Положения была проведена в декабре 1925 – январе 1926 гг. Опираясь на местные советские, партийные и профсоюзные органы, НКЮ осуществил широкую программу общественно-политических мероприятий по правовой пропаганде, ознакомлению населения с основами советского законодательства, устройством и деятельностью советского суда. Для обеспечения классового состава суда и вовлечения в его работу трудящихся из рабочих, крестьян, красноармейцев и т.д. устанавливалось процентное соотношение подлежащих избранию народных заседателей по отдельным социальным группам населения. В результате проведенной политико-массовой и организационно-воспитательной работы кампания по выборам народных заседателей на 1926 г. прошла успешно, в обстановке высокой политической активности трудящихся. Большинство избранных народных заседателей и для народных, и для окружных судов составляли рабочие, крестьяне и красноармейцы.

С ноября 1925 г. в республике приступили к осуществлению своих обязанностей окружные суды¹. Полномочия окружных судов в основном соответствовали компетенции Высшего суда. Как и Высший суд, окружные суды являлись органом непосредственного надзора за всеми действовавшими в пределах их территории народными судами, судом первой и второй инстанции, а также выполняли функции административно-организационного характера в отношении народных судов, нотариальных контор, судебных исполнителей и коллегий защитников. Вместе с тем в компетенции и организации Высшего и окружных судов имелись существенные различия. Если Высший суд осуществлял предоставленные ему законом полномочия на территории всей республики, то деятельность окружных судов ограничивалась пределами не более двух округов. Более широко по сравнению с Высшим судом определялись задачи окружных судов в организационно-административной области (составление отчетности по народным судам округов, назначение уполномоченных окружных судов и т.д.). Важнейшие

¹ ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 599, л. 33–34.

вопросы судебного управления решались на пленуме окружного суда. Им же вырабатывались указы и инструкции для народных судов по различным вопросам судебной практики. Таким образом, в окружном суде функции президиума бывшего Высшего суда выполнялись пленумом.

Председатель, его заместитель и члены окружного суда избирались исполкомом окружного Совета сроком на один год и утверждались НКЮ. Досрочный отзыв или смещение судей допускались только по особому постановлению окружного исполкома, согласованному с НКЮ. В тех случаях, когда окружной суд действовал в пределах двух округов, эти вопросы решались окружным исполкомом, на территории которого находился суд. Подотчетны же окружные суды были всем окружным исполкомам, территорию которых они обслуживали.

Во всех округах, где не было окружных судов, имелись уполномоченные окружных судов. Они назначались пленумом окружного суда из числа наиболее подготовленных народных судей округа и утверждались окружным исполкомом, и НКЮ. Обязанности уполномоченных окружных судов по сравнению с уполномоченными Высшего суда были сужены. Последние не наделялись правом инструктирования народных судов и обследования их деятельности, не выполняли судебных функций по делам, подсудным окружным судам. Деятельность уполномоченных окружных судов ограничивалась решением чисто административных и хозяйственных вопросов.

Образование окружных судов потребовало дальнейшего организационного укрепления Верховного суда БССР и расширения его надзорных полномочий. По Положению о судостроительстве БССР 1925 г. Верховный суд осуществлял надзор за деятельностью судебных органов республики в широком объеме: а) путем пересмотра приговоров и решений окружных судов и приговоров военных трибуналов в кассационно-реvisionsном порядке; б) путем пересмотра в порядке надзора любого решения суда, действовавшего от имени республики. Из числа поднадзорных Верховному суду органов исключались некоторые судебно-административные учреждения: земельные комиссии, Особая коллегия высшего контроля по земельным делам и арбитражная комиссия, что также способствовало улучшению судебного надзора. Обобщая материалы кассационного и надзорного производства, Верховный суд издавал циркуляры по вопросам судебной практики и правильного применения закона и входил в НКЮ с представлениями об издании директив, касающихся судебной политики и организации

судебных учреждений. Этой стороне деятельности Верховный суд уделял значительное внимание¹.

По первой инстанции Верховному суду были подсудны дела, переданные на его рассмотрение постановлением Президиума ЦИК, пленумом Верховного суда или прокурором республики.

С принятием Положения о судостроительстве БССР 1925 г. усилилась роль Верховного суда и в осуществлении контроля за деятельностью нижестоящих судов. Ему предоставлялось право проводить с санкции НКЮ ревизии окружных судов и обсуждать результаты проведенных обследований на пленарном заседании. В его компетенцию входило заслушивание отчетов о работе окружных судов, внесение в НКЮ предложений о необходимых изменениях в личном составе окружных судов с доведением об этом до сведения исполкомов окружных Советов.

Укрепление Верховного суда выразилось также в расширении его штата, в организационном оформлении уголовно-кассационной и гражданско-кассационной коллегий, которые до этого времени не имели постоянного состава членов. Вследствие указанных изменений внутренняя структура Верховного суда приобрела следующий вид: пленарное заседание, уголовно-кассационная коллегия, гражданско-кассационная коллегия, судебная коллегия по уголовным делам, судебная коллегия по гражданским делам, дисциплинарная коллегия.

Изменения, внесенные в судостроительство республики Положением от 31 октября 1925 г., завершили судебную реформу. В БССР была создана простая и стройная судебная система, полностью соответствовавшая единой системе судебных учреждений в СССР.

Выше указывалось, что в соответствии с Положением о судостроительстве БССР 1923 г. наряду с общими судебными органами в республике действовали трудовые сессии народных судов, арбитражная и земельные комиссии.

Особые трудовые сессии народного суда были организованы в январе 1923 г. для рассмотрения дел о нарушениях трудового законодательства².

Положением о судостроительстве БССР 1923 г. определялось, что трудовые сессии народных судов образуются в каждом уездном

¹ Из доклада о деятельности Верховного суда республики за 1925 г. видно, что пленумом за отчетный год было дано 44 разъяснения по вопросам судебной практики, 11 разъяснений законов, рассмотрено 97 протестов (ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 607, л. 46).

² СУ БССР 1923 г. № 1–2, ст. 21.

городе в составе одного постоянного народного судьи и двух членов: одного от местного уездного профсоюзного бюро и другого от местного отдела труда.

Уездной трудовой сессии были подсудны все дела о нарушениях трудового законодательства в уезде. Ближайший надзор за деятельностью трудовых сессий народного суда осуществлял Высший суд. Он же являлся для них и кассационной инстанцией.

В связи с изменением административно-территориального деления трудовые сессии народных судов были образованы в каждом окружном городе и в наиболее развитых промышленных районах. В интересах создания наибольших удобств для трудящихся и усиления охраны их трудовых прав число этих сессий к концу 1925 г. доводится до 48¹.

Трудовые сессии, находившиеся в окружном городе, рассматривали связанные с нарушениями законов о труде уголовные и гражданские дела, возникшие на территории деятельности народных судов этого города. Трудовые сессии, учрежденные в районе при соответствующих участках народных судов, принимали к своему производству дела в пределах их территориальной подсудности. В тех же местностях, где не были образованы трудовые сессии, указанные категории дел рассматривались народными судами в общем порядке.

В состав трудовых сессий по-прежнему входили в качестве председательствующего народный судья и два постоянных члена: один, избранный местным профессиональным объединением, второй – местным (окружным или районным) исполкомом из числа работников хозяйственных учреждений или предприятий. Инспектор труда наделялся правом поддержания обвинения.

Надзор за деятельностью трудовых сессий народных судов наряду с НКЮ, прокуратурой и вышестоящими судебными органами осуществлял и Народный комиссариат труда. Он мог опротестовать в порядке надзора в Верховный суд республики любое решение трудовой сессии.

Деятельность трудовых сессий в восстановительный период способствовала вытеснению капиталистических элементов из народного хозяйства, всемерной охране трудовых прав рабочих и служащих. За нарушение трудового законодательства (несвоевременную выплату заработной платы, неуплату сверхурочных работ, введение таких работ без разрешения инспектора труда, непредоставление очередных отпусков, незаконное увольнение

¹ Отчет о деятельности органов юстиции БССР за 1926 г., Минск, 1927, с. 10.

рабочих и служащих, необеспечение их спецодеждой и т.п.) частные предприниматели привлекались к судебной ответственности.

Трудовые сессии проводили большую работу по пропаганде трудового законодательства среди трудящихся, разъяснению их прав. В этих целях устраивались показательные процессы, деятельность сессий широко освещалась в печати, народные судьи выступали с докладами по вопросам трудового права.

Своеобразными судебно-административными органами являлись арбитражная, и земельные комиссии. Первая из них была учреждена для рассмотрения имущественных споров между государственными предприятиями и учреждениями, земельные комиссии – для разрешения земельных споров. Эти комиссии действовали на основе специально изданных о них Положений¹. Взаимоотношения земельных и арбитражной комиссий с органами юстиции определялись Положениями о судоустройстве БССР. Согласно первому и второму Положениям о судоустройстве надзор за деятельностью арбитражной и земельных комиссий осуществлялся Верховным судом и прокурором республики. Положением о судоустройстве от 31 октября 1925 г. арбитражная и земельные комиссии в силу специфики рассматриваемых ими споров исключались из числа поднадзорных Верховному суду органов. Надзор за деятельностью арбитражной комиссии стал осуществляться в административном порядке Экономическим советом. В отношении земельных комиссий эта задача возлагалась на Особую коллегия по спорным земельным делам при Наркомземе БССР.

В тесной связи с деятельностью судебных органов проходила работа комиссий по делам несовершеннолетних. Эти комиссии являлись учреждениями медико-педагогического воздействия на несовершеннолетних. Они находились в ведении Народного комиссариата просвещения и рассматривали дела о правонарушителях обоего пола в возрасте до 16 лет. К несовершеннолетним, совершившим преступление, комиссии применяли меры медико-педагогического характера: беседы, разъяснения, замечания, внушения, передачу под присмотр родителей, установление надзора, определение на работу, помещение в детское учреждение для

¹ СУ БССР 1922 г. № 9, ст. 128; СУ БССР 1924 г. № 4, ст. 46. Научный интерес представляет исследование Н. Томковича «Земельно-судебные учреждения в БССР и их деятельность за 1923–1924 операционный год» (Советское строительство, 1925, № 3–4, с. 60–98), в котором освещается история развития земельно-судебных учреждений БССР, их организация, компетенция и порядок рассмотрения земельных споров.

перевоспитания и т.д. Только в случаях, когда комиссия приходила к выводу о безрезультатности такого рода воздействия или невозможности ограничиться упомянутыми мерами вследствие серьезности совершенного преступления, дела о несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет направлялись для рассмотрения в судебные органы.

31 августа 1925 г. было опубликовано Положение об окружных комиссиях по делам несовершеннолетних¹. Эти комиссии действовали при окружных отделах народного образования. В их состав в обязательном порядке входили педагог, врач и народный судья. Обвинение и защита при рассмотрении такого рода дел не допускались. Руководство работой окружных комиссий осуществлялось Центральной комиссией по делам несовершеннолетних, учрежденной при Народном комиссариате просвещения БССР².

Центральная комиссия издавала циркуляры и инструкции, контролировала их выполнение. Она же пересматривала неправильные постановления окружных комиссий, вела научную работу по исследованию различных проблем, связанных с правонарушениями несовершеннолетних. Комиссии по делам несовершеннолетних сыграли в этот период положительную роль в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, в предупреждении преступлений среди несовершеннолетних.

В исследуемый период центром всей организационной работы в области судоустройства являлся НКЮ БССР.

Как указывалось в седьмом пункте «Наказа по вопросам хозяйственной работы», написанного В.И. Лениным и принятого IX Всероссийским съездом Советов 28 декабря 1921 г., Наркомюст должен был в период новой экономической политики проявить большую энергию в двух направлениях. Во-первых, нарсудам республики необходимо было строго следить «за деятельностью частных торговцев и предпринимателей, не допуская ни малейшего стеснения их деятельности, но вместе с тем строжайше карая малейшие попытки отступления от неуклонного соблюдения законов республики и воспитывая широкие массы рабочих и крестьян в деле самостоятельного, быстрого, делового участия их в надзоре за соблюдением законности»³. Во-вторых, народные суды должны были обращать

¹ СУ БССР 1925 г. № 34, ст. 311.

² Там же, ст. 312.

³ В.И. Ленин. Соч., т. 33, с. 155.

«больше внимания на судебное преследование бюрократизма, волокиты, хозяйственной нераспорядительности»¹.

Осуществление этих задач требовало постоянного совершенствования аппарата НКЮ. С начала 1921 г. НКЮ БССР имел следующие отделы: общий отдел, судебно-следственный отдел, карательный отдел, административно-хозяйственный отдел. В сентябре 1921 г. в составе НКЮ БССР был учрежден нотариальный отдел².

Общий отдел занимался вопросами учета кадров народных судей, народных следователей, редактированием законопроектов, осуществлением общего надзора за деятельностью местных учреждений и организаций.

Судебно-следственный отдел ведал организацией судебно-следственных органов, наблюдал за их деятельностью и руководил ею путем издания соответствующих инструкций, дачи разъяснений по различным вопросам судебной практики. Он изучал также судебную статистику, участвовал в проведении выборов народных судей и составлении списков народных заседателей.

В компетенцию карательного отдела входило соответственно наблюдение за местами лишения свободы, за соблюдением установленного в них режима, за законностью приказов, издаваемых администрацией мест лишения свободы.

Нотариальный отдел НКЮ БССР, помимо выполнения нотариальных действий, наблюдал за работой нотариальных подотделов, организованных при уездных бюро юстиции³.

Организационно-административные функции на местах в отношении народных судов выполняли также уездные бюро юстиции.

3 января 1922 г. Президиум ЦИК БССР утвердил Положение о Народном комиссариате юстиции Белоруссии⁴. Согласно Положению комиссар юстиции назначался Совнаркомом и утверждался Президиумом ЦИК. Если он не был членом Президиума ЦИК, то входил в его состав с правом совещательного голоса. Относительно организации аппарата НКЮ в Положении никаких указаний не имелось. Однако Положение явилось основанием для внесения в структуру НКЮ некоторых изменений. В связи с учреждением института прокурорского надзора⁵ в составе НКЮ

¹ В.И. Ленин. Соч., т. 33, с. 155.

² ЦГАОР БССР, ф. Р-101, оп. 1, ед. хр. 376, л. 115.

³ Государственный архив Минской области, ф. Р-413, оп. 3, ед. хр. 13, л. 23.

⁴ ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 109, л. 4.

⁵ В БССР прокурорский надзор начал осуществляться с января 1922 г. Положением об НКЮ БССР от 3 января 1922 г. устанавливались должности прокурора Кассационного

был создан отдел охраны революционной законности¹. Оживление законодательной деятельности и необходимость проведения кодификационных работ в республике обусловили создание в составе НКЮ особого законодательно-кодификационного отдела. Карательный отдел был переименован в исправительно-трудовой, что раскрывало содержание карательной политики Советского государства. Нотариальный отдел с учетом выполняемого объема работы преобразовался в подотдел². Непродолжительный период времени (июль – сентябрь 1922 г.) в составе НКЮ функционировал отдел высшего судебного контроля.

В начале 1922 г. в соответствии с решениями второго съезда судебных деятелей Белоруссии были ликвидированы уездные бюро юстиции. Надзор за соблюдением законности в уездах стал осуществляться товарищами прокурора. Функции судебного управления на местах стали входить в компетенцию Высшего суда, а впоследствии – окружных судов 3 ноября 1924 г. третья сессия ЦИК БССР шестого созыва утвердила новое Положение о Народном комиссариате юстиции³.

Общие задачи НКЮ по Положению от 3 ноября 1924 г. заключались в организации, руководстве и инструктировании действовавших на территории БССР судов, прокуратуры и других органов юстиции; в надзоре за законностью действий государственных органов, учреждений, предприятий, отдельных лиц; в наблюдении за деятельностью арбитражной и земельных комиссий, комиссий по делам несовершеннолетних, коллегии защитников, надзор за местами лишения свободы. В обязанность НКЮ входило предварительное рассмотрение законопроектов, опубликование и толкование законов.

Для выполнения указанных задач в составе НКЮ БССР были образованы следующие отделы: отдел прокуратуры, отдел законодательных предположений и кодификации, нотариальный, финансово-хозяйственный. Учет всех работников юстиции, ведение приказов по НКЮ и решение некоторых других общих вопросов возлагались на управление делами.

Впервые в Положении о НКЮ детально определялись функции каждого отдела, что способствовало лучшей организации

трибунала, прокурора Революционного трибунала и товарищей прокурора. Последние начали свою работу в уездах с января 1922 г. (ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 91, л. 43–45; ед. хр. 99, л. 56, 64; ед. хр. 105, л. 21).

¹ ЦГАОР БССР, ф. Р-101, оп. 1, ед. хр. 374, л. 34.

² Там же.

³ СУ БССР 1924 г. № 25–26, ст. 231.

работы НКЮ. Так, к ведению отдела законодательных предположений и кодификации относились предварительное рассмотрение законодательных предположений, вносимых ведомствами, и дача по ним заключений, разработка законопроектов, кодификация изданных законов, дача судебным органам руководящих указаний по вопросам действующего законодательства, выполнение некоторых других аналогичных обязанностей. Изданием Собраний узаконений и распоряжений, сборников декретов, различных справочников по вопросам советского законодательства занимался издательский подотдел, состоявший при отделе законодательных предположений и кодификации.

Во главе каждого отдела стоял заведующий, который нес персональную ответственность за постановку всей работы отдела. Деятельностью НКЮ в целом руководил народный комиссар юстиции.

Положение от 3 ноября 1924 г. внесло в структуру НКЮ одно существенное изменение: оно упразднило судебно-следственный отдел. Функции, ранее выполнявшиеся этим отделом, распределялись между другими отделами и управлением делами. Распыление функций по руководству и контролю за деятельностью судебных органов не содействовало успешному их осуществлению. Тем более что организация, контроль и инструктирование судов составляли одну из главных задач НКЮ. Контрольная и инструктивная деятельность НКЮ еще более расширилась с образованием окружных судов. Поэтому в соответствии с постановлением СНК БССР от 20 апреля 1925 г. в составе аппарата НКЮ был создан отдел судоустройства и судебного надзора¹. На него возлагались: организация судебных и следственных органов, судебных исполнителей, инспектирование их деятельности; наблюдение за работой коллегий защитников и различных административных органов, выполнявших судебные функции (комиссии по делам несовершеннолетних, арбитражная и земельные комиссии); созыв съездов деятелей юстиции и т.д. Одной из важнейших задач отдела судоустройства и судебного надзора являлось обобщение судебной практики и данных судебной статистики, издание циркуляров и инструкций для судебных органов. Сохранившиеся в архиве материалы показывают, что НКЮ БССР успешно выполнял эту задачу. Только за вторую половину 1925 г. им было издано множество циркуляров и инструкций по самым разнообразным вопросам судебной работы². Нужно, однако, отметить, что в инструктивной

¹ ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 599, л. 1. На правах подотдела в состав отдела судоустройства и судебного надзора вошел нотариальный отдел.

² Там же, ед. хр. 560.

деятельности НКЮ и высших судебных органов республики, в особенности Верховного суда, допускался параллелизм. Компетенция НКЮ и судебных учреждений в области руководства судебной деятельностью нуждалась в уточнении. Осуществлено это было позже.

В период восстановления народного хозяйства одним из необходимых условий поднятия уровня судебной работы, укрепления революционной законности являлось укомплектование судебных органов квалифицированными, выдержанными в классовом отношении кадрами, правильно понимающими и выполняющими свои задачи.

В Белоруссии в существенном улучшении нуждался социальный состав судебных работников. В 1921–1922 гг. в органах юстиции республики преимущественно работали представители старой интеллигенции и даже использовались бывшие судебные деятели. В связи с этим вопрос об обновлении состава суда, укомплектовании его пролетарскими кадрами имел первостепенное значение. В сентябре 1922 г. вопрос о пролетаризации судебных органов обсуждался на заседании Совнаркома Белоруссии¹.

В целях укрепления судебного аппарата были приняты меры к выдвижению на судебные должности партийных и советских работников, наиболее подготовленных рабочих и крестьян. В результате последовательного проведения этой линии в подборе кадров личный состав судей из года в год улучшался. Если на 1 апреля 1924 г. коммунистов в составе Высшего суда насчитывалось 57 %, то на 1 января 1925 г. их было 60 %; процент рабочих и крестьян в составе этого суда повысился с 20 до 48 %, а среди народных судей – с 63 до 78 %².

На 1 января 1926 г. коммунисты среди членов суда (включая председателей и их заместителей) составляли 75 %, а среди народных судей – 66 %; процент рабочих и крестьян был соответственно равен 55,5 и 82,6 %³. Таким образом, к концу исследуемого периода судебные органы республики состояли преимущественно из рабочих и крестьян, значительный процент среди которых составляли коммунисты. Это обеспечивало проведение в деятельности судов классовой политики, выполнение ими директив Коммунистической партии и Советского правительства.

¹ Советская юстиция в Белоруссии, «Звезда» от 10 сентября 1922 г.

² Отчет Правительства VII Всебелорусскому съезду Советов, с. 333.

³ Отчет о деятельности органов юстиции БССР за 1926 г., с. 19–20.

В соответствии с решениями XII съезда РКП(б) по национальному вопросу Наркомюст Белоруссии провел большую работу и по укомплектованию судебных органов республики кадрами из местного населения, хорошо знающими его быт, обычаи, местные и национальные условия и особенности. В числе судебных работников БССР 69 % составляли белорусы¹.

В 1921–1925 гг. значительные успехи были достигнуты и в области повышения юридической квалификации судей. Партийными и советскими органами создавались специальные юридические курсы для рабочих и крестьян, выдвинутых на судебные должности. Но самым главным было воспитание кадров и повышение их квалификации путем систематического инструктирования, обеспечения юридической литературой, оказания непосредственной юридической помощи в повседневной работе.

Одной из форм повышения квалификации народных судей являлось привлечение их в качестве народных заседателей к рассмотрению гражданских дел по первой инстанции в Высшем суде и окружных судах. Широко применялась НКЮ и вышестоящими судебными органами рассылка циркуляров, разъяснений, всякого рода писем (по материалам ревизий, кассационной практики, в порядке ответов на запросы с мест и т.д.).

В 1925 г. начинает входить в практику судов вынесение частных определений, в которых указывалось на допущенные судами процессуальные нарушения при рассмотрении дел. Немаловажное значение в повышении квалификации судебных работников имели регулярно созываемые совещания и съезды судей, на которых обсуждались новые законы, намечались мероприятия по улучшению качества рассмотрения и разрешения уголовных и гражданских дел. Следует, однако, отметить, что, несмотря на принятые меры, уровень общей и специальной подготовки судебных работников оставался еще очень низким. Из общего числа судей (152) на 1 января 1926 г. высшее образование имели только 12 человек (7,8 %), а среднее – 15 (9,8 %)².

Таким образом, задача подготовки кадров советских юристов не была и не могла быть решена в этот период. Она только ставилась на повестку дня, и делались первые шаги в ее осуществлении.

¹ Отчет о деятельности органов юстиции БССР за 1926 г., с. 20.

² Там же.

Глава III.

Задачи и организация суда БССР в период социалистической реконструкции народного хозяйства (1926–1934 гг.)

К началу 1926 г. восстановление народного хозяйства в республике в основном завершилось. Для дальнейшего подъема экономики БССР, отличавшейся крайне низким уровнем развития, необходимо было осуществить социалистическую реконструкцию промышленности и сельского хозяйства. Полностью одоблив решения XIV съезда Коммунистической партии о проведении индустриализации страны, IX съезд КП(б)Б, состоявшийся в декабре 1925 г., наметил конкретную программу промышленного развития республики. Выполнение этой программы позволило поставить и успешно разрешить задачу перевода единоличных, разрозненных крестьянских хозяйств на рельсы крупного социалистического производства.

Досрочное выполнение первого пятилетнего плана привело к построению фундамента социалистической экономики. Объем промышленной продукции цензовой промышленности республики в 10 раз превысил довоенный уровень, а удельный вес промышленности в народном хозяйстве БССР к концу рассматриваемого периода составлял 67–68 %. Окончательно победил колхозный строй: 72,6 % бедняцко-средняцких хозяйств к концу 1934 г. были объединены в колхозы.

В Белоруссии была полностью ликвидирована безработица. Повысилось благосостояние трудящихся. Решающие победы одержала культурная революция: была ликвидирована неграмотность среди взрослого населения, повсеместно введено всеобщее обязательное начальное образование, успешно подготавливались кадры специалистов с высшим и средним образованием.

Огромные достижения Белорусской ССР в социалистическом строительстве дали основание XI Всебелорусскому съезду Советов (январь 1935 г.) провозгласить БССР индустриально-колхозной республикой, республикой сплошной грамотности и высокой социалистической культуры¹.

Социалистическая реконструкция народного хозяйства в Белоруссии, как и во всей стране, осуществлялась в условиях острой классовой борьбы. Капиталистические элементы города и деревни

¹ Постановление XI Всебелорусского съезда Советов по отчету Правительства (СЗ БССР 1935 г. № 15, пост. 74).

всеми силами пытались помешать строительству социализма. В эти годы органы государственной безопасности раскрыли вредительскую деятельность ряда контрреволюционных организаций: «Промпартии», «Союзного бюро меньшевиков» и др. Путем вредительства и диверсий контрреволюционные группы стремились сорвать выполнение пятилетнего плана, создать диспропорцию между отдельными отраслями народного хозяйства, вызвать у населения недовольство политикой Коммунистической партии и Советского правительства и этим самым облегчить иностранную интервенцию и восстановление в СССР капитализма.

Яростным сопротивлением встретили классовые враги социалистические преобразования в деревне. В 1929–1930 гг., когда началось решительное наступление на кулачество и его ликвидация как класса на базе сплошной коллективизации, резко увеличилось число преступлений, отражающих эту борьбу; совершались террористические акты в отношении коммунистов, селькоров и других активистов деревни, проводилась контрреволюционная агитация, расширялось колхозное имущество и т.д. Это требовало неослабного внимания к вопросам социалистической законности. Особое значение для ее укрепления имело постановление ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 г. «О революционной законности». В этом акте и изданном на его основе одноименном постановлении ЦИК и СНК БССР от 7 июля 1932 г.¹ отмечалась необходимость строгого соблюдения социалистической законности – важнейшего средства укрепления диктатуры пролетариата, защиты прав и интересов рабочих и крестьян. Указывая на наличие все еще значительного числа нарушений законности со стороны должностных лиц, особенно в деревне, ЦИК и СНК СССР и БССР наметили конкретные меры борьбы с нарушениями советских законов. Местные органы Советской власти и юстиции должны были неослабно следить за строжайшим соблюдением социалистической законности в отношении колхозов и колхозников. Судебные и прокурорские органы обязаны были привлекать к строгой ответственности должностных лиц во всех случаях нарушения ими прав трудящихся, в особенности за производство незаконных арестов, обысков, конфискацию имущества, лишение избирательных прав и т.п. В целях дальнейшего укрепления социалистической законности и поднятия авторитета судебнопрокурорских органов снимать или перемещать народных судей разрешалось только по постановлению президиума Верховного суда БССР, а районных прокуроров – с согласия прокурора республики.

¹ СЗ БССР 1932 г. № 49, пост. 220.

Подчеркивая первостепенное значение упомянутых постановлений для укрепления социалистической законности на территории БССР, ЦК КП(б)Б обязывал прокуратуру и суды республики перестроить свою работу таким образом, чтобы борьба за полное проведение в жизнь постановлений партии и правительства «О революционной законности» была их главной задачей¹.

Первейшей обязанностью органов юстиции являлась охрана от преступных посягательств социалистической собственности – экономической основы советского общества. Принятый ЦИК и СНК СССР 7 августа 1932 г. закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» установил строгие меры наказания за хищение социалистической собственности и за попытки насильственно разрушить колхозы. ЦИК и СНК БССР обязали органы прокуратуры в самом срочном порядке проводить следствие по этим делам, а судебные органы – рассматривать их вне всякой очереди².

Суды усилили борьбу со спекуляцией, обвешиванием и обмериванием покупателей и другими преступлениями, мешающими нормальному развитию советской торговли.

Меры принуждения в отношении злостных нарушителей советских законов суды сочетали с проведением массово-разъяснительной и политико-воспитательной работы среди трудящихся. Она проводилась путем организации выездных сессий по наиболее актуальным делам, отчетов перед населением, чтения лекций, докладов, оказания практической помощи судам общественной самодеятельности и т.д.

Чтобы успешно содействовать выполнению задач социалистической реконструкции народного хозяйства, органы юстиции должны были в сложных условиях классовой борьбы проявлять максимальную политическую бдительность, большевистскую принципиальность, правильно определять направление карательной политики, воспитывать широчайшие массы народа в духе глубокого уважения к советским законам. Поэтому много внимания уделялось улучшению работы органов юстиции, их активному участию в хозяйственно-политических кампаниях, связанных с выполнением промфинпланов, хлебопоставок, заготовок сельскохозяйственных продуктов и т.д.

¹ Аб рэвалюцыйнай законнасці, Мінск, 1932, с. 26.

² СЗ БССР 1932 г. № 52, пост. 236.

Положение о судеустройстве БССР, принятое второй сессией ЦИК БССР в конце 1925 г., действовало в течение пяти лет. На протяжении этого периода времени в судебную систему республики вносились небольшие организационные изменения, направленные главным образом на укрепление ее низшего звена и расширение связи судебных органов с трудящимися. Уже в 1926 г. наметилась тенденция к освобождению народного суда от рассмотрения мелких уголовных и гражданских дел. Из ведения народного суда были изъяты некоторые категории дел, рассматриваемые в порядке гражданского судопроизводства (об установлении трудового стажа, личности граждан при отсутствии удостоверяющих ее официальных документов, о разводе при наличии обоюдного желания супругов или одного из них расторгнуть брак и т.д.)¹. В ведение общественных судов, начавших действовать в БССР с 1928 г., перешли уголовные дела о мелких правонарушениях (о клевете, оскорблении, побоях, легких телесных повреждениях, мелком хулиганстве) и имущественных спорах с небольшой ценою иска. Разгрузка народных судов от дел, по которым в отношении правонарушителей можно было ограничиться мерами общественного воздействия, являлась особенно актуальной в условиях этого периода. Обострение классовой борьбы в городе и деревне отразилось на росте преступности. Увеличению количества дел, поступающих в судебные органы, способствовала также повысившаяся активность органов юстиции и трудящихся в борьбе с нарушениями социалистической законности. Оживление товарооборота в республике привело к увеличению предъявляемых в суде исков².

С организацией общественных судов объем работы народных судов резко сократился. Если в 1926 г. в среднем нагрузка большинства нарсудов (127) составляла от 200 до 300 дел в месяц, а отдельных народных судов доходила до 500 дел³, то во второй половине 1930 г. она уменьшается до 65 дел на каждый народный суд⁴. Народные суды получили возможность уделять больше внимания сложным и важным делам, усилить свою общественно-

¹ СЗ БССР 1926 г. № 46, ст. 174.

² Цифровые данные о возраставшей нагрузке судебных органов приведены в отчете Правительства БССР за 1926–1927 гг. (Дзейнасць Урада БССР за 1926–1927 гг., Мінск, 1928, с. 307).

³ Отчет о деятельности органов юстиции БССР за 1926 г., с. 74.

⁴ Зборнік чынных пастановаў пленума, цыркуляраў і інструкцый Вярхоўнага суда БССР за 1924–1930 гг., Мінск, 1931, с. 91.

политическую и воспитательную деятельность. Этому способствовало также укрепление связи народных судов с местными органами государственной власти и управления. Постановлением ЦИК и СНК БССР от 15 сентября 1927 г. расширялись демократические основы комплектования народных судов¹. Народные судьи окружных городов стали избираться непосредственно городскими Советами (а не окружными исполкомами, как это предусматривалось вначале Положением о судоустройстве БССР 1925 г.).

Повышению уровня работы народных судов содействовал также систематический надзор за их деятельностью со стороны окружных судов. Обладая всей полнотой прав руководящего судебного центра в округе (полномочиями кассационной, надзорной инстанций и органа судебного контроля), окружные суды постоянно инструктировали народных судей, оказывали им практическую помощь в устранении замеченных недостатков. Большая роль в руководстве судебной деятельностью народных судов принадлежала пленумам окружных судов, решавшим наиболее сложные вопросы судебной практики.

В первые годы рассматриваемого периода продолжала расширяться сеть окружных судов. К концу 1927 г. в каждом округе БССР существовал окружной суд. В связи с этим отпала необходимость в должности уполномоченных окружных судов, упраздненных постановлением ЦИК и СНК БССР от 8 декабря 1927 г.²

Летом 1929 г. в республике были сделаны первые шаги в направлении изменения административно-территориального деления, т.к. назрели условия для выполнения директив партии об упразднении округов как лишнего звена в системе управления. На основании постановления ЦИК и СНК БССР от 22 июля 1929 г.³ был создан Витебский опытно-показательный округ, в котором значительная часть оперативных функций окружных организаций передавалась районным органам. Существенному ограничению подверглась и компетенция Витебского окружного суда⁴. Народным судам этого округа передавались все уголовные и гражданские дела, подсудные окружному суду, за исключением дел, по которым законом предусматривалась высшая мера наказания, и дел персональной подсудности. За окружным судом сохранялось право принять к своему производству любое дело, отнесенное к подсудности народного суда, если оно имело важное общественно-

¹ СЗ БССР 1927 г. № 36, ст. 188.

² Там же, № 47, ст. 251.

³ СЗ БССР 1929 г., № 28, пост. 166.

⁴ Там же, № 37, пост. 210.

политическое значение. В связи с ликвидацией окружной земельной комиссии¹ на окружной суд возлагалось разрешение земельных споров о землепользовании между районами, споров о государственном имуществе республиканского значения и рассмотрение жалоб на решения и определения народных судов по земельным делам.

Одновременно с расширением подсудности народных судов Витебского показательного округа расширилась компетенция товарищеских судов и сельских общественных судов.

Год спустя округа в Белоруссии были ликвидированы повсеместно². С этого времени значение народного суда как основного звена судебной системы еще более повысилось. Народные суды стали рассматривать все уголовные и гражданские дела, за исключением дел, подсудных Верховному суду, общественным судам и трудовым сессиям³.

К компетенции Верховного суда БССР были отнесены уголовные дела о преступлениях, за совершение которых предусматривалась высшая мера наказания. Верховный суд мог принять к своему производству по первой инстанции любое гражданское и уголовное дело, подсудное народному суду. С другой стороны, Верховному суду предоставлялось право передавать отнесенные к его компетенции дела на рассмотрение народных судов.

Таким образом, в результате упразднения округов судебная система в республике стала двухзвенной: народные суды и Верховный суд БССР. Проведенная реорганизация судебных органов отвечала задаче максимального приближения судебного аппарата к населению, установлению еще более тесной связи народного суда с трудящимися. Двухзвенность судебной системы была закреплена и Положением о судостроительстве, утвержденным постановлением ЦИК и СНК БССР 25 апреля 1931 г.⁴

Народные судьи избирались на пленумах районных исполнительных комитетов, а в городах, выделенных в самостоятельные административно-территориальные единицы (Минск, Витебск, Гомель) или имеющих городские участки, – на пленумах городских Советов. Народные судьи избирались на срок полномочий исполкома районного или городского Совета и утверждались пленумом Верховного суда республики. Такой порядок выборов

¹ Постановлением ЦИК и СНК БССР от 17 января 1930 г. (СЗ БССР 1930 г., отд. I, № 6, пост. 35) были ликвидированы Особая коллегия Высшего контроля по земельным делам, окружные и районные земельные комиссии.

² СЗ СССР 1930 г. № 37, ст. 400 и СЗ БССР 1930 г., отд. 1, № 31, пост. 195.

³ Там же, отд. 1, № 34, пост. 218.

⁴ СЗ БССР 1931 г., отд. 1, № 26, пост. 186 и 187.

судей укреплял связь народного суда с местными органами власти и управления. В случае если народный судья не справлялся со своими обязанностями либо не оправдывал оказанного ему доверия, исполком или городской Совет имели право его отозвать, сообщив об этом Верховному суду.

Опыт выборов народных заседателей показал, что практически их наиболее целесообразно проводить одновременно с выборами в Советы. Это было учтено Положением о судостроительстве БССР 1931 г. Руководство выборами, составление и утверждение списков народных заседателей стало возлагаться на комиссии по выборам в Советы. Количество народных заседателей для народных судов определялось НКЮ за два месяца до выборов. Об этом извещались указанные комиссии, которые в свою очередь распределяли количество подлежащих избранию народных заседателей по профессиональным союзам, воинским частям, сельским и местечковым Советам. Кандидаты в народные заседатели избирались соответственно на общих собраниях рабочих, служащих, военнослужащих, на сельских и местечковых собраниях избирателей. Руководство выборами осуществляли профсоюзные организации (фабрично-заводские и местные комитеты), сельские и местечковые Советы, а в воинских частях – политические отделы или комиссары воинских частей. Списки избранных кандидатов в народные заседатели вывешивались на видном месте в помещениях заводов, фабрик, учреждений, сельских и местечковых Советов. В течение пяти дней каждый трудящийся имел право заявить мотивированный отвод отдельным кандидатам. Через десять дней списки направлялись на утверждение в избирательную комиссию. Последняя исключала из списков лиц, которые, не могли быть по закону народными заседателями¹. Она исключала также и тех, в отношении которых был заявлен обоснованный отвод. После этого списки посылались соответствующим судам. Лица, исключенные из списков, имели право обжаловать решение комиссии в президиум городского Совета или исполком районного Совета по принадлежности. Следовательно, Положение о судостроительстве 1931 г. еще более демократизировало порядок выборов народных заседателей. Они стали избираться не по спискам, предварительно составленным фабрично-заводскими комитетами, сельскими

¹ В соответствии со ст. 11 Положения о судостроительстве 1931 г. судьями, народными заседателями, прокурорами и другими работниками органов юстиции не могли быть лица: а) лишенные избирательных прав; б) осужденные за преступления или высланные в административном порядке; в) исключенные из общественных организаций за порочащие поступки или поведение.

Советами и командованием воинских частей, а непосредственно собраниями рабочих, служащих, крестьян, военнослужащих, которые выдвигали и избирали из своей среды кандидатов в народные заседатели. Это способствовало повышению активности избирателей и обеспечивало привлечение широких масс к работе суда.

31 марта 1934 г. постановлением ЦИК БССР были ликвидированы национальные камеры народных судов¹. Это обуславливалось укреплением дружбы народов, торжеством ленинской национальной политики, ростом культурного уровня жизни, обеспечением лиц, не владеющих языком судопроизводства, переводчиком, а также предоставлением им права выступать в суде на родном языке.

Верховный суд после ликвидации округов стал единственным органом руководства и надзора в отношении народных судов республики. К нему перешли и кассационно-ревизионные функции окружных судов. В Положении о судостроительстве 1931 г. впервые юридически закреплялось за Верховным судом законодательной инициативы: «возбуждать вопросы об изменении и дополнении действующего законодательства» (ст. 5). Этим самым отчетливо проводилась мысль, что судебная деятельность носит подзаконный характер. Давая руководящие разъяснения законов по вопросам судебной практики, Верховный суд не мог выходить за пределы предоставленных ему полномочий и создавать новые нормы права. В случае необходимости он мог проявить инициативу и поставить перед высшими органами власти республики вопрос об издании нового закона или внесении соответствующих изменений в действующий правовой акт.

Упразднение окружных судов и передача всех его полномочий по руководству деятельностью народных судов Верховному суду отразились на его структуре. В составе Верховного суда, помимо пленума, судебных и кассационных коллегий по уголовным и гражданским делам, был образован президиум и инструкторско-ревизионная группа. Президиум Верховного суда состоял из семи членов, назначаемых Президиумом ЦИК БССР. В его состав входили председатель суда и председатели коллегий. В заседаниях президиума принимал участие помощник прокурора республики по Верховному суду. Заседания президиума считались правомочными при участии не менее половины его членов и представителя прокуратуры республики.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР, Минск, 1957, с. 6.

Созданием президиума преследовалась цель освободить пленум – руководящий коллегиальный орган Верховного суда – от текущей надзорной и организационно-административной работы. В случаях, указанных в законе, президиум пересматривал постановления судебных и кассационных коллегий, рассматривал и утверждал циркуляры и инструкции по вопросам судебной практики. Он же распределял членов Верховного суда по коллегиям, заслушивал и утверждал отчеты председателей коллегий об их деятельности, устанавливал календарный план заседаний пленума и определял повестку дня этих заседаний, возбуждал дисциплинарное производство против членов Верховного суда, рассматривал жалобы на решения президиума Белорусского объединения защитников. За пленумом сохранялось, таким образом, право решения основных вопросов, связанных с выполнением задач Верховного суда как высшего судебного органа республики. Пленум давал руководящие разъяснения законов по вопросам судебной практики, пересматривал по протестам председателя Верховного суда или прокурора республики постановления президиума. На пленуме утверждались отчеты Верховного суда и его президиума, а также рассматривались другие важнейшие вопросы, вносимые на обсуждение пленума председателем Верховного суда или наркомом юстиции.

Инструкторско-ревизионная группа состояла из членов Верховного суда. Она осуществляла обследование, инструктирование и ревизии народных судов, нотариальных контор и судебных исполнителей. Ее задачей являлось также проведение совещаний народных судей для обсуждения результатов ревизий, руководство работой народных судей по инструктированию сельских и товарищеских судов, анализ статистических данных, о движении дел в народных судах¹.

В Положении о судостроительстве БССР 1931 г. перед судебными органами республики ставились три основные задачи: подавление сопротивления классового врага, осуществление революционной законности, укрепление общественно-трудовой дисциплины (ст. 1).

Обстоятельная характеристика органов правосудия этого периода дана в докладе Правительства БССР XI съезду Советов². Активно охраняя от преступных посягательств социалистический строй, суды вели борьбу с государственными преступлениями.

¹ Зборнік чынных пастаноў пленума, цыркуляраў і інструкцый Вярхоўнага суда БССР за 1924–1930 гг., с. 113–114.

² Матэрыялы к дакладу Урада БССР XI з'езду Саветаў, Мінск, 1935, с. 265–266 і др.

Верховный суд рассмотрел ряд дел о террористических актах против ударников, рабселькоров, комсомольцев, пионеров. В частности, им были рассмотрены дела об убийствах председателя сельского Совета Швайко в Городокском районе, члена сельского Совета Васьковича в Осиповичском районе, лучшего бригадира колхозника Казакова в Лепельском районе и т.д.¹

После издания закона от 7 августа 1932 г. Верховный суд и народные суды БССР рассмотрели значительное число дел о крупных хищениях, организованных проникшими в колхозы, совхозы, кооперацию и на предприятия классово враждебными элементами.

В 1933–1934 гг. судами было рассмотрено значительное количество дел о хищнической эксплуатации и уничтожении лошадей. Массовым убоем скота и уничтожением инвентаря кулаки пытались помешать успешному проведению коллективизации в деревне, нанести серьезный ущерб сельскому хозяйству. Процессы о хищническом убое скота рассматривались в выездных сессиях. К наиболее злостным преступникам применялся закон от 7 августа 1932 г.

Большое общественно-политическое значение имели судебные процессы, проведенные Верховным судом и народными судами по делам о выпуске недоброкачественной продукции в г. Бобруйске, Витебске, Гомеле, Могилеве и др.

В деятельности судебных органов имелись и недостатки. Отдельные суды не всегда проводили правильную классовую линию, иногда допускали либерализм по отношению к кулацким элементам, в некоторых случаях, наоборот, применяли неоправданно строгие меры наказания в отношении правонарушителей из трудящихся. Иногда судами недооценивалось политическое значение некоторых дел, допускалась волокита².

Отдельные недостатки в работе органов юстиции не уменьшали той положительной роли, которую сыграли суды в период борьбы за построение фундамента социалистической экономики.

Одной из главных особенностей работы судебных органов являлось дальнейшее укрепление их связи с широкими массами трудящихся. Как и в прежние годы, тысячи трудящихся принимали участие в отправлении правосудия. Большинство народных заседателей составляли рабочие, крестьяне и красноармейцы (например,

¹ Матэрыялы к дакладу Урада БССР XI з'езду Саветаў, Мінск, 1935, с. 265–266 и др.

² См. Чарговыя задачы органаў савецкай юстыцыі, Мінск, 1933, с. 11; Матэрыялы да справаздачы Урада X з'езду Саветаў БССР, 1931, с. 210; Адзінаццаты Усебеларускі з'езд Саветаў, стэнаграфічная справаздача, 1935, с. 100–101, 354–356.

в 1927 г. – 78,7 %)¹. С каждым годом увеличивалось число женщин – работниц и крестьянок – народных заседателей. Уже в 1927 г. их было 16,2 %².

Установлению тесной связи с трудящимися способствовала организация выездных сессий и показательных процессов, вокруг которых судьями велась общественно-политическая работа. В резолюции, принятой на кустовых совещаниях органов юстиции БССР в 1932 г., перед народными судьями ставилась задача рассматривания в выездных сессиях не менее 30 % всех поступавших дел³.

Большое внимание по-прежнему уделялось правовой пропаганде, проведению отчетных докладов перед населением, освещению результатов судебной деятельности в печати, участию в процессах общественных обвинителей и защитников. Новой формой активного участия трудящихся в борьбе с нарушениями социалистической законности являлись общественные суды, действовавшие на предприятиях, в учреждениях, в высших учебных заведениях, в сельских и местечковых Советах, колхозах и т.д. Для повышения интереса трудящихся к работе органов юстиции практиковалось ознакомление делегаций рабочих, красноармейцев и крестьян с деятельностью этих органов. Эффективным видом контроля за отправлением правосудия являлось обследование работы суда представителями трудящихся. Укреплению связи органов юстиции с населением содействовали административно-правовые секции Советов. Они привлекали судей к участию в работе секции по борьбе с волокитой и бюрократизмом в государственных учреждениях, к рассмотрению жалоб трудящихся, популяризации среди населения советского права.

Активными помощниками органов юстиции в борьбе за укрепление социалистической законности являлись группы содействия, созданные в 1929 г. сначала в Витебском округе, а затем на всей территории республики. К середине 1934 г. в 53 районах БССР насчитывалось 1655 таких групп, объединивших 6596 членов⁴.

В группы содействия входили передовые рабочие предприятий, бедняки и батраки в деревне. Организацией групп руководили местные партийные и профсоюзные органы. Непосредственно занималась созданием групп прокуратура. Группы содействия

¹ Дзейнасць Урада БССР за 1926–1927 гг., с. 303.

² Асноўныя вынікі работы Урада БССР да перавыбаруў Саветаў 1928–1929 гг., 1928, с. 144.

³ Чарговыя задачы органаў юстыцыі БССР, 1932, с. 12.

⁴ Матэрыялы к дакладу Урада БССР XI з'езду Саветаў, с. 271.

оказывали органам прокуратуры и следствия большую помощь в выявлении фактов нарушения советских законов, расследовании газетных заметок, в установлении причин совершения правонарушений и т.д. При помощи групп содействия в республике были выявлены многие случаи хищений социалистической собственности, разбазаривания колхозного имущества, злоупотребления служебным положением со стороны отдельных должностных лиц.

Многие возникшие в этот период формы и методы участия трудящихся в борьбе с нарушениями социалистической законности, их связи с органами юстиции полностью себя оправдали и с успехом используются в настоящее время.

5 декабря 1930 г. в Белорусской ССР в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 ноября 1930 г. «О железнодорожных линейных судах» организуется линейный железнодорожный суд¹. Создание в Минске по местонахождению управления уполномоченного Народного комиссариата путей сообщения линейного железнодорожного суда способствовало усилению борьбы с преступлениями, угрожающими нормальной работе транспорта и направленными на подрыв трудовой дисциплины на транспорте, а также повышало воспитательное значение судебных процессов по этой категории дел.

Судебные заседания линейного железнодорожного суда проводились в рабочих клубах, депо и железнодорожных мастерских с участием общественных обвинителей из числа работников транспорта. Линейный железнодорожный суд действовал в составе председателя – постоянного судьи и двух народных заседателей, списки которых утверждались ЦИК БССР из транспортных работников. Председателем линейного железнодорожного суда являлся один из членов Верховного суда БССР, а прокурором по транспорту, выполнявшим, в частности, и функцию судебного надзора при линейном железнодорожном суде, – помощник прокурора республики.

Приговоры, вынесенные линейным железнодорожным судом, могли быть обжалованы в кассационном порядке в коллегии по транспортным делам Верховного Суда СССР. Двойственность в подчинении линейного железнодорожного суда (с одной стороны, НКЮ БССР, а с другой стороны, Верховному Суду СССР) была ликвидирована в 1933 г., когда по постановлению ЦИК и СНК

¹ СЗ СССР 1930 г. № 57, ст. 601; СЗ БССР 1931 г., отд. 1, № 1, пост. 8.

СССР от 27 августа 1933 г.¹ он полностью перешел в ведение Верховного Суда СССР.

Для рассмотрения дел о преступлениях, совершаемых на водном транспорте, в Белоруссии в 1934 г. был учрежден водный транспортный суд². Он рассматривал дела о государственных преступлениях, о нарушениях работниками транспорта трудовой дисциплины, о должностных преступлениях.

Кассационной инстанцией для водного транспортного суда являлась водно-транспортная коллегия Верховного Суда Союза ССР.

Борьбу с нарушениями трудового законодательства в рассматриваемый период вели сессии народного суда по охране труда и производства, в которые 15 марта 1932 г.³ были преобразованы трудовые сессии народного суда. Сессии народного суда по охране труда и производства, кроме дел, отнесенных ранее к подсудности трудовых сессий, разрешали дела о злоупотреблении должностных лиц предприятий служебным положением, о бесхозяйственном или бюрократическом отношении указанных лиц к своим обязанностям, если их действия привели к невыполнению или несвоевременному выполнению плановых заданий по капитальному строительству, по выпуску продукции, по снижению себестоимости или повышению производительности труда. Названные сессии привлекали к ответственности лиц, повинных в невыполнении директив в области рабочего снабжения, в нарушении правил по технике безопасности, законов о найме и плановом распределении рабочей силы.

Сессии народного суда по охране труда и производства действовали в наиболее крупных промышленных центрах республики: в г. Минске, Витебске, Гомеле, Бобруйске и Могилеве. В других городах и населенных пунктах они создавались по решению Верховного суда БССР, согласованному с Центральным советом профессиональных союзов Белоруссии и Высшим советом народного хозяйства. В тех районах, где таких сессий не было, подсудные им дела рассматривались народными судами в общем порядке.

Сессии народного суда по охране труда и производства состояли из председателя – народного судьи и двух народных заседателей. Народные заседатели избирались на общих собраниях рабочих и служащих предприятий из ударников – рабочих, хозяйственных и инженерно-технических работников. Для каждой сессии избиралось 120–150 народных заседателей. Число народных

¹ СЗ СССР 1933 г. № 55, ст. 324; СЗ БССР 1933 г. № 52, пост. 344.

² СЗ СССР 1934 г. № 33, ст. 251; СЗ БССР 1934 г. № 35, пост. 172.

³ СЗ БССР 1929 г. № 26, пост. 151.

заседателей, избираемых на каждом предприятии, определялось городским профсоюзным советом с участием председателя сессии.

Непродолжительное время в республике действовали специальные сессии народных и окружных судов по делам о несостоятельности кооперативных организаций (неспособности кооперативных организаций оплатить денежные требования кредиторов). Образование этих сессий предусматривалось постановлением ЦИК и СНК БССР от 6 июля 1929 г.¹

Специальные сессии народных и окружных судов рассматривали дела о несостоятельности в составе председателя (соответственно народного судьи или одного из членов окружного суда) и двух членов – представителей местных хозяйственных учреждений и предприятий. Представители хозяйственных организаций выделялись из числа их работников соответствующими исполкомами для рассмотрения каждого дела в отдельности.

В связи с плановым ведением народного хозяйства, обеспечивающим рентабельность социалистических организаций, и ликвидацией коммерческого кредитования отпали условия для возбуждения вопроса о несостоятельности предприятий. В исключительных случаях вопрос о ликвидации хозяйственной единицы стал разрешаться в административном порядке.

15 июля 1933 г. ЦИК и СНК БССР утвердили новое Положение о комиссиях по делам о несовершеннолетних².

Вместо окружных комиссий по делам несовершеннолетних создавались районные и городские (в г. Минске, Витебске и Гомеле) комиссии. В их состав входили: педагог в качестве председателя комиссии, врач по охране здоровья детей и подростков, народный судья города и района, воспитатель-обследователь (инспектор), представители городских или районных общественных организаций (комитета ЛКСМБ, общества «Друг детей», совета профессиональных союзов). Председатель и члены комиссии персонально утверждались городским Советом или исполкомом районного Совета по представлению отдела или инспектора народного образования.

Главная задача районных и городских комиссий по делам о несовершеннолетних заключалась в проведении работы по предупреждению детской беспризорности, безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних. В этих целях комиссии оказывали

¹ СЗ БССР 1929 г. № 26, пост. 151.

² СЗ БССР 1933 г. № 38, пост. 247а и 247б.

несовершеннолетним педагогическую, правовую, лечебную и материальную помощь, проводили широкую разъяснительную работу среди населения по вопросам коммунистического воспитания детей, охраны их здоровья и прав. В своей работе комиссии опирались на общественные организации.

Надзор за деятельностью районных и городских комиссий по делам несовершеннолетних осуществляли органы прокуратуры. Постоянную правовую помощь комиссиям оказывали народные судьи. В свою очередь, суды привлекали к участию в рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних, достигших 16 лет, представителей местной комиссии для дачи заключений и защиты интересов несовершеннолетних. Суды имели право также по согласению с комиссиями поручать им выполнение судебных решений, касающихся защиты прав и интересов несовершеннолетних.

В период реконструкции народного хозяйства получили широкое распространение и признание суды общественной самодеятельности – одна из многочисленных форм активного участия трудящихся в управлении государством, в укреплении социалистической законности и правопорядка, в борьбе за новую дисциплину и новый быт.

Организация общественных судов вызывалась необходимостью привлечения широкой общественности к борьбе с правонарушениями, ее активного участия в строительстве социализма.

Укрепление государственного и общественного строя и значительные успехи социалистического строительства обусловили дальнейшее расширение самодеятельности и инициативы трудящихся и осуществление первых мероприятий по передаче некоторых государственных функций в области охраны общественного порядка и правил общежития в ведение самих трудящихся масс. Создание общественных судов явилось новым шагом в выполнении программного положения Коммунистической партии о применении практики товарищеских судов¹.

¹ КПСС в резолюциях... ч. I, с. 419. Организация первых общественных судов предусматривалась декретом СНК РСФСР от 14 ноября 1919 г. (СУ РСФСР 1919 г. № 56, ст. 537). В целях поднятия трудовой дисциплины и производительности труда при местных отделениях (губернских, уездных и районных) производственных профессиональных союзов создавались рабочие дисциплинарные товарищеские суды. В их состав входили представители от местного или центрального заводууправления, от правления профсоюза и общего собрания членов союза того предприятия, на котором работало лицо, привлекаемое к ответственности. Заседания суда проходили публично и в нерабочее время. На предприятиях и в учреждениях, где насчитывалось более 500 рабочих

Общественные суды освобождали от мелких уголовных и гражданских дел народные суды, объем работы которых в связи с ликвидацией окружных судов значительно возрос. Обеспечить правильное разрешение сложных уголовных и гражданских дел народные суды могли при условии изъятия из подсудности последних незначительных гражданско-правовых споров и уголовных правонарушений, составлявших до половины нагрузки.

Общественные суды в Белоруссии начали создаваться во второй половине 1928 г. Первоначально они были организованы в некоторых городах, районах и в Витебском показательном округе. 1 сентября 1928 г. ЦИК и СНК БССР утвердили временное Положение о судах при сельских Советах¹ и приняли постановления о товарищеских судах при государственных, общественных и кооперативных учреждениях и предприятиях².

Первые выборы судов при сельских Советах (в каждом районе создавался один такой суд)³ были проведены в начале 1929 г. одновременно с перевыборами этих Советов⁴. Члены судов в количестве, соответствовавшем числу избирательных участков в сельском Совете, избирались на общих собраниях избирателей из числа граждан, проживавших на территории данного Совета и имевших право избирать в Советы. Председатели судов и их заместители избирались пленумом сельского Совета из числа его членов.

Суд при сельском Совете рассматривал гражданские дела с ценю иска до 20 руб. и споры по вопросам землепользования (о поправах и захватах земли, о перекосах и перепашках и т.д.). Указанные категории дел суд принимал к своему производству, если стороны проживали на территории данного сельского Совета или если истец, проживавший в другом сельском Совете, обращался по собственной инициативе в сельский суд по месту жительства ответчика. В течение двух недель решение суда при сельском Совете могло быть обжаловано либо в народный суд, либо

и служащих, заседания проводились непосредственно на фабрике, заводе или в учреждении. Решения местного товарищеского дисциплинарного суда могли быть обжалованы в губернский товарищеский дисциплинарный суд при губернском отделе труда.

¹ СЗ БССР 1928 г., отд. 1, № 25, ст. 243 и 244.

² Там же, № 26, ст. 255.

³ В Минском округе было организовано 17 судов при сельских Советах. При этом батраки в их составе составляли 6,3 %, бедняки – 45,1 %, середняки – 37,8 %; женщины – 19 % (ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 829, л. 56).

⁴ В РСФСР первые общественные суды в деревне (так называемые примирительные камеры) были организованы в апреле 1928 г. В 1930 г. они были переименованы в сельские общественные суды (М.В. Кожевников. История советского суда, с. 210–211).

в районную земельную комиссию. Окончательными являлись решения сельского общественного суда по делам о потравах и перепашках. Народный суд и земельная комиссия имели право отменить решение общественного суда, если оно нарушало закон или интересы трудящихся. На народный суд и районную земельную комиссию возлагалось инспектирование этих судов.

Товарищеские суды создавались в г. Минске, Орше и Речице¹.

Председатель и члены товарищеских судов избирались общим собранием рабочих и служащих предприятия или учреждения для рассмотрения каждого отдельного дела или на срок не более трех месяцев.

К компетенции товарищеских судов были отнесены дела о побоях, оскорблении, клевете. Эти дела рассматривались товарищескими судами при условии совершения указанных действий рабочим или служащим в отношении рабочего или служащего того же предприятия или учреждения. Как и в суде при сельском Совете рассмотрение дел товарищеским судом проводилось без предварительного производства в устной форме публично без всяких формальностей при активном участии присутствующих на суде. Являясь судом общественности, товарищеский суд применял к правонарушителям меры воспитательного характера, морального воздействия: предупреждение, выговор, общественное порицание. Товарищеский суд мог также оштрафовать виновного на сумму до 5 руб. с использованием этих средств на проведение культурных мероприятий. Решения товарищеских судов обжалованию не подлежали.

Организованные в виде опыта суды при сельских Советах и товарищеские суды при государственных, общественных, кооперативных учреждениях и предприятиях полностью справились с поставленными перед ними задачами². За несколько месяцев своей деятельностью они завоевали большой авторитет и доверие у рабочих и крестьян, стали органами подлинного самоуправления и воспитания трудящихся масс. Опыт работы судов показал

¹ В каждом городе создавалось по два товарищеских суда. В Минске, например, были организованы товарищеские суды на заводах «Энергія» и «Бальшавік» (ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 829, л. 56).

² Такой вывод, в частности, был сделан в докладе Верховного суда БССР Президиуму ЦИК БССР 25 января 1931 г. (СЗ БССР 1931 г., отд. 2, № 3, пост. 34). Большая популярность сельских и товарищеских судов отмечалась в многочисленных сообщениях местных судебных органов. Так, в отчете председателя Минского окружного суда указывалось, что организация сельских и товарищеских судов полностью себя оправдала, «население встретило их с интересом, активно участвовало в их выборах» (ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 829, л. 56).

жизненность и перспективность этой формы участия трудящихся в социалистическом строительстве. Поэтому 27 декабря 1929 г. ЦИК и СНК БССР утвердили Положение о сельских судах¹ и 17 января 1930 г. Положение о товарищеских судах². В принятых законодательных актах подробно определялись задачи, компетенция и порядок деятельности сельских и товарищеских судов.

В преамбуле Положения о сельских и местечковых судах указывалось, что они создаются при сельских и местечковых Советах для приближения суда к населению и вовлечения в его работу широких трудящихся масс, а также для освобождения народных судов от рассмотрения мелких уголовных и гражданских дел. Значительно расширилась компетенция этих судов. Помимо имущественных и земельных споров, они получили право рассматривать и мелкие уголовные дела (о побоях и других действиях, причинивших физическую боль, но без телесных повреждений; о клевете, оскорблении, самоуправстве, краже имущества у граждан на сумму до 50 руб., если кража совершена лицом впервые; об умышленном уничтожении или повреждении чужого имущества или собственного имущества, но с целью причинения вреда другому лицу, если стоимость причиненного вреда не превышала 50 руб.), дела о мелком хулиганстве, совершенном одним или двумя лицами впервые. К своему производству сельские и местечковые суды могли принимать иски об имуществе, убытках и спорах, возникавших из разных договоров, но на сумму до 100 руб. Из их компетенции исключались дела по искам, вытекавшим из нарушения Кодекса законов о труде, из векселей, нотариально засвидетельствованных актов и договоров, утвержденных судом мировых делок, из авторского права или права на изобретение. Они не рассматривали дела об алиментах, о возмещении за увечье, о спорах, связанных с применением брачно-семейного кодекса, иски, в которых одной из сторон являлось государственное учреждение или предприятие, общественная или кооперативная организация.

Согласно Положению о товарищеских судах от 17 января 1930 г. эти суды создавались при государственных, общественных, кооперативных предприятиях и учреждениях, высших учебных заведениях, жилищно-кооперативных товариществах.

Председатель, заместитель и члены товарищеских судов избирались на один год общим собранием рабочих, служащих, студентов или членов жилищно-кооперативного товарищества.

¹ СЗ БССР 1930 г., отд. 1, № 3, пост. 13 и 14.

² Там же, № 8, пост. 55 и 56.

Кроме дел частного обвинения, товарищеские суды рассматривали дела о мелком хулиганстве, если оно совершено одним или двумя лицами впервые, о хищении на предприятии или в учреждении материалов и инструментов на сумму до 25 руб., если оно совершено виновным впервые, а также гражданские иски на сумму до 100 руб. Из компетенции товарищеских судов изымались дела, аналогичные тем, которые были исключены из ведения сельских и местечковых судов. Таким образом, сельские, местечковые и товарищеские суды в основном наделялись одинаковыми полномочиями. Тождественным был и порядок рассмотрения дел в этих судах. После открытия заседания председатель, его заместитель или один из членов суда кратко излагали существо дела. Затем стороны давали объяснения, свидетели – показания. Обязанностью суда являлось примирение сторон. В случае достижения соглашения дело прекращалось. Однако, если примирение ущемляло интересы трудящихся, суд должен был рассмотреть дело и вынести соответствующее решение. Постановление принималось большинством голосов. Никто из судей не вправе был отказаться от голосования. Оставшийся в меньшинстве имел право написать особое мнение.

Для обеспечения правильного рассмотрения дел, а также законности и авторитетности решений общественных судов председатель и члены суда в случае их заинтересованности в деле или наличия у них с правонарушителем, истцом или ответчиком родственных или неприязненных отношений подлежали отводу.

Необходимым условием рассмотрения дел в общественных судах являлась широкая гласность. С целью воспитательного воздействия решений судов дела должны были рассматриваться в десятидневный срок после поступления заявления. По таким же причинам не допускался пересмотр в порядке надзора постановлений сельского и местечкового судов по истечении шестимесячного, а товарищеского суда – трехмесячного сроков со дня их вынесения. В случае незаконности того или другого постановления народный судья обязан был немедленно приостановить его исполнение и в семидневный срок рассмотреть дело в народном суде.

Сельские и местечковые суды могли применять к правонарушителям одну из следующих мер воздействия: предупреждение, выговор, штраф не свыше 25 руб., принудительные работы на срок до 15 дней без содержания под стражей и общественное порицание. Предупреждение и выговор объявлялись непосредственно в суде после рассмотрения дела, общественное порицание – на сельском

или местечковом собрании. Для придания большей гласности общественному порицанию копия постановления суда могла быть вывешена в помещении сельского или местечкового суда или опубликована в местной печати.

Аналогичные меры воздействия применял к правонарушителям и товарищеский суд. Принудительные работы назначались сроком до 10 дней без содержания под стражей с сохранением 50 % заработной платы. Постановление суда о принудительных работах приводилось в исполнение через администрацию учреждения или предприятия, в котором работал правонарушитель. Общественное порицание объявлялось на общем собрании рабочих и служащих данного предприятия или учреждения или опубликовывалось в печати. Наложённый товарищеским судом штраф шел на культурно-общественные нужды предприятия или учреждения.

Организация общественных судов на основе новых Положений протекала успешно. К концу первой половины 1930 г. на территории БССР действовало 1236 сельских и местечковых судов и 1057 товарищеских судов¹. Их выборы проходили при высокой активности и широком участии трудящихся. В первом полугодии 1930 г. общественные суды насчитывали 22 158 членов², а к 1 января 1931 г. в работе только местечковых и сельских судов принимало участие 18 100 человек³.

По своему составу сельские, местечковые и товарищеские суды являлись подлинно народными организациями трудящихся. Сельские суды преимущественно состояли из крестьян – бедняков, батраков и середняков (94 %). В их состав входили также рабочие (3,31 %), служащие (5,54 %) и ремесленники (0,15 %)⁴. Поскольку товарищеские суды создавались на предприятиях, в учреждениях, в их состав входили главным образом рабочие (51 %) и служащие (44,5 %)⁵.

Рабочие и трудовое крестьянство выдвигали в сельские, местечковые и товарищеские суды своих лучших представителей, наиболее авторитетных и уважаемых членов своего коллектива. Значительную прослойку среди них составляли коммунисты

¹ Зборнік чынных пастаноў пленума, цыркуляраў і інструкцый Вярхоўнага суда БССР за 1924–1930 гг., с. 122.

² Там же, с. 123.

³ А.Н. Юрашкевіч. Работа і задачы сельскіх грамадскіх судаў БССР, Мінск, 1933, с. 26.

⁴ Зборнік чынных пастаноў пленума, цыркуляраў і інструкцый Вярхоўнага суда БССР за 1924–1930 гг., с. 123.

⁵ Там же.

и комсомольцы. В товарищеских судах, организованных в первой половине 1930 г., члены и кандидаты КПБ составляли 34,5 %, члены ЛКСМБ – 10,5 %, а в сельских судах коммунисты, кандидаты КПБ и комсомольцы составляли 22,72 %¹. В связи с тем что общественные суды комплектовались только из местного населения, белорусов в товарищеских судах насчитывалось 54,5 %, а в сельских судах – 90,56 %².

К участию в работе общественных судов широко привлекались женщины. Уже в первом составе судов, избранном на основе новых Положений, женщины составляли в сельских и местечковых судах 16,38 %, а в товарищеских судах – 25,5 %³.

Общественные суды в 1930 г. рассмотрели более 30 % дел бывшей подсудности народных судов, проделали большую работу по коммунистическому воспитанию трудящихся масс и их широкому вовлечению в социалистическое строительство.

В январе 1931 г. Президиум ЦИК БССР, заслушав доклад Верховного суда БССР о деятельности товарищеских и сельских судов, дал ей положительную оценку⁴. Президиум ЦИК БССР предложил Верховному суду БССР усилить руководство товарищескими и сельскими судами, увязать их работу с задачами периода реконструкции народного хозяйства. Внимание местных органов власти и управления также обращалось на необходимость оказания общественным судам всесторонней помощи и поддержки. Одной из важнейших обязанностей народных судей было повседневное инструктирование товарищеских и сельских судов. В последующие годы был принят ряд законодательных актов, направленных на улучшение деятельности общественных судов.

18 января 1931 г. в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 29 сентября 1930 г. «Об организации сельских судов» в Белоруссии также утверждается новое Положение о сельских и местечковых судах⁵.

Сельские и местечковые суды получили право дополнительно рассматривать дела, связанные с нарушением общественного порядка и безопасности, правил об охране народного здоровья, иски об алиментах на содержание ребенка при отсутствии спора об

¹ Зборнік чынных пастаноў пленума, цыркуляраў і інструкцый Вярхоўнага суда БССР за 1924–1930 гг., с. 123.

² Там же.

³ Там же.

⁴ СЗ БССР 1931 г., отд. 2, № 3, пост. 34.

⁵ Там же, отд. 1, № 4, пост. 30 и 31.

отцовстве¹, иски нетрудоспособных членов двора о содержании, иски о заработной плате на сумму до 25 руб., об оплате сверхурочных работ, о спецодежде.

В связи с повышением роли сельских общественных судов в социалистическом строительстве, а также в целях дальнейшего развития самостоятельности колхозных и бедняцко-средняцких масс деревни на разрешение этих судов передавались дела, связанные с выполнением сельскохозяйственных мероприятий и охраной колхозного имущества². Они, в частности, рассматривали дела о невыполнении отдельными бедняцко-средняцкими хозяйствами обязательств по государственным и общественным заданиям, если по мнению Совета можно было ограничиться мерами общественного воздействия, а также дела о краже и повреждении колхозного имущества или нанесении ущерба колхозу на сумму не свыше 50 руб. Однако позднее, после издания закона от 7 августа 1932 г., в целях усиления охраны общественной собственности от преступных посягательств все дела о хищении, порче или нанесении вреда колхозному имуществу были изъяты из ведения сельских общественных судов³. Они могли рассматривать лишь дела о совершенных впервые мелких кражах, истреблении и повреждении личного имущества колхозников и единоличников.

Досрочное выполнение первого пятилетнего плана, невиданные темпы развития промышленности требовали четкой и бесперебойной работы государственных предприятий и учреждений, всемерного укрепления трудовой дисциплины на производстве, высокой коммунистической сознательности рабочих и служащих. Выполнению указанной задачи не отвечало ограничение компетенции товарищеских судов рассмотрением дел бытового характера. Поэтому XVI съезд партии (1930 г.), резко осудив оппортунистическую правоуклонистскую линию тогдашнего руководства ВЦСПС по вопросу о роли профсоюзов в социалистическом строительстве, потребовал перестроить и работу товарищеских судов, сделать их органами борьбы за укрепление трудовой дисциплины и развертывание социалистического соревнования.

Решения XVI съезда партии были положены в основу Положения о производственно-товарищеских судах на фабриках, заводах, в государственных и общественных учреждениях.

¹ Постановлением Президиума ЦИК СССР от 27 июля 1932 г. (СЗ СССР 1932 г, № 61, ст. 355) дела по искам об уплате алиментов на содержание детей ввиду их сложности были вновь переданы на рассмотрение народных судов.

² СЗ СССР 1932 г. № 29, ст. 180.

³ Там же, № 82, ст. 503.

5 июня 1931 г. ЦИК и СНК БССР постановили организовать производственно-товарищеские суды при государственных и общественных предприятиях и учреждениях с числом рабочих и служащих не менее 50 человек¹. В Белоруссии в отличие от РСФСР предусматривалось создание производственно-товарищеских судов и в высших учебных заведениях. Существовавшие товарищеские суды были преобразованы в производственно-товарищеские суды.

Главной задачей производственно-товарищеских судов являлась борьба за выполнение производственно-финансовых планов и твердую производственную дисциплину, за искоренение пережитков прошлого в сознании рабочих и служащих. По сравнению с товарищескими судами они наделялись более широкой компетенцией. Производственно-товарищеские суды рассматривали дела о нарушениях трудовой дисциплины, о небрежном отношении к социалистическому имуществу, о допущении брака, продукции, о краже с предприятия инструментов и материалов на сумму до 25 руб., о краже вещей у рабочих и служащих на предприятии или в рабочих общежитиях, если эти кражи совершались лицом впервые и на сумму не более 50 руб. Кроме того, производственно-товарищеские суды разбирали дела о мелком хулиганстве, оскорблении, клевете, побоях и о мелких имущественных спорах. Перечисленные категории дел производственно-товарищеские суды рассматривали при совершении указанных правонарушений рабочими и служащими одного предприятия или учреждения, членами их семей, проживающими на территории завода или фабрики.

Они имели также право принять к своему производству и дела, касающиеся рабочих и служащих других предприятий, учреждений или студентов иных высших учебных заведений, но в пределах одного города или населенного пункта.

В соответствии с указаниями XVI съезда ВКП(б) производственно-товарищеские суды избирались на общих собраниях рабочих и служащих из числа ударников и передовых, наиболее сознательных рабочих сроком на один год. Состояли суды из председателя, одного или двух заместителей и из 3–12 членов. Фабрично-заводские и местные комитеты имели право отвести из состава производственно-товарищеских судов тех лиц, которые не отвечали предъявляемым требованиям. Общее собрание рабочих и служащих было полномочно в любое время досрочно отозвать членов

¹ СЗ БССР 1931 г., отд. 1, № 27, пост. 191.

товарищеских судов, которые не справились со своими обязанностями либо не оправдали доверия коллектива.

Являясь органами воспитательного характера, производственно-товарищеские суды, как и все общественные суды, применяли к правонарушителям только меры общественного воздействия. Помимо тех мер, которыми располагали товарищеские суды, производственно-товарищеские суды могли возложить на виновного обязанность возместить убытки на сумму до 50 руб., возбудить перед администрацией учреждения или предприятия вопрос об увольнении, а перед соответствующей профсоюзной организацией – вопрос об исключении на определенный срок из профессионального союза.

Постановления производственно-товарищеских судов обжалованию не подлежали и пересматривались в порядке надзора народным судом в случае их незаконности. Народный суд мог отменить, изменить или оставить в силе постановление производственно-товарищеского суда.

Под руководством Центрального совета профессиональных союзов Белоруссии, НКЮ БССР и местных органов государственной власти производственно-товарищеские суды провели значительную работу по укреплению трудовой дисциплины на производстве, по социалистическому воспитанию и перевоспитанию трудящихся. Основное внимание в своей деятельности эти суды уделяли рассмотрению дел о нарушениях трудовой дисциплины, производственным браке, мелких хищениях социалистической собственности. Если во второй половине 1931 г. указанные дела составляли 39 % всех рассмотренных производственно-товарищескими судами дел, то в 1932 г. этот процент повысился до 55,8 %, а в первой половине 1934 г. – до 63 %¹.

Положительным моментом в работе производственно-товарищеских судов являлось то, что они не ограничивались простым разрешением дел, а принимали меры к неповторению этих нарушений в будущем, к устранению причин, которые мешали повышению производительности труда, подъему производства. Своей деятельностью производственно-товарищеские суды содействовали успешному развертыванию социалистического соревнования, ударничества, внедрению в сознание широчайших масс рабочих «того, что рабочие работают не на капиталиста, а «на свое собственное государство, на свой собственный класс»².

¹ Матэрыялы к дакладу Урада БССР XI з'езду Саветаў, с. 270.

² И.В. Сталин. Соч., т. 10, с. 119.

Одним из видов общественных судов, действовавших в рассматриваемый период, являлись общественные суды при жилищных кооперативных товариществах¹. Эти суды создавались при жилищно-арендных и жилищно-строительных кооперативных товариществах, в которых проживало не менее 100 человек. Общественный суд при жилищно-кооперативных товариществах избирался на один год на общем собрании всех совершеннолетних членов товарищества, пользовавшихся избирательными правами. Он состоял из председателя, одного или двух заместителей и 6–10 членов.

Как и все другие суды общественной самодеятельности, суды при жилищно-кооперативных товариществах рассматривали мелкие гражданские и несложные уголовные дела. Кроме того, они разрешали споры, возникающие в связи с пользованием помещениями (порча помещения, загрязнение мест общего пользования, споры о порядке пользования кухнями, коридорами и т.д.). Все эти дела рассматривались общественным судом того жилищно-арендного или жилищно-строительного кооперативного товарищества, на территории которого проживал правонарушитель или ответчик. Порядок разрешения дел в этих судах ничем не отличался от порядка разрешения дел в других общественных судах.

Организация общественных судов при жилищно-кооперативных товариществах возлагалась на Белжилсоюз и НКЮ. Инструктирование и ревизии судов проводились также народными судьями, в районе деятельности которых они находились.

В первой половине 1932 г. в республике по предложению Президиума ЦИК БССР в наиболее крупных сельскохозяйственных коммунах и артелях были организованы производственно-товарищеские колхозные суды (в числе не более пяти на один район). Их создание рассматривалось как одна из важных мер организационно-хозяйственного укрепления молодых коллективных хозяйств. Они являлись также формой общественного воздействия на ту часть колхозников, которая вследствие своей малосознательности или под влиянием кулацких элементов нарушала трудовую дисциплину в колхозе, бесхозяйственно относилась к общественному имуществу, машинам, нерадиво выполняла обязанности членов трудового коллектива.

Временно организация и порядок деятельности производственно-товарищеских судов в колхозах регулировались специальной инструкцией НКЮ БССР и Белколхозцентра².

¹ Положение об общественных судах при жилищно-кооперативных товариществах утверждено 5 октября 1931 г. (СЗ БССР 1931 г., отд. 1, № 44, пост. 257).

² Зборнік цыркуляраў, інструкцый і дырэктыўных лістоў Народнага камісарыята юстыцыі БССР за 1931–1932 гг., Минск, 1932, с. 139–142.

Производственно-товарищеские колхозные суды создавались в сельскохозяйственных коммунах и артелях, насчитывающих не менее 100 человек. Они избирались на общем собрании членов коллектива в числе не более 12 человек. Председатель суда утверждался президиумом сельского Совета. Производственно-товарищеские суды в колхозах рассматривали дела о нарушениях трудовой дисциплины (опоздание на работу, прогул, невыполнение распоряжений и т.д.), о недоброкачественном выполнении работ и систематическом невыполнении норм выработки, о бесхозяйственности, причинявшей незначительные убытки, и других действиях, подрывающих коллективное хозяйство, а также дела об оскорблении, клевете, побоях, мелком хулиганстве. Для рассмотрения дел устанавливался пятидневный срок. Заседания суда проводились в присутствии колхозников.

Колхозный общественный суд имел право сделать виновному предупреждение, объявить общественное порицание, наложить штраф не более 10 руб. (деньги использовались на культурные цели или для оказания помощи нетрудоспособным). На правонарушителя могла быть возложена и обязанность возместить причиненный ущерб. Крайней мерой являлось возбуждение вопроса перед общим собранием колхозников об исключении виновного из колхоза. Если же производственно-товарищеский колхозный суд признавал необходимым применить к виновному более жесткие меры воздействия, он передавал дело на рассмотрение народного суда, а дела о нарушении трудовой дисциплины – руководству колхоза.

Инструктированием производственно-товарищеских колхозных судов занимались народные суды.

19 декабря 1933 г. введение в БССР колхозных судов закреплялось в законодательном порядке¹. НКЮ БССР было поручено разработать Положение об организации и деятельности колхозных судов. Однако в связи с принятием в 1934 г. Примерного устава сельхозартеля, который относил к компетенции общего собрания и правления колхоза решение всех вопросов трудовой дисциплины, необходимость в таком Положении отпала.

Таким образом, большой авторитет общественных судов среди трудящихся и их активное участие в социалистическом строительстве и коммунистическом воспитании населения обусловили широкое распространение и появление разнообразных форм этих судов.

¹ СЗ БССР 1933 г. №52, пост. 337. В РСФСР и некоторых других союзных республиках организация колхозных судов законодательно не предусматривалась.

Общественные суды явились эффективной и удобной формой разрешения мелких дел и конфликтов. Они оказывали большое воспитательное воздействие как на правонарушителей, так и на всех других неустойчивых граждан. Вместе с тем они освобождали трудящихся, особенно жителей сельской местности, от траты времени и средств для поездок в народные суды, находившиеся в районных центрах.

Суды общественной самодеятельности являлись новой формой разрешения споров и правонарушений – разрешения их силами самих трудящихся, силами коллектива, общественности. Их деятельность показывает, что общественное мнение, мнение членов коллектива, товарищей по работе является наиболее могущественным средством воздействия на правонарушителей.

В работе общественных судов, действовавших в период реконструкции народного хозяйства, были и некоторые недостатки.

Общественные суды нередко рассматривались как низшее звено судебной системы¹. Поэтому они иногда переносили в свою деятельность правила судопроизводства, определяющие порядок разбирательства дел в народных судах. Общественные суды мало отчитывались перед избравшим их коллективом. Среди мер воздействия, применяемых общественными судами, преимущество отдавалось принудительным работам и штрафам².

Наделение народных судов правом пересмотра решений общественных судов на практике приводило зачастую к превращению их в кассационные инстанции, к подмене общественных судов народными судами. Отсутствие же у профсоюзных организаций права отмены постановлений общественных судов не обеспечивало должного контроля профсоюзных организаций за их деятельностью.

Таким образом, используя положительный опыт работы общественных судов, нужно иметь в виду и те отдельные недостатки, которые снижали эффективность их деятельности. Это позволит

¹ Пленум Верховного суда БССР в своем постановлении от 24 января 1930 г. разъяснил, например, что сельские и товарищеские суды являются учреждениями воспитательного характера, но поскольку они имеют определенную подсудность и поднадзорны вышестоящим судебным органам, то ввиду этого, «бесспорно, являются нижней ячейкой судебной системы» (Зборнік чынных пастаноў пленума, цыркуляраў і інструкцый Вярхоўнага суда БССР за 1924–1930 гг., с. 39–40).

² Так, данные, характеризующие деятельность сельских и товарищеских судов за первую половину 1931 г., показывают, что сельские суды чаще всего применяли принудительные работы (43 %), а товарищеские суды – штрафы (45 %) (Зборнік чынных пастаноў пленума, цыркуляраў і інструкцый Вярхоўнага суда БССР за 1924–1930 гг., с. 125).

лучше организовать работу товарищеских судов в настоящее время, поднять ее на уровень, отвечающий современным задачам.

В период реконструкции народного хозяйства в целях обеспечения четкой и бесперебойной работы государственного аппарата, его приближения к массам проводятся крупные мероприятия по рационализации всех звеньев государственного управления. В 1927 г. организационной перестройке подвергся аппарат НКЮ БССР. Вместо отделов в нем были образованы судебная, прокурорская и юридическая инспекции. Инспекции непосредственно подчинялись наркому и его заместителям.

НКЮ освобождался от работы по кодификации и опубликованию законов. Кодификация законодательства стала входить в компетенцию Комиссии законодательных предположений, а опубликование законов – в компетенцию Управления делами СНК и Экономического совещания БССР¹.

После утверждения ЦИК и СНК БССР 15 июня 1929 г. нового Положения о НКЮ² последний был лишен права непосредственного инструктирования судебных органов и проведения обследования их деятельности. НКЮ осуществлял судебную политику и руководил судебной практикой по уголовным и гражданским делам через Верховный суд республики³.

Главными задачами НКЮ являлись: организация и общее руководство судебными учреждениями, прокуратурой и другими органами юстиции; осуществление надзора за законностью в республике; разработка совместно с Народным комиссариатом внутренних дел правил об исправительно-трудовой системе; проведение мероприятий по подготовке, переподготовке и воспитанию кадров судебных, прокурорских и других работников юстиции; разработка форм и методов пропаганды и популяризации права; организация совещаний и съездов судебных деятелей.

Изменения в компетенции НКЮ БССР отразились на его организационной структуре.

¹ СЗ БССР 1928 г. № 6, ст. 36.

² СЗ БССР 1929 г., отд. 1, № 21, пост. 120 и 121.

³ В связи с тем что инструктирование и обследование деятельности судов полностью перешло к ведению Верховного суда республики, некоторыми руководящими работниками НКЮ вносилось предложение о ликвидации НКЮ БССР (ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 1499, л. 1–8). Однако это предложение не было принято, т.к. упразднение НКЮ в данный период времени было несвоевременным и неоправданным. НКЮ БССР играл большую роль в организационном укреплении органов юстиции и совершенствовании их работы.

С 1930 по 1934 г. в ведении НКЮ БССР находились места заключения¹.

В апреле 1930 г. при НКЮ была создана объединенная организационно-инструкторская группа², на которую возлагалась проверка деятельности судов, работа по подготовке и переподготовке кадров и рационализации аппарата, ведение статистики. Возглавлялась группа членом коллегии Наркомюста. В ее состав входили инспектор по организационным вопросам и рационализации, инспекторы-ревизоры, статистики-информаторы.

Деятельность организационно-инструкторской группы способствовала повышению роли Наркомюста в осуществлении руководства судами и другими органами юстиции. В условиях острой классовой борьбы НКЮ обеспечил правильную классовую линию в деятельности суда и других органов юстиции, их активное участие в хозяйственно-политических кампаниях и коммунистическом воспитании трудящихся³. Под руководством НКЮ суды расширили работу по пропаганде советского права среди населения, значительно улучшили свою деятельности по отправлению правосудия. Как непосредственно, так и через судебные органы НКЮ оказывал повседневную помощь судам общественной самодеятельности. Особенно много внимания уделял НКЮ укреплению связи суда и других органов юстиции с трудящимися, привлечению рабочих и крестьян к участию в борьбе с нарушениями социалистической законности, с бюрократизмом и волокитой.

В этот период изменились формы и методы работы Наркомюста. НКЮ не только обобщал и распространял положительный опыт работы судов по укреплению связи с трудящимися и вовлечению их в борьбу с правонарушителями, но в своей деятельности стремился установить тесный контакт с общественностью, много внимания уделял живому конкретному руководству. В 30-е годы НКЮ БССР практиковал проведение заседаний коллегии на промышленных предприятиях. На такие заседания выносились наиболее важные вопросы деятельности органов юстиции и укрепления социалистической законности. Широкое обсуждение этих вопросов способствовало их правильному решению и устранению недостатков в работе органов юстиции.

¹ СЗ СССР 1930 г. № 60, ст. 640; СЗ БССР 1930 г., отд. 1, № 44, пост. 288; СЗ СССР 1934 г. № 56, ст. 421.

² ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 1384, л. 7-74.

³ Постановление СНК БССР от 14 октября 1926 г. (СЗ БССР 1926 г. № 42, ст. 160); постановление СНК БССР от 26 июня 1929 г. (СЗ БССР 1929 г., отд. 2, № 16, пост. 112); Матэрыялы да справаздачи Урада Х з'езду Саветаў БССР, 1931, с. 210.

По-прежнему Наркоматом юстиции созывались кустовые совещания и съезды деятелей юстиции, на которых обсуждались насущные вопросы, определялись главные задачи органов правосудия.

28–30 июля 1933 г. состоялся Всебелорусский съезд работников юстиции, в котором приняло участие около 300 народных судей, районных прокуроров и следователей. В работе съезда участвовали члены производственно-товарищеских, сельских общественных и колхозных судов, представители групп содействия. На съезде был обсужден вопрос об очередных задачах органов юстиции¹.

Отмечая заслуги НКЮ БССР в успешном выполнении судами и другими органами юстиции их задач, следует указать, что его деятельность не была лишена и недостатков. Они вытекали главным образом из функционального построения НКЮ. Как известно, XVII съезд ВКП(б) решительно осудил функциональную систему управления и предложил перестроить весь советский и хозяйственный аппарат по производственно-территориальному принципу².

Вопрос о подготовке и воспитании судебных кадров стоял в центре внимания работы НКЮ БССР.

На 1 января 1927 г. среди народных судей рабочих и крестьян насчитывалось 75,6 %, среди членов суда – 70,4 %. Члены КП(б)Б среди народных судей составляли 59,7 % и среди членов окружных судов (включая председателей и заместителей председателей окружных судов) – 79,5 %. С высшим и средним образованием народных судей насчитывалось 15,8 %, членов окружных судов – 29,5 %³. Белорусов среди народных судей было 70,73 %, среди членов окружных судов – 59,09 %⁴.

Таким образом, личный состав судей к 1927 г. стал более качественным; тем не менее он все еще нуждался в существенном улучшении. В органах юстиции был недостаточный процент рабочих и крестьян. Наблюдалась большая текучесть кадров. Так, народные судьи со стажем практической работы в органах юстиции свыше пяти лет составляли всего 14 %; а члены окружных судов (включая председателей и их заместителей) – 40 %⁵.

¹ Чарговья задачи органаў савецкай юстыцыі, с. 11–24.

² КПСС в резолюциях..., часть II, 1953, с. 771–772.

³ Отчет о деятельности органов юстиции БССР за 1926 г., Минск, 1927, с. 19–20 (данные приведены в абсолютных цифрах).

⁴ Там же, с. 113.

⁵ Отчет о деятельности органов юстиции БССР за 1926 г., Минск, 1927, с. 21.

Большое значение для улучшения социального состава судебных работников имело постановление Президиума ЦИК БССР от 2 февраля 1928 г., в котором было предложено НКЮ БССР усилить работу по выдвижению в судебные органы рабочих и беднейших крестьян-белорусов¹. В целях укрепления органов юстиции в 1927–1928 гг. была проведена чистка судебного аппарата от чуждых и враждебных элементов. Особенно тщательно проводилась она в 1929 г., когда в соответствии с решениями апрельского Пленума ЦК КП(б)Б массовой проверке подверглись работники всего государственного аппарата. Одновременно на судебную работу выдвигались лучшие рабочие, батраки и бедняки. Резервом пополнения органов юстиции преданными делу социализма работниками являлся судебно-прокурорский актив – народные заседатели, члены общественных судов, группы содействия и т.д. Большое внимание уделялось выдвижению на работу в судебные органы женщин из пролетарских и бедняцко-средняцких слоев населения. Среди лиц, выдвинутых в 1930 г. в центральные, окружные и районные учреждения, 20 % составляли работницы и батрачки². В целях широкого привлечения женщин – работниц, крестьянок и батрачек на работу в советские организации и, в частности, в органы юстиции Коммунистическая партия и Советское правительство наметили программу практических мероприятий, осуществление которых обеспечивало выполнение этой задачи. 14 мая 1927 г. ЦИК БССР принял постановление «О работе делегатов-практиканток из женщин – работниц, крестьянок и батрачек – в Советах рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, государственных учреждениях и общественных организациях БССР», на основании которого была разработана специальная инструкция³. Советские и общественные организации обязывались оказывать женщинам, выдвинутым для работы в государственном аппарате, всемерную помощь и поддержку, прикреплять их к своим учреждениям и привлекать к непосредственной практической деятельности, с тем чтобы в короткий срок подготовить делегатов-практиканток к самостоятельной работе.

Одной из самых актуальных задач в работе с новыми кадрами являлась ликвидация их юридической малограмотности, т.к. выдвинуты из рабочих и крестьян, как правило, не имели никакой правовой подготовки. Необходимо было повышать квалификацию

¹ СЗ БССР 1928 г., отд. 1, № 8, ст. 47.

² Матэрыялы да справаздачи Урада Х з'езду Саветаў БССР, с. 5.

³ Збор пастаноў і цыркуляраў аб уцягненні жанчын у савецкае будаўніцтва, Мінск, 1927, с. 17–21.

и старых судебных работников, которые также в подавляющем большинстве не имели юридического образования.

Наиболее доступной и эффективной в тех условиях формой юридической подготовки кадров и повышения их квалификации являлась организация краткосрочных юридических курсов. В середине 1926 г. для подготовки и переподготовки кадров Наркомюстом были созданы шестимесячные юридические курсы, а в 1927 г. – курсы с девятимесячным сроком обучения¹. В последующие годы такие курсы функционировали постоянно. Учебная программа курсов предусматривала изучение основных юридических дисциплин. Слушатели курсов после их окончания получали необходимый минимум юридических знаний и использовались главным образом на судебной, прокурорской и следственной работе. Некоторые из них зачислялись в коллегии защитников².

Для повышения теоретических знаний судей и других работников юстиции в Белоруссии в 1926–1930 гг. создаются многочисленные юридические кружки. Они организовывались при окружных и народных судах. Участники юридических кружков коллективно изучали и обсуждали наиболее важные и актуальные вопросы права и судебной практики, знакомились с текущим законодательством. В работе кружков принимали участие не только народные судьи и члены окружных судов, но и прокурорские и следственные работники, члены коллегии защитников, работники милиции, заведующие избами-читальнями. Районные и окружные кружки были созданы и для переподготовки секретарей суда.

Поднятию уровня юридической подготовки практических работников способствовали также шефство членов окружных судов над отдельными народными судами, производственная практика в вышестоящих судебных органах судей нижестоящих судов, систематическое инструктирование их вышестоящими судебными инстанциями и Наркомюстом БССР.

В рассматриваемый период расширяется подготовка юристов с высшим образованием. С этой целью правовое отделение Белорусского государственного университета в 1930 г. было реорганизовано в факультет советского строительства и права. Факультет стал готовить высококвалифицированные кадры не только для суда, прокуратуры и органов следствия и адвокатуры, но и для Советов.

¹ Дзейнасьць Урада БССР за 1926–1927 гг., с. 302.

² Так, из 60 курсантов, окончивших курсы в начале 1927 г., 26 были направлены на судебную работу, 15 – на прокурорские и следственные должности, 6 – в коллегию защитников и 13 оставлены для использования на судебной работе (Отчет о деятельности органов юстиции БССР за 1926 г., с. 43).

Глава IV.

Задачи и организация суда БССР в период борьбы за упрочение и развитие социалистического общества (1935–1941 гг.)

Успешное выполнение первого и второго пятилетних планов развития народного хозяйства коренным образом изменило облик Белоруссии. Из отсталой аграрной окраины царской России она превратилась в высокоразвитую индустриально-колхозную республику, в республику высокой социалистической культуры.

Огромные достижения Белорусской ССР в социалистическом строительстве привели к еще большему укреплению общественного и государственного строя, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности, расширению советской демократии.

Судебные органы в эти годы вели борьбу с агентурой капиталистических стран, шпионами, диверсантами, вредителями, пытавшимися помешать бурному росту политической и экономической мощи Советского государства.

Одной из основных задач суда являлась защита от преступных посягательств социалистической собственности, а также охрана жизни, здоровья, чести и достоинства советских граждан, их прав и законных интересов.

Угроза военного нападения со стороны фашистской Германии требовала решительного усиления борьбы с нарушениями трудовой дисциплины на производстве, с хозяйственными и должностными преступлениями.

В связи с ликвидацией комиссий по делам несовершеннолетних ответственные задачи возлагались на суды в области борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью, ликвидации преступности среди несовершеннолетних.

Большое внимание уделялось в эти годы повышению воспитательной роли судебной деятельности, предупреждению преступлений, правовой пропаганде. Продолжала совершенствоваться организационная структура судебной системы, дальнейшее развитие получили демократические принципы устройства и деятельности советского суда.

Осенью 1939 г., идя навстречу пожеланиям белорусского народа, Верховный Совет СССР принял закон о включении западных областей Белоруссии в состав СССР и воссоединении их

с Белорусской ССР. Этот акт был окончательно оформлен третьей внеочередной сессией Верховного Совета БССР 12 ноября 1939 г.

С первых же дней установления Советской власти в западных областях Белоруссии начался слом старого государственного аппарата, в том числе судебных органов. Вместо них были образованы новые, советские суды.

В первые годы рассматриваемого периода наиболее значительным изменением в судоустройстве республики явилось создание среднего звена в судебной системе.

Для укрепления руководства советскими и хозяйственными организациями на территории БССР было образовано четыре округа (Мозырский, Слуцкий, Лепельский и Полоцкий). В связи с этим 25 января 1936 г. вновь учреждались окружные суды¹. В республике начали опять действовать три ступени судебных органов: народный суд, окружной суд и Верховный суд.

Окружные суды были наделены такой же компетенцией, которую они имели по Положению о судоустройстве БССР 1925 г. Они выполняли функции суда первой инстанции, рассматривали в кассационном и надзорном порядке дела народных судов соответствующих округов, а также осуществляли организационное руководство деятельностью народных судов, судебных исполнителей, нотариата, коллегий защитников. Они же руководили работой общественных судов.

Председатель и члены окружных судов избирались исполкомами окружных Советов и утверждались Верховным судом БССР (раньше НКЮ БССР). Отзыв и смещение с должности председателя и членов окружных судов могли производиться только исполкомом окружного Совета по согласованию с Верховным судом БССР. Эти исполкомы утверждали также списки народных заседателей.

Непосредственное руководство деятельностью окружных судов возлагалось на Верховный суд республики.

В сентябре 1936 г. окружные суды были преобразованы в постоянные судебно-кассационные сессии Верховного суда². В отличие от окружных судов судебно-кассационные сессии выполняли только судебные функции. Они являлись кассационной и надзорной инстанцией для народных судов и, кроме того, рассматривали по первой инстанции подсудные Верховному суду дела.

¹ СЗ БССР 1936 г. № 28, пост. 145.

² Там же, пост. 148.

Надзорной инстанцией для постоянных судебно-кассационных сессий был президиум Верховного суда БССР. Постоянные судебно-кассационные сессии комплектовались в таком же порядке, как и состав Верховного суда БССР.

Судебно-кассационные сессии просуществовали недолго. 5 марта 1937 г. они вновь были преобразованы в окружные суды¹, которые, в свою очередь, в связи с введением в 1938 г. областного административно-территориального деления были заменены областными судами².

В числе организационных изменений, предшествовавших принятию новой Конституции СССР и Конституции БССР, необходимо отметить передачу водного транспортного суда и водной транспортной прокуратуры БССР в непосредственное подчинение Верховного Суда СССР и Прокуратуры СССР. Эта реорганизация проводилась на основе постановления ЦИК и СНК БССР от 26 апреля 1936 г.³, изданного в соответствии с одноименным постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1936 г.⁴ Передача в ведение Верховного Суда СССР водно-транспортного суда БССР и водно-транспортных судов других союзных республик способствовала обеспечению единства в деятельности судебных органов, обслуживавших водный транспорт.

В связи с тем что постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» были упразднены комиссии по делам несовершеннолетних при отделах народного образования⁵, рассмотрение дел о преступлениях несовершеннолетних, достигших 14 лет (а в некоторых установленных в законе случаях – 12 лет), стало входить в компетенцию общих судов.

Новый этап в судостроительстве БССР, как и в развитии советского суда в целом, открывается с принятием Конституции СССР 1936 г.

Законодательно укрепив социалистический демократизм общественного и государственного строя в СССР, Советская Конституция расширила и укрепила демократические принципы организации и деятельности советского суда. В ней получили четкую формулировку, систематическое изложение и законченное выражение основные начала организации советского правосудия, установленные уже первыми декретами Советской власти о суде.

¹ СЗ БССР 1937 г. № 5, пост. 33.

² СЗ БССР 1938 г. № 5, пост. 38.

³ СЗ БССР 1936 г. № 24, пост. 114.

⁴ Там же, № 18, ст. 150.

⁵ СЗ СССР 1935 г. № 32, ст. 252.

К конституционным принципам устройства и деятельности советского суда относились: осуществление правосудия только судом (ст. 102); рассмотрение дел во всех судах с участием народных заседателей (ст. 103); выборность судей и народных заседателей (ст. 104–109); ведение судопроизводства на национальном языке с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать в суде на родном языке (ст. 110); открытое разбирательство дел во всех судах с обеспечением обвиняемому права на защиту (ст. 111); независимость судей и подчинение их только закону ст. 112).

Все перечисленные принципы выражают подлинный демократизм советского суда, его действительную народность, обеспечивают широкое привлечение трудящихся к государственному управлению и успешное осуществление задач социалистического правосудия.

Установленные в Конституции СССР положения, определяющие основные начала устройства и деятельности советской судебной системы, были полностью воплощены и в Конституции БССР, принятой в феврале 1937 г. XII Чрезвычайным Всебелорусским съездом Советов.

В соответствии со ст. 102 Конституции СССР и ст. 80 Конституции БССР правосудие в республике осуществлялось Верховным судом БССР, окружными и народными судами, а также специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР. Точное перечисление в Конституции органов, занимающихся отправлением правосудия, является важной гарантией обеспечения социалистической законности в выполнении такой важной государственной функции, как правосудие. Только суд в результате судебного рассмотрения дела с соблюдением всех демократических принципов процесса может признать лицо виновным в совершении преступления и подвергнуть уголовному наказанию.

Правильное разрешение судебных дел, авторитетность решений и приговоров суда, массовое привлечение трудящихся к участию в отправлении правосудия обеспечивает принцип рассмотрения дел с участием народных заседателей.

Выборность судей и народных заседателей является одним из проявлений свойственного социалистическому государству демократического принципа активного вовлечения трудящихся масс в повседневную государственную работу. Конституция установила самый демократический порядок комплектования судебных органов: народные суды избирались гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном

голосовании сроком на три года, а все остальные суды – соответствующими Советами сроком на пять лет.

Четкую развернутую формулировку получил в Конституции СССР (ст. 110) и Конституции БССР (ст. 86) принцип ведения судопроизводства на национальном языке. Ведение судопроизводства на языке союзной или автономной республики или автономной области, т.е. на языке населения, составляющего большинство в данной местности, явилось необходимым условием тесной связи суда с трудящимися, успешного выполнения задач правосудия и обеспечения общественного контроля за работой суда.

В ст. 86 Конституции БССР устанавливалось, что судопроизводство в республике проводится на белорусском языке. Лицам, не владеющим этим языком, обеспечивается ознакомление с материалами дела через переводчика, а также право выступать в судебном заседании на родном языке. Таким образом, принцип национального языка в судопроизводстве, нашедший законодательное закрепление уже в декрете о суде № 2 (ст. 8), в Основном законе СССР получил дальнейшее развитие и конкретизацию.

Ярким выражением подлинного демократизма советского суда, его воспитательной роли является возведенный в конституционное начало принцип открытого (гласного) судебного разбирательства.

Социалистический демократизм Советского государства проявлялся и в конституционном положении, гарантирующем обвиняемому право на защиту. Осуждение невиновного, назначение наказания, не соответствующего вине осужденного, совершенно нетерпимы в условиях нашего общества. Советский закон установил гарантии правильного осуществления правосудия, вынесения законных и обоснованных приговоров и решений. Среди этих гарантий первое место занимают положения об обеспечении обвиняемому право на защиту. Конституция СССР подчеркнула необходимость неукоснительного соблюдения прав обвиняемого, обеспечения ему возможности защищаться от предъявленного обвинения.

Важным конституционным началом является записанное в ст. 112 Конституции СССР и ст. 88 Конституции БССР положение о независимости судей и их подчинении только закону. При рассмотрении конкретных уголовных и гражданских дел и их разрешении судьи независимы от каких бы то ни было органов, должностных лиц и граждан. Они руководствуются в своей деятельности только законом и своим внутренним убеждением, основанным на социалистическом правосознании, и всех обстоятельствах дела, установленных в судебном заседании. Независимость судей при осуществлении правосудия – необходимая предпосылка для

вынесения законных и обоснованных судебных решений, для оказания воспитательного воздействия на граждан.

В связи с тем что Конституция СССР 1936 г. отнесла к ведению Союза ССР в лице его высших органов государственной власти полностью все законодательство о судостроительстве (ст. 14, п. «х»), Верховный Совет СССР 16 августа 1938 г. принял Закон о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик.

В отличие от Основ судостроительства 1924 г. этот законодательный акт не только сформулировал задачи социалистического правосудия и основные организационные положения построения советской судебной системы, но и определил организацию судебных органов союзных и автономных республик, а также судов СССР.

В ст. 2 Закона о судостроительстве указывалось, что задачей правосудия в СССР является защита от преступных посягательств советского общественного и государственного строя, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности, прав и интересов граждан, охраняемых законом интересов государственных учреждений, предприятий, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций. Правосудие обеспечивает точное и неуклонное исполнение советских законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР. «Советский суд, применяя меры уголовного наказания, не только карает преступников, – говорилось в ст. 3 Закона о судостроительстве, – но также имеет своей целью исправление и перевоспитание преступников.

Всей своей деятельностью суд воспитывает граждан СССР в духе преданности родине и делу социализма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития».

В общесоюзном судостроительном законе получили дальнейшее развитие принципы организации и деятельности суда. Кроме конституционных, в нем дополнительно были записаны следующие положения: а) единство и равенство суда для всех граждан, независимо от их социального, имущественного и служебного положения, их национальной и расовой принадлежности; б) единство и обязательность для всех судов уголовного, гражданского и процессуального законодательства СССР (ст. 5). Принцип выборности судей дополнялся подотчетностью народных судей избирателям. Дальнейшая демократизация органов правосудия убедительно проявлялась и в требованиях, предъявляемых к кандидатам

в судьи и народные заседатели. Согласно ст. 11 Закона о судоустройстве судьями и народными заседателями могли быть избраны все граждане, пользующиеся избирательными правами.

В новом законодательном акте о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик устанавливались гарантии независимости судей и их подчинения только закону. Освобождение судей от должности, а народных заседателей от их обязанностей допускалось не иначе как по отзыву избирателей или же в силу приговора суда. Возбуждение против судей уголовного преследования, отстранение их в связи с этим от должности и предание суду могло производиться в отношении народных судей, членов областных судов и им соответствующих судов, а также членов Верховного суда союзной республики по постановлению прокурора союзной республики с санкции Президиума Верховного Совета союзной республики; в отношении членов Верховного Суда СССР и членов специальных судов, к которым Закон о судоустройстве относил военные трибуналы и линейные суды железнодорожного и водного транспорта, – по постановлению Прокурора СССР и с санкции Президиума Верховного Совета СССР. Этим самым судьи гарантировались от какого бы то ни было вмешательства в рассмотрение дел и воздействия на них по административной линии, со стороны председателей вышестоящих судов и НКЮ.

Вводя единую судебную систему для всех союзных республик, Закон о судоустройстве установил единые принципы ее организации.

Основным звеном судебной системы по-прежнему оставался народный суд. К его подсудности было отнесено подавляющее большинство уголовных и гражданских дел: дела о преступлениях против личности, об имущественных и должностных преступлениях, о преступлениях против порядка управления; гражданские дела по искам об имуществе, об уплате алиментов, о наследстве, по искам, связанным с нарушением законов о труде (ст. 21 Закона о судоустройстве).

В соответствии с Конституцией СССР Закон о судоустройстве реализовал провозглашенное декретом о суде № 1 положение об избрании местных судей на основании прямых демократических выборов. Народный суд стал избираться гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании сроком на три года. Право выдвижения кандидатов в народные судьи и народные заседатели обеспечивалось за всеми общественными организациями и обществами трудящихся: партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, молодежными организациями, культурными обществами,

а также собраниями рабочих и служащих – по предприятиям, военнотрудовым – по воинским частям, общими собраниями крестьян – по колхозам, рабочих и служащих совхозов – по совхозам. Порядок выборов народных судов в республике подробно определялся Положением, утвержденным Верховным Советом БССР.

В деятельности народного суда широко проводилась коллегиальность. Только некоторые действия, связанные с подготовкой дела к слушанию, рассмотрением жалоб и заявлений граждан, выполнялись народным судьей единолично. Все вопросы, касающиеся существа дела, решались народным судом в полном составе, т.е. с участием народных заседателей¹. Повышение роли народных заседателей выразилось, в частности, и в том, что на одного из них в случае временного отсутствия народного судьи (его болезни, отпуска и т.д.) районным Советом депутатов трудящихся возлагались обязанности народного судьи.

Дальнейшей демократизации подвергся и порядок выборов областных судов и Верховного суда БССР. Областные суды стали избираться в соответствии со ст. 84 Конституции БССР и ст. 30 Закона о судостроительстве областными Советами депутатов трудящихся сроком на пять лет; Верховный суд республики – на такой же срок Верховным Советом БССР.

Значительно изменился объем полномочий этих судов. Областной суд, как и все другие суды, полностью освобождался от функции судебного управления. Он лишался также права пересмотра приговоров и решений народных судов в порядке надзора. Его деятельность сосредоточивалась главным образом на осуществлении судебного надзора путем рассмотрения по кассационным жалобам и протестам не вступивших в законную силу решений и приговоров народных судов. К компетенции областного суда по первой инстанции были отнесены дела о контрреволюционных преступлениях, об особо опасных преступлениях против государственного управления, об особо важных должностных и хозяйственных преступлениях, о хищениях социалистической собственности, а также гражданские дела по спорам между государственными и общественными учреждениями, предприятиями и организациями.

¹ Народные заседатели исполняли свои обязанности не более 10 дней в году. Исключение составляли случаи, когда продление этого срока вызывалось необходимостью закончить рассмотрение начатого дела с участием тех же народных заседателей. На все время работы в суде за ними сохраняется заработная плата. Порядок оплаты народных заседателей, не являющихся рабочими и служащими, а также народных заседателей, вызываемых в областные суды и Верховный суд республики, определяется постановлением Совета Министров БССР от 15 ноября 1949 г.

В связи с сокращением функций областного суда упрощалась и его структура. В составе областного суда были образованы только две судебные коллегии: судебная коллегия по уголовным делам и судебная коллегия по гражданским делам. Пленумы областных судов упразднились.

Аналогичную структуру имел и Верховный суд БССР. Пленум и президиум Верховного суда также упразднились, и в его составе предусматривалось образование только судебных коллегий по уголовным и гражданским делам. Верховный суд лишился своих полномочий по организационному руководству деятельностью областных судов.

Надзор за судебной деятельностью всех судебных органов республики Верховный суд осуществлял путем: рассмотрения протестов Прокурора СССР, прокурора БССР, Председателя Верховного Суда СССР и председателя Верховного суда БССР на приговоры, решения и определения, вступившие в законную силу; рассмотрения в судебных заседаниях жалоб и протестов по делам, решенным областными судами по первой инстанции. Таким образом, по сравнению с ранее действовавшим законодательством поднималась роль Верховного суда БССР как надзорной инстанции в системе судебных органов республики, т.к. только его судебные коллегии имели право пересмотреть вошедшие в законную силу приговор, решение и определение любого суда БССР. Однако в области руководства судебной практикой народных и областных судов полномочия Верховного суда ограничивались, т.к. функция судебного контроля исключалась из его ведения. За ним, как и за Верховными судами других союзных республик, не сохранялось также право дачи судам руководящих разъяснений по вопросам правильного применения законов. Это стало прерогативой исключительно Верховного Суда СССР.

Закон о судеустройстве не только сокращал число надзорных инстанций, но и сужал круг лиц, имеющих право опротестовать вступившие в законную силу судебные решения. Согласно ст. 16 Закона о судеустройстве правом принесения протестов в порядке надзора наделялись лишь Прокурор Союза ССР, прокурор союзной республики, Председатель Верховного Суда СССР и председатель Верховного суда союзной республики. Такая централизация судебного надзора обеспечивала единство судебной политики и судебной практики, способствовала укреплению стабильности вступивших в законную силу приговоров и решений. Вместе с тем, как показала жизнь, она не была лишена и недостатков.

После принятия Конституции СССР и изданного на ее основе Закона о судоустройстве в Белорусской ССР, как и в других союзных республиках, началась перестройка организационной структуры судов в соответствии с принципами, закрепленными в этих законодательных актах.

В целях лучшего обслуживания населения и создания нормальных условий для работы народных судов расширилась сеть их участков. На территории БССР было дополнительно создано 56 народных судов¹, и, таким образом, общее их число в середине 1939 г. возросло до 252². Еще более расширилась сеть участков народных судов после воссоединения западных областей Белоруссии. Судебное строительство в западных областях республики проходило также в соответствии с Законом о судоустройстве от 16 августа 1938 г.

На второй сессии Верховного Совета БССР (25–29 июля 1939 г.) был избран новый состав Верховного суда БССР: председатель суда, 23 члена и 50 народных заседателей³.

Перестройка работы судов положительно отразилась на качестве их судебной деятельности, способствовала усилению роли органов юстиции в социалистическом строительстве. Это было отмечено в резолюции республиканского совещания работников суда и прокуратуры БССР от 18 мая 1939 г.⁴

Улучшилось качество рассмотрения уголовных и гражданских дел. Судебные органы республики обеспечили правильную карательную политику по делам о хищениях социалистической собственности, должностных преступлениях, хулиганстве и по другим категориям дел⁵.

После принятия Закона о судоустройстве народные судьи БССР усилили связь с населением, стали чаще практиковать проведение отчетов перед избирателями. Так, в Пинской области в 1940 г. состоялось 128 отчетов судей перед населением. За 9 месяцев этого же года в Витебской области таких отчетов было сделано 157, а в Гомельской области – 100⁶.

¹ Собрание постановлений и распоряжений Правительства БССР 1938 г., № 13, ст. 58.

² Участки народных судов распределялись по областям следующим образом: в Минской области – 56 народных судов (из них в Минске – 18), в Витебской – 58, в Гомельской – 46, в Могилевской – 61, в Полесской – 31 (Собрание постановлений и распоряжений Правительства БССР 1939 г. № 44, ст. 156).

³ Вторая сессия Верховного Совета БССР, стенографический отчет, 1940, с. 292.

⁴ ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 1561, л. 2.

⁵ Там же, ед. хр. 1572, л. 40.

⁶ Там же, ед. хр. 1566, л. 98–99.

В то же время в судебной практике республики имелись недостатки: при разбирательстве уголовных и гражданских дел еще нередко допускались нарушения законов и сроков рассмотрения дел.

Для усиления воспитательной роли социалистического правосудия требовалось повысить культуру судебных процессов, больше внимания уделять правовой пропаганде. В серьезном улучшении нуждалась также работа по организации отчетов перед населением о деятельности народного суда и народных судей, т.к. таких отчетов проводилось еще мало, судьи выступали перед избирателями нерегулярно.

В свете исторических решений XVIII съезда Коммунистической партии, наметивших пути постепенного перехода от социализма к коммунизму, перед судебными органами республики была поставлена задача дальнейшего повышения качества их работы, еще более активного участия в проводимых партией и правительством хозяйственно-политических мероприятиях, в коммунистическом воспитании трудящихся.

В начале рассматриваемого периода значительное внимание уделялось улучшению деятельности производственно-товарищеских судов.

В июне 1935 г. вопрос о работе производственно-товарищеских судов специально обсуждался на заседании 51-го пленума Верховного Суда СССР. Пленум обязал судебные органы всех союзных республик усилить надзор за производственно-товарищескими судами, систематически и действенно руководить их работой.

29 июня 1935 г. Президиум ЦИК БССР, заслушав доклад председателя Верховного суда БССР о работе производственно-товарищеских судов на предприятиях республики, вынес специальное постановление¹. Отмечая определенные успехи производственно-товарищеских судов в борьбе за выполнение промфинплана, за качество продукции, охрану социалистической собственности и воспитание трудовой дисциплины, Президиум ЦИК БССР указал и на ряд недостатков в их работе. Некоторые суды несвоевременно рассматривали поступавшие к ним дела, необоснованно возбуждали перед администрацией ходатайства об увольнении, о смещении на низшую должность. Отмечалось также, что на некоторых крупных предприятиях республики производственно-товарищеские суды не были созданы, на других существовали формально,

¹ ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 3, ед. хр. 339, л. 26–27.

т.к. не рассматривали дела, отнесенные к их компетенции. Президиум ЦИК БССР предложил немедленно устранить эти недостатки в организации работы производственно-товарищеских судов. Профсоюзные органы должны были организовать производственно-товарищеские суды на всех предприятиях и учреждениях, выделить для работы в них ударников, активистов, пользующихся авторитетом среди рабочих, обеспечить нормальные условия для деятельности этих судов. В целях улучшения работы производственно-товарищеских судов и усиления их связи с избирателями они должны были не реже одного раза в три месяца отчитываться перед избирателями. Для рассмотрения дел, поступавших в производственно-товарищеские суды, устанавливался срок в пять дней. Для популяризации деятельности лучших производственно-товарищеских судов и обмена опытом редакциям газет вменялось в обязанность широко освещать работу указанных судов в печати.

Принятые меры обеспечили повышение активности производственно-товарищеских судов. Однако постепенно деятельность этих и других общественных судов начала ослабевать.

14 августа 1937 г. были ликвидированы колхозные суды¹. Их упразднение вызывалось тем, что основная масса подсудных им дел подлежала разрешению в соответствии со ст. 17 Устава сельхозартели на заседаниях правлений и на общих собраниях колхозов. Дела, не отнесенные к компетенции этих органов, передавались общественным сельским и местечковым судам. Споры между колхозами, а также колхозов с государственными и кооперативными организациями, возникавшие из договоров и других имущественных правоотношений, независимо от суммы иска рассматривались народными судами².

Остальные общественные суды формально не были упразднены, но фактически к концу анализируемого периода прекратили свою деятельность. Объяснялось это рядом причин. Прежде всего в эти годы резко сократилась компетенция производственно-товарищеских, местечковых, сельских и других общественных судов. Закон о судостроительстве изъясил из их ведения ряд категорий уголовных и гражданских дел (дела о побоях, оскорблении, клевете, мелких кражах и имущественных спорах) и передал их народным судам (ст. 21 Закона о судостроительстве). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. устанавливалась судебная ответственность за злостные нарушения трудовой дисциплины на

¹ СЗ БССР 1938 г. № 1, пост. 9.

² Там же, № 6, пост. 44.

производстве (прогул без уважительных причин, опоздание на работу, преждевременный уход с работы, явка на работу в нетрезвом виде и т.п.). В связи с этим производственно-товарищеские суды были лишены права принимать указанные категории дел к своему производству. К подсудности народных судов перешли и дела о мелком хулиганстве, совершенном на предприятии, в учреждении и общественных местах (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 августа 1940 г.).

Ослаблению деятельности общественных судов способствовало также и то обстоятельство, что в Законе о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, заменившем все законодательные акты по вопросам организации и компетенции судебных органов союзных республик, не содержалось никаких указаний относительно обязанности народных судов руководить деятельностью общественных судов. На практике это привело к тому, что народные суды перестали осуществлять надзор и руководство работой судов общественной самодеятельности. Перестали уделять должное внимание этим судам и профсоюзные органы.

Некоторое усиление карательной политики и сужение самодеятельности трудящихся было вызвано обострением международной обстановки, угрозой военного нападения.

Постепенное угасание в этот период деятельности общественных судов представляло собой временное и преходящее явление, поскольку общественные суды – полезный, отвечающий природе Советского государства институт, важная форма коммунистического воспитания трудящихся, привлечения их к охране общественного порядка и правил социалистического общежития.

В 1936–1939 гг. произошли существенные изменения в организации судебного управления.

Конституция СССР и изданный на ее основе Закон о судостроительстве освободили все судебные органы, начиная от областного суда и кончая Верховным Судом СССР, от функций управления, полностью сосредоточив их деятельность на осуществлении правосудия. Организационное руководство работой судебных органов стало входить в компетенцию исключительно НКЮ СССР, учрежденного 20 июля 1936 г.¹ и НКЮ союзных республик, в частности НКЮ БССР. Для руководства деятельностью народных судов и контроля за их работой, а также выполнения аналогичных

¹ СЗ СССР 1936 г. № 40, ст. 338; № 62, ст. 455.

задач в отношении других органов юстиции на местах были образованы управления НКЮ БССР при областных Советах депутатов трудящихся¹.

Таким образом, проводилось четкое разграничение функций судебного управления и осуществления правосудия. Этим самым ставилась задача улучшить деятельность судов по разбирательству гражданских и уголовных дел, еще в большей мере гарантировать их независимость и подчинение при осуществлении правосудия только закону. Практике, самой жизни предстояло проверить целесообразность и эффективность этой реорганизации.

8 октября 1939 г. СНК БССР утвердил новое Положение о Народном комиссариате юстиции БССР². Принятие нового Положения вызывалось необходимостью учесть в нем те изменения, которые были внесены Конституцией СССР и Конституцией БССР, а также постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 июля 1936 г. об образовании НКЮ СССР и выделении из системы НКЮ союзных и автономных республик органов прокуратуры и следствия и подчинении их непосредственно Прокуратуре СССР.

В соответствии со ст. 48 Конституции (Основного закона) Белорусской ССР НКЮ БССР относился к числу союзно-республиканских наркоматов.

На НКЮ БССР возлагалось: осуществление руководства деятельностью управлений НКЮ БССР при областных Советах депутатов трудящихся; организация, контроль и инструктирование судов БССР; организация нотариальных органов и руководство их работой; организация и руководство деятельностью адвокатуры; подготовка и переподготовка кадров органов юстиции; систематизация и подготовка материалов по кодификации законов БССР, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства БССР.

Главной задачей НКЮ БССР являлась организация народных и областных судов, руководство их деятельностью, контроль за качеством рассмотрения и разрешения гражданских и уголовных дел. В связи с выделением органов прокуратуры в самостоятельную систему НКЮ освобождался от руководства работой этих органов и следственного аппарата. Из ведения НКЮ БССР была изъята также функция по наблюдению за местами заключения

¹ Положение об управлениях НКЮ БССР при областных Советах депутатов трудящихся было утверждено СНК БССР 17 июня 1939 г. (Собрание постановлений и распоряжений Правительства БССР 1939 г. № 31, ст. 112).

² Собрание постановлений и распоряжений Правительства БССР 1939 г. № 51, ст. 173.

и исправительно-трудовыми учреждениями; перешедшими в полное распоряжение НКВД.

По сравнению с ранее действовавшим Положением о НКЮ БССР от 15 июня 1929 г. существенные изменения вносились в структуру аппарата Наркомата. Для выполнения перечисленных выше задач в его составе создавались управления и отделы: управление судебных учреждений, имевшее четыре отдела (народных судов, областных судов, судебных исполнителей и статистики); управление кадров, управление учебными заведениями, управление делами, кодификационный отдел, отделы адвокатуры, нотариата, мобилизационный, планово-финансовый. При Наркомате имелись контрольно-инспекторская группа, секретариат и архив.

Управление судебных учреждений разрабатывало вопросы, связанные с организацией народных и областных судов (расположение этих судов, их структура и штаты и т.п.), проводило ревизии. Оно разрабатывало проекты приказов и инструкций по улучшению работы судов, осуществляло контроль за соблюдением судами установленного порядка привлечения народных заседателей, выполнения народными судьями требования ст. 29 Закона о судоустройстве о периодических отчетах перед избирателями. Работники этого управления принимали участие в проведении выборов народных судов, изучали и обобщали судебную практику и данные судебной статистики, руководили работой судебных исполнителей.

На управление учебными заведениями возлагалось руководство юридическими школами, курсами, заочным образованием. Вопросы учета, подготовки и переподготовки кадров занимались управление кадров. Соответствующие их назначению функции выполняли другие управления и отделы.

При народном комиссаре юстиции создавалась коллегия, состав которой утверждался Совнаркомом БССР по представлению наркома юстиции. Коллегия рассматривала вопросы практического руководства, проверки исполнения, подбора кадров, проекты наиболее важных приказов и инструкций, заслушивала отчеты работников аппарата НКЮ и судей. Решения коллегии облекались в форму приказов народного комиссара юстиции. В случае разногласий между ними в жизнь проводилось решение народного комиссара юстиции и о возникшем разногласии доводилось до сведения Совнаркома БССР. Члены коллегии, в свою очередь, могли также обращаться по этому поводу в правительство республики.

Для связи с местными органами и обмена опытом при НКЮ предусматривалось также образование совета, созываемого один

раз в месяц, для обсуждения важнейших вопросов деятельности органов юстиции. В целях использования опыта центральных и местных работников юстиции НКЮ ежемесячно созывал актив.

Вся работа Наркомата юстиции возглавлялась народным комиссаром. Он назначался по представлению Председателя Совета Народных Комиссаров Верховным Советом республики. На основе и во исполнение законов СССР и БССР, постановлений и распоряжений Совнаркома СССР и БССР народный комиссар юстиции издавал приказы и инструкции и проверял их исполнение. Он назначал начальников и ревизоров управлений, отделов и секторов НКЮ, нотариусов и их заместителей, судебных исполнителей, начальников управлений Наркомата юстиции при областных Советах депутатов трудящихся, их заместителей, начальников отделов, секторов и ревизоров этих управлений, а также руководителей непосредственно подведомственных НКЮ БССР учреждений.

Являясь союзно-республиканским наркоматом, НКЮ БССР подчинялся, с одной стороны, Совнаркому БССР, а с другой – НКЮ СССР. Последний руководил работой НКЮ БССР и через него управлениями НКЮ БССР при областных Советах депутатов трудящихся. Народный комиссар юстиции СССР приостанавливал приказы и инструкции НКЮ БССР в случае противоречия их законам, постановлениям и распоряжениям правительства, а также приказам и инструкциям НКЮ СССР.

На управления НКЮ БССР при областных Советах депутатов трудящихся возлагались такие обязанности, как разработка и представление НКЮ БССР предложений о необходимом количестве народных судей в области, о количестве подлежащих избранию в каждом районе народных судей и народных заседателей, а также судей и народных заседателей областных судов. Они контролировали соблюдение народными судами сроков рассмотрения дел, жалоб и заявлений граждан и т.п. Управления НКЮ при областных Советах депутатов трудящихся выполняли исполнительно-распорядительные функции в отношении нотариальных контор, судебных исполнителей. Они осуществляли и общее руководство деятельностью коллегий адвокатов и юридических консультаций.

На управления НКЮ возлагались и другие обязанности, а именно: руководство юридическими курсами по подготовке и переподготовке работников, юстиции области, учет и изучение кадров, организация и ведение судебной статистики, разработка и представление в НКЮ БССР предложений о штатах и сметах на содержание местных органов юстиции и т.п. Всей этой работой ведали соответствующие отделы и секторы управлений НКЮ при

областных Советах депутатов трудящихся: организационно-ревизионный отдел, отдел учета и подготовки кадров, финансово-хозяйственный отдел, сектор статистики, секретариат.

Практика работы управлений потребовала расширения их функций по производству ревизий народных судов. По Положению об управлениях НКЮ БССР при областных Советах депутатов трудящихся они не могли без разрешения НКЮ БССР или НКЮ СССР проводить ревизии народных судов. Это тормозило работу управлений по контролю за правильным применением народными судами законов при рассмотрении уголовных и гражданских дел. Поэтому постановлением СНК БССР от 22 сентября 1939 г.¹ были внесены соответствующие изменения в компетенцию управлений. Они получили право самостоятельного производства ревизий и проверок деятельности народных судов. В случае обнаружения неправильного применения судами законов при рассмотрении или разрешении уголовных и гражданских дел, а также выявления незаконных или необоснованных приговоров и решений начальники управлений НКЮ направляли эти дела народному комиссару юстиции БССР. Последний входил с представлением к председателю Верховного суда республики для решения вопроса о принесении протеста в порядке надзора.

Расширение ревизионных полномочий управлений привело к разделению организационно-ревизионного отдела на три самостоятельных отдела: народных судов и судебных исполнителей, адвокатуры и нотариата. Отдел учета и подготовки кадров стал именоваться отделом кадров, а финансово-хозяйственный отдел был преобразован в сектор.

Начальники управлений НКЮ БССР руководили всей работой подчиненного им аппарата. Они имели право применять меры поощрения в отношении положительно проявивших себя на работе судебных исполнителей и нотариусов, а также налагать на них дисциплинарные взыскания, не связанные с увольнением или смещением на низшую должность.

26 мая 1935 г. ЦИК и СНК БССР в целях улучшения подготовки юридических кадров приняли постановление «О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования»².

¹ Собрание постановлений и распоряжений Правительства БССР 1939 г. № 46, ст. 162.

² СЗ БССР 1935 г. № 22, пост. 122.

В республике значительно расширялась система правового образования. Для ускорения подготовки специалистов-юристов высокой квалификации был увеличен контингент учащихся в Правовом институте, основанном в 1931 г. на базе факультета общественных наук Белорусского государственного университета¹. В институте предусматривалось создание хозяйственно-правового отделения для подготовки правовых работников ведомств и хозяйственных органов, а также подготовительного отделения с годичным и заочного отделения с четырехлетним сроком обучения.

Для подготовки ответственных работников суда, прокуратуры и следствия была организована одногодичная правовая школа, продолжительность обучения в которой позднее была увеличена до двух лет.

Кроме Правового института и правовой школы, готовивших юристов с высшим и средним образованием, создавались юридические курсы; для переподготовки прокуроров, народных судей, следователей и работников центрального аппарата НКЮ – постоянные шестимесячные курсы, а для подготовки лиц, направляемых на работу в органы юстиции, – трехмесячные курсы. Технические работники суда и прокуратуры, а также судебные исполнители и нотариусы направлялись на трехмесячные курсы.

Такая разветвленная система подготовки юридических кадров позволяла охватить значительное число работников юстиции², обеспечить суд и другие органы юстиции квалифицированными специалистами.

Для развития юридического образования и правовой науки в республике большое значение имела также подготовка национальных кадров научных работников.

Таким образом, если в первые годы развития белорусской государственности главной задачей в работе с юридическими кадрами было улучшение их классового состава, то в рассматриваемый период решающее значение придаетается юридической подготовке кадров, повышению их квалификации, воспитанию их в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, моральной чистоты и безукоризненного поведения.

¹ В 1938 г. в институте обучалось 385 студентов. В 1939 г. институт окончило 115 человек («Советская юстиция», 1939, № 3, с. 31).

² Всеми видами юридического обучения в 1935 г. намечалось охватить 650 человек (см. постановление ЦИК и СНК БССР от 26 мая 1935 г. «О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования» (СЗ БССР 1935 г. № 22, пост. 122).

Глава V. Суд БССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

22 июня 1941 г. мирный созидательный труд советского народа был прерван вероломным нападением на СССР фашистской Германии. По призыву Коммунистической партии трудящиеся нашей страны, в том числе белорусский народ, мужественно встали на защиту своей социалистической Родины.

Условия войны потребовали немедленной перестройки работы всех государственных органов, подчинения ее интересам фронта.

Советским судам необходимо было организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями ложных слухов, шпионами и диверсантами.

«Нужно иметь в виду, – говорил И.В. Сталин, выступая 3 июля 1941 г. по радио, – что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, невзирая на лица»¹.

В первый день войны в интересах обороны страны и обеспечения общественного порядка и государственной безопасности Указом Президиума Верховного Совета СССР в отдельных местностях Союза ССР, и в частности на территории Белоруссии, было введено военное положение. В районах, объявленных на военном положении, функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности передавались военным советам фронтов, армий, военных округов. Там же, где они отсутствовали, эти функции выполняло высшее командование войсковых соединений. Виновные в неподчинении распоряжениям и приказам военных властей, а также в совершении преступлений несли ответственность по законам военного времени.

В указанных местностях на рассмотрение военных трибуналов передавались дела о всех преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности (дела о государственных преступлениях, о крупных хищениях социалистической собственности, умышленных убийствах,

¹ И.В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, М., 1950, с. 15.

насильственном освобождении из мест заключения и из-под стражи, об уклонении от исполнения всеобщей воинской обязанности, о незаконной покупке, продаже, хранении и хищении оружия). Исходя из обстановки военного времени, командование имело право передавать на рассмотрение военных трибуналов дела о спекуляции, злостном хулиганстве и других преступлениях.

Приговоры военных трибуналов кассационному обжалованию и опротестованию не подлежали. Они могли быть изменены или отменены в порядке надзора. Порядок разбирательства дел в военных трибуналах определялся Положением о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий, утвержденным 22 июня 1941 г.

Используя временные преимущества в живой силе и технике, а также внезапность нападения, гитлеровские войска оккупировали значительную часть территории нашей страны. В первые же месяцы войны оказалась оккупированной и Белоруссия.

Фашистские поработители принесли неисчислимые бедствия и страдания белорусскому народу. Земля Белоруссии была залита кровью ее сыновей и дочерей, покрыта виселицами и концентрационными лагерями. Фашисты грабили мирное население, подвергали его массовому истреблению. За годы оккупации немецкие захватчики уничтожили 2200 тысяч мирных жителей и военнопленных и свыше 380 тысяч женщин и мужчин угнали на каторжные работы в Германию.

Кровавый режим фашистской оккупации не сломил волю и мужество белорусского народа. С первых же дней оккупации на территории Белоруссии начинается партизанская война. Руководимое и направляемое Коммунистической партией партизанское движение приобретало все больший размах и в 1943 г. приняло всенародный, массовый характер. В лесах Белоруссии действовало 1108 партизанских отрядов, в которых сражалось 370 тысяч партизан¹.

Партизаны разрушали коммуникации врага, взрывали склады с боеприпасами и железнодорожные мосты, срывая переброску неприятельских войск, нападали на немецкие гарнизоны, спасали мирное население от истребления и угона на каторгу. За два с половиной года белорусские партизаны уничтожили 368 371 фашиста, более 80 000 человек было ранено, 1742 солдата и офицера взято в плен. За этот же период времени уничтожено 8269 вражеских эшелонов, 284 самолета и т.д.²

¹ Сорокалетие образования Коммунистической партии Белоруссии (1918–1958 гг.), Минск, 1958, с. 29.

² Шестая сессия Верховного Совета БССР, стенографический отчет, 1946, с. 30.

Проявляя беспримерный героизм и мужество, народные мстители освобождали от врага целые районы, создавая партизанские края и зоны. К концу 1943 г. партизанские отряды удерживали, и контролировали около 60 % временно оккупированной территории республики, на которой находились тысячи населенных пунктов. Некоторые районы и города удерживались партизанами с начала войны и до освобождения Белоруссии частями Советской Армии. В этих районах были установлены и действовали органы Советской власти. В частности, в постановлении Кличевского райкома партии и исполкома районного Совета депутатов трудящихся, принятом в 1942 г. после освобождения партизанами территории района от немцев, указывалось: «1. Объявить с сего дня на территории Кличевского района Советскую власть восстановленной. Район на военном положении.

Руководство всей политической, оборонной и хозяйственной деятельностью как в районном центре, так и на местах сосредоточить в районных и местных органах власти.

2. Восстановить в своих полномочиях все выборные и административные, советские, хозяйственные и общественные органы»¹.

С 1942 г. в партизанских соединениях, бригадах, отрядах и партизанских зонах вместо товарищеских партизанских судов и судов командирской чести стали создаваться на правах народных судов партизанские суды². Эти суды носили различные наименования (суды, тройки, трибуналы) и рассматривали дела об измене Родине, невыполнении приказа командира, мародерстве, убийствах и т.д.

Председатели таких судов назначались партизанским командованием и подпольными райкомами партии. Их решения по данному вопросу подлежали утверждению подпольных областных комитетов КП Белоруссии³.

Заседатели этих судов избирались на общих собраниях партизан и утверждались приказом командования, партизанских бригад.

Приговоры партизанских судов, как правило, могли быть обжалованы в течение 48 часов в подпольный обком партии. Приговоры

¹ Цит. по кн.: И.С. Кравченко, А.И. Залесский. Белорусский народ в годы Великой Отечественной войны, Минск, 1959, с. 57.

² В частности, в протоколе заседания Могилевского подпольного областного комитета КП(б)Б от 3 мая 1943 г. записано: «Слушали: о создании партизанских судов. Постановили: 1. В целях борьбы с фактами мародерства и проявлением антигосударственных поступков как внутри партизанских отрядов, так и среди населения создать при всех партизанских бригадах партизанские суды на правах народных судов» (Партархив ЦК КПБ, ф. 4159, оп. 1, св. 1, д. 1, л. 9–10).

³ Партархив ЦК КПБ, ф. 4159, оп. 1, св. 1, д. 1, л. 20, 21, 23 и др.

с высшей мерой наказания подлежали обязательному утверждению командира соединения или бригады.

Партизанские суды способствовали укреплению дисциплины в партизанских отрядах, повышению, их организованности и боеспособности¹. Они беспощадно карали немецких пособников – изменников Родины. От имени народа и Советской власти эти суды осуществляли правосудие, воспитывая партизан и население в духе беззаветной преданности Коммунистической партии, социалистическому отечеству и смертельной ненависти к немецко-фашистским преступникам и их пособникам.

С 1943 г. советские войска, перейдя в решительное наступление, начали изгнание немецко-фашистских захватчиков с белорусской земли. К концу августа 1944 г. БССР была полностью освобождена от гитлеровских войск.

По мере освобождения Белоруссии на ее территории стали восстанавливаться советские государственные органы, в том числе суды².

Одной из основных задач судебных органов являлось восстановление на территории республики социалистической законности, ликвидация последствий немецко-фашистской оккупации, всемерное содействие фронту, окончательному разгрому фашистской Германии.

Поскольку территория Белоруссии и после ее освобождения продолжала находиться в связи с войной на военном положении, юрисдикция военных трибуналов по-прежнему была широкой.

В республике действовали Указы Президиума Верховного Совета СССР, изданные в годы войны: об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения; об ответственности за разглашение государственной тайны; об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий и т.д.

¹ Один из случаев рассмотрения дела партизанским судом описан в воспоминаниях Героя Советского Союза В. Ливенцева (Партизанский край, Дзяржвыдавецтва БССР, 1950, с. 209–210). Партизанскому суду был предан Константин Митрофанов за то, что он во время боя потерял пулемет. Суд продолжался долго, обвиняли и защищали партизаны, которые присутствовали на суде. Подсудимый дал чистосердечные показания. Партизанский суд вынес решение: К. Митрофанова отстранить от поста командира отделения и просить командование отряда перевести его в хозяйственный взвод рядовым бойцом. Суд был организован как для наказания Митрофанова, так и для воспитательного воздействия на других партизан.

² Шестая сессия Верховного Совета БССР, утвердившая государственный бюджет на 1944 г., ассигновала на организацию судов 2622 тыс. руб. На этой же сессии был избран председатель Верховного суда республики (Шестая сессия Верховного Совета БССР, 1946, с. 207 и 287).

Задачей судебных органов являлось точное применение этих законов при отправлении правосудия, рассмотрении конкретных дел, осуществление правильной карательной политики. Строго наказывая опасных преступников, суды вместе с тем широко применяли условное осуждение и отсрочку исполнения приговора, давая возможность лицам, совершившим преступления, искупить свою вину, сражаясь в рядах действующей армии.

Глава VI.

Задачи и организация суда БССР в послевоенный период восстановления и развития народного хозяйства (1945–1953 гг.)

После победоносного окончания Великой Отечественной войны советский народ приступил к восстановлению и дальнейшему развитию народного хозяйства.

Восстановление народного хозяйства в Белоруссии началось сразу же после освобождения ее территории от немецких оккупантов. Уже в январе 1944 г. Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б) приняли историческое решение «О ближайших задачах СНК и ЦК КП(б) Белоруссии», в котором намечалась программа восстановления народного хозяйства освобожденных районов БССР.

За три года оккупации народному хозяйству Белоруссии был нанесен колоссальный ущерб: разрушены промышленность и сельское хозяйство, уничтожены культурные ценности, в развалины и пепелища превратились цветущие города и села республики. Материальные убытки, нанесенные Белоруссии немецкой оккупацией, исчислялись в десятках миллиардов рублей.

Перед белорусским народом стояла трудная и серьезная задача в кратчайшие сроки залечить раны, нанесенные войной, и не только достичь, но и превзойти довоенный уровень развития народного хозяйства. Окруженные заботой и поддержкой партии, правительства, трудящиеся Белоруссии с энтузиазмом взялись за возрождение промышленности и сельского хозяйства.

Скорейшему восстановлению народного хозяйства республики должна была содействовать и деятельность судебных органов.

Суды подвергли суровой каре немецко-фашистских преступников и их пособников за кровавые злодеяния против советского народа.

В январе 1946 г. военный трибунал Минского военного округа рассмотрел дело по обвинению палачей белорусского народа немецких военных преступников Рихерта, Гесса, Франца, Коха, Айка и др. Перед присутствующими в зале судебного заседания ожили страшные картины чудовищных злодеяний и бесчинств, совершенных на белорусской земле немецкими оккупантами: массовые истребления мирного населения, военнопленных, лагеря

смерти, «душегубки», варварские пытки в гестапо. Выражая волю советского народа, суд сурово покарал гитлеровских палачей.

В центре внимания работы судебных органов стояла задача борьбы с хищениями государственного и общественного имущества. В целях усиления охраны социалистической, а также личной собственности граждан Президиумом Верховного Совета СССР 4 июня 1947 г. были изданы Указы «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан». В них устанавливалась строгая ответственность за посягательства на народное достояние и личную собственность граждан. Правильное применение этих Указов при рассмотрении конкретных уголовных дел стало одной из важнейших задач судебных органов.

Актуальными в первые послевоенные годы были и дела, связанные с различными злоупотреблениями в области карточной системы.

Быстрое восстановление народного хозяйства, успешное выполнение заданий четвертой пятилетки требовали высокой трудовой активности и творческой инициативы масс, самоотверженного труда рабочих, колхозников, всех трудящихся. Укреплению социалистической трудовой дисциплины в промышленности и сельском хозяйстве содействовали и суды, применявшие в соответствии с законом меры уголовного наказания к дезорганизаторам производства.

Значительная работа была проделана судами республики по борьбе с нарушениями и извращениями Устава сельхозартели. Руководствуясь постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах», судебные органы привлекали к суровой ответственности лиц, виновных в расхищении и разбазаривании колхозного имущества, обеспечивали быстрое и правильное разрешение дел по искам колхозов и своевременное исполнение судебных решений о возврате колхозам незаконно изъятого имущества, скота. Этим суды помогали организационно-хозяйственному укреплению колхозов.

В первые годы послевоенного периода большой процент среди гражданских дел, рассмотренных судами Белорусской ССР, составляли дела о возврате владельцам скота и иного имущества, отобранного у населения немецкими оккупантами и их пособниками.

Почетную задачу укрепления советской семьи выполняли суды, рассматривая в соответствии с Указом Президиума Верховного

Совета СССР от 8 июля 1944 г. дела о расторжении брака и иные споры, вытекающие из брачно-семейных отношений.

Первейшей обязанностью и служебным долгом судебных работников республики являлась популяризация советского права среди населения, которое в течение трех лет находилось под вражеской оккупацией и было оторвано от жизни советской страны. Уже в первые месяцы после освобождения территории Белоруссии НКЮ БССР указал на необходимость широкой пропаганды среди трудящихся советских законов (чтение лекций, докладов, проведение бесед и отчетных собраний), особенно в западных областях республики, присоединенных к ней в 1939 г.¹

Таким образом, всей своей деятельностью (и путем рассмотрения уголовных и гражданских дел, и путем проведения общественно-политической работы) судебные органы Белорусской ССР способствовали укреплению социалистической законности.

Большое значение для дальнейшего укрепления законности имело постановление июльского Пленума ЦК КПСС (1953 г.), вскрывшее и разоблачившее преступную деятельность Берия и его сообщников, по вине которых были допущены грубые нарушения советских законов, необоснованно репрессированы многие честные советские граждане. Партией и правительством были приняты меры к быстрой ликвидации нарушений социалистической законности и реабилитации неправильно осужденных. Полностью восстановлен конституционный принцип отправления правосудия только судом. В 1953 г. ликвидировано Особое совещание, созданное при МВД в 1934 г.

Осуществленные Центральным Комитетом партии меры по укреплению социалистической законности, по строгому соблюдению прав советских граждан всецело одобрил XX съезд КПСС.

В рассматриваемый период судебная система не подвергалась никаким организационным изменениям. Главное внимание обращалось на восстановление судов и других органов юстиции, на их активное участие в послевоенном строительстве, на повышение качества судебной работы и усиление воспитательной роли правосудия.

¹ Циркулярное письмо НКЮ БССР от 11 декабря 1944 г. № 871 (см. Дело приказов НКЮ БССР 1944 г. № 6).

В феврале 1949 г. в БССР состоялись первые выборы народных судов на основе Конституции СССР и БССР и Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик. Порядок выборов народных судов подробно определялся Положением о выборах народных судов Белорусской ССР¹.

Организация выборов народных судов возлагалась на исполкомы областных Советов депутатов трудящихся. Они наблюдали за соблюдением в ходе выборов на территории области Положения о выборах народных судов и разрешали жалобы на неправильные действия исполкомов городских и районных Советов депутатов трудящихся.

Всю работу по организации и проведению выборов народных судов исполкомы областных Советов осуществляли через исполкомы районных и городских Советов депутатов трудящихся. Последние регистрировали кандидатов в народные судьи и народные заседатели, снабжали избирательные пункты избирательными бюллетенями, назначали уполномоченных для приема избирательных бюллетеней и подсчета голосов по избирательным пунктам, создавали счетные комиссии, рассматривали жалобы на неправильные действия уполномоченных и т.д.

Народные судьи и народные заседатели избирались гражданами района по избирательным округам на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании сроком на три года. В каждом избирательном округе, совпадавшем с территорией деятельности данного народного суда, избирались один народный судья и 50–70 народных заседателей. Конкретное число народных заседателей для каждого участка народного суда определялось исполкомом областного Совета депутатов трудящихся по представлению соответствующего управления Министерства юстиции БССР при областном Совете.

Списки избирателей для выборов народных судов в городах составляли исполкомы городских Советов депутатов трудящихся, в городах с районным делением – исполкомы районных Советов, в поселках – исполкомы поселковых Советов, в сельских местностях – исполкомы сельских Советов. В эти списки включались все граждане, мужчины и женщины, имевшие избирательные права, достигшие ко дню выборов 18 лет и проживавшие на территории данного Совета, независимо от их расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения.

¹ Положение о выборах народных судов Белорусской ССР, Минск, 1949.

Право выставления кандидатов в народные судьи и народные заседатели обеспечивалось за партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативными организациями, организациями молодежи и культурными обществами, а также за общими собраниями рабочих и служащих – по предприятиям и учреждениям, военнослужащими – по воинским частям, общими собраниями крестьян – по колхозам и селам, рабочими и служащими совхозов – по совхозам. Кандидатом в народные судьи и народные заседатели мог быть выдвинут каждый гражданин Белорусской ССР, пользующийся избирательным правом и достигший ко дню выборов 23 лет. Народными судьями и народными заседателями не могли быть избраны лица, имевшие судимость. Граждане всех других союзных республик на основании ст. 18 Конституции БССР пользовались на территории БССР правом избирать и быть избранными в народные судьи и народные заседатели наравне с гражданами БССР.

Выдвинувшие кандидатов общественные организации обязаны были их зарегистрировать в исполкоме районного или городского Совета депутатов не позднее чем за 25 дней до выборов. Зарегистрированные кандидаты включались в избирательные бюллетени и могли баллотироваться только в одном избирательном округе. Каждой организации, выставившей кандидатов в народные судьи и народные заседатели, предоставлялось право беспрепятственной агитации за каждого из них на собраниях, в печати.

День выборов по каждому избирательному округу устанавливался исполкомом областного Совета депутатов трудящихся не позднее чем за 45 дней до выборов. Выборы проводились в нерабочий день.

Избранным считался кандидат, получивший абсолютное большинство голосов, поданных по округу и признанных действительными. Если ни один из кандидатов в народные судьи не получал требуемого числа голосов, исполком районного или городского Совета сообщал об этом исполкому областного Совета депутатов трудящихся и объявлялись перевыборы двух кандидатов, получивших наибольшее количество голосов. Новые выборы проводились не позднее двух недель с момента окончания первых выборов. Повторные выборы назначались и в том случае, если поданное количество голосов по избирательному округу составляло меньше половины числа избирателей, имевших право голосовать.

В случае досрочного выбытия народного судьи (его болезни, смерти, отъезда и т.д.) выборы нового народного судьи должны были проводиться в двухмесячный срок.

За препятствование гражданину путем насилия, обмана, угроз или подкупа свободно осуществлять право избирать и быть избранным в народные судьи или народные заседатели устанавливалась уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до двух лет. Должностные лица, совершившие подделку избирательных документов или заведомо неправильный подсчет голосов при выборах народных судов карались лишением свободы до трех лет.

Следовательно, выборы народных судов проводились в соответствии с общими принципами советской избирательной системы. По сравнению с выборами высших и местных органов государственной власти порядок выборов народных судов имел лишь некоторые особенности, обусловленные спецификой их деятельности. Избирательные округа при выборах народных судов создавались не по нормам населения, а применительно к территории деятельности народных судов. Не предусматривалось образование избирательных пунктов в больницах, поездках дальнего следования и т.п., а также не выдавались удостоверения на право голосования лицам, выбывшим за пределы избирательного пункта, поскольку народный суд избирался только гражданами данного района. Вместо участковых и окружных избирательных комиссий (при выборах Советов) для каждого избирательного пункта назначались уполномоченные исполкома районного или городского Совета депутатов трудящихся, и при них создавались счетные комиссии, а для подсчета голосов по всему избирательному округу – окружная счетная комиссия.

Первые выборы народных судов в республике прошли организованно, в обстановке огромной политической активности и трудового подъема и явились триумфом советской демократии. Об этом убедительно свидетельствовали результаты голосования.

6 февраля 1949 г. в голосовании по шести областям (Барановичской, Бобруйской, Брестской, Гомельской, Пинской и Полеской) приняло участие 99,99 % избирателей. Из них за кандидатов в народные судьи по этим областям голосовало от 99,4 % до 99,98 % всех избирателей, а за кандидатов в народные заседатели – от 99,93 % до 99,99 % избирателей¹.

13 февраля этого же года успешно прошли выборы народных судов и в других областях республики (Витебской, Гродненской, Минской, Могилевской, Молодечненской и Полоцкой). Всего в выборах участвовало 99,97 % избирателей. По г. Минску за

¹ «Советская Белоруссия» от 11 февраля 1949 г.

кандидатов в народные судьи было подано 98,88 % голосов избирателей, в народные заседатели – 99,89 %. По Минской области за кандидатов в народные судьи голосовало 99,69 %, народные заседатели – 99,97 % избирателей. Аналогичными были результаты голосования в остальных областях БССР¹.

Всего по республике было избрано 275 народных судей и 19 635 народных заседателей.

Прошедшие выборы народных судов сыграли большую роль в дальнейшем укреплении социалистической законности и воспитании граждан в духе уважения к советским законам. В качестве народных судей и народных заседателей оказались избранными лучшие люди республики, завоевавшие доверие народа своим трудом, честным отношением к выполнению общественного и государственного долга. Проведенные выборы значительно улучшили качественный состав народных судей. С выборами народных судов совпал второй послевоенный выпуск юристов Минским юридическим институтом. Многие выпускники – бывшие участники Отечественной войны и партизанского движения – были выдвинуты кандидатами в народные судьи. Из числа народных судей, избранных в 1949 г., 49 % имели высшее и среднее юридическое образование, 28 % составляли лица со стажем работы в органах юстиции свыше пяти лет, 58 % – белорусы². Значительный процент среди избранных народных судей и народных заседателей составляли женщины: народных судей – 20 % и народных заседателей – 30 %³. Это являлось ярким примером преимуществ советской демократии, сделавшей женщину полноправным членом нового общества. В Белоруссии, как и в других республиках, женщины стали принимать активное участие в государственной и общественной жизни, в выполнении сложной государственной функции – отправлении правосудия.

Выборам народных судов предшествовала широкая предвыборная кампания, которая характеризовалась высокой активностью населения. Тысячи трудящихся принимали участие в работе счетных комиссий, агитпунктов и т.д. Для избирателей было прочитано на правовые темы большое число докладов, лекций. Перед населением повсеместно отчитывались о своей работе и работе народных судов народные судьи. Значительный интерес проявляли трудящиеся к предвыборным собраниям, на которых выдвигались кандидаты в народные судьи и народные заседатели.

¹ «Советская Белоруссия» от 19 февраля 1949 г.

² Архив Министерства юстиции БССР.

³ Там же.

Избиратели внимательно и серьезно обсуждали каждую кандидатуру и выдвигали только достойных.

Огромная политическая работа, проведенная в период избирательной кампании, способствовала коммунистическому воспитанию трудящихся и улучшению деятельности народных судов. Слушая и обсуждая отчеты народных судей, избиратели указывали на отдельные недостатки в их работе, вносили конкретные предложения.

16 декабря 1951 г. в связи с истечением срока полномочий народных судов, избранных в 1949 г., в республике повторно состоялись выборы народных судов. Они были проведены на основе Положения о выборах народных судов БССР, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета БССР 23 августа 1961 г.¹ Выборы народных судов назначались на один день, общий для всей республики.

Как и первые выборы народных судов, выборы 1951 г. прошли так же активно. Все кандидаты, зарегистрированные исполкомами Советов депутатов трудящихся, оказались избранными².

Среди народных судей лиц с высшим и средним юридическим образованием было 75 %, белорусы составляли 61,9 %. В числе народных заседателей рабочих имелось 14,12 %, колхозников – 43,43 %, служащих – 42,45 %, женщин – 37,9 %. Лица коренной национальности из общего количества народных заседателей составляли 79,71 %³.

Такой состав народных судов Белорусской ССР – основного звена ее судебной системы – означал последовательное проведение в жизнь важнейшего принципа советского судоустройства о широком привлечении трудящихся к осуществлению правосудия.

Система органов судебного управления в послевоенный период была восстановлена в том виде, в каком она существовала до войны, а именно действовали НКЮ БССР и управления НКЮ БССР при областных Советах депутатов трудящихся.

¹ Сборник Законов Белорусской ССР и Указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР за 1938–1955 гг., 1956, с. 223.

² Так, за кандидатов в народные судьи по Минску голосовало 99,47 % избирателей, по Минской области – 99,84 %. За кандидатов в народные заседатели по Минску и Минской области было подано 99,99 % голосов избирателей, принявших участие в голосовании («Советская Белоруссия» от 20 декабря 1951 г.).

³ Архив Министерства юстиции БССР.

В 1944 г. после возобновления своей деятельности НКЮ БССР имел следующую структуру: управление судебных учреждений, отдел статистики, отдел адвокатуры и финансовый отдел. В последующие годы значительных изменений в структуре НКЮ не произошло. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета БССР от 26 марта 1946 г., изданным на основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 марта того же года. Народный Комиссариат юстиции был переименован в Министерство юстиции БССР¹.

Управление судебных учреждений Министерства юстиции БССР стало называться Управлением судебных органов. Управление кадров было преобразовано в отдел кадров, отдел статистики – в сектор статистики. Непродолжительное время в ведении Министерства юстиции БССР и его управлений находились исправительно-трудовые учреждения и органы государственного арбитража. В связи с этим в Министерство юстиции БССР входили Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний (включая отдел колоний и инспекцию исправительно-трудовых работ) – УИТЛК и Юсарбитраж.

В послевоенный период Министерство юстиции БССР провело большую работу по восстановлению в республике судов и других органов юстиции и созданию нормальных условий для их деятельности (обеспечение помещениями², законодательным и нормативным материалом, необходимым инвентарем, бумагой и т.д.).

Министерство юстиции БССР постоянное внимание уделяло правильному подбору, воспитанию и подготовке кадров. Министерство и его управления на местах проводили обследование деятельности судов, контролировали правильное применение ими законов при рассмотрении дел. На основании материалов обобщения судебной практики и данных судебной статистики издавались циркулярные письма, приказы и инструкции об устранении допускаемых судами ошибок. Вместе с тем изучался и распространялся положительный опыт работы лучших судов и судей.

¹ Сборник Законов Белорусской ССР и Указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР за 1938–1955 гг., 1956, с. 53–54.

² Правительство БССР поручало исполкомам городских и районных Советов депутатов трудящихся обеспечить создание нормальных условий для судебной работы и выполнение программы строительства зданий судов (постановление СНК БССР от 28 января 1946 г. № 106 и постановление Совета Министров БССР от 12 мая 1948 г. № 547).

Весьма актуальным в послевоенный период являлся вопрос о кадрах. После изгнания немецко-фашистских захватчиков с территории Белоруссии нужно было комплектовать вновь создаваемые суды республики опытными, юридически подготовленными работниками. Это была нелегкая задача, т.к. в то время ощущался острый недостаток в кадрах. Много советских юристов погибло на фронтах Отечественной войны. Подготовка новых кадров в военные годы сократилась.

Большую помощь Белоруссии в кадрах оказали РСФСР и другие союзные республики. Однако полностью решить эту задачу удалось не сразу, вследствие чего на судебные должности приходилось выдвигать людей, не имеющих юридического образования. Даже среди народных судей, избранных в 1949 г., большинство не имело никакой юридической подготовки (50,9 %).

В марте 1944 г. для ускорения подготовки судебно-прокурорских работников при Минском юридическом институте были организованы шестимесячные курсы¹, а затем и двухгодичная юридическая школа. В 1948 г. состоялся первый выпуск юристов, подготовленных Минским юридическим институтом после войны. Все это способствовало улучшению личного состава судей. Если среди народных судей в 1949 г. с высшим юридическим образованием было только 10,9 %, то в 1951 г. – уже 12,7 %; народные судьи, не имеющие вообще юридического образования, в 1949 г. составляли 50,9 %, а в 1951 г. – 17,4 %².

Важную роль в воспитании кадров судебных работников сыграло Положение о дисциплинарной ответственности судей, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 июля 1948 г.

В ст. 1 Положения указывалось, что советский судья, избираемый народом, должен «дорожить доверием народа и являть образец честного служения Родине, точного и неуклонного исполнения советских законов, моральной чистоты и безукоризненного поведения, чтобы иметь не только формальное, но и моральное право судить и учить других». Судьи, нарушившие трудовую дисциплину, допускающие недостатки в судебной работе вследствие небрежности или недисциплинированности, а также совершившие проступки, недостойные советского судьи, несут дисциплинарную ответственность в установленном порядке. Для рассмотрения

¹ Приказ НКЮ БССР от 5 марта 1945 г. № 9. Дело приказов НКЮ БССР за 1945 г. (Архив Министерства юстиции БССР).

² Архив Министерства юстиции БССР.

дел о дисциплинарных проступках судей в республике при областных судах и Верховном суде БССР создавались коллегии по дисциплинарным делам. Они действуют в составе председателя суда или его заместителя и двух членов суда, назначаемых председателем.

Коллегии по дисциплинарным делам рассматривают дела о дисциплинарных проступках судей нижестоящих судов. Возбудить дисциплинарное преследование могли министр юстиции ССР в отношении всех судей республики, министр юстиции БССР – в отношении судей областных и народных судов. Председатели областных судов и председатель Верховного суда БССР имеют право возбудить вопрос о привлечении к дисциплинарной ответственности членов соответствующего и нижестоящих судов.

Дисциплинарная коллегия рассматривает дела в порядке, обеспечивающем права и законные интересы привлекаемого к ответственности судьи и правильное решение дела по существу: проводится тщательное расследование проступка, в случае необходимости допрашиваются свидетели, заслушиваются объяснения судьи, в отношении которого возбуждено дисциплинарное дело.

Лица, признанные коллегией виновными в совершении дисциплинарных проступков, могут быть подвергнуты одной из мер взыскания: замечание, выговор, строгий выговор. Коллегия имеет право также довести до сведения министра юстиции ССР или министра юстиции БССР (по принадлежности) о несоответствии данного судьи занимаемой должности и необходимости постановления вопроса о его отзыве в установленном законом порядке. При наличии в действиях судьи состава преступления коллегия возбуждает вопрос о привлечении его к уголовной ответственности.

Решения коллегии по дисциплинарным делам признаются окончательными и могут быть пересмотрены только в порядке надзора коллегией по дисциплинарным делам вышестоящего суда. Указанный порядок привлечения судей к дисциплинарной ответственности обеспечивает правильное, объективное решение вопроса о наложении дисциплинарного взыскания на судей и является одной из гарантий их независимости и подчинения только закону.

Глава VII.

Задачи и организация суда БССР в период борьбы за мощный подъем народного хозяйства и завершение строительства социализма (1954–1958 гг.)

1954–1958 гг. для БССР характеризуются мощным ростом всех отраслей народного хозяйства и культуры.

В соответствии с решениями сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС в республике большое внимание уделяется осуществлению мероприятий по крутому подъему всех отраслей сельского хозяйства и производства товаров народного потребления.

Народнохозяйственный план пятой пятилетки в БССР был успешно выполнен. Огромные достижения Белоруссии в развитии промышленности, сельского хозяйства, культуры и повышении благосостояния населения явились результатом самоотверженного труда белорусского народа, братской помощи трудящихся Российской Федерации и всех других союзных республик.

Исключительно важное значение для дальнейшего укрепления советского государственного и общественного строя и социалистической законности в нашей стране имели решения XX съезда КПСС. Одобрив осуществленные ЦК меры по укреплению социалистической законности, съезд потребовал от всех партийных и советских органов бдительно стоять на страже советских законов, сурово пресекать малейшие проявления беззакония и произвола. Полностью восстанавливается в своих правах и усиливается прокурорский надзор. 24 мая 1955 г. было принято новое Положение о прокурорском надзоре в СССР, являющееся четкой программой деятельности органов прокуратуры в борьбе за точное исполнение советских законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР. Улучшилась деятельность прокуратуры по осуществлению надзора за законностью и обоснованностью приговоров, решений, определений и постановлений судебных органов.

Руководствуясь указаниями XX съезда КПСС, судебные органы республики значительно повысили качество рассмотрения уголовных и гражданских дел, усилили охрану прав и интересов советских граждан.

В рассматриваемый период вносится ряд изменений в организацию и компетенцию судебных органов республики, направленных на дальнейшее укрепление социалистической законности и совершенствование судебной системы.

Для усиления роли местных судов в осуществлении судебного надзора в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 г. «Об образовании президиумов в составе Верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей» в областных судах и Верховном суде БССР были созданы президиумы. Президиумы учреждались в составе председателя суда, его заместителей и двух членов суда¹. Президиумы областных судов утверждаются исполкомами областных Советов депутатов трудящихся. Состав Президиума Верховного суда БССР был определен Указом Президиума Верховного Совета БССР от 9 июля 1957 г. (председатель суда, его заместители и по два члена от каждой судебной коллегии)².

Президиумы областных судов рассматривают в порядке надзора уголовные и гражданские дела по протестам прокурора области, председателя областного суда, прокурора БССР, Генерального Прокурора СССР, председателя Верховного суда БССР и их заместителей на кассационные определения судебных коллегий этого суда и на вступившие в законную силу приговоры и решения народных судов. Президиум Верховного суда БССР рассматривал в порядке надзора уголовные и гражданские дела по протестам Генерального Прокурора СССР, прокурора БССР, Председателя Верховного Суда СССР, председателя Верховного суда БССР и их заместителей.

Порядок деятельности президиумов областных судов и Верховного суда БССР определялся Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1955 г.

Следовательно, в БССР, как и в других союзных республиках, расширялось число судебных инстанций, пересматривающих вступившие в законную силу приговоры и решения, а также круг лиц, имеющих право приносить протесты в порядке надзора. Помимо судебных коллегий Верховного суда БССР, функции судебного

¹ Практика деятельности президиумов судов показала, что решение вопроса об их окончательном составе целесообразно отнести к компетенции Президиумов Верховных Советов союзных республик. В связи с этим Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 августа 1957 г. были внесены соответствующие изменения в Указ от 14 августа 1954 г. (ст. 1).

² СЗ БССР 1957 г. № 7, ст. 172.

надзора стали осуществлять президиум Верховного суда БССР и президиумы областных судов.

Правом принесения протестов в порядке надзора в судебные инстанции республики дополнительно были наделены заместители Генерального Прокурора СССР, Председателя Верховного Суда СССР, прокурора БССР, председателя Верховного суда БССР, прокуроры областей и председатели областных судов.

Централизация судебного надзора, введенная в 1938 г. Законом о судостроительстве и сыгравшая в свое время положительную роль, в данный период уже не соответствовала задаче дальнейшего повышения качества социалистического правосудия. Она не способствовала быстрой проверке законности и обоснованности вступивших в силу судебных решений, создавала значительные неудобства для населения. Заинтересованные лица (осужденный, истец, ответчик, их представители) вследствие территориальной отдаленности надзорных инстанций не всегда имели возможность лично приехать на прием к лицам, правомочным приносить протесты в порядке надзора, и дать им необходимые объяснения.

Отсутствие у областных судов права пересмотра в порядке надзора приговоров и решений народных судов ограничивало их в осуществлении руководства деятельностью этих судов.

Приближение судебного надзора к народному суду, осуществленное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 г., положительно отразилось на деятельности судов республики. Более оперативно стали исправляться судебные ошибки, вноситься изменения в приговоры и решения, вошедшие в законную силу. Президиумы провели важную работу, пересмотрев приговоры лиц, осужденных за государственные преступления в 1937–1938 гг.

Дальнейшее расширение компетенции областного суда проводится летом 1956 г. Для улучшения работы народных судов и сосредоточения контроля за их деятельностью в одном органе Указом Президиума Верховного Совета БССР от 7 сентября 1956 г.¹, изданным в соответствии с одноименным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 августа 1956 г., ликвидируются управления Министерства юстиции БССР при областных Советах депутатов трудящихся и их функции по проведению ревизий и осуществлению контроля за деятельностью народных судов передаются областным судам. На последних было возложено также руководство работой государственных нотариальных контор.

¹ СЗ БССР 1956 г. № 9, ст. 186.

Многолетний опыт разграничения функций судебного управления и судебного надзора, т.е. параллельной работы управлений Министерства юстиции и областных судов по руководству судебной деятельностью народных судов, себя не оправдал. Закрепление за областными судами права руководить деятельностью народных судов только в процессуальных формах тормозило их работу по направлению судебной практики, оказанию квалифицированной помощи народным судьям, т.е. приводило к неиспользованию тех больших возможностей для улучшения работы народных судов, которыми располагают областные суды благодаря материалам кассационного и надзорного производства. Поэтому после длительного перерыва (1938–1956 гг.) контроль за деятельностью народных судов был вновь возложен на областные суды. Свою задачу по руководству работой нижестоящих судов они осуществляют как в форме судебного надзора (пересмотр в кассационном и надзорном порядке приговоров и решений народных судов), так и в форме судебного управления (проведение ревизий народных судов, семинаров и совещаний народных судей, оказание им практической помощи на местах, организация практики народных судей в областных судах, обобщение и изучение судебной практики и данных судебной статистики и т.д.).

Наделение областных судов сначала функцией судебного надзора, а затем и судебного управления подняло роль среднего звена в системе судебных органов республики, в руководстве судебной практикой народных судов.

Выполнение сложной административно-организационной работы в отношении народных судов отразилось на структуре аппарата областных судов. В их штаты на некоторый период времени была введена должность первого заместителя председателя суда, освобожденного от руководства судебными коллегиями и занимавшегося только вопросами судебного управления. Учетом, изучением кадров, систематизацией законодательства, вопросами судебной статистики занимаются консультанты по кадрам, по кодификации, по судебной статистике и т.д.¹ Ревизии народных судов проводятся непосредственно членами областных судов.

¹ Структура областных судов республики была утверждена постановлением Совета Министров БССР от 7 сентября 1956 г. В частности, структура аппарата Минского областного суда определялась в следующем виде: руководство (председатель, первый заместитель председателя); старший консультант по кадрам; старший консультант по кодификации; консультант по судебной статистике; инспектор; судебные коллегии по уголовным и гражданским делам; президиум; канцелярия.

В связи с принятием шестой сессией Верховного Совета СССР 12 февраля 1957 г. Положения о Верховном Суде СССР расширилась компетенция и повысилось значение Верховного суда БССР.

В отличие от ранее действовавшего порядка, при котором Верховный Суд СССР пользовался неограниченными полномочиями в области судебного надзора, по Положению от 12 февраля 1957 г. Верховный Суд имеет право рассмотреть дела, подсудные судам союзной республики, только при условии, если они уже были рассмотрены Верховным судом союзной республики и вынесенные им приговоры, решения и постановления противоречат общесоюзному законодательству или нарушают интересы других союзных республик. Постановления президиума Верховного суда БССР, как и постановления президиума Верховных судов других союзных республик, могли быть пересмотрены в порядке надзора по протесту Председателя Верховного Суда СССР и Генерального Прокурора СССР только пленумом Верховного Суда Союза ССР. Основанием для их опротестования являлись также противоречия общесоюзному законодательству или нарушение интересов других союзных республик. Председатель Верховного Суда СССР и его заместители были лишены права входить с протестами в инстанции судебного надзора союзных республик.

Такое ограничение полномочий Верховного Суда СССР в области судебного надзора разгрузило его от рассмотрения мелких уголовных и гражданских дел, для правильного разрешения которых не требуется вмешательства высшего судебного органа страны. Это поднимает значение Верховного Суда СССР в осуществлении руководства судебной практикой всех судов СССР и союзных республик путем дачи руководящих разъяснений по вопросам применения законодательства при рассмотрении судебных дел. Вместе с тем повышается и значение деятельности Верховных судов союзных республик, поскольку им, как правило, принадлежит последнее и окончательное слово по делам, подсудным судебным органам республики.

Председатель Верховного суда Белорусской ССР, как и председатели Верховных судов других союзных республик, входит в состав Верховного Суда СССР по должности, принимает участие в работе его руководящего коллегиального органа – пленума. Благодаря этому установилась повседневная живая связь Верховного суда БССР с Верховным Судом СССР и Верховными судами других союзных республик, созданы благоприятные условия для обмена опытом в судебной работе и проведении единой судебной практики и судебной политики.

Расширение прав судебных органов союзных республик, и в частности БССР, проявилось и в расширении подсудности этих судов. В связи с ограничением подсудности военных трибуналов к компетенции областных и Верховных судов союзных республик отнесены дела о государственных преступлениях, кроме дел о шпионаже. В связи с упразднением транспортных судов на народные, областные и Верховные суды союзных республик применительно к их подсудности возложено рассмотрение дел о преступлениях, совершаемых на транспорте. Дела о государственных преступлениях, о крупных хищениях грузов на транспорте, о служебных преступлениях руководящих работников железных дорог и пароходств подлежат рассмотрению в соответствующих краевых, областных, окружных судах, Верховных судах автономных республик и Верховных судах союзных республик, не имеющих областного деления. Все остальные дела рассматриваются народными судами по месту совершения преступления.

Некоторые категории уголовных и гражданских дел изымаются из подсудности народного суда. В связи с заменой уголовной ответственности за самовольный уход с предприятий и учреждений, неоднократный или длительный прогул мерами дисциплинарного или общественного воздействия народные суды освобождены от рассмотрения этих дел¹. Из ведения народного суда были изъяты дела по спорам между государственными, кооперативными (кроме колхозов) и другими общественными организациями, предприятиями и учреждениями на сумму до 1000 руб.²

Усиление роли местных судебных органов в осуществлении судебного надзора, улучшение форм руководства деятельностью народных судов, расширение их подсудности – все это вместе взятое еще более укрепило судебную систему республики.

Состоявшиеся в 1954 и 1957 г. выборы народных судов прошли на высоком политическом и организационном уровне. В 1954 г. по всем избирательным округам в голосовании участвовало 99,98 % избирателей. За кандидатов в народные судьи, выдвинутых блоком коммунистов и беспартийных, голосовало 99,83 % избирателей, за кандидатов в народные заседатели – 99,99 %. В выборах, состоявшихся в декабре 1957 г., в голосовании приняло участие 99,99 % избирателей. За кандидатов в народные судьи было подано

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1956, № 10, ст. 203.

² Там же, № 1. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июля 1959 г. на рассмотрение органов Госарбитража переданы все споры между государственными, кооперативными (кроме колхозов) и другими общественными организациями, предприятиями и учреждениями («Ведомости Верховного Совета СССР», 1959, № 30, ст. 163).

99,76 % голосов избирателей, за кандидатов в народные заседатели – 99,99 %. В числе избранных народных судей и народных заседателей члены и кандидаты в члены КПСС составляли 43,2 %, беспартийные – 56,8 %, женщины – 39,9 %¹.

Выборы народных судов проводились в порядке, установленном Положением о выборах народных судов БССР 1951 г. с изменениями, внесенными в него Указами Президиума Верховного Совета БССР от 9 октября 1954 г.² и 1 октября 1957 г.³

В связи с накоплением опыта по организации и проведению выборов народных судов был сокращен срок избирательной кампании (вместо 45 дней – 30). Соответственно ограничивались и другие сроки. Списки избирательных округов по выборам народных судов с указанием числа народных заседателей, подлежащих избранию по каждому округу, публикуются не позднее чем за 28 дней до выборов (вместо 45 дней). Образование избирательных пунктов производится не позднее чем за 25 дней до выборов (вместо 35). Кандидаты в народные судьи и народные заседатели регистрируются исполкомами районных или городских Советов депутатов трудящихся не позднее 15 дней до выборов (вместо 25 дней) и т.д. День выборов устанавливается Президиумом Верховного Совета БССР не позднее 30 дней до выборов. Было признано целесообразным сократить сроки проведения выборов народных судей вместо выбывших до истечения срока полномочий (смерть, болезнь и т.д.)⁴.

Принципиальное значение для судостроительства Белорусской ССР имели Закон об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятие гражданского, уголовного и процессуальных кодексов. Как и все другие решения шестой сессии Верховного Совета СССР, этот Закон, принятый 11 февраля 1957 г., явился дальнейшей реализацией исторических указаний XX съезда КПСС о расширении суверенных прав союзных республик.

Отнесение к ведению Союза ССР установления Основ законодательства о судостроительстве, а к компетенции союзных республик –

¹ «Советская Белоруссия» от 18 декабря 1957 г.

² Сборник Законов Белорусской ССР и Указов Президиума Верховного Совета, Белорусской ССР за 1938–1955 гг., 1956, с. 234–235.

³ СЗ БССР 1957 г. № 10, ст. 247.

⁴ Сборник Законов Белорусской ССР и Указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР за 1938–1955 гг., с. 235.

законодательства об устройстве судебной системы республик обеспечивает единство принципов в организации советского правосудия и вместе с тем позволяет учесть административно-территориальные, национальные и другие особенности республик.

15 марта 1957 г. четвертая сессия Верховного Совета БССР внесла изменения в ст. 19, п. «ф» Конституции БССР. К ведению БССР в лице ее высших органов государственной власти было отнесено законодательство о судоустройстве и судопроизводстве, гражданское и уголовное законодательство, организация судебных органов республики¹. С этого времени в БССР наряду с другой кодификационной работой началась разработка проекта Закона о судоустройстве.

Особенно интенсивно развернулась подготовка проекта Закона о судоустройстве после утверждения второй сессией Верховного Совета СССР 25 декабря 1958 г. Основ законодательства о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик. Они определили задачи и цели правосудия в СССР и основные, главные начала организации судебной системы. Эти руководящие положения легли в основу республиканских судоустроительных законов и определили направление дальнейшего развития и совершенствования судебных органов союзных республик.

В краткие сроки после принятия Основ был подготовлен проект Закона о судоустройстве Белорусской ССР, в обсуждении которого приняли участие широкая общественность, практические работники суда, прокуратуры и других органов юстиции, а также научные работники юридического факультета Белорусского государственного университета и отдела правовых наук АН БССР. На состоявшейся в мае 1959 г. межреспубликанской конференции по вопросам кодификации законодательства УССР, БССР и Молдавской ССР проект Закона о судоустройстве БССР в целом получил положительную оценку. Высказанные по проекту замечания были изучены и некоторые из них использованы в дальнейшей работе над проектом Закона.

В основу преобразований, проведенных в системе органов судебного управления, легли указания XX съезда КПСС о необходимости постоянного совершенствования советского государственного

¹ Четвертая сессия Верховного Совета Белорусской ССР, стенографический отчет, 1957, с. 306.

аппарата, улучшения всей его практической деятельности, ликвидации излишних звеньев, параллельно выполняющих одну и ту же работу.

В целях повышения роли союзных республик в руководстве судебными органами 31 мая 1956 г. было ликвидировано Министерство юстиции СССР. Его функции по управлению судами союзных республик были переданы полностью Министерством юстиции союзных республик.

Продолжением начатой реформы судебного управления явилось, как уже отмечалось, упразднение управлений Министерства юстиции при областных Советах депутатов трудящихся и отнесение их полномочий по проведению ревизий и контролю за деятельностью народных судов к компетенции областных судов.

Главный недостаток прежней организации судебного управления состоял в том, что управления Министерства юстиции при областных Советах депутатов трудящихся не всегда обеспечивали проведение полноценных ревизий народных судов, поскольку они не имели повседневной связи с судебной практикой. Обследуя работу народных судов, выявляя допускаемые ими ошибки, ревизоры иногда были не в состоянии оказать народным судьям необходимую практическую помощь, т.к. порой не обладали для этого достаточной квалификацией и опытом судебной работы¹.

В результате проведенных изменений в системе органов судебного управления функции по организационному руководству судами стали осуществлять: Министерство юстиции БССР в центре и областные суды на местах.

7 сентября 1956 г. Совет Министров БССР утвердил структуру аппарата Министерства юстиции БССР, Управление судебных органов и отделы (кадров, кодификации, нотариата, адвокатуры, финансово-хозяйственный). В ведении Министерства юстиции

¹ Некоторыми авторами в качестве неоспоримого преимущества отделения функций судебного управления от деятельности по осуществлению правосудия выдвигалось то, что при такой системе в большей мере обеспечивается независимость судей и подчинение их только закону (А.Я. Вышинский. Судостроительство в СССР, М., 1940, с. 199). Однако положение вовсе не меняется от того, будет ли обследование деятельности судов проводиться ревизорами Министерства юстиции или членами вышестоящих судов. Как те, так и другие не имеют права вмешиваться в рассмотрение уголовных и гражданских дел, давать судьям указания по существу принимаемых ими решений. Представляется, что, наоборот, административный контроль за коллегиальной деятельностью судов, контроль со стороны лиц, не выполнявших судебные функции, в меньшей мере отвечает характеру судебной работы, принципу независимости судей и подчинения их только закону.

БССР находились трехмесячные курсы по переподготовке судебных исполнителей и секретарей суда, научно-исследовательская криминалистическая лаборатория¹.

С возложением на Министерство юстиции БССР руководства органами ЗАГС² в его аппарате для выполнения этой работы создается специальный отдел, который позднее был объединен с отделом нотариата.

К этому времени республика располагала уже достаточным количеством юридических кадров. Недостаток в кадрах, резко ощущавшийся в первые послевоенные годы, был ликвидирован. Значительно улучшился состав судебных работников по образованию и стажу практической работы.

Так, если среди народных судей, избранных в 1951 г., с высшим юридическим образованием было только 12,7 %, то в составе судей, избранных в декабре 1954 г., – 39,5 %, а в составе народных судей 1957 г. – 58,2 %. В 1954 г. народных судей со стажем работы свыше 10 лет насчитывалось 17,9 %, а в 1957 г. – 37,2 %. Белорусы среди народных судей в 1951 г. составляли 61,9 %, в 1957 г. – 66,4 %. Среди народных судей увеличилось число женщин: в 1951 г. – 18,9 %, в 1957 г. – 20,6 %³.

Опытными высококвалифицированными специалистами укомплектованы областные суды и Верховный суд БССР. Среди членов областных судов, избранных в феврале – апреле 1958 г., с высшим образованием – 85,8 % и со стажем работы свыше 10 лет – 50,5 %. В составе Верховного суда, избранного в марте 1957 г., 95,6 % судей имеют высшее юридическое образование; 78,2 % членов Верховного суда БССР (включая председателя и его заместителей) имеют стаж практической работы в органах юстиции свыше 10 лет. В высшем судебном органе республики успешно осуществляют правосудие женщины, составляющие 17 % состава суда⁴.

¹ В 1958 г. на базе научно-исследовательской криминалистической лаборатории в соответствии с постановлением Совета Министров БССР от 18 ноября 1958 г. создается Научно-исследовательский институт судебной экспертизы Министерства юстиции БССР, основной задачей которого является обеспечение судебных и следственных органов республики квалифицированной криминалистической экспертизой и дальнейшее развитие научно-исследовательской работы в области судебной экспертизы и криминалистики (СЗ БССР 1958 г. № 11, ст. 186).

² Постановление Совета Министров БССР от 6 июля 1957 г. № 406 (СЗ БССР 1957 г. № 7, ст. 180).

³ Архив Министерства юстиции БССР.

⁴ Архив Верховного суда БССР.

Кадры юристов высшей квалификации подготавливаются в республике юридическим факультетом Белгосуниверситета им. В.И. Ленина, в который был реорганизован в 1954 г. юридический институт, а также юридическим отделением заочного факультета университета. В соответствии с Законом об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР на факультет принимаются лица, которые имеют определенный опыт общественно-полезного труда, представившие положительные характеристики-рекомендации от партийных, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций. Тем самым созданы предпосылки для выпуска полноценных специалистов, имеющих жизненный и производственный опыт. При наличии таких данных молодой специалист будет лучше подготовлен для выполнения сложной государственной работы, какой является, в частности, судебная деятельность.

Поскольку в республике полностью решена задача подготовки юристов с высшим образованием, важной формой дальнейшего повышения квалификации практических работников является привлечение наиболее способных из них в очную и заочную аспирантуру отдела правовых наук АН БССР и научных юридических учреждений союзного значения.

Следовательно, даже на показателях роста юридического образования в республике можно наглядно убедиться, насколько далеко продвинулась Советская Белоруссия в развитии культуры и науки. Это одно из убедительных доказательств неоспоримого преимущества советского государственного строя, раскрывшего широкие возможности для всестороннего развития всех национальностей.

Глава VIII.

Задачи и организация суда БССР в период развернутого строительства коммунистического общества

XXI съезд КПСС, состоявшийся в начале 1959 г., ознаменовал вступление нашей страны в новую важнейшую полосу своего развития – период развернутого строительства коммунистического общества.

Главные задачи этого периода состоят в создании материально-технической базы коммунизма, в дальнейшем укреплении экономической и оборонной мощи нашей Родины, во все более полном удовлетворении постоянно растущих материальных и культурных потребностей советского народа. Выполнение и перевыполнение семилетнего плана развития народного хозяйства в СССР обеспечит превосходство мировой социалистической системы над мировой системой капитализма в решающей сфере человеческой деятельности – производстве материальных благ.

В период развернутого строительства коммунизма главным направлением в развитии социалистической государственности является всемерное расширение советской демократии, привлечение трудящихся к решению вопросов хозяйственного и культурного строительства, к участию в управлении всеми делами страны. Многие государственные функции, в том числе вопросы обеспечения общественного порядка и правил социалистического общежития, передаются и будут постепенно все в большей мере переходить в ведение общественных организаций.

«Дело идет к тому, чтобы функции обеспечения общественного порядка и безопасности наряду с такими государственными учреждениями, как милиция, суды, выполняли параллельно и общественные организации»¹, – говорил на XXI съезде партии Н.С. Хрущев.

Повышению активности трудящихся в борьбе с нарушениями советского правопорядка способствовало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1959 г. «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране». Конкретные формы участия трудящихся в охране общественного

¹ Н.С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы, М., 1959, с. 121.

порядка, в предупреждении правонарушений, в исправлении и перевоспитании правонарушителей предусмотрены проектами Закона о повышении роли общественности в борьбе с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития, Примерного положения о товарищеских судах и Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних, опубликованными в печати для широкого обсуждения¹.

В условиях нового периода коммунистического строительства перед судом стоят задачи полного искоренения преступности, воспитания граждан в духе высокой коммунистической сознательности, точного соблюдения советских законов и правил социалистического общежития. Осуществление этих задач требует решительного усиления работы по предупреждению преступлений и широкому вовлечению общественности в борьбу с нарушениями советского правопорядка. В связи с этим особенно возрастает воспитательное значение судебной деятельности. Центр тяжести в работе суда, прокуратуры, милиции и других органов, занимающихся вопросами борьбы с преступностью, переносится на воспитательную, профилактическую сторону.

Руководствуясь указаниями XXI съезда КПСС, суды республики расширили свои связи с общественностью, усилили работу по предупреждению правонарушений, что привело к значительному сокращению преступности.

Суды внимательно и вдумчиво подходят к решению вопроса о привлечении к уголовной ответственности и определении наказания. Назначая строгие меры наказания лицам, виновным в совершении тяжких преступлений, а также особо опасным рецидивистам, суды вместе с тем чутко относятся к лицам, совершившим преступление впервые (если преступление не представляет большой общественной опасности). К этим лицам, как правило, применяются меры наказания, не связанные с лишением свободы. Судебные органы стали чаще применять условное осуждение. Условно осужденные по ходатайствам общественных организаций и коллективов трудящихся передаются им на перевоспитание и исправление.

Выполняя указания постановления пленума Верховного Суда СССР от 19 июня 1959 г. «О практике применения мер уголовного наказания» и последующих аналогичных постановлений, суды практикуют прекращение дел о правонарушениях, не представляющих

¹ «Советская Белоруссия» от 23 октября 1959 г.

значительной общественной опасности, с передачей виновных лиц на поруки общественным организациям и коллективам трудящихся.

Еще более повысилось воспитательное воздействие судебных процессов. Уголовные и гражданские дела, имеющие общественный интерес, рассматриваются на выездных сессиях непосредственно на фабриках, заводах, стройках, в колхозах, совхозах. В судебных заседаниях по уголовным делам наряду с государственным обвинителем и адвокатом выступают общественные обвинители и защитники. Участие общественных обвинителей и защитников в судебном разбирательстве содействует всестороннему исследованию обстоятельств дела, повышает воспитательное воздействие судебных процессов, способствует мобилизации трудящихся на борьбу с преступностью. В условиях, когда перед судом ставится задача строгой индивидуализации наказания, общественные обвинители и защитники оказывают помощь органам правосудия в выяснении личности подсудимого, в назначении наказания, максимально способствующего его исправлению.

Суды БССР усилили пропаганду советских законов. Во втором полугодии 1959 г. судьи прочитали для населения 2727 докладов и лекций на политические и правовые темы, опубликовали в печати 430 статей. Народные судьи в 1959 г. сделали 2292 отчетных доклада перед избирателями о своей работе и работе народных судов.

Суды поддерживают постоянную связь с добровольными народными дружинами, которые созданы на промышленных предприятиях, транспорте, стройках, в учреждениях, совхозах, колхозах и т.д., и проводят большую работу по предупреждению преступлений, охране общественного порядка и разъяснению среди населения правил социалистического общежития. Тесную связь работники органов юстиции поддерживают и с товарищескими судами, получившими вновь широкое распространение. Судьи оказывают добровольным народным дружинам и товарищеским судам помощь в их практической работе, организуют занятия с дружинниками, председателями и членами товарищеских судов по изучению советских законов.

Таким образом, в настоящее время суды Белорусской ССР проводят большую общественно-политическую работу среди населения. Судебные органы и в дальнейшем должны расширять и укреплять свои связи с общественностью, воспитывать трудящихся в коммунистическом духе.

Руководящее значение для судов республики имеет постановление третьего Пленума ЦК КП Белоруссии (июль 1960 г.) по вопросу о повышении роли общественности в борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка. Отмечая значительные успехи в работе по привлечению широкой общественности к активному участию в борьбе с правонарушениями, Пленум вместе с тем обратил внимание партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, суда, милиции и прокуратуры на необходимость быстрее устранить еще имеющиеся недостатки и дальнейшего углубления этой работы, а также воспитания советских людей «в духе высокой коммунистической нравственности, строгого соблюдения советских законов и правил социалистического общежития, трудолюбия, товарищеской взаимопомощи, честности и правдивости, нетерпимости к пьянству, хулиганству и другим чуждым нашему обществу пережиткам прошлого»¹.

Задачи суда и цели правосудия в БССР в период развернутого строительства коммунистического общества определены в Законе о судостроительстве БССР, принятом второй сессией Верховного Совета БССР 20 ноября 1959 г.²

В ст. 2 Закона указывается, что правосудие в БССР призвано охранять от всяких посягательств общественный и государственный строй, социалистическую систему хозяйства и социалистическую собственность, права и интересы граждан, права и законные интересы государственных учреждений, предприятий, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций. Задачей правосудия в БССР является обеспечение точного и неуклонного исполнения законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами.

«Всей своей деятельностью, – говорится в ст. 3 Закона о судостроительстве БССР, – суд воспитывает граждан в духе преданности Родине и делу коммунизма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, соблюдения дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правам, чести и достоинству граждан, к правилам социалистического общежития.

¹ «Коммунист Белоруссии», 1960, № 7, с. 5.

² СЗ БССР 1959 г. № 16, ст. 248–250.

Применяя меры уголовного наказания, суд не только карает преступников, но также имеет своей целью их исправление и перевоспитание».

Закон о судостроительстве БССР полностью воспринял положения Основ законодательства о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик 1958 г. о задачах и принципах организации судебных органов союзных республик. В нем нашли отражение указания XX и XXI съездов КПСС о всемерном развитии советской демократии, повышении воспитательной роли советского суда и активном вовлечении общественности в борьбу с преступностью. В Законе о судостроительстве Белорусской ССР учтены достижения советской юридической науки, опыт практической деятельности судебных органов, замечания и предложения, высказанные в ходе широкого обсуждения проекта.

Этот Закон направлен на дальнейшее совершенствование судебной системы республики и наилучшее обеспечение выполнения задач правосудия.

Демократические принципы организации советского суда, записанные в Конституции СССР и Конституции БССР в качестве незыблемых устоев советского правосудия, получают в новом судостроительном акте конкретизацию и последовательное развитие.

В соответствии со ст. 123 Конституции СССР и ст. 98 Конституции БССР, обеспечивающими равноправие граждан во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни, в ст. 5 Закона о судостроительстве БССР формулируется принцип равенства граждан перед законом и судом, независимо от их социального, имущественного и служебного положения, национальной и расовой принадлежности и вероисповедания. В качестве руководящего принципа деятельности судебной системы провозглашается положение об осуществлении правосудия в точном соответствии с законодательством Союза ССР и законодательством Белорусской ССР. Принцип социалистической законности всегда являлся руководящим принципом деятельности советского суда. Прямое законодательное закрепление этого требования обеспечивает дальнейшее укрепление социалистической законности в деятельности органов правосудия.

Жизнь и практика работы судебных органов показали, что население в городах и районах Белоруссии наряду с белорусским пользуется русским языком. Поэтому в ст. 10 Закона о судостроительстве

устройстве было записано, что судопроизводство в БССР ведется на белорусском или русском языках с обеспечением для лиц, не владеющих языком судопроизводства, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также с предоставлением права выступать на родном языке.

Как и в Основах законодательства о судоустройстве, в Законе о судоустройстве БССР последовательно проводится принцип подотчетности и подконтрольности народных судей избирателям, а вышестоящих судов – органам, их избравшим. В связи с подотчетностью народных судей и судей вышестоящих судов соответственно избирателям или органам, их избравшим, досрочное лишение полномочий судей и народных заседателей может иметь место не иначе как по отзыву избирателей или органа, их избравшего, или же в силу состоявшегося о них приговора. Упрощенный порядок устанавливается для досрочного освобождения судей от должности по их просьбе, болезни, семейным обстоятельствам и другим уважительным причинам. Для досрочного освобождения народных судей при наличии указанных условий требуется решение исполкома областного, городского (городов республиканского подчинения) Совета депутатов трудящихся. Председатели, заместители председателей и члены областных судов и Верховного суда БССР могут быть досрочно освобождены Указом Президиума Верховного Совета БССР с последующим внесением на утверждение соответственно областного, городского (городов республиканского подчинения) Совета депутатов трудящихся и Верховного Совета БССР.

Более точную формулировку находит в ст. 9 Закона о судоустройстве (ст. 9 Основ законодательства о судоустройстве) принцип независимости судей и подчинения их только закону. «При осуществлении правосудия, – гласит эта статья, – судьи и народные заседатели независимы и подчиняются только закону». Тем самым подчеркивается, что требование независимости и подчинения только закону относится ко всему составу суда, т.е. как к судьям, так и к народным заседателям. Кроме того, указывается, что судьи независимы именно в своей деятельности, при осуществлении правосудия, т.е. при рассмотрении и разрешении уголовных и гражданских дел. Лишь при таких условиях возможно правильное отправление правосудия, а следовательно, и успешное выполнение задач по охране интересов Советского государства и советских граждан.

Таким образом, характерной особенностью нового законодательного акта о судоустройстве Белорусской ССР является то, что в нем не только сохраняются, но и получают дальнейшее развитие демократические принципы советского правосудия.

Указания XXI съезда КПСС о развитии инициативы и самостоятельности трудящихся, активном вовлечении общественности в борьбу с правонарушениями нашли отражение в восстановлении института общественных обвинителей и защитников.

В республике сохранена действующая трехзвенная судебная система, отличающаяся простотой и максимальной доступностью для населения. В судебную систему внесены лишь некоторые изменения и усовершенствования, касающиеся главным образом ее основного звена – народного суда.

Существовавшая в республике участковая система народных судов себя не оправдала. Наличие двух и более участков народных судов в одном административном районе или городе не способствовало единству судебной практики, затрудняло ее обобщение и принятие мер по борьбе с преступностью в пределах района, города. Участковая система народных судов отрицательно отражалась на организации их работы, создавала трудности при замене временно отсутствующих народных судей. Поэтому Закон о судоустройстве БССР в соответствии с общесоюзными Основами предусмотрел замену в республике участковой системы народных судов районными (городскими) народными судами¹. Благодаря этому были устранены указанные недостатки в работе народных судов и созданы лучшие условия для приема граждан, рассмотрения их жалоб и заявлений и обмена опытом между судьями.

Районные (городские) народные суды установили еще более тесные связи с партийными, советскими и общественными организациями района (города) и лучше организовали свою профилактическую, воспитательную работу по предупреждению преступлений и борьбе с ними.

Положительно отразится на работе народных судов сокращение их подсудности за счет передачи дел о мелких правонарушениях и мелких имущественных спорах товарищеским судам. Согласно ст. 5 и 6 проекта Примерного положения о товарищеских судах последние рассматривают дела об оскорблении, побоях,

¹ Указом Президиума Верховного Совета БССР от 21 марта 1960 г. (СЗ БССР 1960 г. № 6, ст. 54) утверждена сеть районных (городских) народных судов и установлено число народных судей для каждого района (города). Всего районных (городских) народных судов в БССР 155, народных судей 227.

клевете, если эти деяния совершены впервые, дела о мелкой спекуляции, мелком хулиганстве, самоуправстве и некоторые другие, а также имущественные споры между гражданами на сумму до 500 руб. и на сумму до 1000 руб. при согласии сторон. Кроме того, суд, прокуратура, органы следствия, милиция или иные органы дознания могут по своей инициативе передать на рассмотрение товарищеского суда дела о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, совершенных впервые, если указанные органы сочтут возможным ограничиться мерами общественного воздействия. Изъятие из компетенции народных судов дел о мелких правонарушениях позволит им уделять больше внимания разбирательству серьезных уголовных и сложных гражданских дел, проводить массово-воспитательную работу среди населения, оказывать практическую помощь народным дружинам, товарищеским судам и другим организациям общественной самостоятельности трудящихся.

Укреплению связи народных судов с избирателями содействует новый порядок выборов народных заседателей. Вместо избрания народных заседателей гражданами района (города) совместно с народными судьями на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на три года народные заседатели избираются на общих собраниях рабочих, служащих и крестьян по месту их работы или жительства, а военнослужащими – по воинским частям открытым голосованием сроком на два года. Сокращение срока полномочий народных заседателей и изменение порядка их выборов увеличивают количество трудящихся, привлекаемых к непосредственному участию в осуществлении правосудия, устанавливают более тесную связь суда с избирателями.

Продление срока полномочий народных судей (от трех до пяти лет) позволит им лучше изучить условия района (города) и установить деловой контакт с районными организациями. Кроме того, теперь судьбы всех звеньев судебной системы республики избираются на один срок – пять лет.

Количество народных судей для каждого районного (городского) народного суда устанавливает Президиум Верховного Совета БССР, а количество народных заседателей – исполком областного, Минского городского Совета депутатов трудящихся по представлению председателя соответствующего областного суда.

Всей организационной работой народного суда в районах (городах), где избрано два или более народных судей, ведает старший

народный судья, который утверждается из числа избранных народных судей исполкомом районного (городского) Совета депутатов трудящихся. Старший народный судья председательствует в судебных заседаниях и назначает для председательствования других судей этого суда, организует выездные сессии, прием посетителей и рассмотрение жалоб и заявлений трудящихся, отчеты народных судей перед избирателями, планирует работу народного суда, руководит работой канцелярии, судебного исполнителя и осуществляет другие обязанности по организации работы суда.

Закон о судостроительстве БССР полностью воспринял и законодательно закрепил уже проведенные в жизнь положения Указов Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 г. и от 4 августа 1956 г. о предоставлении областным судам прав надзорной инстанции и функции судебного контроля за деятельностью районных (городских) народных судов. Следовательно, областной суд является кассационной, надзорной инстанцией, судом первой инстанции, а также органом судебного управления в отношении районных (городских) народных судов.

Областной суд осуществляет надзор за судебной деятельностью районных (городских) народных судов в двух формах: путем рассмотрения жалоб и протестов в судебных коллегиях по гражданским и уголовным делам на решения, приговоры, определения и постановления районных (городских) народных судов, не вступившие в законную силу; путем рассмотрения протестов в президиуме областного суда на вступившие в законную силу решения, приговоры, определения и постановления районных (городских) народных судов, а также на кассационные определения судебных коллегий областного суда.

Областной суд состоит из председателя, заместителей председателя, членов суда и народных заседателей и имеет судебную коллегию по гражданским делам, судебную коллегию по уголовным делам и президиум.

В президиум суда входят председатель суда, заместители председателя и 2–3 члена суда. Состав президиума утверждается исполкомом областного Совета депутатов трудящихся.

Широкой компетенцией наделен Верховный суд БССР, на который возложен надзор за судебной деятельностью всех судов республики. Этот надзор осуществляется Верховным судом БССР путем рассмотрения жалоб и протестов на не вступившие в законную силу решения, приговоры, определения и постановления областных судов, а также путем рассмотрения протестов на

вступившие в законную силу решения, приговоры, определения и постановления всех судов БССР, на постановления президиумов областных судов, решения, приговоры и определения судебных коллегий Верховного суда республики.

Значение Верховного суда БССР в судебной системе республики еще более повышается в связи с наделением его правом законодательной инициативы и образованием в его составе пленума.

Пленум учрежден в качестве руководящего коллегиального органа, решающего важнейшие вопросы деятельности Верховного суда БССР. Он является высшей надзорной инстанцией в республике и рассматривает протесты Генерального Прокурора СССР, прокурора БССР, председателя Верховного суда БССР и их заместителей на решения, приговоры и определения судебных коллегий Верховного суда БССР. На основании материалов обобщения судебной практики и судебной статистики пленум дает руководящие разъяснения по вопросам применения законодательства Белорусской ССР при рассмотрении судебных дел. Эта функция составляет одну из важнейших задач Верховного суда¹. Пленуму принадлежит право входить в Президиум Верховного Совета БССР с представлениями по вопросам, подлежащим разрешению в законодательном порядке, и по вопросам толкования законов БССР. Помимо выполнения указанных функций, пленум решает основные организационные вопросы, связанные с деятельностью Верховного суда и его коллегий. Он утверждает составы судебных коллегий Верховного суда БССР из числа его членов, заслушивает отчеты председателей этих коллегий

¹ Пленум Верховного суда БССР успешно осуществляет свои задачи по обобщению материалов судебной практики, данных судебной статистики, даче судам республики руководящих разъяснений и направлению их судебной деятельности. За короткий период своей работы (с декабря 1959 г.) пленум рассмотрел ряд важных вопросов. Так, 25 февраля 1960 г. было принято постановление № 1 о судебной практике по делам об умышленных убийствах, в котором обращалось внимание судов на необходимость решительной борьбы с этими тяжкими преступлениями и разъяснялось, что борьба должна вестись как путем применения к преступникам строгих мер уголовного наказания, так и путем проведения профилактической работы, направленной на предупреждение преступлений.

В постановлении пленума Верховного суда БССР от 25 апреля 1960 г. по вопросу о выполнении судами республики постановления пленума Верховного Суда СССР № 3 «О практике применения судами мер уголовного наказания» и последующих аналогичных постановлений указано на необходимость улучшения организаторской работы судебных органов по выполнению директив партии и постановлений пленума Верховного суда СССР о повышении роли общественности в борьбе с преступностью.

об их работе¹. Пленум состоит из председателя Верховного суда БССР, его заместителей и всех членов суда. На его заседаниях обязательно участие прокурора БССР или его заместителя. Заседания пленума созываются не реже одного раза в два месяца. Постановления пленума принимаются простым большинством голосов членов Верховного суда БССР, участвовавших в заседании. Пленум считается правомочным при наличии не менее $\frac{3}{3}$ его членов.

Наряду с пленумом Верховного суда БССР надзор за деятельностью судов республики осуществляется по-прежнему и судебными коллегиями этого суда. Судебные коллегии по гражданским и уголовным делам рассматривают соответственно в качестве кассационной инстанции жалобы и протесты на решения, приговоры, определения и постановления областных судов и в порядке надзора протесты на вступившие в законную силу решения, приговоры, определения и постановления всех судов республики, а также протесты на постановления президиумов областных судов².

Верховный суд БССР, помимо функций, выполняемых им как высшим судебным органом, в качестве суда первой инстанции рассматривает уголовные и гражданские дела, отнесенные законом к его подсудности.

20 февраля 1960 г. в республике была завершена реформа судебного управления³: ликвидировано Министерство юстиции БССР

¹ В частности, 13 июля 1960 г. пленум Верховного суда БССР заслушал доклад председателя судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда БССР о работе коллегии и принял постановление. В постановлении указывалось, что правильное и своевременное разрешение гражданских споров и исполнение судебных решений является одной из важнейших задач судебных органов республики в осуществлении защиты прав и интересов государственных учреждений и предприятий, кооперативных и общественных организаций, а также прав и интересов отдельных граждан. Пленум обязал судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда Белорусской ССР, областные и народные суды принять все необходимые меры к более широкому привлечению общественности к рассмотрению важнейших категорий гражданских дел и исполнению судебных решений, чаще практиковать рассмотрение гражданских дел, имеющих общественное значение (о расторжении брака, взыскании алиментов, о трудовых спорах и т.д.), непосредственно на предприятиях, стройках, в учреждениях, колхозах и совхозах.

² В связи с упразднением президиума Верховного суда БССР и созданием пленума число инстанций судебного надзора в республике не увеличилось. И после принятия Закона о судостроительстве БССР в республике имеются три инстанции, которым предоставлено право пересмотра вступивших в законную силу судебных решений (президиум областного суда, судебные коллегии по гражданским и уголовным делам Верховного суда БССР и его пленум).

³ СЗ БССР 1960 г. № 4, ст. 38.

и его функции по руководству районными (городскими) народными и областными судами, государственными нотариальными конторами и ведению судебной статистики возложены на Верховный суд БССР. Для работы по кодификации и систематизации законодательства БССР, разработке проектов законодательных актов и решений правительства нормативного характера образована Юридическая комиссия при Совете Министров БССР¹.

Таким образом, в настоящее время в республике функции судебного управления полностью перешли к судебным органам (областным судам и Верховному суду БССР). Тем самым упрощена и усовершенствована организация судебного управления и улучшено руководство судами. Благодаря руководству практикой судов по осуществлению правосудия из единого центра – высшего судебного органа республики – обеспечивается дальнейшее укрепление социалистической законности, повышается качество работы судов.

Передача Верховному суду функций судебного контроля потребовала расширения его административного аппарата. В соответствии со ст. 52 Закона о судостроительстве БССР Президиум Верховного Совета БССР своим постановлением от 4 апреля 1960 г. утвердил следующую структуру аппарата Верховного суда: группа консультантов при председателе Верховного суда БССР; Управление судебных органов и органов нотариата (группа ревизоров, группы консультантов по обобщению судебной практики, по судебной статистике, по нотариату); отдел жалоб; канцелярия (на правах отдела); финансово-хозяйственный отдел.

Все рассмотренные изменения в судебной системе республики направлены на дальнейшее совершенствование органов правосудия и повышение их воспитательной роли.

25 октября 1960 г. Указом Президиума Верховного Совета БССР было утверждено Положение о выборах районных (городских) народных судов², которым в соответствии с Законом о судостроительстве внесены изменения в организацию выборов народных судей и определен порядок выборов народных заседателей.

В связи с образованием районных (городских) народных судов в каждом районе или городе (без районного деления) избирается

¹ В ведение Юридической комиссии передан Научно-исследовательский институт судебной экспертизы. Руководство органами записей актов гражданского состояния (ЗАГС) возложено на МВД БССР (СЗ БССР 1960 г. № 5, ст. 50).

² Положение о выборах районных (городских) народных судов Белорусской ССР, Минск, 1960.

один районный (городской) народный суд. По представлению Верховного суда БССР Президиумом Верховного Совета республики может быть образован один народный суд на район и город. В этом случае проведение выборов народных судей возлагается исполкомом областного Совета депутатов трудящихся на исполком районного или городского Совета.

Вместо уполномоченных исполкомов районных или городских Советов и счетных комиссий Положением предусмотрено образование в каждом избирательном участке участковой избирательной комиссии. Эта комиссия составляется из представителей общественных организаций и обществ трудящихся, зарегистрированных в установленном законом порядке, а также из представителей от собраний рабочих, служащих, колхозников, военнослужащих. В состав участковой избирательной комиссии входят председатель, заместитель председателя, секретарь и члены. Они утверждаются исполкомами районных (городских) Советов.

Участковая избирательная комиссия принимает заявления о неправильностях в списке избирателей и вносит их на рассмотрение исполкома Совета, составившего список, производит прием участковых бюллетеней, подсчитывает голоса по каждому кандидату в народные судьи, представляет в исполком районного (городского) Совета протокол голосования.

Результаты выборов народных судей районного (городского) народного суда, устанавливаются на основании протоколов голосования участковых избирательных комиссий исполкомами районных или городских Советов. Раньше подсчет голосов, поданных за каждого кандидата в народные судьи по каждому избирательному округу, производился окружной счетной комиссией.

В связи с передачей областным судам и Верховному суду БССР функций организационного руководства судами списки избранных народных судей по области, городу направляются исполкомами областного и Минского городского Совета в эти суды.

Новым Положением о выборах районных (городских) народных судов сокращен и срок проведения выборов в случае досрочного выбытия народного судьи. Выборы нового судьи должны быть проведены не позднее месячного (ранее двухмесячного) срока со дня выбытия народного судьи.

Выборы народных заседателей районного (городского) народного суда назначаются Президиумом Верховного Совета БССР не позднее чем за тридцать дней до истечения срока их

полномочий. Исполкомы областного, Минского городского Совета депутатов трудящихся устанавливают срок проведения выборов народных заседателей районных (городских) народных судов по области, городу. Ими же по представлению председателя соответствующего областного суда определяется количество народных заседателей, подлежащих избранию, для каждого народного суда.

Организируют выборы народных заседателей исполкомы районных (городских) Советов. Они наблюдают за исполнением в ходе выборов Положения, определяют результаты выборов народных заседателей по району, городу, составляют списки избранных народных заседателей и т.д.

Народные заседатели районных (городских) народных судов избираются на общих собраниях рабочих и служащих (по предприятиям, учреждениям, совхозам), крестьян (по колхозам), военнослужащих (по воинским частям) или на общих собраниях избирателей – по месту их жительства. Общие собрания по выборам народных заседателей созываются партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативными, молодежными организациями и культурными обществами. Общие собрания по месту жительства избирателей созываются исполкомами районных, городских, сельских или поселковых Советов. В выборах народных заседателей участвуют все граждане, достигшие ко дню выборов 18 лет. В качестве народного заседателя может быть избран каждый гражданин БССР, обладающий избирательным правом и достигший ко дню выборов 25 лет. Повышение возраста для кандидатов в народные судьи и народные заседатели обусловлено сложностью судебной деятельности, для правильного осуществления которой требуется наличие жизненного опыта и специальных знаний.

Избранными считаются те народные заседатели, которые получили наибольшее количество голосов по сравнению с другими и более половины голосов избирателей, присутствующих на общем собрании. Результаты голосования должны быть занесены в протокол общего собрания, который подписывается составом президиума этого собрания. На основании протоколов общих собраний исполком районного (городского) Совета составляет список народных заседателей данного районного (городского) народного суда. Каждому народному заседателю председатель исполкома районного (городского) Совета выдает удостоверение об избрании его народным заседателем районного (городского) народного суда.

18 декабря 1960 г. на основе Закона о судеустройстве и Положения о выборах районных (городских) народных судов в республике были проведены выборы народных судей. К этому времени в районах и городах закончились выборы народных заседателей.

Выборы народных судей и народных заседателей прошли активно и явились яркой демонстрацией советского демократизма. В голосовании при выборах народных судей приняло участие 99,97 % от общего количества избирателей. Трудящиеся республики оказали полное доверие кандидатам в народные судьи, выдвинутым общественными организациями и обществами трудящихся. За них голосовало 99,62 % избирателей, участвовавших в голосовании. Всего в республике избрано 227 народных судей, 25,55 % которых составляют женщины.

В период избирательной кампании по выборам районных (городских) народных судов состоялось 16 081 собрание трудящихся, на которых избрано 13 000 народных заседателей. Среди народных заседателей женщины составляют 41,79 %, члены и кандидаты в члены КПСС – 47,55 %, беспартийные – 52,45 %¹.

В условиях дальнейшего развития самостоятельности трудящихся, их активного участия в управлении всеми делами страны и постепенной передачи некоторых государственных функций в ведение общественных организаций вновь начинают действовать и получают широкое распространение товарищеские общественные суды.

Восстановление этой формы участия трудящихся в коммунистическом строительстве проведено в соответствии с указаниями XXI съезда КПСС о повышении роли общественности в обеспечении соблюдения общественного порядка и правил социалистического общежития.

«Настало время, когда больше внимания следует уделять товарищеским судам, которые должны главным образом добиваться предупреждения разного рода нарушений»², – заявил в своем докладе на XXI съезде КПСС Н.С. Хрущев.

Активно развернули свою деятельность товарищеские суды после опубликования в печати в октябре 1959 г. проекта Примерного положения о товарищеских судах.

¹ «Звезда» от 22 декабря 1960 г.

² Н.С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы, с. 121–122.

За короткий период времени в БССР создано 4750 товарищеских судов¹. Они организованы на крупных предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах, строительных организациях, высших учебных заведениях и т.д. Продолжается работа по расширению сети этих судов и улучшению их деятельности.

Главной задачей товарищеских судов является коммунистическое воспитание граждан, предупреждение правонарушений и поступков, наносящих вред обществу. Путем убеждения и общественного воздействия товарищеские суды создают обстановку нетерпимости вокруг нарушений советских законов и требований коммунистической морали, воспитывают трудящихся в духе коммунистического отношения к труду, социалистической собственности, добросовестного выполнения своего гражданского долга, уважения к личности советского гражданина и правилам социалистического общежития.

Как показывает практика, организация и деятельность товарищеских судов осуществляется на основании проекта Примерного положения о товарищеских судах.

В настоящее время товарищеские суды создаются на предприятиях, в учреждениях, организациях, высших и средних специальных учебных заведениях, в колхозах, промысловых артелях, при жилищно-эксплуатационных конторах, домоуправлениях и уличных комитетах с численностью коллектива не менее 50 человек.

Товарищеские суды – это выборные органы общественности. Они организуются по решению общих собраний коллективов рабочих, служащих, учащихся, колхозников, членов промартелей, жильцов домов или граждан села, поселка и избираются сроком на два года открытым голосованием. Избранными считаются лица, получившие большинство голосов граждан, принявших участие в голосовании. Количественный состав товарищеского суда определяется непосредственно общим собранием коллектива трудящихся. Председатель суда, его заместители и секретарь избираются открытым голосованием членами товарищеского суда из их состава.

Сельские товарищеские суды в колхозах, промысловых артелях, при жилищно-эксплуатационных конторах, домоуправлениях и уличных комитетах образуются с согласия исполкомов соответственно сельских, поселковых, районных, городских Советов депутатов трудящихся.

¹ «Коммунист Белоруссии», 1960, № 7, с. 4.

Новым по сравнению с прежним законодательством, регулирующим организацию и деятельность общественных судов, является требование о подотчетности членов товарищеского суда общим собраниям избравших их коллективов трудящихся. Товарищеские суды должны проводить отчеты не реже одного раза в год. Общее собрание имеет право отозвать тех членов товарищеского суда, которые не оправдали доверия коллектива, и вместо них избрать новых лиц.

Намного шире по сравнению с ранее действовавшими общественными судами определяется компетенция товарищеских судов.

Товарищеские суды рассматривают дела о самых разнообразных правонарушениях и проступках бытового, морального характера, нарушающих правила социалистического общежития и противоречащих нормам коммунистической нравственности. К их компетенции отнесены дела об уклонении от общественно-полезного труда и ведении паразитического образа жизни; о невыполнении обязанностей по воспитанию детей и неказании помощи престарелым родителям; об оскорблении, нанесении побоев, о клевете, если эти деяния совершены впервые и если имеются заявления потерпевших или ходатайства общественности; о мелком браконьерстве, мелких лесонарушениях, посяхотах посевов и порче насаждений; о мелкой спекуляции, мелком хищении государственного или общественного имущества, мелком хулиганстве, совершенных впервые, о пьянстве, сквернословии, мелком самоуправстве, мелких нарушениях правил торговли и т.п., а также рассмотрение споров по оплате коммунальных услуг, использованию подсобных помещений, имущественных споров между гражданами на сумму до 50 руб., а при согласии обеих сторон на сумму до 100 руб., а также споров при разделах и выделах из крестьянских дворов при согласии обеих сторон.

Товарищеские суды на предприятиях, в учреждениях, организациях, совхозах, колхозах, промысловых артелях и сельские товарищеские суды рассматривают дела о нарушениях трудовой дисциплины (прогул без уважительных причин, опоздание на работу, появление на рабочем месте в нетрезвом состоянии, недобросовестное отношение к своим служебным обязанностям и т.д.) и дела о незаконном использовании государственных или общественных материалов, оборудования или транспорта, если это не связано со значительным ущербом государству или общественной организации.

Круг вопросов, подлежащих разрешению в товарищеских судах, еще более расширяется тем, что на их рассмотрение могут быть переданы дела об административных нарушениях, антиобщественных поступках, а также о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности и совершенных впервые. Эти дела в товарищеские суды имеют право направлять милиция, суд, прокурор, органы следствия и иные административные органы, а также общественные организации.

Поскольку товарищеские суды были и остаются органами воспитательного, общественного воздействия, они могут ограничиться публичным рассмотрением дела либо применить к виновному лицу одну из следующих мер: обязать нарушителя принести публичное извинение потерпевшему или коллективу, объявить товарищеское предупреждение, общественное порицание, общественный выговор. В то же время товарищеские суды наделены правом применения некоторых мер принудительного характера. Они имеют право наложить на правонарушителя денежный штраф в размере до 10 руб., который используется на культурно-просветительные мероприятия, обязать виновного возместить причиненный его неправомерными действиями ущерб на сумму не свыше 50 руб., возбудить перед народным судом вопрос о выселении виновного из занимаемой квартиры при невозможности совместного проживания, хищническом отношении к жилому фонду или злостном неплатеже квартирной платы. Рассматривая дела производственного характера, товарищеские суды могут поставить перед руководителем предприятия, учреждения, организации, правлением колхоза, промысловой артели вопрос о переводе виновного на низкооплачиваемую работу на срок не свыше 3 месяцев или на работу, не связанную с распоряжением материальными ценностями или хранением их, а также могут возбудить ходатайство об увольнении с работы.

Если в действиях лица, привлеченного на суд общественности, усматривается состав уголовного преступления и будет признано необходимым применить к нему меры уголовного наказания, товарищеский суд имеет право направить материал в соответствующие органы. Так же поступает суд, если при рассмотрении дела он придет к убеждению о необходимости привлечения правонарушителя к административной ответственности. Товарищеский суд правомочен прекратить дело в связи с примирением сторон. Придя к выводу в процессе всестороннего разбирательства дела, что лицо не совершило никаких заслуживающих порицания поступков, товарищеский суд выносит решение об его оправдании.

Таким образом, товарищеский суд располагает большими возможностями для успешного предупреждения правонарушений и воспитания граждан в духе высоких принципов коммунистической морали. Этому способствует и порядок рассмотрения дел в товарищеских судах.

Товарищеский суд рассматривает дела, как правило, в срок до 10 дней с момента их поступления. О времени и месте заседания товарищеского суда широко оповещаются члены коллектива. Заседания товарищеского суда проводятся в нерабочее время, публично. Присутствующие на заседании имеют право с разрешения председателя задавать вопросы и выступать по существу рассматриваемого дела.

Воспитательный эффект рассмотрения дел в товарищеском суде во многом зависит от тщательной подготовки заседания суда. О времени рассмотрения дела должны быть своевременно поставлены в известность лица, привлекаемые к суду, потерпевшие и свидетели. Судом должны быть собраны и другие материалы, имеющие значение для правильного решения дела. Поэтому в необходимых случаях проводится предварительная проверка фактов, истребываются документы.

Решения товарищеского суда являются окончательными и обжалованию не подлежат. Однако, если принятое им решение противоречит закону или обстоятельствам дела, профсоюзная организация или исполком местного Совета депутатов трудящихся вправе предложить товарищескому суду вторично рассмотреть дело. Решение товарищеского суда действует в течение года со дня его принятия. Товарищеский суд при наличии оснований и ходатайства общественной организации, руководителей предприятий, учреждений, правлений колхоза или промартели или заявления заинтересованного лица имеет право досрочно снять товарищеское предупреждение, общественный выговор или общественное порицание, о чем извещаются члены коллектива.

Одной из характерных особенностей деятельности товарищеских судов в настоящее время является то, что их работой на предприятиях, в учреждениях и организациях руководят соответствующие профсоюзные комитеты, руководство же сельскими товарищескими судами, товарищескими судами в колхозах, промысловых артелях, при жилищно-эксплуатационных конторах, домоуправлениях и уличных комитетах возлагается на исполкомы местных Советов депутатов трудящихся. При таком порядке исключаются превращение общественных судов в низшее звено

системы государственных судебных органов и искусственное заимствование у последних форм судопроизводства. Вместе с тем это не препятствует товарищеским судам опираться в своей работе на помощь государственных судебных учреждений и прежде всего районных (городских) народных судов.

Районные (городские) народные суды и товарищеские суды поддерживают между собой постоянную и тесную связь. Народные судьи оказывают партийным, профсоюзным органам и коллективам трудящихся помощь в организации общественных судов и налаживании их деятельности, в изучении членами товарищеских судов советского законодательства. Об обязанности районных (городских) народных судов оказывать товарищеским судам необходимую помощь и содействие в их работе говорится в ст. 3 законопроекта «О повышении роли общественности в борьбе с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития». В соответствии с проектом Положения о товарищеских судах Белорусской ССР на районные (городские) народные суды возлагается исполнение некоторых решений товарищеских судов. В случае невыполнения решения товарищеского суда о денежном возмещении причиненного ущерба или об уплате денежного штрафа председатель этого суда направляет дело народному судье, который после проверки представленных материалов и законности вынесенного решения выдает исполнительный лист. При признании решения товарищеского суда незаконным народный судья мотивированным постановлением отказывает в выдаче исполнительного листа и сообщает об этом соответствующему фабрично-заводскому, местному комитету профсоюза. Возложение на районные (городские) народные суды исполнения решений товарищеских судов обеспечивает контроль со стороны народных судов за их работой.

Таким образом, при создании и определении компетенции и организации товарищеских судов использован положительный опыт работы общественных судов прошлых лет и установлены новые положения, которые будут способствовать улучшению их деятельности.

Вся история суда в Белорусской ССР показывает, что он осуществлял и осуществляет задачи охраны от всяких посягательств советского общественного и государственного строя, социалистической собственности, прав и законных интересов граждан.

Развитие судебной системы БССР, как и других союзных республик, шло в направлении все большей ее демократизации, расширения и укрепления связи судебных органов с общественностью и населением.

В период развернутого строительства коммунизма воспитательная роль советского суда еще более повышается, а «демократические основы правосудия будут развиваться и совершенствоваться»¹.

¹ Проект Программы Коммунистической партии Советского Союза, М., 1961, с. 107.

ГЛАСНОСТЬ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Публикуется по книге:

*Мартинович, И.И. Гласность в советском уголовном судопроизводстве /
И.И. Мартинович. – Минск : Изд-во БГУ, 1968. – 74 с.*

Предисловие

Одно из первых мест в системе демократических принципов советского уголовно-процессуального права занимает гласность судопроизводства. Возведенный в конституционное начало принцип гласности является руководящим процессуальным положением, в котором ярко выражается подлинный демократизм социалистической государственности и советского правосудия.

Между тем вопрос о гласности судопроизводства освещался в юридической литературе лишь фрагментарно или в связи с другими проблемами. В недавно вышедшей из печати брошюре Р.Д. Рахунова «Выездная сессия суда» (издательство «Юридическая литература», М., 1968) освещаются вопросы процессуального и методического характера, относящиеся лишь к одной из сторон гласности процесса организации и проведения выездных сессий по уголовным делам. В то же время нет до сих пор ни одной работы, если не считать небольших статей, специально посвященной этому важнейшему принципу деятельности советского суда. Автор ставит перед собой задачу восполнить в какой-то мере указанный пробел.

В настоящей брошюре раскрываются сущность и значение принципа гласности в советском уголовном процессе, а также рассматриваются вопросы, связанные с законодательной регламентацией и осуществлением этого принципа в советском суде (о выездных судебных заседаниях, случаях возможного рассмотрения уголовных дел в закрытом судебном заседании, о гласности в отдельных стадиях процесса).

Исходя из указаний партии о необходимости изучения и обобщения богатейшей практики государственных органов, развития демократических основ советского правосудия, автор пытается наметить некоторые пути повышения эффективности и дальнейшего совершенствования принципа гласности в уголовном судопроизводстве.

Работа рассчитана на студентов и преподавателей юридических вузов, судей, работников прокуратуры, народных заседателей, представителей общественности, участвующих в борьбе с правонарушениями, и широкий круг читателей, интересующихся вопросами советского правосудия.

Сущность и развитие принципа гласности в советском уголовном процессе

Как и любой другой принцип деятельности советского суда, гласность судопроизводства является конкретным выражением в области осуществления правосудия общих начал советской государственности и советской демократии.

Гласность работы советского государственного аппарата, частью которого является советский суд, определяется самой сущностью Советской власти, социалистической природой советского государственного и общественного строя, советской демократии.

В.И. Ленин указывал, что «государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»¹.

Пути дальнейшего укрепления и совершенствования Советского государства партия видит в привлечении широчайших масс к непосредственному участию в управлении государственными делами, в неослабном народном контроле и повышении сознательности трудящихся.

Принцип гласности – органическое звено в системе демократических основ организации и деятельности советского суда. Гарантируя наиболее полное и последовательное осуществление одних начал уголовного процесса (обеспечение обвиняемому права на защиту, независимость судей и подчинение их только закону, осуществление правосудия в точном соответствии с законом и др.), принцип гласности, в свою очередь, опирается на другие из этих начал (национальный язык в судопроизводстве, устность, непосредственность и др.).

Руководящее значение этого процессуального правила подчеркивается Программой КПСС, отнесшей гласное рассмотрение судебных дел к подлинно демократическим основам советского правосудия, поставившей этот принцип в один ряд с выборностью и отчетностью судей и народных заседателей, участием в судах общественных обвинителей и защитников и требованием строжайшего соблюдения судом, органами следствия и дознания законности всех процессуальных норм.

Что же следует понимать под принципом гласности в советском уголовном процессе и каково его содержание?

¹ Ст. 18 УПК РСФСР, ст. 20 УПК УССР, ст. 13 УПК БССР и соответствующие статьи УПК других союзных республик.

Для того чтобы правильно ответить на этот вопрос, нужно прежде всего обратиться к законодательным источникам и, в частности, Конституции СССР.

В ст. 111 Конституции СССР говорится: «Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения...»

Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик (ст. 12) и УПК союзных республик¹ сохраняют эту формулировку, конкретизируя ее применительно к случаям рассмотрения дел в закрытых судебных заседаниях.

Определяя начало гласности процесса как открытое рассмотрение дел в судах, Конституция и действующее уголовно-процессуальное законодательство подчеркивают глубину содержания гласности в советском суде. Гласность нашего процесса – гласность в подлинном смысле слова, гласность для народа. Она означает рассмотрение судебных дел в открытых, публичных судебных заседаниях. Ею обеспечивается привлечение к правосудию внимания самой широкой общественности, устанавливается тесная, повседневная, неразрывная связь с трудящимися.

Гласность судопроизводства необходимо рассматривать в связи с советской социалистической демократией, неотъемлемым, составным элементом которой она является.

В Советском государстве гласность не только провозглашается в качестве руководящего принципа правосудия, но и находит действительно полное и последовательное осуществление. В нашей стране имеются все возможности для непосредственного ознакомления трудящихся с работой суда. Каждому гражданину СССР, независимо от его социального, имущественного и служебного положения, национальной и расовой принадлежности, вероисповедания, открыт свободный доступ в зал судебного заседания. По соображениям воспитательного характера в зал судебного заседания не допускаются лишь лица, не достигшие шестнадцатилетнего возраста, за исключением случаев, когда они вызваны судом (ст. 262 УПК БССР), т.е. являются обвиняемыми, потерпевшими или свидетелями по делу.

В СССР созданы условия для максимального расширения судебной аудитории. Судебные заседания, как правило, проводятся в просторных, хорошо оборудованных помещениях. А когда то или другое дело приобретает большой общественный интерес, суд

¹ Здесь и далее, при отсутствии оговорок, имеются в виду и соответствующие статьи УПК других союзных республик.

заседает в кинотеатрах, дворцах культуры и других вместительных помещениях городов и районных центров. Выездные судебные заседания, т.е. рассмотрение имеющих особое общественное значение дел непосредственно на предприятиях, стройках, фабриках, заводах, в колхозах, совхозах и т.д., — важная форма связи советского суда с массами, эффективное средство коммунистического воспитания трудящихся, предупреждения и искоренения преступлений.

Как принцип деятельности советского суда гласность процесса требует не только свободного доступа граждан в зал судебного заседания, но и широкого осведомления советской общественности о судебной деятельности путем использования различных средств информации (печать, радио, телевидение). Судебная аудитория, таким образом, не замыкается рамками зала судебного заседания. В этом также состоит характерная особенность гласности советского суда.

Подлинно народным и гласным делает суд участие постоянно сменяемых представителей общественности в качестве народных заседателей. Народные заседатели в советском суде — это граждане, избранные трудящимися и их представительными органами для участия в осуществлении правосудия. Возвращаясь после выполнения возложенных на них народом обязанностей к своей повседневной работе, в свой коллектив, они рассказывают трудящимся о рассмотренных судом делах, о задачах и целях правосудия и советских законах, способствуя тем самым развитию социалистического правосознания, повышению правовой культуры населения.

Таким образом, гласность в советском уголовном процессе следует понимать как открытое судебное разбирательство с обеспечением возможности для желающих граждан присутствовать на судебном процессе и осведомлением общественности о судебной деятельности путем использования различных средств информации, ставящих своей целью коммунистическое воспитание трудящихся, предупреждение преступлений, обеспечение народного контроля и законности в правосудии¹.

¹ По существу так определяется содержание гласности в советском уголовном процессе большинством советских процессуалистов (см.: Г.Н. Александров, Г.М. Миньковский, С.Г. Новиков, И.Д. Перлов, М.Ю. Рагинский, Р.Д. Рахунов. Научно-практический комментарий к Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. М., 1961, с. 173; С.В. Бородин, Т.Н. Добровольская, М.А. Копыловская. Научно-практический комментарий к Основам законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик. М., 1961, с. 28–29; П.М. Давыдов, Д.В. Сидоров, П.П. Якимов. Судопроизводство по новому УПК РСФСР. Свердловск, 1962, с. 3–33 и др.).

В теории советского уголовного процесса иногда различают гласность для публики и гласность для участников процесса. Правы те процессуалисты, которые выступают против такого деления гласности судопроизводства. Оно позаимствовано из буржуазной науки процессуального права и возникло в результате противопоставления следственно-обвинительного процесса процессу инквизиционному, розыскному, который характеризовался полным отсутствием гласности не только для посторонней публики, но и для подсудимого. Разграничение гласности на гласность общую и гласность для сторон было одним из многочисленных трюков, посредством которых маскировалась фальшивость и урезанность гласности в буржуазном суде. Подменяя сведенную на нет гласность судопроизводства гласностью для сторон, дореволюционные юристы намеревались создать видимость незыблемости этого принципа.

Начало гласности в советском судопроизводстве едино по своему содержанию. Гласность для участников процесса (для сторон), как справедливо заметил профессор М.С. Строгович, не есть гласность в собственном смысле слова, а представляет собой их процессуальное право участвовать в производстве процессуальных действий¹. В советском уголовном процессе, построенном на демократических началах, участники процессуальной деятельности не просто пассивно присутствуют, а активно участвуют в судебном рассмотрении дел. Поэтому следует говорить не о гласности для участников процесса, что равносильно их праву присутствовать на суде, а о их праве активно участвовать в судебном разбирательстве.

Необходимо отметить, что и действующее уголовно-процессуальное законодательство не дает никаких оснований для деления гласности судопроизводства на гласность для граждан, не имеющих процессуального отношения к судебному разбирательству, и гласность для участников процесса. В нем говорится об участии подсудимого, защитника, прокурора, общественного обвинителя и защитника и т.д. в судебном разбирательстве (ст. 245, 247, 248, 249 УПК БССР), а когда речь идет о закрытом судебном заседании, имеется в виду удаление из зала судебного заседания публики, а не участников процесса².

Удаление в определенных случаях из зала судебного заседания участников процесса регламентируется отдельно, специальными

¹ См.: М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. М., изд-во АН СССР, 1958, с. 83.

² В ранее действовавших УПК союзных республик (ст. 19 УПК РСФСР, БССР) в этих случаях прямо говорилось об удалении публики из зала суда.

статьями (ст. 263, 281 и др. УПК БССР), и не рассматривается как ограничение гласности процесса.

Удачно раскрывает глубокое содержание этого принципа и его наименование. Действующее законодательство о судопроизводстве (ст. 12 Основ и соответствующие статьи УПК) не отказалось от прочно вошедшего в теорию советского уголовного процесса объективно правильного названия этого начала – гласность процесса.

Такие слова, как гласность суда, предать суду гласности, сделать достоянием гласности, понятны для всех. Вместе с тем законодатель (ст. 11 Основ законодательства о судоустройстве) и некоторые процессуалисты называют этот принцип иногда и принципом открытого судебного разбирательства, что также вполне допустимо и находится в полном соответствии со ст. 111 Конституции СССР.

Подлинная гласность судопроизводства свойственна только советскому уголовному процессу и уголовному процессу других социалистических стран, где, как и в СССР, власть принадлежит народу и широкие трудящиеся массы привлекаются к активному участию в государственном управлении. Этот принцип диаметрально противоположен по своему содержанию и значению одноименному принципу буржуазного уголовного процесса.

В буржуазном уголовном процессе принцип гласности, как и все буржуазно-демократические принципы и институты, формален и фальшив по своей сущности, всячески приспособлен к задаче подавления и угнетения трудящихся. Провозглашая демократические права и свободы, правящие классы капиталистических государств не обеспечивают их реальное осуществление. Общую судьбу куцой и урезанной буржуазной «демократии» разделяет и принцип гласности. В силу своей классово-угнетательской сущности буржуазный суд оторван от трудящихся. В арсенале буржуазного суда имеется множество самых разнообразных средств и способов, при помощи которых гласность судебного разбирательства сводится на нет.

Одним из наиболее существенных завуалированных способов упразднения гласности судопроизводства является перенесение центра тяжести со стадии судебного разбирательства на предварительное следствие. Хозяином процесса становится полиция, разведка, гестапо, а задача суда состоит в том, чтобы придать полицейской расправе в глазах общественности хотя бы видимость законности.

Фактическим ограничением гласности процесса для трудящихся масс является рассмотрение судебных дел только в рабочее время,

допуск в помещение суда по билетам, затягивание судебных процессов на целые недели и месяцы, непригодность судебных помещений, отдаленность судебных инстанций от населения и т.п.

Помимо многочисленных методов ограничения гласности судопроизводства в буржуазной судебной практике проводится и прямой отказ от гласности процесса. Империалистическая реакция стремится проводить при закрытых дверях дела о так называемых политических преступлениях (судебные процессы над коммунистами, борцами за национальное освобождение, мир и демократию). Когда правящие круги империалистических государств организуют судебную расправу над коммунистами, прогрессивными деятелями или передовыми рабочими, суд превращается в неприступную крепость, охраняемую отрядами полицейских, жандармов, бандами расистов. Трудящиеся не допускаются в помещение суда, нередко не могут попасть в зал судебных заседаний и представители демократической прессы.

Грубо и открыто попиралась гласность в судебных процессах над деятелями коммунистической партии США¹, Западной Германии², над группой демократов – участников патриотического фронта в Греции³ и др.

Открытое упразднение принципов формальной буржуазной демократии, в том числе гласности судебного разбирательства, – такова общая тенденция развития буржуазного уголовного процесса в период империализма. Вместе с тем гласность судопроизводства широко используется империалистической верхушкой для насаждения растленной буржуазной идеологии и морали. В целях отвлечения трудящихся масс от насущных вопросов политики, борьбы за мир, от кризисов, безработицы и т.д., потакая нездоровому любопытству обывателей, широко рекламируются дела о кровавых убийствах, половых преступлениях. Садисты и убийцы, продажные любовницы и великосветские воры превращаются в героев дня. При слушании дел с анонсом помещение суда переполняется праздною публикой, жаждающей увидеть и услышать что-нибудь занимательное, необычное. Судебные заседания в этих случаях превращаются в театральные зрелища, а судьи – в мелодраматических актеров. На потеху невзыскательной аудитории судьи ведут процесс грубо, не считаясь с требованиями закона, допуская неуместные реплики, гнусные выходы в отношении обвиняемых, потерпевших и свидетелей.

¹ См.: Джорж Марион. Судилище на Фоли-сквере. М., изд-во иностранной литературы; Альберт Кан. Измена родине. М., изд-во иностранной литературы. 1950, с. 400–412.

² См.: «Правда» 13 февраля 1949 г.

³ См.: «Комсомольская правда» 17 и 24 ноября 1967 г.

Практике буржуазного суда известны попытки использования гласности суда в провокационных антисоветских целях, для разжигания военной истерии и атомного психоза.

Роль дезинформатора и отравителя общественного мнения выполняет и буржуазная печать. Если по политическим делам судебные отчеты печатаются редко и сопровождаются потоками лжи и клеветы, то сообщения о сенсационных уголовных делах помещаются на страницах буржуазных газет очень охотно и пространно. Особенно выделяется в этом отношении американская печать. Под крикливыми заголовками, обычно на первых страницах газет и журналов, излагаются подробности какого-либо страшного преступления, нарочито раздуваются сексуальные и кровавые моменты. Огромное внимание уделяется описанию биографий и похождениям «королей» из преступного мира, гангстеров, убийц и т.д.

Таким образом, гласность буржуазного судопроизводства ничего общего не имеет с подлинно народной, действительно широкой гласностью советского суда, преследующей высокие и благородные цели.

Являясь одним из основных принципов советского уголовного процесса, принцип гласности красной нитью проходит через всю историю советского суда.

Уже с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции, сломавшей вместе со всем государственным аппаратом буржуазно-помещичьей России и верный оплот самодержавия – царский суд, трудящиеся массы приступили к созданию новых пролетарских судов, строивших свою деятельность на началах самой полной гласности процесса. Об этом красноречиво говорило и само их наименование: народные гласные суды, суды общественной совести и т.д. Созданные революционной инициативой масс, подлинно народные суды не могли не быть гласными судами, т.к. сам народ стал творить правосудие, а суд из орудия угнетения и подавления трудящихся впервые в истории общества превратился в «орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению... орган власти пролетариата и беднейшего крестьянства... орудие воспитания к дисциплине»¹.

Декретами Советской власти о суде (декреты о суде № 1, 2, 3) гласность процесса признавалась в качестве одного из руководящих принципов деятельности органов правосудия. Развернутое

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 197.

изложение получил этот принцип в ст. 27 инструкции НКЮ РСФСР от 23 июля 1918 г. «Об организации и действии местных народных судов». «Все заседания суда открытые, – гласит статья, – но если в том по особым соображениям встретится надобность, публика может быть на время удалена по постановлению суда».

Законодатель сразу же счел необходимым подчеркнуть исключительный характер отступлений от гласности судопроизводства: во-первых, закрытые судебные заседания допускались только при наличии у суда «особых соображений», под которыми имелись в виду обстоятельства исключительные по своему характеру; во-вторых, для удаления публики из зала суда требовалось вынесение постановления; в-третьих, отступление от гласности предусматривалось только на время, т.е. на часть судебного заседания.

Законодательство, регламентировавшее деятельность революционных и военно-революционных трибуналов, также сохраняло начало гласности в качестве незыблемого принципа. Ограничение гласности в этих судах допускалось в случае необходимости только по мотивированному определению.

Поскольку революционные и военно-революционные трибуналы были учреждены для рассмотрения дел о контрреволюционных и других наиболее опасных для Советского государства преступлениях, удаление публики из зала судебного заседания допускалось чаще. Однако главное состояло в том, что гласность была руководящим принципом деятельности и общих судов, и революционных трибуналов.

На практике гласность судопроизводства в первые годы Советской власти проводилась очень широко. Трудящиеся проявляли живой интерес к работе нового суда. Открытые судебные процессы являлись эффективным средством воспитания трудящихся масс в духе трудовой дисциплины, повышения их политической сознательности и революционной бдительности.

Уже в первые месяцы деятельности советского суда возникла практика проведения выездных судебных заседаний. Первый съезд народных судей и членов следственных комиссий, созданный по инициативе НКЮ БССР в феврале 1919 г. в Минске, рекомендовал судьям в интересах наиболее полного освещения обстоятельств дела и в воспитательных целях устраивать сессии суда с выездом в соответствующие пункты района¹.

Широко освещалась судебная деятельность и в печати.

¹ «Пролетарская революция и право», 1919, № 1, с. 119.

В Положении о военно-революционных трибуналах от 4 февраля 1919 г. прямо предписывалось использовать печать для усиления воспитательного воздействия судебных процессов. Иногда в самом приговоре судьями отмечалось, что его следует довести до всеобщего сведения. Например, в приговоре военно-революционного трибунала Беллитармии по делу военнослужащего Витольде было записано: «Приговор этот опубликовать во всех органах печати и объявить во всех учреждениях советской республики Литвы и Белоруссии»¹.

Подробную регламентацию нашла гласность судопроизводства в первом Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР, принятом 25 мая 1922 г. Допуская ограничение гласности только в случаях, указанных в законе, и лишь по мотивированному определению суда, УПК подчеркивал исключительный характер этих ограничений. Правилom об обязательном публичном оглашении приговора даже при слушании дела в закрытом судебном заседании повышалось воспитательное значение приговора. В основном также регламентировался вопрос о гласности судебного разбирательства в УПК других союзных республик.

Большое значение в укреплении и развитии этого принципа имел общесоюзный закон «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» 1924 г., признававший руководящее значение принципа гласности для осуществления задач советского правосудия.

Конституция СССР, проводя дальнейшую демократизацию советского суда, возвела гласность судопроизводства в конституционное начало (ст. 111).

Наконец, дальнейшее развитие и совершенствование находит этот принцип в Основах уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 г. и действующих УПК союзных республик. В этих законодательных актах, определяющих деятельность органов правосудия в условиях развернутого строительства коммунизма в нашей стране, принципы социалистической законности и советского демократизма получают всестороннее и последовательное развитие. Совершенствование и углубление принципа гласности процесса выразилось, в частности, в закреплении в некоторых УПК обязанности судов практиковать проведение выездных судебных заседаний, уведомлений в необходимых случаях коллективов трудящихся о предстоящих судебных процессах и результатах рассмотрения уголовных дел, направлении копий

¹ «Звезда» 22 июня 1919 г.

приговоров по вступлении их в законную силу по месту работы, учебы или жительства осужденного и т.д.

По сравнению с ранее действовавшим законодательством в Основах уголовного судопроизводства 1958 г. уточнен перечень случаев возможного удаления публики из зала судебного заседания. В воспитательных целях (с 14 до 16 лет) повышен возраст для лиц, допускаемых в зал судебного заседания. Эти нововведения способствуют более точному соблюдению советским судом процессуального закона, обеспечению прав и интересов участвующих в процессе лиц, вынесению правильных и обоснованных приговоров, повышению воспитательного значения судебного рассмотрения уголовных дел.

Однако возможности дальнейшего совершенствования законодательства в плане гласности судопроизводства еще не исчерпаны. Указание Программы КПСС о развитии и совершенствовании демократических основ правосудия имеет прямое отношение к принципу гласности в советском уголовном процессе. Перспективы дальнейшего укрепления и расширения гласности советского судопроизводства обусловлены главным направлением развития социалистической государственности в период строительства коммунизма (всестороннее развертывание и совершенствование социалистической демократии, активное участие всех граждан в управлении государством, в руководстве хозяйственным и культурным строительством, улучшение работы государственного аппарата и усиление народного контроля над его деятельностью).

Значение принципа гласности в советском уголовном процессе

Большую роль в решении задач государственного и общественного строительства отводил гласному суду В.И. Ленин.

В целом ряде писем на имя товарищей Курского, Аванесова, Богданова, Цюрупы и др. В.И. Ленин неоднократно подчеркивал политическое и воспитательное значение гласного судебного процесса.

Требую привлечения к ответственности лиц, виновных в волоките по изготовлению плугов Фаулера, В.И. Ленин указывал, что необходимо такие дела выносить на публичный суд для публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости

виновных¹. Продолжая эту мысль в письме к П.А. Богданову 23 декабря 1921 г., он писал: «Надо не бояться суда (суд у нас пролетарский) и гласности, а тащить волокиту на суд гласности: только так мы эту болезнь всерьез вылечим»².

Обеспечивая тесный контакт, живую связь советского суда с трудящимися, гласность судопроизводства является первым необходимым условием выполнения воспитательных задач советского правосудия.

Гласность процесса устанавливает народный контроль над работой суда, содействует раскрытию истины по делу, вынесению законных и обоснованных приговоров, улучшению правосудия. Этот принцип нужно рассматривать и как одну из надежных гарантий прав и законных интересов участвующих в процессе лиц.

Между перечисленными сторонами значения гласности судопроизводства существует тесная, органическая связь.

Однако в целях наиболее полного раскрытия значения этого принципа в советском уголовном процессе остановимся на каждой из этих сторон в отдельности.

Коммунистическое воспитание трудящихся – одна из главных задач советского суда с первых дней его деятельности.

В воспитательной роли советского суда проявилась его социалистическая природа, подлинный демократизм и принципиальное отличие от суда государств эксплуататорского типа, в частности буржуазного суда.

Осуществление советским судом воспитательных функций не исключает, а, наоборот, предполагает применение им строгих мер наказания в отношении таких опасных преступников, как агенты империалистических разведок, убийцы, расхитители социалистической собственности, взяточники, хулиганы и т.п. с успехом использовалась судебная репрессия для подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов.

Соотношение принуждения и убеждения в работе суда изменялось в зависимости от конкретной исторической обстановки, условий классовой борьбы, состояния и характера преступности в стране. Однако объективной закономерностью развития советского суда является неуклонное повышение его воспитательной

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, с. 71.

² Там же, с. 87.

роли. Это одна из форм проявления более общего процесса постепенного перерастания советской государственности в коммунистическое общественное самоуправление.

Среди органов Советского государства, выполняющих задачу коммунистического воспитания трудящихся, деятельность советского суда занимает особое место, имеет свои, присущие ей особенности. Осуществляя правосудие, советский суд воспитывает трудящихся как самой процедурой судебного разбирательства, так и вынесением правильных и убедительных решений.

«Всей своей деятельностью, — говорится в ст. 3 Основ законодательства о судостроительстве, — суд воспитывает граждан СССР в духе преданности Родине и делу коммунизма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, соблюдения дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правам, чести и достоинству граждан, к правилам социалистического общежития».

О воспитательной функции уголовного судопроизводства говорится и в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Выполнение воспитательной задачи советского правосудия невозможно без гласности судопроизводства. Именно гласность судебного рассмотрения способствует превращению всего процесса в своеобразную поучительную школу воспитания трудящихся в духе нравственных принципов морального кодекса строителя коммунизма. Именно она делает судебный процесс проводником социалистической законности и социалистического правосознания, лабораторией «общественной морали и практической политики»¹. Гласность судопроизводства усиливает общественно-политический эффект судебного приговора, повышает карательную силу обвинительного приговора, реабилитирующий характер оправдательного приговора, общественное воздействие при условном осуждении и передаче виновного на исправление и перевоспитание коллективу трудящихся или общественной организации.

Огромное воспитательное воздействие оказывает гласный судебный процесс на граждан, присутствующих в зале суда, а также узнающих о ходе процесса и его результатах из печати, докладов судей и т.д. Присутствуя при рассмотрении и разрешении конкретных судебных дел, наблюдая за ходом судебного процесса, граждане убеждаются в глубокой справедливости и гуманизме

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 407–408.

социалистического правосудия, проникаются уважением к советскому суду и советскому закону. Тщательно и всесторонне исследуя дело, наглядно и убедительно показывая аморальный и антиобщественный характер совершенного преступления, постоянно разъясняя смысл и значение определенных норм поведения, гласный суд способствует укреплению социалистического правосознания и социалистической законности.

Своеобразие методов судебной деятельности, конкретность и убедительность делают ее эффективным средством правовой пропаганды и коммунистического воспитания.

Хорошо сказал об этой стороне гласного судебного процесса в одном из своих выступлений М.И. Калинин: «Процесс суда – это лучшая, конкретная агитация. Нигде в практической жизни нельзя так хорошо агитировать, как на судебных процессах... Наш суд – это демонстрация нашего пролетарского подхода к бесконечному количеству конкретных случаев»¹.

Разрушая убеждения в ненаказуемости виновных и укрепляя противоположное ему убеждение в том, что преступление будет всегда раскрыто, а совершивший преступление изобличен и подвергнут справедливому наказанию, открытое судебное разбирательство играет важную роль в предупреждении и искоренении преступлений, в устранении причин, их порождающих.

Всесторонне выясняя каждый раз причины и условия, способствующие совершению преступлений, гласный суд организует общественное мнение, усиливает бдительность и активность трудящихся, привлекает их к борьбе с имеющимися недостатками и теми отрицательными явлениями, которые мешают коммунистическому строительству, ведут к нарушению социалистической законности.

Воспитательно-предупредительное воздействие судебного процесса проявляется и в удержании от преступного шага неустойчивых членов нашего общества. Сдерживающим моментом для них является как юридическая сторона приговора, боязнь грядущего и неизбежного наказания, так и моральная значимость в глазах всего общества факта осуждения советским судом, позор и презрение окружающих, товарищей, коллектива.

Открытое рассмотрение дела оказывает воспитательное влияние и на подсудимого. Перед судом ставится задача не только наказания преступников, но также их исправления и перевоспитания (ст. 3 Основ законодательства о судостроительстве). Последнее

¹ М.И. Калинин. О социалистической законности. М., изд-во «Известия», 1959, с. 161.

достигается не только неотвратимостью и справедливостью наказания, но и судебным разбирательством дела в присутствии многочисленной публики, состоящей из рабочих, колхозников, советской интеллигенции, т.е. подлинных представителей народа. Это создает обстановку, в которой подсудимый чувствует глубокое общественное осуждение его противоправных и аморальных деяний. Публичное судебное разбирательство помогает подсудимому правильно оценить свои действия и ошибки, искренне раскаяться в совершенном преступлении, осмыслить необходимость и возможность возвращения на путь честной трудовой жизни. В силу этого важно, чтобы каждое дело, вне зависимости от его характера, рассматривалось обязательно в присутствии подсудимого. Действующее уголовно-процессуальное законодательство максимально ограничило случаи заочного рассмотрения уголовных дел. Разбирательство дела в отсутствие подсудимого может иметь место только в случае, когда он находится вне пределов СССР и уклоняется от явки в суд (ст. 245 УПК БССР и соответствующие статьи УПК Казахской, Литовской, Молдавской, Латвийской, Киргизской, Таджикской, Туркменской ССР). УПК остальных союзных республик допускают заочное разбирательство также по делу о преступлении, за которое не может быть назначено наказание в виде лишения свободы и имеется ходатайство подсудимого о рассмотрении дела в его отсутствие. Однако в последнем случае суд вправе признать явку подсудимого также обязательной.

Задача искоренения всяких нарушений правопорядка, ликвидации преступности и устранение всех причин, ее порождающих, поставленная Программой КПСС, и указание на то, что главное внимание должно быть обращено на предотвращение преступлений, требует максимального использования в этих целях огромной воспитательной возможности гласности процесса.

Трудно переоценить роль гласности судопроизводства по делам, имеющим общественно-политическое значение, обычно привлекающим внимание всего советского народа, а нередко и миллионов людей за пределами нашей страны

На протяжении всей истории Советского государства дела, имевшие серьезное общественно-политическое значение, рассматривались на основе самой широкой гласности процесса. Многочисленные открытые судебные процессы, проведенные советским судом над вредителями, диверсантами, шпионами, явились школой разоблачения, морального уничтожения врагов социализма. Они способствовали мобилизации общественного внимания, усиливали политическую бдительность советских граждан,

воспитывали их в духе патриотизма и преданности Родине, делу коммунизма.

Ряд судебных процессов, имевших большое общественно-политическое значение, был проведен в годы социалистической реконструкции народного хозяйства: Шахтинский процесс, дело «Промпартии» и др. Остатки разбитых эксплуататорских классов и враждебные силы капиталистического окружения пытались всячески помешать социалистическому строительству. Вредительство, диверсии, террористические акты, шпионаж – ничем не гнушалась контрреволюция, стремясь ослабить экономическую и оборонную мощь СССР, создать благоприятные условия для реставрации капитализма в стране.

На этих процессах, проведенных на основе самой широкой гласности, раскрылись тяжкие преступления контрреволюционных организаций против советского народа и Советского государства. Шахтинский процесс выявил ряд недочетов в хозяйственном строительстве и партийном руководстве промышленности.

В связи с этим Центральный Комитет предложил всем организациям извлекать уроки из шахтинского дела¹. Был выдвинут лозунг – большевики-хозяйственники должны овладеть техникой. На учебу в технические учебные заведения были посланы тысячи членов партии, комсомольцев, преданных партии беспартийных.

Большое общественно-политическое значение имели судебные процессы о злодеяниях немецко-фашистских преступников на временно оккупированной территории СССР. Такие судебные процессы были проведены в 1943 г. в г. Харькове и Краснодаре, в 1945–1946 гг. в Киеве, Ленинграде, Минске, Риге, Смоленске, Брянске, Николаеве и др. На судебных заседаниях военных трибуналов присутствовали тысячи трудящихся нашей страны – рабочие, колхозники, военнослужащие, за ходом процессов с напряженным вниманием следил весь мир.

Еще раз было продемонстрировано всемирно-историческое значение победы героической Советской Армии, спасшей человечество от ужасов фашистского рабства. Вместе с тем открытые процессы по делам немецких военных преступников являются грозным и суровым предупреждением для тех, кто, игнорируя уроки истории, снова становится на путь подготовки новой мировой опустошительной войны.

¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., Госполитиздат, 1953, ч. II, с. 380–390.

Перед присутствующими оживали страшные картины чудовищных злодеяний: тысячи расстрелянных, повешенных, заживо сожженных и погребенных женщин, стариков, детей, военнопленных; превращенные в пепел города и села. Вина каждого подсудимого убедительно доказывалась документами, показаниями свидетелей и потерпевших, заключениями экспертов. Каждый приговор в отношении лиц, занимавшихся карательной деятельностью на временно оккупированной советской территории, трудящиеся встречали единодушным одобрением.

Свершающееся правосудие внушает всем уверенность, что ни один предатель не уйдет от заслуженной кары и презрения народа. Этому способствовала широкая гласность судебного разбирательства: в газетах печатались подробные судебные отчеты, процессы транслировались по радио и телевидению.

К крупным судебным процессам последних лет можно отнести судебные процессы по делу американского летчика-шпиона Френсиса Г. Пауэрса, делу агентов английской и американской разведок Пеньковского О.В. и Винна Г.М. и других агентов иностранных разведывательных служб. Проведенные на основе открытого судебного разбирательства, эти процессы имели широкий общественный резонанс.

На заседаниях Военной Коллегии Верховного суда СССР по делу американского летчика-шпиона присутствовали многочисленные представители трудящихся Москвы, члены дипломатического корпуса, зарубежные общественные деятели, видные юристы из различных стран, свыше 250 советских и иностранных корреспондентов¹.

Дело по обвинению Пеньковского и Винна рассматривалось также в присутствии представителей трудящихся столицы, советских и иностранных корреспондентов.

Подобные судебные процессы показывают, что реакционные силы империалистических государств ни на минуту не прекращают своей подрывной и провокационной деятельности против Советского государства. Грубо попирая элементарные нормы международного права, они засылают в нашу страну своих агентов, нарушают советские государственные границы, вовлекают в грязное дело шпионажа туристов, коммерсантов, разложившихся, морально неустойчивых людей. Однако, не имея никакой социальной опоры в советском обществе, происки иностранных разведок обречены на провал.

¹ См.: Судебный процесс по уголовному делу американского летчика-шпиона Френсиса Г. Пауэрса. М., Госюриздат, 1960, с. 4.

Не менее важное воспитательное значение имеет гласность процесса по «рядовым» уголовным делам.

Особенно велико воспитательно-предупредительное воздействие судебных процессов, проведенных непосредственно на предприятии, стройке, в учреждении, колхозе, совхозе и т.д., т.е. там, где было совершено преступление, или по месту работы, учебы или жительства виновных лиц. В таких случаях аудитория судебного заседания бывает особенно многолюдной, а с воспитательной точки зрения — особенно восприимчивой. Присутствующие на судебном процессе граждане нередко в курсе обстоятельств рассматриваемого дела, хорошо знают обстановку совершенного преступления и самого виновного или потерпевшего.

На необходимость широкого использования в борьбе с преступностью и в коммунистическом воспитании трудящихся гласности судебного разбирательства постоянно указывается в партийных и правительственных решениях, в многочисленных постановлениях Пленума Верховного суда СССР и Пленумов верховных судов союзных республик.

Руководящее значение в этом отношении имеет постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1959 г. «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране», в котором предлагалось практиковать проведение открытых судебных процессов над злостными нарушителями общественного порядка непосредственно на предприятиях, стройках, в совхозах, колхозах, привлекая в необходимых случаях общественных обвинителей и защитников.

Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении «О деятельности судебных органов в связи с повышением роли общественности в борьбе с преступлениями» от 19 декабря 1959 г. рекомендовал судам в целях усиления воспитательного значения судебных процессов чаще проводить их на предприятиях и стройках, в колхозах, совхозах, учреждениях с привлечением внимания коллективов к рассматриваемым делам. Судебные процессы по делам, имеющим наиболее важное общественное значение, шире освещать в печати и по радио. Приговоры судов в необходимых случаях доводить до сведения коллективов, в которых работали осужденные¹.

В марте 1967 г. Пленум Верховного суда СССР специально обсудил вопрос об организации судебных процессов, повышении

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924–1963. М., изд-во «Известия», 1964, с. 142.

культуры их проведения и воспитательного воздействия судебной деятельности и принял соответствующее руководящее постановление¹.

Обращая внимание судов на необходимость принять меры к упорядочению и улучшению проведения выездных сессий, Пленум Верховного суда СССР подчеркнул, что «суть выездных сессий не сводится к тому, чтобы провести судебное заседание вне стен суда и максимально строго оценить содеянное. Значение выездных сессий заключается прежде всего в том, чтобы наиболее актуальное и поучительное дело заслушать в присутствии широкой аудитории, для которой рассмотрение этого дела имеет большое воспитательное значение как средство предупреждения подобных преступлений или правонарушений и устранения причин и условий, способствующих их возникновению»².

Выездная сессия является своего рода показательным процессом. По тому, как он будет проведен, избиратели судят о квалификации судей, их культуре и деловых достоинствах. От качества выездных судебных заседаний во многом зависит авторитет суда в целом и каждого судьи в отдельности. Все это нужно учитывать, решая вопрос о проведении выездного судебного заседания. Следует отметить, что в последние годы вопросы организации и проведения выездных заседаний суда по уголовным делам освещаются во многих статьях и работах, в которых на основе обобщения соответствующей практики высказываются заслуживающие внимания соображения и даются ценные методические рекомендации. Это, несомненно, будет способствовать улучшению организации выездных сессий и повышению их воспитательного значения.

Практика показывает, что в выездных судебных заседаниях рассматриваются дела самых разнообразных категорий: дела о хищениях государственного и общественного имущества, взятничестве, об умышленных убийствах, о злом хулиганстве, о спекуляции, о нарушении правил безопасности движения на транспорте, о самогонварении и т.д.

Почти любое актуальное или имеющее общественное значение дело, рассмотренное в хорошо организованной и проведенной выездной сессии, приносит ощутимую пользу, воспитывая граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития, дает большой общественно-воспитательный эффект.

¹ Бюллетень Верховного суда СССР, 1967, № 2, с. 9–14.

² Там же, с. 12.

Можно привести множество примеров высокой воспитательной эффективности гласных судебных процессов. Ограничимся минимумом.

В деревне Колодезская Могилевской области были частые случаи хулиганства. Братья Т. в нетрезвом состоянии устроили драку, во время которой нанесли тяжкие телесные повреждения гражданке Г. Народный суд Костюковичского района рассмотрел это дело в выездной сессии в присутствии почти всего взрослого населения этой деревни. На судебном процессе ярко и убедительно была вскрыта общественная опасность преступления как одного из нетерпимых пережитков прошлого.

Детально исследуя причины и условия, способствующие совершению хулиганских действий, суд обратил внимание общественности на обстановку, благоприятную для хулиганствующих элементов: неудовлетворительное состояние культурно-воспитательной работы, плохая организация досуга молодежи. После гласного процесса, окончившегося обвинительным приговором в отношении хулиганов, и устранения выявленных на суде недостатков общественный порядок в селе заметно укрепился.

Большое воспитательно-предупредительное значение имел судебный процесс по делу А., которая обвинялась в систематическом обмане покупателей путем завышения цен на уцененные товары и в совершении других преступных действий.

Дело рассматривалось 29 мая 1965 г. народным судом г. Борисова Минской области в красном уголке станции с участием государственного и общественного обвинителей и защитника. На процессе присутствовали трудящиеся города, работники железной дороги, специальный корреспондент газеты «Гудок», опубликовавший по результатам процесса заметку «Уцененная совесть»¹.

Народный суд не только установил вину А. в предъявленном ей обвинении, но и выявил причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

Частное определение суда по этому делу обсуждалось в орсах и дорорсе Белорусской железной дороги. К строгой дисциплинарной ответственности были привлечены должностные лица, недобросовестное отношение которых к служебным обязанностям способствовало совершению преступления. Был разработан ряд мер по усилению контроля за проведением уценки товаров и их распродажи.

¹ «Гудок» 16 июня 1965 г.

Воспитанию атеистического мировоззрения, мобилизации общественного мнения на активную борьбу с религиозными предрассудками содействовал процесс по делу сектантов Абушенко Е. и Власенко С., рассмотренному выездной сессией Верховного суда БССР летом 1967 г. в г. Гомеле.

В течение трех дней в переполненном до отказа зале суд восстанавливал все обстоятельства их страшного преступления. 63-летняя Абушенко Е. убила топором свою дочь Веру, жизнерадостную, трудолюбивую молодую женщину, выступавшую против религиозного фанатизма матери; а затем вместе с племянником Власенко инсценировали ее самоповешение.

На процессе была вскрыта преступная деятельность секты евангельских христиан-баптистов, к которой принадлежали подсудимые. Злоупотребляя свободой вероисповедания и используя попустительством местных властей, сектанты хитростью и угрозами вербовали новых «братьев и сестер», не пускали в школу и истязали своих детей, побуждали односельчан к отказу от общественной деятельности и исполнения своих гражданских обязанностей. С большим вниманием выслушали присутствующие яркие речи государственного и общественного обвинителей, вскрывших причины и мотивы совершенного преступления, общественную опасность деятельности сектантов, посягающих под видом отправления религиозных обрядов и проповедования религиозных вероучений на личность и права граждан.

Хорошо организованный и проведенный процесс, строгое наказание сектантов-изуверов вызвали всеобщее одобрение.

В настоящее время широкое распространение получила практика сочетания выездных судебных заседаний с проведением других общественно-массовых мероприятий. Во время перерыва, когда судьи и народные заседатели удаляются в совещательную комнату для вынесения приговора, прокуроры и адвокаты проводят беседы с присутствующими на правовые темы, читают им лекции, доклады или отвечают на интересующие публику юридические вопросы. После вынесения и оглашения приговора народные судьи нередко отчитываются перед избирателями о своей работе и работе соответствующего народного суда, знакомятся с деятельностью местных товарищеских судов, оказывают им необходимую правовую помощь путем консультаций, методических советов и рекомендаций.

Такое сочетание гласных судебных процессов с другими формами профилактической и общественно-массовой работы обеспечивает наиболее успешное выполнение судом его задачи коммунистического воспитания трудящихся. Эффективное использование

в воспитательных целях всех форм деятельности судебных органов (судебного производства по осуществлению правосудия и общественно-массовой работы среди населения) — одно из первых и необходимых условий повышения воспитательной роли советского суда в условиях развернутого строительства коммунистического общества.

Не менее важное значение гласности судебного разбирательства заключается в обеспечении народного контроля за работой суда.

Общеподанный контроль — важнейший принцип организации и деятельности советского государственного аппарата, проявление подлинного народовластия. Партия рассматривает общественный контроль как действенное орудие вовлечения широких народных масс в управление делами государства, в осуществление контроля за строгим соблюдением законности, как орудие совершенствования государственного аппарата, искоренения бюрократизма, своевременного претворения в жизнь предложений трудящихся.

Наилучшая форма контроля народа за законностью судебных действий и актов — это публичные судебные процессы, ибо трудящиеся имеют возможность непосредственно наблюдать работу суда при разрешении конкретных дел, контролировать и оценивать ее, следить за тем, как их избранники в лице судей и народных заседателей осуществляют правосудие, выполняют свои обязанности, и, в случае если они не оправдывают доверия избирателей, досрочно их отозвать. Гласный процесс является, таким образом, как бы своеобразной формой отчета судей перед избирателями. Тем самым гласность обеспечивает повседневную и непрерывную связь трудящихся с правосудием, повышает доверие к суду, его авторитет.

Поскольку в ходе судебного разбирательства проверяются и исследуются все материалы предварительного следствия и дознания, гласность процесса является также одним из условий, обеспечивающих контроль общественности за органами предварительного расследования.

Принцип гласности, как и другие демократические принципы советского уголовного процесса, служит эффективным средством обнаружения и установления истины по делу, вынесения законных и обоснованных приговоров и определений. Присутствие в судебном заседании граждан и представителей печати является фактором мобилизующего значения. Сознание того, что за судебным

процессом следит внимательная и чуткая аудитория, от проницательного взгляда которой не ускользнет ни одно нарушение закона и ни один недочет в работе суда, заставляет судей и других участников процесса серьезно и ответственно относиться к выполнению своих профессиональных обязанностей, неукоснительно выполнять требования процессуального закона, взвешивать каждое слово, каждое действие.

Гласное судебное разбирательство обязывает судей, прокуроров, адвокатов, общественных обвинителей и защитников детально проверить все материалы дела, вдумчиво оценить доказательства. Вследствие этого более обоснованными и убедительными становятся их выводы по делу.

Многочисленная аудитория суда оказывает дисциплинирующее воздействие на всех других участников процесса и участвующих в деле лиц: потерпевшего, экспертов, переводчиков, свидетелей. Они, как правило, проникаются чувством ответственности, стремлением добросовестно выполнить свой гражданский долг – помочь суду в раскрытии истины по делу. Боясь опорочения своей репутации в глазах присутствующих, морального осуждения со стороны коллектива, общественности, указанные лица стремятся сообщить суду точные и правдивые сведения, как можно лучше выполнить свои процессуальные обязанности. Положительно действует открытое судебное разбирательство и на подсудимых. Запиравшиеся в ходе предварительного расследования обвиняемые нередко в судебном заседании дают обстоятельные показания. В суде их объяснения бывают иногда и более достоверными.

С точки зрения раскрытия истины гласность судебного разбирательства ценна еще и тем, что она, привлекая внимание советской общественности к тому или иному делу, способствует выявлению новых, не известных ранее суду доказательств. Движимые чувством гражданского долга, советские граждане помогают органам правосудия в выявлении доказательств, по собственной инициативе дают суду важные показания. Такие случаи встречаются на практике не так уж часто, т.к. органы предварительного расследования, как правило, проводят расследование всесторонне, объективно и полно. Тем не менее, поскольку судебное следствие – новое, самостоятельное исследование доказательств, возможно иное освещение установленных фактов, выявление дополнительных доказательств. Этому способствует и то, что на судебном следствии все участники процесса собраны вместе, в одно время, что исследование доказательств следует одно за другим,

в условиях непосредственности, устности и, в частности, гласности судебного разбирательства.

Вот один из примеров выявления нового доказательства благодаря гласности процесса.

В одном из народных судов г. Минска рассматривалось уголовное дело по обвинению С. и Б. в присвоении крупной суммы государственных денег. Инженер С. и бухгалтер расчетного стола Б., работая в одном из строительных управлений, систематически присваивали государственные средства путем составления фиктивных нарядов и ведомостей на вымышленных лиц. Характер их преступных злоупотреблений был вскрыт ревизией, подтвержден в процессе предварительного следствия, однако только под влиянием произведенной по делу графической экспертизы, установившей выполнение обвиняемыми части росписей в фиктивных ведомостях, С. и Б. признали себя виновными. В суде обвиняемые от прежних показаний отказались и пытались опорочить материалы ревизии. В связи с этим возникла угроза направления дела на дополнительное расследование.

Присутствующий в зале судебного заседания Ш. попросил суд допросить его в качестве свидетеля, указав, что ему известны существенные обстоятельства по данному делу. Выслушав мнение остальных участников процесса, суд вынес определение о допросе Ш. в качестве свидетеля. При допросе Ш. выяснилось, что он производил ревизию стройуправления, но органами следствия допрошен не был ввиду ее достаточной ясности. Свидетель Ш. подробно и обстоятельно проанализировал акт ревизии со ссылкой на подлинные документы, содержащиеся в деле. Кроме того, он сообщил суду, что еще до передачи материалов ревизии в прокуратуру подсудимые просили Ш. за взятку скрыть выявленные им преступные злоупотребления. После показаний свидетеля Ш. подсудимые вынуждены были признать свою вину и дать правдивые показания. В отношении обоих подсудимых судом был вынесен обвинительный приговор.

В условиях советской действительности благодаря выборности и отчетности судей, возможности их досрочного отзыва контроль общественности является реальным средством устранения отдельных недочетов и ошибок в работе суда. Это одна из гарантий законности в советском уголовном судопроизводстве, прав и законных интересов обвиняемого и других участвующих в процессе лиц. Гласность не совместима с произволом и беззаконием. Она создает неограниченные возможности для общественной критики судебной деятельности. Неоценима в этом отношении роль

советской печати, которая глубоко выявляет и наиболее правильно выражает мнение советской общественности как по общим вопросам борьбы с преступностью, так и по конкретным уголовным делам. Помещая судебные отчеты о наиболее важных и интересующих общественность делах, информацию и сообщения официальных органов о борьбе с отдельными видами правонарушений, публикуя статьи на различные правовые темы, освещая вопросы судебной практики, критикуя в отдельных случаях неправильные действия или решения суда и т.д., советская пресса способствует обеспечению максимальной гласности судопроизводства. При этом важно отметить, что наша печать преследует цель мобилизовать общественность на борьбу с преступными проявлениями, повысить ее бдительность, укрепить нравственные основы советского общества. Ей совершенно чужд дух сенсационности, присущий прессе капиталистических стран.

Многолетняя практика советской печати свидетельствует о том, что ее выступления, как правило, бывают обоснованными и квалифицированными. Высокий авторитет советской печати обеспечивает результативность ее критики и суждений.

11 января 1966 г. в газете «Известия» была опубликована корреспонденция И. Мартковича «Почему приговор не понят», в которой говорилось о необоснованном привлечении к уголовной ответственности и осуждению за убийство при превышении пределов необходимой обороны Константинова, вставшего на защиту социалистической собственности от воров и расхитителей.

Константинов – гвардии полковник запаса, кавалер девяти боевых орденов и медалей, парторг истребительного авиационного полка после демобилизации работал диспетчером на одном из заводов г. Баку. В одно из дежурств на него совершил нападение некто Тимофеев, дважды судимый за воровство и бандитизм и на этот раз пытавшийся похитить с территории завода кожу. Отражая нападение, Константинов ударил преступника несколько раз прикладом ружья по голове. Суд, усмотрев в этих действиях превышение пределов необходимой обороны, не учел, что в случаях душевного волнения, вызванного нападением, его внезапностью, обороняющийся не всегда в состоянии определить точно характер опасности и избрать соразмерные средства защиты.

Осуждение Константинова общественность считала неправильным. Это мнение было поддержано и выступлением печати. Судебная ошибка была исправлена: Президиум Верховного суда Азербайджанской ССР дело по обвинению Константинова Л.П. прекратил. Были приняты меры по улучшению качества работы

судебных и следственных органов республики и исправлению такого рода ошибок в будущем.

Судебные органы своевременно и правильно реагируют на критические выступления печати, принимают меры к устранению недостатков, отмеченных в статьях, фельетонах, корреспонденциях. Дела, в отношении которых делаются замечания в печати, истребуются для проверки в порядке судебного надзора, и результаты проверок сообщаются редакциям газет, а последние доводят их до сведения читателей.

Советская печать способствует улучшению работы судебных органов и путем распространения положительного опыта рассмотрения судебных дел и проведения профилактической и общественно-массовой работы среди населения, т.е. помещая на своих страницах статьи и сообщения о хорошей, заслуживающей внимания работе народных судей и других судебных работников, об образцово проведенных судебных заседаниях, правосудных приговорах.

Как уже отмечалось, большие возможности гласности судопроизводства успешно используются в борьбе с пережитками прошлого в сознании людей, в предупреждении преступлений и коммунистическом воспитании, в обеспечении общественного контроля над осуществлением правосудия.

Отрадно отметить, что особенно много сделано в этом направлении за последние годы. Заметно поднялось качество и культура судебных процессов, расширилась общественно-массовая работа судей среди населения. Растет количество выездных сессий, лекций, докладов, отчетов судей перед избирателями и т.д. Прочно вошло в практику судебной деятельности вынесение частных определений, направление по месту работы, учебы или жительства осужденных копий приговоров и т.д.

Стало правилом анализировать деятельность судов под углом зрения ее воспитательной эффективности и при обобщении судебной практики по отдельным категориям дел. Проявляется внимание к этому вопросу и при проверках работы судов по линии судебного контроля, в кассационной и надзорной практике. Вопросы воспитательной роли судебной деятельности выносятся на обсуждение конференций и т.д.

Быстрый рост материальной обеспеченности, культурного уровня и сознательности трудящихся СССР делают вполне реальной задачу полного искоренения преступности в нашей стране, окончательной замены мер уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания. Это требует дальнейшего повышения уровня воспитательной работы судов, которая должна

постоянно отвечать потребностям практики, жизни. В связи с этим необходимо полностью устранить все еще встречающиеся случаи недооценки гласности судебного разбирательства. Деятельность суда должна находить еще более широкое и квалифицированное освещение в литературе, центральной и местной печати, по радио и телевидению. Нужно и впредь практиковать проведение судебных процессов непосредственно на предприятиях, стройках, в колхозах, совхозах, в рабочих клубах и т.д., уделяя как можно больше внимания качеству их организации и проведения.

При рассмотрении дел, привлечших внимание широких кругов населения, можно с успехом пользоваться микрофонами, устанавливая их в зале судебного заседания для обеспечения лучшей слышимости, а в некоторых случаях и репродукторами – для трансляции процесса публике, желающей послушать судебный процесс и не попавшей в зал судебного заседания. Более широкое применение в судебной практике должны найти магнитофон и киносъемка. Воспроизведение звукозаписи судебного процесса или отдельных его частей (в частности, судебных прений, допросов подсудимых, свидетелей-очевидцев и т.д.) по радио или передача соответствующей киноленты по телевидению, несомненно, намного расширит гласность судебного разбирательства, повысит его воспитательно-предупредительное значение. Представляется, что решение суда о применении указанных технических средств в процессе судебного разбирательства дел, имеющих особое общественное значение, должно фиксироваться в постановлении судьи или определении распорядительного заседания о предании суду. О действительном их использовании целесообразно, по нашему мнению, отмечать в протоколе судебного заседания. Процессуальное закрепление применения технических средств для расширения гласности судебного процесса будет обязывать суды с еще большим вниманием относиться к подготовке и проведению судебных заседаний, а вышестоящие суды получат возможность реального контроля и за этой стороной судебной деятельности.

В целях устранения встречающихся еще отдельных случаев недооценки воспитательного воздействия открытых судебных процессов желательно в законе указать на обязанность судов проводить выездные сессии по наиболее важным и актуальным делам¹. Этот вопрос поднимался в нашей литературе еще до принятия нового уголовно-процессуального законодательства. В действующих УПК

¹ Решая этот вопрос, нужно учитывать и другие обстоятельства (см.: Р. Рахунов. Выездная сессия суда. М., 1968, с. 16–17.

некоторых союзных республик это предложение было реализовано либо в форме общей правовой нормы, обязывающей суды широко практиковать проведение судебных процессов непосредственно на предприятиях, стройках, в сов-хозах, колхозах (ст. 20 УПК УССР), либо в форме включения отдельного пункта в перечень вопросов, которые обязан разрешить судья или суд при подготовке дела к рассмотрению в судебном заседании (ст. 222 УПК Армянской ССР, ст. 219 УПК Узбекской ССР, ст. 227 УПК Латвийской ССР, ст. 221 УПК Киргизской ССР). В уголовно-процессуальных кодексах других союзных республик (РСФСР, БССР и др.) такие положения не содержатся.

Нормативное закрепление во всех без исключения УПК союзных республик указания на необходимость проведения выездных судебных заседаний повысило бы ответственность судей за обеспечение воспитательной эффективности гласных судебных процессов, обязало бы их каждый раз обсуждать вопрос об общественно-воспитательной значимости дела и принимать меры к последовательному осуществлению гласности судопроизводства. Это способствовало бы и усилению народного контроля за судебной деятельностью, т.к. при проведении выездной сессии значительно расширяется судебная аудитория, которая не только является объектом воспитательного воздействия, но и, в свою очередь, положительно влияет на работу суда, способствуя улучшению правосудия, укреплению социалистической законности в советском уголовном процессе.

По этим основаниям и прежде всего в целях повышения воспитательно-предупредительного значения судебной деятельности общесоюзный и республиканские законы об уголовном судопроизводстве следовало дополнить и нормой о более эффективном использовании печати, радио, телевидения и других средств информации для осведомления населения о судебном рассмотрении наиболее актуальных, привлечших общественный интерес дел.

Заслуживает поощрения и дальнейшего распространения получившая в последние годы практика направления судом в необходимых случаях копий вступивших в законную силу приговоров по месту работы, учебы или жительства осужденного (ст. 367 УПК БССР). В частности, следует признать обязательным направление копий судебных приговоров на обсуждение общественности в том случае, когда вследствие тех или других причин сложилось неправильное мнение об общественной опасности совершенного преступления и дается ошибочная оценка выводам суда. Весьма желательно, чтобы по этому вопросу были даны соответствующие руководящие разъяснения пленумами высших

судов союзных республик, т.к. накопленный опыт применения указанного положения на практике позволяет установить хотя бы примерный перечень случаев направления копий приговоров по месту работы, учебы или жительства осужденного.

В настоящее время суды большое внимание уделяют выявлению и устранению причин и условий, способствовавших совершению преступлений, реагируют на неправильное поведение отдельных граждан на производстве и в быту, на невыполнение ими своего общественного долга, а также на случаи нарушений закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия и при рассмотрении дела в суде.

Нравственное воздействие судебной деятельности усиливается и вынесением поощрительных частных (особых) определений по уголовным делам, т.е. таких определений, которыми доводится до сведения руководителей предприятий и общественных организаций о благородных, самоотверженных поступках советских людей, их бдительности, мужестве, честности и т.д. В соответствии с постановлением № 7 Пленума Верховного суда СССР от 26 августа 1966 г. практика вынесения такого рода частных определений должна получить более широкое распространение¹. Этому способствовало бы и законодательное закрепление указанной разновидности частных определений.

Воспитательная роль судебного разбирательства усиливается, если частное (особое) определение оглашается в судебном заседании. УПК союзных республик передали решение вопроса об оглашении частного (особого) определения на усмотрение суда. Ознакомление с практикой по этому вопросу показало, что, как правило, частные (особые) определения независимо от их характера в судебном заседании не оглашались. В большинстве случаев председательствующий суда после оглашения приговора объявлял участникам процесса о вынесении частного (особого) определения, не сообщая его существа.

Пленум Верховного суда СССР в своем руководящем постановлении «О практике вынесения судами частных (особых) определений по уголовным делам» от 14 октября 1964 г. напомнил судам, что оглашение частного (особого) определения, как правило, имеет большое воспитательное значение, поэтому вопрос об оглашении или неоглашении в судебном заседании такого определения должен решаться всем составом суда. Лишь в отдельных случаях оглашение частного (особого) определения нецелесообразно

¹ Бюллетень Верховного суда СССР, 1966, № 5, с. 14.

ввиду преждевременности разглашения сведений о выявленных нарушениях и т.п.¹ Все это убеждает в том, что с проблемой гласности судопроизводства в самой тесной связи стоит вопрос об условиях, обеспечивающих общественно-воспитательный эффект открытого судебного процесса.

Высоко ценя роль советского суда в борьбе с «родимыми пятнами» прошлого, В.И. Ленин обращал внимание на необходимость умелого использования воспитательных возможностей гласного судебного процесса, выступал за постановку и проведение «образцовых, громких, воспитательных процессов»².

В письме Д.И. Курскому «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики» В.И. Ленин писал: «Воспитательное значение судов громадно. Где у нас забота об этом? Где учет реальных результатов? Этого нет, а это азбука всей юридической работы»³.

Эти ленинские указания не потеряли своей актуальности и в наши дни, когда воспитательная роль советского суда неизмеримо возросла.

Одним из первых условий проведения открытого судебного процесса на высоком воспитательном уровне является осуществление правосудия в точном соответствии с законом (ст. 6 Основ законодательства о судостроительстве).

Как подчеркивалось Пленумом Верховного суда СССР в его руководящем постановлении от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел», выполнение задачи, поставленной Программой КПСС, — ликвидация преступности в стране может быть достигнута при условии строгого и неуклонного соблюдения законов. Каждое уголовное дело независимо от характера и тяжести совершенного преступления, служебного и общественного положения обвиняемого должно разрешаться в точном соответствии с требованиями норм уголовного и процессуального права⁴.

Малейшее нарушение судом закона отражается не только на правильности приговора, но и на воспитательной задаче уголовного судопроизводства.

Повышение воспитательной роли социалистического правосудия находится в прямой связи с задачей укрепления законности в деятельности судебных органов. Принятые за последние годы многочисленные законодательные акты по важнейшим отраслям

¹ Бюллетень Верховного суда СССР, 1964, № 6, с. 10.

² В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 399.

³ Там же, с. 397.

⁴ Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924–1963. М., изд-во «Известия», 1964, с. 170.

советского права способствовали всесторонней правовой регламентации деятельности органов правосудия. Это является одной из важнейших предпосылок установления и осуществления режима законности в советском уголовном процессе, высокой воспитательной эффективности судебного процесса.

Нигилистическое отношение к закону и, в частности, недооценка роли процессуальной формы в выполнении судом его воспитательной роли должны быть решительно осуждены как в теории, так и на практике.

Уголовно-процессуальная форма имеет большое воспитательное значение уже хотя бы потому, что присутствующие учатся уважению к закону в первую очередь на примере суда, на отношении к нему таких участников процесса, как прокурор и адвокат. Граждане воочию убеждаются, что суд в своей деятельности не допускает произвола и беззакония и строго следует велениям и предписаниям закона, что именно закон является единственной основой для осуществления правосудия.

Уголовный процесс в целом и каждое процессуальное правило в отдельности обеспечивают не только раскрытие истины по делу, но и достижение наилучшего воспитательного результата. Совершенно немислимо нравственное воздействие судебного производства без гласности, коллегиальности суда и участия в его деятельности народных заседателей, устности, непосредственности, непрерывности судебного разбирательства, национального языка в судоговорении, обеспечения обвиняемому права на защиту и прав всех других участников процесса и т.д.

Одной из важных предпосылок укрепления социалистической законности в деятельности суда, а следовательно, и повышения воспитательной роли гласного судебного процесса является дальнейшее развитие и совершенствование процессуального законодательства. Расширение демократических основ правосудия, укрепление его связи с общественностью – существенная гарантия неуклонного возрастания воспитательной роли уголовного судопроизводства, еще более активного участия суда в строительстве коммунизма. В связи с этим желательно прямое законодательное закрепление выработанного кассационной и надзорной практикой правила: приговор суда, вынесенный с нарушением демократических основ правосудия, не может быть признан законным и подлежит обязательной отмене¹.

¹ Действующее уголовно-процессуальное законодательство не включает в число процессуальных нарушений, влекущих обязательную отмену судебного приговора, такое общее основание, как несоблюдение основных начал судопроизводства.

Воспитательная ценность гласного судебного процесса определяется его убедительностью и доказательностью. Только тогда судебный процесс сможет оказать необходимое воздействие, когда каждый присутствующий непосредственно убедится в доказанности фактов, положенных в основу выводов суда. Поэтому суд обязан обеспечить всестороннее, полное и объективное исследование дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства (ст. 14 Основ уголовного судопроизводства). При наличии серьезных пробелов в судебном следствии, неясности отдельных вопросов судебного производства не может выполнить свою воспитательную задачу. На судебном следствии должны быть исследованы все фактические обстоятельства, которые имеют существенное значение для правильного решения вопроса о виновности, выявления и устранения причин и условий, способствовавших совершению преступления. В целях создания ясного и целостного впечатления у присутствующих граждан о фактических обстоятельствах совершенного преступления важно правильно определить последовательность исследования доказательств, продумать план ведения судебного следствия.

Воспитательный эффект открытого судебного процесса во многом зависит и от его наглядности, что обеспечивается осуществлением принципа непосредственности в этой стадии процесса. Только показания живых людей, подлинные вещественные доказательства могут создать перед присутствующими яркую картину совершенного преступления, вскрыть его общественную опасность. Такой порядок рассмотрения дела привлекает внимание всей судебной аудитории к самому процессу исследования дела, установлению всех его фактических обстоятельств; он дает возможность каждому присутствующему самостоятельно оценить все собранные по делу доказательства и определить свое отношение к предъявленному обвинению.

Правильно подмечено, что суд должен пробудить у присутствующих интерес, активное познавательное отношение к исследуемому делу.

В действующем законодательстве содержатся все предпосылки для всестороннего, объективного, логически последовательного судебного разбирательства. Оно не допускает сокращения судебного следствия. В законе очерчен предмет доказывания, перечислены обстоятельства, подлежащие установлению по каждому уголовному делу. Более совершенными стали правила доказательственного

Исключение в этом отношении, можно считать, составляет УПК УССР, который в п. 9 ст. 370 дает почти полный перечень принципов уголовного процесса.

права и всей процедуры судебного разбирательства. Выросла квалификация судей, их мастерство и опыт. Все это положительно сказалось на качестве рассмотрения дел в судебном заседании. Однако неполнота исследования фактических обстоятельств дела остается одним из наиболее распространенных недостатков судебного разбирательства. На этом основании немало приговоров все еще отменяется с направлением дел для дополнительного расследования и рассмотрения, вследствие чего на эту сторону судебной деятельности нужно обращать максимум внимания.

Ознакомление с практикой рассмотрения в судебных заседаниях уголовных дел показывает, что в целях усиления воспитательного воздействия судебного процесса многие судьи путем соответствующей постановки вопроса заостряют внимание присутствующих на фактах неправильного или неправомерного поведения того или другого лица, разъясняют смысл и цель отдельных законоположений, моральных требований, делают устное внушение некоторым участникам процесса.

Представляется, что такой опыт можно рекомендовать для распространения. Безразличное отношение судей при рассмотрении дела к вопросам морали, нравственности снижает воспитательное значение судебного процесса, не отвечает тем требованиям, которые предъявляются ныне к судебной деятельности. Каждый судебный процесс должен быть не только проведен в точном соответствии с законом, но и насыщен глубоким моральным содержанием. Этому способствуют те разъяснения, замечания, которые при необходимости делают судьи по ходу дела. Поэтому, не оспаривая в целом правильности мнения о недопустимости на суде отвлеченных рассуждений на нравственные темы, считаем, что нельзя впадать и в другую крайность: проводить судебный процесс формально, «без души». Умный вопрос, уместное замечание по поводу моральной стороны дела, кстати данное разъяснение закона, нравственной обязанности и т.п. делают судебный процесс более показательным, превращают его в школу коммунистического воспитания. Такой вывод находится в соответствии с действующим законодательством, которое, регламентируя права и обязанности председательствующего в судебном заседании, возлагает на него обязанность обеспечить воспитательное воздействие судебного процесса (ст. 244 УПК БССР). В соответствии со ст. 321 УПК БССР суд по материалам судебного разбирательства вправе обратить внимание общественных организаций и коллективов трудящихся на неправильное поведение отдельных граждан на производстве и в быту или на нарушение ими общественного долга. В отдельных

случаях не менее авторитетным и действенным может оказаться и непосредственное реагирование суда путем устного порицания и внушения. Однако в специальном законодательном закреплении указанного права суда нет необходимости.

Большое значение для обеспечения воспитательной эффективности гласного судебного процесса имеют судебные прения, в которых подводятся итоги судебному следствию, дается общественно-политическая и юридическая оценка дела, выявляются причины и условия, способствовавшие совершению преступления. Судебная аудитория подготавливается выступлениями участников судебных прений к правильному восприятию приговора, на нее оказывается значительное идеологическое воздействие.

Как правило, судебные прения открывает прокурор. Выступая от имени Советского государства, он сосредоточивает общественное внимание на борьбе с преступлениями. Речь прокурора в судебном заседании оказывает большое воспитательное воздействие на присутствующих, которое еще более повышается, когда государственный обвинитель заостряет внимание общественности на обстоятельствах, способствующих совершению преступления, призывает вести борьбу с такого рода явлениями, участвовать в предупреждении правонарушений.

Пора поставить под сомнение правильность точки зрения, что прокурор, произнося свою речь, обращается только к суду. Речь прокурора в судебном заседании – это ответственное выступление представителя государственного обвинения перед судом и присутствующими гражданами. Отсюда и требование, чтобы речь прокурора была доказательной, конкретной, построенной на фактах, проверенных и установленных в судебном заседании, и вместе с тем содержала «элементы публицистики, пропаганды советского законодательства и принципов советской морали и нравственности»¹.

Именно такой по содержанию являлась обвинительная речь прокурора Советского района г. Минска на судебном процессе по делу Богуша, который обвинялся в нанесении тяжких телесных повреждений рабочему Парамону.

Дело рассматривалось выездной сессией по месту работы обвиняемого и потерпевшего в помещении Дома культуры стройтреста № 1.

В судебном заседании была выявлена неприглядная картина преступления. Богуш нанес ранение ножом Парамону после выпивки, организованной на премиальные по предложению бригадира.

¹ М. Маляров. Речь государственного обвинителя. «Социалистическая законность», 1964, № 9, с. 25.

Государственный обвинитель ярко и глубоко вскрыл общественную опасность совершенного преступления, на конкретном примере показал вред пьянства, призвав присутствующих вести активную борьбу с этим злом. Обращаясь к присутствующим рабочим, он выразил надежду, что коллектив не пройдет мимо неправильного поведения бригадира и сделает соответствующие выводы.

Обоснованной и убедительной должна быть и речь защитника. В этом отношении требования, предъявляемые к речи защитника и обвинителя, одинаковы. Подвергая критической оценке доказательственный материал с точки зрения интересов подзащитного, обращая внимание суда на обстоятельства, говорящие в пользу подсудимого, защитник должен также помнить, что за его работой следят и к его голосу прислушиваются трудящиеся, присутствующие на судебном процессе.

Повышению воспитательного значения судебного рассмотрения уголовных дел, мобилизации трудящихся на борьбу с проявлениями пережитков прошлого содействуют выступления общественных обвинителей и общественных защитников.

К сожалению, как показывает практика, участие представителей общественности в судебном разбирательстве уголовных дел время от времени ослабевает. Во многих судах процент дел, рассмотренных с участием общественных обвинителей и защитников, невелик. В значительной мере наблюдаемое положение объясняется слабой пропагандой советских законов среди трудящихся, которые не имеют достаточно четкого представления об этих формах участия общественности в осуществлении правосудия. Работники суда, прокуратуры, члены коллегии адвокатов, наши ученые юристы призваны систематически заниматься разъяснением соответствующих законоположений среди населения, оказывать общественности помощь в активном использовании ее права выделять своих представителей для участия в судебном разбирательстве уголовных дел. Вместе с тем для более успешного и эффективного использования этой формы участия трудящихся в борьбе с преступностью было бы желательным установить в законе следующее правило. При положительном решении вопроса о проведении выездного судебного заседания или при подготовке к рассмотрению дела, имеющего особое общественное значение, судья должен уведомить соответствующие общественные организации и коллективы трудящихся об их праве выделить своего представителя для участия в судебном процессе в качестве общественного обвинителя или общественного защитника. Это обязывало бы их обсудить поставленный вопрос и принять то или другое

решение. В результате участие представителей общественности в судебном разбирательстве уголовных дел стало бы более активным и постоянным, способствуя тем самым укреплению связи органов правосудия с населением, усилению его воспитательной роли.

Огромное воспитательное и общественно-политическое значение имеет приговор суда. «Постановленный с соблюдением закона, на основе тщательного разбора доказательств по внутреннему убеждению судей, в соответствии с высокими принципами коммунистической морали, приговор содействует укреплению социалистической законности и социалистического правопорядка»¹.

Вынесение судебного приговора, подводящего итог рассмотрению дела в суде, составляет важнейший момент судебного заседания. Поэтому, если весь ход судебного процесса должен убедить присутствующих в правильности судебного приговора, то и, наоборот, вынесенный приговор должен логически вытекать из фактических обстоятельств, проверенных и установленных в процессе судебного разбирательства дела.

Это значит, что воспитательное значение судебного приговора во многом зависит от качества судебного процесса, а воспитательный эффект судебного процесса – от постановления правильного приговора. Действительно, как бы ни был хорошо подготовлен и проведен судебный процесс, его воспитательное значение утрачивается, если вынесенный приговор необоснован и определенное судом наказание не соответствует тяжести совершенного преступления.

Убедительность приговора обеспечивается и его мотивировкой, т.е. обоснованностью и аргументацией выводов суда, собранными и проверенными в судебном заседании доказательствами (ст. 43 Основ уголовного судопроизводства). Если присутствующие в зале судебного заседания встречают приговор суда с чувством удовлетворения, его воспитательное воздействие несомненно. На необходимость соответствия приговора советского суда общественному самосознанию, мнению масс, рабочих и крестьян, неоднократно указывал М.И. Калинин, видя в этом душу и силу нашего суда².

Актуален в наших условиях и вопрос о повышении культуры судебных процессов. Руководящие судебные органы страны заслуженно уделяют ему в последние годы так много внимания. Ведь

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924–1963. М., изд-во «Известия», 1964, с. 331.

² М.И. Калинин. О социалистической законности. М., изд-во «Известия», 1959, с. 87, 119 и др.

совершенно ясно, что, как бы убедительно и наглядно не был проведён процесс и как бы широко не была обеспечена его гласность, если в судебном заседании не будет надлежащего порядка и культуры, чёткости и дисциплины, на воспитательное воздействие судебного разбирательства рассчитывать не приходится.

Высокая культура – необходимая предпосылка законности, доброкачественности судебного рассмотрения дел. Культура требует уважения к закону, образцового порядка в работе, обоснованности судебных решений. Только при условии, что вся деятельность советского суда будет пронизана высокой социалистической культурой, он сможет выполнить задачу воспитания граждан в духе коммунистической нравственности.

Значительную роль в обеспечении высокой культуры судебного процесса играет внешняя обстановка судебного заседания. Все в суде должно свидетельствовать о важности осуществляемой им государственной функции. Судебный процесс должен быть торжественным, всем видом внушать присутствующим в зале суда уважение к суду. Нужно всегда помнить что «форма, процессуальность в судебном деле имеют огромное исключительное значение... Известная торжественность, известная обстановка, доказывающая, что суд есть носитель целого, имеет огромное значение»¹.

В отличие от буржуазного суда, обстановка которого рассчитана на внешний эффект, на внушение страха и трепета, советскому судебному процессу присуща внутренняя торжественность, вытекающая из задач и целей советского правосудия, его гуманизма и народности. Вместе с тем обстановка торжественности судебного заседания во многом зависит от судей, прокурора, адвоката, поведение которых должно быть пронизано чувством особой ответственности, сознанием долга, высокой культурой.

С воспитательной точки зрения немаловажное значение имеет так называемая обрядовая сторона ведения судебного процесса. Вставанием присутствующих граждан при входе суда в зал, при обращении к суду и даче показаний, а также выслушиванием приговора всеми стоя, включая состав суда (ст. 322 УПК БССР), подчеркивается уважение к советскому суду, к судебному приговору, выносимому от имени республики или Союза ССР.

Одновременно это дисциплинирует присутствующих, заставляет их почувствовать серьезность и важность происходящего в суде.

Строгая, деловая, официальная обстановка судебного процесса должна проявляться во всем облике судей и, в частности, в их

¹ М.И. Калинин. О социалистической законности. М., изд-во «Известия», 1959, с. 105.

одежде. И потому следует решительно высказаться за введение форменной одежды для судей в судебном заседании, что будет способствовать повышению авторитета суда и культуры в его работе, а следовательно, и усилению общественно-воспитательной эффективности судебной деятельности.

Заслуживает внимания предложение, высказанное М.Л. Якубом, о процедуре и форме разъяснения председательствующим в судебном заседании прав и обязанностей народным заседателям перед удалением их в совещательную комнату¹. Это не только содействовало бы повышению активности народных заседателей, но и положительно сказалось бы на воспитательной стороне судебного процесса. Не лишена смысла и постановка вопроса об изменении процедуры предупреждения свидетелей и потерпевших за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний. Вместо формального сухого порядка, слабо воздействующего на психологию свидетеля и присутствующих, можно было бы ввести торжественное обещание говорить суду только правду. Число таких предложений можно увеличить, однако и этого достаточно, чтобы показать, что еще имеются большие возможности для совершенствования обрядовой стороны нашего судебного процесса.

Культура и торжественность судебного заседания обеспечиваются и соответствующей внутренней обстановкой в помещении суда, его надлежащим оборудованием.

Таким образом, вопрос об условиях, влияющих на воспитательную функцию судебного разбирательства уголовных дел, – сложный и большой вопрос, нуждающийся в самостоятельной научной разработке. Однако главные из этих условий известны: это точное исполнение закона, глубокое исследование обстоятельств дела, высокая культура судебного процесса.

Осуществление принципа гласности в отдельных стадиях советского уголовного процесса

В системе советского уголовного процесса основной и решающей стадией является судебное разбирательство. В этой стадии на основе исследования всех фактических обстоятельств дела,

¹ М.Л. Якуб. О совершенствовании уголовно-процессуального законодательства. «Вестник Московского университета», серия X «Право», 1964, № 2, с. 16–17.

тщательной проверки доказательств делается окончательный вывод о виновности преданных суду лиц.

Из всех государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью, только суд может признать лицо виновным в совершении преступления и подвергнуть его уголовному наказанию (ст. 7 Основ уголовного судопроизводства).

В стадии судебного разбирательства находят наиболее последовательное осуществление все подлинно демократические принципы советского уголовного процесса. Широкое и полное выражение получает здесь и гласность. Это обусловлено тем, что именно в судебном разбирательстве осуществляется акт социалистического правосудия (ст. 4 Основ законодательства о судостроительстве). Именно на этой стадии производства по уголовному делу имеются наилучшие процессуальные условия для выполнения воспитательных задач. Показания живых людей, подлинные вещественные доказательства и т.п. создают перед присутствующими яркую и целостную картину совершенного преступления, вскрывают его общественную опасность. Такой порядок рассмотрения дела привлекает внимание судебной аудитории к самому процессу исследования дела, установлению всех его фактических обстоятельств; он дает возможность каждому присутствующему самостоятельно оценить все собранные по делу доказательства и определить свое отношение к предъявленному обвинению.

Принцип гласности свойственен и стадии кассационного производства, задачей которой является проверка законности и обоснованности не вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений.

Рассмотрение дел в порядке кассационного пересмотра происходит в открытом судебном заседании. Ограничение гласности в суде второй инстанции, как и в суде первой инстанции, допускается по мотивированному определению суда в случаях, указанных в законе (ст. 334 УПК РСФСР).

На необходимость строгого соблюдения принципа гласности при кассационном рассмотрении обращалось внимание в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1950 г. «Об устранении недостатков в работе судов по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке»¹.

¹ См. Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924–1963. М., изд-во «Известия», 1964, с. 341.

В литературе поставлен вопрос о расширении гласности в работе кассационных инстанций путем рассмотрения некоторых кассационных жалоб и протестов с выездом на места¹. Есть все основания поддержать это предложение. Рассмотрение кассационными инстанциями наиболее важных дел в выездных судебных заседаниях усилило бы связь суда с населением, повысило авторитет правосудия и закона. Воспитательное значение судебной деятельности от этого еще более бы возросло. Осуществляется принцип гласности и в последней, завершающей стадии советского уголовного процесса, сущность которой заключается в обращении судом приговоров к исполнению и разрешении процессуальных вопросов, связанных с их исполнением. Все вопросы, возникающие в ходе исполнения приговоров (об отсрочке и рассрочке исполнения приговора, о досрочном и условно-досрочном освобождении от наказания, замене неотбытой части наказания более мягким, освобождении от отбывания наказания по болезни, сокращении испытательного срока при условном осуждении и т.д.), разрешаются судом в судебном заседании с соблюдением общих положений уголовного судопроизводства и, в частности, гласности процесса. Заметим, однако, что из всех действующих УПК только УПК Литовской ССР (ст. 414) прямо указывает на рассмотрение вопросов, связанных с исполнением приговоров в открытом судебном заседании. В связи с этим представляется целесообразным уточнить редакцию ст. 377 УПК БССР и соответствующих статей УПК других союзных республик. Открытое судебное заседание по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговоров, повышает воспитательное значение решений суда, укрепляет уважение к советскому закону, расширяет общественный контроль за реализацией приговоров.

В целях усиления воспитательного воздействия таких судебных заседаний рассмотрение представлений об условно-досрочном освобождении Пленум Верховного суда СССР рекомендует производить, как правило, не в помещении суда, а по месту отбывания наказания осужденного в присутствии других осужденных, т.е. с выездом в исправительно-трудовые учреждения².

Проверяя выполнение судами республики постановления Пленума Верховного суда СССР № 2 от 4 марта 1961 г. «О судебной практике по условно-досрочному освобождению осужденных от

¹ Ф. Каменский. Заседает кассационная коллегия. «Социалистическая законность», 1964, № 4, с. 3–33; Перлов. Кассационное производство. М., 1968, с. 85.

² См. Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924–1963. М., изд-во «Известия», 1964, с. 212.

наказания», Пленум Верховного суда БССР отмечал, что некоторые суды не уделяют должного внимания вопросу повышения воспитательного воздействия судебных процессов на условно-досрочно освобожденных и других заключенных, находящихся в местах лишения свободы: дела рассматривают в кабинетах народных судей без вызова осужденных либо в исправительно-трудовых учреждениях, куда по одному вызываются лишь осужденные, представленные к условно-досрочному освобождению¹. Судам предлагалось улучшить организацию судебных процессов по рассмотрению материалов об условно-досрочном освобождении, с тем чтобы эти процессы оказывали воспитательное воздействие на осужденных.

Все это способствовало заметному улучшению качества судебного рассмотрения дел по условно-досрочному освобождению осужденных от наказания, повышению роли суда в исправлении и перевоспитании осужденных.

В юридической литературе справедливо отмечалось, что руководящие указания Пленума Верховного суда СССР об усилении воспитательной эффективности судебной деятельности по делам об условно-досрочном освобождении могут быть в полной мере отнесены и к рассмотрению дел о замене отбывания наказания в колонии тюремным заключением, об условном освобождении из мест лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления. Практика показывает, что именно так и понимают эти указания судебные работники.

Сложным является вопрос о пределах действия принципа гласности в стадии предварительного следствия. Несколько лет тому назад большинство советских процессуалистов склонялось к мысли, что гласность не свойственна названной стадии процесса и принципам предварительного следствия является нечто противоположное, а именно негласность, тайность следствия. В последние годы положение изменилось. Выступающие в печати, касаясь этого вопроса, как правило, подчеркивают, что негласность нельзя считать обязательным атрибутом, общим условием предварительного следствия, что «оно ведется в условиях ограниченной гласности»².

Изменение во взглядах процессуалистов по вопросу о действии принципа гласности в стадии предварительного следствия связано с дальнейшей демократизацией советского уголовного процесса,

¹ По материалам Верховного суда Белорусской ССР.

² Советский уголовный процесс. М., изд-во «Высшая школа», 1968, с. 58.

повышением воспитательного значения этой стадии процесса и роли общественности в борьбе с преступностью.

Решения XX и последующих съездов партии о ликвидации последствий культа личности и восстановлении ленинских принципов в партийной и государственной жизни способствовали развитию советской демократии и укреплению социалистической законности, повышению творческой инициативы масс.

В период развернутого строительства коммунизма участие общественности в борьбе с преступностью рассматривается как один из принципов уголовного судопроизводства. Это требование обращено и к органам предварительного следствия. В ст. 126 УПК БССР, формулирующей одно из условий производства предварительного следствия, говорится, что «производя расследование, следователь должен широко использовать помощь общественности для раскрытия преступлений и для розыска лиц, их совершивших, а также для выявления и устранения причин и условий, способствовавших совершению преступлений». Постоянная связь с общественностью позволила повысить качество предварительного расследования, сделать его еще более оперативным, всесторонним, объективным.

Следственной практикой уже накоплен значительный опыт привлечения общественности к расследованию преступлений. Определены формы ее участия в этой стадии уголовно-процессуальной деятельности (участие в обнаружении преступления и его пресечении; в установлении, розыске и задержании преступника; выявлении подозреваемых, свидетелей, потерпевших и других источников доказательств, в проведении некоторых следственных действий и т.д.). Привлечение общественности к расследованию преступлений требует известной гласности данных предварительного следствия, осведомления общественности в определенных пределах об обстоятельствах совершенного преступления, а иногда и личности виновного. Обращаясь за помощью к населению, следователи выступают с сообщениями на общих собраниях трудящихся, проводят беседы с активами рабочих, служащих, комсомольцев, формируют дружинников, иногда используют печать и радио.

Например, по делу о недостатке молочной продукции в Телеханском отделении Логишинского маслозавода (БССР) следователь, выступив на собрании рабочих, просил помочь в выяснении некоторых обстоятельств. Рабочие проявили большую активность и разоблачили одного из соучастников хищения, мастера Л., который помогал заведующему сепараторным отделением К. скрывать недостаток молочной продукции.

Необходимость в оглашении некоторых данных и результатов предварительного следствия вызывается иногда и тем, что совершенное преступление привлекает внимание широких кругов населения. Отсутствие правильных сведений о ходе расследования, с одной стороны, и повышенный интерес к делу, с другой стороны, порождают нелепые, не соответствующие действительности слухи. Во всех этих и других подобных случаях краткая информация трудящихся о ходе расследования бывает не только полезной, но и необходимой. Официальные сообщения следственных органов по уголовным делам помогают правильному формированию общественного мнения, повышают бдительность советских людей, мобилизуют общественность на активное участие в борьбе с преступностью.

Гласность обеспечивает воспитательное воздействие предварительного следствия, устанавливает контроль общественности за органами предварительного следствия, способствуя тем самым укреплению социалистической законности в их деятельности.

В марийском селе Чедроля покончил жизнь самоубийством 14-летний Музакир Хакимов после того как его избил председатель колхоза Степанов Н. за самовольное сенокосение на колхозном лугу. Моркинская районная прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела по факту смерти мальчика. В связи с этим в печати был поставлен вопрос о необходимости тщательной проверки правильности принятого решения. В результате дополнительной проверки постановление об отказе в возбуждении уголовного дела было отменено и проведенным расследованием установлено, что Степанов Н. допустил превышение власти. Впоследствии он был осужден к 5 годам лишения свободы¹.

Вместе с тем следует отметить, что гласность может и помешать расследованию, явиться тормозом в работе следователя. Хорошо осведомленные о ходе и направлении предварительного следствия, преступные элементы имеют возможность препятствовать раскрытию истины, принимать меры к уничтожению и фальсификации доказательств. Преждевременное оглашение данных предварительного следствия может привести и к ущемлению интересов заинтересованных лиц (потерпевших, обвиняемых, подозреваемых).

Нельзя игнорировать и психологическую сторону вопроса. Как справедливо пишет А.Р. Ратинов, решения и выводы в этой стадии процесса носят предварительный характер и их правильность должна быть проверена дальнейшим ходом уголовного судопроизводства. Между тем они «могут быть восприняты как бесспорно

¹ «Известия» 12 ноября 1966 г.

установленные факты. При этом возникает риск их внушающего влияния на формирование свидетельских показаний и общественного мнения, может быть нанесен незаслуженный ущерб репутации людей»¹.

Наконец, оглашение материалов предварительного следствия через печать без соблюдения необходимой осторожности, такта и объективности может дезориентировать общественное мнение, оказать нежелательное воздействие на суд, а в конечном итоге сказаться на законности и обоснованности приговора.

Поэтому законодатель устанавливает особый порядок оглашения данных предварительного следствия. Данные предварительного следствия могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя или прокурора и в том объеме, в каком они признают это возможным. В необходимых случаях следователь предупреждает свидетелей, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, понятых и других лиц, присутствующих при производстве следственных действий, о недопустимости разглашения без его разрешения данных предварительного следствия. У этих лиц отбирается подписка с предупреждением об ответственности по ст. 180 Уголовного кодекса (ст. 141 УПК БССР).

Следовательно, объем и формы реализации принципа гласности в стадии предварительного следствия определяют компетентные должностные лица (следователь и прокурор), несущие ответственность за результаты и качество расследования². Такой порядок обеспечивает интересы следствия и вместе с тем способствует тесному контакту следственных органов с общественностью, успешному выполнению задач уголовного судопроизводства.

Принцип гласности не присущ стадии предания суду. Это объясняется тем, что хотя эта стадия и имеет существенное значение в советском уголовном процессе, однако является промежуточной по своему характеру. Исследование доказательств здесь не производится, вопрос о доказанности преступления и виновности обвиняемого не решается, а проверяются лишь выводы следственной и прокурорской власти о достаточности оснований для рассмотрения дела по существу и подготавливаются условия для предстоящего

¹ А.Р. Ратинов. Судебная психология для следователей. М., 1967, с. 58.

² В связи с этим можно согласиться с предложением об уточнении заглавия ст. 139 УПК РСФСР (ст. 141 УПК БССР): вместо «Недопустимость разглашения данных предварительного следствия» назвать «Условия разглашения (лучше – оглашения. И. М.) данных предварительного следствия» (см.: Ю.А. Иванов. Некоторые вопросы дальнейшего совершенствования советского уголовно-процессуального законодательства. «Вестник МГУ», Право, 1967, № 4, с. 29–30).

судебного разбирательства. Основная задача этой стадии процесса состоит в том, чтобы предотвращать постановку на судебное рассмотрение недоброкачественно расследованных дел, чтобы гарантировать привлеченных в качестве обвиняемых лиц от необоснованного предания суду. Эта задача решается судьей единолично, а в случае его несогласия с выводами обвинительного заключения, а также необходимости изменить меру пресечения обвиняемому – в закрытом распорядительном заседании суда. Таким образом, при действующем порядке предания суду распространение указанного принципа на эту стадию процесса не вызывается никакой необходимостью, а сама постановка такого вопроса была бы надуманной и несерьезной.

Не находит осуществления принцип гласности и в стадиях надзорного производства и пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам, которые являются исключительными по своему характеру.

Суд, рассматривающий дело в порядке судебного надзора или по вновь открывшимся обстоятельствам, имеет право в необходимых случаях вызвать в судебное заседание осужденного (ст. 386 УПК БССР), или его защитника, или законного представителя. Эти правила процессуального законодательства являются важной гарантией всесторонней проверки вступивших в законную силу судебных актов, прав и законных интересов участвующих в процессе лиц.

В настоящее время, как и до принятия новых законов, в литературе проводится мнение о распространении общих принципов процесса на надзорное производство и стадию возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам¹.

Действительно, исключительность этих стадий проявляется не в отступлении от демократических принципов процесса, а в особенностях порядка возбуждения и предмета пересмотра этих производств.

Проверка приговоров, вступивших в законную силу, – формы осуществления правосудия. Исключительность этих форм рассмотрения дел требует еще больших процессуальных гарантий, т.к. под сомнение ставится правильность уже вступивших в силу

¹ В.И. Шинд. Некоторые вопросы пересмотра приговоров и определений, вступивших в законную силу. Ученые записки ВИЮН. Госюриздат, 1959, вып. 10, с. 100–102; Б.С. Тертин. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам. М., 1959, с. 101–104; М.Л. Якуб. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М., 1960, с. 79; Я.С. Аврах. Некоторые вопросы демократизации правосудия и повышения воспитательной роли суда в свете решений XXII съезда КПСС. Ученые записки Казанского гос. ун-та. Казань, 1962, т. 122, кн. 1, с. 99.

судебных решений. И ошибка надзорной инстанции, как и инстанции, решающей вопрос о возобновлении дела, не только колеблет стабильность судебных приговоров, но и подрывает их моральную силу, а вместе с тем и уважение к суду.

Гласное рассмотрение дел в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам поставило бы деятельность этих инстанций под общественный контроль, повысило бы их авторитет среди населения. Судебные заседания этих судебных инстанций имели бы, несомненно, и воспитательное значение, укрепляя у присутствующих чувство веры в торжество истины, справедливости в советском суде, уважения к советскому закону.

Шире бы освещалась деятельность инстанций, проверяющих правильность вступивших в законную силу решений, в печати. Тогда не создавалось бы такого ненормального положения, когда факт осуждения гражданина посредством печати может быть доведен до сведения миллионов граждан, а факт последующей отмены обвинительного приговора и прекращения дела, т.е. реабилитации ранее осужденного, остается достоянием значительно меньшего круга лиц¹. Орган печати, опубликовавший материалы судебного процесса или сообщение об осуждении тех или других лиц, имел бы возможность проследить за всем ходом производства по данному делу и в случае необходимости осведомить читателей об имевшей место судебной ошибке или, наоборот, об оставлении вынесенного приговора или решения высшими судебными инстанциями без изменений.

Исключение из этого принципа следовало бы предусмотреть только для высших судебных надзорных инстанций (Президиума и Пленума Верховного суда союзной республики и Пленума Верховного суда СССР), учитывая их широкий количественный состав и особую сложность решаемых вопросов.

Проверка приговоров в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам в открытом судебном заседании не потребует перестройки работы этих инстанций, т.к. процессуальный порядок проверки вступивших в законную силу судебных решений принципиально ничем не отличается от кассационного их пересмотра².

¹ См.: Т.Н. Добровольская. К вопросу о возмещении вреда, причиненного необоснованным привлечением к уголовной ответственности и осуждением (Ученые записки ВЮИОН. М., Госюриздат, 1959, с. 189).

² Разумеется, что при этом имеется в виду самая общая процедура указанных производств (рассмотрение дел судьями-профессионалами с обязательным участием прокурора, а в некоторых случаях с вызовом осужденного или оправданного и их защитников, заслушивание объяснений участвующих в заседании лиц и др.).

Гласное рассмотрение дел в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам делает лишь необходимым во всех случаях своевременно извещать заинтересованных лиц (осужденного или оправданного, их защитников, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей) о времени рассмотрения в суде принесенного протеста или разрешения судом вопроса о возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам и допуске их в случае явки к даче объяснений. А это, в свою очередь, явилось бы дальнейшим расширением прав участников процесса, совершенствованием советского судопроизводства.

Случаи возможного рассмотрения уголовных дел в закрытом судебном заседании

Как видно из сказанного, в деятельности советского суда принцип гласности находит полное и последовательное выражение. Однако это не означает, что в советском уголовном процессе нет исключений из этого принципа. Бывают дела, негласное рассмотрение которых необходимо в интересах государства, участвующих в процессе лиц, в воспитательных целях и наиболее успешного раскрытия истины по делу.

Допускаемые в советском суде ограничения гласности процесса отличаются характерными особенностями. В соответствии со ст. 111 Конституции СССР эти ограничения носят исключительный характер, иначе говоря, проведение закрытых судебных заседаний возможно только в случаях, указанных в законе.

Нарушение принципа открытого судебного рассмотрения дел, т.е. удаление присутствующих граждан из зала суда в непредусмотренных законом случаях, является безусловным кассационным поводом к отмене приговора по делу (ст. 370 п. 9 УПК УССР)¹.

Особенностью ограничения гласности судебного разбирательства в советском уголовном процессе является и то, что оно

¹ УПК БССР (ст. 353) и УПК всех других союзных республик хотя прямо не указывают нарушение гласности судопроизводства в числе оснований, влекущих обязательную отмену приговора в кассационном порядке, тем не менее оно рассматривается как существенное нарушение уголовно-процессуального закона, поскольку затрагивает конституционные основы правосудия.

не касается участников процесса, присутствие которых на суде обязательно, и не распространяется на заключительную часть судебного разбирательства – оглашение приговора.

Приговоры судов во всех случаях провозглашаются публично (ст. 12 Основ уголовного судопроизводства). Вне зависимости от того, в открытом или закрытом судебном заседании рассматривалось дело, суд обязан ознакомить общественность с итогами, результатами судебного разбирательства.

Полной, неограниченной гласностью судебного приговора обеспечивается во всех без исключения случаях выполнение судом его воспитательных задач, контроль трудящихся за судебной деятельностью.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство дает четкий и исчерпывающий ответ на вопрос о том, в каких случаях возможно закрытое судебное разбирательство.

Статья 12 Основ уголовного судопроизводства гласит: «Разбирательство дел во всех судах открытое, за исключением случаев, когда это противоречит интересам охраны государственной тайны.

Закрытое судебное разбирательство, кроме того, допускается по мотивированному определению суда по делам о преступлениях лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, по делам о половых преступлениях, а также по другим делам в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц».

Из этого следует, что ограничение гласности судебного разбирательства возможно лишь в следующих случаях:

- 1) если необходимо сохранить государственную тайну;
- 2) по делам о преступлениях лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста;
- 3) по делам о половых преступлениях;
- 4) по другим делам в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц.

Процессуальное значение оснований для рассмотрения дела в закрытом судебном заседании неодинаково.

Если открытое судебное разбирательство противоречит интересам охраны государственной тайны, суд обязан рассмотреть дело в закрытом судебном заседании. Во всех остальных указанных в законе случаях суд вправе, но не обязан ограничить гласность процесса. При решении вопроса о том, в открытом или закрытом судебном заседании рассматривать дело, суд учитывает конкретные обстоятельства.

Остановимся на каждом из случаев возможного рассмотрения дела в закрытом судебном заседании и попытаемся проанализировать

мотивы, положенные законодателем в основу допускаемых ограничений гласности судопроизводства.

Удаление публики из зала судебного заседания, когда затрагиваются вопросы государственной тайны, диктуется интересами внешней безопасности СССР. Переход в руки иностранных разведок сведений, являющихся государственной тайной, может причинить огромный ущерб военной мощи СССР, боеспособности его вооруженных сил.

Поэтому политическая бдительность, строгое сохранение государственной тайны – первейшая обязанность каждого советского гражданина. Советский закон объявляет тяжким преступлением разглашение сведений, составляющих государственную тайну, лицами, которым были доверены эти сведения или которые могли их получить в силу своего служебного положения, а также устанавливает ответственность за утрату документов, содержащих государственную тайну (ст. 72 и ст. 73 УК БССР).

Задачей советского суда является всемерная охрана государственной тайны, воспитание трудящихся в духе бдительности. Естественно, что и в своей деятельности суд также должен принимать меры к сохранению секретных сведений, которые могут быть использованы разведывательными органами империалистических государств. Поэтому во всех случаях выяснения обстоятельств, затрагивающих вопросы государственной тайны, суд должен удалять публику из зала суда. К сведениям, составляющим государственную тайну, относятся данные военного, экономического и иного характера, которые Советское правительство считает необходимым охранять в государственных интересах. Перечень указанных сведений утверждается Советом Министров СССР. Этим перечнем и должен руководствоваться суд, решая вопрос о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании.

По совершенно иным соображениям допускается ограничение гласности процесса по делам о преступлениях несовершеннолетних, по делам о половых преступлениях, а также по другим делам, по которым возникает опасность разглашения сугубо личных сторон жизни участвующих в деле граждан.

Возможность проведения закрытого судебного заседания по делам о преступлениях лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, предусмотрена советским процессуальным законодательством впервые.

Это разумное и полезное правило выдвинуто самой жизнью, проникнуто заботой о правильном воспитании подрастающего поколения. Никто не может отрицать воспитательного значения

открытых судебных процессов по такого рода делам, в особенности для родителей, педагогов, а также всех других лиц, присутствующих в зале суда. Но при решении вопроса о слушании дела в открытом или закрытом судебном заседании нельзя не учитывать особенностей психики несовершеннолетних, их недостаточную социальную зрелость и малый жизненный опыт.

Несовершеннолетние, особенно в переходном возрасте (до 16 лет), отличаются крайней возбудимостью, неустойчивостью, неуравновешенностью, глубокой впечатлительностью, отсутствием надлежащего критического отношения к окружающим явлениям. Это обязывает суд с особой заботой и бережливостью относиться к несовершеннолетним, устранить все, что может привести к вредному влиянию на них. Публичное слушание дела может иногда не только оказать отрицательное воздействие на психику несовершеннолетних, в особенности малолетних, но и помешать раскрытию истины по делу.

В присутствии многолюдной аудитории несовершеннолетние участники процесса бывают особенно склонны к фантазированию, преувеличивая свою роль и значение совершенного или, наоборот, стесняясь взрослой публики и знакомых, ограничиваются краткими односложными ответами. И в том и в другом случае затрундняется установление фактических обстоятельств дела, выяснение действительного положения вещей.

Таким образом, хотя общее правило о гласности процесса сохраняет свою силу при судебном разбирательстве дел о преступлениях несовершеннолетних, однако допускаемая возможность рассмотрения этих дел в закрытом судебном заседании требует постоянного внимания к вопросу суда. Каждый раз при судебном рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних суд со всей тщательностью должен обсудить вопрос о гласности судебного процесса.

Практика показывает, что чаще всего в закрытом судебном заседании рассматриваются дела о половых преступлениях. Это наиболее распространенные случаи ограничения гласности судопроизводства.

Дела о половых преступлениях (изнасилование; побуждение женщины к вступлению в половую связь; половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, развратные действия; мужеложство (ст. 115–119 УК БССР)) касаются глубоко интимной жизни граждан – сферы их половых отношений.

Отрицательным последствием открытого судебного рассмотрения дел о половых преступлениях является то, что гласный процесс приводит к публичной огласке обстоятельств, касающихся

интимной стороны жизни участвующих в деле лиц (потерпевшего, свидетеля и др.). Последнее же не только противоречит закону, охраняющему интимную жизнь советских граждан от излишней огласки (ст. 128 Конституции СССР), но и в некоторых случаях вызывает затруднения в установлении истины по делу. Участвующие в судебном процессе лица, в частности потерпевший, подсудимый, боясь огласить интимные стороны своей жизни или жизни близких им людей, могут при даче показаний умолчать о существенных для дела обстоятельствах.

Иногда публичное слушание дел о половых преступлениях нецелесообразно и по соображениям воспитательного характера, т.к. противоречило бы нравственным устоям нашего общества. Цель публичного разбирательства в советском суде – внедрение в сознание широких масс трудящихся высоких принципов коммунистической морали, и в тех случаях, когда возникает опасность проявления нездорового любопытства, нежелательного воздействия на общественную нравственность, необходимо проведение закрытого судебного заседания.

Наконец, при решении вопроса о гласности судебного рассмотрения дел о половых преступлениях следует учитывать еще одно обстоятельство. Рассмотрение этой категории дел неизбежно связано с тяжелыми моральными переживаниями для потерпевшей стороны, с болезненным обострением чувства стыдливости, особенно у женщин. Понятно, что все это еще более усугубляется при слушании дела в присутствии граждан, среди которых могут быть знакомые, друзья, товарищи по работе.

Это не значит, конечно, что суд полностью отказывается от использования гласности процесса по указанной категории дел. Иногда их открытое судебное рассмотрение полезно, может оказать положительное влияние на формирование правильных взглядов на половые отношения, воспитывать граждан в духе уважения к женщине.

В судебной практике немало примеров публичного рассмотрения дел о половых преступлениях.

Народный суд Октябрьского района г. Минска в открытом судебном заседании рассмотрел уголовное дело по обвинению М. в покушении на изнасилование И. (ст. 15, 115, ч. I УК БССР).

Работая преподавателем физкультуры одной из школ города, М. вызвал И. в спорткабинет якобы для сдачи взятых ею коньков. Закрыв кабинет на замок, М. начал уговаривать И. вступить с ним в половую связь, а затем путем применения физической силы пытался овладеть ею. Потерпевшая, спасаясь, выпрыгнула со второго этажа школы и получила от падения тяжкие телесные повреждения.

Защитник М. в подготовительной части судебного заседания заявил ходатайство о слушании дела в закрытом судебном заседании. Ходатайство не было поддержано другими участниками процесса. В частности, против заявленного ходатайства выступил прокурор. Суд решил рассматривать дело в открытом судебном заседании. Судебный процесс привлек внимание общественности и имел, несомненно, воспитательное значение.

Этим же народным судом в открытом судебном заседании было рассмотрено уголовное дело по обвинению Р. в покушении на изнасилование Ф. Дело слушалось без участия прокурора и защитника. Ни подсудимый, ни потерпевшая не заявили ходатайства о негласном судебном разбирательстве. Суд счел возможным рассмотреть это дело в присутствии граждан, пришедших в зал судебного заседания¹.

Другое дело, когда речь идет о гласности по делам о половых преступлениях несовершеннолетних или в отношении несовершеннолетних. Здесь суд сталкивается с необходимостью выяснения щепетильных вопросов у несовершеннолетних, а порою у малолетних. От судей и других участников процесса требуется большой такт и умение выяснить все, что требуется для правильного решения дела, не причиняя несовершеннолетним моральных переживаний, не привлекая излишне их внимания к физиологической стороне половых отношений. Этому способствует обстановка некоторой непринужденности, полуофициальности. Создание такой атмосферы весьма затруднительно (а можно сказать, и невозможно) в присутствии публики. Вследствие чего дела о половых преступлениях несовершеннолетних или в отношении несовершеннолетних рассматриваются в закрытом судебном заседании. Так складывается и судебная практика.

Обстоятельства интимной жизни граждан могут иногда затрагиваться судом при рассмотрении других, самых разнообразных категорий дел. Чаще всего суд встречается с этим по делам о незаконном производстве аборта, о заражении венерической болезнью. Бывают случаи выяснения интимной стороны жизни граждан и по другим делам, как, например, о хулиганстве, хищении, злоупотреблении служебным положением и т.д.

Необходимость в удалении публики из зала судебного заседания на время проведения отдельного судебного действия возникла, например, при рассмотрении в одном из народных судов г. Минска уголовного дела по обвинению Резенкова и Балихина в хищении государственного имущества.

¹ Архив Октябрьского районного народного суда г. Минска за 1963 год.

Предварительно сговорившись между собой, подсудимые, взломав стену склада кирпичного завода № 2, похитили простыни, полотенца, белье и другое имущество. Балихин виновным себя признал полностью и показал, что действительно, будучи в нетрезвом состоянии, он совместно с Резенковым совершил хищение. Последний же категорически отрицал свою вину и ссылался на свое алиби, т.е. на то, что эту ночь он провел в общежитии со своей знакомой Г. Свидетель Г., стесняясь присутствующей публики, среди которой были ее подруги и жена Резенкова, ничего вразумительного не могла сказать. Для выяснения имеющего значение для дела обстоятельство допрос свидетельницы Г. был проведен в закрытом судебном заседании.

Вопрос о процессуальном порядке и пределах ограничения гласности судопроизводства не получил достаточно полной и прямой регламентации в Основах уголовного судопроизводства и УПК союзных республик. Однако анализ общих правил и других норм процессуального закона, а также сложившейся практики позволяет ответить на все основные вопросы, связанные с проведением закрытого судебного заседания.

Поскольку в соответствии со ст. 12 Основ уголовного судопроизводства закрытое судебное разбирательство допускается только по мотивированному определению суда, судья не вправе принимать по этому вопросу единоличное решение. Вопрос о слушании дела в закрытом судебном заседании может быть решен судом как в распорядительном, так и судебном заседании. Так решается этот вопрос в УПК БССР (ст. 230) и УПК большинства союзных республик¹. По УПК РСФСР (ст. 228) и некоторых других союзных республик этот вопрос судья вправе решать единолично. В литературе последнему положению отдается предпочтение по тем мотивам, что внесение судьей дела в распорядительное заседание только для решения такого вопроса едва ли целесообразно и не соответствует ст. 36 Основ уголовного судопроизводства². Между тем единоличное решение вопроса о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании прямо противоречит общесоюзному закону (ст. 12 Основ). Хорошо понимая это, авторы указанной точки зрения считают необходимым после открытия судебного заседания вновь вернуться к обсуждению этого вопроса и вынести специальное постановление. С таким выводом трудно согласиться.

¹ Статья 222 УПК Армянской ССР, ст. 227 УПК Латвийской ССР, ст. 250 УПК Литовской ССР, ст. 199 УПК Молдавской ССР, ст. 299 УПК Таджикской ССР, ст. 240 УПК Туркменской ССР, ст. 219 УПК Узбекской ССР и ст. 192 УПК Эстонской ССР.

² И.М. Гальперин, В.З. Лукашевич. Предание суду. М., изд-во «Юридическая литература», 1965, с. 148.

Принятие такого рода решения в распорядительном заседании не противоречит и ст. 36 Основ уголовного судопроизводства, поскольку данный вопрос входит в число вопросов, разрешаемых в стадии предания суду. Как правило, его обсуждение происходит одновременно с другими вопросами, связанными с подготовкой дела к предстоящему судебному разбирательству. Однако если возникнет необходимость разрешить вопрос о слушании дела в закрытом судебном заседании отдельно, это соответствует закону и не усложнит, а, напротив, упростит и ускорит процесс, т.к. отпадет необходимость в повторном его обсуждении в судебном заседании.

Рассмотрение дела в закрытом судебном заседании может быть проведено как по инициативе суда, так и по ходатайству участников процесса.

Право любого участника процесса заявить ходатайство об удалении публики из зала суда вытекает из закрепленного в законе положения о равенстве прав участников судебного разбирательства (ст. 38 Основ уголовного судопроизводства). Возбужденное обвинителем, подсудимым, защитником, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком или их представителями ходатайство не является обязательным для суда. Однако суд, выслушав мнение остальных участников судебного разбирательства, должен обсудить и разрешить его. В случае отказа в удовлетворении ходатайства суд по общему правилу обязан вынести мотивированное определение (ст. 276 УПК РСФСР).

Закрытое судебное разбирательство по делам о преступлениях лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, по делам о половых преступлениях, а также по другим делам в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц допускается законом только по мотивированному определению суда. Предварительно заслушав мнение участников процесса, суд удаляется в совещательную комнату, где и решает вопрос о порядке разбирательства дела. Мотивы ограничения гласности судебного разбирательства излагаются в определении суда, которое публично оглашается.

Нельзя не согласиться с мнением составителей Научно-практического комментария к Основам уголовного судопроизводства, что и в тех случаях, когда суд выносит определение о проведении закрытого судебного разбирательства в целях охраны государственной тайны, оно также должно быть мотивировано¹. Мотивировка

¹ Научно-практический комментарий к Основам уголовного судопроизводства. М., Юриздат, 1960, с. 68.

решения об удалении публики из зала судебного заседания обеспечивает его убедительность, позволяет вышестоящему суду проверить его законность и обоснованность.

Заслуживает внимания в этом смысле ст. 226 УПК Узбекской ССР, в которой прямо предусмотрено вынесение в совещательной комнате мотивированного определения во всех случаях рассмотрения дела в закрытом заседании.

По вопросу о пределах ограничения гласности судебного разбирательства действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит одно общее указание об обязательном (безусловном) оглашении приговора суда. Кроме того, УПК Узбекской ССР (ст. 226) установлено, что для обеспечения в судебном заседании сохранения государственной тайны и неразглашения обстоятельств интимной жизни участников процесса возможно удаление публики из зала судебного заседания на все время судебного разбирательства или на время производства отдельных судебных действий.

Исходя из воспитательной задачи советского правосудия и исключительного характера ограничений принципа открытого судебного разбирательства, суд должен стремиться к максимальному сужению рамок негласного рассмотрения дела.

В ряде случаев для ограждения от разглашения государственной тайны и интимной жизни участвующих в деле лиц достаточно удаления публики из зала суда только на часть судебного разбирательства, т.е. на время производства отдельных процессуальных действий (допроса подсудимого, потерпевшего, оглашения документа и т.д.). Так, Военная коллегия Верховного суда СССР, рассматривая уголовное дело агента английской и американской разведок Пеньковского О.В. и шпиона-связника Винна Г.М. в течение пяти дней (с 7 по 11 мая 1963 г.) по ходатайству прокурора провела только одно закрытое судебное заседание (9 мая). На этом заседании были рассмотрены вопросы, связанные с характером и содержанием сведений, составлявших государственную тайну. Суд допросил двух свидетелей, заслушал заключения экспертов о степени секретности сведений, собранных и переданных подсудимыми иностранным разведкам¹.

Следует отметить, что на практике суды не всегда так внимательно и вдумчиво подходят к определению пределов гласности судебного разбирательства при наличии оснований для проведения

¹ См.: Судебный процесс по уголовному делу агента английской и американской разведок гражданина СССР Пеньковского О.В. и шпиона-связника, подданного Великобритании Винна Г.М. М., Политиздат, 1963, с. 115, 199.

закрытого судебного заседания. Встречаются случаи, когда публика удалается на все время судебного заседания, хотя, правильно установив последовательность исследования доказательств, можно было бы ограничиться проведением только некоторых судебных действий в закрытом судебном заседании. На эту сторону осуществления принципа гласности должно больше обращать внимания при проверке законности и обоснованности приговоров в кассационном и надзорном порядке.

Как уже отмечалось, ограничение гласности в стадии судебного разбирательства не имеет отношения к участникам процесса.

Присутствие подсудимого, защитника, потерпевшего и других участников процессуальной деятельности и их представителей при рассмотрении дела в закрытом судебном заседании является необходимой предпосылкой для осуществления предоставленных им законом прав на активное участие в судебном разбирательстве. Каждый из них не только может присутствовать в закрытом судебном заседании, но и должен быть полностью осведомлен о действиях суда и всех участвующих в деле лиц в случае удаления из зала суда по определению последнего.

Из зала судебного заседания, в том числе при закрытом судебном разбирательстве, участники процесса могут быть удалены только в случаях и порядке, прямо предусмотренных процессуальным законом.

Подсудимый, гражданский истец, гражданский ответчик, потерпевший и их представители, эксперт и переводчик могут быть удалены из зала заседания в случае нарушения ими порядка в судебном заседании или неподчинения распоряжениям председательствующего. При этом подсудимый должен быть предварительно предупрежден председательствующим о том, что при повторном нарушении порядка он будет удален из зала суда, а судебное разбирательство будет продолжаться в его отсутствие (ст. 263 УПК БССР).

Удаление подсудимого может быть вызвано и при необходимости допроса в его отсутствие другого подсудимого (ст. 281 УПК БССР) или допроса несовершеннолетнего свидетеля (ст. 288 УПК БССР), потерпевшего (ст. 290 УПК БССР). Суд вправе также, выслушав мнение защитника и законного представителя подсудимого и заключение прокурора, удалить несовершеннолетнего подсудимого из зала судебного заседания на время исследования обстоятельств, могущих отрицательно повлиять на несовершеннолетнего. Наконец, в исключительных случаях, когда участие в судебном заседании законного представителя может нанести

ущерб интересам несовершеннолетнего обвиняемого, суд может либо полностью устранить законного представителя от участия в судебном заседании, либо ограничить его участие в той или иной части судебного заседания (ст. 282 УПК БССР)¹.

Во всех случаях удаление участников процесса, а также эксперта и переводчика из зала судебного заседания может иметь место только по определению, а иногда и по мотивированному определению (ст. 399 УПК РСФСР, ст. 300 УПК УССР) суда. Остальные лица, присутствующие в зале судебного заседания, могут быть удалены за нарушение порядка в суде единоличным распоряжением председательствующего. По тактическим соображениям, в целях обеспечения наибольшей достоверности показаний из зала судебного заседания до допроса удаляются свидетели (ст. 271 УПК БССР). Следует подчеркнуть, что, как правило, все участники процесса, включая их представителей, а также законных представителей несовершеннолетнего обвиняемого и вызванных в судебное заседание представителей учебно-воспитательных учреждений и общественных организаций, присутствуют в закрытом судебном заседании на протяжении всего судебного разбирательства и активно участвуют в рассмотрении дела.

Заслуживает обсуждения, по нашему мнению, вопрос о праве таких участников процесса, как подсудимый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, ходатайствовать перед судом о разрешении присутствовать при рассмотрении дела в закрытом судебном заседании их супругам, родителям, близким родственникам.

Безусловно, это не должно касаться дел, непубличное рассмотрение которых вызвано необходимостью охраны от разглашения сведений, составляющих государственную тайну. Здесь присутствие посторонних недопустимо.

По всем другим уголовным делам, рассмотрение которых проводится в закрытом судебном заседании, имеются лица, которые проявляют обоснованный интерес к делу (супруги, родители, близкие родственники подсудимого, потерпевшего, гражданского ответчика или гражданского истца), и их присутствие в судебном заседании бывает желательным для некоторых участников процесса. Понятно, что речь не идет о лицах, которые являются участниками процесса: выступают, например, в качестве представителя потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или законного представителя несовершеннолетнего подсудимого.

¹ В УПК некоторых союзных республик (УССР, Узбекской ССР, Казахской ССР, Грузинской ССР, Армянской ССР и др.) норм, содержащихся в ст. 282 УПК БССР, не имеется.

Нам представляется, что следует учитывать оправданный интерес к делу супругов, родителей, близких родственников и желание участников процесса и предоставить последним право возбуждать перед судом ходатайство о допуске указанных ими лиц в зал судебного заседания при непубличном рассмотрении дела. Суд же, исходя из интересов правильного и объективного рассмотрения дела, вправе удовлетворить или отказать в заявленном ходатайстве.

Кроме того, суду должно быть предоставлено право и по собственному усмотрению разрешать присутствовать в закрытом судебном заседании некоторым лицам, например представителям печати, студентам-юристам – стажерам и практикантам, некоторым должностным, научным и общественным работникам, другим судьям и юристам. При этом нет надобности определять общее число лиц, которые могут быть допущены на закрытое судебное разбирательство. Состав суда в состоянии решить этот вопрос самостоятельно, исходя из конкретной обстановки и обстоятельства рассматриваемого дела.

Предлагаю расширить круг лиц, допускаемых на закрытые судебные заседания, считаем, что это гуманное и целесообразное правило будет не только отвечать интересам граждан и запросам жизни, но и еще в большей степени ограничит негласность закрытых судебных заседаний.

Обращает на себя внимание и опыт некоторых зарубежных социалистических стран (Польша, Чехословакия, Югославия и др.), в процессуальном законодательстве которых содержатся правила о допуске доверенных лиц обвиняемого и обвинителя в зал судебного заседания при закрытом судебном рассмотрении дела¹.

Наконец, последний вопрос о присутствии в закрытом судебном заседании допрошенных свидетелей. Как известно, по тактическим соображениям, в целях обеспечения наибольшей достоверности показаний свидетелей последние до начала их допроса удаляются из зала судебного заседания. Председательствующий принимает меры к тому, чтобы допрошенные свидетели не общались с недопрошенными свидетелями (ст. 271 УПК БССР). Допрошенные свидетели остаются в зале заседания и не могут удаляться до окончания судебного следствия без разрешения суда (ст. 286 УПК БССР). В случае необходимости они могут быть передпрошены или дополнительно допрошены по возникшим в ходе дальнейшего разбирательства вопросам.

¹ Уголовно-процессуальное законодательство зарубежных социалистических государств. М., Госюриздат, 1956, с. 350, 352, 632.

При рассмотрении дела в закрытом судебном заседании, как показывает практика, названный вопрос решается судом с учетом мнения участников процесса, исходя из интересов охраны государственной тайны, интимной жизни граждан, обеспечения полного и всестороннего исследования обстоятельств дела и ответственности показаний свидетеля. В одних случаях свидетели после их допроса присутствуют в зале заседания, в других – разрешается покинуть помещение суда.

Настоящий этап коммунистического строительства в нашей стране отмечается дальнейшим усилением идеологической воспитательной работы. Соответственно возрастает и роль советского суда в формировании сознания советского человека – активного строителя коммунизма, в воспитании трудящихся в духе высокой идейности и преданности идеалам марксизма-ленинизма, коммунистического отношения к труду, общественному хозяйству и своим гражданским обязанностям.

Необходимым условием выполнения судом его воспитательной роли является гласность судебного разбирательства. Гласным проведением судебных процессов обеспечивается народный контроль за работой суда и следственных органов. Принцип гласности – одна из гарантий законности и объективности судебного разбирательства, охраны прав и законных интересов участвующих в процессе лиц, важное средство предупреждения преступности и широкого привлечения общественности к участию в борьбе с правонарушениями, за полное торжество в нашей стране высоких принципов коммунистической нравственности. Отсюда необходимость постоянного повышения воспитательной эффективности открытых судебных процессов, расширения и укрепления гласности судопроизводства.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СУДЫ БССР В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

*Публикуется по книге:
Мартинович, И.И. Общественные суды БССР
в социалистическом строительстве / И.И. Мартинович. –
Минск : Выш. школа, 1978. – 112 с.*

Предисловие

В борьбе за утверждение в нашей стране социалистического правопорядка и коммунистической нравственности видное место отводится товарищеским судам.

Наличие в условиях политической организации социалистического общества государственных и общественных судов – примечательная особенность советской демократии, истинного народовластия.

Товарищеские суды – одна из форм коммунистического воспитания трудящихся, их участия в управлении общественными делами, проявления социальной активности и инициативы масс. Поддержанные и узаконенные государственной властью, они готовят также организационные предпосылки для коммунистического самоуправления.

Литература о товарищеских судах сравнительно обширна. Им уделяют внимание известные советские юристы: К.С. Юдельсон, Е.И. Филишов, И.Б. Михайловская, Г.Н. Агеева, А.Д. Бойков, И.М. Гальперин, В.И. Кригер, Н.А. Носкова, В.П. Воложанин, П.И. Икорский и многие другие. В разработку этой проблемы вносят вклад философы, социологи, историки. Однако многие ее аспекты нуждаются в дальнейшем исследовании. Недостаточно изучена еще история общественных судов и, в частности, развитие их в Белоруссии. В научно-популярных брошюрах и статьях эта проблема освещена фрагментарно¹. Между тем, как подчеркивал В.И. Ленин, ко всякому вопросу «можно солидно, с уверенностью подойти, лишь бросив исторический взгляд на все развитие его в целом»². «Мы воспринимаем прошлое как богатейший резервуар опыта, как материал для раздумий, для критического анализа собственных решений и действий. Мы черпаем из прошлого вдохновение для нынешних и грядущих дел»³, – говорил на XVI съезде профсоюзов СССР Л.И. Брежнев.

Изучение истории общественных судов представляет не только познавательный интерес. Это дает возможность выявить и определенные закономерности социального развития в сфере участия общественности в борьбе с правонарушениями, воспитании коммунистической сознательности. Оно помогает использовать опыт

¹ См.: Аргаў Х.А. Таварыскія суды. Мінск, 1930; Юрашкевіч А.Н. Работа і задачы сельскіх грамадскіх судаў. Мінск, 1933; Бабицкий Б.Е. Товарищеские суды. Минск, 1961; Хвастоў А.М. Таварыскія суды. Мінск, 1972; Товарищеские суды. Минск, 1977.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 68.

³ «Правда», 22 марта 1977 г.

прошлого для совершенствования организации и деятельности этих судов на современном этапе строительства коммунизма, прогнозировать их перспективу.

Актуальность теоретической разработки названной проблемы особенно очевидна в свете поставленной XXV съездом партии задачи дальнейшей активизации деятельности общественных организаций, повышения эффективности и качества всей нашей работы.

В книге, предлагаемой вниманию читателя, обобщается практика работы общественных судов в Белорусской ССР. Изучен обширный архивный и текущий фактический материал, использован личный опыт работы в товарищеском суде. Особое внимание уделено юридическому анализу норм Положения о товарищеских судах БССР 1977 года, вопросам взаимодействия общественных и государственных судов в борьбе с правонарушениями и другими, антисоциальными явлениями.

Глава I. Возникновение и развитие общественных судов в БССР

История общественных судов Белоруссии, как и страны в целом, начинается с русской революции 1905–1907 гг.¹

Первые товарищеские суды создавались по инициативе передовых рабочих в целях воспитания классового самосознания, пролетарской солидарности и морали. Их появление тесно связано с созданием массовой политической организации трудящихся – Советов рабочих депутатов, которые десять лет спустя стали органами новой государственной власти.

Опыт 1905 года вновь используется пролетариатом после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. В ходе революционной борьбы рабочего класса наряду с Советами стали создаваться суды чести, примирительные камеры и иные формы общественных судов². Они воспитывали организованность, дисциплину, стойкость, преданность политическим идеалам рабочего класса.

Правящие круги царской России больше всего боялись проявления инициативы масс, их социального творчества. Как указывал В.И. Ленин, капитализму свойственно «неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина массы населения, гигантского большинства его, девяносто девяти сотых трудящихся»³. Существовавшие в Белоруссии, бывшей частью Российской империи, волостные, сельские, третейские и другие суды ничего общего не имели с подлинно общественными органами. Они были чужды народу, преданно защищали интересы частной собственности и капитала. Классовая сущность волостных судов, к примеру, весьма определенно проявлялась в порядке их формирования и деятельности. Эти сословные суды комплектовались из зажиточных крестьян, преимущественно представителей кулачества. Первоначально они избирались волостными сходками, а с 1889 года стали назначаться земскими начальниками из числа

¹ См.: Икорский П.И. Товарищеские суды в период революции 1905–1907 гг. «Вестник МГУ», 1964, № 4, сер. X. Право, с. 54–61. Стумбина Э.Я. Начальные этапы становления советского суда в Латвии. Автореферат диссертации. М., 1970, с. 15.

² См.: Товарищеские суды. М., 1974, с. 4; Революционное движение в Белоруссии. 1905–1907 гг. Минск, 1955, с. 549; Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.), т. III. Минск, 1953, с. 427; Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. I. Минск, 1957, с. 134, 314, 426.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 195.

кандидатов, выдвинутых этими сходами. Председателя суда определял уездный съезд, состоявший из земских начальников и представителей местного дворянства. Нередко им оказывался волостной старшина.

За деятельностью волостных судов надзирала система административных учреждений и должностных лиц: земские начальники, уездные съезды, съезды мировых судей, губернские присутствия, представлявшие дворянство, купцов и высшее чиновничество. По существу эти суды ничем не отличались от общих государственных судебных установлений. Подчиненные местному дворянству и кулачеству волостные суды не выражали (и не могли выразить) интересов трудового крестьянства, они были органами классового подавления и угнетения народа. Достаточно сказать, дополняя их характеристику, что вплоть до 1904 года суды подвергали виновных аресту и телесному наказанию розгами.

Таким образом, введенные судебной реформой 1864 года волостные суды с самого возникновения стали сословными, ибо они создавались исключительно среди крестьян и для крестьян, заменив помещичий надзор за крестьянами контролем со стороны нарождавшегося кулачества¹.

Сразу же после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года волостные суды, глубоко ненавистные трудовому крестьянству, бойкотировались и упразднились революционными массами, несмотря на усилия Временного правительства сохранить их. В послеоктябрьский период всякие попытки возобновить деятельность волостных судов решительно пресекались Советской властью².

М.В. Фрунзе в статье «К вопросу о местном суде», опубликованной летом 1917 года в «Крестьянской газете», дал яркую социальную оценку классовой сущности этого суда. Он писал: «Некоторые говорят о возрождении деятельности волостных судов. Об этом надо прекратить всякие разговоры. Суды эти, отграничившие крестьян от остальных граждан, узаконили их сословное обособление и тем самым бесправие»³.

¹ См.: Прокопьев В.Я. Первое пореформенное десятилетие. Вопросы организации суда и осуществления правосудия. Калининград, 1975, вып. 4, с. 110–111.

² См.: Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. I, с. 387.

³ Насколько отрицательно относились органы новой власти к волостным судам, можно судить по тому, что виновные в попытке возобновить их деятельность привлекались к уголовной ответственности (Стумбина Э.Я. Становление советского суда в Латвии после Октябрьской революции. Рига, 1969, с. 36).

Октябрьский переворот вызвал величайший подъем народного творчества во всех областях государственной и общественной жизни России. Коммунистическая партия приветствовала могучий порыв революционных классов, считая его одним из непреходящих условий для удержания большевиками власти. В обращении «К населению», написанном В.И. Лениным, содержался прямой призыв к проявлению революционной инициативы: «Помните, что вы сами теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете все дела государства в свои руки... Беритесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь»¹.

Творческая самодеятельность трудящихся проявилась и в создании товарищеских судов. По задачам, организации и формам деятельности они принципиально не отличались от тех временных революционных судов, которые стали зародышем новых государственных органов советского правосудия.

В Белоруссии, территория которой являлась в то время прифронтовой полосой и театром военных действий, товарищеские суды наибольшее распространение получили в армии и на железнодорожном транспорте, где они начали создаваться уже в первые дни Октября. Так, обсудив вопрос о демократизации армии, съезд делегатов армий Западного фронта в резолюции от 25 ноября 1917 г. записал, что строгая дисциплина в рядах войск должна поддерживаться силой товарищеского влияния, авторитетом солдатских комитетов и действиями товарищеского суда². Такие положения содержались в многочисленных приказах по армиям³.

Общее собрание железнодорожников Молодечненского узла, состоявшееся 29 ноября 1917 г., признало необходимым «уничтожить все дисциплинарные суды, которые до сих пор еще судили по старым николаевским законам, и избрать товарищеский суд...»⁴

Главная задача этих судов состояла в укреплении революционной дисциплины и порядка, социалистическом перевоспитании трудящихся масс. Преследуя исключительно воспитательные цели, они использовали меры общественного воздействия (товарищеское предупреждение, общественное порицание, выговор и т.д.).

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 66.

² См.: Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2. Минск, 1957, с. 283.

³ Там же, с. 335, 468, 713.

⁴ Там же, с. 326.

Избирались суды прямым открытым голосованием на общих собраниях. Демократизм проявлялся и в их деятельности: присутствовавшие на заседании принимали непосредственное участие в разбирательстве дела, давая оценку антиобщественному поступку и высказывая свое мнение о целесообразной мере воздействия в отношении виновного.

Правовым основанием для организации и деятельности товарищеских судов в армии для укрепления воинской дисциплины явилось Положение о ротных товарищеских судах, изданное народным комиссаром по военным делам РСФСР 23 июля 1918 г.¹ Суды состояли из трех постоянных и двух запасных членов, которые избирались на три месяца всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Члены суда могли быть отозваны и до истечения срока их полномочий.

Поводом к рассмотрению дела являлись заявления комиссаров, командиров, отдельных воинов и граждан. Суд решал вопрос о вине привлеченного к ответственности, руководствуясь социалистической совестью и по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности обстоятельств, выяснившихся при рассмотрении дела. Решения выносились большинством членов суда и объявлялись публично. К виновному могла быть применена одна из следующих мер воздействия: выговор перед собранием роты с объявлением или без объявления в приказе, лишение отпуска на срок не свыше трех месяцев, денежное взыскание не свыше 300 руб., присуждение к обязательным работам в части или несению нарядов вне очереди не свыше 15 суток. Считая совершенный проступок преступлением, ротный товарищеский суд мог передать дело на рассмотрение во фронтовой местный суд, местный народный суд или революционный трибунал.

Таким образом, в основу организации ротных товарищеских судов – первых общественных судов, созданных по закону, – были положены демократические начала. Применяемые ими меры воздействия отражали специфику несения воинской службы в армии.

В 1918–1919 годах для воспитания пролетарской сознательности и трудовой дисциплины в различных отраслях промышленности начали создаваться производственные товарищеские суды. Об этом сообщалось в печати. Так, в газете «Звезда» 25 марта 1919 г., например, содержалась информация о том, что общее собрание союза пекарей избрало товарищеский суд в составе

¹ СУ РСФСР, 1918, № 55, ст. 613.

4 человек для рассмотрения дел о недостойном поведении отдельных членов союза¹.

В литературе приводится обоснованное утверждение о том, что эти суды с первых же дней создания были важным орудием воспитания трудящихся и одним из средств их вовлечения в решение вопросов производства, стали школой управления². С этим выводом нельзя не согласиться.

14 ноября 1919 г. СНК РСФСР издал Положение о рабочих дисциплинарных судах³, которое опиралось уже на накопленный к этому времени опыт производственных товарищеских судов. Не умаляя исторического значения названного законодательного акта, юридически закрепившего принципы организации и деятельности указанных судов, следует, однако, заметить, что начинать историю производственных товарищеских судов с принятия этого Положения неточно и неверно⁴. Как отмечалось выше, общественные суды на производстве стали действовать в конце 1918 – начале 1919 года, а первые товарищеские суды появились в первые же дни Советской власти.

Идея создания товарищеских судов, рожденная правотворчеством трудящихся, была положительно оценена Программой партии, принятой в марте 1919 года. Практика их организации рассматривалась здесь как одно из достижений Советской власти в судебной области⁵.

В образовании и развитии производственных товарищеских судов велика заслуга В.И. Ленина. Он неоднократно отмечал их важную роль в укреплении трудовой дисциплины и перевоспитании масс. «Натурпремии и дисциплинарные товарищеские суды во сто раз больше значат для овладения хозяйством, для управления промышленностью, для повышения производственной роли профсоюзов, чем совершенно абстрактные (и потому пустые) слова о производственной демократии...»⁶ – писал В.И. Ленин.

¹ Неточно в связи с этим утверждается, что в Белоруссии рабочие товарищеские суды возникли в 1920 году (см.: Чигирь А.Е. Общественные самодетельные организации трудящихся и развитие социалистической демократии. Минск, 1975, с. 89).

² Икорский П.И. Организация и деятельность товарищеских судов в первые годы Советской власти (1917–1922 гг.). Воронеж, 1966, с. 11.

³ СУ РСФСР, 1919, № 56, ст. 537.

⁴ См.: Мирабо Т. Производственно-товарищеские суды на предприятиях. М., 1934, с. 8; Бабицкий Б.Е. Товарищеский суд. Минск, 1961, с. 4.

⁵ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, т. 2. М., 1970, с. 48.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 280.

Первое Положение о рабочих дисциплинарных товарищеских судах, подписанное В.И. Лениным, вводило эти суды «в целях поднятия трудовой дисциплины и производительности труда до наивысших пределов и целесообразного использования всех производительных сил, имеющихся в стране». Оно распространялось на территорию РСФСР и являлось обязательным для всех национализированных, кооперативных и частных предприятий и учреждений. Органом Советской власти вменялось в обязанность его неуклонное исполнение. Положение о рабочих дисциплинарных судах, принятое в условиях военного коммунизма, в суровой обстановке гражданской войны и хозяйственной разрухи, свидетельствовало о том, что на них возлагалась большая надежда в деле повышения трудовой дисциплины и воспитания трудящихся в духе социализма.

Суды рассматривали дела о нарушениях Положения о тарифе, правил внутреннего распорядка, трудовой дисциплины и т.д.

Принципы организации этих судов обеспечивали их тесную связь с профессиональными союзами и органами Наркомтруда. Они создавались при местных отделениях (губернских, уездных и районных) профсоюзов. В их состав входило по представителю от местного или центрального заводоуправления, правления профсоюза и от общего собрания членов союза того предприятия, дело которого подлежало рассмотрению. Председатель и секретарь избирались из состава суда. Заседания проводились периодически, публично, в нерабочее время. На фабрике, заводе или учреждении, где было занято не менее 500 человек, заседания суда проходили непосредственно на предприятии.

Право, привлекать к суду принадлежало заводоуправлению, коллегиям и организациям, их заменявшим, а в учреждениях – профсоюзам. Стороны могли обжаловать решения местных судов в губернский товарищеский дисциплинарный суд. Решения этой инстанции являлись окончательными. В случае обнаружения судом признаков уголовного или гражданского правонарушения дело должно было передаваться в судебный орган.

Тяжелая военно-политическая обстановка того времени не могла не сказаться на определении мер воздействия, которые применяли товарищеские дисциплинарные суды. Наряду с общественными средствами убеждения и воспитания они использовали и меры репрессивного характера: принудительные работы без лишения свободы и т.д.

Состоявшийся в начале 1921 года X съезд РКП (б) счел необходимым подчеркнуть, что эти суды по характеру и задачам являются судами пролетарской товарищеской чести, поэтому их заседания должны быть публичными, а применяемые меры воздействия распространяться на всех членов союза¹. В соответствии с этими указаниями разрабатывается новое Положение о дисциплинарных товарищеских судах, утвержденное 5 апреля 1921 г. декретом СНК РСФСР². Опираясь на практику применения первого Положения, оно развивало дальше принципы организации общественных судов. Поскольку новое Положение распространялось не только на рабочих, но и на служащих (административно-технический и высший профсоюзный персонал), наименование этих судов уточнялось, расширялась их компетенция. Хотя основной задачей по-прежнему являлась борьба с нарушениями трудовой дисциплины, они должны были рассматривать также дела о таких аморальных и общественно опасных деяниях, как допущенные во время работы непристойное поведение и грубость, хулиганство, мелкие кражи на предприятии³. Тем самым было положено начало новому направлению в работе товарищеских судов, определившему на будущее их место в системе мер борьбы за воспитание человека социалистического общества⁴.

К этому времени закончилась гражданская война и начался период восстановления народного хозяйства. Изменились организационные формы комплектования дисциплинарных товарищеских судов. Председатели судов стали избираться на заседаниях уездного бюро и губернского совета профессиональных союзов, члены суда и кандидаты – руководящим органом группового или местного заводоуправления, на общем собрании членов союза того предприятия или учреждения, дела которого подлежали рассмотрению.

Кассационной инстанцией для местных судов оставался губернский дисциплинарный товарищеский суд. Но для связи государственных и общественных судов на заседания губернского

¹ См.: КПСС в резолюциях, т. 2, с. 239–240.

² См.: СУ РСФСР, 1921, № 23–24, ст. 142.

³ Не соответствует законодательству и практике работы товарищеских дисциплинарных судов утверждение Ставцевой А.И. о том, что к ведению их относились только дела, связанные с нарушениями трудовой дисциплины (см. ее статью «Задачи товарищеских судов, предприятий и учреждений в воспитании коммунистического отношения к труду и правилам социалистического общежития». Ученые записки ВИНУН, вып. 11. М., 1961, с. 50).

⁴ См.: Савицкий В.М., Кейзеров Н.М. Развитие правовых форм организаций и деятельности товарищеских судов. «Советское государство и право», 1961, № 4, с. 38.

товарищеского суда допускался с совещательным голосом представитель губернского Совета народных судей. Общее руководство и надзор за деятельностью этих судов возлагалось на ВЦСПС и Наркомюст. Срок полномочий дисциплинарных товарищеских судов был определен в 6 месяцев.

Заседания местных судов, как правило, должны были проводиться непосредственно на фабриках, заводах или в учреждениях. Решение вопроса о месте рассмотрения дела уже не ставилось в зависимость от численности рабочих и служащих. Это расширяло границы воспитательного воздействия заседаний товарищеских дисциплинарных судов.

Как и по первому Положению, они могли применять меры воспитательного и принудительного характера. Однако во втором Положении устанавливался максимальный срок (не более шести месяцев) для применения таких мер, как запрещение занимать выборные и ответственные должности, увольнение, перевод на тяжелые принудительные работы и т.д. Вводились и новые формы воздействия: замечание с предупреждением, понижение сдельно-премиального вознаграждения или натуральной премии, отработка пропущенного времени сверхурочно и в праздничные дни с оплатой или без оплаты, присуждение к разного рода внеурочным работам в пределах предприятия или учреждения.

Следовательно, товарищеские дисциплинарные суды хотя и рассматривались как производственно-воспитательные учреждения, тем не менее в обстановке острой классовой борьбы, тяжелых условий гражданской войны и первых лет восстановительного периода они применяли решительные меры к дезорганизаторам производства.

Для нашей республики, как и для всей страны, 1919–1920 гг. были чрезвычайно тяжелым временем. Это были годы гражданской войны и иностранной интервенции, годы ожесточенной борьбы с контрреволюцией, бандитизмом, голодом, эпидемиями, разрухой, годы, когда решался вопрос, быть или не быть Советскому государству. Вместе с тем это было время бурных социальных преобразований, творческого, созидательного труда раскрепощенного народа.

В конце 1919 – начале 1920-х годов большая часть территории Советской Белоруссии была оккупирована Польшей. Прифронтовое положение Витебской и Гомельской губерний подчиняло всю их жизнь интересам фронта. Использовались ли в этих условиях декреты о товарищеских дисциплинарных судах в Белоруссии?

И если эти декреты действовали, то какова была практика их применения?

В центре внимания партийных и советских организаций республики в эти годы были вопросы восстановления народного хозяйства, повышения производительности труда, воспитания новой, социалистической дисциплины. Поэтому и первое, и второе Положение о товарищеских дисциплинарных судах должно было применяться и в Белоруссии. К сожалению, сведения о деятельности этих судов, введенных декретом СНК РСФСР от 14 ноября 1919 г., очень скудны. У нас нет данных, чтобы судить о том, был ли декрет СНК РСФСР распространен актом правительства БССР на территорию республики (как это практиковалось в те годы) или он явился основой для издания в Белоруссии аналогичного декрета. В архивных фондах, сохранившихся газетных материалах никакой информации об этом нет, а многие номера «Известий ЦИК БССР», в которых публиковались законодательные акты до издания в БССР Собрания узаконений, не сохранились. Что же касается материалов, отражающих применение этого декрета и особенно декрета СНК РСФСР от 5 апреля 1921 г., то их вполне достаточно, чтобы ответить на все вопросы, связанные с организацией и деятельностью товарищеских дисциплинарных судов.

Изучение документальных материалов дает основание для следующих выводов.

В связи с прифронтовым положением Белоруссии и оккупацией большей части ее территории польскими войсками реализация декрета СНК РСФСР от 14 ноября 1919 г. задержалась в республике почти до середины 1920 года. В Витебской губернии (входившей в то время в состав РСФСР, а затем, в 1924–1926 годов отошедшей к БССР)¹ губсоветом профсоюзов было принято решение организовать товарищеские дисциплинарные суды на местах не позже 1 июня 1920 г.² При некоторых подразделениях профессиональных союзов такие суды были, созданы намного раньше установленного срока³. Так, в мае 1920 года губсовет профсоюза Витебска образовал коллегия Высшего кассационного суда, в которую

¹ См.: Круталевич В.А. Административно-территориальное устройство БССР. Минск, 1966, с. 38.

² См.: «Известия Витебского губревкома», 27 мая, 1920 г.

³ О работе товарищеского дисциплинарного суда союза швейной промышленности сообщалось уже в мае 1920 года (см.: «Известия Витебского губревкома» 25 мая 1920 г.).

вошло по представителю от губсовета, отдела труда и губсовнархоза¹. В обязанность коллегии входило рассмотрение кассационных жалоб на решения местных общественных судов при фабриках и учреждениях. На остальной части Белоруссии дисциплинарные суды учреждались по мере освобождения ее территории от оккупантов. В ноябре 1920 года, например, вопрос об укреплении трудовой дисциплины на фабриках и заводах обсуждался на заседании президиума Борисовского упрофбюро². Среди других мер, направленных на ее подъем, намечалось ввести при профсоюзе товарищеский дисциплинарный суд. В декабре 1920 года президиум Борисовского уездного бюро профсоюзов постановил учредить такие суды уже при всех союзах. В состав их ввиду организационной слабости союзов вводились представители упрофбюро³.

Образованию судов предшествовала большая подготовительная работа: проводились общие собрания и митинги членов профессиональных союзов, рабочих и служащих, на которых разъяснялось значение укрепления дисциплины для того, чтобы поднять производство и жизненный уровень трудящихся, определялась роль общественных судов в решении этой задачи.

Создание первых рабочих дисциплинарных судов на производстве вызвало сопротивление остатков эксплуататорских классов и их агентуры, которые пытались помешать деятельности этих органов. Они стремились дезориентировать рабочих, создать у них неправильное представление о роли и значении дисциплинарных судов; спекулируя на экономических трудностях и пользуясь поддержкой отсталых элементов, иногда срывали их организацию. Это объяснялось и тем, что в связи с уходом на фронт революционно настроенных кадровых рабочих ряды пролетариата пополнялись за счет крестьян. Не имевшие опыта борьбы, они легче поддавались провокации. Такой факт, в частности, имел место при создании товарищеского дисциплинарного суда при союзе строительных рабочих Витебска. Оказавшись под влиянием провокационных выступлений бывших подрядчиков и спекулянтов, общее собрание строителей приняло резолюцию о том, что трудовая дисциплина и общественные суды им не нужны⁴.

¹ «Известия Витебского губревкома и губкома РКП (б)» 20 мая 1920 г.

² См.: ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 1, ед. хр. 16, л. 7.

³ Там же, л. 21.

⁴ См.: «Известия Витебского губревкома» 1 сентября 1920 г.

Правление союза дало правильную оценку указанной резолюции, свидетельствовавшей о политической незрелости части введенных в заблуждение трудящихся. Этот факт специально обсуждался на страницах газеты «Известия Витебского губревкома». Строителям разъяснялась ошибочность их решения. Статья заканчивалась словами: «Товарищи строительные рабочие! Вы совершили ошибку. Вы должны ее исправить. Только путем усиления трудовой дисциплины и трудовой энергии рабочие России победят разруху и добьются светлой жизни». Разъяснение ошибки привело к положительному результату: вскоре в союзе строительных рабочих начал функционировать суд. В ноябре в печати уже сообщалось о рассмотренном там деле. Суду был предан подрядчик, взявший поденщика и вскоре уволивший его без всякой компенсации. Принятое решение свидетельствовало о понимании членами суда задач, правильной классовой оценке этого факта¹. Суды не только защищали интересы трудящихся, но и воспитывали у них политическую сознательность, чувство рабочей гордости.

Рабочие дисциплинарные суды создавались и в первой половине 1921 года. Известны случаи, когда до выборов постоянного суда избирались временные. В марте 1921 года, в частности, был образован Минский уездно-товарищеский суд, в состав которого вошел представитель от местной администрации, уездно-городского правления союза и общего собрания рабочих и служащих Минской почтово-телеграфной конторы².

Особенно большое внимание организации общественных судов в республике стали уделять после 5 апреля 1921 г., когда было принято о них новое Положение. Формирование и деятельность товарищеских дисциплинарных судов проходили в соответствии с закрепленными в Положении принципами.

21 июля 1921 г. президиум Совета профсоюзов Белоруссии утвердил Инструкцию о применении в БССР декрета Совнаркома от 5 апреля 1921 г.³, а позднее – и Инструкцию о порядке судопроизводства и взаимоотношении товарищеских дисциплинарных судов с комиссиями по борьбе с трудовым дезертирством⁴.

¹ См.: «Известия Витебского губревкома» 30 ноября 1920 г.

² Государственный архив Минской области (в дальнейшем – ГАМО), ф. 1110, оп. 1, ед. хр. 3, л. 5–7.

³ ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 1, ед. хр. 21, л. 29.

⁴ Там же, ед. хр. 199, л. 2.

В связи с небольшой территорией республики в БССР было признано целесообразным создать не губернский, как это было предусмотрено Положением от 5 апреля 1921 г., а Высший товарищеский дисциплинарный суд. Последний был избран в апреле 1921 года в качестве второй инстанции для местных общественных судов, а также для рассмотрения проступков и неправильных действий ответственных профсоюзных работников. В состав его вошли два представителя от Совпрофбела и один – от СНХ БССР¹.

Деятельность товарищеских дисциплинарных судов в БССР в 1921–1922 годах протекала активно. Об этом свидетельствуют многочисленные материалы: протоколы заседаний судов, их решения, переписка, справки о движении дел, заметки и сообщения в газетах².

Общественным судам придавалось большое значение в деле налаживания производственной жизни на фабриках, заводах, предприятиях и в учреждениях, укрепления трудовой дисциплины, повышения производительности труда, в социалистическом воспитании трудящихся. Они пользовались большим авторитетом у трудящихся, их заседания проходили при переполненных аудиториях.

В основном товарищеские дисциплинарные суды рассматривали дела о нарушениях трудовой дисциплины, что вполне отвечало поставленной перед ними задаче и являлось главным в их работе. Как правило, они применяли меры воспитательного воздействия (замечание, выговор, порицание, занесение фамилии виновного на черную доску и т.д.). Довольно распространенным явлением было вынесение приговоров с условным осуждением к аресту, принудительным работам, условное исключение из союза или увольнение с работы и т.д. При этом обычно устанавливался испытательный срок от недели до трех месяцев. Так, Минский уездно-городской товарищеский дисциплинарный суд связи за нарушение трудовой дисциплины условно перевел Р. на уборку помещений сроком на неделю. «Приговор привести в исполнение в том случае, – говорилось в решении суда, – если в течение месяца она будет вновь уличена в нарушении трудовой дисциплины»³. Аналогичные решения были вынесены и по другим делам.

¹ ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 1, ед. хр. 21, л. 17.

² В ГАМО имеются документальные материалы, достаточно полно отражающие деятельность Минского уездно-городского товарищеского дисциплинарного суда народной связи.

³ ГАМО, ф. 1110, оп. 1, ед. хр. 6, л. 6.

Широко применял условное осуждение и Высший товарищеский дисциплинарный суд, пересматривая решения местных судов. В качестве второй инстанции он ориентировал на применение к виновным в основном мер воспитательного характера. В сохранившихся делах только в одном случае (по делу о привлечении к ответственности за небрежное исполнение служебных обязанностей) Высший товарищеский дисциплинарный суд, не отменяя решения суда первой инстанции, который объявил виновному порицание, указал, что за проступки подобного характера нужно применять более строгие меры¹.

Особое внимание уделяли товарищеские дисциплинарные суды трудовому воспитанию виновных, повышению их культуры, сознательности и образовательного уровня. Они обязывали привлеченных к ответственности выполнять различного рода работы, например убирать помещения в течение определенного времени, очистить двор от мусора, провести безвозмездно занятия в школе по ликвидации неграмотности, ознакомиться с литературой по определенному вопросу, посещать школы или учебные заведения, читать лекции и т.д. Таким образом, помимо мер воздействия, предусмотренных ст. 9 Положения от 5 апреля 1921 г., эти суды использовали и другие формы воспитания, что не противоречило декрету, поскольку он допускал применение таких мер, если они по своей тяжести не превышали установленных.

Решения товарищеских дисциплинарных судов свидетельствуют о творческом, вдумчивом, индивидуальном подходе судей к выбору меры воздействия, об учете конкретных обстоятельств дела и личности привлекаемого к ответственности. Вот некоторые из решений.

Общественный суд при союзе строительных рабочих, слушая дело о систематическом опоздании на службу А., постановил обязать А. в течение 3 месяцев аккуратно расписываться в контрольной книге прихода и ухода².

6 мая 1921 г. Минский уездно-городской суд связи рассмотрел дело о почтальоне Г., привлеченной к ответственности за утерю телеграммы. Вопреки требованиям Правил внутреннего распорядка она из чувства ложного стыда носила депеши без разносной сумки. Суд в своем решении записал: «Принимая во внимание, что неисполнение распоряжения было преднамеренным и вызвано

¹ ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 1, ед. хр. 530, л. 58.

² «Звезда» 22 декабря 1921 г.

стыдом своего профессионального труда, не оправдываемого ни ее сравнительно недавним нахождением в рядах трудящихся, ни ее молодым возрастом... присудить Г. к внеурочным работам при учреждении по очистке двора от мусора и уборке помещений ежедневно в течение двух недель, не освобождая ее от прямых служебных обязанностей и без выплаты особого вознаграждения за эти внеурочные работы»¹.

Интересно с этой точки зрения и дело Д. – заместителя заведующего фабрикой «Борисов». Он был предан суду за оскорбление рабочего П. Дело рассматривалось 15 ноября 1921 г. в клубе фабрики с участием общественных обвинителей и защитников. Выступивший на суде общественный обвинитель осудил проступок Д. и потребовал провинившегося сурово наказать. Защитник просил учесть, что Д. нанес оскорбление в возбужденном состоянии, вызванном неправильным поведением потерпевшего. Однако поступок был признан судом тяжким и недопустимым в условиях советского общества. Но принимая во внимание то, что Д. долгие годы был рабочим фабрики, что проступок он совершил в запальчивости и раздражении и раньше никогда подобных действий не допускал, суд ограничился строгим выговором с объявлением его на общем собрании².

В другом случае злостный прогульщик К. был переведен Минским уездно-городским товарищеским дисциплинарным судом связи на принудительные работы без лишения свободы сроком на шесть дней с объявлением решения в печати и с вычетом за два дня прогула «из денежного и натурального довольствия»³. Халатно относившийся к служебным обязанностям механик З., по вине которого была нарушена нормальная работа телефонной связи, был смещен в младшие надсмотрщики сроком на месяц с оплатой труда по этой должности⁴.

При неустановлении виновности привлеченного к ответственности суд признавал его оправданным⁵.

В некоторых делах товарищеских дисциплинарных судов находят протоколы распорядительных заседаний, что позволяет сделать вывод о подготовке дел к слушанию. Во многих досье – ежемесячные сводки о рассмотренных делах, числе лиц, привлеченных к ответственности, примененных мерах воздействия.

¹ ЦГАОР БССР, ф. 265, оп. 1, ед. хр. 524, л. 11.

² Там же, ф. 265, оп. 1, ед. хр. 525, л. 2–3.

³ ГАМО, ф. 1110, оп. 1, ед. хр. 22, л. 9.

⁴ Там же, ед. хр. 8, л. 17.

⁵ Там же, ед. хр. 24, л. 9–10; ед. хр. 7, л. 39–40 и др.

Наряду с положительным опытом в работе этих судов наблюдались и недостатки: некритическое заимствование судебной терминологии и форм судопроизводства (привлеченных к ответственности называли обвиняемыми, решения суда – приговорами и т.д.). Высший товарищеский дисциплинарный суд выносил иногда решения именем республики. За неявку на заседание свидетели и привлеченные к суду подвергались штрафу или краткосрочному аресту и т.п.

В начале 1922 года в соответствии с решением Президиума ВЦСПС товарищеские дисциплинарные суды были упразднены¹. Среди причин, побудивших применить эту меру, на первое место выдвигаются такие объективные факторы новой экономической политики, как перевод организаций на хозяйственно-коммерческий расчет, появление значительного числа частных предприятий². Роль этих судов, несомненно, ослабила также организация трудовых сессий народных судов (1922 год), к компетенции которых было отнесено, в частности, и рассмотрение дел о нарушении трудовой дисциплины.

Одним из обстоятельств, отрицательно сказавшихся на активности товарищеских дисциплинарных судов в период восстановления народного хозяйства, следует признать и отсутствие деловой связи между ними и государственными судами. Народные суды не оказывали им никакой правовой и методической помощи. Не было должного внимания к их работе и со стороны профсоюзов.

В.И. Ленин неоднократно упрекал руководящие профсоюзные органы в недооценке роли товарищеских дисциплинарных судов в укреплении производственной дисциплины, в том, что руководство не сумело и не помогло союзам перейти «к более правильному, быстрому и успешному применению товарищеских дисциплинарных судов... В этих судах важнейшая роль за профсоюзами, – говорил В.И. Ленин. – Хороши ли эти суды, насколько успешно они действуют и всегда ли действуют, я не знаю. Если бы мы свой собственный практический опыт изучали, это было бы в миллион раз полезнее всего того, что писали гг. Троцкий и Бухарин»³.

Предостережения В.И. Ленина и его забота о повышении ответственности профсоюзов за деятельность общественных судов

¹ См.: «Бюллетень ВЦСПС», 1922, № 9, с. 20.

² См.: Икорский П.И. Причины упразднения дисциплинарных товарищеских судов в период нэпа. Вопросы укрепления социалистической законности и правопорядка. Воронеж, 1970, с. 173–176.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 225.

оказались не напрасными. Об этом нужно помнить и в современных условиях коммунистического строительства, направляя работу этих судов, совершенствуя их организацию.

Следующий этап в развитии общественных судов в Белорусской ССР, как и в других союзных республиках, начался в период реконструкции народного хозяйства. В эти годы они получают широкое распространение, а их деятельность характеризуется высокой активностью. Это был период поисков новых организационных форм, определения места общественных судов в социалистическом строительстве, в борьбе за укрепление трудовой дисциплины и советского правопорядка.

Создание общественных судов положило начало выполнению программы Коммунистической партии об использовании воспитательных возможностей этих судов в борьбе на укрепление трудовой дисциплины и правопорядка. Поэтому ошибочно считать, что организация разветвленной сети товарищеских судов в годы индустриализации и коллективизации была вызвана только необходимостью разгрузить народные суды от мелких уголовных и гражданских дел. Как правильно отмечалось в литературе тех лет¹, ставить в основу образования общественных судов только эту причину – значит не уловить политического смысла их деятельности. Возникновение и распространение этих судов – закономерный процесс развития советской демократии и высокой активности трудящихся в социалистическом строительстве. Вместе с тем нельзя отрицать и того бесспорного факта, что общественные суды – не только эффективная форма предупреждения проступков и перевоспитания правонарушителей, но и удобный способ разрешения мелких дел и конфликтов.

Гражданско-правовые споры и дела об уголовных правонарушениях, отнесенные к их компетенции, рассматривались в короткие сроки. Трудящимся, проживавшим в сельской местности, не нужно было тратить время и средства для поездок в народные суды, которые находились в районном центре. А народные суды в связи с сокращением объема работы могли уделять больше внимания рассмотрению более серьезных уголовных и гражданских дел и политико-массовой работе.

Общественные суды в Белоруссии начали вновь воссоздаваться во второй половине 1928 года. Первоначально они были организованы в некоторых городах, районах и Витебском показательном округе. 1 сентября 1928 г. ЦИК и СНК БССР утвердили

¹ См.: Аргаў Х.А. Таварыскія суды. Мінск, 1930, с. 3–4.

временное Положение о судах при сельских Советах¹ и приняли постановление о товарищеских судах в государственных, общественных и кооперативных учреждениях и на предприятиях².

Первые выборы судов при сельских Советах (в каждом районе создавался один такой суд³) были проведены в начале 1929 года одновременно с перевыборами Советов. Члены судов выбирались на общих собраниях граждан, проживавших на территории данного Совета, председатели судов и их заместители – пленумом сельского Совета.

Суд при сельском Совете рассматривал гражданские дела с ценою иска до 20 руб. и споры, вытекавшие из землепользования (о поправах и захватах земли, о перекосах и перепашках и т.д.). Указанные категории дел суд принимал к производству, если стороны проживали на территории данного сельского Совета или если истец, проживавший в другом сельском Совете, обращался по собственной инициативе в сельский суд по месту жительства ответчика. В течение двух недель решение суда могло быть обжаловано либо в народный суд, либо в районную земельную комиссию. По делам о поправах и перепашках решения являлись окончательными. Народный суд и земельная комиссия имели право отменить решение общественного суда, если оно нарушало закон или интересы трудящихся. На народный суд и районную земельную комиссию возлагалось также инструктирование этих судов.

Товарищеские суды были созданы в Минске, Орше, Речице⁴. Председатель и члены судов избирались общим собранием рабочих и служащих предприятия или учреждения для разбора каждого отдельного дела или на срок не более трех месяцев.

В отличие от товарищеских дисциплинарных судов к компетенции товарищеских судов были отнесены только дела бытового характера: о побоях, оскорблениях, клевете. Причем эти дела рассматривались ими при условии совершения указанных действий рабочим или служащим в отношении лиц, работающих на том же предприятии или в учреждении.

¹ СЗ БССР, 1928, № 25, ст. 243–244.

² Там же, № 26, ст. 255.

³ Так, в Минском округе было организовано 17 судов при сельских Советах. Батраки в них составляли 6,3 %, бедняки – 45,1 %, середняки – 37,8 %, женщины – 19 % (ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 829, л. 56).

⁴ В каждом городе было организовано по два товарищеских суда. В Минске, например, действовал товарищеский суд на заводах «Энергія» и «Бальшавік» (ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 829, л. 56).

Как и в суде при сельском Совете, в товарищеском суде дела рассматривались без предварительного производства, в устной форме, публично, без всяких формальностей, при активном участии всех присутствующих. Суд применял к правонарушителям меры воспитательного, морального воздействия: предупреждение, выговор, общественное порицание. Он мог также оштрафовать виновного на сумму до 5 руб. с использованием этих средств на культурные мероприятия. Решения товарищеских судов обжалованию не подлежали.

Организованные в порядке опыта суды при сельских Советах и товарищеские суды при государственных, общественных, кооперативных учреждениях и на предприятиях успешно справились с поставленными задачами. Такой вывод, в частности, был сделан Верховным судом БССР, изучившим работу ряда общественных судов¹. Популярность сельских и товарищеских судов отмечалась в многочисленных докладах местных судебных органов². Они завоевали авторитет и доверие у рабочих и крестьян, стали органами самоуправления и воспитания трудящихся масс.

27 декабря 1929 г. ЦИК и СНК БССР утвердили Положение о сельских и местечковых судах³ и 17 января 1930 г. – Положение о товарищеских судах⁴. В этих законодательных актах определялись задачи, компетенция и порядок их деятельности. В Положении о сельских и местечковых судах указывалось, что они создаются для приближения суда к населению и вовлечения в его работу широких масс, а также для разгрузки народных судов от рассмотрения мелких уголовных и гражданских дел. Полномочия этих судов значительно расширились. Помимо имущественных и земельных споров, они получили право рассматривать дела о побоях и других действиях, причинивших физическую боль, но не повлекших телесных повреждений; о клевете, оскорблении, самоуправстве, краже имущества у граждан на сумму до 50 руб. (если кража совершена лицом впервые); об умышленном уничтожении или повреждении чужого имущества или собственного имущества, но с целью причинения вреда другому лицу

¹ См.: СЗ БССР, 1931, № 3, пост. 34.

² Так, в отчете председателя Минского окружного суда указывалось, что организация сельских и товарищеских судов полностью себя оправдала, «население встретило их с интересом, активно участвовало в их выборах» (ЦГАОР БССР, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 829, л. 56).

³ СЗ БССР, 1930, № 3, пост. 13–14.

⁴ Там же, № 8, пост. 55–56.

(если стоимость причиненного вреда не превышала 50 руб.); дела о мелком хулиганстве, совершенном впервые.

Сельские и местечковые суды могли принимать к производству иски об имуществе, убытках и спорах, возникавших из разных договоров, но на сумму до 100 руб. Из их компетенции исключались дела по искам, вытекавшим из нарушения Кодекса законов о труде, нотариально засвидетельствованных актов и договоров, утвержденных судом мировых сделок, из авторского права или права на изобретение. Они не рассматривали дела об алиментах, о возмещении за увечье, о спорах, связанных с применением брачно-семейного кодекса, а также иски, в которых одной из сторон являлось государственное учреждение или предприятие, общественная или кооперативная организация.

Товарищеские суды согласно Положению от 17 января 1930 г. создавались при государственных, общественных и кооперативных предприятиях, в учреждениях, высших учебных заведениях, жилищно-кооперативных товариществах. Председатель, заместитель и члены судов избирались на год общим собранием рабочих, служащих, студентов или членов жилищно-кооперативного товарищества. Кроме дел частного обвинения, товарищеские суды рассматривали дела о совершенных впервые мелком хулиганстве, хищении материалов и инструментов на сумму до 25 руб., а также гражданские иски на сумму до 100 руб. Из их компетенции изымались дела аналогичные тем, которые были исключены из ведения сельских и местечковых судов. Таким образом, сельским, местечковым и товарищеским судам в основном предоставлялись одинаковые полномочия. Тождественным был и порядок рассмотрения дел.

Обязанностью суда являлось примирение сторон. В случае его достижения дело прекращалось. Если примирение вело к ущемлению интересов трудящихся, суд должен был рассмотреть дело и вынести соответствующее решение, которое принималось большинством голосов. Никто из судей не мог отказаться от голосования. Оставшийся в меньшинстве имел право написать об особом мнении. Для того чтобы обеспечить правильное рассмотрение дел, для соблюдения законности и авторитета решений общественного суда председатель и члены его подлежали отводу, если были заинтересованы в деле или состояли в родственных или неприязненных отношениях с правонарушителем, истцом или ответчиком. Вопрос об отводе решался судом.

Необходимым условием рассмотрения дел в этих судах являлась широкая гласность, присутствие на заседаниях «по возможности

больше общественности». С целью повышения воспитательного воздействия дела должны были рассматриваться в десятидневный срок после поступления заявления. По этой причине, а также для обеспечения стабильности решений общественных судов не допускался пересмотр в порядке надзора постановлений сельского и местечкового суда по истечении шестимесячного, а товарищеского суда – трехмесячного сроков со дня их вынесения. В случае незаконности того или иного постановления народный судья обязан был немедленно приостановить его исполнение и в семидневный срок рассмотреть дело по существу в народном суде.

Сельские и местечковые суды могли применять к правонарушителю одну из следующих мер воздействия: предупреждение, выговор, штраф не свыше 25 руб., принудительные работы на срок до 15 дней без содержания под стражей и общественное порицание. Предупреждение и выговор объявлялись непосредственно в суде после рассмотрения дела, общественное порицание – на сельском или местечковом собрании. Для придания большей гласности общественному порицанию копия постановления могла быть вывешена в помещении суда или опубликована в местной печати.

Аналогичные меры воздействия применяли к правонарушителям и товарищеские суды. Принудительные работы назначались сроком до 10 дней без содержания под стражей с сохранением 50 % заработной платы. Постановление суда приводилось в исполнение через администрацию учреждения или предприятия, в котором работал правонарушитель. Общественное порицание объявлялось на общем собрании рабочих и служащих или публиковалось в газете.

Организация общественных судов на основе указанных Положений протекала успешно. К концу первой половины 1930 года на территории БССР действовало 1236 сельских и местечковых судов и 1057 – товарищеских¹. Их выборы проходили при высокой активности трудящихся. В первом полугодии 1930 года общественные суды насчитывали 22 158 членов², а к 1 января 1931 г. в работе только местечковых и сельских судов принимало участие 18 100 человек³.

¹ Зборнік чынных пастаноў пленума, цыркуляраў і інструкцый Вярхоўнага суда БССР за 1924–1930 гг. Мінск, 1931, с. 122.

² Там же. Мінск, 1931, с. 123.

³ Юрашкевіч А.Н. Работа і задачы сельскіх грамадскіх судов БССР. Мінск, 1933, с. 26.

Сельские суды состояли преимущественно из крестьян: бедняков, батраков и середняков (94 %). В товарищеские суды, поскольку они создавались на предприятиях, в учреждениях и высших учебных заведениях, входили главным образом рабочие (51 %) и служащие (44,5 %)¹.

Рабочие и трудовое крестьянство выдвигали в сельские, местечковые и товарищеские суды наиболее авторитетных и уважаемых членов коллектива. Значительную прослойку составляли коммунисты и комсомольцы. В товарищеских судах в первой половине 1930 года было 35,5 % членов КП(б)Б, членов ЛКСМБ – 10,5 %; в сельских судах насчитывалось до 22,72 % коммунистов и комсомольцев. В связи с тем что общественные суды комплектовались из местного населения, белорусы в товарищеских судах составляли 54,5 %, а в сельских – 90,56 %.

К участию в работе судов широко привлекались и женщины. Уже в первом составе, избранном на основе новых Положений в сельских и местечковых судах их было 16,38 %, а в товарищеских – 25,5 %². Выборы сельских общественных судов проводились в обстановке острой классовой борьбы. Стремясь использовать их во враждебных Советской власти целях, кулаки нередко препятствовали избранию в состав судов активных колхозников, выдвигая одновременно свои кандидатуры³.

Общественные суды в 1930 году рассмотрели более 30 % дел бывшей подсудности народных судов, многое сделали для коммунистического воспитания трудящихся и вовлечения их в социалистическое строительство. В январе 1931 года Президиум ЦИК БССР, заслушав доклад Верховного суда БССР о деятельности товарищеских и сельских судов, дал ей положительную оценку⁴ и предложил Верховному суду БССР усилить руководство этими судами, увязать их работу с задачами реконструкции народного хозяйства, оказывать им всестороннюю помощь. Одной из форм помощи был постоянный их инструктаж народными судьями.

В последующие годы принимается ряд законодательных актов по улучшению деятельности общественных судов. Так, 18 января 1931 г. в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от

¹ Зборнік чынных пастаноў пленума, цыркуляраў і інструкцый Вярхоўнага суда БССР за 1924–1930 гг., с. 123.

² Зборнік чынных пастаноў пленума, цыркуляраў і інструкцый Вярхоўнага суда БССР за 1924–1930 гг., с. 123.

³ См.: Юрашкевіч А.Н. Работа і задачы сельскіх грамадскіх судоў БССР. Мінск, 1933, с. 10.

⁴ СЗ БССР, 1931, № 3, пост. 34.

29 сентября 1930 г. «Об организации сельских судов» в Белоруссии также утверждается новое Положение о них¹. Они получают право дополнительно рассматривать дела, связанные с нарушением общественного порядка и безопасности, правил об охране здоровья, иски об алиментах на содержание ребенка (при отсутствии спора об отцовстве)², иски нетрудоспособных членов двора о содержании, иски о заработной плате на сумму до 25 руб., об оплате сверхурочных работ, о спецодежде.

В связи с повышением роли сельских общественных судов, а также в целях дальнейшего развития самодетельности трудящихся масс деревни в эти суды передавались и дела, связанные с проведением политических мероприятий и охраной колхозного имущества³. Они, в частности, рассматривали дела о невыполнении бедняцко-середняцкими хозяйствами обязательств по государственному и общественным заданиям, если, по мнению Совета, можно было ограничиться мерами общественного воздействия, а также дела о краже и порче колхозного имущества или нанесении ущерба колхозу на сумму не свыше 50 руб. Позже, после издания закона от 7 августа 1932 г., все дела о хищении, порче или нанесении вреда колхозному имуществу были изъяты из ведения сельских общественных судов⁴. Последние могли рассматривать лишь о совершенных впервые мелких кражах, истреблении и повреждении личного имущества колхозников и единоличников. Вот некоторые из дел, рассмотренных сельским судом Плещеницкого района Минской области.

24 августа 1930 г. Завишинский сельский суд рассмотрел дело крестьянина Ш. о краже клевера и сена колхоза «Новы шлях». Виновный был подвергнут принудительным работам сроком на две недели с одновременным взысканием в пользу колхоза 10 пудов украденного им сена. Постановлением того же суда С. была признана виновной в нанесении оскорбления односельчанам и оштрафована на 10 руб.⁵ Суд разбирает также иски о потраве посевов, использовании подвод колхоза для личных нужд и т.п.⁶

Из справочных ведомостей о движении дел и о мерах воздействия на правонарушителей, применяемых Завишинским

¹ СЗ БССР, 1931, № 4, пост. 30–31.

² Постановлением Президиума ЦИК СССР от 27 июля 1932 г. (СЗ СССР, 1932, № 61, ст. 355) дела по искам об уплате алиментов на содержание детей ввиду их сложности были вновь переданы на рассмотрение народных судов.

³ СЗ СССР, 1932, № 29, ст. 180.

⁴ Там же, № 82, ст. 503.

⁵ ГАМО, ф. 1364, оп. 1, ед. хр. 1, л. 32 и 91.

⁶ Там же, ед. хр. 2, л. 7–9 и др.

и Каменским сельскими общественными судами Плещеницкого района, явствует, что ими применялись в основном такие меры воздействия, как штраф, принудительные работы, общественное порицание. Часть дел заканчивалась примирением сторон, в отдельных случаях выносились оправдательные постановления¹.

Досрочное выполнение первого пятилетнего плана, ускоренные темпы развития промышленности требовали четкой и бесперебойной работы государственных предприятий и учреждений, всемерного укрепления трудовой дисциплины, высокой сознательности рабочих и служащих.

XVI съезд партии (1930 год), резко осудив неправильную линию руководства ВЦСПС профсоюзами в социалистическом строительстве, потребовал перестроить и работу товарищеских судов, сделать их прежде всего органами борьбы за укрепление трудовой дисциплины, за массовость социалистического соревнования. «Добиваясь всемерного поощрения и премирования передовых рабочих в их производственной деятельности, – говорилось в резолюции съезда, – профсоюзы должны вместе с тем организовать товарищеские суды: из лучших ударников в целях воздействия на лиц, нарушающих труддисциплину и срывающих социалистическое соревнование»². Партия подчеркивала, что: 1) производственно-товарищескими судами должны руководить профсоюзы; 2) авторитет судов может быть обеспечен при условии избрания в их состав передовых рабочих; 3) внимание производственно-товарищеских судов должно быть сосредоточено исключительно на интересах производства, что борьба с нарушениями трудовой дисциплины – одна из главных их задач. Руководящие указания XVI съезда партии были взяты за основу при разработке Положений о производственно-товарищеских судах всех союзных республик. 5 июня 1931 г. ЦИК и СНК БССР приняли решение о создании производственно-товарищеских судов на государственных и общественных предприятиях и в учреждениях³, на которых было занято не менее 50 человек. В Белоруссии (в отличие от РСФСР) они создавались и в высших учебных заведениях. Действовавшие до этого товарищеские суды были преобразованы в производственно-товарищеские⁴, хотя ЦСПСБ и настаивал на параллельном существовании тех и других судов. Этот вопрос был

¹ Там же, ед. хр. 1, л. 130; ф. 1361, оп. 1, ед. хр. 1.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 4, с. 464.

³ СЗ БССР, 1931, № 27, пост. 191.

⁴ «Советская юстиция», 1931, № 34, с. 4–7.

вынесен на обсуждение в печать¹, и при его решении учтен положительный опыт работы товарищеских судов в РСФСР, которая раньше других союзных республик наделила их правом рассматривать дела о нарушениях трудовой дисциплины².

Главной задачей производственно-товарищеских судов в БССР по Положению 1931 года являлась борьба за выполнение производственно-финансовых планов и дисциплину, искоренение пережитков старого быта среди рабочих и служащих. В связи с этим они наделились (по сравнению с товарищескими) более широкой компетенцией и, помимо бытовых дел, рассматривали дела о нарушениях трудовой дисциплины, небрежном отношении к социалистическому имуществу, допущении брака свыше установленных норм, краже инструментов и материалов на сумму до 25 руб., краже вещей у рабочих и служащих на предприятии или в общезначениях, если эти кражи совершались лицом впервые и на сумму не более 50 руб.

Производственно-товарищеские суды избирались на общих собраниях рабочих и служащих из ударников и передовых сознательных рабочих сроком на год. Суды состояли из председателя, одного или двух заместителей и 3–12 членов. Фабрично-заводские и местные комитеты профсоюзов имели право вывести из их состава лиц, которые не отвечали предъявляемым требованиям. Общее собрание рабочих и служащих было полномочно досрочно отозвать членов суда, не справившихся с обязанностями либо не оправдавших доверия коллектива.

Являясь органами воспитательного характера, производственно-товарищеские суды применяли к правонарушителям только меры общественного воздействия. Они могли также возложить на виновного обязанность возместить убытки до 50 руб., поставить перед администрацией учреждения или предприятия вопрос о его увольнении, а перед соответствующей профсоюзной организацией – об исключении на определенный срок из профессионального союза.

Постановления производственно-товарищеских судов обжалованию не подлежали и пересматривались в порядке надзора народным судом лишь в случае их незаконности. Народный суд мог отменить, изменить или оставить в силе эти постановления.

Основное внимание эти общественные суды уделяли рассмотрению дел о нарушениях трудовой дисциплины, производственном браке, мелких хищениях социалистической собственности.

¹ См.: Ватацы Б. Пра падсуднасць таварыскіх судаў. Бюлетэнь НКЮ, 1931, № 1–3, с. 7.

² См.: Положение о товарищеских судах РСФСР 1930 года (СУ РСФСР, 1930, № 4, ст. 52, 34, 440).

Если во второй половине 1931 года указанные дела составляли 39 % всех рассмотренных ими дел, то в 1932 году – уже 55,8 %, а в первой половине 1934 года – до 63 %¹.

Деятельность производственно-товарищеских судов не ограничивалась лишь разрешением дел, она имела и профилактический характер: принимались меры к недопущению тех или иных нарушений в будущем, устранению причин, мешавших повышению производительности труда, подъему уровня производства. Работа судов содействовала быстрейшей реконструкции промышленности, развитию социалистического соревнования, ударничества, внедрению в сознание широчайших масс нового отношения к труду и социалистической собственности.

Выполнение указанными судами стоящих перед ними задач во многом определялось тем вниманием, которое уделяли им правоохранительные, а также партийные, советские и профсоюзные органы на местах. Это подчеркивалось в постановлении Президиума ЦК ВКП(б) и Коллегии НК РКИ СССР от 25 марта 1932 г., принятом по итогам обследования судебно-прокурорских органов в РСФСР, БССР и УССР².

В соответствии с этими указаниями улучшили руководство общественными судами и органы правосудия.

Одним из видов общественных судов этого периода являлись и суды при жилищных кооперативных товариществах (жактах), Положение о которых было утверждено 5 октября 1932 г.³ Они создавались в коллективах, насчитывающих не менее 100 человек. Суд выбирался сроком на год на общем собрании совершеннолетних членов товарищества, имевших избирательные права, в составе председателя, одного или двух заместителей и 6–10 членов.

Как и другие суды общественной самодеятельности, эти суды рассматривали мелкие гражданские и несложные уголовные дела, разрешали споры, возникавшие в связи с пользованием помещениями. Организация судов возлагалась на Белжилсоюз и Наркомат юстиции БССР. Инструктирование и ревизии их проводились народными судьями.

В первой половине 1932 года по предложению Президиума ЦИК БССР в наиболее крупных сельскохозяйственных коммунах и артелях республики создаются производственно-товарищеские колхозные суды (не более пяти на район). Это была одна

¹ Матэрыялы к дакладу ўрада БССР XI з'езду Саветаў. Мінск, 1935, с. 270.

² «Советская юстиция», 1932, № 17–18, с. 10–11.

³ СЗ БССР, 1931, № 44, пост. 257.

из важнейших мер организационно-хозяйственного укрепления молодых коллективных хозяйств. Колхозные суды явились своеобразной формой общественного воздействия на отсталую часть колхозников, находившуюся под влиянием кулацких элементов. Организация и порядок их деятельности регулировались специальной инструкцией НКЮ БССР и Белколхозцентра¹.

Колхозные суды создавались в сельскохозяйственных коммунах и артелях, членами которых состояли не менее 100 человек, избирались на общем собрании. Председатель суда утверждался президиумом сельского Совета. Суды рассматривали дела о нарушениях трудовой дисциплины, недоброкачественном выполнении работ и систематическом невыполнении норм выработки, бесхозяйственности, причинившей незначительные убытки, и других действиях, подрывавших коллективное хозяйство, а также дела об оскорблении, клевете, побоях, мелком хулиганстве. Задачи и компетенция судов в колхозах имели некоторую специфику, вытекавшую из условий их деятельности. В частности, они могли поставить перед общим собранием вопрос об исключении виновного из колхоза.

19 декабря 1933 г. введение в БССР колхозных судов было закреплено в законодательном порядке². НКЮ БССР поручили разработать Положение об организации и деятельности этих судов. Однако в связи с тем, что в 1934 году был принят Примерный устав сельхозартеля, который относил к компетенции общего собрания и правления колхоза решение всех вопросов трудовой дисциплины, необходимость в таком Положении отпала.

Деятельность общественных судов в годы реконструкции народного хозяйства показала жизненность и преемственность положений, сформулированных в ленинских декретах о рабочих дисциплинарных товарищеских судах 1919 и 1921 годов. Большой авторитет среди трудящихся, активное участие в социалистическом строительстве и коммунистическом воспитании населения обусловили широкое распространение разных форм этих судов.

Формирование человека социалистического общества требовало решительной борьбы со всякого рода проявлениями старых взглядов, представлений, в том числе с дезорганизаторскими тенденциями и недисциплинированностью на производстве.

¹ Зборнік цыркуляраў, інструкцый і дырэктыўных лістоў Народнага камісарыята юстыцыі БССР за 1931–1932 гг. Мінск, 1932, с. 139–142.

² См.: СЗ БССР, 1933, № 52, пост. 337. В РСФСР и в других союзных республиках (кроме Таджикской ССР) организация колхозных судов законодательно не регулировалась.

«Коммунизм начинается там, – писал В.И. Ленин, – где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда...»¹

Жизнь показала несостоятельность попыток ограничить компетенцию общественных судов рассмотрением так называемых бытовых дел. Партия внесла поправки в деятельность этих судов, обратив внимание на то, что борьба за воспитание трудящихся в духе коммунистического отношения к труду – одна из главных их задач на производстве.

Сравнивая принципы организации товарищеских дисциплинарных судов и общественных судов в период реконструкции народного хозяйства и упрочения социализма, можно увидеть развитие последних в сторону демократизации. Если первые формировались путем представительства, то вторые избирались непосредственно трудящимися. Отчетливо проявлялась тенденция к сокращению мер принуждения, применяемых общественными судами.

Один из недостатков в работе общественных судов, действовавших в 30-е годы, заключался в том, что они нередко расценивались как низшее звено государственной судебной системы. Более того, даже Пленум Верховного суда БССР в постановлении от 24 января 1930 г. разъяснял: хотя сельские и товарищеские суды – учреждения воспитательного характера, но поскольку они имеют определенную подсудность и поднадзорны вышестоящим судебным органам, то, «бесспорно, являются нижней ячейкой судебной системы»². В связи с этим общественные суды иногда механически копировали правила судопроизводства, определявшие порядок разбирательства дел в народных судах. Среди мер воздействия преимущество отдавали принудительным работам и штрафам³.

Народные суды были наделены правом пересмотра решений общественных судов. На практике это зачастую приводило к превращению их в кассационные инстанции, к подмене общественных судов государственными.

14 августа 1937 г. в республике официально были ликвидированы колхозные суды⁴. Их упразднение объяснялось тем, что основная масса подсудных им дел подлежала разрешению

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 22.

² Зборнік чынных пастаноў пленума, цыркуляраў і інструкцый Вярхоўнага суда БССР за 1924–1930 гг., с. 39–40.

³ См.: Юрашкевіч А.Н. Работа і задачы сельскіх грамадскіх судов. Мінск, 1933, с. 24.

⁴ СЗ БССР, 1938, № 1, пост. 9.

в соответствии со ст. 17 Устава сельхозартели на заседании правлений и на общих собраниях колхозов. Дела, не отнесенные к компетенции этих органов, передавались общественным сельским и местечковым судам. Споры между колхозами, а также колхозов с государственными и кооперативными организациями, возникавшие из договоров и других имущественных правоотношений, независимо от суммы иска рассматривались народными судами.

Остальные общественные суды формально не были упразднены, но фактически тоже прекратили деятельность. Сложный процесс угасания общественных судов в тот период было бы неверно объяснять какой-либо одной причиной¹. Нужно прежде всего отметить, что в конце 30-х годов резко сократилась компетенция общественных судов. Закон о судеустройстве СССР 1938 года (ст. 21) изъял из ведения этих судов ряд дел (о побоях, оскорблениях, клевете, мелких кражах и имущественных спорах) и передал их народным судам. В нем не содержалось указаний относительно обязанности народных судов выполнять надзорные функции в отношении общественных и оказывать им правовую и методическую помощь. На практике это привело к ослаблению связи между ними. Не уделяли должного внимания общественным судам и профсоюзные органы. В результате эти суды оказались по существу вне государственного и общественного контроля.

Предвоенная обстановка обусловила установление судебной ответственности за злостное нарушение трудовой дисциплины, мелкое хулиганство и некоторые другие правонарушения. В связи с этим общественные суды были лишены права принимать указанные категории дел к производству, что еще более сузило их компетенцию. Все это вместе взятое и привело к постепенному прекращению их деятельности.

Работа общественных судов возобновилась в послевоенный период. Но товарищеские суды, действовавшие на некоторых предприятиях и в учреждениях, рассматривали только отдельные дела, связанные с нарушениями трудовой дисциплины (о прогуле без уважительных причин, опоздании на работу или преждевременном уходе с нее, появлении на работе в нетрезвом виде, невыполнении приказа или распоряжения начальника).

¹ См.: Чигирь А.Е. Общественные самодеятельные организации трудящихся и развитие социалистической демократии, с. 92–93.

Активность этих судов в начале 50-х годов была невысокой, поскольку основную массу дел о нарушениях трудовой дисциплины продолжали рассматривать народные суды. Однако так продолжалось недолго.

Новые условия социального развития потребовали развертывания деятельности общественных судов, повышения их роли в борьбе с правонарушениями, в формировании коммунистической сознательности советских людей.

Глава II.

Задачи и организация товарищеских судов в условиях развитого социализма

После XX–XXI съездов КПСС, указавших на необходимость укрепления социалистической законности и развития советской демократии, повышения роли общественности в обеспечении правопорядка и правил социалистического общежития, товарищеские суды получили широкое распространение¹.

В условиях зрелого социализма рост численности и активности этих судов предопределяется самим ходом общественного развития. Вовлечение широких масс в управление государством и общественными делами, разнообразие форм общественно-политического творчества трудящихся создали благоприятные условия для развития в нашей стране системы самодеятельных организаций, в том числе товарищеских судов.

В октябре 1959 года был опубликован проект Примерного положения о товарищеских судах. Сформулированные в нем принципы их организации и деятельности, пройдя проверку на практике, нашли законодательное закрепление в принятых в 1961–1962 гг. республиканских Положениях о товарищеских судах, в том числе в Положении о товарищеских судах БССР, утвержденном Указом Президиума Верховного Совета БССР 10 октября 1961 г.² Эти правовые акты явились основанием для повсеместной организации общественных судов.

Однако если ранее организация и деятельность их регулировались несколькими нормативными актами, то с этого времени в каждой союзной республике стало действовать Положение. И это оправданно, поскольку все общественные суды, вне зависимости от места их функционирования, выполняют единые задачи, тождественны по компетенции, формам организации и работы. Некоторая специфика в категориях рассматриваемых дел, определяемая конкретной обстановкой и условиями, не является основанием для разделения этих судов на отдельные виды. Наличие единого правового акта о товарищеских судах республики нужно рассматривать как закономерный итог развития этих судов, как одно из проявлений совершенствования законодательства.

¹ В БССР в 1977 году насчитывалось свыше 9000 товарищеских судов, а в стране в целом – более 200 000.

² См.: СЗ БССР, 1961, № 31, ст. 298.

Общественные суды получили и единое наименование – товарищеские суды; этим подчеркивается главное в их работе – товарищеское осуждение, воздействие, воспитание. Вместе с тем вполне приемлемо и прежнее их название – общественные суды, удачно раскрывающее их социальную, юридическую природу. Таким образом, термины эти – синонимы, идентичные понятия, и нет оснований отказываться от неза заслуженно вышедшего из употребления второго.

В течение шестнадцати лет Положение о товарищеских судах 1961 года с внесенными в него в последующие годы дополнениями и изменениями¹ определяло задачи, организацию и порядок рассмотрения отнесенных к компетенции этих судов дел. Оно обеспечивало выполнение товарищескими судами их роли в воспитании советских людей в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, в предупреждении правонарушений и укреплении правопорядка. Основные положения этого правового акта выдержали испытание временем, показали жизнеспособность и обоснованность закреплённых в нем принципов и норм².

Однако в современный период партией поставлена задача дальнейшего расширения и совершенствования деятельности правоохранительных общественных организаций по укреплению социалистической законности и правопорядка, усилению их воспитательного воздействия на граждан.

XXV съезд КПСС признал необходимым к постановке дела воспитания подходить комплексно, т.е. обеспечить тесное единство идейно-политического, трудового и нравственного воспитания с учетом особенностей различных групп населения³.

«Чем выше поднимается наше общество в своем развитии, тем более нетерпимыми становятся еще встречающиеся отклонения от социалистических норм нравственности... В борьбе с подобными явлениями необходимо в полной мере использовать и мнение трудового коллектива, и критическое слово печати, и методы убеждения, и силу закона – все средства, находящиеся в нашем распоряжении»⁴, – отметил Л.И. Брежнев в своем отчетном докладе.

Это повышает требования и к работе общественных судов, делает необходимым усиление эффективности их воспитательно-предупредительного влияния.

¹ СЗ БССР, 1963, № 36, ст. 367; 1965, № 14, ст. 130; 1973, № 10, ст. 167.

² Подробный юридический анализ этого Положения дан в брошюре: Товарищеские суды. Минск, «Беларусь», 1977.

³ См.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 74.

⁴ Там же, с. 78.

В целях дальнейшего совершенствования деятельности товарищеских судов Президиум Верховного Совета СССР 8 февраля 1977 г. принял об этом специальное постановление¹. Отмечая плодотворную работу этих судов по воспитанию граждан в духе непримиримости к нарушениям закона и норм коммунистической морали, Президиум Верховного Совета СССР вместе с тем обратил внимание на то, что ее уровень не отвечает в полной мере предъявленным в настоящее время требованиям.

Недостаточна активность многих товарищеских судов, их возможности слабо используются для борьбы с нарушениями общественного порядка, трудовой и производственной дисциплины; некоторые из них не занимаются профилактикой, воспитательной работой с лицами, склонными к антиобщественному поведению. В существенном улучшении нуждалось и руководство товарищескими судами, оказание им правовой и методической помощи. В связи с этим Президиум Верховного Совета СССР рекомендовал Президиумам Верховных Советов союзных республик, а также ВЦСПС и Министерству юстиции СССР принять меры к повышению уровня руководства товарищескими судами и оказанию им повседневной помощи в работе. Законодательным органам союзных республик было предложено внести необходимые изменения в правовое регулирование организации и деятельности товарищеских судов в направлении расширения их компетенции, усиления гарантий законности при рассмотрении дел.

В соответствии с этими рекомендациями Президиум Верховного Совета БССР 29 марта 1977 г. утвердил новое Положение о товарищеских судах².

Сравнительный анализ Положения о товарищеских судах 1961 и Положения 1977 г. показывает, что в последнем бережно сохранены апробированные на практике и оправдавшие себя нормы. Одновременно учтен многолетний опыт работы товарищеских судов на основе прежнего Положения, научно обоснованные рекомендации и предложения, подсказанные жизнью возможности для совершенствования организации и деятельности этих судов.

Осталась без изменений структура Положения, включающая следующие разделы: 1) задачи товарищеских судов и порядок их организации; 2) дела, рассматриваемые товарищескими судами; 3) порядок рассмотрения дел в товарищеских судах; 4) меры

¹ Ведомости Верховного Совета СССР, 1977, № 7, ст. 121.

² СЗ БССР, 1977, № 10, ст. 148. В РСФСР Положение о товарищеских судах принято 11 марта 1977 г. (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1977, № 12, ст. 254).

общественного воздействия, применяемые товарищескими судами; 5) руководство товарищескими судами.

Проанализируем главные положения каждого из этих разделов.

В ст. 1 Положения указывается, что товарищеские суды – это выборные общественные органы, призванные активно содействовать воспитанию граждан в духе коммунистического отношения к труду, бережного отношения к социалистической собственности, соблюдения правил социалистического общежития, развития у них чувства коллективизма и товарищеской взаимопомощи, уважения достоинства и чести граждан. Основное в их работе – предупреждение правонарушений, воспитание людей путем убеждения и общественного воздействия, создание обстановки нетерпимости к любым антиобщественным поступкам.

В борьбе «за нравственно чистую атмосферу в нашем советском доме, за морально-политическое здоровье людей надо полнее использовать такие могучие силы, как общественное мнение, трудовой коллектив.

Речь идет о том, чтобы и убеждением и различными формами общественного воздействия укреплять, развивать привычку к строгому соблюдению норм социалистического общежития»¹, – говорил в своем выступлении на XIII Пленуме ЦК Компартии Белоруссии П.М. Машеров.

В осуществлении этой задачи важную роль призваны играть товарищеские суды. Сочетание государственного принуждения с общественным воздействием и воспитанием – надежное средство успешной борьбы с правонарушениями.

Положением предусматривается разветвленная сеть общественных судов: в учреждениях, организациях, высших и средних специальных учебных заведениях, колхозах, домах, обслуживаемых жилищно-эксплуатационными конторами, домоуправлениями или объединяемых уличными комитетами, в сельских населенных пунктах и поселках. В основу их организации положены производственный и территориальный принципы: они создаются как органы коллективов трудящихся по месту их работы и жительства. Тем самым компетенция товарищеских судов распространяется на все взрослое население: как работающее, так и находящееся вне сферы производства (домохозяйки, инвалиды, пенсионеры). Никакие слои населения не оказываются вне общественного контроля и воздействия.

¹ «Советская Белоруссия», 30 апреля 1974 г.

Общее число товарищеских судов в значительной мере определяется тем, в каких организациях они могут быть созданы. Установлено, что такие суды организуются в коллективах численностью не менее 50 человек. Однако в отдельных случаях с согласия вышестоящего профсоюзного органа или исполнительного комитета соответствующего местного Совета депутатов, трудящихся товарищеские суды могут избираться в организациях, насчитывающих менее 50 человек. В крупных коллективах допускается организация общественных судов в цехах предприятий, отделениях совхозов, бригадах колхозов и т.д. Следовательно, в больших трудовых коллективах может создаваться один объединенный товарищеский суд либо для предприятия, организации, учебного заведения в целом, либо для отдельных структурных подразделений. Организация и тех и других судов в одном и том же коллективе противоречит действующему законодательству, ибо в таких случаях первый (объединенный товарищеский суд) неизбежно выступал бы в качестве своеобразного руководящего, и надзорного органа, что не предусмотрено Положением.

Однако если в прошлом (к примеру, в 30-х годах) общественные суды создавались только в коллективах, объединявших не менее 50–100 человек, то теперь возможно их функционирование и в меньших. Это направление в развитии товарищеских судов способствует их количественному росту и расширению сферы общественного влияния на нарушителей правопорядка.

Товарищеские суды избираются открытым голосованием на общих собраниях коллективов трудящихся и собраниях (сходах) граждан по месту жительства сроком на два года. Меньший срок полномочий (до 1963 года они избирались на год) не позволял как следует организовать и развернуть работу товарищеского суда, ибо она требует овладения необходимым минимумом правовых знаний и приобретения определенного опыта.

Количественный состав товарищеского суда зависит от численности коллектива, объема работы и других обстоятельств. Однако членов суда не может быть менее пяти человек.

Избранными считаются лица, получившие большинство голосов по отношению к остальным кандидатам и более половины голосов присутствовавших на собрании. Из своего состава члены суда открытым голосованием избирают председателя, его заместителей и секретаря. Всем им, включая членов суда, вручаются специальные удостоверения органами, осуществляющими руководство товарищескими судами.

По сравнению с ранее действовавшим Положением усовершенствована процедура выборов в товарищеские суды. Как и раньше, кандидаты в члены суда выдвигаются партийными, профсоюзными, комсомольскими и другими общественными организациями, а также отдельными гражданами. Однако теперь для всеобщего обозрения должен быть вывешен список кандидатов в члены товарищеского суда. Участвующие в их избрании граждане могут заявить мотивированный отвод любому из них и выдвинуть нового.

Впервые в нашем законодательстве сформулированы требования к кандидатам в члены товарищеских судов. Практика показала, что в состав этих судов избираются лица, имеющие достаточный жизненный и производственный опыт, морально безупречные, пользующиеся авторитетом у товарищей. Однако хотя и редко, но встречались случаи и формального отношения к выдвижению кандидатов в товарищеские суды. Отражение в Положении о товарищеских судах основных критериев подбора членов суда ориентирует коллективы трудящихся на серьезное и вдумчивое отношение к решению этого вопроса, что еще более повышает престиж общественных судов и воспитательно-предупредительное значение их деятельности. «В состав товарищеского суда могут быть избраны граждане, – говорится в ст. 3, – которые по своим деловым и моральным качествам способны выполнять задачи, поставленные перед товарищескими судами. Каждый член товарищеского суда обязан проявлять высокую дисциплину и организованность, быть непримиримым к правонарушениям и антиобщественным поступкам, в своей деятельности строго руководствоваться законом». В Положении предусмотрена система мер поощрения председателей, заместителей председателя, секретарей и членов товарищеских судов за активное участие в рассмотрении дел и проведении профилактической работы.

Исполкомы местных Советов депутатов трудящихся и ФЗМК профсоюзов или по их представлению администрация предприятий, учреждений и организаций вправе поощрить указанных лиц путем объявления благодарности, награждения Почетной грамотой, ценным подарком или денежной премией, предоставлением дополнительно оплачиваемого отпуска до трех дней, льготной путевки в санаторий или дом отдыха. Это – важный стимул повышения инициативы и социального престижа товарищеского суда.

Среди правил, определяющих организацию этих судов, следует выделить также требование об обязанности судов не реже одного раза в год отчетываться в своей деятельности перед общими собраниями коллективов (ст. 6 Положения). Не оправдавшие

доверия члены суда могут быть досрочно отозваны общим собранием по большинству голосов. Облеченные доверием коллектива и выражающие его волю товарищеские суды ответственны перед ним.

Член товарищеского суда может быть также досрочно освобожден от своих обязанностей в случае увольнения его с работы или болезни и по другим уважительным причинам. Решение этого вопроса входит в компетенцию профсоюзного органа или исполкома соответствующего местного Совета депутатов трудящихся. Одним словом, в основе организации товарищеских судов лежат последовательно демократические принципы выборности и подотчетности этих судов общественности.

К ведению товарищеских судов действующим законодательством отнесен широкий круг дел. Согласно ст. 7 Положения они рассматривают дела о нарушениях трудовой дисциплины: о прогулах без уважительных причин (включая появление на работе в нетрезвом состоянии), опоздании на работу или преждевременном уходе с работы и других подобных нарушениях; недобросовестном отношении к своим обязанностям; о несоблюдении требований по охране труда (техники безопасности, производственной санитарии, гигиены труда) и противопожарной безопасности, включая уголовно-наказуемые случаи; об утрате, повреждении оборудования, инвентаря, инструментов, материалов и иного государственного или общественного имущества, если за это не установлена уголовная ответственность.

В компетенцию общественных судов входит также рассмотрение дел о самовольном использовании в личных целях транспортных средств государственного предприятия, учреждения, организации или колхоза, сельскохозяйственной техники, станков, инструментов, сырья и другого имущества, если при этом не был нанесен существенный ущерб; о распитии спиртных напитков в общественных местах, кроме предприятий торговли и общественного питания, где продажа этих напитков разрешена; о появлении граждан в общественных местах в пьяном виде, оскорбляющем достоинство человека и общественную нравственность; о приобретении самогона, браги и других крепких спиртных напитков домашней выработки.

Как и по ранее действовавшему Положению, к ведению товарищеских судов отнесено рассмотрение дел о мелком хищении государственного или общественного имущества, мелком хулиганстве и мелкой краже малоценных предметов потребления и быта, находящихся в личной собственности граждан, если виновный и потерпевший – члены одного коллектива. Все эти дела направляются

в общественные суды органами внутренних дел, прокуратуры и судом. Дела о мелком хищении социалистической собственности могут быть переданы на рассмотрение товарищеских судов также администрацией предприятий, учреждений, организаций, правлениями колхозов с уведомлением прокурора. Новым Положением не запрещается, как это было раньше, рассматривать в товарищеском суде дела о лицах, которые дважды привлекались к суду за мелкое хищение. Снятие этого ограничения существенно расширило компетенцию товарищеских судов по делам этой категории. Суды правомочны принимать к своему производству дела частного обвинения: об оскорблении, клевете, побоях, легких телесных повреждениях, не повлекших расстройства здоровья, если эти деяния совершены впервые; о сквернословии; невыполнении или ненадлежащем выполнении родителями и другими приравненными к ним лицами своих обязанностей по воспитанию детей; о недостойном отношении к родителям, женщине, недостойном поведении в семье.

Общественные суды рассматривают дела: о порче жилых и нежилых помещений и коммунального оборудования, несоблюдении правил противопожарной охраны, нарушении правил внутреннего распорядка в квартирах и общежитиях; о спорах жильцов по использованию подсобных помещений, домовых служб, оплате коммунальных услуг и т.п.; о порядке пользования строениями, составляющими общую собственность граждан, о разделе имущества колхозного двора и выделе из него, о разделе имущества между супругами при их согласии на рассмотрение дела в товарищеском суде; о порче деревьев и других зеленых насаждений и мелких лесонарушениях, совершенных впервые, если ущерб не превышает 30 руб.; об имущественных спорах между гражданами на сумму до 50 руб. при согласии участников спора на рассмотрение дела в товарищеском суде.

Органы и должностные лица, которым предоставлено право наложения штрафа в административном порядке, могут передать такой материал на рассмотрение товарищеского суда. Наконец, в товарищеский суд могут быть направлены также дела о впервые совершенных преступных деяниях, если они не представляют большой общественной опасности и органы внутренних дел, прокуратура и суд по предусмотренным законом основаниям примут такое решение.

Все вышеперечисленные дела, относящиеся к общественным судам, следует классифицировать по двум группам: об аморальных проявлениях и правонарушениях. Последние, в свою очередь,

можно подразделить: а) на дисциплинарные; б) административные; в) преступления, не представляющие большой общественной опасности; г) гражданско-правовые споры¹.

Как показывает практика, основными категориями дел, рассматриваемых товарищескими судами БССР, являются дела о мелком хищении государственного или общественного имущества, нарушении трудовой дисциплины, самооговорении, мелком хулиганстве, оскорблениях, клевете, побоях.

Значительный процент от общего числа дел составляют дела о мелких хищениях государственного и общественного имущества.

Товарищеские суды ведут активную борьбу с посягательством на социалистическую собственность. Такие дела, как правило, тщательно подготавливаются к слушанию, рассматриваются в присутствии членов трудового коллектива. Расхитителей обязывают к возмещению ущерба, нанесенного ими государству. К примеру, общественный суд Славгородского хлебокомбината за повторное мелкое хищение хлебопродуктов применил к расхитителям максимальный размер штрафа. Суд совхоза «Танежицы» Слуцкого района рассмотрел в 1975 году 17 дел о мелких хищениях народного добра. Ущерб, причиненный совхозу, взыскан полностью. Кроме того, расхитители уплатили штраф в размере 350 руб.

Второе место среди дел, рассматриваемых общественными судами, занимают дела о нарушениях трудовой дисциплины. В условиях повышения эффективности общественного производства, всемерного развертывания социалистического соревнования, решительной борьбы с летунами, прогульщиками, бракоделами, пьяницами воспитание коммунистического отношения к труду, к выполнению служебных обязанностей – одна из первостепенных задач товарищеских судов. Обеспечивая широкую гласность их судебного разбирательства и правильное применение мер воздействия к виновным, суды способствуют искоренению этого зла.

Товарищеский суд Могилевского управления бытового обслуживания населения 23 июня 1975 г. рассмотрел материал в отношении шофера С., который во время работы употреблял спиртные напитки, а управление машиной передавал другому лицу. Коллектив осудил поступок С. Решением суда ему было объявлено общественное порицание. Систематически нарушали трудовую

¹ Юдельсон К.С. выделяет еще семейные дела, являющиеся, по сути, разновидностью гражданских (см. Юдельсон К.С. Дела и решения товарищеских судов. М., 1970, с. 11).

дисциплину и общественный порядок рабочие Клецкого консервного завода Р. и Ш. Товарищеский суд после рассмотрения дела взял их под контроль.

Следует, однако, заметить, что нередко еще случаи недооценки воспитательной роли общественных судов в борьбе с нарушениями трудовой дисциплины. Так, на Светлогорском заводе искусственного волокна 24 товарищеских суда за 1975 год рассмотрели только 5 материалов о нарушении трудовой дисциплины, хотя на заводе было совершено 127 прогулов без уважительных причин. Работники Минского производственного объединения «Луч» допустили за тот же период 242 нарушения трудовой дисциплины. Товарищеские же суды объединения (их 20) приняли к производству всего 53 дела.

Недооценка воспитательного значения деятельности общественных судов ослабляет борьбу с правонарушениями, не способствует исправлению лиц, нарушающих трудовую дисциплину. Это обязывает руководителей предприятий (учреждений) с большим пониманием и ответственностью относиться к выбору мер воздействия на нарушителей трудовой дисциплины, еще больше использовать в этих целях силу общественного осуждения и морального влияния.

Товарищеские суды рассматривают дела по представлениям ФЗМК профсоюза, добровольных народных дружин, групп и постов народного контроля, уличных, домовых, участковых, квартальных комитетов и других общественных организаций, собраний граждан, исполкомов местных Советов, их административных и иных постоянных комиссий. Дело в общественном суде может быть возбуждено по сообщениям государственных органов, руководителей предприятий, учреждений, организаций и правлений колхозов, других должностных лиц, имеющих право налагать дисциплинарные взыскания; по материалам, переданным судом, прокурором, а также следователем и органом дознания с согласия прокурора; по заявлениям граждан; наконец, по инициативе самих товарищеских судов.

Последнее в практике их работы встречается все еще редко, т.е. товарищеские суды не проявляют должной активности в борьбе с антиобщественными действиями, не всегда используют предоставленное им право самостоятельно реагировать на нарушения норм морали и дисциплины. Конечно, этим правом они не могут пользоваться безгранично. Суды не правомочны, например, по собственному усмотрению рассматривать дела, возбуждение которых входит в компетенцию соответствующих государственных

органов и должностных лиц или зависит от волеизъявления граждан (дела о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, имущественных спорах).

Следует согласиться с мнением, что решение о возбуждении дела товарищеский суд может принять лишь в результате непосредственного наблюдения членами суда факта нарушения или по сигналам печати¹. Такое решение должно быть оформлено письменно с отражением оснований для общественного разбирательства.

Поступившее или возбужденное самим товарищеским судом дело должно быть рассмотрено в срок до 15 дней. Сокращенный срок – 10 дней – определен для рассмотрения дел о мелком хулиганстве, мелком хищении и мелкой спекуляции. Этим обеспечивается необходимая оперативность в работе товарищеского суда, усиливается воспитательно-предупредительное значение общественного воздействия. Нарушение сроков рассмотрения дел в товарищеском суде (что, к сожалению, нередко встречается на практике) значительно снижает эффективность его деятельности, не способствует предупреждению правонарушений.

В значительной мере качество и результативность рассмотрения дела в товарищеском суде зависит от тщательности подготовки к заседанию. В необходимых случаях проводится предварительная проверка поступивших материалов, беседы с заявителем и привлекаемым лицом, потребуются необходимые документы и дополнительные сведения, устанавливаются свидетели конфликта и т. д.

Как не раз отмечалось в нашей литературе, посвященной деятельности товарищеских судов, эта проверка не должна превращаться в расследование, подменять предстоящее публичное рассмотрение дела. Председатель суда или его заместитель обязаны ознакомить привлекаемого, потерпевшего и участников гражданско-правового суда с собранными материалами, выяснить, имеются ли у них какие-либо ходатайства об истребовании дополнительных документов и вызове свидетелей. Если такие ходатайства обоснованны, их удовлетворение обязательно. Отказ в этом следует мотивировать.

При наличии оснований для общественного разбирательства в товарищеском суде определяются день и часы заседания и решаются другие, связанные с его проведением, вопросы. В частности, если дело рассматривается по месту жительства нарушителя,

¹ Товарищеские суды. Минск, 1977, с. 86.

в необходимых случаях на заседание суда приглашается представитель коллектива, в котором работает привлекаемое к ответственности лицо.

Заседание суда проводится в нерабочее время в присутствии членов коллектива. Для обеспечения широкой аудитории важно заблаговременно оповестить граждан о времени и месте заседания товарищеского суда. Дела рассматриваются в составе не менее трех членов товарищеского суда, но во всех случаях их число должно быть нечетным. Это исключает осложнения при решении возникающих вопросов и обеспечивает требуемую коллегиальность.

Не останавливаясь на всех процедурных вопросах, укажем лишь на самые существенные. К ним относится прежде всего соблюдение требования об объявлении состава товарищеского суда и рассмотрении заявленных отводов. Таким правом пользуются: лицо, привлекаемое к ответственности, потерпевший и участники гражданско-правового спора. При установлении оснований для сомнения в беспристрастии председателя суда или его членов, т.е. их личной заинтересованности в исходе дела, отвод должен быть удовлетворен. Этот вопрос, как и все другие вопросы, возникающие в ходе заседания, решается всем составом суда, рассматривающим дело. Соблюдением правил об отводе обеспечивается законный состав товарищеского суда, правильное разрешение дела, воспитательно-предупредительный эффект заседания.

В Положении закреплено и другое, имеющее принципиальное значение, требование о равенстве прав привлекаемого лица, потерпевшего и участников гражданско-правового спора (ст. 13). Это значит, что указанным лицам предоставляются одинаковые возможности по даче объяснений, предъявлению доказательств, возбуждению ходатайств, участию в исследовании фактических обстоятельств дела. Тем самым создаются предпосылки для всестороннего и объективного рассмотрения дела, вынесения законного и обоснованного решения.

Разбирая имеющиеся материалы, товарищеский суд заслушивает объяснения нарушителя, потерпевшего, участников гражданско-правового спора и свидетелей. В случае необходимости оглашаются письменные документы, осматриваются вещественные доказательства, выслушивается мнение специалиста. Присутствующие на заседании могут принимать в нем активное участие, задавать вопросы и высказывать мнение по существу рассматриваемого дела. Это – специфическая форма общественного разбирательства, повышающая его действенность, нравственную силу

воспитательного влияния на окружающих. Она способствует развитию у граждан правосознания, укрепляет их уважение к законам и правилам социалистического общежития.

Впервые в законодательстве об общественных судах нормативно зафиксировано положение о вынесении решения в условиях, исключая постороннее влияние на состав суда (ст. 15 Положения), т.е. по существу положительно решен вопрос о тайне его совещания.

Нужно оговориться, что в печати первоначально высказывалось категорическое суждение о неприменимости этого правила к работе товарищеского суда¹. Позднее Е.И. Филиппов, ссылаясь на необходимость создания деловой, спокойной обстановки для вынесения решения, указал на желательность принятия его в отдельной комнате². Аналогичного мнения придерживались по этому вопросу и авторы последующих публикаций³. Действительно, обсуждение членами товарищеского суда возникающих при вынесении решения вопросов в присутствии посторонних, а затем письменное его оформление весьма затруднительно, не говоря уже о том, что решение принимается большинством голосов членов товарищеского суда, между которыми могут быть и разногласия, требующие дополнительного обсуждения некоторых обстоятельств. Именно с учетом всех этих моментов Положение 1977 года и предусмотрело вынесение решения суда в условиях, исключая постороннее на него влияние.

Статья 15 содержит и другое руководящее положение: о реквизитах (составных элементах) решения товарищеского суда. В этом итоговом документе должны быть указаны время и место рассмотрения дела, наименование и состав суда, данные о лице, дело которого рассматривалось, содержание правонарушения или характер гражданско-правового спора, мотивы решения и доказательства, положенные в его основу, избранная судом мера общественного воздействия или указание об оправдании либо результаты разрешения гражданско-правового спора, а также срок и порядок обжалования решения.

Впервые в нормативном акте об общественных судах детально определено содержание решения, в котором формулируются выводы суда по делу. Причем особое значение имеет требование о мотивировке решения, приведении в нем мотивов

¹ См.: «Социалистическая законность», 1964, № 9, с. 66.

² Филиппов Е.И. Комментарий к Положению о товарищеских судах. М., 1972, с. 80.

³ См.: Товарищеские суды. М., 1974, с. 88; Воложанин В.П. Несудебные формы разрешения гражданско-правовых споров. Свердловск, 1974, с. 73.

и доказательств, на которые ссылается суд. Выполнение этого предписания обеспечивает вынесение законных и обоснованных решений, повышает их воспитательно-предупредительную действенность. В то же время органы, осуществляющие проверку решений товарищеских судов, имеют возможность более успешно выполнять свою контрольную функцию, что положительно сказывается на охране прав и законных интересов граждан, на всей деятельности этих судов.

Следовательно, действующее Положение о товарищеских судах содержит такие правила рассмотрения дел, соблюдение которых обеспечивает быстрое, полное и объективное установление обстоятельств совершенного правонарушения или гражданско-правового конфликта, вынесение судом законного и обоснованного решения, достижение необходимого общественно-нравственного результата.

Основная цель деятельности товарищеского суда – воспитательно-предупредительное воздействие на нарушителя и неустойчивых лиц – иногда достигается уже в процессе публичного разбирательства дела. Тогда товарищеский суд при условии чистосердечного раскаяния виновного, его публичного извинения перед коллективом или потерпевшим и добровольного возмещения причиненного ущерба может ограничиться гласным рассмотрением дела. Однако в большинстве случаев этого недостаточно и необходимо применение предусмотренных Положением мер общественного воздействия. При этом товарищеский суд руководствуется законодательством, сознанием своего общественного долга и внутренним убеждением, сложившимся в результате тщательного изучения всех фактических обстоятельств. Суд учитывает также мнение коллектива, отразившееся в выступлениях присутствовавших на заседании. В этой связи представляется обоснованной высказанная в литературе рекомендация товарищеским судам не обходить молчанием коллективное мнение и в случае расхождения с ним приводить мотивы в решении или дать устное обоснование позиции суда¹.

Согласно ст. 16 товарищеский суд вправе: обязать виновного принести публичное извинение потерпевшему или коллективу; объявить товарищеское предупреждение, общественное порицание или общественный выговор с опубликованием или без опубликования в печати; наложить денежный штраф в размере до 10 руб.,

¹ Ворожейкин Е.М. Справочник председателя и члена товарищеского суда. М., 1977, с. 75.

если поступок не связан с нарушением трудовой дисциплины, а по делам о хищениях государственного или общественного имущества – штраф в размере до 30 руб. (при повторном мелком хищении – до 50 руб.). Суд может поставить перед руководителем предприятия, учреждения, организации вопрос о переводе виновного в нарушении трудовой дисциплины на нижеоплачиваемую работу или о смещении на низшую должность; об увольнении в установленном порядке лица, выполняющего воспитательные функции или работу, связанную с непосредственным обслуживанием денежных или материальных ценностей, если товарищеский суд с учетом характера совершенных этим лицом проступков сочтет невозможным доверить ему эту работу в дальнейшем. Одновременно с применением мер воздействия товарищеский суд вправе обязать виновного возместить причиненный его неправомерными действиями ущерб на сумму до 50 руб., если законом не определен другой порядок компенсации. По делам о мелких хищениях государственного или общественного имущества виновный во всех случаях обязан полностью возместить материальный ущерб.

В отличие от мер воздействия ст. 15 Положения о товарищеских судах 1961 года новое Положение не включило в их перечень: 1) постановку перед руководителем предприятия, учреждения, организации вопроса о направлении на неквалифицированные физические работы в том же предприятии, учреждении, организации лиц, совершивших мелкое хулиганство, мелкую спекуляцию, мелкое хищение, кражу малоценных предметов личного потребления и быта, побои и мелкие телесные повреждения; 2) возбуждение вопроса о выселении виновного из квартиры при невозможности проживания с ним или хищническом отношении к жилому фонду.

Исключение первой из этих мер можно, видимо, объяснить затруднениями при практической реализации предложения товарищеского суда, а второй – тем, что решение товарищеского суда о возбуждении вопроса о выселении виновного из занимаемой квартиры по предусмотренным законом основаниям являлось лишь предпосылкой для начала производства в народном суде¹. Возбуждено такое гражданское дело может быть только по иску заинтересованного лица, наймодателя или прокурора.

¹ Именно поэтому в литературе был поставлен вопрос о предоставлении товарищескому суду права самостоятельно возбуждать в народном суде дела о выселении (см.: Воложанин В.П. Несудебные формы разрешения гражданско-правовых споров. Свердловск, 1974, с. 85–86). Законодателем это предложение не воспринято.

В то же время действующее Положение о товарищеских судах наделило их правом наряду с применением к виновному установленных мер воздействия ставить перед администрацией предприятия, учреждения, организации или ФЗМК профсоюзов вопрос о лишении виновного полностью или частично вознаграждения по итогам работы за год, льготной путевки в дом отдыха или санаторий, а также о переносе очередности на получение жилплощади.

Товарищеский суд одновременно с применением к виновному мер общественного воздействия вправе также поставить вопрос о его принудительном лечении, если он является алкоголиком или наркоманом. Такое расширение полномочий товарищеского суда делает его деятельность еще более эффективной в борьбе с антиобщественными явлениями.

Вопрос о характере мер общественного воздействия, применяемых товарищеским судом, достаточно полно освещен в литературе¹. Поэтому можно ограничиться лишь некоторыми замечаниями.

Следует прежде всего подчеркнуть, что в ст. 16 Положения даются исчерпывающий перечень этих мер. Встречающиеся иногда случаи выхода судов за пределы предоставленных им полномочий не основаны на законе. Чаще всего такого рода решения облакаются в форму возбуждения перед компетентными органами вопроса о лишении того или другого лица почетного звания, выведения его из членов бригады коммунистического труда, лишения родительских и других прав. Такие ходатайства противоречат закону.

Как и на протяжении всей истории развития общественных судов, основное место в системе мер воздействия в настоящее время отводится мерам морального характера. Они могут применяться за любые, отнесенные к компетенции судов правонарушения и проступки. Материальная санкция (денежный штраф) используется лишь при определенных условиях. Так, запрещается применять штраф в качестве меры взыскания по делам о нарушениях трудовой дисциплины. Установлен максимальный размер штрафа. Принудительное исполнение решения суда о его взыскании возможно лишь под контролем и при содействии государственных органов и должностных лиц (народного суда и судебного исполнителя).

¹ См.: Юдельсон К.С. Дела и решения товарищеских судов. М., 1970, с. 55–68; Филиппов Е.И. Комментарий к Положению о товарищеских судах. М., 1972, с. 84–90; Ворожейкин Е.М. Справочник председателя и члена товарищеского суда. М., 1977, с. 75–97; Товарищеские суды. Минск, 1977, с. 101–102.

Между тем в практике работы товарищеских судов, как в прошлом, так и в настоящем, наблюдается, с одной стороны, переоценка этой меры воздействия (штраф необоснованно налагается за совершение проступков, не носящих корыстного характера)¹, а с другой – в борьбе с мелкими хищениями государственного и общественного имущества она иногда недооценивается².

Отыскивая пути устранения указанных недостатков, можно рекомендовать применять эту меру воздействия в случаях прямого указания на это в Положении (например, за мелкие хищения государственного и общественного имущества) или когда с учетом тяжести совершенного антиобщественного действия и личности виновного применение других мер общественного воздействия недостаточно или малоэффективно.

Рассмотрение дела в товарищеском суде может заканчиваться не только признанием нарушителя виновным в совершении антиобщественных проступков и применением к нему мер общественного воздействия, но и в случае отсутствия оснований для осуждения оправданием привлеченного к ответственности лица. При разрешении имущественных или иных гражданско-правовых споров товарищеский суд удовлетворяет заявленное требование полностью или частично или отказывает в нем.

Одной из форм окончания производства в товарищеском суде является его прекращение в связи с примирением участников гражданско-правового спора, а по делам об оскорблении, клевете, побоях и нанесении легких телесных повреждений – при примирении потерпевшего с привлекаемым к ответственности лицом (ст. 17).

Нововведением Положения 1977 года является установление обжалования решений товарищеского суда. В отличие от прежнего Положения, объявлявшего решение суда окончательным, ныне предусмотрена возможность его обжалования заинтересованными лицами (лицами, привлекавшимися к ответственности, потерпевшим и участниками гражданско-правового спора) в течение 7 дней со дня вынесения решения в соответствующий ФЗМК профсоюзов или исполком местного Совета депутатов трудящихся.

¹ В 1972 году среди мер воздействия, примененных товарищескими судами Минска и Минской области, первое место занимал штраф; в отдельных районах Белоруссии наложение штрафа на привлеченных к ответственности товарищескими судами доходило иногда до 95 %. Нередки еще случаи, когда виновные подвергаются штрафу и за нарушение трудовой дисциплины (см.: Хвастоў А.М. Таварыскія суды. Мінск, 1972, с. 85).

² См.: Саркисова Э.А. Общественное мнение в борьбе с преступностью. Минск, 1975, с. 16–17.

Указанные органы, установив, что решение суда противоречит действующему законодательству, Положению или обстоятельствам дела, отменяют решение и направляют материалы в тот же суд на новое рассмотрение, либо прекращают производство по делу. Подача жалобы приостанавливает исполнение решения (ст. 19).

Устранена, таким образом, противоречивая ситуация, когда ФЗМК профсоюзов или исполком местного Совета депутатов трудящихся, правомочные направить дело на вторичное рассмотрение товарищескому суду, не вправе были отменить решение или (при наличии оснований) прекратить дело. Жизнь убеждала в необходимости уточнения и расширения полномочий органов, осуществляющих руководство товарищескими судами по контролю за законностью и обоснованностью их решений. Поднимался этот вопрос и в юридической литературе¹. И его положительное решение в законодательстве следует расценивать как укрепление законности в деятельности товарищеских судов, усиление гарантий прав личности в сфере борьбы с правонарушениями.

Свою задачу по предупреждению правонарушений товарищеский суд выполняет прежде всего путем рассмотрения дел в широкой аудитории и применения к нарушителям предусмотренных мер воздействия, а также доведения до сведения всего коллектива принятого решения². Однако имеются и другие многочисленные формы профилактической работы: индивидуальные беседы с неустойчивыми лицами и контроль за их поведением, отчеты о работе суда, шефство, выступление членов суда в печати, с лекциями и докладами. Особо следует выделить такую форму предупредительной деятельности общественных судов, как доведение до сведения общественных организаций и должностных лиц вскрытых судом причин и условий, способствовавших совершению правонарушений. Повышению престижа суда и его воспитательно-предупредительной роли способствует нормативное закрепление обязанности должностных лиц и общественных организаций сообщать товарищескому суду в месячный срок о принятых мерах по устранению выявленных недостатков (ст. 17).

¹ См.: Атеева Г.Н. Товарищеские суды, их взаимодействие с государственными органами. М., 1967, с. 39; Михайловская И.Б. проблемы организации и деятельности товарищеских судов. «Социалистическая законность», 1968, № 12, с. 37.

² К примеру, товарищеский суд автоколонны 2411 г. Минска, работа которого отличается эффективностью, доводит до сведения коллектива результаты рассмотренных дел, вывешивая свои решения на видном месте, оглашая их на общем собрании, помещая информацию в стенной газете (см.: Хвостов А., Ермаков Б. Авторитет товарищеского... «Вечерний Минск», 23 декабря 1976 г.).

Эффективность предупредительной работы судов во многом зависит от их тесного взаимодействия с другими общественными самодетельными организациями и государственными органами, ведущими борьбу с правонарушениями. Этому помогают также опорные пункты, созданные в крупных жилых районах городов, руководимые советами профилактики. Сосредоточение в этих пунктах органов общественности, занимающихся предупреждением антиобщественных действий, а также дежурство работников милиции позволяют оперативно реагировать на каждый случай правонарушения, устранять причины, порождающие нежелательные явления.

В повышении действенности работы товарищеских судов особенно важную роль играет помощь со стороны общественных организаций, на которые возложено руководство ими, и государственных органов.

Согласно ст. 22 Положения, общее руководство деятельностью всех товарищеских судов, образованных по производственному и по территориальному принципу, осуществляют местные (районные, городские, районные в городах, сельские, поселковые) Советы депутатов трудящихся. Непосредственно руководят судами на предприятиях, в учреждениях, организациях, высших и средних специальных учебных заведениях соответствующие ФЗМК профсоюзов, а в колхозах, в домах, обслуживаемых жилищно-эксплуатационными конторами, домоуправлениями или объединяемых уличными комитетам, а также в сельских населенных пунктах и поселках – соответствующие местные Советы депутатов трудящихся и их исполкомы.

Как те, так и другие органы организуют выборы и отчеты товарищеских судов на общих собраниях коллективов, создают материально-технические условия для их работы, проверяют законность и обоснованность решений. Раз в год товарищеские суды должны представлять в исполкомы Советов депутатов трудящихся сведения о числе и характере рассмотренных ими дел и о принятых мерах воздействия. Последнее позволит улучшить статистику в товарищеских судах, которая долгое время не была упорядочена. Отсутствие доброкачественных учетных материалов являлось серьезным препятствием для изучения опыта работы судов, отыскания новых путей для ее совершенствования. Регулярное поступление в исполкомы местных Советов данных о работе общественных судов позволит проводить качественный анализ их деятельности, разрабатывать и осуществлять более эффективные меры борьбы с правонарушениями и аморальными проступками.

В целях содействия исполкомам местных Советов и ФЗМК профсоюзов в руководстве и контроле за деятельностью общественных судов, оказания им методической помощи, координации их деятельности, организации учебы и обмена опытом, при исполкомах районных, городских (в городах без районного деления), районных в городах Советов депутатов трудящихся организованы общественные советы по работе товарищеских судов.

Первый такой совет в нашей республике был образован исполкомом Оршанского городского Совета в 1962 году. Вскоре они были созданы и при других исполкомах местных Советов депутатов трудящихся.

29 марта 1977 года Президиум Верховного Совета БССР утвердил Положение об общественных советах по работе товарищеских судов¹.

Общественные советы действуют в составе председателя, заместителя председателя, секретаря и членов совета. Число членов зависит от объема работы совета. Его состав утверждает исполком районного, городского, районного в городе Совета депутатов трудящихся сроком на два года. В деятельности совета принимает участие и общественность. Членами его являются народные судьи, прокурорские работники, адвокаты и т. д.

Общественные советы по работе товарищеских судов не реже одного раза в год отчитываются перед соответствующими местными Советами депутатов трудящихся о своей работе.

Основными задачами общественных советов по работе товарищеских судов являются: оказание помощи исполкомам местных Советов депутатов трудящихся и комитетам профсоюзов в улучшении организации работы товарищеских судов и повышении эффективности их деятельности; координация работы судов, обеспечение соблюдения ими законности и охраны прав граждан; содействие в проведении выборов и отчетов судов; взаимодействие, их с другими общественными организациями в профилактике правонарушений; организация правового обучения председателей и членов этих судов; изучение, обобщение практики и распространение положительного опыта их работы.

Общественные советы по работе товарищеских судов, выполняющие перед ними задачи, проводят семинары и совещания председателей и членов судов, проверку их работы, знакомятся с делопроизводством судов, анализируют представленные ими данные о числе и характере рассмотренных дел и о принятых мерах

¹ СЗ БССР, 1977, № 10, ст. 148.

воздействия, передают сводные сведения в исполкомы Советов депутатов трудящихся. По поручению последних они проверяют жалобы на решения товарищеских судов и вносят свои предложения по результатам проверки, а также об отмене незаконных решений, об устранении выявленных недостатков и дальнейшем совершенствовании деятельности судов.

Общественные советы по работе товарищеских судов вправе заслушивать: сообщения председателей судов, ставить перед исполкомами местных Советов и ФЗМК профсоюзов вопрос о поощрении председателей и членов судов за активную деятельность. Наконец, их обязанность – принимать меры к освещению работы товарищеских судов в печати, по радио, телевидению, пропагандировать ее другими средствами информации.

Органы юстиции, прокуратура и суды обязаны оказывать товарищеским судам правовую помощь, формы которой подсказаны практикой. Это – юридические консультации и советы, выступления на семинарах и совещаниях, приглашение членов товарищеских судов на межведомственные совещания по вопросам предупреждения правонарушений, чтение лекций на правовые темы, обобщение и распространение положительного опыта работы и т.д.

Органы прокуратуры, осуществляя высший надзор за точным исполнением законов, опротестовывают незаконные решения товарищеских судов, вносят представления о недостатках в их работе и тем самым способствуют повышению эффективности всей деятельности этих судов.

Вопросы работы товарищеских судов, как и других общественных самодеятельных организаций трудящихся, находятся в центре внимания местных партийных органов. Это – надежная гарантия успешного выполнения товарищескими судами задач по предупреждению правонарушений и коммунистическому воспитанию граждан.

Глава III.

Взаимодействие товарищеских и государственных судов

Одним из условий успешной борьбы с правонарушениями в период строительства коммунизма является повседневная связь правоохранительных органов с общественностью и в частности деловое взаимодействие товарищеских и государственных судов. Это вытекает из их общих задач в укреплении социалистической законности и правопорядка, предупреждении и искоренении антиобщественных проявлений.

Опыт прошлого и настоящего свидетельствует о том, что особенно важно найти правильные формы связи и взаимодействия между народными и товарищескими судами. Неприемлемо как подчинение последних государственным судам, так и отсутствие должной связи и сотрудничества между ними. И в первом и во втором случаях ослабляется борьба с правонарушениями, не используются в полной мере разносторонние формы государственного и общественного воздействия на лиц, нарушающих нормы права и морали.

На необходимость правильных взаимоотношений общественных и государственных судов обращал внимание еще В.И. Ленин. Отмечая воспитательную роль товарищеских дисциплинарных судов, он указывал на недопустимость их вмешательства в «функции нарсудов вообще и в функции управления»¹, вырождения в общие суды².

Комментируя это положение, Н.В. Крыленко обоснованно замечал, что в отличие от народного суда принуждение не свойственно товарищеским судам³. Разумеется, проблема взаимоотношений тех и других судов этим не исчерпывается. Некоторые ее аспекты освещались в нашей правовой литературе⁴, что не исключает однако, ее комплексного рассмотрения.

Тесное взаимодействие государственных и товарищеских судов – закономерный процесс, отражающий возрастание роли общественности в коммунистическом строительстве, постепенное преобразование советской государственности в коммунистиче-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 347.

² Там же, с. 497.

³ Крыленко Н.В. В.И. Ленин о суде и уголовной политике. М., 1934, с. 141.

⁴ См.: Агеева Г.Н. Товарищеские суды, их взаимодействие с государственными органами. М., 1967, с. 49–61; Алексеев Н.С., Лукашевич В.З. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве. Л., 1970, с. 14–15; Потеружа И.И. Суд и общественность в предупреждении правонарушений. Минск, 1974, с. 46–72 и др.

ское общественное самоуправление. Именно отражением этой тенденции явился научный спор о том, можно ли говорить о наличии у нас двух форм правосудия: государственной и общественной. Одни авторы отвечали на этот вопрос положительно, другие – решительно возражали против такого мнения, подчеркивая правовой характер понятия, правосудия.

Нет общего мнения по данному вопросу и у юристов, зарубежных социалистических стран¹.

Можно было бы и не возвращаться к этой проблеме, решенной явно в пользу сторонников единого понятия правосудия как исключительно государственной деятельности, если бы не желание подкрепить эту позицию некоторыми дополнительными суждениями. Как известно, для правоохранительной, правоприменительной и правос воспитательной деятельности периода развитого социализма характерно осуществление ее не только государственными органами, но и общественными самодеятельными организациями трудящихся и, в частности, товарищескими судами.

Такая тенденция в юрисдикционной деятельности стала проявляться с первых дней построения социалистического общества. Наиболее полное и последовательное развитие она получает на современном этапе коммунистического строительства. Однако представляется обеспокоительным опасение, что рассмотрение деятельности товарищеских судов как разновидности правосудия стирает качественное отличие ее от деятельности государственного органа, мешает видеть ее особенности, что, в свою очередь, ведет к юридизации товарищеских судов². Думается, что именно в общественном характере природы товарищеских судов прежде всего и заключается их качественное отличие от деятельности судебных органов, осуществляющих правосудие от имени государства и применяющих государственное принуждение к правонарушителям³. Руководящее положение об осуществлении правосудия только судом как особым органом государственной власти находит отражение в ст. 150 проекта Конституции СССР. Поэтому в современных

¹ См.: Общественные суды в европейских социалистических странах. М., 1968, с. 19–20, 53, 86; Бухгольц Э. Общественные органы правосудия в ГДР. «Социалистическая законность», 1975, № 6, с. 73–74.

² Агеева Г.Н. Товарищеские суды, их взаимодействие с государственными органами. М., 1967, с. 19–20.

³ Поэтому неверно переоценивать значение процессуальной формы, и именно в ней в первую очередь видеть различие между государственным правосудием и деятельностью товарищеских судов (см. Воложанин В.П. Несудебные формы разрешения гражданско-правовых споров. Свердловск, 1974, с. 44–45).

условиях об общественном правосудии можно говорить лишь условно.

Следовательно, сочетание государственного управления с широкой инициативой трудящихся, их самодеятельных организаций – одна из черт советской демократии. Тесная взаимосвязь и взаимодействие государственных органов и общественности в области борьбы с правонарушениями предопределено единством системы, политической организации советского общества, всем ходом развития социалистической государственности.

Современное законодательство достаточно четко регламентирует основные вопросы взаимоотношений государственных и общественных судов. Устанавливая формы руководства последними, оно не допускает превращения их в низшее звено системы государственных судебных органов и вместе с тем предоставляет им возможность опираться на помощь государственных судебных учреждений, прежде всего районных (городских) народных судов.

Требование постоянного делового контакта в их работе вытекает из необходимости правильного и целесообразного сочетания мер судебного и общественного воздействия в борьбе с правонарушениями. Вопрос о соотношении мер уголовного наказания и общественного воздействия – часть общей проблемы о соотношении убеждения и принуждения, права и нравственности в социалистическом обществе. Руководящие указания на этот счет мы находим в гениальной сокровищнице ленинской мысли.

В.И. Ленин подчеркивал, что основным методом государственного руководства обществом в процессе строительства социализма и коммунизма является метод убеждения, а принуждение – вспомогательное средство воспитания масс и руководства ими. «Мы должны во что бы то ни стало сначала убедить, а потом принудить»¹. Меры принуждения и, в частности, наиболее острые из них – меры уголовного наказания – никогда не были основным средством борьбы с такого рода социальным явлением, как преступность. С первых дней существования Советского государства в борьбе с преступлениями используются меры воспитания и принуждения, общественного воздействия и уголовного наказания. Еще выше роль убеждения, воспитания. В период строительства коммунизма со всей остротой поставлена задача искоренить правонарушения. Она требует в первую очередь решительно усилить воспитательную, профилактическую работу. «Товарищеское осуждение антиобщественных поступков, – говорится в Программе

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 54.

КПСС, – постепенно станет главным средством искоренения проявлений буржуазных взглядов, нравов, обычаев»¹.

Вместе с тем было бы заблуждением недооценивать в современных условиях общественного развития государственное принуждение в целом и мер уголовного наказания в частности. Как отмечалось выше, на необходимость правильного сочетания в борьбе с правонарушениями мер государственного принуждения и общественного воздействия указывалось на XXV съезде КПСС. Руководствуясь партийными решениями, высшие судебные органы – Верховный Суд СССР и верховные суды союзных республик (в том числе и Верховный Суд БССР) – ориентируют суды на строгую индивидуализацию наказания, на учет при его назначении характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, смягчающих иотягчающих обстоятельств.

Обращая внимание судов на обязанность дальнейшего повышения уровня осуществления правосудия в свете решений XXV съезда партии, Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 26 марта 1976 года подчеркнул необходимость совершенствования взаимодействия судов с другими правоохранительными органами и общественными организациями (в частности, товарищескими судами), в проведении профилактических мероприятий по борьбе с преступностью и иными правонарушениями². Это было также отмечено в руководящем постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О дальнейшем совершенствовании судебной деятельности по предупреждению преступлений» от 3 декабря 1976 года № 15³.

Новым шагом, подтверждающим гуманизм советской уголовно-судебной политики, является ряд принятых Президиумом Верховного Совета СССР 8 и 15 февраля 1977 года Указов и постановлений о внесении изменений и дополнений в действующее законодательство⁴. Это еще одно свидетельство неуклонного претворения в жизнь решений XXV съезда КПСС об укреплении социалистической законности и правопорядка, широком привлечении общественности к участию в борьбе с правонарушениями.

Осуществлено дальнейшее ограничение применения мер уголовного наказания к лицам, совершившим преступление, не представляющее большой общественной опасности, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1972, с. 121.

² Бюллетень Верховного Суда СССР, 1976, № 3, с. 10.

³ Там же, 1977, № 1, с. 15.

⁴ Ведомости Верховного Совета СССР, 1977, № 7, ст. 116–120.

одного года, либо другое, более мягкое наказание, если их исправление и перевоспитание возможно без изоляции от общества. В этих случаях к освобожденным от уголовной ответственности лицам по постановлению народного судьи или определению суда могут быть применены указанные в законе меры административного взыскания (штраф в размере до 50 руб., либо исправительные работы по месту работы виновного на срок от одного до двух месяцев с удержанием до 20 % заработка, либо арест на срок до пятнадцати суток).

Введение этой новеллы в наше законодательство не сужает применения мер общественного воздействия. Наоборот, можно согласиться с мнением о том, что законодатель, наряду с установлением административной ответственности за некоторые преступления, стремился поднять роль и значение мер общественного воздействия к правонарушителям¹.

В то же время по-прежнему не должны допускаться послабления при назначении наказания виновным в совершении тяжких и других опасных преступлений, а также рецидивистам, не желающим стать на путь исправления. Следовательно, законом созданы дополнительные возможности для более дифференцированного подхода к решению вопроса об ответственности лиц, совершивших преступления. В связи с этим «суды обязаны строго соблюдать требования ст. 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик о применении в предусмотренных законом случаях, к лицам, виновным в совершении преступлений, не представляющих большой общественной опасности, мер административного взыскания или общественного воздействия вместо привлечения их к уголовной ответственности»².

Одно из условий рационального использования в борьбе с правонарушениями мер судебного принуждения и общественного воздействия – правильное определение подведомственности дел, которые могут быть предметом рассмотрения и товарищеских, и районных (городских) народных судов. Такими делами являются дела с альтернативной подведомственностью и дела, отнесенные действующим законодательством к подсудности народного суда, но передача которых в общественный суд допускается при наличии соответствующих оснований.

Установление законодателем категории дел с альтернативной подведомственностью и предоставление права суду, а также другим

¹ См.: Вакуленко В. Новое в уголовном законодательстве. «Социалистическая законность», 1977, № 4, с. 11.

² Бюллетень Верховного Совета СССР, 1977, № 2, с. 7.

компетентным государственным органам и должностным лицам направлять на рассмотрение товарищеского суда дела, по которым целесообразно применение мер общественного воздействия, служит одной из предпосылок обоснованного сочетания государственного принуждения и морального влияния в борьбе с правонарушениями. Точное определение подведомственности дел не формальный вопрос, он имеет принципиальное значение, т.к. правильным направлением дела на рассмотрение в товарищеский или народный суд в значительной мере предreshается характер применяемых мер принуждения и воспитания, соотношение мер уголовно-наказания и общественно-моральных санкций.

В настоящее время время круг дел с альтернативной подведомственностью и дел, передача которых допускается из народного в товарищеский суд, сравнительно широк. Рассмотрение в товарищеском или народном суде одних из них (например гражданско-правовых споров) зависит от волеизъявления заинтересованных лиц, других (о мелких хищениях государственного или общественного имущества, мелком хулиганстве, мелкой спекуляции, о совершенной впервые краже малоценных предметов потребления и быта и других не представляющих большой общественной опасности преступлениях) от усмотрения компетентных государственных органов и должностных лиц, третьих (дел о посягательствах на честь, достоинство, телесную неприкосновенность личности) – от тех и других вместе взятых. Но немаловажное значение для определения подведомственности указанных категорий дел имеет необходимый контакт в работе обоих судов, правильное понимание ими своих и общих задач в борьбе с правонарушениями и другими антиобщественными действиями. Особенно ответственна здесь роль народных судов, т.к. именно они обычно решают вопрос о передаче дел.

Среди дел и материалов, рассматриваемых общественными судами, значительный процент составляют дела так называемого частного обвинения и дела о мелком хулиганстве и мелком хищении государственного или общественного имущества.

Тесная связь государственных органов с общественностью, умелое сочетание в борьбе с преступностью и другими правонарушениями мер государственного принуждения и общественного воздействия привели к заметному сокращению судимости по делам о малозначительных преступлениях¹. Задача заключается в том,

¹ См.: Горелик И.И., Тишкевич И.С. Вопросы уголовного права (общей части) в практике Верховного суда БССР, Минск, 1973, с. 29.

чтобы разумно направлять этот процесс, чтобы передача дел товарищеским судам была не только стабильной, но и проводилась в соответствии с требованиями закона, с учетом конкретных обстоятельств каждого дела и личности виновного.

Верховный Суд СССР, подводя итоги практики передачи дел народными судами на рассмотрение товарищеских¹, пришел к заключению, что в основном она осуществляется правильно. Вместе с тем допускаются и некоторые ошибки: не всегда соблюдаются предусмотренные законом условия и порядок освобождения от уголовной ответственности, хотя действующим законодательством созданы необходимые предпосылки для обоснованного решения вопроса о направлении дел на рассмотрение общественных судов.

Регламентация вопросов передачи дел товарищеским судам осуществлена в истории нашего законодательства впервые. Это вызвано потребностями социального развития, все более широким участием общественности в борьбе с преступностью. Закреплением в нормах закона условий и порядка передачи дел на рассмотрение общественности реализованы начала социалистической законности в области взаимоотношений товарищеских судов с правоохранительными органами, а также гарантированы права и законные интересы граждан.

Общие положения об условиях и порядке освобождения от уголовной ответственности и наказания отражены в общесоюзном законодательстве. Так, в ч. 3 ст. 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик говорится: «Лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, может быть освобождено от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление и перевоспитание возможно без применения уголовного наказания». В этом случае, отмечается далее, в соответствии с законодательством может быть принято одно из следующих решений: о привлечении лица к административной ответственности; о передаче материалов дела на рассмотрение товарищеского суда либо в комиссию по делам несовершеннолетних, либо о передаче лица на поруки общественной организации.

Статья 51 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик предусматривает прекращение уголовного дела по этим основаниям.

Уголовные, уголовно-процессуальные кодексы Положения о товарищеских судах союзных республик, в том числе БССР,

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924–1973, с. 44–48.

конкретизируют условия и порядок передачи дел и материалов в товарищеский суд.

Статья 6 УПК БССР определяет, что в случае совершения лицом малозначительного или не представляющего большой общественной опасности преступления, когда факт преступления очевиден, а лицо, его совершившее, может быть исправлено мерами общественного воздействия, суд, прокурор, а также следователь и орган дознания с согласия прокурора вправе, не возбуждая уголовного дела, передать материалы на рассмотрение товарищеского суда или комиссии по делам несовершеннолетних либо передать виновного на поруки коллективу трудящихся или общественной организации для перевоспитания и исправления, если об этом имеется их ходатайство. Эти положения еще более уточняются применительно к отдельным видам замены мер уголовного наказания мерами общественного воздействия. В частности, согласно ст. 49 УК БССР лицо может быть освобождено от уголовной ответственности с передачей дела на рассмотрение товарищеского суда, если оно совершило впервые какое-либо из следующих деяний, предусмотренных Кодексом: 1) умышленное легкое телесное повреждение или побои (ч. 2 ст. 110), клевету (ч. 1 ст. 128), оскорбление (ст. 129); 2) иное деяние, за которое допускается применение мер общественного воздействия; 3) другое малозначительное преступление, если виновный (с учетом его личности и характера деяния) может быть исправлен без применения наказания с помощью мер общественного воздействия.

Сопоставляя тексты ст. 6 УПК и 49 УК БССР, можно прийти к выводу, что общими и обязательными основаниями для направления дел в товарищеский суд являются: 1) малозначительность или небольшая общественная опасность совершенного преступления; 2) совершение преступления в первый раз; 3) уверенность, что виновное лицо может быть исправлено мерами общественного воздействия; 4) ясность обстоятельств дела, т.е. они не нуждаются в специальном расследовании. Только при наличии этих условий в совокупности решение об освобождении от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд может считаться законным и обоснованным. Следует отметить, что эти условия тесно связаны между собой. Отсутствие хотя бы одного из них делает освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд неправомерным. В самом деле, если преступление представляет большую социальную опасность, замена мер уголовного наказания мерами морального характера не может считаться законной и отвечать задачам

общей и частной превенции. Если же преступление незначительно, но совершается повторно или неоднократно, или поведение виновного лица не внушает доверия, также не может быть твердо убеждения в эффективности мер общественного воздействия. Поэтому все установленные в законе правовые условия для направления дела в товарищеский суд должны быть налицо.

Среди многих вопросов, связанных с передачей дел в товарищеский суд, особого внимания заслуживает рассмотрение положения о том, какие преступления следует считать малозначительными и не представляющими большой общественной опасности. Речь не идет, конечно, о тех составах малозначительных преступлений, которые прямо названы в законе или санкции статей которых допускают применение мер общественного воздействия (п. 1 и 2 ст. 49 УК БССР). Это относится к другим малозначительным преступлениям (п. 3 ст. 49 УК БССР), когда санкции статьи особенной части Уголовного кодекса прямо не предусматривают таких мер.

В литературе предлагалось различное решение этой проблемы. Одни считали целесообразным дать в Общей части уголовных кодексов точный перечень тех незначительных преступлений, за совершение которых возможно применение мер общественного воздействия через товарищеские суды¹. Другие высказывались за установление в законе формального критерия, ограничивающего право компетентных государственных органов передавать на рассмотрение общественного суда дела с определенным размером уголовного наказания, которое может быть назначено за совершенное преступление². Такой критерий установлен в ст. 52 УК Грузинской ССР, допускающей передачу дел в товарищеский суд лишь при совершении преступлений, которые по закону могут быть наказаны лишением свободы на срок до года или другим более мягким наказанием.

Вопрос о том, какое преступление считать малозначительным, действительно, не из простых. Но теперь его решение облегчается, во-первых, тем, что новые законодательные акты не пользуются понятием «малозначительные преступления», включая последние в число преступлений, не представляющих большой

¹ См.: Меньшагин В.Д. К вопросу о компетенции товарищеских судов. «Вестник Московского университета», 1960, № 1, с. 22–23.

² См.: «Советская юстиция», 1960, № 1, с. 40; Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961, с. 42; Виттенберг Г.Б. Уголовно-правовые вопросы и участие общественности в борьбе с преступностью. «Советское государство и право», 1963, № 10, с. 86.

общественной опасности; во-вторых, тем, что Основы уголовного законодательства установили четкий критерий для дел о преступлениях, по которым допускается освобождение от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания. В ч. 4 ст. 43 Основ указывается, что последнее возможно лишь по делам о преступлениях, за которые законом предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не свыше одного года либо другое более мягкое наказание.

Исходя из того что малозначительные преступления относятся к группе преступлений, не представляющих большой общественной опасности, следует прийти к выводу, что и за совершение их не может быть назначено наказание более года лишения свободы. Но, решая вопрос о том, является ли преступление малозначительным или не представляющим большой общественной опасности и допустимо ли в связи с этим направление дела в товарищеский суд, нужно учитывать все фактические обстоятельства. Ведь общественная опасность любого преступного деяния может колебаться в зависимости от конкретных жизненных ситуаций. Неслучайно действующее уголовное законодательство не знает абсолютно-определенных санкций. Устанавливая относительно-определенные санкции, оно учитывает, что степень общественной опасности одного и того же вида преступления может, быть различной. Широкие рамки санкций позволяют суду выполнить требование закона (ст. 32 Основ уголовного законодательства) об индивидуализации, соразмерности и справедливости наказания, назначить его с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и обстоятельств дела, смягчающих и отягчающих ответственность.

Таким образом, малозначительность преступления должна определяться судебно-следственными органами в каждом отдельном случае с учетом степени общественной опасности содеянного и личности виновного¹. Но это решение непременно должно быть основано на законе. Суд и другие компетентные государственные органы обязаны руководствоваться не только общими положениями, закрепленными в уголовном законодательстве, но и статьями, предусматривающими ответственность за отдельные виды преступлений. Нельзя согласиться с мнением, что направление дел на рассмотрение товарищеского суда не нужно связывать с санкциями статей особенной части уголовных кодексов².

¹ На такой же позиции стоит А.П. Чугаев (см.: Чугаев А.П. Малозначительное преступление и товарищеский суд. Казань, 1966, с. 84–85).

² См.: Хангельдыев Б.Б. Об основных направлениях деятельности товарищеских

Игнорирование норм уголовного закона (санкций статей), в которых от имени государства дана оценка степени общественной опасности отдельных видов преступлений, может привести к нарушению соотношения мер судебного принуждения и общественного воздействия и социалистической законности в борьбе с преступностью. И наоборот, соблюдение этого требования будет способствовать укреплению законности и обеспечит необходимое единство в практике применения мер воспитательного характера.

При направлении дел о малозначительных преступлениях на рассмотрение товарищеского суда главным вопросом всегда остается вопрос о целесообразности и эффективности замены в данном конкретном случае уголовной ответственности мерами общественного воздействия, т.е. будет ли отвечать такая замена задачам общей и в первую очередь специальной превенции. Решение передать дело о малозначительном преступлении на рассмотрение товарищеского суда может быть признано аргументированным, если при его вынесении имелось твердое убеждение, что исправление виновного возможно без применения наказания, с помощью мер общественного воздействия, налагаемых товарищеским судом. Это убеждение должно быть основано на данных, характеризующих лицо, совершившее преступное деяние.

Следует отметить, что на практике этому не всегда уделяется должное внимание. В постановлениях компетентных государственных органов о направлении дел на рассмотрение товарищеских судов зачастую не отражаются сведения о личности правонарушителя. Создается впечатление, что вопрос о том, может ли виновный быть исправлен мерами общественного воздействия, в отдельных случаях не только в достаточной степени не обсуждается, но даже и не ставится¹. Во внимание принимается лишь один объективный критерий – малозначительность совершенного преступления. Только этим можно объяснить все еще встречающееся в судебной практике направление на рассмотрение товарищеских судов дел в отношении лиц, привлекавшихся ранее к уголовной ответственности или уже подвергавшихся мерам общественного воздействия, а также систематически злоупотребляющих спиртными напитками.

судов на современном этапе. XXII съезд КПСС и вопросы государства и права. Свердловск, 1962, с. 492–493.

¹ Об этом свидетельствует, в частности, и тот факт, что по 15,8 % дел о хулиганстве и нанесении телесных повреждений, направленных в товарищеские суды, отсутствовали данные о возможности исправления виновного без применения уголовного наказания («Социалистическая законность», 1977, № 4, с. 54).

При обсуждении вопроса о возможности исправления лица без применения наказания необходимо учитывать его поведение в быту и на производстве, его нравственный облик. Если будет установлено, что виновный ранее совершил преступление, но по нему уже истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности, погашена или снята судимость, или прошло более года с момента применения мер общественного воздействия, то юридически он считается не подвергавшимся уголовному наказанию и общественному воздействию. Тем не менее эти обстоятельства не могут не приниматься во внимание при определении степени общественной опасности лица. Это не значит, конечно, что в таких случаях дело не может быть передано на рассмотрение товарищеского суда. Но вопрос о том, возможно ли исправление правонарушителя с помощью мер воспитательного характера, должен быть особенно тщательно продуман и обсужден.

Практика деятельности товарищеских судов убедительно доказала, что сила общественного воздействия на правонарушителей весьма значительна. Однако нельзя и переоценивать его возможности в борьбе с преступностью. Для исправления лиц, отличающихся стойким антиобщественным поведением и образом жизни, мер общественного воздействия порой недостаточно и более эффективным оказывается уголовное наказание.

Для правильного выбора формы ответственности по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, полезно, чтобы в самом законе были установлены некоторые ориентиры. В связи с этим привлекает внимание ст. 52 УК Литовской ССР. В последнем абзаце статьи указано, что освобождение от уголовной ответственности и наказания с передачей дела в товарищеский суд не допускается в тех случаях, когда к лицу, совершившему малозначительные преступления, ранее уже применялись меры общественного воздействия за совершенные преступления или это лицо имеет судимость, отрицает свою вину, или уклоняется от явки в товарищеский суд, а равно, если к нему по обстоятельствам дела мера общественного воздействия не может быть применена.

Законодательное закрепление условий, ограничивающих направление дела в товарищеский суд, способствует правильному решению вопроса об ответственности лиц, совершивших малозначительное преступление, и ориентирует судебно-следственные органы на изучение личности правонарушителя, его общественной опасности.

Нами рассмотрены некоторые общие положения, связанные с передачей дел о малозначительных преступлениях товарищеским

судам для применения к правонарушителям мер общественного воздействия. С ними приходится сталкиваться всем правоохранительным органам и должностным лицам, правомочным заниматься такого рода делами. Но передача дел о малозначительных преступлениях народными судами имеет и некоторые особенности.

В соответствии с действующим законодательством народные суды могут направлять на рассмотрение товарищеских судов две категории дел о малозначительных преступлениях: дела частного обвинения и публичного. Основную массу дел составляют дела частного обвинения, т.к. вопрос о применении мер общественного воздействия в других случаях решается, как правило, органами дознания, следствия и прокуратуры. Суд имеет право пересмотреть их решение лишь при несогласии с выводом указанных органов и должностных лиц о привлечении виновного к уголовной ответственности. Тогда суд в распорядительном или судебном заседании выносит мотивированное определение о прекращении уголовного дела и о передаче его в товарищеский суд для применения мер общественного воздействия (ст. 208 и 236 УПК БССР).

Тесный контакт в работе государственных и товарищеских судов особенно важен по делам частного обвинения. Как указывалось выше, они составляют наиболее многочисленную группу среди дел, передаваемых народными судами на рассмотрение общественных. Кроме того, в отличие от других дел о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, они могут рассматриваться и товарищескими и государственными судами. Потерпевшему предоставлено право самому решать, в какой суд обратиться за защитой своих интересов. Но существенна здесь и роль народных судов, которые вправе принимать дела частного обвинения к производству или направлять их в товарищеские суды для применения мер общественного воздействия.

Следует заметить, что поступление дел частного обвинения в народные суды в связи с деятельностью товарищеских намного уменьшилось¹. Как правило, в народные суды поступают дела о наиболее злостных деяниях, затянувшихся и трудноразрешимых конфликтах. С точки зрения профилактики принципиальное значение имеет решение вопроса о направлении дела в целом: привлечь ли лицо к уголовной ответственности или применить к нему общественное воздействие.

¹ Так, в 1971 году по сравнению с 1958 годом число осужденных по делам частного обвинения уменьшилось в республике почти в четыре раза (См.: Горелик И.И., Тишкевич И.С. Вопросы уголовного права (общей части) в практике Верховного суда БССР, с. 29).

Опыт показывает, что рассмотрение дел частного обвинения в товарищеских судах отличается высокой эффективностью, оказывает большое воспитательное воздействие не только на правонарушителя, но и на общественность. Это объясняется тем, что каждое дело обсуждается в коллективе, в присутствии лиц, знающих не только потерпевшего и виновного, но и – нередко – причины и обстоятельства возникшего конфликта. Теперь уже никто не выражает сомнений в целесообразности отнесения к полномочиям товарищеских судов дел частного обвинения. Скептицизм некоторых юристов, оказался опровергнутым самой жизнью и практикой деятельности этих судов. Вместе с тем в противоречии с общей линией всемерной охраны прав личности оказалось бы положение о полном изъятии дел частного обвинения из компетенции народных судов¹.

Законодатель избрал средний, наиболее приемлемый путь – вопрос о подсудности дел частного обвинения решен с учетом характера и степени общественной опасности отдельных видов преступлений против чести, достоинства и неприкосновенности личности. Для одних дел частного обвинения – об оскорблении (ст. 129 УК БССР), распространении позорящих члена коллектива измышлений (ч. 1 ст. 128), побоях, легких телесных повреждениях, не повлекших расстройства здоровья (ст. 110) – установлена альтернативная подсудность. Другие дела этой категории, например о легких телесных повреждениях, повлекших за собой расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности, о распространении клеветнических измышлений в отношении других граждан, не являющихся членами одного с виновным коллектива, о клевете с наличием отягчающих признаков², отнесены к компетенции исключительно народного суда. Тем самым созданы предпосылки для успешной борьбы с преступными посягательствами против чести, достоинства и телесной неприкосновенности личности, для сочетания в этой борьбе мер уголовного наказания и общественного воздействия. В воспитательных целях используются и авторитет государственных судебных органов, и моральная сила коллектива, общественного осуждения.

Необходимое условие для правильного взаимодействия государственных и товарищеских судов по делам частного обвинения

¹ Этот вопрос подробно исследован в монографии Катькало С.И., Лукашевича В.З. Судопроизводство по делам частного обвинения. Л., 1972, с. 169–170.

² Перечисленными составами исчерпывался круг дел частного обвинения по УПК РСФСР и некоторых других союзных республик.

(как и по другим делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности) – точное соблюдение всех требований закона об основаниях и порядке освобождения от уголовной ответственности. Как уже отмечалось, для всех категорий дел о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, законом установлены единые основания и порядок применения мер общественного воздействия, налагаемых товарищеским судом. Однако некоторые процессуальные особенности дел частного обвинения (альтернативная подсудность, возбуждение их единолично народным судьей по жалобе потерпевшего, возможность примирения с обвиняемым до и после начала производства по делу и др.) требуют их учета при решении вопроса о передаче дела в общественный суд.

Дела частного обвинения, как правило, направляются в товарищеский суд до возбуждения производства по делу и предания виновного суду. Такая практика вполне себя оправдывает и не может вызывать возражений. Однако в свое время возник вопрос о праве народного судьи единолично принять решение о направлении материалов в товарищеский суд. Разногласия по этому вопросу появились в связи с тем, что исходя из текста ст. 6 УПК БССР и соответствующих статей УПК других союзных республик таким правом наделены суд, прокурор, следователь и орган дознания (с согласия прокурора). При этом не учитывалось, что по действующему закону (ст. 108 УПК БССР, ст. 109 УПК РСФСР) дела о преступлениях, предусмотренных ст. 110, ч. 1 ст. 128 и ст. 129 УК БССР, возбуждаются единолично судьей, вследствие чего он правомочен по этим делам принимать решение о применении к виновному мер общественного воздействия. В настоящее время в литературе этот вопрос получил правильное освещение¹. Положительно сказалось бы на практическом его решении и уточнение текста ст. 6 УПК БССР и соответствующих статей УПК других союзных республик. В числе органов и должностных лиц, правомочных направлять материалы в общественные суды без возбуждения уголовного дела, следует назвать и судью. Нельзя не прислушаться и к мнению С.И. Катькало и В.З. Лукашевича о том, что дела частного обвинения могут быть рассмотрены товарищеским судом лишь при условии, если они поступили на основании постановления судьи или определения суда. Направление этих дел в товарищеские суды органами милиции, следствия и прокуратуры

¹ См.: Гальперин И.М. Взаимодействие государственных органов и общественности по борьбе с преступностью. М., 1972, с. 126–127.

правильно квалифицируется как нарушение требований уголовно-процессуального законодательства о порядке возбуждения дел названной категории¹.

В связи с тем что дела частного обвинения возбуждаются по жалобе потерпевшего, необходимо учитывать и его мнение, прежде чем принять определенное решение.

В руководящем Постановлении от 26 марта 1960 г. Верховный Суд СССР обязал суды разъяснять потерпевшим целесообразность рассмотрения этих дел общественностью². Такая установка обоснована, поскольку специфика дел частного обвинения требует учета интересов потерпевшего. Однако, как справедливо отмечается в уголовно-процессуальной литературе, хотя мнение потерпевшего и должно учитываться, но оно не может быть определяющим при решении вопроса об освобождении правонарушителя от уголовной ответственности³. Указание Верховного Суда СССР о необходимости «разъяснять потерпевшим целесообразность рассмотрения этих дел общественностью» не дает оснований принимать решение только в соответствии с желанием потерпевшего, как это иногда предлагается⁴. Тем более необоснованным представляется предложение о направлении дел частного обвинения в товарищеский суд при обоюдном согласии сторон⁵. Это существенно сузило бы применение мер общественного воздействия к правонарушителям, позволило бы последним избегать товарищеского осуждения.

Поскольку мнение потерпевшего о направлении дела в товарищеский суд должно учитываться, его необходимо отражать и в постановлениях. В том случае, если принятое судьей решение не совпадает с желанием потерпевшего, следует указывать мотивы, по которым неудовлетворена просьба последнего о рассмотрении дела в народном суде. К сожалению, в постановлениях народных судей о передаче дел в товарищеский суд только в редких случаях фиксируется мнение потерпевшего и еще реже аргументируется отклонение его просьбы разбирать дело в народном суде. Так, постановлением нарсудьи Пуховичского района отказано в возбуждении дела в отношении П. за нанесение побоев Л. Материалы были направлены в товарищеский суд совхоза «Руденский».

¹ См.: Катькало С.И., Лукашевич В.З. Судопроизводство по делам частного обвинения, с. 183–184 и 187.

² Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924–1973, с. 262.

³ Потеружа И.И. Суд и общественность в предупреждении правонарушений, с. 58–59.

⁴ См.: Безрядин Н. Частное обвинение. «Известия», 28 ноября 1974 г.

⁵ Гапановіч М., Лейзераў А. Ці апраўдана гэта? «Звязь», 29 жніўня 1967 г.

Отклонение просьбы потерпевшей ничем не мотивировалось. Передачу материалов в общественный суд судья обосновал ссылкой на малозначительность совершенного преступления. Минский областной суд, изучив жалобу Л., отменил постановление народного судьи.

Одна из основных функций судьи по делам частного обвинения – примирение сторон. В силу ст. 108 УПК БССР судья до возбуждения дела о преступлениях, предусмотренных ст. 110, ч. 1 ст. 128 и 129 УК БССР, принимает меры к примирению потерпевшего с лицом, на которое подана жалоба. Эта обязанность не снимается с судьи и в том случае, когда усматриваются основания для передачи дела в товарищеский суд. В мирном разрешении возникшего конфликта как наилучшем его исходе одинаково заинтересованы и тот и другой суды. Народный судья должен сделать все возможное, чтобы примирить потерпевшего с обвиняемым, а товарищеский суд, получив материалы, обязан продолжить эту работу.

Нельзя согласиться с мнением о том, что товарищеский суд не обязан принимать меры для примирения обеих сторон и может рассматривать дело для выяснения причин ненормальных взаимоотношений¹. Если народный суд прекращает дело в связи с примирением потерпевшего с виновным в любой стадии, вплоть до удаления суда в совещательную комнату (ст. 106 УПК БССР), то тем более обязан это делать общественный суд – орган воспитания трудящихся, мирного товарищеского разрешения всякого рода споров, конфликтов, неурядиц. Безусловно, примирение должно быть добровольным, с искренним раскаянием нарушителя, его желанием нормализовать отношения с потерпевшим.

В соответствии со ст. 17 Положения в случае достижения примирения по делам об оскорблении, клевете, побоях и нанесении легких телесных повреждений товарищеский суд принимает решение о прекращении производства по делу.

Следовательно, правильным решением вопроса о передаче дела в общественный суд создаются предпосылки для успешного взаимодействия судов по делам о посягательствах на честь, достоинство, телесную неприкосновенность граждан, для использования в борьбе с преступными проявлениями против личности государственного принуждения и общественного воздействия. При этом важно, чтобы дела указанной категории направлялись в товарищеские суды только в случае действительной целесообразности, чтобы это не диктовалось стремлением народных судов

¹ См.: Роль общественности в борьбе с преступностью. М., 1960, с. 91.

«избавиться» от «неприятных», требующих большого внимания, дел. Недопустим и отказ потерпевшим в приеме жалоб, предложение обратиться в товарищеский суд. Охрана жизни, здоровья, чести, достоинства граждан – одна из основных задач государственных судов. В ее выполнении им помогают товарищеские суды.

Таким образом, защита прав личности в связи с возможной передачей дел на суд общественности не ослабляется, а наоборот, еще более усиливается, т.к. интересы граждан защищаются по линии и государственной и общественной. Потерпевшие сами вправе решать, куда (в какой суд) обратиться за защитой своих прав, чести и достоинства. Поэтому, если гражданин подает заявление в народный суд, оно должно быть принято и разрешено по закону. С другой стороны, товарищеский суд также обязан принять и рассмотреть заявление по делу частного обвинения. Достойны осуждения действия тех общественных судов, которые, не желая обременять себя, направляют поступившие к ним материалы в народный суд без достаточных оснований, ссылаясь на сложность дела.

Вторую группу дел, передаваемых государственными судебными органами в товарищеские суды, составляют гражданско-правовые споры. В ст. 4 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР, определяющей подведомственность гражданских дел судебным органам, говорится: «В случаях, предусмотренных законом, гражданские дела могут рассматриваться товарищескими судами». Параллельное выполнение в ряде случаев государственными и товарищескими судами функции защиты гражданских прав, зафиксированное в ст. 6 Основ гражданского законодательства, расширило и укрепило охрану прав граждан и организаций.

Категории гражданских дел, которые отнесены к компетенции товарищеских судов, перечислены в п. 10–43 ст. 7 Положения: о спорах жильцов по использованию подсобных помещений, домовых служб, оплате коммунальных услуг, расходов по текущему ремонту мест общего пользования; об установлении порядка пользования строениями, составляющими общую собственность двух или нескольких граждан; о разделе имущества колхозного двора и выделе из колхозного двора; о разделе имущества между супругами при согласии спорящих сторон на рассмотрение дела в товарищеском суде; об имущественных спорах между гражданами на сумму до 50 руб. при согласии участников спора на передачу дела в товарищеский суд и др.

Если по делу с так называемой альтернативной или договорной подведомственностью заявление о рассмотрении его поступает,

в общественный суд, последний обязан принять его к производству, т.к. право выбора суда принадлежит в этих случаях заявителю. Если то или другое дело не входит в компетенцию товарищеского суда, он должен отказаться от приема заявления и порекомендовать обратиться в соответствующий народный суд, другой государственный орган или общественную организацию. К сожалению, практике еще известны случаи превышения товарищескими судами полномочий по рассмотрению гражданско-правовых споров.

Так, совхозом «Бороньки» Могилевской области был предъявлен иск к М., А. и другим о взыскании 273 руб. ущерба за падеж скота. Товарищеский суд принял заявление и удовлетворил предъявленный иск. Правление колхоза имени К. Маркса Самотевицкого сельсовета, Костюковичского района обратилось в товарищеский суд о взыскании с К. 100 руб. ущерба за кражу 2 т цемента и 2,5 тыс. шт. кирпича. Товарищеский суд рассмотрел дело по существу и вынес незаконное решение, которое было впоследствии пересмотрено.

Такого рода нарушения убеждают еще раз в необходимости усиления правовой пропаганды, оказания товарищеским судам повседневной правовой помощи.

При предъявлении иска народный судья не вправе отказать гражданам в приеме искового заявления только потому, что данное дело может быть рассмотрено и в товарищеском суде. Такой мотив не предусмотрен в качестве основания для отказа в приеме заявления по гражданскому делу (ст. 31 Основ гражданского судопроизводства). Вместе с тем, если гражданско-правовой спор имеет воспитательное значение и его разрешение в товарищеском суде не представляет особой сложности, целесообразно передать это дело на рассмотрение общественности. Поэтому судья обязан при приеме заявления разъяснить сторонам их право обратиться в товарищеский суд (п. 4 ст. 135 ГПК БССР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик). Однако число гражданско-правовых споров, разрешаемых общественными судами, все еще незначительно. Это обоснованно расценивается как недооценка роли товарищеских судов отдельными гражданами и государственными органами¹. В то же время, как нам кажется, это – и некоторое несовершенство соответствующих норм гражданско-процессуального закона. Действующие ГПК союзных республик не внесли ничего принципиально нового в регламентацию вопроса о передаче

¹ Товарищеские суды. Минск, 1977, с. 27.

таких дел товарищеским судам. Между тем было бы уместно и полезно, по нашему мнению, использовать опыт действующих УПК союзных республик, в которых вопросы направления уголовных дел на рассмотрение общественных судов получили более смелое решение и нашли достаточно полное отражение. Тем самым созданы прочные правовые основания для использования сил общечеловеческой ответственности в борьбе с преступностью.

В печати высказывались предложения о законодательном закреплении права суда (и судьи) направлять на рассмотрение товарищеского суда гражданские споры, а также об установлении в ГПК порядка и последствий такой передачи.

Самой радикальной из этих рекомендаций было предложение К.С. Юдельсона и В.А. Морщинина о предоставлении государственным судам права передавать (по их усмотрению) товарищеским судам имущественные (независимо от суммы иска) и неимущественные споры¹, т.е. ввести норму, сходную со ст. 51 УК РСФСР (ст. 49 УК БССР).

Предоставление судебным органам таких полномочий по гражданским делам в настоящее время не способствовало бы охране субъективных прав и законных интересов граждан и организаций, было бы преждевременным и необоснованным. Рассматривая и разрешая гражданско-правовые споры, товарищеский суд не может руководствоваться только внутренним убеждением и сознанием общественного долга. Он, как это предписывает ст. 15 Положения, руководствуется и действующим законодательством, в частности, при разрешении гражданских споров – гражданским законодательством. Последнее, как известно, регулируя имущественные и связанные с ним личные неимущественные отношения, отличается значительной сложностью. Его применение требует высокой профессиональной квалификации и хорошего знания судебной практики. Уже по одному этому мотиву вышеуказанное предложение неприемлемо. Едва ли можно серьезно ставить вопрос о передаче в общественные суды дел особого производства, дел о возмещении вреда, трудовых споров и т.п. Вместе с тем, видимо, целесообразно включить в статью, регламентирующую порядок возбуждения дела в суде, следующее положение: «По гражданским делам, которые могут рассматриваться

¹ См.: Юдельсон К.С. Третья Программа КПСС и основные направления судебной деятельности по гражданским делам. В кн.: XXII съезд КПСС и вопросы государства и права. Свердловск, 1962, с. 457; Морщинин В.А. Роль товарищеских судов в предупреждении гражданских правонарушений и разрешении гражданско-правовых споров. В кн.: Вопросы государства и права. Свердловск, 1964, с. 77.

товарищескими и народными судами (имеют двойную подведомственность), судья и суд вправе, учитывая сложность и характер гражданско-правового спора, его воспитательное и общественное значение, а также согласие спорящих сторон, своим мотивированным определением направить исковое заявление в товарищеский суд». В определении судья (суд) обязан был бы мотивировать ответ на вопрос, почему дело следует передавать в товарищеский суд. Такой порядок был бы гарантией защиты прав и законных интересов сторон и вместе с тем расширил бы передачу дел на рассмотрение общественности.

Направление гражданских дел в товарищеские суды нередко документально не оформляется, если не считать резолюций и препроводительных писем типа: «Председателю товарищеского суда экспериментальной базы "Ждановичи". При этом направляю исковое заявление гражданина Я. к ответчику Я. о разделе имущества для рассмотрения по существу» или еще более лаконично: «Народный суд Минского района направляет заявление К. для рассмотрения по существу». Это, конечно, не может быть признано нормальным: замена одной формы защиты гражданских прав другой должна быть мотивирована и законно обоснована в соответствующем процессуальном документе.

Постановления и определения судов, как и постановления прокуратуры и органов внутренних дел о направлении дел и материалов в общественные суды обязательны для последних. Дела о малозначительных преступлениях и гражданских спорах, переданные народным судом, товарищеский суд обязан принять к производству, рассмотреть в установленные сроки и сообщить о принятом решении. К сожалению, на практике допускаются отклонения от этого правила. Известны случаи, когда товарищеские суды передают направленные им дела другим общественным органам и организациям (например, в комсомольскую или профсоюзную организации, в местком и др.). Это недопустимо по двум причинам. Во-первых, потому что не выполняется решение компетентных государственных органов (в частности, суда и судей) о направлении дела именно в товарищеский суд. Во-вторых, законом не предусмотрено право этого суда передавать направленные ему дела другим общественным органам и организациям.

Слаженной работе государственных и товарищеских судов препятствовало и то, что последние далеко не всегда информировали судебные органы (как и прокуратуру, органы внутренних дел, административные комиссии) о решениях, принятых ими по переданным на их рассмотрение делам и материалам.

Достаточно сослаться на данные обобщения, проведенного Всесоюзным институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР и Всесоюзным научно-исследовательским институтом МВД СССР. В 62 % изученных ими дел, направленных в товарищеский суд органами прокуратуры и внутренних дел РСФСР и некоторых других союзных республик, не было сведений о результатах их рассмотрения в товарищеских судах. Причем, по данным этого исследования, более 41 % дел не были вообще рассмотрены товарищескими судами по различным причинам¹. Это значит, что определенная часть правонарушителей оказывалась по существу безнаказанной, вне государственного и общественного воздействия. Но дело не только в этом. Отсутствие контроля за рассмотрением дел в товарищеских судах порождало безответственность за судьбу лиц, освобожденных от уголовной ответственности, их исправление и перевоспитание, снижало эффективность работы по предупреждению правонарушений. Поэтому в начале 60-х годов в юридической печати высказывалось мнение о законодательном закреплении обязанности товарищеских судов сообщать о результатах рассмотрения материалов и дел, полученных от судебных, прокурорских и следственных органов².

Положение 1977 года восприняло эту рекомендацию и установило правило, согласно которому по материалам, направленным административными комиссиями, судом, прокурором, а также следователем и органом дознания с согласия прокурора, товарищеский суд обязан сообщать этим органам о результатах рассмотрения дела в 10-дневный срок. Выполнение этого требования будет способствовать усилению борьбы с правонарушениями, последовательному претворению в жизнь положения о неотвратимости наказания, реагирования на каждый факт нарушения закона. Повысится эффективность воздействия на правонарушителей и неустойчивых лиц.

Обязательная информация народных судов (как и других правоохранительных органов) о решениях, принятых товарищескими судами по направленным к ним делам, укрепит связь между государственными и общественными органами, участвующими в борьбе с нарушениями законности и правопорядка.

¹ Аксенов В., Казаков Г., Якубов А., Горбатовская Е. Освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд. «Социалистическая законность», 1977, № 4, с. 55.

² См.: Шинд В. Взаимоотношения товарищеских судов с органами милиции, прокуратуры и суда. «Социалистическая законность», 1964, № 4, с. 46.

Взаимодействие в работе правоохранительных органов и товарищеских судов проявляется и в том, что в определенных, нормативно установленных случаях последние вправе передавать или возвращать дела в компетентные государственные органы.

По действующему Положению это возможно в случаях:

- ☉ если дело неподведомственно товарищескому суду, т.е. выходит за пределы предоставленной ему компетенции (ст. 7 Положения). Например, общественный суд не вправе рассматривать дела о нанесении тяжких телесных повреждений, о злостном хулиганстве, об имущественных спорах на сумму свыше 50 руб., о лишении родительских прав и т.п. Неполномочен он разрешать и некоторые споры, если нет согласия сторон на рассмотрение их в этом суде;
- ☉ если товарищеский суд считает необходимым привлечь правонарушителя к уголовной или административной ответственности (ст. 18);
- ☉ если при рассмотрении имущественного или другого гражданско-правового спора общественный суд придет к выводу, что дело, ввиду его сложности, не может быть им разрешено (ст. 18).

Первое из этих оснований не нуждается в пространных комментариях. Товарищеский суд не вправе превышать свои полномочия, ибо вся его работа должна строиться на основе строгого соблюдения законности. Принцип законности – важнейший принцип деятельности общественных судов. Только при этом условии они могут выполнять свои задачи, достичь наибольшей эффективности в борьбе с правонарушениями норм.

Второе основание для передачи материалов в судебные, прокурорско-следственные и административные органы возможно: 1) когда товарищеский суд приходит к выводу о необходимости привлечения лица к уголовной или соответственно административной ответственности по материалам, по которым первоначально не усматривался состав преступления или административного проступка (например, в процессе рассмотрения дела выяснилось, что допущено не мелкое нарушение общественного порядка, а совершено уголовно наказуемое, злостное хулиганство); 2) когда товарищеский суд убеждается в том, что лицо, совершившее преступление и освобожденное от уголовной ответственности, следует подвергнуть уголовному наказанию или административному взысканию в связи с выявлением новых, ранее не известных правоохранительным органам обстоятельств (например, преступление совершено повторно; правонарушитель своими действиями создает условия, препятствующие рассмотрению дела в товарищеском

суде – запугивание свидетелей, угроза потерпевшему; установлены другие, отягчающие вину, факты и т.д.).

В первом случае решение общественного суда о направлении материалов указанным органам может явиться поводом к возбуждению уголовного или административного дела, во втором – основанием для пересмотра государственным органом и должностными лицами ранее принятого решения об освобождении лица от уголовной ответственности и применении к нему мер общественного воздействия через товарищеский суд. В принципе правильно суждение о том, что, поскольку решение вопросов о малозначительности преступления не входит в компетенцию товарищеского суда, он не вправе возвратить материал, если придет к иному выводу¹.

Однако это положение требует конкретизации, ибо в случае установления новых обстоятельств, ранее не известных суду и прокурорско-следственным органам, общественный суд не только имеет право, но и обязан возвратить материал для решения вопроса о форме ответственности правонарушителя.

Вывод товарищеского суда о необходимости привлечения лица к уголовной ответственности необязателен для суда и прокурорско-следственных органов, т.к. дать точную юридическую квалификацию того или другого деяния, определить степень его общественной опасности, а соответственно этому и меры для исправления виновного могут только компетентные должностные лица правоохранительных органов. Это, конечно, не значит, что указанные государственные органы не должны учитывать мнение товарищеского суда об оценке правонарушения.

Четкую позицию по этому вопросу занимает Верховный Суд СССР, который считает, что если товарищеский суд признает необходимым привлечь правонарушителя к уголовной ответственности и направит дело в народный суд, последний должен принять его к производству в случаях, когда из поступивших материалов усматриваются признаки преступления, не требующего дознания или предварительного следствия².

В соответствии со ст. 18 Положения по мотиву сложности может быть передано в районный (городской) народный суд дело об имущественном или другом гражданско-правовом споре. Видимо, это основание в будущем следовало бы отнести и к делам

¹ См.: Шинд В. Взаимоотношения товарищеских судов с органами милиции, прокуратуры и суда. «Социалистическая законность», 1964, № 4, с. 45.

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924–1973. М., 1974, с. 47.

о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности. Ведь не случайно в качестве одного из условий направления материалов в товарищеский суд закон выдвигает очевидность факта преступления. Ясность обстоятельств дела может оказаться обманчивой, кажущейся, а фактические данные – сложными и противоречивыми. Было бы неправильным обязывать общественный суд при таких обстоятельствах рассматривать дело.

Положению о товарищеских судах 1961 года было известно еще одно основание для возвращения товарищеским судом поступивших к нему из прокуратуры, суда и органа дознания материалов – это уклонение лица от явки в суд (ст. 12), т.е. вторичная неявка правонарушителя без уважительной причины на заседание суда или преднамеренное увольнение с работы с целью избежать ответственности.

В действующем Положении возвращение материалов в правоохранительные органы по такому основанию прямо не предусмотрено. Согласно ст. 14 явка граждан по вызову товарищеского суда обязательна. Если привлекаемый к суду, потерпевший или участник гражданско-правового спора не явится на заседание, суд должен выяснить причины неявки и в зависимости от них вторично назначить дело к слушанию. При вторичной неявке лица без уважительной причины товарищеский суд вправе рассмотреть дело в его отсутствие.

Заметим, что в последнем случае суд может, но не обязан рассмотреть дело заочно, т.е. в отсутствие правонарушителя. Из этого следует вывод, что, исходя из конкретных обстоятельств, учитывая личность виновного, его поведение, отношение к товарищескому суду, последний может принять решение о передаче материалов соответствующим органам для привлечения лица к уголовной или административной ответственности.

В самом деле, правонарушитель, пренебрегающий товарищеским судом и оказанным ему доверием со стороны государственных органов, не может быть исправлен мерами общественного воздействия. Думается, что возвращенное по этому основанию дело не следует вновь направлять в товарищеский суд. Нельзя поощрять тот либерализм, с которым некоторые юристы предлагают относиться к уклоняющимся от общественной ответственности, считая, что надлежащие органы после возвращения дела из товарищеского суда, могут вызвать привлекаемое лицо и убедить его явиться в суд¹. Вряд ли можно надеяться на искренность и исправление

¹ См.: Юдельсон К.С. Положение о товарищеских судах. Практический комментарий, 1962, с. 162.

правонарушителя, если он под влиянием «уговоров» в конце концов и «согласится» присутствовать на заседании товарищеского суда.

Вместе с тем нельзя, разумеется, проявлять и излишнюю поспешность в возвращении такого рода материалов в правоохранительные органы. Автор может сослаться на личный опыт работы в товарищеском суде, когда предпринятыми усилиями удавалось обеспечить явку уклоняющихся лиц на повторное заседание. В связи с этим не может быть принята рекомендация возвращения дела в народный суд сразу же после первой неявки лица¹.

Возвращаясь к вопросу о передаче товарищеским судом материалов компетентным государственным органам и должностным лицам, осуществляющим борьбу с правонарушениями, следует подчеркнуть, что указанные основания передачи не равноценны. В тех случаях, когда общественный суд превысил бы свою компетенцию или если виновного необходимо привлечь к уголовной ответственности, передача дела соответствующим юридическим органам обязательна. Если же материалы сложны, от усмотрения товарищеского суда зависит реализация его права на передачу поступившего дела. При оказании ему соответствующей помощи необходимость в этом может отпасть.

Решение о передаче дела в народный суд (как и в иной компетентный орган) общественный суд должен принимать коллегиально, письменно излагая мотивы. Некоторые авторы полагают, что товарищеский суд обязан в таких случаях сообщить свое мнение лицу, правомочному опротестовать определение суда или отменить постановление следственных органов о направлении ему дела².

В подобного рода уведомлениях нет необходимости. Это усложнило бы работу товарищеских судов. Прямой и непосредственный контакт их с народными судами (и другими правомочными государственными органами и должностными лицами) – наиболее простой, удобный и эффективный способ делового разрешения возникающих вопросов. Конечно, требование закона об отмене неправильно вынесенных постановлений и определений о направлении дела (или материалов) в товарищеский суд должно выполняться. Однако эту обязанность следует возложить не на товарищеские суды – органы общественности, – а на компетентных

¹ См.: Филиппов Е.И. Комментарий к Положению о товарищеских судах. М., 1972, с. 77.

² Куцова Э.Ф. Организация и порядок деятельности товарищеских судов. В кн.: Советское государство и право и общественность в условиях развернутого строительства коммунизма. М., 1962, с. 385; Хвостов А., Дымент Б. В помощь товарищеским судам и народным дружинам. Минск, 1964, с. 15. Товарищеские суды. Минск, 1977, с. 25.

должностных лиц, которые в установленном законом порядке обязаны обеспечить изменение ранее принятого решения. В частности, народный судья должен поставить вопрос перед председателем областного суда о принесении протеста в порядке надзора на постановление или определение народного суда о направлении дела на рассмотрение товарищеского суда.

Ознакомление с практикой работы общественных судов показывает, что направляемые им материалы недостаточно полны. Не единичны случаи, когда в товарищеские суды поступают лишь копии постановлений с сопроводительными письмами. Это затрудняет работу судов, которые, не располагая необходимым объемом сведений, рискуют вынести необоснованное решение или же, тратя силы и время, занимаются сбором информации, которая хранится в архивах государственных органов.

Разъяснения Верховного Суда СССР о том, что в случае передачи в товарищеский суд материалов в связи с прекращением уголовного дела или отказом в его возбуждении, а также материалов об административных правонарушениях вместе с копией постановления (определения) должны быть направлены все документы, относящиеся к совершенному правонарушению или гражданско-правовому спору, со временем следовало, может быть, отразить в законе.

Согласованность в работе товарищеских и народных судов по делам о малозначительных преступлениях и гражданско-правовых спорах обеспечивается и правилом о запрещении повторного рассмотрения дела, если оно уже решено одним из этих судов.

В ст. 8 Положения установлено, что товарищеские суды не вправе рассматривать дела, по которым уже были вынесены приговоры, судебные решения, наложены дисциплинарные или административные взыскания, или состоялось решение товарищеского суда, принятое в пределах его компетенции. Это правовое предписание прямо вытекает из ст. 54 Основ уголовного судопроизводства и ст. 15 Основ гражданского судопроизводства, формулирующих требования об обязательности вступивших в законную силу судебных постановлений по уголовным и гражданским делам для всех государственных и общественных учреждений, предприятий и организаций, должностных лиц и граждан.

Нужно заметить, что Положение 1961 года разрешало товарищеским судам рассматривать дисциплинарные поступки, за которые виновные лица уже подвергались дисциплинарному взысканию. При комментировании этой нормы (ст. 7) некоторыми авторами давался положительный ответ и на вопрос о том, может ли товарищеский суд рассматривать дело о проступке, за совершение

которого нарушитель понес административную ответственность¹. Эта точка зрения вызывала сомнение в ее обоснованности, а в настоящее время она не подтверждена Положением о товарищеских судах, которое не только запрещает судам рассматривать дела, по которым вынесены приговоры и судебные решения, но и наложены дисциплинарные и административные взыскания.

Что же касается народного суда, то он тоже не может принять к производству гражданское дело, если уже состоялось решение товарищеского суда (в пределах его компетенции) по спору между теми же сторонами о том же предмете и по тем же основаниям. Он обязан отказать в приеме искового заявления (п. 5 ст. 31 Основ гражданского судопроизводства), а в случае установления этих обстоятельств после возбуждения производства по гражданскому спору – прекратить производство по делу (п. 6 ст. 41 Основ гражданского судопроизводства).

Вместе с тем государственный суд не связан решением общественного суда, если возникает необходимость в привлечении лица к уголовной ответственности. Иначе говоря, применение к лицу через товарищеский суд мер общественного воздействия, как правило, не освобождает это лицо от уголовного наказания при установлении в его действиях состава преступления. Исключения составляют дела частного обвинения, по которым, как и по гражданско-правовым спорам, заинтересованным лицам (в частности, потерпевшему) предоставлено право решать, в какой суд обратиться за защитой от преступных посягательств. Поэтому рассмотрение в общественном суде такого дела по жалобе потерпевшего лишает последнего права вторично обратиться по этому же делу в народный суд. Представляется, что для правильного взаимодействия обоих судов по делам этой категории было бы полезно включить названное основание в перечень обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу. В ст. 5 Основ уголовного судопроизводства и соответствующих статьях УПК следовало бы указать, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению, если в отношении лица, обвиняемого по жалобе потерпевшего, состоялось решение товарищеского суда, кроме тех исключительных случаев, когда, учитывая особое общественное значение дела, прокурор или суд считают необходимым возбудить такое дело в уголовном порядке.

Эффективной формой взаимодействия государственных и товарищеских судов является также своевременное и правильное

¹ Товарищеские суды. Минск, 1977, с. 25.

исполнение народными судами решений общественных судов об имущественных взысканиях. Согласно существующему порядку, решение этих судов о возмещении причиненного ущерба, наложении штрафа или ином имущественном взыскании должно быть реализовано в установленный срок. При неисполнении решения в срок, а также для исполнения решения товарищеского суда о передаче предметов мелкой спекуляции в доход государства его председатель направляет дело народному судье, который после проверки представленных материалов и законности решения выдает исполнительный лист. В случае незаконности решения товарищеского суда народный судья мотивированным постановлением отказывает в выдаче исполнительного листа, о чем сообщает товарищескому суду и соответственно комитету профсоюза или исполкому Совета депутатов трудящихся для решения вопроса об отмене решения суда (ст. 20 Положения). Такое постановление народного судьи может быть пересмотрено в порядке судебного надзора.

Практика показывает, что, как правило, решения товарищеских судов исполняются добровольно. Это объясняется не только их авторитетом, но и законностью выносимых ими решений. Последнее подтверждается и тем, что народные судьи сравнительно редко отказывают в выдаче исполнительных листов.

Наиболее распространены такие основания отказа в выдаче исполнительных листов для принудительного взыскания, как истечение трехмесячного срока со дня вынесения решения, применение штрафа за нарушение трудовой дисциплины, недоказанность вины привлеченного к ответственности лица и др.

Вместе с тем ознакомление с деятельностью товарищеских судов свидетельствует и о другом: некоторые из них не обращаются в народный суд за выпиской исполнительных листов и вынесенные ими решения лежат без движения. Иногда эти решения исполняются без соблюдения установленного в законе порядка, минуя народный суд. Так, встречаются случаи, когда общественные суды колхозов решения о возмещении причиненного ущерба, штрафе и ином имущественном взыскании направляют в правления колхозов, а последние удерживают определенные суммы из причитающихся колхозникам платежей. Председатели товарищеских судов предприятий, организаций, учреждений иногда передают решения для принудительного взыскания штрафов непосредственно в бухгалтерии. Такая практика существенно ущемляет интересы привлеченных к ответственности лиц, т.к. законность и обоснованность вынесенных общественным судом решений в этих случаях народным судом не проверяется.

Устранению указанных недостатков способствовало бы расширение рамок надзора народного суда за деятельностью общественных по делам об имущественных взысканиях. Само собой разумеется, что никто не призывает возвращаться к формам надзора 30-х годов, когда народные суды правомочны были принять к производству и отменить, прекратить, изменить или оставить в силе решения общественных судов. Это не только увеличивало объем работы народных судов, но самое главное – снижало авторитет товарищеских как выборных органов общественности, превращало их в низшую инстанцию судебной системы.

Действующее положение, при котором государственные судебные органы не вправе отменять решения товарищеских судов, представляется единственно верным.

Оно исключает всякую возможность администрирования, подмены деятельности товарищеских судов, навязывания коллективу, общественности чужой воли. Трудно согласиться с А.Ф. Клейманом и П.Е. Орловским в том, что формы надзора за деятельностью общественных судов со стороны народных могли бы быть такими же, как и за решениями ФЗМК по гражданским трудовым делам¹.

Установленный законом порядок рассмотрения трудовых споров обеспечивает правильное их разрешение, охрану трудовых прав граждан. Судебная защита – одна из существенных гарантий этих прав. Иное дело, когда речь идет о взаимоотношении при разрешении других категорий дел между государственными и товарищескими судами. Государственный контроль за законностью решений товарищеских судов установлен в формах, которые в большей степени отвечают их правовому положению выборных общественных органов, облеченных доверием коллектива, выражающих его волю и ответственных перед ним.

Надзор за деятельностью общественных судов со стороны государственных ограничен проверкой решений об имущественных взысканиях², поскольку при их исполнении может возникнуть необходимость в применении государственного принуждения, т.е. выдаче через народный суд исполнительного листа для принудительного взыскания. Но в настоящее время в народный суд

¹ См.: Советское государство и общественность в условиях развернутого строительства коммунизма. М., 1962, с. 431.

² Это не лишает права судью, как и всякое другое должностное лицо, обратиться в ФЗМК или исполком Совета с просьбой о пересмотре любого другого дела. Народные судьи должны контролировать рассмотрение товарищеским судом направленных материалов. Бойков А.Д., Кригер В.И., Носкова Н.А. Опыт изучения правосознания членов товарищеских судов. В кн.: Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974, с. 119–120.

направляются дела с неисполненными в установленный срок такими решениями. Представляется целесообразным предусмотреть такой порядок, при котором народный судья проверял бы законность и обоснованность всех решений товарищеских судов об имущественных взысканиях. Для этого председателям товарищеских судов можно было бы вменить в обязанность направлять в народный суд все дела с необжалованными решениями о возмещении причиненного ущерба, о наложении штрафа, о передаче предметов мелкой спекуляции в доход государства и ином имущественном взыскании. После проверки народным судьей законные и обоснованные решения реализовывались бы по общим правилам исполнительного производства. Решения, признанные противоречащими обстоятельствам дела или действующему законодательству, пересматривались бы товарищеским судом. Мотивированным постановлением судья мог бы сообщать об этом общественному суду и, соответственно, комитету профсоюза или исполнительному комитету Совета депутатов трудящихся для рассмотрения вопроса об отмене этого решения. Такой порядок способствовал бы исполнению (добровольному или принудительному) только законных и обоснованных решений об имущественных взысканиях.

Исследуя формы взаимодействия товарищеских судов с судами государственными, следует особо выделить такую из них, как оказание последними постоянной правовой помощи председателям и членам общественных судов. Ближайшие к ним представители государственного суда – это народные судьи. Именно на них и падает основная нагрузка в правовом обучении председателей и членов товарищеских судов.

Народные судьи справедливо рассматривают товарищеские суды как своих помощников в борьбе с правонарушениями. Они непосредственно заинтересованы в их плодотворной деятельности. Оказывая правовую помощь товарищеским судам, народные судьи действуют в тесном контакте с другими правоохранительными органами, а также исполкомами местных Советов, комитетами профсоюза, общественными советами по работе товарищеских судов.

Большую помощь народным судам в проведении этой работы оказывают народные заседатели и их советы, где созданы для этого специальные секции. Так, секция совета народных заседателей по оказанию правовой помощи товарищеским судам Слуцкого районного народного суда планирует свою работу на полугодие и строго выполняет намеченные мероприятия. Члены секции

знакомятся с деятельностью судов и оказывают им правовую и методическую помощь. О работе секции сообщается в местной газете «Шлях Ильича».

Правовой учебе членов товарищеских судов содействуют общественные университеты правовых знаний и их филиалы. Показательно, что проведенные социологические исследования выявили у членов товарищеских судов более высокий уровень правовой осведомленности, чем у граждан, не принимающих участия в работе общественных правоохранительных организаций. Вместе с тем установлены и существенные дефекты в правосознании членов этих судов: недооценка воспитательно-предупредительного значения общественного воздействия, недостаточное знание основ законодательства¹. В связи с этим предлагается учебу председателей и членов товарищеских судов проводить в двух направлениях: повышать их общую правовую культуру и заниматься специальным обучением.

Следовательно, систематическое оказание правовой помощи товарищеским судам – одна из важнейших задач судебных работников, что неоднократно отмечалось президиумами верховных советов союзных республик, Верховным Судом СССР и Министерством юстиции СССР.

Облечение указанной обязанности в юридическую форму делает ныне помощь товарищеским судам со стороны государственных более активной и всесторонней, усиливает их контакт и взаимодействие в работе. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением Т.Г. Морщаковой о том, что такая функция является организационно-неоправданной, т.к. «не согласуется ни с задачами товарищеских судов, ни с реальными условиями деятельности нарсудов, ни с правовыми основами организации судебной системы». Поэтому она считает, что освобождение народных судей от обязанности оказывать товарищеским судам правовую и методическую помощь стало бы дополнительным источником «экономии сил, времени, организационных средств для сосредоточения их на деятельности по осуществлению правосудия»².

Безусловно, освобождение судей от нелегкой работы по оказанию правовой помощи товарищеским судам привело бы к «экономии

¹ Бойков А.Д., Кригер В.И., Носкова Н.А. Опыт изучения правосознания членов товарищеских судов. В кн.: Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974, с. 119–120.

² Морщакова Т.Г. Судебная деятельность: соотношения общих научных принципов организации с законодательством о судостроительстве и уголовно-процессуальным правом. «Ученые записки ВНИИСЗ», 1974, вып. 30, с. 126.

сил, времени, организационных средств». Однако, отыскивая резервы повышения эффективности судебной деятельности в плане НОТ, непозволительно делать это за счет исключения из обязанностей судов тех задач, которые прямо вытекают из правоохранительных и правовоспитательных функций органов правосудия, непреложного требования тесной связи и взаимодействия с общественными органами и организациями, участвующими в борьбе с правонарушениями. Недопустимо и противопоставление одних форм судебной работы другим, недооценка общественно-массовой деятельности судов по профилактике правонарушений, которую невозможно представить без установления деловых контактов с общественностью и ее выборными органами. Решать проблему НОТ в судебных органах методом сужения профессиональных обязанностей судей, превращения их в кабинетных служащей Фемиды путем отказа от большого опыта плодотворного сотрудничества государственных судов с общественными в решении общих задач коммунистического воспитания – легкий, но не лучший путь.

В организации работы по оказанию помощи товарищеским судам народные суды вправе рассчитывать на активное участие в ней и органов юстиции. Как известно, последние обязаны оказывать правовую помощь товарищеским судам, добровольным народным дружинам и другим общественным организациям, ведущим борьбу с правонарушениями (п. 7 ст. 4 Положения об отделе юстиции исполкома областного Совета депутатов трудящихся)¹. Было бы правильно включить в задачи Министерства юстиции СССР и министерств юстиции союзных республик руководство и координацию этой работы в целях повышения ее уровня, а также создать, как предлагалось в юридической литературе, в структуре органов юстиции соответствующие подразделения или ввести штатные должности специальных старших консультантов².

Взаимодействие между народными и товарищескими судами ставит и вопрос о пределах применения общих принципов правосудия в деятельности последних. Практика показывает, что одним из наиболее распространенных недостатков в их работе являлось механическое заимствование процессуальных форм деятельности государственных судов, копирование судебного процесса.

Одной из причин этого негативного явления, наблюдавшегося на протяжении почти всего пути развития товарищеских судов,

¹ СЗ БССР, 1973, № 26, ст. 433.

² Алексеев В.Б. Основные функции системы судебного управления. «Ученые записки ВНИИСЗ», 1974, вып. 30, с. 86–87; Ходыревский С.М. Суд и судебное управление. Воронеж, 1976, с. 31.

была теоретическая неразработанность вопроса о границах использования общих принципов правосудия в их деятельности. В Положениях содержались лишь самые общие правила рассмотрения дел в товарищеских судах. Поэтому иногда встречалось нигилистическое отношение к процедуре общественного разбирательства, отрицалась возможность использовать в нем процессуальный опыт судопроизводства.

Наиболее прямолинейно эта мысль в свое время была выражена В.М. Савицким и Н.М. Кейзеровым. «Юридические аксесуары, вполне уместные, более того, необходимые в деятельности народных и иных государственных судов, – писали они, – становятся совершенно излишними и даже вредными, как только их пытаются насильно втиснуть в совершенно иной по своей природе социальный организм – общественный товарищеский суд»¹. Они считают неверным утверждение о том, что надо, не копируя процесса в народных судах, закрепить законодательно некоторые процессуальные формы деятельности товарищеского суда. Отрицательное отношение к процессуальной форме общественного разбирательства само по себе снимает вопрос об использовании в практике работы товарищеских судов опыта и достижений судопроизводства.

Однако, подчеркивая различную правовую природу тех и других судов (первые – государственные учреждения, вторые – общественные органы), нужно в то же время учитывать и то, что роднит и связывает их: общие задачи по коммунистическому воспитанию трудящихся, совпадение в компетенции по определенной категории дел, некоторое сходство в методах и формах деятельности.

Определяя порядок рассмотрения дел в товарищеском суде, нельзя забывать, что это – общественный суд, но и не следует полностью отождествлять его с другими общественными органами и организациями. В начале 60-х годов нередко можно было встретить высказывание о том, что заседания товарищеских судов должны проводиться как «обычные заседания общественной организации»², носить «характер общего собрания, производственного совещания, без всяких формальностей...»³

¹ Савицкий В.М., Кейзеров Н.М. Развитие правовых форм организации и деятельности товарищеских судов. «Советское государство и право», 1961, № 4, с. 44.

² Васильченко Н.М. Процессуальные вопросы рассмотрения гражданских дел общественными судами. Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма. Харьков, 1962, с. 140.

³ Савицкий В.М., Кейзеров Н.М. Развитие правовых форм организации и деятельности товарищеских судов. «Советское государство и право», 1961, № 4, с. 44.

В наши дни об этом говорится в несколько иной тональности, а именно, что заседания товарищеского суда по своему характеру ближе к общему собранию коллектива¹.

Утверждение о том, что заседание товарищеского суда не должно иметь ничего общего с процедурой рассмотрения дел в народном суде – такая же крайность, как и механическое подражание судебному разбирательству, некритическое заимствование общественными судами процессуальной процедуры рассмотрения дел. На практике пренебрежительное отношение к формам деятельности товарищеских судов приводит к несоблюдению установленных законом правил рассмотрения дел (присутствующие задают вопросы не только свидетелям и привлеченному к суду, но и членам суда; последние до вынесения решения высказывают свое мнение по делу; граждане выступают на заседании с оценкой поступка привлеченного к ответственности до исследования фактических обстоятельств дела; суд письменно оформляет решение после его объявления и т.п.) и, как следствие этого, вынесению незаконных и необоснованных решений.

Отрицание процессуальной формы для общественных судов ставит под сомнение самую идею их существования. Если допустить, что они отличаются от других выборных органов общественности и собраний трудящихся только своей компетенцией и применяемыми мерами воздействия, то в их деятельности не было бы необходимости. Такими полномочиями можно наделить и другие общественные органы, организации, комиссии даже собрания трудящихся. Ведь до настоящего времени материалы о тех или других правонарушениях направляются на рассмотрение собраний, коллективов трудящихся и общественных организаций, если по месту жительства или работы виновного лица отсутствует товарищеский суд. По-видимому, дело не только в компетенции товарищеских судов, но и в не меньшей степени в формах и методах их работы. Бесспорно, порядок деятельности общественных судов, «судебная форма» рассмотрения ими дел сами по себе оказывают нравственное воздействие на привлеченного к ответственности, обеспечивают высокий воспитательно-предупредительный эффект его заседаний и решений. Не случайно процедура судебного разбирательства так широко использовалась в первые годы Советской власти в агитационных целях. Было принято устраивать общественный «суд» для бичевания язв, пороков, «родимых пятен», унаследованных от старого

¹ Хвастоў А.М. Таварыскія суды. Мінск, 1972, с. 69; Товарищеские суды. М., 1974, с. 73.

строю («суд» над спекулянтом, нэпманом, прогульщиком и т.д.), и пропаганды явлений новой жизни и социалистической идеологии («суд» над женщиной-общественницей, делегаткой и т.п.).

Соблюдение определенных правил при рассмотрении дел в товарищеских судах и использование в известном объеме процессуального опыта деятельности судебных органов диктуется, как известно, и необходимостью вынесения законных и обоснованных решений. Ведь судебная процессуальная форма – это существенная гарантия раскрытия истины по делу, наилучший способ установить фактические обстоятельства в полном соответствии с тем, что имело место в действительности. Судебная процессуальная форма – эффективное средство формирования общественного мнения, развития социалистического правосознания, коммунистической сознательности. Словом, осуществление правосудия – это наиболее совершенная и разработанная форма правоохранительной (юрисдикционной) деятельности.

С учетом сказанного становится очевидным, что при определении правил рассмотрения дел в общественных судах было бы ошибкой обходить и не учитывать процессуальный опыт государственного суда. Следует, безусловно, оговориться, что процессуальные правила судопроизводства нужно использовать с известной осторожностью, в определенном объеме и пределах. Излишняя юридикализация деятельности товарищеского суда так же вредна и опасна, как и недооценка процессуального опыта. Правильная мысль по этому вопросу высказана Е.И. Филипповым. «Недопустимо товарищескому суду, – пишет он, – копировать процессуальный порядок рассмотрения дел в народном суде. В то же время нельзя полностью замалчивать богатый опыт народного суда, из деятельности которого не только можно, но и нужно кое-что позаимствовать»¹.

Таким образом, вопрос о границах применения общих принципов правосудия в деятельности товарищеских судов выдвигнут практикой взаимодействия и перспективой развития тех и других судов. Но, возможно ли говорить о процессуальной форме применительно к деятельности товарищеских судов?

Вопрос этот обсуждался и в принципе получил правильное решение в гражданско-процессуальной литературе². Наметился

¹ Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма, с. 136.

² См.: Арапов Н.Т. О понятии гражданской процессуальной формы защиты права. В кн.: Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. Калининград, 1973, с. 100–115; Воложанин В.П. Несудебные формы разрешения гражданско-правовых споров. Свердловск, 1974, с. 31–35.

отход от традиционного понимания процессуальной формы как порядка только судебной деятельности и в общей теории права. Под последней предлагается понимать «совокупность однородных процедурных требований, предъявляемых к действиям участников-процесса и направленных на достижение определенного материально-правового результата»¹. А если сказать проще, процессуальная форма – это закрепленный в нормах права порядок юрисдикционной деятельности тех или других органов и организаций, процедура рассмотрения отнесенных к их ведению дел.

Заседания общественного суда также проводятся в определенном (установленном в общих чертах) порядке. Это и есть процессуальная форма его работы. Конечно, она существенно отличается от процессуальной формы осуществления правосудия государственными судами как отсутствием детальной ее регламентации, так и ее значением и последствиями нарушения. Мы не склонны также считать, что процессуальную форму защиты прав в товарищеском суде нужно именовать гражданско-процессуальной (и тем более уголовно-процессуальной). Видимо, это – своеобразная процессуальная форма общественного разбирательства гражданско-правовых споров и других дел, отнесенных к ведению товарищеских судов. Ее нельзя отождествлять с судебным процессом по отправлению правосудия, но не следует ему и противопоставлять.

Сравнительный анализ законодательства и деятельности государственных и товарищеских судов показывает, что основные правила рассмотрения дел общи для тех и других: законность, коллегиальность, выборность, независимость и беспристрастность суда, широкая гласность заседаний и решений; обеспечение прав и законных интересов привлеченных к ответственности лиц, потерпевших, истцов, ответчиков, равноправие сторон, полнота и объективность исследования дел, состязательность, непосредственность, устность, непрерывность. Это не исключает того, что и общественному разбирательству, и государственным судам присущи и другие, только им свойственные функциональные начала².

Различие же между принципами советского судопроизводства и правилами деятельности общественных судов заключается

¹ См. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика. М., 1976, с. 13.

² Так, к специфическим чертам деятельности товарищеских судов относят: безвозмездность общественного разбирательства и возможность сторон обращаться к государственным формам правовой защиты (см.: Воложанин В.П. Основные принципы общественного разбирательства гражданско-правовых споров. «Сборник ученых трудов», вып. 15. Свердловск, 1971, с. 109–110).

главным образом в следующем. Первые являются правовыми, нормативными требованиями, лежащими в основе всей системы норм советского процессуального права (уголовно- и гражданско-процессуального), регулируемого им порядка деятельности компетентных государственных органов и должностных лиц, а также возникающих в процессе этой деятельности отношений. Вторые, не получив в большинстве случаев прямого и детального нормативного закрепления, вытекают из задач товарищеских судов и конкретных правил рассмотрения дел, установленных в Положениях. Тем не менее указанные принципы в одинаковой степени отвечают задачам государственных и товарищеских судов, обеспечивают вынесение правильных решений и коммунистическое воспитание трудящихся. Их последовательный демократизм, обусловленный социалистической природой Советского общенародного государства, способствует тесной связи судебных органов с населением, трудящимися, а товарищеские суды превращает в выразителей воли общественности, коллектива.

Единством общих правил рассмотрения дел в государственных и товарищеских судах создается предпосылка для успешного использования в деятельности последних некоторых процессуальных форм советского судопроизводства.

Общие, основные начала осуществления советского правосудия реализуются в многочисленных правилах и положениях. Подробная регламентация судебного разбирательства (как и всего производства по делу) – характерный признак правосудия, главная черта деятельности судебных органов государства. Точно установленный порядок рассмотрения уголовных и гражданских дел в суде обеспечивает законность и обоснованность приговоров и решений, воспитательный эффект судебных процессов, охрану прав и интересов граждан.

В строгой регламентации деятельности общественных судов нет необходимости. Поскольку они являются самостоятельными органами общественности, всестороннее определение порядка рассмотрения ими дел противоречило бы их природе и задачам. Это связывало бы инициативу товарищеского суда, осложняло его работу, не способствовало развертыванию общественной критики и активному участию членов коллектива в обсуждении всех обстоятельств дела. Следует также учитывать, что в отличие от государственного правосудия деятельность общественного суда не связана с применением государственного принуждения, т.е. существенным ограничением прав и интересов граждан. Полномочия этих судов сводятся к применению мер общественного

воздействия. Если же в отдельных случаях товарищеский суд и опирается на силу государственного принуждения (исполнение через судебного исполнителя решений об имущественных взысканиях), то законом устанавливаются дополнительные гарантии, обеспечивающие охрану прав и законных интересов граждан (проверка народным судьей законности и обоснованности таких решений).

Следовательно, из процессуальных форм деятельности государственного суда общественным могут быть восприняты только главные, наиболее важные начала, необходимые для правильного рассмотрения дела и вынесения обоснованного решения. По этому пути и пошло действующее законодательство. В Положении о товарищеских судах закреплены основные, имеющие принципиальное значение нормы, которые, не обременяя суды соблюдением сложной процедуры разбирательства, направляют их деятельность в нужное русло, обеспечивают необходимый порядок, правильное разрешение каждого дела, его воспитательно-предупредительную эффективность.

Каждое процессуальное положение, рекомендуемое для использования в работе товарищеского суда, должно оцениваться критически, с точки зрения его соответствия природе и задачам данного суда. Не может быть приемлемым то, что затруднило бы его работу или противоречило характеру общественного разбирательства. Так, в настоящее время является общепризнанным, что в товарищеском суде не должны участвовать специально выделенные общественные обвинители и защитники, ибо это – одна из форм привлечения общественности к осуществлению государственной деятельности по отправлению правосудия, способ выявления и учета общественного мнения при вынесении приговоров. Отличие товарищеского суда от суда государственного в том и состоит, что здесь судит, обвиняет и защищает сам коллектив. Участие общественных обвинителей и защитников в заседании этого суда лишь сковывало бы инициативу членов коллектива, понижало их активность.

Товарищеский суд выявляет мнение общественности при помощи присутствующих на заседании граждан, т.к. каждый из них может выступить и изложить свое и коллективное мнение об оценке рассматриваемого проступка или правонарушения и о мере воздействия за их совершение. Поэтому в товарищеском суде нет надобности в других формах выражения общественного мнения, и институт общественных обвинителей и защитников не может быть рекомендован для использования в практике работы этого суда.

Противоречит также самой идее товарищеского суда проведение закрытых заседаний. Здесь не имеются в виду так называемые подготовительные заседания, когда обсуждаются итоги проверки поступивших материалов, решаются организационные вопросы, связанные с рассмотрением дела. Речь идет о случаях разбирательства дела по существу без допуска на заседания граждан. Закрытые заседания не могут проводиться общественным судом, потому что нет товарищеского суда без суда товарищей, без участия членов коллектива, присутствующих при рассмотрении дела. Если же рассмотрение дела может привести к разглашению интимных обстоятельств, суд должен найти иной выход из создавшегося положения (ограничиться беседой с участниками конфликта или виновным, исследовать указанные обстоятельства до рассмотрения дела, а на заседании говорить о них в общей форме и др.), а не проводить закрытое заседание, как предлагают некоторые юристы¹.

Не лишена смысла постановка вопроса о творческом использовании в практике общественных судов таких процессуальных положений, которые обеспечивают права и законные интересы граждан, всестороннее, полное и объективное рассмотрение дела, законность и обоснованность принимаемых решений. Иначе говоря, нельзя не согласиться с выводом о том, что товарищеский суд может воспринять те правила уголовного и гражданского судопроизводства, которые в условиях его деятельности обеспечивают осуществление демократических начал².

С этой точки зрения особого внимания заслуживают основополагающие нормы доказательственного права, регламентирующие принципы собирания, проверки и оценки доказательств. Доказывание не только главное содержание процессуальной деятельности государственных судов, но и важный аспект общественного разбирательства в товарищеских судах, задачи которых также решаются в процессе исследования подлежащих установлению фактов. В связи с этим основные процессуальные правила доказывания могут быть рекомендованы для использования в работе общественных судов. Правильная методологическая основа доказывания – необходимое условие достижения истины по делу, без чего невозможно вынесение законного и обоснованного решения товарищеским судом.

Наконец, не следует полностью отказываться от использования в практике товарищеских судов процессуальной терминологии.

¹ Хвастоу А.А. Таварыскія суды, с. 66.

² Агеева Т.Н. Товарищеские суды, их взаимодействие с государственными органами. М., 1967, с. 69.

Разумеется, здесь нужно прежде всего придерживаться закрепленных в Положении о товарищеских судах наименований: привлекаемый к суду, участники гражданско-правового спора, меры общественного воздействия, решение товарищеского суда и т.д. В общественном разбирательстве дел допустимо использование нейтральной процессуальной терминологии, связанной с доказыванием (свидетельские показания, объяснения, письменные и вещественные доказательства, заключения специалистов, проверка и оценка доказательств и т.д.). Что же касается таких уголовно-процессуальных понятий, которые специфичны для государственной деятельности по расследованию и рассмотрению дел о совершенных преступлениях (обвиняемый, подсудимый, мера пресечения, мера наказания, приговор и т.д.), то они не применимы к деятельности общественных судов.

Исследуя формы взаимосвязи товарищеских и государственных судов, можно прийти к общему выводу о том, что их развитие и совершенствование – важная предпосылка дальнейшего укрепления социалистической законности и предупреждения правонарушений. Тесная связь в работе этих судов содействует выполнению стоящих перед ними задач в деле коммунистического воспитания граждан, создания вокруг правонарушителей обстановки нетерпимости и всеобщего осуждения.

Заклучение

Развитие общественных судов в БССР, как и в других союзных республиках, шло в направлении совершенствования их организационных форм, порядка рассмотрения дел, укрепления связи с Советами, профсоюзами, государственными судами и другими правоохранительными органами, в направлении повышения эффективности их деятельности по предупреждению правонарушений и воспитанию трудовой дисциплины. Более широкой становилась их компетенция, улучшалось качество работы.

История развития общественных судов тесно связана с расширением советской демократии, с воспитанием коммунистической сознательности, повышением социальной активности и ответственности граждан, ибо «высоконравственная личность коммунистического типа интенсивнее всего формируется там, где веское слово в воспитании принадлежит трудовому коллективу, общественному мнению, где создается обстановка внимания к людям и высокой требовательности к ним, непримиримости ко всем недостаткам в работе, нарушениям нашей морали и дисциплины»¹.

Товарищеские суды вступили в новую полосу развития. Главная задача заключается сейчас в том, чтобы еще больше повысить качество их работы, поднять инициативу общественности. Это требует постоянного внимания и помощи со стороны общественных организаций и государственных органов, в частности народных судов и органов юстиции. Улучшению деятельности товарищеских судов призвана содействовать советская правовая наука, вырабатывающая научно обоснованные рекомендации на основе изучения практики применения законодательства.

Действующие правовые акты о товарищеских судах, отражая потребности общественного развития, соответствуют современным задачам борьбы с правонарушениями и антиподами коммунистической морали. Нормативное решение в Положении 1977 года выдвинутых жизнью вопросов организации и работы общественных судов, а также руководства ими, еще более повышает их роль в укреплении трудовой дисциплины, в предупреждении антисоциальных проявлений, в формировании общественной психологии с высокой нравственной ориентацией.

Важным этапом в развертывании и углублении социалистической демократии явится принятие новой Конституции СССР. Определяя основные направления развития политической системы

¹ Машеров П.М. Отчетный доклад ЦК КПБ XXVIII съезду Компартии Белоруссии. «Коммунист Белоруссии», 1976, № 2, с. 48.

советского общества, проект указывает на все более широкое участие трудящихся в управлении делами общества и государства, совершенствование государственного аппарата, повышение активности общественных организаций, усиление народного контроля, укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, расширение гласности, постоянный учет общественного мнения. Этим предопределяется дальнейшее усиление воспитательно-предупредительного значения деятельности товарищеских судов.

АДВОКАТУРА БЕЛАРУСИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Публикуется по книге:

*Мартинovich, И.И. Адвокатура Беларуси: история и современность /
И.И. Мартинovich. – Минск : Тесей, 2002. – 176 с.*

*Посвящается женщинам-адвокатам Беларуси
к 80-летию адвокатуры*

Предисловие

26 июня 2002 г. исполняется 80 лет со дня принятия третьей сессией Центрального Исполнительного Комитета Белорусской ССР первого Положения об адвокатуре в БССР. Это – знаменательное событие в истории белорусской юстиции, органическим звеном которой является адвокатура.

Статья 62 Основного закона Республики Беларусь гарантирует каждому право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе права пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, органах местного управления, на предприятиях, в учреждениях, организациях, общественных объединениях, а также в отношениях с должностными лицами и гражданами. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается за счет государственных средств. Противодействие оказанию правовой помощи запрещается.

Адвокатура в Республике Беларусь представляет собой правовой институт, призванный осуществлять профессиональную правозащитную деятельность, оказывать квалифицированную юридическую помощь гражданам и юридическим лицам. Адвокаты участвуют в разъяснении законодательства и правовом воспитании населения. Всей своей деятельностью адвокатура служит принципам законности, справедливости и гуманизма.

Адвокатура тесно связана с правосудием. Более того, без нее просто не может быть правосудия. Собственно, само возникновение и развитие этого правового института обусловлено социальной потребностью обеспечения в суде правовой помощи обвиняемому и другим участникам процесса, необходимостью профессиональной защиты их прав и законных интересов.

Выполняя это предназначение, адвокаты содействуют всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела, вынесению законных, обоснованных и справедливых судебных решений. Именно поэтому их называют помощниками суда. Если не вдаваться в юридические тонкости, такое видение назначения адвоката в суде не лишено основания. Во всяком случае,

оно отражает один из аспектов многогранного значения адвокатской деятельности.

Не случайно реформирование государственно-правовой системы и, в частности, судеустройства и судопроизводства, всегда сопровождается обновлением законодательства об адвокатуре, совершенствованием ее организации и деятельности. Так было в дореволюционное и советское время, так происходит и в наши дни, когда обеспечение прав и свобод человека – приоритетная задача любого цивилизованного демократического государства. И это понятно, поскольку эффективность участия адвоката в судопроизводстве в качестве защитника обвиняемого, подозреваемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или ответчика во многом зависит от правового регулирования организационного устройства адвокатуры, ее взаимоотношений с государственной властью и процессуальных процедур оказания правовой помощи в суде.

В связи с развитием рыночных отношений все большее место в деятельности адвокатов Беларуси занимает и будет занимать юридическое облуживание фирм, акционерных и коммерческих банков, предпринимателей и других субъектов хозяйствования. Известно, что в передовых странах такой вид деятельности занимает примерно три четверти объема адвокатской практики. «Золотым» девизом предпринимательства считается правило: «ни шагу без совета с юристом». Глядя в завтрашний день, можно быть уверенным, что адвокатура все больше и больше будет разворачиваться в сторону бизнеса и предпринимательства. Этот фактор в целом позитивен, т.к. будет содействовать повышению престижности адвокатской профессии, увеличению численности и повышению квалификации адвокатов, их специализации.

Изучение исторического опыта построения и деятельности белорусской адвокатуры, ее современного развития необходимо не только в познавательных целях, но и для оптимального решения проблем дальнейшего совершенствования правовых и организационных основ этого института, усиления эффективности профессиональной деятельности адвокатуры в целом и каждого адвоката в отдельности.

Общество все больше осознает, что правовое государство – это не только совокупность грамотных цивилизованных законов, но и возможность их реализации, а также умение населения пользоваться своими правами. А это невозможно без профессиональных юристов, в частности, адвокатов, призванных оказывать

содействие гражданам и юридическим лицам при осуществлении защиты их прав, свобод и законных интересов.

Все вышеизложенное привело автора к мысли подготовки работы, в которой предпринята попытка теоретически обобщить 80-летний путь развития белорусской адвокатуры в советское и постсоветское время, а также высказать суждения по некоторым аспектам совершенствования данного правового института.

С момента издания мною в 1973 г. монографии «Адвокатура в БССР» прошло почти тридцать лет. Согласитесь, это немалый период, насыщенный глубокими политическими и социально-экономическими событиями, большими переменами. Роль и значение адвокатуры в условиях становления в республике демократического правового государства и гражданского общества – неизмеримо возрастают. Кроме того, ретроспективный взгляд на рассматриваемую проблему позволяет дать более объективные и взвешенные оценки некоторых явлений, событий и фактов, заново переосмыслить их, выявить закономерности и тенденции, проанализировать проблемы адвокатуры в переходный период.

Словом, в предлагаемой вниманию читателя книге на основе анализа законодательства, изучения архивного и другого документального материала, а также специальной литературы освещается исторический процесс образования и развития адвокатуры в БССР и Республике Беларусь с 1917 по 2002 г., рассматриваются вопросы совершенствования ее организационных и правовых основ, повышения эффективности адвокатской деятельности, а следовательно, обеспечения действенной защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Глава I. Организация судебной защиты и иной правовой помощи населению в первые годы советской власти (1917–1921 гг.)

Адвокатура в Беларуси имеет многовековую историю. Уже в XVI ст. этот институт получил законодательную регламентацию. Первые нормы об адвокатах («прокураторах») и их деятельности содержались в Статуте Великого княжества Литовского 1529 г. Позднее Статут 1566 г. сформулировал правила адвокатской этики, установил ответственность за нарушение адвокатом своих обязанностей (шкоды подзащитному), а также определил обязанности суда назначать адвокатов тем, кто в этом нуждался. В Статуте 1588 г., завершившем судебную реформу феодальной Беларуси, вопросам, связанным с участием адвокатов в суде, посвящены шесть статей (ст. 56–61), в которых эти обязанности достаточно четко и подробно урегулированы¹. В частности, в ст. 57 содержались нормы об оказании бесплатной адвокатской помощи «людям убогим» («...кто не мог и не умея сам говорить и дело свое в суде вести, а при бедности и недостатке своем адвоката сам себе нанять не мог, как вдовы и сироты, а просили бы вряд об адвокате, тогда вряд должен таковому адвокату даром назначить и поручить от них в суде говорить, и адвокат должен в этом повиноваться вряд. А если бы адвокат вряд в этом повиноваться не хотел, таковому адвокату и от иных особ в том суде выступление не должно быть допущено...»). В ст. 58 предусмотрены требования к адвокату и ограничения для допуска к адвокатской деятельности («Об адвокатах, какие особы и где не должны ими быть»). В ст. 59 («О наказании фальшивых и коварных адвокатов и к тому, что можно стороне адвоката своего в суде поддерживать и самому говорить и другога адвоката на его место устанавливать») за вред, причиненный доверителю, определялась ответственность адвоката, вплоть до смертной казни и тюремного заключения.

Вместе с тем следует согласиться с суждением И.И. Басецкого и В.Л. Василевской о том, что в названных Статутах указаний на какую-либо организацию профессиональных адвокатов (поверенных) не содержится². Эта тема еще ждет своих исследователей, т.к. нуждается в самостоятельной научной разработке.

¹ Статут Вялікага княства Літоўскага. 1588. Мн., 1989. С. 392–393.

² Басецкий И.И., Василевская В.Л. Защитник в уголовном процессе. Мн., 2001. С. 15.

Адвокатура в Российской империи, в том числе в ее Северо-Западном крае (так именовались вошедшие в нее в конце XVIII в. белорусские земли), была учреждена Судебными уставами 1864 г. и являлась прогрессивным институтом в системе юстиции того времени. Хотя надо сказать, что в российском государстве идея адвокатуры как самоуправляемой организации лиц свободной профессии долгое время не воспринималась. Напуганные французской революцией русские императоры, начиная с Екатерины II, решительно выступали против ее учреждения в России, называя адвокатов бунтарями и предателями. Исключением в этом отношении был Александр II – «царь-освободитель», принявший идею создания адвокатуры, являвшейся органическим звеном послереформенного состязательного судебного процесса.

По судебным уставам надзор за деятельностью присяжных и частных поверенных возлагался на избираемый ими совет присяжных поверенных при судебной палате, а высший надзор – судебной палатой и Правительствующим сенатом. Словом, российская присяжная адвокатура представляла собой корпорацию лиц свободной профессии – так называемое сословие присяжных поверенных, объединенных внутренним самоуправлением в виде выборных органов – советов присяжных поверенных – и внешним надзором высших судебных мест. Помимо защиты по уголовным делам (в том числе по назначению суда), представительства сторон в гражданском процессе на нее возлагалось оказание юридической помощи населению, включая бесплатные консультации для бедных¹.

Ученые отмечают, что первые 10–15 лет своего существования адвокатура в России являлась наиболее либеральной группой буржуазной интеллигенции. В ее состав входило немало передовых юристов того времени, в том числе лишенный преподавания в университетах за свои демократические взгляды профессор уголовного права В.Д. Спасович, бывшие товарищи прокурора Петербургского окружного суда Андреевский и Жуковский, отказавшиеся выступить в качестве государственных обвинителей по делу Веры Засулич, и др. Лучшие адвокаты выступали защитниками в политических процессах, советы присяжных поверенных поддерживали на высоком уровне требования адвокатской этики. Уголовная защита рассматривалась ими как общественное служение².

¹ Басецкий И.И., Василевская В.Л. Защитник в уголовном процессе. Мн., 2001. С. 23.

² Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. М., 1957. Т. 1. С. 774–775.

Отмечая либеральный демократизм дореволюционной адвокатуры, нельзя идеализировать и переоценивать ее достоинства, что иногда наблюдается в наше время. Отбор в адвокатуру обеспечивался теми требованиями, которые предъявлялись к лицам, зачисляемым в адвокатские объединения: наличие высшего юридического образования, стаж работы по судебному ведомству в течение пяти лет или такой же стаж практической работы в качестве помощника присяжного поверенного, политическая благонадежность.

Сомнение в верноподданических чувствах служило основанием для недопуска к адвокатской деятельности. Так, в архивных списках лиц, которым было отказано в выдаче свидетельства на право хождения по чужим делам, т.е. быть частным поверенным, среди других оснований встречается следующее: «...состоял под надзором полиции по распоряжению Ковенского генерал-прокурора за подстрекательство крестьян к беспорядкам, причем давал им несбыточные надежды на получение земли»¹.

Дореволюционная адвокатура комплектовалась главным образом из представителей буржуазной интеллигенции и дворянства. В списке 111 лиц, занимавшихся адвокатской деятельностью при Минском окружном суде с 1883 по 1917 г. (48 присяжных поверенных, 35 их помощников и 28 частных поверенных), все без исключения – выходцы из дворян, чиновников, крупной и средней буржуазии². Не могли стать адвокатами в царской России и женщины. Хотя прямого запрещения женщинам заниматься адвокатской деятельностью в законе не было, однако путем соответствующих разъяснений Правительствующего сената и министерства юстиции они отстранялись от ведения защиты и представительства в суде. В 1913 г. Государственный совет отверг внесенный в него законопроект о допущении женщин в адвокатуру. Более того, получение высшего юридического образования женщинам Российского государства было разрешено лишь Законом от 11 ноября 1911 г. Только в предреволюционные годы очень немногим женщинам, окончившим курс юридических наук, ценою невероятных усилий удалось добиться принятия их помощниками присяжных поверенных. Однако постановления советов присяжных поверенных, осмелившихся допустить женщин к адвокатской деятельности, были вскоре отменены судебными палатами и сенатом³.

¹ Национальный исторический архив Республики Беларусь, ф. 183, оп. 1, ед. хр. 14, л. 14. (далее – НИА).

² Там же, ед. хр. 668, л. 2; ед. хр. 700, л. 14; ед. хр. 796, л. 4; ед. хр. 805, л. 3 и др.

³ См.: Полянская Г.Н. Начало жизненного пути // Учен. записки Всесоюз. науч.-исслед. ин-та сов. законодательства. М., 1968. Вып. 14. С. 32.

Позже Министр юстиции Временного правительства А. Керенский признал эту отмену неправильной и предложил несколько женщин-юристок зачислить в адвокатуру¹. Как показала жизнь, женщины-юристы полностью оправдали оказанное им доверие, заняли достойное место в адвокатском корпусе. Прав оказался выдающийся русский юрист, государственный и общественный деятель А.Ф. Кони, который, отстаивая законопроект о допуске женщин России в адвокатуру, обоснованно полагал, что это положительно скажется на ее деятельности и нравственной атмосфере².

Возвращаясь к краткой характеристике дореволюционной адвокатуры, следует отметить и такие не украшавшие ее черты, как оторванность от народа, дороговизна юридических услуг, корыстолюбие и бесчестие многих адвокатов, что нашло отражение даже в художественных произведениях великих русских писателей и поэтов.

Резкую характеристику дореволюционной адвокатуры дал в свое время В.И. Ленин, который был знаком не только с теорией, но и с практикой российского судопроизводства. В 1899 г. в одной из своих ранних работ, показывая недоступность адвокатской помощи для неимущих, он писал следующее: «...обыкновенному, простому рабочему, получающему самую маленькую плату, почти никогда не добраться до хорошего адвоката, и поэтому, как знает всякий рабочий, судьи-чиновники очень часто постановляют по рабочим делам самые жестокие и бессмысленно жестокие приговоры»³. Вряд ли есть основание ставить под сомнение эти ленинские суждения. Важно сделать вывод из уроков прошлого и не допустить возвращения на круги своя⁴.

Решительное и бескомпромиссное упразднение частной и присяжной адвокатуры в ходе октябрьских событий 1917 г. было закономерным процессом, обусловленным всем ходом развернувшейся в то время классовой борьбы, приходом к власти большевиков, руководствовавшихся идеей марксизма-ленинизма о необходимости революционного слома буржуазного государственного аппарата, всей дореволюционной правовой системы.

¹ См.: Вестник права. 1917. № 10–11. С. 251.

² См.: Кони А.Ф. Собр. соч. М., 1967. Т. 4. С. 441.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 276.

⁴ Об истории возникновения и развития адвокатуры в Российском государстве см.: Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. СПб., 1893; История русской адвокатуры. М., 1914. Т. 1; Черкасова Н.В. Образование и развитие адвокатуры в России в 60–80 годы XIX в. М., 1987 и др.

Ликвидация старой адвокатуры, как и всей юридической надстройки, законодательно была подтверждена декретом СНК РСФСР о суде от 24 ноября 1917 г., нашедшим последовательное осуществление и в Беларуси. Первый правовой акт Советской власти по вопросам судебного строительства никакой организации взамен упраздненной адвокатуры не создавал. Однако это не было упущением декрета. Советское государство стремилось отыскать такие организационные формы института судебной защиты и оказания правовой помощи населению, которые отвечали бы природе нового общественного строя. Для этого нужно было время. Поэтому в роли защитников, как и обвинителей, допускавшихся в стадиях судебного разбирательства и предварительного следствия, а по гражданским делам – поверенных могли выступать все неопороченные граждане обоего пола, пользовавшиеся гражданскими правами.

Декрет о суде № 1 в области организации защиты воспринял небольшой, но важный опыт деятельности первых революционных судов, созданных правотворчеством революционных масс. Судебные заседания проводились на основе широкой гласности и активного участия в судебном разбирательстве присутствовавших граждан. Видимо, такая форма организации защиты и обвинения в тех условиях была единственно возможной. Она обеспечивала гражданам доступность суда и защиты, простоту судебной процедуры, активное участие в судебном процессе, наглядно демонстрируя свое отличие от старого судопроизводства. Надо отметить, что в первые месяцы новой власти так называемый «митинговый демократизм» проявлялся во многих областях государственного строительства и являлся разновидностью революционной инициативы, поддерживаемой и направляемой большевиками.

С декабря 1917 по 1920 г. включительно в РСФСР был принят ряд декретов, постановлений, инструкций и других нормативных актов, в которых в том или ином объеме и аспекте регулировались вопросы судебной защиты и оказания населению иной правовой помощи. Большинство этих законоположений было претворено в жизнь и в Беларуси¹, которая, как известно, до января 1919 г. входила в состав Российской Федерации, а после образования Белорусской ССР вследствие сложности военно-политической обстановки законы РСФСР продолжали применяться в республике вплоть до 1921 г.

¹ См.: Мартинович И.И. История суда в БССР. Мн., 1961. С. 10–37.

Вторым нормативным актом, имевшим определенное значение для развития организационных форм судебной защиты в Беларуси в первые годы Советской власти, являлась Инструкция НКЮ РСФСР «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» от 19 декабря 1917 г.¹ Она предусматривала организацию коллегий правозаступников при революционных трибуналах – чрезвычайных судах, созданных для рассмотрения дел о контрреволюционных и иных опасных для государства преступлениях. Указанные коллегии формировались путем свободной записи лиц, желавших оказать помощь революционному правосудию и представивших рекомендации Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В обязанность этих коллегий правозаступников входило выполнение двух функций: обвинения и защиты. Наряду с этим в качестве обвинителей и защитников по-прежнему могли принимать участие в судебных прениях один обвинитель и один защитник из числа присутствовавших на заседании суда.

Коллегии лиц, посвятивших себя правозаступничеству, для общих судов создавались Декретом о суде от 7 марта 1918 г. № 2². Они состояли при Советах, ими избирались и отзывались. Только лица, являвшиеся членами коллегий правозаступников, могли выступать в судах за плату. Тем самым эти коллегии ставились под контроль местных органов государственной власти.

Коллегии правозащитников – первая организационная форма защиты в советском суде – стали создаваться в Беларуси в середине 1918 г. С февраля по декабрь этого года большая часть территории республики была временно захвачена германскими интервентами, поэтому коллегии были организованы только в некоторых неоккупированных уездах Витебской и Могилевской губерний. Формирование их затруднялось и тем, что ликвидация старой адвокатуры, как и всех юридических учреждений, сопровождалось активным сопротивлением бывших судебных чиновников, прокуроров и присяжных поверенных. Правительствующий сенат в своем постановлении, принятом по случаю издания декрета о суде № 1, заявил о непризнании «законной силы за распоряжением каких бы то ни было самочинных организаций... о чем и дать знать всем подчиненным местам и лицам»³.

¹ СУ РСФСР 1917. № 12. Ст. 170.

² Там же. 1918. № 26. Ст. 420.

³ История советского уголовного права. М., 1918. С. 62.

На этот призыв единодушно откликнулись судебные чиновники и присяжная адвокатура бывшего Западного края Российской империи. Член секции Витебского губернского Совета в январе 1918 г. сообщил о саботаже чиновников Витебского окружного суда¹. К августу того же года из 65 членов магистратуры этого суда в советском суде работало только 5 человек, а из 35 присяжных поверенных только один согласился сотрудничать с новой властью². Такое же примерно положение было и в других местах Беларуси. Это, несомненно, затрудняло создание советской юстиции, в частности, организацию защиты и иной правовой помощи населению. Вот в каком положении, по словам председателя Витебского окружного народного суда И. Сперанского, находились защита и обвинение летом 1918 г.: «Общественными обвинителями и защитниками выступали на суде преимущественно партийные работники, коммунисты, члены исполкома. Юристов среди них не было. Местная "присяжная" адвокатура упорно бойкотировала новый народный суд и за редкими, единичными исключениями в защиту подсудимых не выступала...»³ Эти заметки одного из первых деятелей советской юстиции в Беларуси особенно ценны, т.к. написаны по свежим впечатлениям, по «горячим следам» революционных преобразований. Они показывают те трудности, которые преодолела Советская власть, создавая новый государственный аппарат.

С первых месяцев установления новой власти помимо коллегий правозаступников, осуществлявших судебную защиту и обвинение, для оказания беднейшему населению иной юридической помощи (выдачи справок, консультаций, составления всякого рода бумаг и т.п.) при судах создавались бесплатные консультационные бюро. Наиболее полные сведения сохранились об организации и деятельности консультационного бюро, действовавшего при Витебском окружном народном суде. Оно было открыто 1 августа 1918 г. и давало трудящимся в течение месяца от 100 до 150 юридических справок и советов по различным правовым вопросам⁴.

Освобождение Красной Армией территории Беларуси от немецких оккупантов явилось началом напряженной работы в области государственного и, в частности, судебного строительства. В освобожденных городах и уездах наряду с народными судами, следственными комиссиями и другими органами юстиции стали

¹ См.: «Известия Витебского Революционного Совета» 10 янв. 1918 г.

² См.: Кожевников М.В. История советского суда. М., 1948. С. 17.

³ Пролетарская революция и право. 1918. № 5–6. С. 28.

⁴ Там же. С. 79; 1919. № 1. С. 116.

создаваться коллегии правозащитников, которые сразу же приступали к выполнению своих обязанностей по оказанию правовой помощи населению.

Бюро коллегии народных судей Бобруйского уезда в своем сообщении Комиссариату юстиции БССР указывало, что 10 января 1919 г. в уезде учреждены народные суды, следственная комиссия и коллегия правозащитников (в составе 4 человек)¹. «Немедленно по утверждении, – информируется в другом документе, – коллегия приступила к исполнению своих обязанностей: была открыта консульгация, в которой члены коллегии посменно дежурили, давали советы и разъяснения по вопросам действующего права, составляли деловые бумаги и прошения. Помимо сего, члены коллегии выступали защитниками и обвинителями по требованию народных судей»².

Вместе с тем надо подчеркнуть, что коллегии правозащитников в подавляющем большинстве состояли из старых юристов, как правило, негативно относившихся к Советской власти. В связи с этим, по выражению В.И. Ленина, под прикрытием «советских» правозащитников стала возрождаться буржуазная адвокатура³. Нарком юстиции РСФСР Д.И. Курский в своей речи на заседании ВЦИК в ноябре 1918 г. конкретно объяснил, в чем это проявлялось: «Правозащитники открыли приемные, стали принимать клиентов; явилась вывеска, и возродилась адвокатура в самой нежелательной форме: туда попали маленькие люди, которые открыли лавочку и стали торговать правосудием»⁴. Вместе с тем Д.И. Курский отметил, что, если коллегии правозащитников будут организованы надлежаще, они смогут оказать существенную помощь в отправлении правосудия. В связи с этим в ноябре 1918 г. в РСФСР была осуществлена реорганизация коллегий правозащитников. Положение о народном суде от 30 ноября 1918 г. – важный правовой акт по вопросам судоустройства и судопроизводства в годы гражданской войны и иностранной интервенции – ввело так называемую должностную защиту. Взамен коллегий правозащитников создавались коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе. Это не означало, как утверждается иногда в литературе⁵, что бывшие коллегии

¹ См.: Национальный архив Республики Беларусь, ф. 811, оп. 1, ед. хр. 3, л. 158. (Далее – НА.)

² Там же, ед. хр. 8, л. 120.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 101.

⁴ Курский Д.И. Избранные статьи и речи. М., 1958. С. 57.

⁵ См., например: Голубева Л.М. История развития общественного обвинения и общественной защиты в советском уголовном процессе. Фрунзе, 1960. С. 9.

правозаступников разделились на три самостоятельные коллегии. Коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе имели единую организационную структуру. Каждый из членов коллегии мог выполнять любую из соответствующих функций. Именно этим и можно объяснить тот факт, что и после преобразования коллегий правозаступников в коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе они, как правило, сохраняли прежнее наименование, т.е. назывались коллегиями правозаступников.

Исключение в этом отношении составляла Украина. Здесь в соответствии с Временным положением о народных судах и революционных трибуналах от 20 февраля 1919 г. были образованы отдельные коллегии обвинителей и правозащитников. Коллегии правозащитников, в свою очередь, подразделялись на коллегии правозащитников, выступавших в революционных трибуналах, и коллегии правозащитников, осуществлявших защиту в народных судах. Как отмечал А.Л. Ривлин, это обеспечивало подбор в правозаступники трибуналов наиболее проверенных людей и явилось причиной сохранения упомянутых коллегий в неизменном виде до 1922 г.¹

Члены коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе избирались исполнительными комитетами Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Содержание члены коллегии получали в размере заработной платы народных судей, а плата за участие в судебных процессах в качестве защитников и представителей сторон (размер ее определялся судом) поступала в доход государства. Члены коллегии избирали на один год совет коллегии, который по предложению суда выделял своих членов для участия в уголовных и гражданских процессах.

Участие защитника признавалось обязательным при наличии просьбы обвиняемого в уголовных делах, рассматриваемых народным судьей с шестью народными заседателями, т.е. о наиболее тяжких преступлениях. Во всех остальных случаях вопрос о допуске защитника решался судом в распорядительном или судебном заседании. Однако при участии в судебном процессе обвинителя участие защитника являлось обязательным. По гражданским делам стороны, желавшие иметь своего представителя в суде, обращались непосредственно в совет коллегии, который мог отказать в удовлетворении ходатайства о назначении представителя. Жалобы

¹ Ривлин А.Л. Организация суда и прокуратуры в СССР. Харьков, 1968. С. 168–169.

на это решение совета коллегии рассматривались соответствующим судом.

Положением о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. в качестве защитников и представителей сторон, кроме членов коллегии, допускались близкие родственники тяжущихся (родители, дети, супруги, братья, сестры) и юрисконсульты учреждений по полномочию их руководящих органов.

После образования БССР резолюцией Всебелорусского съезда членов следственных комиссий и народных судей, принятой в феврале 1919 г., за основу организации защиты и обвинения рекомендовалось принять начала, изложенные в Положении о народном суде РСФСР 1918 г. Съезд счел необходимым создать, как и в РСФСР, единые коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе. Однако они должны были учреждаться в общегубернском масштабе, т.е. только при губернских исполнительных комитетах Советов. Образование их при исполкомах уездных Советов, как это предусматривалось в Российской Федерации, с учетом размеров территории республики и общего количества защитников признавалось нецелесообразным.

До организации названных коллегий судам разрешалось привлекать для выполнения функций защиты и обвинения в порядке общественной повинности политически сознательных граждан и ответственных советских работников¹.

Можно было бы сказать, что этим указанием предвосхищалась организационная форма защиты, введенная Положением о народном суде от 21 октября 1920 г. Однако дело здесь не в случайном предугадании, а скорее в использовании предшествующего опыта, когда наряду с правозаступниками в судебных прениях могли выступать и другие лица, не являвшиеся членами коллегий правозаступников. Нельзя не учитывать и того, что в годы гражданской войны молодым Советским государством широко использовалась трудовая повинность во всех областях строительства новой жизни. Первый съезд деятелей советской юстиции Беларуси предпринял попытку использовать эту форму привлечения к труду и в области осуществления функций защиты и обвинения в суде. Позднее защита полностью была переведена на начала трудовой повинности.

Выполняя решения съезда, Комиссариат юстиции БССР в начале марта 1919 г. приступил к организации коллегий защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском

¹ См.: Пролетарская революция и право. 1919. № 1. С. 122–123.

процессе. В «Известиях Центрального исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Белоруссии» от 1 марта 1919 г. был опубликован список лиц (16 человек), подавших заявления о зачислении их в коллегиио. Этот список дает представление о качественном составе лиц, претендовавших на выполнение функции защиты в народных судах республики. Кроме фамилии, имени и отчества кандидата указывалось, кем он работал, где и какое учебное заведение окончил. Большинство из них (11 из 16) являлись бывшими присяжными и частными поверенными, один – мировой судья, два претендента значились как окончившие университетский курс юридических наук, один – студент 4-го курса психоневрологического института, бывший сотрудник «Известий Владимирского исполкома». Об одном кандидате сведений не имелось.

Конечно, это был только предварительный список лиц, желавших посвятить себя правозащитничеству. В конце списка указывалось, что граждане, имевшие какие-либо порочащие сведения о деятельности перечисленных лиц, приглашаются сообщить об этом Комиссариату юстиции, который должен обсудить каждую кандидатуру и окончательно утвердить состав коллегии правозащитников. К сожалению, не представляется возможным судить о том, насколько эффективной была указанная форма общественного контроля за комплектованием коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе, поскольку никаких данных на этот счет не сохранилось. Однако достоверно известно, что в БССР, как и в РСФСР, по своему социальному составу коллегии не соответствовали предъявлявшимся в то время требованиям и состояли в основном из бывших юристов. Это обстоятельство отмечается, в частности, и в официальном отчете о деятельности Комиссариата юстиции Литовско-Белорусской республики от 14 октября 1919 г.

К этому времени определенная часть старого адвокатского сословия, убедившись в прочности Советской власти, начала приспособляться к новым условиям и, изменив свою тактику бойкота нового суда, вынуждена была пойти на службу в советские учреждения. И большевистское партийно-государственное руководство, нуждаясь в дипломированных специалистах, пошло на известные уступки при подборе кадров, в том числе в сфере юстиции. Многие присяжные и частные поверенные в таких условиях стали правозащитниками.

Для обсуждения вопроса об улучшении социального состава коллегий и решения других организационных и методических

вопросов в мае 1919 г. Народный комиссариат юстиции БССР созвал в Минске съезд правозаступников. Однако в связи с началом военных действий и оккупацией интервентами значительной части территории республики вместо съезда было проведено совещание правозаступников Минского судебного округа¹. Тем не менее и оно сыграло существенную роль в организационном укреплении коллегии защитников. Был несколько обновлен личный состав и приняты меры к улучшению деятельности коллегии. Об этом свидетельствует содержание обсуждавшихся на совещании докладов: «О пролетарской этике правозаступников» и «О профессиональной тайне правозаступников».

Количественный состав коллегий в городах и уездах Беларуси в это время был немногочисленным. Из ведомостей на выдачу жалованья служащим Минского Совета народных судей в первой половине 1919 г. видно, что к 15 мая числилось 8 правозаступников, а к 18 июля – 11, среди которых была и одна женщина². В первые месяцы 1919 г. в связи с увеличением количества рассматриваемых судами дел число правозаступников возросло, но обстоятельства военного времени привели к сокращению штата служащих Совета народных судей Минского судебного округа и к увольнению правозаступников. Некоторые из них в связи с мобилизацией и отправкой на фронт народных судей переводились на их должности. Наркомат юстиции Литовско-Белорусской республики разработал и утвердил смету и штаты правозаступников в уездах Минской губернии на второе полугодие 1919 г. (в Борисовском уезде намечалось иметь 7 правозаступников, Бобруйском – 6, Игуменском – 5, Мозырском – 6, Новогрудском – 4, Барановичском – 2, Минском – 5, Слуцком – 5, Вилейском – 4, а всего – 44 правозаступника). Но этим планам не суждено было сбыться, т.к. к августу 1919 г. войска Польши овладели почти всей территорией нашей республики, а неоккупированные ее районы были присоединены к соседним губерниям РСФСР.

К сожалению, трудно судить и об эффективности осуществлявшейся правозаступниками защиты, поскольку досье сохранившихся дел, рассмотренных с участием защитников, очень скудные и не содержат об этом необходимых сведений. Однако не подлежит сомнению, что их участие в судебном заседании являлось одной из гарантий права обвиняемого на защиту, способствовало более полному и объективному исследованию обстоятельств дела. Суд

¹ «Звезда» 18 мая 1919 г.

² См.: НА, ф. 811, оп. 1, ед. хр. 2, л. 400, 410.

внимательно относился к обоснованным ходатайствам защиты, ее соображениям об оценке доказательств, мере наказания и по другим вопросам, подлежавшим разрешению в судебном процессе. Так, в июле 1919 г. в одном из народных судов Минска с участием обвинителя и защитника-правозащитника слушалось дело по обвинению Р. о невзнос чрезвычайного революционного налога. Суд удовлетворил ходатайство защитника о вызове свидетелей, отложил дело слушанием, что, безусловно, способствовало более правильному разрешению его в другом судебном заседании¹.

После освобождения территории Беларуси от польских войск приказом Военно-революционного комитета БССР от 1 августа 1920 г. о создании судебно-следственного аппарата в республике окончательно упразднились функционировавшая во время польской оккупации присяжная и частная адвокатуры. Как указывалось в приказе, защита, как и другие юридические установления, должна была строиться на принципах, выработанных практикой пролетарской революции². Эти общие указания были конкретизированы циркуляром НКЮ БССР от 23 августа 1920 г., которым в основу судебного строительства было взято Положение о едином народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г.³ Однако к этому времени уже стало очевидно, что институт должностной адвокатуры себя не оправдал. Это обстоятельство единодушно отмечалось на III съезде деятелей юстиции в Москве и в принятой им 29 июня 1920 г. резолюции⁴.

В связи с этим в Беларуси уже в августе 1920 г. формы организации защиты подверглись изменению. Коллегии обвинителей, защитников и представителей сторон в гражданском процессе упразднились. В качестве защитников и обвинителей привлекались по очереди лица, способные выполнять соответствующие функции в порядке обязательной трудовой повинности. Списки защитников и обвинителей составляли уездные бюро юстиции. На них было возложено и оказание бесплатной юридической помощи населению.

В РСФСР, как известно, такая реорганизация была осуществлена Положением о народном суде Российской Федерации от 21 октября 1920 г. и Инструкцией НКЮ об организации обвинения и защиты в суде от 23 ноября 1920 г. Этими актами только функция защиты превратилась в общественную повинность лиц,

¹ «Звезда» 13 июля 1919 г.

² См.: Революционные комитеты БССР, июль – декабрь 1920 г. Мн.: АН БССР, 1920. С. 74.

³ См.: Государственный архив Минской области, ф. 586, оп. 2, ед. хр. 2, л. 6.

⁴ Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР. М., 1923. С. 246.

способных ее выполнять. Обвинителями же выступали специально состоявшие при отделах юстиции должностные лица, назначаемые и отзываемые губисполкомами. В Беларуси в то время не было проведено четкого организационного размежевания функций обвинения и защиты. Обвинителями в судебных процессах иногда выступали лица в порядке трудовой повинности из общих списков. Списки лиц, привлекаемых в качестве защитников, составлялись исполкомами районных и городских Советов в установленном инструкции порядке. При недостатке защитников по спискам для этой цели привлекались консультанты отделов юстиции.

Организация защиты на началах трудовой повинности была переходной формой. В таком виде институт защиты просуществовал в Беларуси недолго, немногим более года. Не было и органа, направлявшего и контролировавшего деятельность лиц, осуществлявших функцию защиты в порядке обязательной трудовой повинности. В результате фактический материал по этому вопросу почти отсутствует. Тем больший интерес представляют обнаруженные в архивных фондах два списка лиц, подлежащих привлечению в качестве защитников и обвинителей по Борисовскому уезду в порядке трудовой повинности. Первый из них был представлен уездным бюро юстиции 1 апреля 1921 г. в Борисовский уездный исполком на утверждение. В него входило 12 человек, являвшихся работниками уездного комитета партии, земельного отдела, отделов здравоохранения и народного образования, военкомата, профсоюзного бюро совнархоза и редакции газеты «Бедняк»¹. Во втором списке (уже утвержденном президиумом Борисовского уездного исполкома и состоявшем из тех же лиц и одного дополнительно включенного) приведены данные о их партийности и участии в судебных процессах с мая по август 1921 г.² Из 13 человек 9 – члены РКП(б), большинство из них выступали как защитниками, так и обвинителями в народном суде, особой сессии этого суда, революционном военном дивизионном трибунале.

Таким образом, эти фактические данные являются подтверждением, во-первых, положения о том, что в Беларуси в порядке трудовой повинности выполнялись функции как защиты, так и обвинения. Во-вторых, они показывают, что подбор лиц для осуществления вышеназванных функций на основе общественной повинности проводился продуманно, учитывались прежде всего членство в партии, работа в советских органах власти,

¹ См.: Государственный архив Минской области, ф. 586, оп. 1, ед. хр. 4, л. 179.

² Там же, л. 135.

профсоюзах. Иначе говоря, в списки включались партийные, советские и профсоюзные работники, имевшие определенный опыт и подготовку для публичных выступлений в суде. В-третьих, среди этих лиц не было юристов. Последнее, а также организационная неоформленность института защиты приводили к отрицательным результатам. Не имея специальной правовой подготовки, эти люди, естественно, не могли эффективно выполнять свои процессуальные обязанности. Кроме того, отсутствие постоянного состава защитников приводило к тому, что нередко их функции в суде осуществляли консультанты уездных бюро юстиции и Наркомюста, т.е. государственные чиновники. На них возлагалось также оказание гражданам и правовой консультационной помощи. Среди работников юстиции в центре и на местах все более отчетливо созрела идея о необходимости реформы суда, обвинения и защиты. Это хорошо видно из протокольной записи заседания коллегии Борисовского уездного бюро юстиции от 30 декабря 1921 г., посвященного обсуждению подлежащих разрешению на предстоящем съезде деятелей юстиции БССР вопросов о карательной политике, задачах и конструкции народного суда, о правовой защите. Коллегия признала «весьма желательным подбор правовых заступников из наиболее опытных общественных деятелей, знакомых в достаточной мере не только с советским правом и бытом населения, но и с принципами советского строительства и государственной жизнью, чтобы они своим опытом помогли народу стать на должную высоту и создать определенное единообразие в вынесении судебных решений и приговоров¹. Далее отмечалось, что в том случае, если защита будет организована как «частный институт», то необходимо обязать защитников оказывать юридическую помощь пролетариату бесплатно, за счет состоятельных классов населения. Словом, в этом документе не только говорилось о необходимости реорганизации защиты, но и была сделана попытка определить ее задачи, принципы дальнейшей деятельности. Надо полагать, что члены коллегии Борисовского уездного бюро юстиции не составляли исключения. Подобные мнения и соображения высказывали и другие работники юстиции, знавшие потребности жизни.

Таким образом, учреждению советской адвокатуры в БССР предшествовала ее сложная предыстория. Формирование в Беларуси нового института защиты и другой правовой помощи населению, как и всей государственно-правовой надстройки, проходило

¹ См.: Государственный архив Минской области, ф. 586, оп. 2, ед. хр. 12, л. 16.

в сложной обстановке. Мирное строительство неоднократно прерывалось наступлением немецких и польских войск, которые восстанавливали старые институты, в том числе присяжную и частную адвокатуры. Наблюдалось крайнее обострение противоречий и внутри страны. На территории Беларуси появились вооруженные антисоветские формирования, что привело к созданию временных чрезвычайных органов, проведению беспощадной карательной политики. Однако к осени 1921 г. в результате принятых военных, карательных, административных и иных мер были достигнуты существенные успехи в стабилизации положения в Беларуси¹. Начала проводиться работа по осуществлению социалистических преобразований, в том числе поиск новых организационных форм защиты и правовой помощи населению. Они не всегда были эффективными, являлись переходными по своему характеру. Здесь нельзя не согласиться с мнением о том, что «пришлось постепенно выбирать на столбовую дорожку общественного прогресса»². Тем не менее в сложных условиях первых лет советского судебного строительства институт защиты (правозащитничества) оказал помощь органам правосудия в решении их задач, являлся определенной гарантией права обвиняемого на защиту, способствовал правовому просвещению населения и накоплению необходимого опыта для более успешного законодательного и организационного решения профессиональных проблем в недалеком будущем.

¹ См.: Круталевич В.А., Юхо І.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917–1945 гг.). Мн., 1998. С. 116.

² См.: Петрухин И.Л. Вам нужен адвокат... М., 1993. С. 18.

Глава II.

Образование адвокатуры в БССР и ее развитие в годы социалистических преобразований (1922–1935 гг.)

Переход от военного коммунизма к мирному хозяйственному строительству, введение новой экономической политики и развитие гражданского товарооборота, либерализация политического режима потребовали ограничения деятельности карательных органов, утверждения законности и правопорядка, охраны прав и законных интересов граждан. Из-за неоднократной оккупации территории республики укрепление законности в Беларуси приобретало особую остроту и значимость, являлось необходимым условием для обеспечения надлежащих темпов в государственно-правовом строительстве, позволяло приступить к ликвидации тяжелых последствий оккупации и бандализма.

Поскольку основной задачей власти становилось не военное подавление, а управление, на первое место среди органов принуждения стал выдвигаться суд. Возникла настоятельная необходимость в расширении демократических основ судостроительства и судопроизводства, усилении надзора за законностью, возросла соответственно потребность населения в правовых консультациях, разъяснениях законодательства, юридической помощи на суде. В республике уже в 1921 г. стал осуществляться ряд организационных и законодательных мер, направленных на обеспечение выполнения стоявших перед органами юстиции задач: несколько улучшился кадровый состав работников этих органов, проводились выборы народных судей, устанавливались некоторые гарантии судейской независимости.

Основополагающее значение для развития института адвокатуры в республике имел декрет Совнаркома БССР от 26 декабря 1921 г. об организации правозащиты на суде. К сожалению, «Известия ЦИК Белоруссии» № 27 за август 1921 г., в которых опубликован этот декрет, не сохранились. Однако среди архивных документов найден текст проекта Положения об организации защиты на суде, приложенный к протоколу заседания Совета Народных Комиссаров БССР № 32 от 3 декабря 1921 г.¹ Поскольку в повестки последующих заседаний правительства республики этот вопрос не включался, есть основание полагать, что проект указанного

¹ НА, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 11, л. 956–963 (машинопись).

документа обсуждался и был принят на заседании Совнаркома БССР 3 декабря 1921 г., а позднее, 26 декабря, опубликован в «Известиях ЦИК Белоруссии».

Каковы же основные положения этого документа?

Для защиты интересов лиц, участвовавших в гражданских и уголовных делах, при Наркомате юстиции БССР учреждался институт правозащиты. Правозащитником мог быть всякий гражданин республики, имевший необходимую теоретическую и практическую подготовку, а также право избирать и быть избранным в Советы. Лицо, желавшее быть защитником, подвергалось испытанию комиссией, назначаемой Наркомом юстиции. Постановление комиссии о зачислении в правозаступники или об отказе в таком ходатайстве обжалованию не подлежало и являлось окончательным. О лицах, зачисленных в правозащитники, сообщалось в печатном органе.

Защитник избирал определенное место жительства на территории республики и в своей деятельности находился под наблюдением Наркомата юстиции и местных судебных учреждений. Число правозащитников в уезде определялось в 5, а в Минске – в 15 человек. Их увеличение зависело от Наркомата юстиции, которому принадлежало и право дисциплинарной власти в отношении правозащитников.

Подробно регламентировались права и обязанности правозащитника, порядок заключения с ним соглашения на ведение дел (ст. 9–18, 20, 23). Оплата их труда ставилась в зависимость от соглашения с клиентом, о чем составлялся письменный документ. В случае если такое соглашение не заключалось, размер вознаграждения устанавливался по определенной таксе. Если обвиняемый являлся «материально необеспеченным, малолетним или психически ненормальным», судья вправе был назначить бесплатного защитника из лиц, занесенных в список правозащитников и проживавших в месте нахождения камеры суда.

Ряд организационных вопросов, связанных с действием института правозащиты, получил разрешение в Положении о юридических консультациях и бюро коллегии правозащитников, изданном 25 марта 1922 г.¹ Впервые в истории Беларуси для оказания юридической помощи населению официально предусматривалось создание юридических консультаций. В Минске они были открыты при Совете народных судей, а в уездных городах – при народных судах.

¹ СУ БССР. 1922. № 2. Ст. 52.

Любопытно, что в РСФСР организация юридических консультаций предусматривалась Положением об адвокатуре от 26 мая 1922 г.

На юридические консультации, в которых дежурили по очереди проживавшие в данном городе правозащитники, возлагалось оказание населению разносторонней правовой помощи: а) дача юридических советов и справок; б) составление деловых бумаг и заявлений; в) выступление в судах по просьбе заинтересованных лиц и предложению председателей судов.

Введение в практику работы такой организованной формы деятельности коллегий, как юридические консультации, являлось, по мнению исследователей истории адвокатуры, «шагом вперед в организации юридической помощи населению»¹. Этот вывод не вызывает сомнений, т.к. создание юридических консультаций предполагало переход к коллективным формам организации работы по оказанию правовой помощи гражданам. А это, в свою очередь, в тех условиях означало повышение качества защиты и других видов юридической помощи, способствовало выработке новых методов правозащитной деятельности.

В соответствии с Положением о юридических консультациях и бюро коллегии защитников общее руководство коллегий правозащитников возлагалось на Наркомат юстиции БССР. Для повседневного руководства работой консультаций и контроля за исполнением правозащитниками своих обязанностей избиралось бюро, утверждаемое наркомом юстиции.

Бюро и консультации содержались на средства, полученные от оказания платной юридической помощи. В случае недостатка этих средств допускалось самообложение правозащитников. Еще более расширялась бесплатная правовая помощь. Безвозмездно пользовались услугами юридических консультаций члены профессионального союза, неимущие граждане при предоставлении соответствующей справки от народного суда, собеса, других учреждений. Кроме того, бюро по своему усмотрению имело право освободить от внесения гонорара любого необеспеченного клиента. Это делало юридическую помощь доступной для трудящихся, но вместе с тем ставило в стесненное положение правозащитников, лишало их заинтересованности в результатах своего труда, что не могло не сказываться на эффективности и качестве их профессиональной деятельности.

¹ Адвокатура в СССР. М., 1971. С. 26.

Анализ основных статей Положения о юридических консультациях и бюро коллегии правозащитников показывает, что при его разработке Наркомат юстиции БССР воспользовался рекомендациями IV Всероссийского съезда деятелей советской юстиции (январь 1922 г.), решительно высказавшегося за организацию коллегий защитников. Выступая на этом съезде, нарком юстиции Российской Федерации Д.И. Курский говорил: «...вопросом, наиболее близко соприкасающимся с судом, является вопрос об организации адвокатуры. До очевидности ясно, что оставаться при системе списков защитников, которые мы вели до настоящего времени, дальше невозможно»¹.

Поддержав подготовленный НКЮ РСФСР проект декрета об адвокатуре, съезд принял резолюцию о замене ст. 43–49 Положения о народном суде РСФСР новыми нормами. Они предусматривали образование при губернских советах народных судей коллегий защитников по уголовным и гражданским делам, избрание для руководства их работой бюро коллегий и уездных бюро защитников, а также организацию юридических консультаций².

Положение об организации правозащиты на суде от 26 декабря 1921 г. и Положение о юридических консультациях и бюро коллегии правозащитников от 25 марта 1922 г. намного приблизили в Беларуси организационные принципы защиты и иной правовой помощи населению к той форме, которая была установлена летом 1922 г. Опыт применения данных нормативных актов (пусть и небольшой) был учтен и использован при разработке проекта Положения об адвокатуре в БССР. Об этом прямо сказал на сессии ЦИК БССР нарком юстиции А.Х. Гетнер: «...в Белоруссии существовали правозащитники... адвокатура имела у нас положение, но... НКЮ находит нужным внести соответствующие изменения»³. И далее: «...мы имели уже адвокатов... 6 месяцев – и у нас есть опыт в этом отношении»⁴.

Именно поэтому и во вступительной части Положения об адвокатуре, принятого третьей сессией ЦИК БССР 26 июня 1922 г.⁵ одновременно с Положением о прокурорском надзоре, Уголовным и Уголовно-процессуальным кодексами, указывалось, что оно издается во исполнение Положения об организации правозащиты на суде от 26 декабря 1921 г.

¹ Курский Д.И. Указ. соч. С. 115–116.

² См.: Крыленко Н.В. Указ. соч. С. 391–392.

³ НА, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 79, л. 19.

⁴ Там же, л. 103–104.

⁵ СУ БССР. 1922. № 5. Ст. 84.

Примерно в то же время в Наркомюст республики стали поступать запросы из уездных бюро юстиции о возможности введения института правозащитников. Наркомат разъяснил, что впредь до получения особых распоряжений введение этого института не должно иметь места. Работа по претворению в жизнь декрета об организации правозащиты началась в Беларуси с января 1922 г., а уже к концу марта в Минске определен состав правозащитников, было избрано бюро, выделено помещение для юридической консультации. Много внимания уделялось подбору кадров, проведению испытательных экзаменов. Лицам, зачисленным в правозащитники, выдавались соответствующие свидетельства. Сохранился подлинник такого документа, текст которого ввиду представляемого интереса приводится полностью:

«Свидетельство.

На основании статьи 5 Положения об организации защиты на суде выдано гр-ну Иванцову Константину Николаевичу в том, что он удостоен испытательной комиссией при НКЮ Белоруссии звания правозащитника по гор. Борисову и уезду. Гражданину Иванцову, как правозащитнику, присваиваются права и возлагаются на него обязанности, указанные в означенном Положении.

Изложенное подписями и приложением печати удостоверяется.

Нарком юстиции
ВРИД Управделами

А. Гетнер (подпись)
(подпись)¹.

Свидетельство датировано (на штампе) 7 апреля 1922 г. В материалах коллегии правозащитников имеется много расписок о получении такого рода удостоверений. Одно из них (№ 641) выписано 14 февраля 1922 г.² Это еще раз подтверждает ранее сделанный вывод о том, что организация адвокатуры в БССР началась с первых месяцев 1922 г. Однако окончательно этот институт юридически сформировался с принятием Положения об адвокатуре 26 июня 1922 г.

Следует отметить, что обсуждение проекта названного Положения на III сессии ЦИК БССР проходило в обстановке острой дискуссии. Не встретила поддержки среди присутствовавших предлагавшаяся в проекте НКЮ БССР децентрализация адвокатуры –

¹ НА, ф. 99, оп. 3, ед. хр. 81, л. 26.

² Там же, оп. 1, ед. хр. 81, л. 4.

создание в Минске и уездных городах самостоятельных коллегий защитников.

Против такого принципа построения адвокатуры в республике выступил председатель ЦИК БССР А.Г. Червяков. Он указал на необходимость единства в руководстве работой членов коллегии защитников в центре и на местах, строгого контроля за всей их деятельностью. «Для того чтобы эти коллегии выполняли ту роль, которая им предназначается в нашей советской жизни, — убеждал он членов Центрального Исполнительного Комитета, — я считаю, что должна быть одна коллегия правозащитников в центре при Наркомюсте... Этим создается единство руководства и ответственности за то, что делается на местах»¹.

Выступившие затем в прениях члены ЦИК БССР И.А. Адамович, В.А. Нодель, Д.С. Чернушевич и другие привели дополнительные аргументы в защиту точки зрения о необходимости создания единой коллегии защитников при Наркомюсте БССР. Главным доводом являлось то, что в условиях острого недостатка пролетарских кадров юристов и использования старых специалистов необходимо обеспечить тщательную проверку лояльности принимаемых в адвокатуру лиц, недопустимость проникновения в нее антисоветски настроенных элементов. Вместе с тем подчеркивалось, что комплектование коллегии под контролем Наркомюста не должно исключать участие в этой работе местных органов государственного управления (городских и уездных исполкомов).

В процессе обсуждения вопроса об организационной структуре адвокатуры отстаивалась мысль о создании в республике коллегии защитников при Наркомюсте и уездных коллегий защитников². Три года спустя, когда территория республики расширилась более чем в два раза за счет присоединения к ней ряда уездов Витебской, Гомельской и некоторых волостей Смоленской губерний, эта идея осуществилась. В 1922 г. с учетом небольшой территории республики (она состояла из шести уездов бывшей Минской губернии), ее административного деления и состава адвокатских кадров наиболее приемлемой была организация адвокатуры по принципу, предложенному А.Г. Червяковым. Не случайно вопрос об организационной структуре адвокатуры дважды ставился на голосование и оба раза большинством голосов принималось предложение о создании в Минске при Народном комиссариате юстиции БССР единой коллегии защитников.

¹ НА, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 79, л. 98–99.

² Там же, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 79, л. 98–100.

Оживленный обмен мнениями произошел на сессии и при обсуждении вопроса о допуске к адвокатской деятельности в порядке совместительства юрисконсульты, преподавателей и профессоров. Как общее правило совместительство для членов коллегии защитников проектом запрещалось. Этим преследовалась цель обеспечить ее постоянным составом кадров, создать нормальные условия для работы. Вместе с тем, как исключение, разрешалось совместительство для лиц, занимавших выборные государственные должности (кроме работников юстиции), для профессорско-преподавательского состава, а также юрисконсульты учреждений и предприятий.

Вопрос о праве юрисконсульты быть членами коллегий защитников после обсуждения получил положительное разрешение¹. Это помогло сохранить в адвокатуре квалифицированные кадры, т.к. значительная часть защитников в то время занималась по совместительству юрисконсультской работой. Правда, в законе была сделана оговорка, что юрисконсульты учреждений и предприятий, являющиеся одновременно членами коллегий защитников, не вправе принимать к ведению дела как учреждений, так и частных лиц, если противной стороной является учреждение, где они состоят юрисконсультами, а также дел граждан, если ответчиком или истцом является государственное учреждение. Это положение, закрепленное в первом и втором примечаниях к ст. 2 Положения об адвокатуре, было направлено на обеспечение точного осуществления членами коллегии защитников своих обязанностей, на исключение всякого рода злоупотреблений.

Сложнее было с вопросом о разрешении профессорам и преподавателям вне зависимости от профиля их учебной деятельности, имеющейся специальности заниматься адвокатской практикой. После продолжительной дискуссии этот вопрос был передан для обсуждения и окончательного редактирования Президиуму ЦИК БССР и Юридической комиссии. В конечном итоге было сформулировано правило в редакции, аналогичной соответствующей статье (примечание к ст. 44) Положения об адвокатуре РСФСР, т.е. допускалось совместительство в адвокатуре для профессорско-преподавательского состава юридических наук. Это решение было правильным, т.к. соответствовало тем требованиям, которые предъявлялись Положением об адвокатуре к лицам, вступающим в коллегию защитников. Они должны были обладать практическим

¹ В РСФСР совмещение юрисконсультской должности с адвокатской деятельностью было допущено Положением о судостроительстве 1926 г.

стажем ответственной работы не менее двух лет в органах советской юстиции в качестве судей, следователей, работников юстиции, консультантов или правозаступников. Лица, не соответствовавшие этому условию, зачислялись в коллегию защитников лишь после сдачи ими экзамена в особой комиссии по основным юридическим дисциплинам, т.е. если они получали определенную теоретическую подготовку по юриспруденции. Только в исключительных случаях комиссия имела право освобождать кандидатов в члены коллегии защитников от сдачи установленных испытаний. В этой связи нельзя согласиться со встречающимися в литературе объяснениями по вопросу о том, почему первое Положение об адвокатуре в РСФСР (как и в БССР) не устанавливало при приеме в коллегию защитников такого требования, как наличие высшего юридического образования. Очевидно, это было вызвано не тем, что «практический стаж работы стоит не меньше, чем университетский диплом»¹, а острой нехваткой кадров юристов высшей квалификации в тот исторический период.

26 июля 1922 г. НКЮ БССР в развитие Положения об адвокатуре принял Положение о коллегии защитников², которое регламентировало многие вопросы организации и деятельности коллегии защитников в республике.

Первый состав коллегии защитников был утвержден наркомом юстиции БССР 4 сентября 1922 г. по представлению городских и уездных исполкомов. В списке числилось 22 защитника (13 – в Минске, 4 – в Борисове, 2 – в Бобруйске, 1 – в Игумене и 2 – место пребывания не указано)³. В дальнейшем приемом новых членов в соответствии с Положением ведал президиум коллегии. За городскими и уездными исполкомами сохранялось право представления кандидатов, а за Наркоматом юстиции – право отвода вновь принятых членов и рассмотрения жалоб заинтересованных лиц на отказ в зачислении в коллегию. Причем, как показывают сохранившиеся архивные материалы, мотивами отказа в зачислении в коллегию являлись отсутствие соответствующей подготовки и опыта работы, занятие подпольной адвокатской деятельностью и др.

Высший орган коллегии защитников – общее собрание защитников – решало наиболее важные вопросы жизнедеятельности коллегии: избрание президиума и заслушивание его отчетов; обсуждение проблем, связанных с деятельностью коллегии в целом;

¹ Адвокатура в СССР. С. 24.

² СУ БССР. 1922. № 6. Ст. 106.

³ НА, ф. 99, оп. 3, ед. хр. 81, л. 47.

установление размера отчислений в фонд коллегии; разработка общего плана организации консультаций для оказания юридической помощи населению (ст. 11 Положения о коллегии защитников).

Для повседневного руководства работой коллегии общее собрание избирало президиум на один год в количестве трех – пяти лиц¹. Этот орган наделялся исполнительно-распорядительными функциями, а на местах для оперативного руководства и контроля за деятельностью членов коллегии защитников создавались уездные бюро защитников. Для выполнения указанных обязанностей президиум мог также назначить из числа уездных защитников своего уполномоченного.

Образование адвокатуры в Белорусской ССР имело большое общественно-политическое и правовое значение, т.к. способствовало укреплению законности, охране прав и законных интересов граждан, предприятий, учреждений и организаций, надлежащему осуществлению правосудия. Институт адвокатуры вместе с расширением процессуальных прав защитников и установлением случаев обязательного участия в судебном заседании в первом уголовно-процессуальном кодексе явился существенной гарантией права обвиняемого на защиту и правосудия в целом. При этом следует учитывать, что с начала 1922 г. в БССР стали действовать органы охраны революционной законности, выполнявшие наряду с другими и обвинительную функцию². С июня того же года поддержание государственного обвинения в суде стало осуществляться органами прокуратуры. Для обеспечения равенства сторон в уголовном процессе государственному обвинению должна была противостоять профессиональная защита. Эта юридическая аксиома была соблюдена одновременным принятием Положений о прокурорском надзоре и об адвокатуры.

Демократические формы организации адвокатуры (доступность для населения юридической помощи, добровольность объединения защитников, выборность ее органов самоуправления, общее государственное руководство), установленные в 1922 г. первым Положением об адвокатуры БССР, выдержали испытание временем и сохранились до наших дней. Последующие изменения в организации коллегий защитников обуславливались в основном

¹ В первый состав президиума коллегии защитников при НКЮ БССР вошли пять членов коллегии (И. Метлин, Я. Крейнс, Е. Плодкий, Цейтлин, Н. Фридман) // НА, ф. 99, оп. 3, ед. хр. 81, л. 30.

² Мартинович И.И. Становление прокурорского надзора в Белорусской ССР // Совершенствование прокурорского надзора в СССР. М., 1973. С. 305–312.

переменами в административно-территориальном делении, а также преобразованиями в судебной системе и судопроизводстве республики. Они были направлены на установление тесной связи коллегий защитников с судами и местными органами власти, на улучшение обеспечения населения правовой помощью.

Уже в октябре 1922 г. коллегия защитников была передана в ведение Высшего суда, образованного в связи с частичной реформой судебной системы в республике. Наряду с выполнением судебных функций Высший суд наделялся организационно-административными полномочиями в отношении поднадзорных ему органов. В частности, он осуществлял наблюдение за деятельностью коллегий защитников. Надо отметить, что своими циркулярами и разъяснениями Высший суд республики способствовал осуществлению правосудия в соответствии с законом, обеспечению права обвиняемого на защиту. Так, в циркуляре от 22 декабря 1922 г., изданном в связи с сообщением Президиума коллегии защитников о недопуске некоторыми судами защитников к выступлению в судебном процессе, Высший суд разъяснил, что члены коллегий защитников не могут быть не допущены к участию в деле в народных судах в тех случаях, когда об этом возбуждено ходатайство самим подсудимым¹.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в РСФСР коллегии защитников, состоявшие первоначально при губернских отделах юстиции, после проведения судебной реформы осенью 1922 г. также стали находиться под наблюдением губернских судов.

Вопрос о ведомственном контроле за коллегиями защитников для своего времени был немаловажным, ибо речь шла об эффективности и качестве правовой помощи гражданам и организациям со стороны только что созданной адвокатуры, состоявшей преимущественно из старых адвокатов, которым не всегда доверяла новая власть, ставившая своей целью их политическое перевоспитание. Против внутренней автономии коллегий защитников особенно настойчиво выступал Н.В. Крыленко, рассматривавший их как орган суда, а адвокатов – как категорию судебных работников². Таким образом он обосновал необходимость установления контроля за составом и качеством работы коллегий защитников со стороны губернских судов. И хотя подобная концепция о правовой природе адвокатуры в СССР впоследствии была признана

¹ НА, ф. 99, оп. 8, ед. хр. 110, л. 44.

² См.: Крыленко Н.В. Указ соч. С. 176–178.

неправильной¹, в период становления указанного института она, видимо, сыграла некоторую положительную роль, т.к. способствовала организационному укреплению коллегий защитников, преодолению имевшей место недооценки роли адвокатуры в осуществлении правосудия.

После введения в Беларуси нового административного деления (образование округов и районов) в большинстве округов создаются окружные бюро коллегий защитников, а в остальных – назначаются уполномоченные президиума коллегий защитников. 24 августа 1925 г. президиум коллегий защитников утвердил Витебское, Могилевское, Оршанское, Калининское, Бобруйское и Полоцкое бюро коллегий защитников². По Борисовскому и Слуцкому округам были назначены уполномоченные президиума коллегий защитников. Это усилило контроль за работой членов коллегий защитников на местах, повысило их ответственность за выполняемые профессиональные обязанности.

Существенная реорганизация была проведена Положением о судостроительстве БССР от 31 октября 1925 г. Вместо ранее существовавшей одной коллегии защитников такие структуры создавались при окружных судах, в которые был преобразован Высший суд и его постоянно-кассационные сессии. Это значительно приблизило адвокатуру к населению. Одновременно при Наркомате юстиции БССР предусматривалось функционирование Всебелорусского объединения защитников, которое просуществовало в республике более пятнадцати лет. Как и прежде, первый состав окружных коллегий защитников утверждался местными органами государственного управления – окружными исполнительными комитетами. В дальнейшем им предоставлялось право контроля за приемом новых членов президиумами коллегий. Контроль за комплектованием коллегий защитников осуществляли также окружные суды и их уполномоченные, которые выполняли задачу ближайшего надзора и руководства их деятельностью. Наркомату юстиции по-прежнему принадлежало право общего руководства работой окружных коллегий защитников.

Вопрос о реформировании коллегии защитников в связи с изменениями, внесенными II сессией ЦИК БССР VII созыва 31 октября 1925 г., рассматривался на президиуме коллегии защитников при НКЮ БССР 9 ноября того же года. В целях объединения

¹ См.: Блинова Н.В. Правовое положение советской адвокатуры // Труды ВЮЗИ. Вопросы права, истории и философии. М., 1963. Т. 11. С. 292–296; Стецовский Ю.И. Советская адвокатура. М., 1989. С. 24–34.

² НА, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 559, л. 4.

деятельности окружных коллегий защитников было признано целесообразным сохранить центральный президиум коллегии защитников при Наркомюсте БССР. В его компетенцию намечалось включить общее руководство деятельностью окружных президиумов, наблюдение за правильным распределением защитников по округам и районам с правом их перемещения из одного округа в другой, обсуждение отводов исполкомов и представление в связи с этим соответствующих ходатайств в Наркомат юстиции, периодический созыв съездов защитников Беларуси и т.д. Эти рекомендации были учтены в постановлениях Наркомюста БССР от 18 декабря 1925 г. о правах и обязанностях Всебелорусского объединения и окружных коллегий защитников¹. Помимо перечисленных функций президиум Всебелорусского объединения защитников имел право отменять постановления президиумов окружных коллегий защитников, требовать от них предоставления необходимых сведений и отчетов. По согласованию с окружными судами и отделом судеустройства и надзора Наркомата юстиции БССР президиум мог проверять работу коллегий.

Являясь полномочным исполнительным органом Всебелорусского объединения защитников, президиум осуществлял организационное руководство деятельностью коллегий защитников, способствовал укреплению их авторитета, расширению связи с государственными и общественными организациями, вовлечению защитников в общественную работу, которой в то время придавалось серьезное значение. Следует также отметить, что много внимания этот орган уделял приближению юридической помощи к населению, росту численного и качественного состава коллегий защитников, повышению их профессиональной квалификации и идейно-политического уровня, что являлось в те годы обязательным условием работы с кадрами. Всю свою деятельность президиум проводил в тесном контакте с судами и Наркомюстом БССР, опираясь на помощь и поддержку органов государственной власти и управления.

Высшим органом республиканского объединения защитников являлся Всебелорусский съезд членов коллегий защитников. Он созывался по мере необходимости, но не реже одного раза в год, по предложению НКЮ БССР или по инициативе центрального президиума. Детально полномочия Всебелорусского съезда членов коллегий защитников в правовых актах не были определены. Тем не менее о них можно судить по сохранившимся

¹ НА, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 559, л. 20.

документальным материалам, отражавшим работу этого высшего органа самоуправления белорусской адвокатуры. Из них видно, что на съездах рассматривались и решались, как и следовало ожидать, наиболее важные вопросы, имевшие принципиальное значение для развития и деятельности коллегий защитников.

Съезд избирал центральный президиум, ревизионную комиссию, правление кассы взаимопомощи, периодически заслушивал их отчеты. В повестке съездов постоянно включались доклады о задачах органов юстиции в свете решений партийно-государственного руководства страны по вопросам государственного и хозяйственного строительства. Тем самым определялись основные направления в работе адвокатуры, формулировались ее очередные задачи по укреплению законности, охране прав и законных интересов граждан. Таков был стиль работы в те годы всех органов юстиции, в систему которых входила и адвокатура.

Важным событием в истории адвокатуры нашей республики явился первый Всебелорусский съезд правозащитников (апрель 1924 г.), поставивший ряд очередных практических задач: установить тесную связь с пролетарскими массами, профсоюзами и кооперацией; развить самодеятельность членов коллегии защитников; повысить их деловую квалификацию. По вопросам адвокатской этики съезд признал необходимым «руководствоваться моральными воззрениями и правосознанием пролетарских масс и воздерживаться от принятия дел, в которых интересы подзащитных или доверителей расходятся с основной целью суда (раскрытием истины) и противоречат принципам пролетарской диктатуры¹.

Как видим, политическая ангажированность, свойственная в то время всем органам правоохраны, проявлялась в формулировке даже правил профессиональной этики членов коллегии защитников, т.е. в требованиях, предъявляемых к их личности и поведению при выполнении профессиональных обязанностей, а также во взаимоотношениях с клиентами, коллегами, органами адвокатского самоуправления, государственными органами, учреждениями, общественными и иными организациями. Вместе с тем нельзя отрицать, что выработанные съездом рекомендации по докладу о роли защиты в процессе способствовали поднятию активности адвокатов, воспитанию их в духе уважения к закону и добросовестного отношения к выполнению своего профессионального долга.

¹ См.: «Звезда» 20 апреля 1924 г.

Съезд избрал представительный президиум (из 11 членов и 6 кандидатов), который и приступил к претворению в жизнь принятых решений.

Нужно подчеркнуть, что такое же принципиальное значение для работы адвокатуры имели постановления и последующих всебелорусских съездов членов коллегий защитников. Так, на состоявшемся 20 декабря 1925 г. III Всебелорусском съезде членов коллегий защитников с докладом о революционной законности выступил нарком юстиции М. Сегаль, который, отметив повышение общественно-политической роли адвокатуры в республике, сформулировал задачи ее дальнейшей деятельности. В принятой по этому докладу резолюции говорилось следующее: «Съезд заверяет, что под руководством партии и Наркомюста, рука об руку с прокуратурой и судом, Белорусская адвокатура выполнит задачу – юридическую помощь трудящимся и содействие укреплению революционной законности – и оправдает то доверие, которое ей оказывают партия и Советская власть»¹. Приведенная цитата из резолюции съезда убедительно передает атмосферу того времени, политический пафос и декларативность многих сохранившихся документов, из-за которых нередко терялись их содержание и смысл.

Летом 1930 г. в связи с ликвидацией округов окружные коллегии защитников были упразднены. Вместо них стали организовываться группы защитников (Минская, Витебская, Полоцкая, Могилевская и др.). Президиум Белорусского объединения защитников направил свои усилия на укомплектование районов опытными, квалифицированными защитниками, на установление с ними постоянной связи путем надзора и периодического инструктирования.

В сентябре 1930 г. на Пленуме Верховного суда БССР был заслушан доклад Президиума коллегии защитников о новых методах работы в связи с ликвидацией окружных коллегий. В специально принятом постановлении намечалась целая система мер по улучшению работы адвокатуры и усилению контроля за ее деятельностью со стороны судов. В городах и районах контроль за работой защитников поручалось вести параллельно с президиумами исполкомам районных и городских Советов и народным судьям, а для установления деловой связи между Президиумом коллегии защитников и Верховным судом БССР в заседаниях его Пленума предусматривалось систематическое участие председателя президиума

¹ НА, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 559, л. 37.

или его заместителя. Общее руководство, организация, ревизия и инструктирование Белорусского объединения защитников осуществлялись Наркомостом через Верховный суд БССР (ст. 52 Положения о судоустройстве БССР от 25 апреля 1931 г.)¹.

Таким образом, адвокатура в своей деятельности стала почти полностью подконтрольна судам, которым принадлежала и высшая дисциплинарная власть в отношении членов коллегии защитников. Это, несомненно, ограничивало самостоятельность адвокатуры, но в большей степени соответствовало правовой природе коллегии защитников как самоуправляющейся организации, призванной оказывать правовую помощь населению и организациям, чем административное руководство со стороны органов государственного управления.

В годы восстановления и особенно реконструкции народного хозяйства заметно возросла численность и изменился социальный состав коллегий защитников, главным образом за счет представителей рабоче-крестьянской среды. Это явилось отражением общей политики, которая проводилась в республике в соответствии с решениями III Всесоюзного и VII Всебелорусского съездов Советов о вовлечении рабоче-крестьянских масс в советское строительство. Значительный интерес в этом отношении представляют сведения о личном составе коллегии защитников, приведенные в отчете Наркомюста за 1925 г.

На 1 января 1926 и 1927 гг. в республике соответственно имелось 155 и 204 члена коллегии защитников, из которых с высшим образованием было 58,7 и 58,3 %, со средним – 12,8 и 13,2 %, с низшим и домашним – 28 и 28,4 %. По социальному составу: рабочих – 9 и 6,3 %, крестьян – 20 и 10,7 %, интеллигенции – 70,3 и 82,6 %. Белорусы составляли 47,1 и 46,5 %, русские – 16,7 и 16,1 %, евреи – 31,6 и 32,3 %, прочие национальности – 4,4 и 4,9 %. Среди членов коллегии защитников БССР к 1926 г. насчитывалось 9 коммунистов, а к 1927 г. – 13, что составляло от общего числа адвокатов соответственно 5 и 6,3 %².

Комментируя приведенные данные, хотелось бы обратить внимание на то, что по ним трудно судить о том, сколько членов коллегии защитников имело высшее юридическое образование, поскольку в них этот показатель не конкретизируется. Однако, судя по контексту отчета, речь идет об общем образовании адвокатов, среди которых в то время были лица даже с низшим и домашним

¹ СЗ БССР. 1931. Отд. 1. № 26. Пост. 187.

² См.: Отчет о деятельности органов юстиции БССР за 1926 г. Мн., 1927. С. 19. (Данные приведены в абсолютных цифрах.)

образованием (значительный процент – 28 и 28,4 % соответственно). Это значит, в рассматриваемый период состав коллегии защитников в профессиональном отношении был недостаточно квалифицированным. Вместе с тем в отчете Наркомюста БССР особо подчеркивалось, что профессиональный уровень членов коллегии защитников выше, чем у других работников юстиции, поскольку большинство адвокатов имело специальное юридическое образование. Однако это преимущество, замечалось далее, было условным, ибо значительная часть членов коллегии защитников не имела вообще профессиональной подготовки.

В целях повышения юридической квалификации кадров использовались такие формы учебы, как краткосрочные юридические курсы, кружки, инструктирование соответствующими судебными инстанциями и Наркомюстом республики. Стала расширяться подготовка специалистов с высшим юридическим образованием в Белгосуниверситете, открытом по постановлению Президиума ЦИК Белоруссии от 17 апреля 1921 г. в Минске в составе ряда факультетов, в том числе общественных наук (ФОН). Последний включал правовое отделение (будущий юрфак). За пять лет (1921–1926 гг.) в Белгосуниверситете было подготовлено 130 юристов-правоведов высшей квалификации, хотя уровень общей и специальной подготовки кадров юстиции в республике продолжал оставаться очень низким. Однако система высшего юридического образования в стране развивалась, набирала темп¹.

Большую роль в обновлении состава коллегий защитников молодыми кадрами, в частности специалистами-«фоновцами», сыграл институт стажерства. В 1926 г. Наркомюст БССР разработал Положение о стажерах при коллегиях защитников, согласно которому стажерами зачислялись лица, пользовавшиеся избирательным правом, т.е. принадлежавшие к числу трудящихся. Им обеспечивался необходимый прожиточный минимум. После прохождения стажировки под руководством наиболее опытных членов коллегии защитников молодые специалисты, как правило, направлялись на работу в сельские районы.

В годы коренных политических и социально-экономических перемен как задача важного государственного значения рассматривалось вовлечение в советское строительство женщин. В этих целях была намечена широкая программа практических мероприятий. 14 мая 1927 г. ЦИК БССР принял постановление «О работе

¹ Максимова Л.П. Юридический факультет Белорусского государственного университета: история и современность. Мн., 1998. С. 6, 16, 30 и др.

делегаток-практиканток из женщин-работниц, крестьянок и батрачек – в Советах рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, государственных учреждениях и общественных организациях БССР», в соответствии с которым была разработана и специальная инструкция¹. Советские и общественные организации обязывались оказывать женщинам, выдвинутым для работы в государственном аппарате, всемерную поддержку и помощь. Эти решения имели руководящее значение и для коллегий защитников.

Нельзя не отметить, что Советская власть уже в первом Декрете о суде, отражая политическое и гражданское равноправие женщин в сфере правосудия, допустила в качестве защитников и обвинителей в судебном процессе граждан обоего пола. Однако практически доступность для женщин всех видов юридической деятельности, в том числе и профессии адвоката, в первые годы новой власти была иллюзорной. Угнетенная, по выражению классика, при капитализме «вдвойне»², женщина не в состоянии была сразу же после ее формального раскрепощения воспользоваться предоставленными ей правами и открывшимися возможностями. Нужны были время, огромная организаторская и воспитательная работа, а также соответствующие экономические условия, чтобы женщина стала активной участницей государственной и общественной жизни, в том числе и в сфере правоохранительной деятельности.

Надо заметить, что овладение женщинами адвокатской профессией затруднялось специфическими условиями адвокатской работы (зависимостью от клиента, неустойчивостью заработка, частыми командировками, ненормированностью рабочего времени и др.). Эти обстоятельства единодушно отмечались президиумами коллегий защитников в материалах и заметках о работе женщин-адвокатов.

В Беларуси в первые годы Советской власти женщин-адвокатов были единицы. В 1919 г. впервые в списках членов коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе Минска появилась женщина (Р. Бенненсон). В 1922 г. в коллегии защитников при Наркомате юстиции БССР работала Елена Матвеевна Геранович. (К сожалению, никакими биографическими сведениями об этих женщинах-адвокатах автор не располагает.)

¹ См.: Збор пастаноў і цыркуляраў аб уцягненні жанчын у савецкае будаўніцтва. Мн., 1927. С. 17–21.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 368.

В 1926 г. были зачислены стажерами, а затем приняты в Минскую и другие окружные коллегии защитников несколько выпускниц правового отделения Белгосуниверситета (Н. Сущинская, В. Гончарова, Т. Давидович и др.). Но только с организацией коллективов защитников, когда были созданы благоприятные условия для работы и улучшилось материальное обеспечение, количество женщин в адвокатуре начинает с каждым годом возрастать.

Своим трудом, знаниями, отношением к делу и клиентам женщина-адвокат быстро завоевала доверие у населения, уважение у своих коллег по работе, стала равноправным членом коллегии защитников. Впоследствии адвокатская деятельность стала одной из любимых профессий для женщин-юристов.

Росту общественной значимости адвокатуры, повышению роли коллегий защитников содействовало расширение просветительской деятельности среди населения: организация бесплатных юридических консультаций, чтение лекций на правовые темы, оказание помощи избам-читальням в деревне и т.д.

Убедительным показателем повышения среди трудящихся авторитета адвокатуры являлось увеличение из года в год обращений в коллегии защитников за юридической помощью. В 1926 г. количество обращений в юридические консультации по сравнению с 1925 г. возросло на 30,6 %¹, а в 1927 г. по сравнению с 1926 г. – на 45,6 %². Юридические консультации обслуживали преимущественно трудящихся (рабочих, крестьян, служащих и др.). В 1926 г. в числе лиц, воспользовавшихся помощью коллегий защитников, первое место занимали крестьяне, составлявшие 75 % от общего числа клиентов. Повысилась активность адвокатов в суде. В частности, общее количество выступлений членов коллегии защитников возросло на 20,7 %³.

Значительно расширилась в эти годы сеть юридических консультаций. В соответствии с выдвинутым лозунгом «лицом к деревне» много внимания уделялось увеличению юридических консультаций в сельских районах и обеспечению их постоянными кадрами адвокатов.

Улучшению юридического обслуживания населения способствовало принятие Наркоматом юстиции БССР 21 сентября 1926 г. специального Положения о городских и районных юридических консультациях и консультационных столах на фабриках и заводах, а также Инструкции органам юстиции и коллегиям

¹ См.: Отчет о деятельности органов юстиции БССР за 1926 г. С. 99.

² См.: Дзейнасць ураду БССР за 1926–1927 год. Мн., 1928. С. 303.

³ См.: Отчет о деятельности органов юстиции БССР за 1926 г. С. 99, 101.

защитников о порядке организации справочных столов при избах-читальнях¹.

Помимо создания широкой сети юридических консультаций на крупных фабриках, заводах, в железнодорожных мастерских были образованы консультационные столы, а в сельской местности при избах-читальнях и народных домах – справочные столы. Позднее консультационные и справочные столы были организованы в районных и сельских домах культуры и клубах. В некоторых округах и районах в 1925 г. создавались бюро поручений и конторские бюро, которые не были подконтрольны НКЮ и нередко обслуживались лицами, не имевшими юридической подготовки. Поэтому вскоре они были по настоянию Наркомата юстиции ликвидированы.

На октябрь 1927 г. в республике имелось 149 районных юридических консультаций и 436 справочных и консультационных столов².

Консультационные столы обслуживались членам коллегии защитников путем установления в них ежедневного дежурства в определенные часы. Деятельностью справочных столов при избах-читальнях также руководили члены коллегии защитников, находившихся в районах. Кроме того, работники справочных столов, в обязательном порядке занимаясь в юридических кружках, в состоянии были также дать простейшие юридические советы и составить неотложные деловые бумаги. Юридическую помощь рабочим, беднякам и середнякам консультационные и справочные столы оказывали бесплатно. Другие граждане юридические услуги оплачивали по таксе, установленной Наркоматом юстиции. Вырученные средства использовались на приобретение юридической литературы и оборудование названных столов правовой помощи.

Образование широкой сети консультационных и справочных столов значительно улучшило обслуживание населения юридической помощью. Как отмечалось в отчете Наркомата юстиции БССР за 1926 г., такая система организации юридической помощи укрепила положение адвокатуры, создала для ее существования и деятельности устойчивую базу, еще теснее связала с судебными и административными органами, подчеркнув в глазах трудящихся ее значение³. Несомненно, что организация в республике консультационных и справочных столов также способствовала усилению среди населения культурно-просветительной работы,

¹ Бюллетень СНК БССР. 1926. № 13. С. 14–15.

² См.: Дзейнасць ураду БССР за 1926–1927 гады. С. 301.

³ См.: Отчет о деятельности органов юстиции БССР за 1926 г. С. 98.

его правовому воспитанию. Надо учитывать и то обстоятельство, что в эти годы проводилась большая работа по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Кроме того, в соответствии с постановлением ЦИК БССР от 15 июля 1924 г. «О практических мероприятиях по проведению национальной политики»¹ ввиду значительного преобладания в республике населения коренной национальности осуществлялся перевод на белорусский язык работы всех государственных органов, в том числе и судопроизводства. Русскому языку придавался статус языка межнационального общения. Обеспечивалось также свободное развитие культур национальных меньшинств. В частности, были созданы национальные камеры народного суда (шесть еврейских, три польских и одна латышская)², рассмотрение дел в которых проводилось на соответствующем языке.

Следует отметить, что члены коллегии защитников активно участвовали в те годы в различных политико-хозяйственных мероприятиях, проводили организационно-массовую и пропагандистскую работу в деревне: образование общественных судов и групп содействия прокуратуре, их инструктирование, выступления с докладами на правовые и общественно-политические темы и т.д.

Выполнению стоявших перед адвокатурой задач способствовало развернувшееся в то время социалистическое соревнование между коллегиями защитников и отдельными адвокатами. Так, Белорусское объединение защитников и Западная областная коллегия защитников, а также отдельные члены коллегии защитников, заключив договор о соревновании, обязывались усилить правовую пропаганду среди населения, оказывать бесплатную юридическую помощь колхозникам, улучшать учебу, принимать активное участие в общественной жизни, обмениваться опытом работы и т.д.³

Показателен в этом отношении материал Могилевской группы Белорусского объединения защитников за 1932 г. Члены коллегии этой группы защитников, решив установить непосредственную связь с правлением батрацко-средняцкого колхоза «Шлях да сацыялізму» Краснопольского сельсовета, взяли на себя следующие обязательства: а) оказывать всем членам колхоза бесплатную юридическую помощь; б) принимать участие во всех политико-

¹ СУ БССР. 1924. № 11. Ст. 108.

² См.: Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской ССР. Мн., 1928. Ч. 2. С. 20, 110.

³ НА, ф. 198, оп. 1, ед. хр. 35, л. 1; ед. хр. 69, л. 2; ед. хр. 57, л. 19; ед. хр. 55, л. 36 и др.

хозяйственных кампаниях; в) систематически проводить беседы и доклады на темы колхозного строительства, культурно-бытового и юридического содержания; г) выписывать за свой счет газеты для ленинского уголка колхоза¹.

При машинно-тракторных станциях (МТС), колхозах и совхозах были открыты также юридические пункты. Для оказания методической помощи в юридическом обслуживании МТС, колхозов и совхозов была подготовлена специальная памятка, в которой определялись основные направления и формы этой работы. Однако в силу ряда причин и, в первую очередь, отсутствия необходимого опыта и слабого экономического состояния колхозных хозяйств их юридическое обслуживание не получило развития.

Словом, деятельность адвокатуры в первые годы ее существования протекала в сложных условиях. Нужно было преодолеть то недоверие, которое по традиции питал к ней трудовой народ, выработать новые формы защиты и представительства в суде, при которых бы энергично отстаивались законные интересы обвиняемых, гражданских истцов и ответчиков.

Нельзя не сказать и о том, что повышению уровня профессиональной деятельности защитников не способствовало отвлечение их от профессиональной деятельности на всякого рода политико-хозяйственные кампании, выполнение партийных поручений и т.п., т.е. превращение адвокатов в политических деятелей, что, к сожалению, имело место и в последующие годы советского строительства, а порой наблюдается и в наше время.

Вследствие общей и юридической малограмотности населения, особенно в сельской местности, значительное развитие получила в те годы так называемая подпольная адвокатура, т.е. тайное оказание в виде промысла юридической помощи населению лицами, не имевшими на это права (бывшими царскими чиновниками, присяжными и частными поверенными, не принятыми в коллегии защитников, и др.). Борьба с подпольной адвокатурой велась путем расширения и углубления юридической помощи гражданам и организациям, направления в районы постоянных членов коллегии защитников и их регулярных выездов в деревни, разоблачения подпольной адвокатуры в печати, популяризации среди населения института коллегии защитников. В этих целях, к примеру, Президиум коллегии защитников при НКЮ БССР в августе 1925 г. поручил председателям окружных бюро периодически помещать

¹ НА, ф. 198, оп. 1, ед. хр. 48, л. 1-2.

в газетах отчеты и информацию о деятельности местных коллегий защитников и их консультаций¹.

Благодаря принятым мерам развитие подпольной адвокатуры было приостановлено, а ее деятельность подорвана. Однако полностью искоренить это явление удалось лишь в конце 20-х – начале 30-х годов.

С 1928 г. в Белорусской ССР, как и в других союзных республиках, была проведена перестройка организационных форм работы адвокатуры. До того же времени члены коллегии защитников оказывали юридическую помощь в основном в порядке индивидуальной практики. Это затрудняло организацию работы адвокатов, лишало возможности юридические консультации регулировать распределение дел, приводило к разобщению членов коллегии защитников и удорожанию юридической помощи. Поэтому постановлением ЦИК и СНК БССР от 4 августа 1928 г.² в окружных городах и районных центрах с числом адвокатов не менее пяти предусматривалась организация коллективов защитников. В Беларуси процесс образования таких коллективов проходил более активно по сравнению с другими союзными республиками и, в частности, с РСФСР³.

Правда, А.Л. Ривлин утверждает, что «наибольшее выражение это движение нашло на Украине, где были образованы первые адвокатские коллективы»⁴. Однако этот вывод не аргументирован, вследствие чего трудно судить о его обоснованности.

Вопрос об образовании адвокатских коллективов в Белорусской ССР был практически поставлен в начале 1928 г. Президиум Всебелорусского объединения защитников 4 февраля принял специальное постановление, а Наркомат юстиции БССР разработал проект Положения о коллективах защитников, который был подвергнут широкому обсуждению на общих собраниях членов коллегии защитников по округам. Рассмотрение вопроса о переходе к коллективным формам работы проходило активно, а подчас носило очень острый характер, т.к. адвокатские кадры обновлялась медленно, и по-прежнему большинство в коллегиях защитников составляли старые юристы. Индивидуальные формы работы ставили вне контроля адвокатскую деятельность и почти ничем не отличались от частной практики на дому. Поэтому многие адвокаты всячески противились переходу к коллективным

¹ НА, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 559, л. 4.

² СЗ БССР 1928. № 23. Ст. 230.

³ См.: Шаламов М.П. История советской адвокатуры. М., 1939. С. 51.

⁴ НА, ф. 198, оп. 1, ед. хр. 13. л. 54; ед. хр. 33, л. 4, 7, 9, 12, 13; ед. хр. 39, л. 27.

формам деятельности, опасаясь, что это приведет к «катастрофическому» падению заработка, оживлению подпольной адвокатуры, ухудшению юридического обслуживания населения и т.п. Вносились предложения в виде опыта образовывать коллективы защитников только в одном из округов, не запрещать полностью консультационную работу на дому и т.д. Однако необходимость перехода к новым формам работы была подсказана ходом развития советской адвокатуры. Вследствие этого движение за переустройку форм деятельности коллегий защитников сравнительно быстро одержало победу. Этому способствовал и административный нажим со стороны органов юстиции, тем более, что командные методы управления в то время набирали силу. Так или иначе, но в Беларуси большинство коллегий защитников перешло к коллективным формам труда в 1928 г. Так, коллектив членов коллегии защитников Полоцка начал свою работу со 2 января, Могилева – с 1 августа, Витебска и Орши – с 1 ноября, Минска – с 15 ноября, Гомеля – с 15 декабря 1928 г.¹ В последующие годы продолжалась организация коллективов в других городах и районах республики: 1 марта 1929 г. он появился в Мозыре, 10 апреля – в Речице, повсеместный переход на коллективные формы работы в Бобруйском округе осуществлен с 1 апреля 1930 г. В январе 1930 г. Президиум Белорусского объединения защитников рассмотрел вопрос «О коллективизации районов» (имелся в виду переход на коллективные формы работы в адвокатуре), а затем была сделана попытка перехода даже к единому окружному коллективу. Не исключено, что увлечение «коллективизацией» в адвокатуре проводилось под влиянием массовой принудительной коллективизации в сельском хозяйстве.

Позднее создание единых окружных (областных) и республиканских коллективов было признано нецелесообразным, т.к. приводило к формализму в руководстве их работой, а главное – не отвечало характеру адвокатской деятельности. В 1937 г. Наркомат юстиции предложил реорганизовать их на местах, где имелось не менее пяти членов коллегии защитников, в самостоятельные управляемые коллективы².

Количественный состав адвокатских коллективов в Беларуси в то время колебался от 4 до 40 человек. Органами их управления являлись: общее собрание, правление или бюро коллектива и ревизионная комиссия. В малочисленных коллективах иногда

¹ НА, ф. 198, оп. 1, ед. хр. 13, л. 54; ед. хр. 33, л. 4, 7, 9, 12, 13; ед. хр. 39, л. 27.

² Советская юстиция. 1937. № 10–11. С. 58.

вместо правления или бюро назначался уполномоченный по руководству делами коллектива. В масштабе республики и округа руководство коллективами соответственно осуществляли Президиум Всебелорусского объединения защитников и президиумы окружных коллегий защитников.

Коллективные формы деятельности коллегии защитников, соответствовавшие характеру установившихся общественных отношений, выявили некоторые преимущества. Был установлен контроль за качеством работы, равномерным распределением дел и заработка. В целях повышения ответственности адвокатов за выполняемую работу вводились новые формы ее учета (регистрационные листки, ордера). Расширилась консультационная и общественная деятельность членов коллегии защитников, что, безусловно, поднимало авторитет адвокатуры среди трудящихся.

Организацией коллективов защитников создавались благоприятные условия для обмена опытом и подготовки к самостоятельной работе стажеров, для привлечения в ряды адвокатуры женщин. Вместе с тем в работе таких коллективов наблюдалось много отрицательных явлений, связанных с организационной перестройкой, со взглядами на адвокатуру как на место, где, «служба ближайшим интересам клиента и не заглядывая на далекий горизонт общественного блага»¹, можно без особого труда обогатиться. Предстояло выработать новые этические начала во взаимоотношениях членов коллегии защитников со своими клиентами.

Существенное значение для организационного укрепления адвокатуры имело правильное урегулирование финансовых вопросов коллегии защитников. Индивидуальная практика в первые годы существования адвокатуры привела к резкому различию в их материальной обеспеченности. Старые адвокаты, обладавшие опытом частной практики, умевшие «подойти» к клиенту, имели высокие по тем временам заработки. Они вели главным образом судебные дела, всячески уклоняясь от бесплатных юридических консультаций и общественно-массовой работы среди населения, которая вменялась в обязанность всем членам коллегии. С другой стороны, молодые члены коллегии защитников, активно участвуя в пропаганде советского права и оказывая бесплатную юридическую помощь, очень часто находились в крайне стесненном материальном положении, не имея достаточных средств для жизни.

¹ Кони А.Ф. Собр. соч. М., 1967. Т. 4. С. 64.

В целях выравнивания заработков, а также «придания институту защиты трудового лица», поднятия его «общественного веса»¹ в 1925 г. в виде опыта было введено распределение защит по определенной категории дел через президиум коллегии защитников. Как отмечалось на III Всебелорусском съезде членов коллегии защитников (20 декабря 1925 г.), этот опыт себя оправдал и был распространен на ряд округов. Нуждавшимся членам коллегии защитников оказывалась также материальная помощь из средств президиума и кассы взаимопомощи.

Остро встал вопрос об оплате труда членов коллегии защитников в связи с организацией коллективов. Устанавливалось, что, поскольку клиент заключает соглашение не с отдельным адвокатом, а с коллективом защитников в целом, плата за оказанную услугу должна вноситься в кассу консультации. От дохода коллектива определенный процент отчислялся на содержание президиума и другие административно-организационные расходы. Остальная сумма распределялась между членами коллектива соразмерно выполненному ими объему работы, т.е. предусматривался порядок оплаты труда адвокатов, который в принципе сохранился до наших дней.

Надо, однако, сказать, что в первые годы организации коллективов не было единой системы оплаты труда адвокатов. Первоначально в некоторых из них действовала система личных расчетов, затем наиболее широкое распространение получила марочная система, которая тоже имела свои варианты. Суть ее заключалась в том, что все защитники в зависимости от квалификации распределялись по группам. Для каждой из них устанавливалась соответствующая марка (например, низшая группа – 3 марки, высшая – 9 марок). Все виды юридической помощи, в том числе и общественная работа, оценивались определенным числом трудовых часов, которое заносилось на счет каждого защитника. В конце месяца с учетом марки и количества выработанных трудовых часов определялся заработок для каждого члена коллектива.

Изучив опыт коллегий по распределению заработка между членами коллектива, Президиум Всебелорусского объединения коллегии защитников в 1930 г. ввел твердые ставки. Однако и эта система оказалась нежизненной, т.к. не учитывала специфики адвокатского труда. Отсутствие необходимой дифференциации в распределении заработка отрицательно отражалось на работе коллективов. Поэтому позже пришлось перейти к индивидуально-

¹ НА, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 559, л. 23, 33.

сдельной системе, которая в большей степени способствовала установлению правильного соотношения между нагрузкой и оплатой труда, стимулировала заинтересованность адвоката в повышении качества своей работы.

Не менее актуальным в то время был и вопрос о правовом положении членов коллегии защитников. Он рассматривался на общих собраниях и съездах адвокатов, обсуждался центральным президиумом и президиумами окружных коллегий защитников. В неотложном решении нуждался, в частности, вопрос о профсоюзном членстве адвокатов. Поскольку защитники не являлись членами профессионального союза, неудовлетворительно было поставлено их социальное обеспечение.

Одним из проявлений царившего в тридцатые годы правового нигилизма являлось отрицание института защиты в советском суде и адвокатуры в целом¹. Истоки такого негативного отношения надо искать в сложившихся к этому времени социальных отношениях, набравшей силу тоталитарной системе управления, демонстрировавшей пренебрежительное отношение к праву, законам, нормативному порядку. Объективности ради надо отметить, что порой почву для упомянутых взглядов создавали и сами адвокаты, занимая неправильную позицию в судебном процессе, пытаясь дискредитировать суд, подорвать к нему доверие, используя незаконные средства и способы защиты интересов своих клиентов. Однако любые недостатки в работе защитников не могли являться основанием для отказа от института адвокатуры. Задача состояла в том, чтобы улучшить деятельность адвокатуры, укомплектовать ее квалифицированными кадрами, способными выполнять функцию публично-правового значения.

Немаловажную роль в этом отношении сыграло Всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников, состоявшееся в апреле 1934 г. Осудив проявления процессуального упрощенчества и правового нигилизма, в том числе в оценке роли защиты в уголовном процессе, оно способствовало некоторому укреплению законности в деятельности органов, ведущих борьбу с правонарушениями, поднятию роли и значения адвокатуры. Однако это продолжалось недолго. Последующие события (в частности, убийство С.М. Кирова) привели к резкому обострению политической обстановки в стране и ужесточению уголовно-правовой политики. Известные законы СССР от 1 декабря 1934 г. и от 14 сентября 1937 г.

¹ См.: Качэргін І. Ці патрэбны нам абаронцы у савецкім судзе? // Рэвалюцыйная законнасць. 1928. № 6. С. 41–42; Горман С. Шляхі развіцця крымінальнага суду ў Беларускай ССР // Працы інстытута савецкага будаўніцтва і права. Мн., 1931. С. 73 і інш.

по делам о террористических организациях и актах и по делам о вредительстве и диверсиях предусматривали слушание таких дел в суде без сторон, кассационного обжалования приговоров и подачи ходатайств о помиловании. Приговор приводился в исполнение немедленно после его вынесения. Как справедливо отмечается, когда на страну обрушился шквал репрессий, советская адвокатура переживала глубокую депрессию. Среди адвокатов оказалось немало политических приспособленцев, доносивших ради карьеры или из-за инстинкта самосохранения на своих клиентов, боявшихся отстаивать их законные интересы. Некоторые «защитники», пытаясь добиться расположения влиятельных лиц, требовали для своих подзащитных более строгого наказания, нежели прокуроры¹. Но надо отметить, что были адвокаты, которые мужественно выполняли свой профессиональный долг и нередко платились за это собственной жизнью. К большому сожалению, не всегда должным образом выполняли свои профессиональные обязанности в годы культа личности Сталина суды и правоохранительные органы. Эти трагические страницы истории советской юстиции нельзя обходить молчанием, они должны стать уроком для будущих поколений.

¹ См.: Петрухин И.Л. Вам нужен адвокат... С. 20; Барщевский М.Ю. Организация и деятельность адвокатуры в России. М., 2000. С. 26.

Глава III.

Адвокатура в БССР в 30–80-е годы XX столетия

Провозглашенная и юридически закрепленная Конституцией СССР 1936 г. и Конституцией БССР 1937 г. победа социализма обусловила декларирование принципов социалистического демократизма во всех областях государственной жизни. Вместе с тем союзный Основной закон, в отличие от Конституции СССР 1924 г., лишил союзные республики права издавать свое законодательство, в том числе по вопросам судоустройства и организации адвокатуры. Это являлось отражением продолжавшегося в стране процесса жесткой централизации.

Впервые в конституционных актах формулируется система демократических принципов советского правосудия и прокурорского надзора. Закреплением в ст. 111 Конституции СССР и ст. 86 Конституции БССР положения об обеспечении обвиняемому права на защиту на высшем юридическом уровне создается правовая база для института адвокатуры, его дальнейшего развития. В этой связи в стране началась дискуссия о месте адвокатуры в системе органов юстиции, принципах ее построения, формах работы, о подготовке адвокатских кадров и т.п. Одновременно обсуждались и процессуальные вопросы об участии защитника в уголовном судопроизводстве¹. Обмен мнениями по этим вопросам начался с выступления Наркома юстиции СССР Н.В. Крыленко, который, надо сказать, правильно указал на публично-правовой характер деятельности адвокатуры, высказался за повышение ее организационной самостоятельности, расширение демократических основ построения коллегий защитников². В последующем это способствовало рациональному решению в нормативном плане многих вопросов организации и деятельности адвокатских объединений.

В 1936 г. в масштабе Союза ССР осуществляется централизация руководства адвокатурой. 20 июня учреждается Наркомат юстиции СССР, в обязанность которого, наряду с выполнением других функций, входят общее руководство и надзор за деятельностью

¹ См.: Тагер А. О советской адвокатуре // Соц. законность. 1936. № 10. С. 13–18; Дубровский М. К вопросу о советской адвокатуре // Там же. 1937. № 1. С. 56–57; Строгович М. Некоторые процессуальные вопросы защиты на суде // Там же. 1937. № 4. С. 63–65; Кожевников М. Очерки о защите // Сов. юстиция. 1937. № 8. С. 36–37; и др.

² Сов. юстиция. 1936. № 27. С. 2–4.

коллегий защитников, а также организация юридической помощи населению¹. С этой целью в составе НКЮ СССР создается отдел судебной защиты и юридической помощи населению, позднее реорганизованный в отдел адвокатуры. Аналогичные отделы появились в Наркоматах юстиции союзных республик, в том числе Беларуси.

На местах руководство деятельностью коллегий и юридических консультаций возлагалось на организационно-ревизионные отделы управлений наркоматов юстиции, а позднее – на их отделы адвокатуры. С этого времени более двадцати лет органы юстиции в центре и на местах осуществляли общее руководство адвокатурой.

Коллегии защитников были освобождены от административного контроля судов, что, как считалось в то время, укрепило независимость адвокатуры, повысило ее роль в защите прав и законных интересов граждан. Дальнейшее развитие организационные формы адвокатуры получили в Положении об адвокатуре СССР, утвержденном Совнаркомом Союза ССР 16 августа 1939 г.² Значение этого общесоюзного нормативного акта не раз анализировалось в советской юридической литературе. Поэтому рассмотрим наиболее важные положения, имевшие принципиальное значение для развития адвокатуры в Белорусской ССР.

Следует прежде всего отметить, что, обобщив опыт работы коллегий защитников за 17 лет их существования и опираясь на конституционные принципы, Положение регламентировало основные вопросы построения и деятельности адвокатуры, укрепило и несколько расширило ее демократические основы. Организационная структура в принципе сохранилась прежней. Предусматривалось образование областных, краевых, а в республиках, не имевших областного деления, – республиканских коллегий адвокатов (ст. 1).

В соответствии с существовавшим административно-территориальным делением в БССР создавались областные коллегии адвокатов. Всебелорусское объединение защитников упразднялось. Поскольку задачи коллегий защитников не исчерпывались функцией защиты и представительства в суде, а заключались в оказании многообразной правовой помощи, уточнялось их наименование: вместо коллегии защитников – коллегии адвокатов. Слово «адвокатура», происходит от латинского слова *advocare*, что означает

¹ СЗ СССР. 1936. № 62. Ст. 455.

² Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1939. № 49. Ст. 394.

приглашать, призывать; *advocatus* – выступающий в защиту другого, поверенный в судебных делах, консультант в области права.

Коллегиями адвокатов признавались добровольные объединения лиц, занимавшихся адвокатской деятельностью. Лица, не являвшиеся членами коллегии адвокатов, допускались к практической работе исключительно с разрешения Наркомата юстиции БССР. Тем самым выражалось отрицательное отношение к индивидуальной адвокатской практике и подчеркивалось, что главной организационной формой оказания правовой помощи стали юридические консультации, в которые были преобразованы коллективы защитников.

В связи с необходимостью улучшения состава адвокатуры повышались требования при приеме в коллегию адвокатов. Членами коллегии адвокатов могли быть лица: а) имевшие высшее юридическое образование; б) окончившие юридические школы и обладавшие стажем работы в судебных, прокурорских и иных органах юстиции не менее одного года; в) не имевшие юридического образования, но проработавшие не менее трех лет в качестве судей, прокуроров, следователей и юрисконсультов (ст. 6 Положения об адвокатуре).

Лица, окончившие юридические школы, но не обладавшие необходимым стажем практической работы, могли зачисляться в коллегии стажерами. Срок и порядок прохождения ими практики в юридических консультациях регулировались специальной Инструкцией Народного комиссариата юстиции СССР¹. Стажеры в течение года проходили практику под руководством опытных адвокатов, выделяемых заведующим юридической консультацией и утверждаемых президиумом коллегии адвокатов. Успешно прошедшие практику в юридических консультациях принимались в члены коллегии адвокатов, а оказавшиеся непригодными к адвокатской деятельности по истечении шести месяцев отчислялись.

Прием в члены коллегии адвокатов и исключение из нее относились исключительно к компетенции ее президиума. Решение президиума об отказе в приеме в адвокатуру и исключение из нее заинтересованные лица могли обжаловать народному комиссару юстиции республики, а решение последнего – народному комиссару юстиции Союза ССР. Таким образом, узаконение института стажеров в Положении 1939 г. закрепляло ценный опыт подготовки молодых специалистов к самостоятельной адвокатской практике,

¹ См.: Инструкция НКЮ ССР № 47 от 23 апреля 1940 г. // Сов. адвокатура: сб. нормат. материалов. М., 1944. С. 15–18.

создавало условия для систематического пополнения адвокатуры квалифицированными кадрами.

Положение об адвокатуре 1939 г. сохраняло и развивало демократические принципы самоуправления коллегии адвокатов. Основные вопросы ее организации и деятельности по-прежнему решало общее собрание, созываемое не реже двух раз в год. Оно избирало президиум и ревизионную комиссию, заслушивало их отчеты о проделанной работе, утверждало штаты, сметы и правила внутреннего распорядка. Все текущие вопросы, связанные с деятельностью коллегии адвокатов, решал ее президиум, избираемый тайным голосованием сроком на два года. Количественный состав президиума определялся общим собранием коллегии. Из своего состава он избирал председателя, его заместителя и секретаря.

Еще одно организационное нововведение, предусмотренное Положением об адвокатуре 1939 г., заключалось в том, что вместо упраздненных коллективов защитников в районных центрах и городах стали действовать юридические консультации. Их состав и местонахождение устанавливались президиумом коллегии адвокатов в соответствии с планом, утвержденным Наркоматом юстиции БССР. Руководство работой юридических консультаций возлагалось на заведующих, назначаемых президиумом из числа наиболее опытных адвокатов. Они распределяли дела между адвокатами, устанавливали размер платы за оказанную юридическую помощь и т.д. Заведующие крупными юридическими консультациями, в которых работало более 15 адвокатов, освобождались от ведения судебных дел, и труд их оплачивался президиумом коллегии. Следует заметить, что вопросы, связанные с организацией и деятельностью юридических консультаций, впервые регулировались в Положении об адвокатуре так детально. Накопленный к этому времени опыт их работы был изучен, обобщен и учтен законодателем.

Общесоюзное Положение об адвокатуре дисциплинарную власть в отношении адвокатов полностью сосредоточивало в руках президиумов коллегии адвокатов. За недобросовестное выполнение членами коллегии адвокатов своих профессиональных обязанностей президиумы правомочны были налагать такие дисциплинарные взыскания, как замечание, выговор, строгий выговор, отстранение от работы на срок до шести месяцев, исключение их состава коллегии. Последнее допускалось по основаниям, прямо указанным в Положении: а) совершение преступления, установленного приговором суда; б) совершение проступков, порочащих звание советского адвоката; в) нарушение правил внутреннего распорядка (ст. 10).

Народным комиссарам юстиции союзных республик право самостоятельного наложения дисциплинарных взысканий на адвокатов не предоставлялось. При рассмотрении жалоб на решения президиумов коллегий адвокатов по данному вопросу народные комиссары юстиции могли лишь изменить это решение или предложить его пересмотреть. Сохранение за органами юстиции только контрольных функций в сфере дисциплинарной ответственности адвокатов повышало самостоятельность коллегий адвокатов, укрепляло независимость адвокатской деятельности. Профессор М.А.Чельцов в статье, написанной вскоре после принятия нового Положения об адвокатуре, отмечал: «...освобождение адвокатских коллегий из-под дисциплинарного надзора местных судов и передача всего комплекса вопросов адвокатуры в НКЮ имеет... огромное принципиальное и практическое значение»¹.

Подобным образом были расценены упомянутые изменения в правовом статусе адвокатуры и другими юристами. К этому времени в теории преобладало мнение, что по своей юридической природе адвокатура является самостоятельной общественной организацией, выполняющей государственно важную функцию правовой помощи².

Сравнительно небольшое по объему Положение 1939 г. (29 статей) устанавливало основополагающие начала организации и деятельности коллегий адвокатов. Многие вопросы в соответствии с этим актом законодательства регулировались в инструкциях, приказах и директивных письмах Министерства юстиции СССР и Министерства Белорусской ССР. Они корректировали и направляли практику применения общесоюзного документа об адвокатуре, развивали и дополняли установленные Положением общие правила. В частности, нормативными актами Минюста СССР определялись порядок оплаты юридической помощи, оказываемой адвокатами населению и организациям, правила внутреннего трудового распорядка для адвокатов и т.д.

В годы Отечественной войны развитие и деятельность адвокатуры в БССР в связи с немецко-фашистской оккупацией территории республики были временно прерваны. Как известно, с 1942 г. в партизанских соединениях, бригадах, отрядах и партизанских зонах стали создаваться на правах народных судов партизанские

¹ Чельцов М.А. Об адвокатской профессии и юридической природе адвокатуры // Сов. государство и право. 1940. № 7. С. 125.

² См.: Полянский Н.Н. Юридическая природа советской адвокатуры // Соц. законность. 1945. № 3. С. 12–15; Краев Д.С. Организация суда и прокуратуры в СССР. М., 1961. С. 158.

суды, которые рассматривали дела о мародерстве, убийствах, измене Родине, невыполнении приказов командиров и др. По сохранившимся архивным документам и мемуарным источникам можно прийти к выводу, что обвиняли и защищали в этих судах сами партизаны, присутствовавшие на заседаниях¹. Большинство бывших адвокатов сражалось непосредственно на передовой линии фронта и в партизанских отрядах. Многие погибли в бою или получили ранения.

После освобождения Беларуси наряду с восстановлением судов, прокуратуры и других органов юстиции началась организация и коллегий адвокатов. С этой целью уже в 1944 г. во всех областях стали создаваться организационные бюро, которые до выборов президиумов осуществляли на местах всю работу, связанную с приемом в адвокатуру, распределением адвокатов по юридическим консультациям, контролем за качеством их работы и соблюдением порядка оплаты юридической помощи.

Восстановление коллегий адвокатов и формирование их выборных органов закончилось в середине 1945 г. В республике повсеместно проводились общие собрания членов коллегий адвокатов, на которых избирались президиумы и ревизионные комиссии. Этот небольшой по времени период был весьма напряженным и сложным. Большие затруднения испытывались из-за недостатка адвокатских кадров. Много юристов погибло на фронтах войны. Подготовка молодых специалистов в военные годы в стране резко сократилась.

Большую помощь Беларуси в юридических кадрах оказали Российская Федерация и другие советские республики. Так, приказом Наркомата юстиции СССР от 12 октября 1944 г. на постоянную работу в Беларусь направлялось 30 адвокатов². Подобная помощь в кадрах юристов оказывалась нашей республике и в последующие годы. Однако удовлетворить потребности республики в кадрах юристов, в том числе и адвокатов, удалось лишь несколько лет спустя, когда ежегодно выпускать молодых специалистов Минский юридический институт и двухгодичная юридическая школа. Позднее (с 1956 г.) основной кузницей юридических кадров для юстиции БССР стал юридический факультет Белгосуниверситета, что обеспечило качественное повышение подготовки кадров по специальности «правоведение».

¹ См.: Кравченко И.С., Залесский А.И. Белорусский народ в годы Великой Отечественной войны. Мн., 1959. С. 57; Ливенцэў В. Партызанскі край. Мн., 1950. С. 209–210; Мартинович И.И. История суда в БССР. С. 130–131.

² НА, ф. 99, оп. 5, ед. хр. 205, л. 21.

В послевоенные годы Министерство юстиции БССР, его управления при областных Советах депутатов трудящихся и президиумах коллегий адвокатов провели большую работу по улучшению качественного состава адвокатуры, повышению профессиональной квалификации.

В 1945–1947 гг. в адвокатуру республики из-за острого недостатка юридических кадров было принято значительное число лиц, не имевших соответствующего специального образования и практического стажа, а также уволенных с работы из судов, прокурорских и иных органов юстиции по непригодности, за злоупотребления по службе и совершение иных порочащих проступков. Аналогичным было состояние кадров адвокатуры и в других союзных республиках¹. В начале 1947 г. более половины адвокатов (55 %) не имели высшего или среднего юридического образования и не были вовлечены в заочную учебу².

Низкий профессиональный уровень кадров, их засоренность случайными людьми отрицательно отражались на деятельности адвокатуры, выполнении возложенных на нее задач по оказанию правовой помощи. В коллегиях адвокатов была слабая трудовая дисциплина, наблюдались многочисленные факты недостойного поведения, нарушения адвокатской этики и инструкции о порядке оплаты юридических услуг. Необходимо было безотлагательно и коренным образом улучшить состояние кадров адвокатуры, освободить ее от лиц, не способных или недостойных осуществлять адвокатские функции, повысить теоретический уровень и деловую квалификацию этих специалистов.

Вопрос о состоянии кадров адвокатуры и мерах по их укреплению неоднократно обсуждался на заседаниях коллегии Министерства юстиции БССР. Была намечена и осуществлена система мер, направленных на решение указанной задачи. Устанавливался постоянный контроль за приемом в коллегии адвокатов новых членов, за строгим соблюдением статей 6 и 7 Положения об адвокатуре и Приказа Наркомюста СССР от 20 апреля 1941 г. № 65 «О контроле за приемом в адвокатуру СССР». Все лица, принятые с нарушением установленных требований, из адвокатуры отчислялись. Начальникам областных управлений юстиции вменялось в обязанность немедленно сигнализировать в Минюст БССР о фактах неправильного приема в члены коллегий адвокатов, а председателям коллегий адвокатов – высылать в отдел

¹ См.: Бакшеев С. Состояние кадров адвокатуры и мероприятия по их укреплению // Соц. законность. 1948. № 3. С. 3–4.

² НА, ф. 99, оп. 5. ед. хр. 9, л. 2.

адвокатуры министерства личные дела вновь принятых лиц. Все адвокаты вовлекались в учебу по повышению своего идейно-теоретического уровня и юридической квалификации. Формы учебы определялись каждому адвокату в зависимости от его подготовки. Лицам, не имевшим среднего юридического образования, предлагалось заочно пройти курс юридической школы; адвокатам со средним специальным образованием – получить высшее юридическое образование в течение 3–4 лет во Всесоюзном юридическом институте (ВЮЗИ). К 1950 г. все адвокаты должны были иметь, как минимум, законченное среднее юридическое образование¹.

Важными формами повышения деловой квалификации адвокатов являлись в то время производственные совещания, теоретические конференции и семинары, лекции, доклады, консультации и т.п. Особое внимание при этом уделялось работе со стажерами и молодыми адвокатами. Наряду с обычными формами углубления теоретических и практических знаний использовались и такие оправдавшие себя формы, как вызов молодых специалистов на практику в юридические консультации областных центров, конференции и семинары со специальной тематикой и методикой и др.

Было бы неверным обойти молчанием и такое направление работы с адвокатскими кадрами тех лет, как повышение их идейно-политического уровня. Это обеспечивалось вовлечением адвокатов в систему марксистско-ленинского образования, которая являлась составной частью подготовки и воспитания кадров в советское время.

Одной из действенных мер укрепления кадров в республике, улучшения качества их работы явились аттестации, проведенные в 1948, 1951 и последующих годах. Они позволили глубоко изучить деловые качества адвокатов, поднять их ответственность за оказание юридической помощи, освободиться от лиц, случайно попавших в адвокатуру. Особенно организованно проводилась аттестация в 1951 г. Ей предшествовали ревизии и проверки городских и районных юридических консультаций с обсуждением их результатов на заседаниях президиумов областных коллегий адвокатов, составление характеристик на каждого адвоката. В ходе аттестации указывались недостатки адвокатов в профессиональной и общественной работе, устанавливались сроки для их исправления. Итоги аттестации адвокатов в БССР были всесторонне обсуждены

¹ См.: О мероприятиях по укреплению кадров адвокатуры: приказ Министра юстиции БССР от 12 января 1948 г. № 4 // Соц. законность. 1948. № 3. С. 5.

на заседаниях президиумов областных коллегий адвокатов и оперативных совещаниях при управлениях Минюста, а затем и на коллегии этого министерства.

В результате проведенных мероприятий качественный состав адвокатуры в Белорусской ССР постоянно улучшался. На 1 января 1948 г. в республике имелось 377 адвокатов, из которых белорусы составляли 38,4 %, русские – 29,9 %, евреи – 27,2 %, представители других национальностей – 4,5 %. Специалистов с высшим юридическим образованием было 32 %, со средним юридическим – 23,6 %, окончивших курсы – 20,6 %, без всякой юридической подготовки – 3,7 %¹ (в материалах НКЮ БССР эти данные выражены в абсолютных цифрах). Таким образом, лица, не имевшие высшего и среднего специального образования, составляли 24,3 % от общего числа адвокатов.

Пять лет спустя (в 1953 г.) показатели качественного состава коллегий адвокатов республики были уже следующими: с высшим юридическим образованием – 52 %, со средним специальным – 31,5 %, без юридической подготовки – 14,8 %; в 1954 г. соответственно – 60,4, 26,5 и 13,1 %.

К 1 января 1957 г. подавляющее большинство адвокатов (70 %) являлось дипломированными юристами. Только 32 члена коллегии адвокатов имели курсовую подготовку, но почти все они обладали значительным стажем практической работы в органах юстиции². Надо отметить, что в эти годы среди адвокатов заметно возросла и партийно-комсомольская прослойка, чему придавалось в то время немаловажное значение.

Повышенные требования предъявлялись и к руководящим кадрам адвокатуры. В составы президиумов коллегий адвокатов и на должности заведующих юридическими консультациями соответственно избирались и назначались только лица с высшим юридическим образованием и стажем адвокатской практики.

По мере укрепления кадров повышалась и трудовая дисциплина, уменьшалось число дисциплинарных проступков, совершенных адвокатами, сокращалось количество жалоб на их аморальное поведение и неправильные действия. Если в 1953 г. к дисциплинарной ответственности было привлечено по республике 15,6 % адвокатов, причем половина из них – за недобросовестное исполнение обязанностей, то в 1954 г. – 10,6 %, в 1955 г. – 9,8 %, а в 1956 г.

¹ НА, ф. 99, оп. 5. ед. хр. 14, л. 141.

² См.: Архив Юридической комиссии при СМ БССР. 1952. № 81, л. 31–32; 1965. № 5–91, л. 118; 1967. № 5–59, л. 4.

число лиц, совершивших дисциплинарные нарушения, составило 6,7 %¹.

Все это положительно сказалось на деятельности адвокатуры, выполнении ее задач. Повысились качество юридической помощи населению, предприятиям и организациям, популяризация законодательства. Сохранились в архивных фондах сведения об этой и иной юридической работе адвокатов. Уже в первый год после освобождения территории республики адвокаты Гомельской области прочитали 167 лекций, докладов и бесед для 9813 человек, дали 1723 устных совета, а всего за юридической помощью в консультации этой коллегии в 1944 г. обратилось 6627 человек, из них 957 рабочих, 722 служащих, 2122 колхозника, 169 военнослужащих и 759 членов их семей, 83 пенсионера, 327 инвалидов Отечественной войны и т.д.²

Следует подчеркнуть, что в эти годы работа адвокатуры в БССР была направлена на оказание бесплатной юридической помощи инвалидам Отечественной войны и семьям военнослужащих, на участие в судебных процессах при рассмотрении самых разнообразных категорий дел (о хищениях государственного и общественного имущества, кражах личной собственности, возврате владельцам скота и иного имущества, о нарушениях трудового законодательства и т.д.). В целом адвокаты республики добросовестно готовились к выступлениям в суде, проявляли необходимую принципиальность и деловую настойчивость в отстаивании своей позиции по делу, юридически правильно осуществляли защиту интересов своих клиентов.

Профессиональным долгом членов коллегии адвокатов считалось оказание правовой помощи колхозникам, государственным предприятиям, учреждениям и организациям. Руководствуясь постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах», адвокаты республики провели определенную работу по юридическому обслуживанию колхозов, а также разъяснению и пропаганде законов, решений правительства по вопросам сельского хозяйства.

В марте 1947 г. и октябре 1951 г. состоялись республиканские совещания представителей президиумов областных коллегий адвокатов, на которых обсуждались вопросы о работе и задачах коллегий по выполнению названного постановления СМ СССР

¹ См.: Архив отдела адвокатуры Юридической комиссии при СМ БССР. 1953; 1955; 1957.

² НА, ф. 99, оп. 5, ед. хр. 6, л. 21–22.

и ЦК ВКП(б)¹. Обмен опытом работы и развернувшееся соревнование за лучшее юридическое обслуживание колхозов способствовало достижению конкретных результатов. Был обеспечен систематический выезд в колхозы наиболее квалифицированных, знающих сельское хозяйство адвокатов для проведения консультаций по юридическим вопросам, оформления материалов по делам о взыскании в пользу колхозов дебиторской задолженности и возврату колхозного имущества, составления и проверки законности договоров и сделок, заключенных колхозами, и т.д.

В соответствии с директивными указаниями Министерства юстиции СССР вся работа по оказанию юридической помощи колхозам приводилась в тесной связи с Министерством сельского хозяйства республики и его областными управлениями. Причем юридическая помощь колхозам во всех ее видах, как правило, оказывалась бесплатно.

Квалифицированное юридическое обслуживание сельхозпредприятий, защита их имущественных прав и законных интересов, способствовали (прямо и опосредованно) их организационно-хозяйственному укреплению, устранению нарушений Устава колхозной жизни, которые в то время имели широкое распространение.

В целях повышения качества и культуры в работе коллегий адвокатов Минюст СССР, Минюст БССР и областные управления юстиции совместно с президиумами коллегий проводили такие мероприятия, как систематические проверки работы адвокатов и юридических консультаций, обсуждение принципиальных вопросов их деятельности на коллегиях, заседаниях президиумов. Практиковались стенографирование защитительных речей адвокатов с последующим их разбором и составлением рецензий, изучение подготовленных адвокатами документов, ознакомление заведующих юридическими консультациями с исковыми заявлениями, кассационными и надзорными жалобами, выполненными адвокатами, не имеющими достаточного опыта и надлежащей квалификации, и др.

Как полезное начинание, способствовавшее поднятию качества работы адвокатов и наиболее их активному участию в предупреждении правонарушений, расценивались органами юстиции обобщения адвокатской практики, распространение положительного опыта отдельных адвокатов и юридических консультаций. Эти мероприятия стали проводиться в республике регулярно.

¹ НА, ф. 99, оп. 5. ед. хр. 11, л. 69–87.

Так, осенью 1953 г. был изучен положительный опыт работы адвокатов Полоцкой областной коллегии адвокатов. Обсудив результаты обзора, производственное совещание адвокатов этой коллегии приняло решение: а) систематически обобщать опыт работы лучших адвокатов области и доводить до сведения всех юридических консультаций; б) материалы одобрить и разослать для изучения всем адвокатам области¹.

Обобщение защитительных речей адвокатов, проведенное Витебской областной коллегией адвокатов летом 1953 г., после обсуждения на заседании президиума было разослано всем адвокатам области для изучения. По этому материалу состоялся теоретический семинар, а затем итоги обобщения обсуждались на семинаре по повышению деловой квалификации адвокатов при президиумах Минской и Гродненской областных коллегий адвокатов, на производственном совещании-семинаре адвокатов Пинской городской юридической консультации². Такое широкое обсуждение способствовало улучшению качества выступлений адвокатов в процессе, повышало их профессиональное мастерство.

На усиление контроля за профессиональной деятельностью адвокатов было направлено также улучшение организации и учета всей деятельности адвокатов (обязательные дежурства в юридических консультациях, ведение производств – досье по делу, журналов регистрации оказания юридической помощи населению и т.д.).

9 июня 1952 г. приказом Министерства юстиции Союза ССР утверждается Положение о юридических консультациях коллегий адвокатов. Оно подробно регламентировало организацию и порядок работы юридических консультаций, нормативно решив многие назревшие вопросы. Тем более что в Положении об адвокатуре 1939 г. они закреплялись лишь в самой общей форме.

Обобщив предшествующий опыт организации и деятельности юридических консультаций, Положение 1952 г. закрепило ряд выработанных практикой правил и принципов. В частности, устанавливалось, что заведующий юридической консультацией назначается из числа адвокатов, имеющих высшее юридическое образование и практический стаж работы в адвокатуре не менее трех лет. При отсутствии в юридической консультации адвокатов с высшим юридическим образованием мог быть назначен адвокат

¹ См.: Архив Юридической комиссии при СМ БССР. 1963, д. № 5–98, л. 5–98.

² Там же, 1955, д. № 5–62, л. 16–22.

со средним специальным образованием и практическим стажем до года.

Впервые четко и детально определялись права и обязанности заведующего юридической консультацией: организация и планирование всей работы консультации; прием посетителей и оформление поручений от них, а также от учреждений, организаций и предприятий, обратившихся за юридической помощью; распределение между адвокатами принятых дел с учетом их сложности, квалификации, нагрузки и заработка адвокатов; установление в соответствии с действовавшими инструкциями размера вознаграждения за выполненную работу; организация контроля за дисциплиной и качеством адвокатской работы; проведение производственных совещаний и т.д. Заведующий юридической консультацией вправе был поставить перед президиумом коллегии адвокатов вопрос о привлечении адвоката или стажера к дисциплинарной ответственности и об их отчислении из состава коллегии.

В Положении устанавливалось, что все свои функции заведующий юридической консультацией осуществляет на основе единоначалия, а его распоряжения и указания по работе являются обязательными для адвокатов и стажеров данной консультации.

В 1956 г. это Положение было отменено в связи введением новых Правил внутреннего распорядка, в которые были включены и соответствующие нормы Положения о юридических консультациях (письмо Минюста СССР от 4 апреля 1956 г. № 1624).

В рассматриваемые годы в руководстве адвокатурой со стороны органов Министерства юстиции и президиумов коллегий адвокатов было немало формализма. Ревизоры, проверяя работу областных коллегий адвокатов и юридических консультаций, не всегда глубоко вникали в качество их работы, не вскрывали причин обнаруженных ошибок и недочетов, не оказывали практической помощи в их устранении. В актах ревизии, как правило, много внимания уделялось статистическим данным и надлежащее не анализировалось качество адвокатской деятельности. Недостаточно обобщался и распространялся опыт работы лучших юридических консультаций и отдельных адвокатов. Но главное – в работе президиумов коллегий адвокатов допускались грубые нарушения принципов демократии.

В связи с этим Минюст СССР и Минюст БССР поставили задачу коренным образом улучшить руководство деятельностью адвокатуры: установить постоянный контроль за качеством ее деятельности, организацией в коллегиях работы по нравственному воспитанию адвокатов и повышению их юридической квалификации;

оказывать адвокатам конкретную помощь в работе и т.д. Администрирование, формализм и волокита в руководстве адвокатурой квалифицировались как грубейшее нарушение закона, основных принципов ее организации и деятельности¹. Одним словом, стиль руководства адвокатурой становился более живым, оперативным и действенным. Центр тяжести в ревизионной работе переносился на глубокое изучение профессиональной деятельности адвокатов, выявление как негативных, так и позитивных моментов в функционировании коллегий.

Решающее значение для развития и совершенствования деятельности адвокатуры в Беларуси, как и в других союзных республиках, имели известные решения партийно-государственного руководства страны о ликвидации нарушений законности, восстановления и развитии принципов государственной жизни, деформация которых произошла под влиянием культа личности. Были осуществлены меры по укреплению законности и соблюдению прав граждан, упразднению внесудебных репрессивных органов, расширению надзорных полномочий местных судов, демократизации процессуальных форм их деятельности.

Государственное значение выполняемых адвокатурой функций было отмечено на VI сессии Верховного Совета СССР, обсуждавшей вопросы укрепления законности и совершенствования правосудия в стране. Принятый ею 11 февраля 1957 г. закон об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятие гражданского, уголовного и процессуальных кодексов predetermined расширение законодательной компетенции союзных республик в правовой регламентации организации адвокатуры. Это содействовало возрастанию внимания ученых-юристов и практиков к теоретической разработке проблем адвокатуры, освещению вопросов совершенствования ее организации и деятельности в печати.

Таким образом, период относительной либерализации социально-политической и экономической жизни страны после 1953–1956 гг. сопровождался укреплением законности и правопорядка, совершенствованием законодательства и расширением демократических основ правосудия, что потребовало активного обсуждения проблем развития организационных форм адвокатуры и в Беларуси. Так, на республиканском совещании адвокатов БССР летом 1957 г. много внимания было уделено расширению их прав, внесен ряд предложений, касающихся изменений

¹ НА, ф. 99, оп. 5. ед. хр. 24, л. 30–36.

и дополнений в Положение об адвокатуре СССР 1939 г. и уголовно-процессуальное законодательство¹. Некоторые из этих предложений (о допуске защитника на предварительное следствие и надзорное производство, о расширении случаев обязательного участия защитника в судебном процессе, о совершенствовании организационных форм адвокатской деятельности) в той или другой степени нашли отражение в последующем правовом регулировании соответствующих вопросов.

31 декабря 1957 г. в целях налаживания методической работы руководящих органов адвокатуры принимается решение о создании при отделе адвокатуры Минюста БССР группы по разработке методических указаний по отдельным вопросам профессиональной деятельности адвокатов² с включением в нее по три-четыре адвоката от каждой коллегии.

Поскольку для нормальной организации юридического обслуживания населения первостепенное значение имели дислокация и укомплектование юридических консультаций, правильная организация их работы, с первых дней восстановления коллегий адвокатов в Беларуси принимаются меры к созданию таких стационарных пунктов правовой помощи в каждом районе и городе республики.

Из отчетного доклада Гомельской областной коллегии адвокатов за 1944 г. (она начала свою деятельность 15 марта этого года) следует, что на территории области было образовано 17 юридических консультаций, т.е. во всех районах, за исключением одного. В Гомеле действовали две консультации (в Центральном и Железнодорожном районах). Подавляющее большинство юридических консультаций (13 из 17) состояло из одного адвоката. Самой многочисленной была консультация Центрального района Гомеля, в которой работало в то время 10 адвокатов³.

Гораздо хуже обстояло дело с организацией юридических консультаций в других областях республики, т.к. не хватало адвокатов, а в некоторых районах из-за незначительного объема работы им не мог быть обеспечен минимальный заработок. По состоянию на 21 мая 1952 г. не было юридических консультаций в 26 районах республики. В 1955 г. из 160 юридических консультаций, предусмотренных Минюстом БССР, 22 бездействовали.

В связи с изменениями в административно-территориальном делении и укрупнением сельских районов в республике на 1 января 1957 г. функционировало 7 областных коллегий адвокатов

¹ См.: Соц. законность. 1967. № 9. С. 82; № 10. С. 86.

² См.: Архив Юридической комиссии при СМ БССР. 1957.

³ НА, ф. 99, оп. 5. ед. хр. 6, л. 20.

и 147 юридических консультаций¹. Из них в Минской коллегии адвокатов – 25 юридических консультаций, Гомельской – 24, Гродненской – 22, Брестской – 22, Могилевской – 17, Витебской – 14. Однако для многих сельских районов, в отличие от областных центров и крупных городов, имевших достаточное число хорошо укомплектованных юридических консультаций, эта проблема по-прежнему оставалась нерешенной. И хотя населению районов, где не было таких консультаций, оказывалась правовая помощь адвокатами соседних районов, такое положение нельзя было считать нормальным. Министерство юстиции БССР предпринимало усилия для решения этой проблемы в предстоящие годы.

В начале 50-х годов подверглась критике система оплаты труда адвокатов, введенная в 1939 г. Многолетняя практика ее применения показала, что отсутствие гарантированного минимума заработка, его неустойчивость и значительный разрыв в оплате труда отдельных адвокатов отрицательно отражаются на качестве правовой помощи, порождают текучесть кадров, погоню за платными клиентами, а также нездоровые взаимоотношения в коллективах. В связи с этим многие коллегии адвокатов страны по решению общих собраний переходили на новые системы оплаты, которые при всем их многообразии преследовали общую цель: обеспечить адвокатов устойчивым заработком, создать условия для более равномерного распределения юридических услуг. Общесоюзное министерство юстиции, изучив данный опыт, разработало примерное Положение о порядке оплаты труда адвокатов, в котором проводился принцип гарантированного для всех минимума заработка. Одобренное ЦК профсоюза работников государственных учреждений и коллегией Министерства юстиции СССР, это Положение было рекомендовано коллегиям адвокатов для применения.

В 1957 г. юридические консультации Гомельской коллегии адвокатов в порядке эксперимента перешли на так называемую котловую, или валовую систему оплаты, при которой адвокатам устанавливались разряды и тарифные ставки с учетом квалификации, стажа и качества работы. Адвокаты, не выработавшие гарантированного минимума, получали дотацию из общего валового поступления юридической консультации, т.е. фактически за счет других адвокатов. Установление разряда и отсутствие личного денежного счета породили иждивенческие настроения и безынициативность, значительно усложнили учет. Для устранения выявленных недостатков Министерство юстиции Белорусской ССР предложило

¹ См.: Архив Юридической комиссии при СМ БССР. 1957, д. № 5–59, л. 1.

указанной коллегии отказаться от такой формы оплаты труда. Однако и сдельная форма нуждалась в совершенствовании.

Законы, принятые второй сессией Верховного Совета СССР (1958 г.) и четвертой сессией Верховного Совета БССР пятого созыва (1959 г.), расширили демократические принципы судоустройства и судопроизводства, по-новому решили ряд важных вопросов организации и деятельности органов правосудия. Впервые в истории советского уголовного процесса законодатель указал на обязанность компетентных государственных органов и должностных лиц обеспечить обвиняемому возможность защищаться законными средствами и способами от предъявленного обвинения, а также на охрану его личных и имущественных прав. Основы уголовного судопроизводства и Уголовно-процессуальный кодекс БССР 1960 г. допустили защитника на предварительное следствие и расширили случаи его обязательного участия в судебном разбирательстве. В данных условиях возрастала роль адвокатуры, призванной служить гуманному делу защиты граждан, общества, закона, правды и справедливости.

Все это обусловило необходимость совершенствования организационных форм устройства адвокатуры, учета двадцатилетней практики применения Положения об адвокатуре СССР 1939 г. и достижений юридической науки.

Основы законодательства о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик от 25 декабря 1958 г. содержали самые общие положения о коллегии адвокатов, позднее воспроизведенные в Законе о судоустройстве БССР 1959 г. В ст. 13 Основ указывалось, что в целях осуществления защиты на суде, а также оказания иной юридической помощи гражданам, предприятиям, учреждениям и организациям на основании Положения, утверждаемого Верховным Советом союзной республики¹, действуют коллегии адвокатов.

В 1959–1962 гг. правовые акты об адвокатуре принимаются во всех союзных республиках. В Белорусской ССР Положение об адвокатуре утверждено законом Верховного Совета республики 15 июня 1961 г.²

Выступая на сессии Верховного Совета БССР, член Комиссии законодательных предложений депутат С.Т. Шардыко отмечал,

¹ Вопрос о соотношении общесоюзного и республиканского законодательств об адвокатуре обсуждался еще в 1924 г. на второй сессии ЦИК СССР и нашел отражение в Основах судоустройства СССР и союзных республик 1924 г. (См.: Адвокатура в СССР. С. 27.).

² СЗ БССР. 1961. № 19. Ст. 186.

что закон об организации адвокатуры призван сыграть положительную роль в укреплении законности и правопорядка в республике. «В современных условиях, – говорил он, – возрастает роль адвокатуры как одного из важных звеньев в системе социалистического правосудия, как общественной организации, повседневно связанной с широкими народными массами»¹.

В выступлениях других депутатов, принявших участие в обсуждении законопроекта об адвокатуре, также подчеркивалось значение правового регулирования вопросов организации и деятельности коллегий адвокатов в республике, высказывались критические замечания и предложения, которые были учтены при принятии Положения. Были использованы также опыт других союзных республик, достижения юридической науки.

В Положении об адвокатуре Белорусской ССР 1961 г. сохранились нормы ранее действовавшего общесоюзного акта об адвокатуре, которые оказались жизнеспособными и прошли испытание практикой, а также соответствовали положениям общесоюзных законов, Закона о судостроительстве БССР и процессуальных кодексов. Вместе с тем многие вопросы решались по-новому.

Положение об адвокатуре 1961 г. регламентировало цели, задачи и функции адвокатуры, ее организационную структуру, порядок избрания и компетенцию органов самоуправления, правила приема и выбытия из коллегии адвокатов, их права и обязанности, меры поощрения, дисциплинарной ответственности и др. В Положении указывается, что коллегия адвокатов всей своей деятельностью содействует охране прав и законных интересов граждан, предприятий, учреждений, организаций и колхозов, соблюдению и укреплению законности и осуществлению правосудия (ст. 2).

Согласно ст. 3 этого нормативного акта возложенные на адвокатуру задачи осуществляются путем: а) участия адвокатов на предварительном следствии и в суде по уголовным делам в качестве защитников обвиняемых, представителей потерпевших, гражданских истцов и гражданских ответчиков; б) участия адвокатов в суде по гражданским делам в качестве представителей истцов, ответчиков и третьих лиц; в) составления адвокатами заявлений, жалоб и других документов правового характера по просьбе граждан; г) юридических консультаций (разъяснений и советов по правовым вопросам); д) ведения судебных и арбитражных дел и оказания другой юридической помощи предприятиям,

¹ Пятая сессия Верховного Совета Белорусской ССР (14–15 июня 1961 г.): стенограф. отчет. Мн., 1961. С. 151.

учреждениям, организациям и колхозам; г) пропаганды советско-государственного законодательства среди населения.

Некоторые из впервые указанных форм деятельности адвокатуры (ведение арбитражных дел и оказание правовой помощи колхозам, пропаганда законодательства) по существу не являлись новыми. Они выполнялись и ранее. Однако прямое нормативное их закрепление в Положении об адвокатуре способствовало повышению эффективности работы адвокатов и их ответственности за выполнение соответствующих обязанностей по оказанию правовой помощи и правовому воспитанию масс. Официально на адвокатуру возлагалась обязанность участвовать в деятельности по предупреждению правонарушений, ликвидации преступности в стране. На пятой сессии Верховного Совета БССР пятого созыва при обсуждении проекта Положения об адвокатуре прямо отмечалось: «Деятельность адвоката может быть успешной лишь тогда, когда она будет сочетаться с общей задачей укрепления социалистической законности, когда выступления адвоката приобретают общественное значение, служат делу предотвращения правонарушений»¹. Адвокаты в это время действительно принимали активное участие в профилактической деятельности. Их профессиональные обязанности не ограничивались судебной защитой и судебным представительством. Они проводили в те годы большую работу по разъяснению среди населения законодательства, воспитанию граждан в духе уважения к закону и нормам морали. Кроме докладов, лекций и бесед они выступали в печати, на радио и по телевидению, руководили общественными университетами правовых знаний или принимали участие в их работе, а также оказывали правовую и методическую помощь товарищеским судам и добровольным народным дружинам.

Значительное внимание юридические консультации (в частности, Витебской и Минской коллегий адвокатов) уделяли правовому воспитанию молодежи. Для учащихся средних школ, профтехучилищ, техникумов, студентов и рабочей молодежи читались лекции на правовые темы, проводились радиолектории и т.д.

Живо и интересно проходили в 70-е годы вечера юридических вопросов и ответов, проводимые Оршанской юридической консультацией. Ее адвокаты систематически встречались с родителями и учащимися средних школ города, грамотно отвечали на многие их вопросы по уголовному, трудовому и брачно-семейному законодательствам.

¹ Пятая сессия Верховного Совета Белорусской ССР. С. 157.

Работа по правовой пропаганде планировалась и согласовывалась с судами прокуратурой, органами внутренних дел, советскими и партийными органами. При выборе тематики лекций, докладов, бесед учитывались состав аудитории, состояние правонарушений в данном районе (городе), на конкретных предприятиях, стройках, в учреждениях, совхозах, колхозах, использовались также материалы судебной и адвокатской практики. Задачей президиумов коллегий адвокатов и заведующих юридическими консультациями являлось обеспечение неослабного контроля за работой по правовому воспитанию граждан, качеством проводимых мероприятий, привлечение к этой работе всех без исключения адвокатов.

Поднятию уровня правового воспитания населения способствовало возложение на Министерство юстиции и его местные органы методического руководства и координации правовой пропаганды. Созданные для этой цели координационные советы объединяли усилия всех заинтересованных ведомств, обеспечивали согласование планов конкретных мер по правовому воспитанию населения, а также обмен положительным опытом данной работы.

Достаточно действенной формой предупреждения преступлений являлось участие адвокатов в исследовании обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, и заявление ходатайств перед органами следствия и судом о принятии мер по их устранению. Возбуждение адвокатами ходатайств перед судом о вынесении частных определений, направленных на устранение причин и условий преступных проявлений, встречалось нечасто. Тем не менее такие случаи наблюдались. В 1971 г. по ходатайствам адвокатов судами республики вынесены 273 частных определения. К примеру, при рассмотрении Ошмянским районным народным судом по ч. 2 ст. 91 и ст. 168 УК БССР за недостачу топлива на складе гортопсбыта было установлено, что подсудимый с первых дней работы кладовщиком систематически злоупотреблял спиртными напитками и нарушал трудовую дисциплину, в связи с чем с работы был уволен, но затем принят вновь. Адвокат в своем выступлении обратил внимание суда на серьезные нарушения в подборе кадров и попросил на это отреагировать частным определением. Получив его, областное управление местной промышленности вторично и окончательно освободило директора гортопсбыта от должности.

Аналогичное ходатайство было возбуждено адвокатом в Зельвенском районном народном суде при рассмотрении уголовного дела по обвинению К. в присвоении государственного имущества. Руководство санитарно-эпидемиологического отдела допустило

подсудимую к материальным ценностям при наличии ее прошлой судимости за хищение и, зная ее слабость к спиртному, не контролировало правильность расходования государственных средств. По частному определению суда за допущенные ошибки в работе соответствующие должностные лица понесли наказание.

Анализ частных определений, выносимых судами по ходатайствам адвокатов, показал, что они помогали правосудию вскрывать серьезные нарушения правил торговли спиртными напитками, требований техники безопасности, эксплуатации электрооборудования и т.д. По ходатайствам адвокатов выносились частные определения в связи с выявленными недостатками в воспитательной работе, учете и контроле материальных ценностей и др. Обобщая материалы адвокатской практики, президиумы коллегий адвокатов и юридические консультации самостоятельно, а также совместно с другими юридическими учреждениями изучали причины преступных проявлений и иных нарушений законности и вносили предложения, направленные на их искоренение.

Надо подчеркнуть, что деятельность адвокатов по выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступлений, рассматривалась в юридической литературе тех лет как его профессиональный долг и процессуальная обязанность¹. В этой связи высказывались предложения об отражении данной стороны адвокатской деятельности в ст. 2 Положения об адвокатуре, об усилении контроля со стороны адвокатов за выполнением частных определений, вынесенных по их ходатайствам, о предоставлении права внесения предложений об устранении причин правонарушений не только президиумам коллегий адвокатов, но и юридическим консультациям² и т.п.

Однако нельзя не согласиться с мнением профессора И.Л. Петрухина о том, что выявление и обобщение причин и условий правонарушений, как и борьба с преступностью в целом, – это обязанность правоохранительных органов, а не адвокатуры. Здесь может быть единственное исключение, когда выяснение причин и условий, способствующих преступлению, необходимо для характеристики личности обвиняемого с положительной стороны или если эти обстоятельства иным образом могут быть использованы для смягчения его ответственности (дурное влияние на подростка

¹ См.: Бойков А.Д. Роль защитника в предупреждении преступлений. М., 1971. С. 47–48.

² См.: Галинский Я.И. Некоторые вопросы деятельности советской адвокатуры по предупреждению преступлений // Преступность и ее предупреждение. Л., 1966. С. 79–80.

семьи и школы, психические аномалии, запутанность бухгалтерского учета по делам об экономических преступлениях и др.)¹.

Возвращаясь к конкретному анализу ст. 3 Положения об адвокатуре в БССР 1961 г., следует указать на то, что в отличие от некоторых союзных республик (Казахской, Таджикской, Узбекской и Эстонской ССР) белорусское Положение не предусматривало такую форму деятельности адвокатуры, как представительство по административным делам (о назначении пенсий, выселении и т.д.). В литературе по этому вопросу не было единого мнения. Одни юристы признавали наделение адвокатов правом представительства в административных органах целесообразным, поскольку гражданам будет оказываться всесторонняя юридическая помощь и вместе с тем улучшится деятельность исполнительно-распорядительных органов². Другие решительно возражали против такого расширения функций адвокатуры, ссылаясь на редкие случаи обращений по данным вопросам, опасаясь превращения адвоката в ходатая по любым делам³. Но, как известно, задача адвокатуры и состоит в том, чтобы оказывать разнообразную и наиболее полную правовую помощь всем, кто в ней нуждается. Поэтому чем более всесторонней и эффективной будет эта помощь, тем больше пользы принесет адвокатура своей деятельностью населению, обществу, государству. Как показало время, законодатель подтвердил правильность такой позиции. Ныне адвокатура оказывает правовую помощь в самых разнообразных сферах жизнедеятельности любого физического и юридического лица, в том числе и в области административно-правовых отношений.

Возросшая ответственность и расширение функций адвокатов вместе с успехами в подготовке и воспитании юридических кадров привели к повышению требований к членам коллегии адвокатов. В Белорусской ССР ими могли быть граждане СССР, имевшие высшее юридическое образование и стаж практической работы (в большинстве союзных республик, в том числе и в РСФСР, требовался стаж работы по специальности не менее двух лет). В виде исключения в члены коллегии адвокатов разрешалось принимать лиц, имевших среднее юридическое образование и стаж работы по специальности юриста не менее пяти лет. Лица, не имевшие практического стажа по специальности юриста, принимались

¹ См.: Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть). М., 1998. С. 144.

² См.: Гуценко К.Ф. Новое законодательство союзных республик об адвокатуре // Советское государство и право. 1962. № 3. С. 59.

³ См.: Тихомиров С. К разработке Положений об адвокатуре // Сов. юстиция. 1961. № 6. С. 15; Заботкин П. К разработке Положения об адвокатуре // Там же. № 12. С. 11.

в коллегии адвокатов стажерами. Срок стажировки устанавливался президиумом областной коллегии адвокатов в каждом отдельном случае, но не менее шести месяцев. Лица, успешно прошедшие стажировку, принимались в коллегии адвокатов в общем порядке.

Впервые в законе были сформулированы и нравственные требования к лицам, состоявшим в адвокатуре. «Каким же лицемером будет выглядеть такой адвокат, – говорилось на сессии Верховного Совета БССР, – который, на словах ратая за соблюдение социалистической законности, сам ее нарушает, защищая интересы женщин и детей, сам плохо относится к своей семье, с негодованием обрушиваясь на пьяниц, сам пьянствует. Поэтому совершенно правильно ст. 45 проекта Положения содержит правило, что адвокат должен быть образцом точного и неуклонного исполнения советских законов, моральной чистоты и безукоризненного поведения»¹.

Регламентируя правовое положение адвокатов, Положение об адвокатуре в БССР указывает на их обязанность строго соблюдать в своей деятельности законы, добросовестно оказывать юридическую помощь гражданам, предприятиям, учреждениям, организациям и колхозам, используя законные средства и способы защиты их прав и интересов.

Были введены правила, отражающие специфику адвокатской деятельности, создающие условия для успешного ее выполнения. В частности, адвокату запрещалось принимать поручение на ведение дела, если в его решении принимало участие должностное лицо, с которым адвокат состоял в родственных отношениях, или когда он по данному делу ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам обратившегося, или ранее участвовал в деле в качестве судьи, следователя, прокурора, лица, производившего дознание, свидетеля, эксперта, переводчика или понятого. По Положению (ст. 13) адвокат был не вправе осуществлять защиту двух подсудимых, если интересы одного из них противоречили интересам защиты другого. В соответствии со ст. 14 Положения он был не вправе разглашать сведения, сообщенные ему в связи с оказанием юридической помощи (иначе говоря, закреплялся институт адвокатской тайны), а также отказываться от принятой на себя защиты обвиняемого (ст. 15).

Устанавливался строгий перечень оснований для отчисления и исключения из коллегии адвокатов. Отчисление как вид

¹ Пятая сессия Верховного Совета Белорусской ССР. С. 161–162.

освобождения адвокатов от выполнения профессиональных обязанностей допускалось в случаях: собственного желания; обнаружившейся профессиональной непригодности к исполнению обязанностей; перевода на другую работу. Исключение из коллегии адвокатов производилось только по таким основаниям, как совершение преступления, установленного приговором суда, вступившим в законную силу, а также поступков, несовместимых со званием советского адвоката, постоянное нарушение правил внутреннего распорядка и недобросовестное выполнение профессиональных обязанностей. Исключение и отчисление членов коллегии адвокатов по основаниям, предусмотренным в законе, создавало условия для эффективного контроля за качественным составом адвокатуры.

Упрочение правового положения адвокатов проявилось и в признании за ними права на пособие по временной нетрудоспособности и на пенсионное обеспечение на общих основаниях с рабочими и служащими.

Самостоятельный раздел в Положении об адвокатуре отведен юридическим консультациям. Указывалось, что создаются они для организации работы адвокатов по оказанию юридической помощи, действуют по доверенности президиума областной коллегии адвокатов, открывают текущий счет в отделении Госбанка и имеют печать со своим наименованием. Они вправе по просьбе адвоката в необходимых случаях запросить из государственных, кооперативных и общественных организаций справки, характеристики и другие необходимые по делу документы.

В отличие от прежнего Положения об адвокатуре более полно перечислены основные права и обязанности заведующего юридической консультацией. В частности, отмечается, что заведующий может заключать договоры с предприятиями, учреждениями, организациями и колхозами на постоянное юридическое обслуживание или выполнение отдельных поручений, что не могло не сказаться позитивно на улучшении уровня этой работы.

Значительные изменения вносились и в организационную структуру адвокатуры. В целях усиления роли коллектива адвокатов наряду с областными коллегиями создавалась и республиканская. На таком решении вопроса об организационной структуре адвокатуры в БССР, несомненно, сказались историческая преемственность, прошлый опыт организации адвокатуры в республике, где на протяжении многих лет действовало Всебелорусское объединение защитников во главе с республиканским президиумом.

Высший орган коллегий адвокатов – съезд адвокатов БССР – должен был созываться не реже одного раза в пять лет. Допускался созыв и внеочередных съездов.

Исполнительный орган республиканской коллегии адвокатов – президиум – избирался съездом путем тайного голосования на пятилетний срок. Из своего состава открытым голосованием президиум избирал председателя и его заместителя.

Президиум наделялся широкой компетенцией: созыв очередных и внеочередных съездов адвокатов, руководство деятельностью областных коллегий адвокатов и установление их предельной численности; утверждение дислокации юридических консультаций; проведение мероприятий по повышению идейно-политического уровня и квалификации адвокатов; обобщение и распространение положительного опыта работы юридических консультаций и адвокатов; проведение ревизий деятельности коллегий, издание методических писем и пособий по вопросам адвокатской деятельности и т.п.

Таким образом, можно сказать, что новый орган адвокатского самоуправления осуществлял в основном функции, которые прежде возлагались на центральные органы государственного управления. Это свидетельствовало о том, что расширялись демократические основы организации и деятельности адвокатуры в республике.

Органами областной коллегии адвокатов по действовавшему Положению об адвокатуре являлись общее собрание, президиум и ревизионная комиссия. Общее собрание – высший орган областной коллегии адвокатов – созывалось президиумом коллегии не реже одного раза в год. По решению президиума или по требованию не менее одной трети членов коллегии возможен был созыв и внеочередных собраний. Общее собрание, правомочное при участии в нем не менее двух третей состава коллегии адвокатов, избирало президиум и ревизионную комиссию открытым голосованием сроком на три года, заслушивало и утверждало отчеты об их деятельности, штаты, смету доходов и расходов, определяло месячные размеры оплаты труда адвокатов и рассматривало многие другие вопросы, связанные с работой коллегии адвокатов (ст. 31 Положения).

В период между собраниями руководство деятельностью коллегии адвокатов осуществлял президиум, состоявший из председателя, его заместителя и членов. Этот исполнительный орган организовывал юридические консультации и руководил ими; проводил проверку работы отдельных адвокатов и консультаций; принимал

в коллегиию и в состав стажеров; отчислял и исключал из членов коллегии адвокатов и из состава стажеров; назначал и освобождал от должности заведующих юридическими консультациями; занимался вопросами повышения квалификации адвокатов. На основе обобщения адвокатской практики президиум организовывал изучение причин преступных проявлений и иных нарушений законности и вносил соответствующие предложения об их устранении. В обязанность президиума входила также организация работы юридических консультаций по оказанию правовой и методической помощи товарищеским судам и добровольным народным дружинам, по пропаганде законодательства. Важнейшей задачей президиума было и по-прежнему остается осуществление контроля за качеством работы коллегий адвокатов, обобщение и распространение положительного опыта лучших юридических консультаций и адвокатов.

Президиум выполнял и ряд других обязанностей, связанных с деятельностью коллегии адвокатов: контролировал выполнение правил внутреннего распорядка; поощрял адвокатов, отличившихся в работе; занимался улучшением их материально-бытовых условий; вел статистическую финансовую отчетность и т.п. Следует заметить, что в принципе эта компетенция президиума коллегии адвокатов не изменилась по сей день.

Положение об адвокатуре 1961 г. четко определяло права и обязанности председателя президиума коллегии адвокатов, а также ревизионной комиссии. В частности, последняя ревизовала финансово-хозяйственную деятельность президиума и юридических консультаций; осуществляла контроль за выполнением постановлений, принятых общим собранием адвокатов; представляла общему собранию отчет о своей деятельности.

В сравнительном плане надлежит отметить, что такие же органы самоуправления (общее собрание, президиум и ревизионную комиссию) имели республиканские, краевые и областные коллегии адвокатов других союзных республик. В РСФСР в коллегиях с числом свыше 300 адвокатов вместо общих собраний созывались конференции. Созыв конференций был предусмотрен и в республиканской коллегии адвокатов Грузии. В Латвийской ССР избирался еще один орган адвокатского самоуправления – коллегия по дисциплинарным делам. В юридической литературе высказывалось обоснованное мнение о целесообразности создания такой коллегии в других союзных республиках¹.

¹ См.: Адвокатура в СССР. С. 39.

Образование коллегий по дисциплинарным делам в областных и им соответствующих коллегиях должно было способствовать более объективному и правильному рассмотрению таких дел, укреплению независимости адвокатов. Однако латвийский опыт не был воспринят другими союзными республиками.

Ликвидация Министерства юстиции Белорусской ССР и его местных органов в 1956–1960 гг., а также изменения в организационной структуре адвокатуры обусловили новое решение вопросов об органах государственного руководства коллегиями адвокатов. Сохранив принцип общего государственного руководства адвокатурой, Положение 1961 г. возложило его на Совет Министров БССР. При этом в ст. 5 указывалось лишь на то, что оплата труда адвокатов производится в соответствии с Инструкцией, утверждаемой Совмином БССР. Аналогичным было решение вопроса о государственном руководстве адвокатурой в Эстонии, Латвии, Молдавии, Азербайджане и Армении. В остальных союзных республиках оно возлагалось на юридические комиссии при советах министров, созданных для кодификации и систематизации законодательства, разработки проектов законов и других нормативных актов, а также выполнения некоторых иных задач.

Четырехлетний опыт применения Положения об адвокатуре в БССР показал, что реорганизация структуры адвокатуры в масштабе республики (образование республиканской коллегии адвокатов и ее органов) хотя и привела к некоторому расширению самоуправления, однако полностью себя не оправдала. Считалось, что необходимо усилить государственное руководство адвокатурой, сделать его более конкретным и повседневным, устранить дублирование в работе республиканского и областных президиумов коллегий адвокатов, укрепить их связь с местными органами.

Вопрос об улучшении руководства адвокатурой явился предметом обсуждения в печати, коллективах адвокатов, работников юстиции, юридической комиссии при Совете Министров БССР. Было выдвинуто предложение о создании Союза и Совета адвокатуры в Беларуси, но оно не получило необходимой поддержки. Большинство адвокатов республики выступило за сохранение государственного руководства адвокатурой. В подтверждение приводились различные мотивы: исторический опыт развития адвокатуры, ее тесная связь с государственными органами, ведущими борьбу с правонарушениями, соображения экономического характера и многие другие. Наиболее отчетливо и аргументированно эта позиция была обоснована Председателем юридической комиссии при Совмине БССР Г.Ф. Басовым. Он отметил, что при

всей специфике организации и деятельности адвокатуры «ее общие задачи во многом совпадают с задачами государственных органов, стоящих на страже законности. Поэтому, хотя советская адвокатура и является добровольной общественной организацией, это не исключает государственного руководства. Юридическая комиссия и облисполкомы должны иметь такие права, которые давали бы им возможность активно влиять на важнейшие стороны организации и деятельности коллегий адвокатов»¹. В силу этого для улучшения государственного руководства адвокатурой Указом Президиума Верховного Совета Белорусской ССР от 15 февраля 1965 г. руководство и контроль за деятельностью коллегий адвокатов возлагались на Юридическую комиссию при Совете Министров БССР и исполнительные комитеты областных Советов депутатов трудящихся. Республиканская коллегия адвокатов и ее президиум упразднились².

Юридическая комиссия наделялась широкими полномочиями. Ей предоставлялись права на проведение ревизий деятельности президиумов коллегий адвокатов и юридических консультаций; на контроль за подбором, расстановкой и воспитанием кадров адвокатов; на отчисление из адвокатуры лиц, принятых с нарушением Положения о ней; на рассмотрение жалоб по постановлениям президиумов об отказе в приеме в коллегии и об исключении из нее адвокатов. Юридическая комиссия проводила с участием представителей общественности аттестацию адвокатов. На нее возлагалось проведение анализа деятельности коллегий адвокатов, т.е. обобщение и распространение положительного опыта работы юридических консультаций и отдельных адвокатов, а также издание соответствующих инструкций, положений и т.д.

На местах контроль за деятельностью коллегий адвокатов в пределах своих полномочий осуществляли исполкомы областных Советов. Они также проверяли работу коллегий адвокатов, заслушивали отчеты председателей президиумов коллегий и ведущих юридических консультаций, давали указания по улучшению их функционирования, утверждали дислокацию юридических консультаций.

Совершенствование организационных форм руководства адвокатурой, проведенное в феврале 1965 г., выразилось также в создании Общественного совета по делам адвокатуры, который был образован при Юридической комиссии при Совете Министров

¹ Соц. законность. 1965. № 5. С. 78.

² СЗ БССР. 1965. № 7. Ст. 66.

БССР в качестве совещательного органа из представителей советских профсоюзных, комсомольских и других организаций, руководящих работников адвокатуры и ученых-юристов. Состав этого совета утверждала Юридическая комиссия.

В соответствии с Положением об Общественном совете по делам адвокатуры, утвержденным Юридической комиссией при Совмине БССР 26 апреля 1968 г., задачами этого органа являлись обсуждение наиболее важных вопросов, относящихся к деятельности адвокатуры, а также разработка рекомендаций и предложений по улучшению ее работы. Общественный совет участвовал в подготовке положений, инструкций и других нормативных актов, касающихся адвокатуры, методических пособий по ее деятельности, давал заключения и консультации по сложным правовым вопросам, возникающим в работе адвокатов, и т.д. Однако надо отметить, что на практике активность этого органа была невысокой.

Юридическая комиссия при Совете Министров БССР в центре и исполкомы в областях в течение пяти лет (1965–1970 гг.) осуществляли руководство адвокатурой в республике. Юридической комиссией была проделана определенная работа по организационному укреплению коллегий адвокатов и улучшению их качественного состава, повышению уровня всей адвокатской деятельности. Она уделяла серьезное внимание контролю за качеством выполнения адвокатами своих профессиональных обязанностей, регулярному проведению обобщений адвокатской практики, распространению положительного опыта работы адвокатов и юридических консультаций. Был разработан и утвержден ряд инструкций, положений и других актов по вопросам организации и деятельности коллегий адвокатов.

Важная роль в улучшении качества профессиональной деятельности адвокатов принадлежала методическим советам. При Президиуме Минской коллегии адвокатов методический совет начал свою работу с марта 1962 г. 28 сентября того же года был образован методический совет при Президиуме коллегии адвокатов БССР. В него вошли 25 представителей всех областных коллегий адвокатов. Позднее были образованы методические советы при всех без исключения президиумах областных коллегий.

Положение о методических советах, утвержденное юридической комиссией при СМ БССР 6 ноября 1967 г., устанавливало, что они состоят из председателя, его заместителя и членов. Состав совета утверждался президиумом областной коллегии адвокатов из числа наиболее опытных и квалифицированных сотрудников на срок полномочий президиума. В заседаниях методических

советов принимали участие члены президиума коллегии адвокатов, ученые-юристы, судьи, прокуроры и практические работники других заинтересованных органов и организаций. Решения методического совета проводились в жизнь, как правило, постановлениями президиума областной коллегии адвокатов.

Методические советы разрабатывали мероприятия по повышению юридической квалификации адвокатов и улучшению качества правовой помощи, содействовали президиумам в организации правовой пропаганды. Изучая и обобщая работу консультаций и адвокатов, они подготавливали рекомендации по распространению положительного опыта и устранению обнаруженных недостатков, выявляли причины нарушений законности и разрабатывали предложения по их ликвидации. Методические советы практиковали также рецензирование текстов выступлений адвокатов в суде, проверку качества составления деловых бумаг, консультирование по вопросам профилактической работы адвокатов, участвовали в решении иных проблем профессиональной деятельности, проводили теоретические конференции, семинары и т.д.

Значительная работа по улучшению качества адвокатской деятельности проводилась в рассматриваемые годы методическим советом Витебской коллегии адвокатов, который совместно с президиумом коллегии обобщил работу адвокатов по юридическому обслуживанию колхозов и совхозов, по участию адвокатов в предварительном следствии, ведению производств по уголовным и гражданским делам и т.п.

Надо отметить, что методическим советам Беларуси оказывали помощь Ленинградский и Московский общественные научно-исследовательские институты судебной защиты. Витала идея о реорганизации одного из них во Всесоюзный общественный научно-исследовательский институт судебной защиты, однако она была претворена в жизнь с большим опозданием. В настоящее время на уровне республики действует постоянная методическая комиссия Республиканской коллегии адвокатов.

В связи с восстановлением в 1970 г. Министерства юстиции СССР, министерств юстиции союзных и автономных республик и образованием отделов юстиции исполкомов областных Советов (в БССР Министерство юстиции и отделы облисполкомов созданы вновь 5 ноября 1970 г.¹) государственное руководство адвокатурой передается органам юстиции, обладающим необходимым опытом, кадрами и материальной базой. Концентрируя в своих руках

¹ См.: СЗ БССР. 1970. № 32. Ст. 456; № 34. Ст. 497.

организационное руководство судами, нотариатом, юридической службой в народном хозяйстве и адвокатурой, выполняя работу по систематизации и кодификации законодательства, подготовке законопроектов и других нормативных актов, министерство юстиции и его органы на местах получили возможность обеспечить взаимодействие в системе юстиции, объединить их усилия по охране прав и законных интересов граждан и организаций, правовому просвещению населения.

Более компетентным и действенным стало руководство коллегиями адвокатов на местах, т.к. оно осуществлялось не исполкомом в целом (что приводило иногда к обезличке и безответственности), а его специальным структурным подразделением – отделом юстиции.

Сочетание общего государственного руководства с самоуправлением в большей мере отвечало задачам адвокатуры, осуществляющей функции, тесно связанные с правоохранительной деятельностью других государственных органов. Установившиеся формы государственного руководства адвокатурой, обеспечивая определенную самостоятельность коллегий адвокатов, способствовали вместе с тем улучшению их деятельности, выполнению адвокатами своих профессиональных обязанностей.

Одними из главных задач органов юстиции при осуществлении контроля за работой коллегий адвокатов на данном этапе являлись совершенствование их деятельности путем разработки методических рекомендаций по всем направлениям адвокатской практики, обеспечение адвокатуры квалифицированными кадрами, их переподготовка и воспитание. Это было прямо отражено в Положении о Министерстве юстиции БССР, утвержденном Советом Министров Белорусской ССР 19 октября 1972 г.¹ в соответствии с Положением о Министерстве юстиции Союза ССР от 21 марта 1972 г.²

Принимались также меры по совершенствованию аналитической работы, организации труда и режима рабочего времени, повышению уровня культуры в деятельности всех юридических учреждений, в том числе и адвокатуры. К этому времени она была укомплектована квалифицированными юристами, способными выполнять свои профессиональные обязанности на надлежащем уровне. По состоянию на 1 января 1971 г. среди 390 адвокатов республики 351 (90 %) имели высшее юридическое образование,

¹ СЗ БССР. 1972. № 30. Ст. 485.

² Собрание постановлений правительства СССР. 1972. № 6. Ст. 32.

214 (54 %) – стаж работы в адвокатуре свыше 10 лет, 160 (41 %) – являлись лицами коренной национальности, 155 (39 %) – женщинами¹.

Значительные достижения в качественном составе адвокатуры стали результатом напряженной и систематической организаторской работы с кадрами повышению их профессионального мастерства и нравственному воспитанию. Важнейшим средством изучения и воспитания адвокатских кадров, улучшения их профессиональной деятельности по-прежнему являлась аттестация адвокатов. 30 января 1969 г. была утверждена Инструкция «О порядке проведения аттестации адвокатов Белорусской ССР», согласно которой аттестация проводилась один раз в три года, а в необходимых случаях – и досрочно. Для аттестации создавались областные аттестационные комиссии, в состав которых, наряду с адвокатами, входили работники правоохранительных органов, судьи, представители органов власти и профсоюзов. Выводы аттестационных комиссий могли быть обжалованы в десятидневный срок в президиум областной коллегии адвокатов, а решения президиума – в Юридическую комиссию при Совете Министров БССР (позднее – в Министерство юстиции БССР) в течение месяца со дня принятия решения.

В эти годы стало больше внимания уделяться росту численности коллегии адвокатов за счет молодых специалистов. До 1965 г. в адвокатуру принимались в основном лица, имевшие опыт судебной и прокурорской работы. Это привело в конечном итоге к высокому возрастному составу, «постарению» коллегий адвокатов. Так, в 1967 г. из общего числа адвокатов (349) до 30 лет насчитывалось 23 (6,5 %), от 30 до 40–49 (14 %), от 40 до 50 – 177 (50 %), от 50 до 60 – 84 (24 %), свыше 60 лет – 16 (4,5 %) адвокатов².

С каждым годом расширялся прием в адвокатуру лиц, окончивших юридический факультет Белорусского государственного университета. Однако по-прежнему возрастной уровень членов коллегии адвокатов оставался высоким. Предстояло обеспечить разумное сочетание опытных и молодых кадров с тем, чтобы использовать профессиональный и жизненный опыт, социальную зрелость одних, энергию, трудоспособность, инициативность, чувство нового – других.

Жизнь диктовала повышение требований к лицам, принимаемым в адвокатуру. В частности, обсуждался вопрос о продлении для молодых специалистов продолжительности стажировки хотя

¹ См.: Архив Министерства юстиции БССР за 1971 г.

² См.: Архив Юридической комиссии при СМ БССР за 1968 г., д. № 44. С. 50.

бы до года вместо шести месяцев (ч. 2 ст. 8 Положения). Поучителен в этом отношении был и опыт стран, в которых срок стажировки для зачисления в адвокатуру был два или три года (Чехословакия, Венгрия, Польша).

Весьма актуальным для республики оставался вопрос о создании стационарных консультационных пунктов в каждом районе. В 1970 г. 22 района не имели юридических консультаций из-за отсутствия адвокатов, в 1971 г. – 16 районов. Ликвидации неукомплектованности юридических консультаций в отдельных сельских районах могло способствовать более широкое совместительство для адвокатов. Однако действовавшее законодательство устанавливало, что члены коллегии адвокатов не могут состоять на службе в государственных, кооперативных и общественных предприятиях, учреждениях и организациях. Исключение допускалось президентом коллегии адвокатов для лиц, занимавшихся педагогической или научной работой¹. Необходимость расширения случаев совместительства для адвокатов в тех районах, где объем работы невелик и не может обеспечить полной нагрузки и достаточный заработок, становилась очевидной. Однако главный путь решения этой проблемы по-прежнему был в увеличении числа направляемых в коллегии адвокатов выпускников университета. Общая численность адвокатов в республике несмотря на возросшие задачи и расширение правовой помощи продолжала оставаться очень низкой (в среднем один адвокат на 23,6 тыс. населения). В связи с этим рост количественного состава адвокатуры был одной из насущных задач ближайших лет.

Требовали своего решения и проблемы дальнейшей подготовки кадров для адвокатуры, более глубокого ознакомления со спецификой ее организации и деятельности студентов-юристов, включения в учебный план юридического факультета БГУ спецкурсов и спецсеминаров по адвокатуре. Повышению профессиональной подготовки адвокатов, как и юристов в целом, способствовало открытие в Москве Всесоюзного института работников юстиции, а также республиканских курсов повышения их квалификации, в том числе и в Беларуси.

В эти годы все отчетливее проводилась мысль о необходимости профессиональной ориентации и профессионального отбора по таким юридическим специальностям, как судебная и следственная деятельность. Вряд ли нужно доказывать, что это полностью относится и к адвокатской профессии, которая также предполагает

¹ СЗ БССР. 1966. № 2. Ст. 261.

наличие у лиц, ею занимающихся, определенных моральных и психологических свойств. Между тем профессиография адвокатской деятельности до сего времени еще не стала предметом серьезных научных изысканий. Юристам и психологам предстояло выработать на этот счет научно обоснованные рекомендации. Совершенно очевидно, что в перспективе научный подбор кадров должен был стать необходимым элементом их подготовки по всем юридическим специальностям.

Со временем стала более доступной, качественной и разнообразной по формам организации консультационная помощь адвокатов, назначение которой, как известно, состоит в том, чтобы правовыми советами, справками и разъяснениями норм права способствовать гражданам в восстановлении нарушенных прав или защите законных интересов, в предотвращении необоснованных конфликтов или устранении допущенных нарушений законности. Консультационная деятельность членов коллегий адвокатов – действительная форма правового просвещения и пропаганды законодательства.

За 10 лет (с 1960 по 1970 г.) число обращений граждан Беларуси за разъяснениями и советами по правовым вопросам возросло на 60 %. В 1970 г. за помощью в юридические консультации республики обратилось свыше 126 тыс. человек. Адвокаты коллегий дали 43 439 устных советов, из них 39 030 – бесплатных¹.

Надо отметить, что режим работы юридических консультаций в целом обеспечивал реальное получение квалифицированной юридической помощи нуждавшимся. Во многих городских и групповых консультациях были установлены дежурства в вечерние часы и субботние дни.

Значительное распространение получает в это время организация пунктов юридической помощи населению на общественных началах (на предприятиях, избирательных пунктах, в организациях, приемных исполкомов, редакциях газет и т.д.). Уже в 1967 г. Президиумом Минской областной коллегии адвокатов были организованы юридические консультации на общественных началах при Минском авторемонтном заводе с обслуживанием работников фабрик «Коммунарка» и им. Крупской, на камвольном комбинате, в колхозе «Советская Белоруссия» Любанского района и на других предприятиях. Адвокаты Минска стали регулярно дежурить в горисполкоме и исполкомах районных Советов. К концу 1971 г. в республике насчитывалось 250 пунктов юридической помощи

¹ См.: Архив Юридической комиссии при СМ БССР за 1970 г.

населению на общественных началах. Во всех таких пунктах дежурили адвокаты, которые давали советы и разъяснения по самым разнообразным вопросам жилищного, трудового, пенсионного, семейного законодательства, составляли необходимые заявления, жалобы и другие правовые документы. Таким образом, каждый гражданин по месту работы или жительства мог в удобное для него время получить необходимую юридическую справку или совет.

Одной из новых форм работы адвокатов после принятия общесоюзных и республиканских законов по уголовному судопроизводству в 1958–1960 гг. стало их участие на предварительном следствии в качестве защитников обвиняемых, представителей потерпевших, гражданских истцов и ответчиков. УПК БССР, как и УПК других союзных республик, в соответствии с Основами уголовного судопроизводства допустил защитника к участию на предварительном следствии с момента объявления обвиняемому об окончании предварительного следствия и предъявления ему для ознакомления всего производства по делу. По делам о преступлениях несовершеннолетних, а также лиц, которые в силу физических или психических недостатков не могли сами осуществлять свое право на защиту, защитник допускался к участию в деле с момента предъявления обвинения. При этом он был наделен правами, которые обеспечивали его активное участие в этой стадии процесса в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность, и оказания ему необходимой юридической помощи. С момента допущения к участию в деле защитник был вправе иметь свидание с обвиняемым, знакомиться со всеми материалами дела и выписывать из него необходимые сведения, представлять доказательства, заявлять ходатайства, участвовать в судебном разбирательстве, заявлять отводы, приносить жалобы на действия и решения следователя, прокурора и суда. Кроме того, с разрешения следователя защитник мог присутствовать при допросах обвиняемого и при производстве иных следственных действий, выполняемых по ходатайствам обвиняемого или его защитника (ч. 2 ст. 53 УПК БССР 1960 г.).

Участвуя на предварительном следствии в качестве представителей потерпевших, гражданских истцов и ответчиков, адвокаты от имени и в интересах своих доверителей совершали предусмотренные законом процессуальные действия, осуществляли определенные процессуальные права и обязанности (ст. 24–26 Основ уголовного судопроизводства, ст. 54–56 УПК БССР 1960 г.).

Практика участия адвокатов на предварительном следствии подтвердила эффективность этой формы адвокатской деятельности, обеспечивающей права и законные интересы обвиняемого и других участников процесса, способствующей повышению качества предварительного следствия и судебного разбирательства, укреплению законности в уголовном судопроизводстве. Знакомясь с материалами дела или присутствуя при производстве отдельных следственных действий, заявляя обоснованные ходатайства или представляя доказательства, оказывая необходимую правовую помощь подзащитному, адвокат содействует всестороннему, полному и объективному проведению следствия, предотвращению случаев необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности и других следственных и судебных ошибок.

В БССР были признаны обоснованными и удовлетворены следователями в 1968 г. – 48,3 %, 1969 г. – 45,6 %, 1971 г. – 47 % ходатайств, заявленных адвокатами на предварительном следствии¹. Надо отметить, что примерно такие же показатели в эти годы были и в других союзных республиках. Так, в РСФСР из общего числа заявленных адвокатами в 1970 г. ходатайств следователями удовлетворено 40 %².

Не было недостатка в конкретных примерах, когда по ходатайствам адвокатов, заявленных на предварительном следствии, не только уточнялись существенные обстоятельства дела, изменялась квалификация преступления, но и исклучались из обвинения отдельные эпизоды и даже прекращались дела производством. Вот один из многочисленных примеров того времени.

Адвокат юридической консультации г. Волковыска и Волковыского района Ш. при ознакомлении с материалами следственного производства по делу К. заявил ходатайство о прекращении дела производством за отсутствием состава преступления. К. обвинялся в том, что, работая шофером автобазы № 6 Волковыска, отмечал в путевых листах сведения о доставке не получаемых им грузов. В силу этого он якобы переполучил зарплату в сумме 1118 руб.

Адвокат заявил ходатайство о прекращении дела в связи с тем, что предложение о заполнении путевых листов на доставку груза исходило по обоюдной согласованности от администрации мясокомбината и автобазы, а путевые листы подписывались должностными лицами мясокомбината. Доводы адвоката были признаны убедительными. Дело в отношении К. было прекращено.

¹ См.: Архив Юридической комиссии при СМ БССР. 1968, д. № 7, л. 32; 1970, д. № 5–38, л. 2.

² Сов. юстиция. 1971. № 9. С. 21.

В первые годы после введения нового законодательства участие адвокатов на предварительном следствии было незначительным. Для повышения активности адвокатов в этой стадии уголовного процесса осуществлялись различные организационные и методические мероприятия.

Уже в 1963 г. методическим советом Минской областной коллегии адвокатов на основе глубокого изучения практики участия адвокатов на предварительном следствии был составлен обстоятельный обзор, который обсуждался на производственных совещаниях юридических консультаций республики. По результатам обсуждений намечались меры по повышению активности адвокатов, устранению тех причин, которые мешали их эффективному участию в указанной стадии судопроизводства по уголовным делам. Так, производственное собрание адвокатов Могилевской городской юридической консультации, обсудив данный обзор 11 марта 1964 г., постановило: а) просить Президиум коллегии адвокатов БССР обратиться с письмом к прокурору БССР о даче указаний следственным работникам республики по вопросу участия защиты на предварительном следствии; б) обратиться в Верховный суд Белорусской ССР о разъяснении судам порядка взыскания гонорара за участие адвокатов на предварительном следствии по требованию следственных органов; в) заведующему юридической консультации ежемесячно требовать от адвокатов производства по делам, проведенным на предварительном следствии; г) методическому совету изучить практику участия адвокатов на предварительном следствии за первое полугодие 1964 г.¹ Значительная работа в этой сфере была проведена отделом адвокатуры Юридической комиссии при Совмине БССР, а в последующем – Министерстве юстиции и его органов на местах.

Обобщая практику участия адвокатов на предварительном следствии, отдел адвокатуры внес ряд предложений и провел определенные мероприятия для улучшения этой работы. Справка об участии адвокатов на предварительном следствии была направлена во все президиумы коллегий адвокатов с просьбой обсудить данный вопрос на президиуме, производственных совещаниях или общих собраниях и наметить конкретные меры по повышению эффективности участия адвокатов на предварительном следствии.

Юридическая комиссия при Совете Министров БССР в письме на имя министра охраны общественного порядка (ныне министр

¹ См.: Архив Юридической комиссии при СМ БССР. 1967, д. № 7–43, л. 147–149.

внутренних дел) указала на то, что отдельные следователи вопреки требованиям закона не обеспечивали возможности реального осуществления права обвиняемого пользоваться помощью защитника на предварительном следствии, без достаточных оснований отказывали в удовлетворении заявленных защитниками ходатайств, что, кстати, нередко имеет место и в настоящее время. Это письмо обсуждалось на областных семинарах следователей, были приняты меры к недопущению нарушений права обвиняемого на защиту¹.

Благодаря принятым мерам участие адвокатов на предварительном следствии в качестве защитников обвиняемых становилось все более эффективным. Например, на предварительном следствии в 1964 г. участвовали адвокаты по 10,8 %, в 1965-м – по 12,1 % уголовных дел, оконченных следователями. В большинстве же дел адвокаты участвовали с момента окончания предварительного следствия, т.е. в заключительной части данной стадии уголовного процесса. Это снижало эффективность защиты прав и законных интересов обвиняемых и других участников уголовного судопроизводства.

Практика показывает, что количество дел, в которых принимало участие адвокаты, все еще недостаточно. Тем более надо учитывать и то обстоятельство, что в их число входят и дела, по которым участие адвоката обязательно по закону.

Важно также повысить качество ведения дел и ответственность адвокатов за выполнение своих обязанностей. Не все из них заявляют необходимые ходатайства и обжалуют необоснованные постановления следователя об отказе в их удовлетворении, пользуются правом возбуждения ходатайств на ранних стадиях их участия в судопроизводстве.

В литературе совершенно справедливо отмечалось, что причинами невысокой и не всегда эффективной работы адвокатов на предварительном следствии являются: недооценка значения участия защитника в этой стадии процесса, связанная с неправильным пониманием соотношения предварительного следствия и судебного разбирательства; пассивность адвокатов, не использующих предоставленные им законом права и не выполняющих своих профессиональных обязанностей; теоретическая неразработанность методики и тактики осуществления защиты на предварительном следствии; отсутствие изучения этой работы президиумами коллегий адвокатов и т.д.² Устранение отмеченных

¹ См.: Архив Юридической комиссии при СМ БССР. 1967, д. № 7–43, л. 147–149.

² См.: Сов. адвокатура. М., 1968. С. 57–60.

недостатков – неперенное условие повышения эффективности участия адвокатов на стадии предварительного производства.

Следует отметить, что позитивным сдвигам способствовало дальнейшее расширение участия защитника в уголовном судопроизводстве и, в частности, на предварительном следствии, предусмотренное указами Президиума Верховного Совета СССР от 31 августа 1970 г. и 3 февраля 1972 г.¹ Сохранив общее правило о допуске защитника в дело с момента объявления обвиняемому об окончании предварительного следствия и предъявления ему для ознакомления всего производства, законодатель вместе с тем установил, что как при судебном разбирательстве, так и на предварительном следствии обязательно участие защитника по делам несовершеннолетних, немых, глухих, слепых и других лиц, которые в силу физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту. В этих случаях защитник допускается к участию в деле с момента предъявления обвинения. По делам лиц, не владеющих языком судопроизводства, а также лиц, обвиняемых в совершении преступлений, за которые в качестве меры наказания может быть назначена смертная казнь, участие защитника обязательно с момента объявления обвиняемому об окончании предварительного следствия и предъявления ему для ознакомления всего производства по делу.

Многие советские процессуалисты высказывались за более последовательное решение данного вопроса, предлагая допустить защитника ко всем без исключения уголовным делам с момента предъявления обвинения². Однако его решение на законодательном уровне затянулось на многие годы и осуществлялось в несколько этапов. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 г. в ч. 3 ст. 44 предусмотрел допуск защитника к участию в уголовном деле с момента вынесения в отношении лица постановления о возбуждении уголовного дела, а также с момента фактического задержания, применения меры пресечения, признания лица подозреваемым или предъявления обвинения. Тем самым вопрос о допуске защитника в белорусский уголовный процесс решен весьма радикально и демократично. Теперь главная задача состоит в том, чтобы оптимально использовать те возможности для эффективного участия адвокатов на предварительном следствии, которые предоставляет действующее уголовно-процессуальное законодательство.

¹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. № 36. Ст. 362; 1972. № 6. Ст. 51.

² См.: Алексеев Н.С., Лукашевич В.З. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве. Л., 1970. С. 176–178.

Важнейшей формой работы адвокатов в рассматриваемые годы по-прежнему являлось участие их в суде по уголовным и гражданским делам в качестве защитников подсудимых, представителей потерпевших, гражданских истцов, ответчиков, третьих лиц. Участвуя в судебном разбирательстве, а также в кассационном и надзорном производстве, адвокаты защищали и защищают в настоящее время права и законные интересы соответствующих участников процесса, оказывают помощь суду в установлении истины и принятии правильного решения по делу.

Как показывала адвокатская практика тех лет, при ведении дел адвокаты, как правило, добросовестно изучали материалы дел, активно участвовали в исследовании доказательств, занимали обоснованную позицию, которую последовательно и принципиально отстаивали в жалобах и судебных инстанциях. В обзорах, докладах и отчетах об адвокатской деятельности 70–80-х годов прошлого столетия приводятся яркие примеры эффективного осуществления адвокатами их профессиональных обязанностей в уголовном судопроизводстве, когда по их ходатайствам прекращались дела, выносились оправдательные приговоры, исключались из обвинения отдельные эпизоды и целые составы преступлений, переквалифицировались деяния на закон, предусматривающий более мягкую меру наказания, осужденные передавались на перевоспитание коллективам трудящихся и т.д.

Правильно и принципиально провел защиту адвокат Витебской юридической консультации М. по делу Б., обвинявшегося по ч. 2 ст. 206 УК БССР. Подсудимому вменялось в вину то, что он, управляя автомашиной такси «Волга», проявил невнимательность, свел ее в кювет, в результате чего она опрокинулась и разбилась, а пассажиры получили тяжкие телесные повреждения.

Ознакомившись с делом и местом происшествия, адвокат на предварительном следствии заявил ходатайство о допросе ряда лиц и о проведении дополнительной автотехнической экспертизы. Новые фактические данные привели адвоката к твердому убеждению, что причиной автоаварии была техническая неисправность, обусловленная заводским дефектом. Адвокат ходатайствовал о прекращении дела, а когда его просьба не была поддержана следователем и прокурором, он продолжал отстаивать свою позицию в суде. Народный суд Лиозненского района, согласившись с доводами адвоката, вынес оправдательный приговор. Одновременно было отказано в гражданском иске. Областной суд оставил приговор без изменения.

Можно привести немало фактов успешного ведения адвокатами гражданских дел. Адвокат О. из г. Гродно представляла в суде интересы истицы К. о признании права собственности на $\frac{1}{2}$ домовладения, приобретенного Р. при совместном с ним проживании. Придя к выводу о наличии юридических оснований для удовлетворения иска, адвокат просила суд признать право собственности за истицей на указанную часть домовладения. Народный суд в иске К. отказал по тем основаниям, что истица не представила суду доказательства, опровергающие утверждение ответчика, будто домовладение приобретено им на свои средства. По просьбе адвоката решение было отменено, а дело передано на новое рассмотрение. В конце концов исковые требования истицы суд удовлетворил полностью.

Высокий профессионализм проявил и ее коллега Х. Убежденный в правоте исковых требований своего доверителя Б., он последовательно отстаивал его законные интересы на протяжении нескольких лет во многих судебных инстанциях республики, включая Верховный суд. В итоге, несмотря на сложность возникшего между бывшими супругами жилищного спора, исковые требования Б. о признании права пользования жилым помещением и разделе квартиры были удовлетворены Гродненским областным судом¹.

Одной из важных задач было и остается повышение активности адвокатов по ведению гражданских дел. Участвуя в качестве поверенных при их рассмотрении, адвокаты способствуют быстрому, объективному и правильному разрешению таких дел судом, защите трудовых, жилищных, имущественных и иных прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Характеризуя деятельность адвокатов в упомянутые годы, необходимо отметить, что в это время наблюдается улучшение правового обсуждения сельскохозяйственного производства. В БССР, как и по всей стране, до 1966 г. правовая помощь колхозам и совхозам надлежащим образом не была организована. Она оказывалась непостоянно, недостаточно квалифицированно и эффективно. В связи с этим правительство республики обязало Министерство сельского хозяйства БССР и его органы на местах, Юридическую комиссию при Совмине БССР, облисполкомы и райисполкомы организовать работу по юридическому обслуживанию колхозов коллегиями адвокатов на договорных началах.

¹ См.: Сборник речей адвоката М.И. Хвесени по уголовным делам. Гродно, 2000. С. 135–144.

Весной 1966 г. был разработан и утвержден Примерный договор по юридическому обслуживанию колхозов, в котором определялись предмет договора, обязанности юридической консультации и колхоза, порядок учета названной работы и расчета колхоза с юридическими консультациями. Это явилось началом организаторской деятельности по заключению договоров на юридическое обслуживание колхозов, подготовке адвокатов к квалифицированному выполнению своих обязанностей (изучение ими законодательства, регулирующего хозяйственно-финансовую деятельность колхозов, проведение соответствующих семинаров, собраний, проверок и т.д.). В итоге юридическое обслуживание сельскохозяйственного производства и по количественным, и по качественным показателям заметно улучшилось. Если в 1964 г. оказывалась правовая помощь 3 колхозам, а в 1965 г. – 15, то на 1 октября 1966 г. – 157, на 1 апреля 1967 г. – 289 колхозам, в том числе 81 из них – на общественных началах, на 1 января 1968 г. – 318 колхозам (75 – на общественных началах).

Правовой базой для дальнейшего улучшения данной работы послужило постановление Совета Министров Белорусской ССР от 20 сентября 1968 г. «Об улучшении юридического обслуживания колхозов и совхозов республики». Согласно этому постановлению должны были осуществляться меры по расширению юридического обслуживания колхозов коллегиями адвокатов на договорных началах. Такая же форма правовой помощи распространялась на совхозы и другие сельскохозяйственные предприятия. Юридической комиссии предписывалось осуществлять систематический контроль за качеством проводимой адвокатами работы по юридическому обслуживанию колхозов и совхозов, обобщать и распространять имеющийся положительный опыт, считать эту деятельность одной из главных задач юридических консультаций. Наряду с этим правлениям сельскохозяйственных артелей рекомендовалось привлекать при необходимости на постоянную работу в колхозы юрисконсультов, а Министерству сельского хозяйства БССР – рассмотреть вопрос о введении в штаты крупных совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий такой должности; организовать при районных производственных управлениях сельского хозяйства межколхозные претензионно-правовые группы для юридического обслуживания колхозов на договорных началах.

Претворение в жизнь указанного постановления началось сразу же после его принятия. К этому времени коллегии адвокатов оказывали правовую помощь 369 колхозам и 119 совхозам, что

соответственно составляло 16,5 и 16,9 %. Спустя три месяца после принятия названного постановления (январь 1969 г.), количество обслуживаемых колхозами адвокатов возросло до 382, а совхозов – до 153. Одновременно повысилась и результативность работы, увеличилась сумма присуждения по удовлетворенным искам¹. Таким образом, адвокаты республики в рассматриваемые годы оказывали правовыми средствами, которыми они располагали, существенную помощь сельскохозяйственным предприятиям в защите их имущественных прав и интересов, во взыскании дебиторской задолженности и причиненного ущерба. Например, к колхозу «Красный луч» Слуцким сахарным заводом была предъявлена претензия на сумму 2137 руб. в возмещение ущерба (уплаты пени и неустойки за непоставку значительного количества сахарной свеклы). Условия договора действительно не были выполнены: свекла не была поставлена заводу. Адвокат Е. (Минская областная коллегия) в возражении на претензию документально доказал, что в связи с проливными дождями погиб урожай на площади 33 га. А в соответствии с п. 33 Типового договора, утвержденного Советом Министров БССР 25 октября 1963 г., хозяйства освобождаются от ответственности за невыполнение обязательств по договору, если они не были выполнены вследствие стихийного бедствия. Возражения были признаны основательными².

В другом случае адвокат Гомельской консультации составил обоснованную, с правильным расчетом претензию в пользу одного из колхозов к высококомонтажной конторе глубокого разведочно-го бурения за уничтожение колхозных посевов и поломку мостов во время производственных работ. Претензия была удовлетворена, и деньги перечислены на счет колхоза³.

Создание в республике в конце 1968 г. межколхозных претензионно-правовых групп при районных управлениях сельского хозяйства привело к расторжению многих договоров между юридическими консультациями и колхозами, совхозами. В силу ряда причин (территориальная отдаленность юридических консультаций от обслуживаемых хозяйств, недостаточное знание адвокатами специфики работы в них, отсутствие у хозяйств материальной заинтересованности) экономическая эффективность работы штатных сельских юрисконсультов была выше, чем у адвокатов. Однако многие колхозы и совхозы по-прежнему ведь нуждались в правовой помощи. Поэтому в обязанность коллегий адвокатов

¹ Архив Юридической комиссии при СМ БССР. 1969, д. № 7–51, л. 81.

² Там же, л. 85.

³ Там же. 1970, д. № 5–45.

входило охватывать юридическим обслуживанием все хозяйства, которые не входили в сферу деятельности претензионно-правовых групп. Коллегиями адвокатов БССР был накоплен значительный опыт по юридическому обслуживанию сельскохозяйственных предприятий. Правовая помощь колхозам и совхозам осуществлялась в следующих основных формах: принятие мер к ликвидации дебиторской задолженности; подготовка и ведение судебных и арбитражных дел по взысканию ущерба, причиненного недостатками и падежом скота; составление и визирование проектов договоров и иных документов правового характера (претензий, доверенностей, рекламаций и т.п.); дача заключений и консультаций по правовым вопросам, возникавшим в повседневной деятельности колхозов и совхозов; пропаганда юридических знаний и оказание правовой помощи товарищеским судам, народным дружинам и т.д. Используя проверенные практикой формы юридического обслуживания сельскохозяйственных предприятий, коллегии адвокатов способствовали укреплению законности в их финансово-хозяйственной деятельности, росту этой сферы производства.

Осознание роли юридической службы в народном хозяйстве страны нашло отражение в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 декабря 1970 г. «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве»¹. В нем указывалось, что в условиях экономической реформы в целях укрепления государственной, плановой и трудовой дисциплины необходимо решительно улучшить правовую службу, повысить ее эффективность. Важным организационным средством решения данной задачи явилось возложение на министерства юстиции союзных республик и, в частности, Минюст БССР, методического руководства правовой работой в народном хозяйстве. Органы юстиции знакомились с состоянием этой деятельности в министерствах, ведомствах, на предприятиях, в организациях и учреждениях, изучали и обобщали практику постановки и эффективности правовой работы и давали необходимые рекомендации по ее улучшению.

Совершенствование юридической службы в системе народного хозяйства активизировало и деятельность адвокатов по юридическому обслуживанию государственных предприятий и хозяйственных организаций, имевших договоры с юридическими консультациями. Наряду с юрисконсультами и юридическими отделами адвокаты оказывали положительное влияние на укрепление

¹ Собрание постановлений Совета Министров СССР. 1971. № 1. Ст. 1.

хозяйственного расчета, финансовой дисциплины, выполнение плановых заданий и договорных обязательств.

Учитывая важную роль правовой службы в народном хозяйстве, министр юстиции БССР А.А. Зданович, выступая на республиканской научно-практической конференции (сентябрь 1971 г.), посвященной совершенствованию этой работы и улучшению правового воспитания населения, указывал на необходимость обеспечения юридическим обслуживанием всех без исключения предприятий промышленности, сельского хозяйства и строительных организаций¹. Это значит, что одними из ответственных задач адвокатуры на предстоящие годы по-прежнему оставались оказание правовой помощи предприятиям, учреждениям, колхозам и совхозам, совершенствование и расширение данной работы.

В рассматриваемые годы в республике, как и по всей стране, продолжали обсуждаться вопросы оплаты труда адвокатов. В 1965 г. принимаются меры по ее упорядочению по государственной линии. На основе соответствующих общесоюзных нормативных актов в БССР 30 ноября 1965 г. Правительством республики были утверждены Положение об оплате труда адвокатов и Инструкция о порядке оплаты юридической помощи, оказываемой адвокатами гражданам, предприятиям, учреждениям, совхозам, колхозам и другим организациям². Положение и Инструкция вводились в действие с 1 января 1966 г.

По Положению оплата труда адвокатов определялась в зависимости от количества и качества затраченного труда и должна была способствовать улучшению юридической помощи, правильному распределению работы среди адвокатов и организации их труда. Введенная система оплаты устанавливала максимум и гарантированный минимум заработка. Тем самым обеспечивалась определенная устойчивость оплаты труда адвокатов, сокращался большой разрыв в их материальной обеспеченности, но при этом сохранялся принцип вознаграждения в соответствии с качеством и количеством выполненной работы. Месячный размер оплаты труда адвокатов определялся общим собранием коллегии адвокатов в зависимости от финансового состояния коллегии. Дополнительные начисления из суммы, оставшейся после определения адвокату месячного размера оплаты труда и соответствующего отчисления в фонд президиума коллегии, не могли превышать половины установленного адвокату месячного оклада. В случаях, когда

¹ Сов. Белоруссия. 1971. 12 сент.

² СЗ БССР. 1965. № 37. Ст. 438.

заработок оказывался менее установленного гарантийного минимума, президиум коллегии адвокатов при наличии уважительных причин производил доплату из средств своего фонда.

Оплата труда стажеров устанавливалась в размере, обеспечивающем необходимый прожиточный минимум. Положением определены твердые должностные оклады председателям президиумов коллегий адвокатов, их заместителям и заведующим юридическими консультациями. Они также получали соответствующее вознаграждение и за оказание юридической помощи, однако общий их заработок не должен был превышать установленного максимума.

Инструкция о порядке оплаты юридической помощи, оказанной адвокатами гражданам, предприятиям, учреждениям, совхозам, колхозам и другим предприятиям, подробно регламентировала все вопросы, связанные с оплатой всех видов юридических услуг. Размеры этой оплаты определялись в каждом конкретном случае заведующим юридической консультацией по соглашению с лицом, обратившимся за помощью, с соблюдением установленных правил и таксы. Предусмотрены были предельные размеры платы за составление правовых документов и дачу советов по сложным правовым вопросам, за ведение гражданских, административных и уголовных дел, оказание юридической помощи предприятиям, учреждениям, совхозам, колхозам и другим организациям.

Во многих случаях юридическая помощь оказывалась адвокатами бесплатно: дача гражданам разъяснений и справок по юридическим вопросам, кроме случаев, требовавших ознакомления с судебными и иными документами; ведение дел по искам о взыскании алиментов; трудовых дел о возмещении вреда иждивенцам умершего; при составлении заявлений о назначении пенсий и пособий; заявлений и жалоб и других правовых документов (без ознакомления с судебным делом) военнослужащим срочной службы, а также инвалидам I и II групп; при составлении заявлений, жалоб и даче советов на предприятиях, в учреждениях, совхозах, колхозах и других организациях, в приемных исполкомов Советов, военкоматах и на агитпунктах; ведение дел по искам колхозников к колхозам о взыскании оплаты по трудодням. При ведении перечисленных выше категорий дел бесплатная помощь оказывалась только истцам по делу (ст. 4 Инструкции).

Надо отметить, что невысокие размеры оплаты за юридическую помощь, широкий перечень случаев ее бесплатного оказания, а также сохранение за президиумами коллегий адвокатов и заведующими юридическими консультациями права с учетом

материального положения граждан полностью освободить их от платы за юридические услуги обеспечивали ее доступность для населения.

Практика применения Положения об оплате труда адвокатов в республике показала преимущества новой системы перед ранее действовавшей. Вместе с тем не исключалась необходимость ее совершенствования в будущем.

В рассматриваемый период были значительно улучшены условия работы адвокатов. Правительством республики предлагалось исполкомам местных Советов обеспечить юридические консультации надлежащими служебными помещениями. В соответствии с этим многие из них, особенно в столице, получили пригодные для обслуживания населения и организаций помещения. Однако в целом условия работы адвокатов еще не отвечали требованиям времени и тучной организации труда.

В целях контроля за деятельностью юридических консультаций, обобщения адвокатской практики и проведения кодификационно-справочной работы при президиумах некоторых коллегий адвокатов в 1967 г. вводились должности ревизоров-методистов и кодификаторов. На них назначались наиболее опытные, теоретически подготовленные адвокаты с сохранением за ними права заниматься своей привычной деятельностью. Это не снимало, однако, проблемы совершенствования кодификационно-справочной работы в коллегиях адвокатов и юридических консультациях, поскольку четкая и рациональная организация информационно-справочной службы в адвокатуре создает условия для эффективной работы адвокатов, способствует повышению их профессионального мастерства, качества и культуры юридического обслуживания.

Определенным рубежом в развитии адвокатуры советского периода явилось принятие Конституции СССР 1977 г. (ст. 161) и Конституции БССР 1978 г. (ст. 160), в которых впервые на высшем юридическом уровне закреплялось правовое положение коллегий адвокатов, указывалось на бесплатное оказание юридической помощи гражданам в случаях, предусмотренных законом, на регулирование организации и деятельности адвокатуры законодательством Союза ССР и БССР. В соответствии с этим 30 ноября 1979 г. принимается Закон СССР «Об адвокатуре в СССР»¹ и 21 мая 1981 г. Положение «Об адвокатуре в Белорусской ССР»².

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 49. Ст. 846.

² СЗ БССР. 1981. № 15. Ст. 296.

Сохраняя необходимую преемственность, новый нормативный акт об адвокатуре республики более всесторонне и совершенно регламентировал организацию и функционирование коллегий адвокатов, юридических консультаций, права и обязанности членов коллегий, их поощрение и дисциплинарную ответственность, взаимоотношения адвокатуры с государственными органами и общественными организациями, а также регулирование оплаты труда адвокатов и др.

Давая примерный перечень видов юридической помощи, оказываемой адвокатами, Положение об адвокатуре БССР впервые предусмотрело осуществление представительства по делам об административных правонарушениях (ст. 19). Тем самым адвокаты были допущены в административный процесс, значительно усилилась защита прав и законных интересов граждан в сфере управленческих общественных отношений.

Устанавливался и более строгий подход к приему в адвокатуру. В отличие от Положения об адвокатуре 1961 г. не был предусмотрен даже в виде исключения прием в коллегии адвокатов лиц, имевших среднее юридическое образование и стаж работы по специальности юриста не менее 5 лет. Согласно ст. 12 этого Положения в члены коллегий адвокатов могли быть приняты граждане СССР, имевшие высшее юридическое образование и стаж работы по специальности юриста не менее двух лет. Прием в члены коллегий мог быть обусловлен прохождением испытательного срока продолжительностью до трех месяцев. Срок стажировки для лиц, окончивших высшие юридические учебные заведения и не имевших практического стажа по специальности, увеличивался (от шести месяцев до одного года). И еще. Не допуская по-прежнему совместительство для членов коллегий адвокатов, Положение 1981 г. расширяло перечень исключений из этого правила. В частности, совместительство допускалось также для членов коллегий, работавших в районах, в которых объем адвокатской работы являлся недостаточным.

Действовавший ранее принцип материальной независимости адвокатуры от государственных и общественных организаций ст. 22 Положения дополняла широким перечнем случаев бесплатного оказания юридической помощи коллегиями адвокатов, причем этот перечень не был исчерпывающим. Устанавливалось, что юридическая помощь оказывается бесплатно и в других случаях, предусмотренных законодательством. Кроме того, ведущий юридической консультацией, президиум коллегии адвокатов, а также орган предварительного следствия, прокурор и суд,

в производстве которых находится дело, вправе, исходя из имущественного положения гражданина, освободить его полностью или частично от оплаты юридической помощи. При этом оплата труда адвоката соответственно производилась из средств коллегии или за счет государства. Эти нормы, обеспечивая право обвиняемого на защиту, воспроизведены в ныне действующем законодательстве.

Одной из новаций анализируемого акта законодательства 1981 г. являлось то, что при сохранении прежней организационной структуры адвокатуры в Белорусской ССР наряду с областными предусматривалась Минская городская коллегия адвокатов, а также (с согласия Министерства юстиции СССР) допускалось образование межтерриториальных и других коллегий адвокатов (ст. 3 положения).

Четко и детально регулировалось также прекращение членства в коллегии адвокатов. Для обеспечения трудовых прав адвокатов был установлен судебный порядок рассмотрения жалоб, связанных с отчислением и исключением из коллегии адвокатов. Такие жалобы должны были рассматриваться судом в месячный срок со дня вручения постановления президиума коллегии об отчислении или исключении. Это усиливало защиту трудовых прав адвокатов.

Общее руководство коллегиями адвокатов сохранялось за Советами народных депутатов и их исполкомами, которые осуществляли эту функцию как непосредственно, так и через местные органы юстиции. В пределах своей компетенции такое руководство адвокатурой, как и прежде, осуществляли Министерство юстиции Белорусской ССР и Министерство юстиции Союза ССР.

Глава IV. Организационные формы адвокатской деятельности в Республике Беларусь на современном этапе

В конце 80-х – начале 90-х годов XX ст. проводимые в стране глубокие политические и социально-экономические преобразования, обретение республикой подлинной независимости, провозглашение строительства демократического правового государства, главным назначением которого является защита прав и свобод человека, обусловили необходимость внесения изменений в организацию и деятельность адвокатуры. Это нашло отражение в Концепции судебно-правовой реформы, одобренной Верховным Советом Республики Беларусь 23 апреля 1992 г.¹

Осуществляемая в переходный период наряду с политической, экономической и другими реформами судебно-правовая реформа является необходимым условием и важнейшей предпосылкой построения демократического правового государства, формирования гражданского общества, одним из институтов которого является адвокатура.

Будучи системой научно обоснованных идей и положений о путях модернизации юстиции и правовой системы в целом, Концепция судебно-правовой реформы сформулировала главные цели и основные направления фундаментального обновления законодательства, трансформации судебной системы и правоохранительных органов.

Стратегическими целями судебно-правовой реформы признаны: создание правовой системы, способной обеспечить функционирование правового государства; утверждение самостоятельной и независимой судебной власти как гаранта прав и свобод граждан и других участников правоотношений; воплощение в законодательстве демократических принципов организации и деятельности правоохранительных органов, отвечающих общепризнанным нормам международного права и научным рекомендациям.

Эти гуманистические цели предполагают коренные преобразования в сфере юстиции и радикальное обновление правовой базы, ориентацию на прогрессивные модели устройства судебной

¹ Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1992. № 16. Ст. 270.

организации и всей правоохранительной системы с учетом отечественного и мирового опыта, международных стандартов.

Вместе с тем процесс реализации Концепции судебно-правовой реформы показал невозможность претворения в жизнь отдельных ее положений в существующих социально-экономических условиях, на что было обращено внимание в решениях Первого съезда судей Республики Беларусь, состоявшегося 5 декабря 1997 г.¹ Надо учитывать, что формирование новой современной правовой системы, центральное место в которой отводится человеку, его защите от произвола власти, незаконного посягательства на его жизнь, здоровье, честь, достоинство и собственность, требует огромных усилий и политической воли, экономического и кадрового обеспечения, общественной, государственной и профессиональной поддержки. Нельзя забывать, что идеология и практика советского времени выражали сугубо государственные интересы, в связи с чем наблюдалось неадекватное отношение к правам и свободам личности. Выработанные в прошлом стереотипы и консерватизм мышления оказались чрезвычайно живучими. Поэтому успехи судебно-правовой реформы за прошедшие 10 лет не столь значительны, чем можно было ожидать. Тем не менее определенные достижения налицо: в 1994 г. принята пятая подлинно демократическая Конституция Республики Беларусь (а в 1996 г. ее новая редакция), признавшая человека, его права, свободы и гарантии их реализации высшей ценностью и целью общества и государства; в соответствии с Основным законом существенно обновлена правовая база юстиции, более совершенным стало правовое регулирование организации и деятельности суда и правоохранительных органов, в том числе адвокатуры; принят пакет новых законов и кодексов – о Конституционном суде (1994 г.), о прокуратуре и адвокатуре (1993 г.), базовый Закон о судостроительстве и статусе судей (1995 г.), о хозяйственных судах (1998 г.), Гражданский, Гражданско-процессуальный, Хозяйственно-процессуальный, Уголовный, Уголовно-процессуальный и другие кодексы и законы.

Значительно расширена судебная юрисдикция, усилены гарантии судейской независимости и ответственность за вмешательство в судебное разбирательство дел, получило развитие судейское самоуправление, введено единоличное рассмотрение гражданских и определенных категорий уголовных дел. В 1993–1994 гг. в порядке эксперимента введена частная нотариальная практика,

¹ См.: Первый съезд судей Республики Беларусь: док. и материалы. Мн., 1998. С. 162 и др.

признанная Конституционным судом соответствующей Основному закону. Расширены система и процессуальные полномочия органов предварительного расследования, а также органов прокурорского надзора и т.д.

В соответствии с темой нашего исследования следует подчеркнуть, что новый этап в развитии белорусской адвокатуры открыт Законом Республики Беларусь от 15 июня 1993 г. «Об адвокатуре», введенным в действие с момента его опубликования¹. Наша страна первая в Содружестве Независимых Государств приняла такой закон, получивший к тому же высокую оценку экспертов Совета Европы. Реализуя идеи Концепции судебно-правовой реформы о развитии адвокатуры, этот правовой акт учел отечественный и зарубежный опыт, предложения работников юстиции и прежде всего самих адвокатов, достижения правовой мысли, потребности общества в расширении и качественном улучшении правозащитной деятельности в условиях перехода к рыночным отношениям и демократическому правовому государству. Не будет преувеличением сказать, что в этом Законе на уровне международно-правовых стандартов регламентированы основные принципы организации и функционирования указанного института². Надо также отметить, что впервые в республике принято не Положение, как это было до сих пор, а Закон об адвокатуре, обладающий высшей юридической силой по сравнению с другими нормативными правовыми актами.

После четырех лет применения названного правового акта Законом от 6 июля 1998 г., принятым в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь № 12 от 3 мая 1997 г. «О некоторых мерах по совершенствованию адвокатской и нотариальной деятельности»³, в Закон об адвокатуре 1993 г. были внесены изменения и дополнения⁴.

Что же нового содержится в правовом регулировании организации и деятельности белорусской адвокатуры на современном этапе общественного развития и каковы проблемы и перспективы его дальнейшего совершенствования?

Начнем с того, что в ст. 1 Закона об адвокатуре она определяется как независимый правовой институт, призванный в соответствии

¹ Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1998. № 20. Ст. 242.

² См.: Голованов В. Международное законодательство и реализация права граждан Беларуси на юридическую помощь // Юстыцыя Беларусі. 1998. № 3. С. 8–10.

³ Собрание Декретов, Указов Президента и постановлений Совета Министров Республики Беларусь. 1997. № 14. Ст. 485.

⁴ Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1998. № 28. Ст. 459.

с Конституцией Республики Беларусь осуществлять профессиональную правозащитную деятельность.

Хотя, как и прежде, в нем нет прямого ответа на вопрос о юридической природе адвокатуры, тем не менее задачи, принципы организации и деятельности, зафиксированные в этом законе (добровольность членства в коллегии, автономия от других правозащитных органов и организаций, а также государственных органов, адвокатское самоуправление и самофинансирование, общий государственный контроль), говорят определенно, что названное профессиональное объединение юристов призвано заниматься в разнообразных формах оказанием юридической помощи физическим и юридическим лицам. Принципиальное значение имеет указание на независимость данного правового института, что не всегда признавалось. Это принижало и умаляло роль адвокатуры, искажало ее назначение, но самое главное – негативно сказывалось на эффективности адвокатской деятельности. Более того, независимость института адвокатуры в целом подкрепляется и дополняется положением о независимости адвоката и подчинении его только закону, запрещении вмешательства в его профессиональную деятельность, требования от него сообщения каких-либо сведений, составляющих предмет адвокатской тайны, а также требования подобной информации от должностных лиц и технических работников органов адвокатского самоуправления и адвокатских объединений. Впервые за многие десятилетия в законе сформулировано понятие адвокатской тайны: «...вопросы, по которым лицо обратилось за помощью, суть консультаций, советов и разъяснений, полученных этим лицом от адвоката» (ст. 16 Закона «Об адвокатуре»). Надо заметить, что в российском законопроекте об адвокатской деятельности и адвокатуре, находящемся на рассмотрении Государственной Думы, предлагается отнести к ней даже сам факт обращения к адвокату, а также все остальные сведения, связанные с оказанием юридической помощи. В этом, несомненно, есть свой резон.

Сведения, составляющие предмет адвокатской тайны, не могут быть использованы в качестве доказательств в гражданском, административном и уголовном процессах. Этим гарантируется полная конфиденциальность свиданий и консультаций клиента с адвокатом, что соответствует международным стандартам в области защиты прав человека, и данное требование должно неуклонно соблюдаться на практике. Поэтому представляется рациональным закрепить в процессуальном законодательстве в качестве безусловного основания к отмене судебного решения нарушение

адвокатской тайны. Тем самым будет реально обеспечена возможность адвоката выполнять свои профессиональные обязанности «в обстановке, свободной от угроз, преследования, запугивания или неоправданного вмешательства» (п. 2 ст. 16 Основных положений о роли адвоката).

Лаконично и четко определены в Законе задачи адвокатуры: оказание квалифицированной юридической помощи физическим и юридическим лицам при осуществлении их прав, свобод и законных интересов. Адвокатура участвует в разъяснении законодательства и правовом воспитании граждан, своей деятельностью служит принципам законности, справедливости и гуманизма (ст. 2). Тем самым законодатель указывает на публично-правовой характер ее деятельности, социальную значимость и направленность ее задач, которые определены корректно, в деидеологизированной форме. Жизнь показала, и это не раз подчеркивалось в специальной литературе¹, что переоценка публично-правовой функции адвокатуры также нежелательна, поскольку в свое время повлекла и может вновь повлечь возложение на нее несвойственных ей обязанностей (к примеру, участие в борьбе с преступностью и пр.), огосударствление данной организации.

Не менее важно и закрепление в законе 1993 г. положения о том, что государство гарантирует юридическую помощь всем, кто в ней нуждается, без какого бы то ни было ограничения. Это значит, что любое физическое и юридическое лицо на территории Республики Беларусь имеет право обратиться за такой помощью к адвокату по своему выбору для защиты своих прав и законных интересов в судах, органах и организациях, в компетенцию которых входит решение соответствующего вопроса.

Зафиксированное в белорусском законе право выбора адвоката – адекватное отражение международно-правовой нормы Основных положений о роли адвокатов, принятых в Гаване Восьмым конгрессом ООН по предупреждению преступлений и обращению с правонарушителями, 27 августа – 7 сентября 1990 г. Такой же общепризнанной нормой является и записанное в ч. 3 ст. 4 закона об адвокатуре правило о том, что задержанному, арестованному и осужденному для оказания правовой помощи обеспечиваются необходимые условия для свиданий и консультаций с адвокатом с сохранением полной конфиденциальности.

Один из основополагающих принципов международно-правовых актов о правах человека – обеспечение доступа к адвокатам

¹ См.: Петрухин И.Л. Вам нужен адвокат... С. 73–78.

и оказываемой ими юридической помощи. В соответствии со ст. 3 Основных положений о роли адвокатов «правительства должны обеспечить предоставление достаточных финансовых и иных средств для оказания юридической помощи бедным и, в случае необходимости, другим несостоятельным лицам. Профессиональные ассоциации адвокатов должны содействовать организации такой помощи и созданию условий ее оказания». На это ориентирует и ст. 6 указанного международного акта, в которой, в частности, записано, что во всех случаях, когда этого требуют интересы правосудия, каждый человек имеет право на помощь адвоката, опыт и компетентность которого должны соответствовать характеру правонарушения, в целях предоставления ему эффективной юридической помощи бесплатно, если у него нет для этого достаточных средств.

Надо отметить, что вопросу доступа малообеспеченных к правосудию и правовой помощи надлежащее внимание уделяет Совет Европы, формирующий европейские правовые стандарты, т.е. общеобязательные правила международного характера (нормы международного публичного права) и в рассматриваемой сфере прав человека.

8 января 1993 г. Комитет министров Совета Европы принял рекомендацию № R (93)1 государствам-членам об эффективном доступе к праву и правосудию малообеспеченных. Она предусматривает четыре группы мер организационного, финансового, политического и процессуального характера, могущие способствовать оказанию правовой помощи этой категории граждан. В частности, к ним относят подготовку юристов соответствующего профиля, открытие специализированных юридических консультаций, возможность полной или частичной оплаты юридических услуг, расширение участия неправительственных и общественных организаций при оказании ими правовой помощи в квазисудебных формах разрешения споров (посредничество и примирение) и соответствующие налоговые льготы в этих случаях, упрощение правовых процедур и т.д.¹

Не всем известно, что в самом Совете Европы уже реализована идея бесплатной юридической помощи: процесс рассмотрения жалобы в Европейском суде бесплатный и не требует обязательного участия в нем адвоката. Более того, при отсутствии (документально подтвержденном) у гражданина-заявителя необходимых

¹ См.: Воинов И. Доступ малообеспеченных к правосудию // Рос. юстиция. 2001. № 12. С. 7.

средств Европейский суд может оказывать ему бесплатную правовую помощь¹.

В какой степени и форме эти идеи нашли отражение в белорусском законодательстве? Данный вопрос для нашей страны, в отличие от государств с устойчивой экономикой, был актуален всегда, как в советское, так и постсоветское время, поэтому у нас накоплен известный опыт.

Как и в законодательстве предыдущих лет, в действующем законе об адвокатуре приведен перечень случаев бесплатного оказания адвокатами юридической помощи. Согласно ст. 6 этого Закона юридическая помощь оказывается бесплатно коллегиями адвокатов за счет своих средств истцам в судах первой инстанции при ведении дел, связанных с трудовыми правоотношениями, о взыскании алиментов, о возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, связанным с работой, а также инвалидам I и II групп при даче консультаций, не требующих ознакомления с делом, физическим лицам, освобожденным в установленном действующим законодательством порядке от оплаты юридической помощи.

Кроме того, в мае 1998 г. Республиканская коллегия адвокатов приняла решение оказывать правовую помощь бесплатно всем гражданам до 18 лет, за исключением их защиты по уголовным делам в случае совершения ими преступлений.

В ч. 7, 8 ст. 46 Уголовно-процессуального кодекса 1999 г. также установлено, что заведующий юридической консультацией или президиум коллегии адвокатов, а также орган, ведущий уголовный процесс, в производстве которого находится уголовное дело, вправе освободить подозреваемого, обвиняемого полностью или частично от оплаты юридической помощи. В случае такого освобождения заведующим юридической консультацией или президиумом коллегии адвокатов оплата труда защитника производится за счет средств коллегии адвокатов, в других случаях – за счет государства. Расходы по оплате труда адвокатов в порядке, определенном Советом Министров Республики Беларусь, относятся на счет государственного бюджета и в случаях, когда адвокат участвовал в дознании, предварительном следствии и в судебном разбирательстве по назначению, т.е. когда участие защитника по закону обязательно, а сам подозреваемый, обвиняемый, их законные представители его не пригласили для участия в уголовном

¹ См.: Воинов И. Доступ малообеспеченных к правосудию // Рос. юстиция. 2001. № 12. С. 7.

процессе. Возмещение расходов государству в указанном случае может быть возложено на осужденного, за исключением расходов по оплате труда адвоката при даче бесплатной консультации подозреваемому, обвиняемому до начала первого допроса.

Анализ вышеприведенных положений о случаях оказания адвокатами бесплатной правовой помощи показывает, что этот перечень значительно сужен по сравнению со ст. 22 ранее действовавшего Положения об адвокатуре 1981 г. Мыслится, что вряд ли оправданно исключение из этого перечня бесплатного оказания правовой помощи гражданам по жалобам на неправильности в списках избирателей, военнослужащим срочной службы, депутатам при даче консультаций по вопросам, связанным с осуществлением депутатских полномочий, при составлении заявлений о назначении пенсий и пособий, а также по вопросам реабилитации.

Важно также отметить, что освобождение клиента полностью или частично от оплаты юридической помощи не частное дело адвоката, а находится под контролем государства, регулируется законодательством.

В данной связи следует отметить, что, когда адвокат освобожден от оказания бесплатной юридической помощи или ведения дел по назначению либо если он необоснованно уклоняется от оказания такой помощи или неоправданно завышает стоимость услуг, совершает иной дисциплинарный проступок, коллегии адвокатов вправе устанавливать повышенные размеры отчислений в них на срок до шести месяцев, но не более 40 % от денежных средств, поступивших от физических и юридических лиц за оказание правовой помощи. Названные требования – одна из новелл Закона от 6 июля 1998 г. Помимо этого, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 г., как указывалось, наделяет подозреваемого и обвиняемого правом соответственно в случае задержания или применения меры пресечения в виде заключения под стражу получить до начала первого допроса бесплатную юридическую консультацию адвоката (п. 5 ст. 41, п. 4 ст. 43). Приведенные нововведения наряду с другими целями призваны решить актуальный вопрос об обеспечении квалифицированной юридической помощью малообеспеченных граждан. И это весьма важно, ибо в связи с переходом к рыночным отношениям и сопровождающей их инфляцией оплата за юридические, как и иные услуги, сильно возросла, и данная тенденция пока продолжается и будет продолжаться до стабилизации экономического положения страны. Между тем право на юридическую помощь, гарантированное ст. 62 Конституции Республики Беларусь, не должно подрываться

растущим социальным расслоением населения. Известно, что в законодательстве и практике развитых стран осуществляются меры по оказанию помощи гражданам, для которых получение квалифицированных юридических услуг затруднено в силу их материального положения. Создаются муниципальные адвокатуры (например, в США); в Германии каждый адвокат обязан оказывать бесплатную юридическую помощь обратившемуся к нему малоимущему клиенту, получая гонорар по установленной системе от граждан, имеющих более высокие доходы. Поэтому и нам следует усилить гарантии такой помощи малоимущим. Как свидетельствуют статистика и анализ обращений граждан за оказанием правовой помощи в юридические консультации Витебской и Могилевской областей, начиная с 1998 г. число подобных обращений с каждым годом сокращается. Если сравнить показатели таких обращений в 1998 г. и 2000 г., то станет ясно, что снижение произошло на 22,6 %. Это объясняется уменьшением реальных доходов населения, ухудшением условий жизни и другими причинами¹.

Каким должен быть правовой и организационный механизм адвокатской помощи социально незащищенным слоям граждан, ответить непросто. Этот вопрос нуждается в специальном изучении. Надо учесть опыт стран, где данная проблема положительно решена, а также наши традиции и реалии. Но главные подходы очевидны: бесплатную юридическую помощь нуждающимся в ней должно обеспечивать государство, возлагающее на адвокатуру эту публичную обязанность, и важно, чтобы такая помощь не носила формального характера, что, как правило, наблюдается при ее бесплатном оказании в действующих юридических консультациях. И немудрено, когда более 30 % правовой помощи адвокаты оказывают гражданам бесплатно при получении за нее мизерной, унижительной для специалиста платы. Так что только в том случае, если государство пойдет на достойную и гарантированную оплату труда адвокатов за бесплатные юридические консультации и защиту по назначению органов, ведущих уголовный процесс, можно рассчитывать, что конституционное право граждан на правовую помощь для осуществления и защиты прав и свобод не останется пустой декларацией.

Анализируя положения современного законодательства об адвокатуре, нужно отметить значительное повышение требований к лицам, принимаемым в адвокатуру, а также усиление государственного контроля за качественным составом адвокатского корпуса.

¹ См.: Басецкий И.И., Василевская В.Л. Указ соч. С. 45.

Первые шаги в данном направлении были сделаны Законом об адвокатуре, затем вышеназванными Декретом 1997 г. и Законом от 6 июля 1998 г.

Статьей 7 Закона об адвокатуре установлены дополнительно два новых (по сравнению с прежним Положением) условия для занятия адвокатской деятельностью: сдача квалификационного экзамена и получение лицензии, т.е. специального разрешения. К слову сказать, такие требования были предусмотрены в нашем законодательстве впервые за всю его историю, как и впервые определены основания для ограничения допуска к этой деятельности (ст. 10).

При обсуждении проекта закона об адвокатуре, а также после его принятия не все были согласны с такими нововведениями. Особенно острым было неприятие лицензирования, т.е. выдачи лицензии на занятие адвокатской деятельностью Министерством юстиции. Высказывались опасения, что это может привести к ошибкам и злоупотреблениям, нарушению принципа независимости адвокатуры.

Однако за прошедшие годы пришло понимание того, что лицензирование как особая процедура официального удостоверения (признания) права на ведение определенного вида деятельности (в данном случае юридической) имеет своей целью обеспечить надлежащий контроль государства за формированием адвокатуры, ее качественным составом и, в конечном итоге, гарантировать, как не раз отмечалось, квалифицированную правовую помощь всем, кто за ней обращается. Впрочем, лицензирование введено в нашей стране и для занятия частной нотариальной и другими видами юридической деятельности, оказанием субъектам хозяйствования всевозможных юридических услуг и т.д.

Все согласны с тем, что процедура допуска к юридической деятельности должна поддерживать определенный уровень профессиональной компетентности лиц, оказывающих правовые услуги. Процедура допуска к адвокатской и иным видам Юридической деятельности предусмотрена во всех странах, считающих себя цивилизованными и правовыми.

Однако следует согласиться с мнением, что если выдачу лицензии надо сохранить в республике за Министерством юстиции, то ее отзыв должен производиться только в судебном порядке, что требует соответствующего законодательного усмотрения¹.

¹ См.: Басецкий И.И., Василевская В.Л. Указ соч. С. 96.

Еще более оптимальным стало бы, как представляется, наделение правом выдачи, приостановления и аннулирования такой лицензии в случаях, предусмотренных законом, не исполнительной, а судебной властью, которая располагает всеми возможностями для принятия по этим вопросам законных и обоснованных решений. Такой порядок предусмотрен законодательством многих стран. Целесообразность его убедительно обоснована известным российским адвокатом и ученым, автором многих книг по проблемам организации и деятельности адвокатуры Российской Федерации М.Ю. Барщевским¹.

Применительно к нашей республике официальное разрешение на право занятия адвокатской деятельностью мог бы выдавать Верховный Суд, а отзыв лицензии, возможно, следовало бы отнести к компетенции областных (Минского городского) судов с тем, чтобы их решение могло быть обжаловано, в случае несогласия с ним, в Верховный Суд Республики Беларусь.

По-прежнему вызывает неприятие ограничение срока действия адвокатской лицензии пятью годами, что было предусмотрено сначала вышеназванным Декретом 1997 г., а затем Законом от 6 июля 1998 г. Как справедливо отмечено Л.Л. Зайцевой, это не соответствует мировой практике и чревато подрывом адвокатской независимости². Бесспорна также истина, что стабильность статуса – одна из слагаемых эффективной деятельности в любой сфере, в том числе и в профессиональной работе адвокатов. Процедура продления лицензии на право оказания правовой помощи через каждые пять лет не способствует устойчивости правового положения адвоката, вносит неопределенность и нервность в его трудовую жизнь. Поэтому, по нашему мнению, следовало бы восстановить правило о бессрочной выдаче лицензии на право занятия адвокатской деятельностью, как это было зафиксировано в ст. 12 Закона об адвокатуре в первоначальной редакции.

Действующий Закон об адвокатуре четко формулирует ограничения к занятию адвокатской деятельностью. Согласно ст. 10 к ней не могут быть допущены лица: 1) признанные в установленном порядке недееспособными или ограниченно дееспособными; 2) ранее совершившие умышленные преступления; 3) те, в отношении которых принято решение об аннулировании лицензии на право занятия адвокатской деятельностью, исключенные

¹ См.: Барщевский М.Ю. Организация и деятельность адвокатуры в России. М., 2000. С. 134, 200.

² См.: Организация адвокатуры в Беларуси: два взгляда на проблему // *Res nova*. 1997. № 2–3. С. 13–14.

из коллегии адвокатов, а также уволенные из правоохранительных и других органов по компрометирующим обстоятельствам, – в течение пяти лет со дня принятия этого решения, если иное не предусмотрено соответствующими законодательными актами.

Несмотря на некоторое уточнение первоначального текста указанной статьи Законом от 6 июля 1998 г. второе основание недопуска к адвокатской деятельности сформулировано недостаточно корректно, без учета таких принципов уголовного права, как справедливость и гуманизм. С юридической и нравственной точек зрения более правильно было бы записать, что к адвокатской деятельности не допускаются лица, имеющие неснятую или непогашенную в предусмотренном законом порядке судимость, ведь, как известно, погашение или снятие судимости аннулирует правовые последствия уголовной ответственности (ст. 99 УК). Это тем более принципиально, если учесть, что перечисленные основания ограничения допуска к адвокатской деятельности распространяются не только на лиц, имеющих необходимый стаж работы по специальности юриста и желающих сдать квалификационный экзамен с целью получения лицензии на право заниматься адвокатской деятельностью, но и на стажеров, помощников адвокатов. Здесь же следует отметить, что лицензия на право занятия адвокатской деятельностью не выдается не только в случаях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 10 Закона об адвокатуре, но также, если лицо, претендующее на получение указанной лицензии, со дня подачи заявления о допуске к квалификационному экзамену до дня ее получения занимало должности, время работы на которых засчитывается в стаж службы в государственном аппарате.

Для решения вопросов о допуске к адвокатской деятельности, т.е. приема экзамена у лиц, претендующих на занятие адвокатской деятельностью, и установления отсутствия оснований к ограничению допуска к ней, впервые в истории белорусской адвокатуры законом предусмотрена Квалификационная комиссия, переименованная позже в Квалификационную комиссию по вопросам адвокатской деятельности. Она создается Министерством юстиции на три года в составе не менее девяти членов из числа представителей государственных органов, адвокатов со стажем не менее пяти лет и иных специалистов в области права. Председателем комиссии является заместитель Министра юстиции.

Несомненно, принципам адвокатского самоуправления и обеспечения независимости адвокатской корпорации в большей степени соответствовало бы избрание председателя комиссии

ее членами (из состава этой же комиссии), а также преобладание в ней адвокатов (например, две трети состава). Необходимо сохранить и ранее установленный стаж практической деятельности для адвокатов, входящих в состав этой комиссии, – не менее десяти лет, что имело место до 1997 г. Тем более что в адвокатуре республики сотрудники со стажем свыше 10 лет составляют 41 %. Это гарантировало бы более высокий статус и авторитет Квалификационной комиссии по вопросам адвокатской деятельности.

Решение Квалификационной комиссии по результатам экзамена является окончательным и обжалованию не подлежит. Повторная сдача экзамена возможна не ранее чем через год, за исключением стажеров, которые сдают его повторно по истечении срока стажировки. Отказ же в выдаче лицензии на основе решения Квалификационной комиссии или отказ в продлении срока действия такой лицензии может быть обжалован в суд в течение месяца со дня вынесения соответствующего решения (ст. 12 Закона об адвокатуре). Судебный контроль за правильностью, законностью и обоснованностью вынесенного решения исключает дискриминацию при допуске к адвокатской деятельности, и единственным критерием отбора лиц в адвокатуру становятся профессионализм и нравственные качества кандидата в адвокаты. Это правильный и перспективный путь. Ведь важно не только увеличивать численность адвокатского корпуса в республике, но и поднимать на новый качественный уровень состав адвокатского корпуса. И этот процесс у нас в стране идет, что подтверждается статистическими данными о состоянии кадров адвокатов за 2000 г. Всего в республике насчитывается 1393 адвоката, из них с высшим юридическим образованием – 100 %; по стажу работы до одного года – 9 %, свыше 10 лет – 41, пенсионного возраста – 10, женщин – 61, белорусов – 72 %¹.

Поскольку настоящая работа посвящена женщинам-адвокатам Беларуси, уместно назвать здесь имена и привести некоторые сведения о 2 из 859 женщин, наиболее ярко отражающих уровень профессионализма белорусских адвокатов, – Наталье Иосифовне Андрейчик и Александре Михайловне Преображенской.

Первая из них возглавляет Республиканскую коллегия адвокатов, является вице-президентом Международного Союза (Содружества) адвокатов, членом Совета Республики. В адвокатуре она работает более тридцати лет. Своими профессиональными и человеческими качествами снискала глубокое уважение не только

¹ Юстыцья Беларусі. 2000. № 1. С. 17.

у коллег, но и у всех, кто соприкасается с ней в своей работе и жизни.

Вторая – одна из старейших адвокатов республики, первоклассный, талантливый правозащитник. Обладая огромным жизненным и адвокатским опытом, щедро делится своими профессиональными знаниями с молодыми коллегами по работе. Не будет преувеличением сказать, что она посвятила всю свою жизнь адвокатуре. Особенно ее привлекают дела о правонарушениях несовершеннолетних. Ее называют «мальчишеским» адвокатом.

«Когда я защищаю 14–16-летних, моя душа, мое сердце принадлежат им», – говорит она в своем интервью. «Я переживаю за мальчишек. Через несколько лет многие из них будут удивляться, как они могли такое совершить... Поэтому, когда в суде я говорю о мере наказания, то заставляю суд не забывать о возрасте подсудимых. Нельзя допустить, чтобы приговор, вынесенный подросткам, сломал их и помешал им впоследствии вернуться к нормальной жизни»¹. Эти слова – лучшая характеристика адвоката-человека, адвоката-профессионала. И подобных адвокатов у нас немало. Попутно замечу, что именно такие специалисты должны работать в ювенальной юстиции, в создании которой, следуя международным обязательствам, наше государство делает еще только первые шаги, если принять во внимание, что новый УПК Республики Беларусь предусматривает рассмотрение дел о преступлениях несовершеннолетних специальными судами либо судьями, имеющими специальную подготовку (ст. 463).

Ювенальная адвокатура должна стать составной частью ювенальной юстиции, включающей в себя целую систему правовых и социально-психологических институтов и негосударственных структур, способных гарантировать оптимальное решение вопросов судебной защиты прав и законных интересов детей и подростков, их реабилитации и ресоциализации².

Возвращаясь к вопросу о кадрах адвокатуры, следует сказать, что наряду со стажерами Законом об адвокатуре 1993 г. введен такой участник адвокатской деятельности, как помощник адвоката. До революции пребывание в качестве помощника присяжного поверенного в течение пяти лет рассматривалось как одно из условий получения статуса присяжного поверенного. Согласно ст. 9 Закона об адвокатуре в Республике Беларусь в помощники

¹ Юстыцья Беларусі. 2000. № 1. С. 17.

² Мартинович И.И. Об организации правосудия в отношении несовершеннолетних в Республике Беларусь // Проблемы развития ювенальной юстиции в Республике Беларусь: материалы респ. науч.-практ. конф. (Минск, 11 ноября 1998 г.). Мн., 2000. С. 16–29.

адвоката могут быть приняты граждане, имеющие юридическое образование, для выполнения вспомогательной работы при оказании адвокатом юридической помощи. Помощник по закону не обладает правами адвоката и не допускается к ведению дел в органах дознания, предварительного следствия, судах и других государственных органах. Однако на помощника адвоката распространяется сохранение адвокатской тайны. Время работы в таком качестве включается в стаж работы, необходимый для приема в адвокатуру. Условия деятельности и порядок оплаты труда помощника адвоката определяются Уставом коллегии. Словом, создается резерв для пополнения адвокатского корпуса, хорошая школа для приобретения молодыми специалистами необходимого профессионального опыта с целью дальнейшего допуска к адвокатской деятельности. Однако надо сказать, что институт помощника адвоката может реально «заработать» эффективно лишь при условии получения адвокатами достойного заработка, в том числе в случаях, предусмотренных законом, за счет государственного бюджета.

Что же касается стажеров, то ими зачисляются лица, окончившие высшие учебные заведения, но не имеющие трехлетнего стажа работы по этой специальности. Они проходят в адвокатуру стажировку от шести месяцев до года. Стажировка завершается сдачей экзамена Квалификационной комиссии по вопросам адвокатской деятельности в порядке, определенном Положением о нем. В исключительных случаях, при неудовлетворительном результате экзамена, стажировка должна быть продлена до одного года. При повторной несдаче квалификационного экзамена стажер отчисляется из адвокатуры по профессиональной непригодности. Важно отметить, что стажеры, как и адвокаты, не могут состоять на службе в государственных, общественных и иных организациях, за исключением лиц, занимающихся научной или педагогической деятельностью. К последним относят лиц, имеющих ученую степень кандидата или доктора юридических наук (Положение об адвокатской деятельности лиц, занимающихся научной или педагогической деятельностью, утверждено Минюстом Республики Беларусь 8 декабря 1997 г.).

В соответствии с положением о стажировке в адвокатуру, утвержденным Министром юстиции Республики Беларусь 30 августа 1999 г., основными задачами стажировки специалиста в адвокатуру являются изучение специфики работы, организации ее в коллегиях адвокатов, приобретение практических навыков, необходимых для занятия адвокатской деятельностью, углубление

профессиональной специализации, освоение накопленного опыта. Наряду с этим время стажировки используется для изучения деловых, моральных и профессиональных качеств специалиста в целях определения возможностей осуществления им адвокатской деятельности.

Вопрос о зачислении выпускников юридических вузов на должности стажеров решается ежегодно после окончания учебного года президиумами областных (Минской городской) коллегий адвокатов. В районах, не обеспеченных достаточным количеством адвокатов, прием стажеров осуществляется по мере необходимости.

Руководство стажировкой в адвокатуре и ответственность за ее проведение возлагаются на президиумы областных, Минской городской коллегий адвокатов, заведующих юридическими консультациями, а также руководителей стажировки. Общее руководство стажировкой и систематический контроль за ее организацией, анализ и обобщение накопленного опыта этой работы осуществляется Президиумом Республиканской коллегии адвокатов.

Одним из радикальных инновационных положений Закона об адвокатуре 1993 г. явилось реформирование организационной структуры адвокатуры, т.е. допущение к адвокатской деятельности наряду с коллегиями адвокатов созданных в частном порядке на добровольной основе иных адвокатских объединений (фирм, бюро, контор) и адвокатов, практикующих индивидуально (ст. 13). Такая организационная структура адвокатских ассоциаций, предусмотренная ранее Концепцией судебно-правовой реформы, рассматривалась как более гибкая и демократичная, в большей степени отвечающая современным общественным потребностям, юридическому обслуживанию новых рыночных структур (акционерных обществ, совместных и малых предприятий, частных предпринимателей, фермеров, арендаторов и т.п.).

Однако практика применения новых положений ст. 13 Закона об адвокатуре показала, что адвокатские фирмы, бюро и конторы не были поставлены в равные условия с юридическими консультациями областных и Минской городской коллегий адвокатов. На них законом не возлагалось выполнение таких обязанностей, как обеспечение защиты по уголовным делам по назначению органов дознания, предварительного следствия и суда, по делам лиц, освобожденных в установленном законом порядке от оплаты правовой помощи, а также от бесплатного оказания иных юридических услуг.

По этим и некоторым другим основаниям¹ Декрет от 3 мая 1997 г. приостановил, а Закон от 6 июля 1998 г. не предусмотрел практикующих в частном порядке адвокатов и их объединений (фирм, бюро, контор). Установлено, что граждане, получившие лицензию на право оказания адвокатской помощи, осуществляют ее путем вступления в члены коллегии адвокатов. Следовательно, теперь адвокатской деятельностью занимаются только члены областных и Минской городской коллегий адвокатов, а также Белинюрколлегии, созданной в феврале 1992 г. для оказания правовой помощи физическим и юридическим лицам Республики Беларусь за границей, а также иностранным лицам и лицам без гражданства на территории республики.

Вместе с тем по решению соответствующей коллегии адвокатов и в порядке, ею установленном, допускается осуществление адвокатской деятельности не только в составе юридических консульгаций, но и в иных организационных формах при условии обеспечения функций, возложенных законодательством на коллегии адвокатов (их юридические консульгации).

Надо заметить, что Типовой устав областной (городской) коллегии адвокатов, Белинюрколлегии, утвержденный министром юстиции Республики Беларусь 22 января 1999 г., к иным организационным формам осуществления адвокатской деятельности относит филиалы и специализированные юридические консульгации. Их деятельность регулируется специальным Положением, утвержденным Министром юстиции 6 мая 1998 г.

Филиалы образуются в крупных населенных пунктах, находящихся на территории обслуживаемого района, либо в зданиях судов, расположенных далеко от базовой юридической консульгации. Специализированные консульгации занимаются узкопрофильным юридическим обслуживанием клиентов по хозяйственному, авторскому праву, вопросам недвижимости, интеллектуальной собственности, военнослужащих и т.д. Тем самым юридическая помощь приближается к населению, т.е. обеспечивается ее максимальная доступность, а также за счет специализации повышается качество такой помощи. Перспективность подобного развития белорусской адвокатуры очевидна. Широкое распространение получили специализированные адвокатуры, к примеру, в Германии, где действует Положение о специализированной адвокатуры в редакции от 23 марта 1999 г. При этом специализация

¹ См.: Голованов В.Г. Работа нотариуса и адвоката нуждается в соответствующей регламентации // Народ. газета. 1997. 17 июня.

предусматривается по административному, налоговому, трудовому, социальному, а также семейному, уголовному праву и праву несостоятельности. К знаниям и опыту таких адвокатов предъявляются повышенные требования. Для приобретения особых теоретических знаний необходимо, как правило, посещение специальных адвокатских курсов (не менее 120 ч), которые должны начинаться не более чем за четыре года до подачи заявления о присвоении наименования специализированного адвоката. Приобретение особого практического опыта также обставлено определенными условиями. Предпосылкой же присвоения указанного наименования адвокату является не менее чем трехлетний непрерывный стаж допуска и деятельности в качестве адвоката непосредственно перед подачей заявления в палату адвокатов. Этот опыт небесполезен и для нашей страны, где только начался процесс специализации адвокатов.

Вместе с тем, как и в прежние годы, первичным звеном коллегий адвокатов, основной организационной формой адвокатской деятельности в нашей стране остаются юридические консультации, образуемые по административно-территориальному принципу в каждом районе (городе). Местонахождение их определяется президиумом коллегии адвокатов по согласованию с исполкомом местного Совета депутатов с учетом более полного и рационального обслуживания граждан. Количество адвокатов в юридических консультациях определяет также президиум коллегии, принимая во внимание численность населения, объем работы, особенности данного региона. Считается, что число адвокатов в юридических консультациях не должно быть меньше, чем количество судей соответствующего районного (городского) суда, однако в крупных городах, и тем более в столице, адвокатов гораздо больше. Впрочем, в Методических рекомендациях по организации работы юридических консультаций коллегий, утвержденных первым заместителем министра юстиции 29 марта 2000 г., дается установка на не более чем 35 адвокатов в одной юридической консультации. Мотивируется это тем, что многочисленные юридические консультации (свыше 35 человек) не оправдывают себя в плане надлежащей организации их функционирования. Возникают трудности с обеспечением должного контроля за распределением и качеством работы адвокатов, соблюдением ими правил профессиональной этики и внутреннего трудового распорядка, проведения учебы по повышению профессионального уровня всех адвокатов консультации, затрудняет планирование работы и, в конечном итоге, отрицательно

сказывается на качестве оказываемой адвокатами правовой помощи гражданам и субъектам хозяйствования¹.

И все-таки, если посмотреть в будущее, идея частнопрактикующих адвокатов и их объединений (фирм, бюро, контор) в рамках одной региональной корпорации (ассоциации) или коллегии представляется плодотворной, отвечающей потребностям времени и мировым стандартам. Это подтверждается, в частности, и опытом соседней России, в которой, несмотря на некоторые преходящие сложности, действуют разнообразные организационные формы деятельности адвокатов по оказанию правовой помощи, а именно – так называемые альтернативные, нетрадиционные коллегии, фирмы, бюро, кабинеты и т.д., которые осуществляют многопрофильные правозащитные функции, в том числе посредством участия в гражданском и уголовном процессах.

Подчеркну, что в дискуссии по проблемам правового регулирования адвокатской деятельности, состоявшейся в связи с обсуждением законопроекта об адвокатуре на круглом столе в Государственной Думе России, возобладало мнение о том, что в рамках ассоциации адвокатов могут существовать «разные формы адвокатских объединений: консультации, фирмы, бюро и так далее»². Более того, в проекте Федерального закона России «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», внесенном Президентом Российской Федерации В. Путиным в Государственную Думу 25 мая 2001 г., в качестве форм организации адвокатской деятельности значатся индивидуальная адвокатская деятельность (адвокатские кабинеты) и некоммерческие организации (адвокатские бюро). При этом, что очень важно, право выбора формы организации и места осуществления адвокатской деятельности остается за адвокатами при обязательном уведомлении адвокатской палаты, т.е. высшего органа корпоративного самоуправления адвокатуры субъекта Российской Федерации в период между ежегодными собраниями адвокатов (ст. 21, 29 проекта)³.

Кстати сказать, эмпирическими исследованиями, проведенными в Минске, Могилеве, Витебске, Орше и многих других районах, установлено: 82 % адвокатов (из 126 опрошенных) полагают, что параллельно с адвокатскими коллегиями должны действовать и частнопрактикующие адвокаты⁴. Как говорится, комментарии излишни.

¹ Юстыцья Беларусі. 2000. № 2. С. 43.

² См.: Семь вопросов российской адвокатуры // Рос. юстиция. 2001. № 6. С. 23.

³ Рос. юстиция. 2001. № 8. С. 10–11.

⁴ См.: Басецкий И.И., Василевская В.Л. Указ соч. С. 44.

Было бы несправедливо отрицать, что в деятельности отечественных частных адвокатов и их объединений, кроме недостатков, было и позитивное. В целом за время их деятельности вырос профессиональный уровень юридического обслуживания, укрепились независимость адвокатов, расширились сферы правовых услуг и возможность выбора представителей для участия в судопроизводстве. Поэтому важно сохранить многообразие форм организации адвокатской деятельности, в том числе индивидуальную частную практику, при обязательности членства в региональной корпорации адвокатов и равном правовом статусе всех организационных форм осуществления адвокатской деятельности. В этой связи надлежит положительно решить вопрос о праве заинтересованных лиц на обжалование в суд решения президиума коллегии адвокатов об отказе в приеме в коллегию, отсутствие которого в настоящее время заставляет лиц, имеющих право на занятие адвокатской деятельностью, т.е. сдавших квалификационный экзамен и получивших лицензию, обращаться за «содействием» с целью поступления в адвокатуру в Минюст и его органы на местах или искать иные, не всегда законные пути решения данного вопроса. И это при том, что общая численность адвокатов в нашей стране невелика. В среднем на одного адвоката в Беларуси приходится 7,5 тыс. человек. В Бельгии, к примеру, где примерно такая же численность населения, как и у нас, один адвокат должен обслуживать тысячу человек. В Германии в 28 региональных палатах состоит 150 тыс. адвокатов, т.е. один адвокат на 400 человек. Так что нет оснований искусственно сдерживать прием в адвокатуру новых членов, опасаться увеличения адвокатского корпуса. Рост его может регулироваться естественным путем, а именно высокими требованиями к желающим посвятить себя ныне весьма престижной юридической деятельности и здоровой конкуренцией в правовом обслуживании доверителей.

Кстати сказать, адвокатура в нашей стране – малоиспользуемый резерв для пополнения судебных кадров. Между тем адвокатская деятельность в силу своей универсальности – прекрасная школа для формирования первоклассных юристов. Не случайно во многих государствах (США, Англии и др.), где особенно высок профессионализм адвокатского сословия, судебный корпус комплектуется преимущественно из квалифицированных адвокатов с большим стажем работы. Этот опыт бесполезно позаимствовать и нам, что обеспечит приток в суды юристов высшей квалификации, разумеется, при надлежащем материальном обеспечении.

В организационной структуре белорусской адвокатуры возрождена Республиканская коллегия, которая объединяет всех адвокатов республики и осуществляет функции постоянно действующего органа адвокатского самоуправления. Как указывалось ранее, такие объединения действовали в Белорусской ССР с 1924 по 1938 г. и с 1961 по 1965 г., т.е. в общей сложности 18 лет. В новых условиях республиканский орган адвокатского самоуправления быстро доказал свою жизнеспособность и полезность. Не исключено, что в будущем он может стать единственным органом, выполняющим в отношении адвокатов республики ассоциативные функции.

Республиканская коллегия адвокатов и ее Президиум действуют с осени 1997 г. и успешно решают задачи, определенные в Положении, утвержденном министром юстиции Республики Беларусь 20 июня 1997 г. Такими задачами являются: комплексное управление коллегиями адвокатов; согласование и координация их руководящих органов; обобщение результатов работы коллегий по республике; осуществление организационных, распорядительных и контрольных функций при проверке соблюдения законодательства коллегиями адвокатов; разработка концепции социально-экономического развития адвокатуры в Республике Беларусь; оказание помощи коллегиям адвокатов в организации правовой помощи гражданам и организациям.

Свои многогранные задачи Республиканская коллегия адвокатов выполняет посредством реализации обширных полномочий, которыми она наделена. В частности, ею осуществляется методическое руководство адвокатской деятельностью; обеспечивается координация работы руководящих органов коллегий адвокатов при проведении аттестации. Совместно с органами коллегий адвокатов она участвует в разработке и реализации программ по созданию материально-технической, правовой и информационной баз адвокатуры; проводит конференции, конгрессы, совещания и семинары по вопросам адвокатской деятельности, участвует в работе организаций, объединений, деятельность которых затрагивает интересы адвокатуры; прогнозирует потребность республики в адвокатах; участвует в законотворческой деятельности, правовом воспитании граждан и т.д.

Необходимо вместе с тем отметить, что одним из основных направлений деятельности Республиканской коллегии адвокатов является повышение квалификации своих сотрудников. Особенно актуально это направление работы в связи с принятием нового законодательства по различным отраслям права.

Как отмечается председателем Республиканской коллегии адвокатов, систематически проводится учеба адвокатов всех регионов республики на пятидневных курсах повышения квалификации с привлечением известных ученых, практиков, разработчиков новых законов, а также на трехдневных семинарах для адвокатов-хозяйственников, адвокатов, желающих заниматься ведением дел, связанных с интеллектуальной собственностью. Число адвокатов, повысивших свой профессиональный уровень на различных формах обучения, к концу 2000 г. достигло 700 человек¹. Более того, за данный период издано 8 методических рекомендаций, сборники образцов процессуальных документов о возбуждении гражданских дел, образцов кассационных и надзорных жалоб по гражданским и уголовным делам с учетом нового законодательства. Вопросам повышения квалификации постоянное внимание уделяется и на местах, т.е. непосредственно в областных и Минской городской коллегиях адвокатов, на их президиумах и методических советах.

Осуществляя комплексное управление коллегиями адвокатов, высший орган адвокатского самоуправления созывает республиканские конференции адвокатов, проводит проверки работы руководящих органов региональных коллегий, в том числе их финансовую деятельность; рассматривает жалобы на решения органов коллегий адвокатов и действия адвокатов; вправе приостанавливать решения органов адвокатских объединений и вносить представления об их отмене; вносить предложения по улучшению работы органов этих объединений; представлять интересы коллегий в государственных, общественных и других организациях; образовывать координационные, методические, экспертные советы по проблемам и перспективам развития адвокатуры; вносить через Министерство юстиции Президенту Республики Беларусь, в Совет Министров и Национальное собрание предложения по поводу приостановления или отмены нормативных актов, ограничивающих адвокатскую деятельность.

Республиканская коллегия адвокатов ежегодно информирует о своей работе Министерство юстиции Республики Беларусь (ст. 9 Положения).

Органами республиканской коллегии адвокатов являются: Президиум; постоянные комиссии; председатель Республиканской коллегии адвокатов и его заместитель.

¹ Андрейчик Н.И. Сохранение и развитие адвокатуры – наша задача // Юстыцыя Беларусі. 2000. № 4. С. 31–32.

Являясь высшим органом адвокатского самоуправления республики, Президиум формируется из числа адвокатов, делегируемых коллегиями адвокатов, число которых не может превышать 3 человек от каждой коллегии, включая председателей коллегии адвокатов. Его заседания правомочны, когда на них присутствуют не менее $\frac{2}{3}$ членов, и созываются по мере необходимости, но не реже двух раз в год. Решения, относящиеся к исключительной компетенции Президиума, принимаются тайным или открытым голосованием.

В соответствии со ст. 10 Положения о Республиканской коллегии адвокатов исключительно на его заседаниях рассматриваются такие вопросы, как избрание и освобождение Председателя Республиканской коллегии адвокатов и его заместителя; образование постоянных комиссий, избрание и освобождение их председателей, а также избрание Ревизионной комиссии; заслушивание отчетов председателей всех этих органов; утверждение методических рекомендаций и указаний, Типовых уставов, Правил трудового распорядка и Правил профессиональной этики. Президиум определяет структуру аппарата Республиканской коллегии адвокатов, ее штатное расписание и утверждает смету расходов на содержание коллегии, а также рассматривает иные вопросы, связанные с осуществлением адвокатской деятельности.

Председатель Республиканской коллегии адвокатов, являющийся по должности Председателем ее Президиума, избирается из числа членов Президиума открытым голосованием сроком на пять лет по предложению министра юстиции Республики Беларусь и утверждается им. В случае повторного отказа в избрании предложенной кандидатуры министр юстиции вправе распустить Президиум этой коллегии, назначив исполняющего обязанности Председателя Республиканской коллегии адвокатов. Председатель коллегии после утверждения его на эту должность не вправе совмещать в иных органах адвокатских объединений другие оплачиваемые должности. Председатель, как и его заместитель, работает на постоянной основе. Заместитель председателя Республиканской коллегии адвокатов утверждается по представлению Председателя Президиума этой коллегии адвокатов из числа членов Президиума министром юстиции Республики Беларусь сроком на пять лет. Думается, что основополагающим принципам адвокатского самоуправления и независимости адвокатуры в большой степени соответствовало бы избрание Председателя Республиканской коллегии адвокатов тайным голосованием на республиканской конференции или съезде адвокатов.

Последние могли бы выполнять функции высших органов адвокатского самоуправления, а в период между их проведением (четыре-пять лет) – избираемые ими Президиум и Председатель Республиканской коллегии адвокатов.

Широкие полномочия Председателя Республиканской коллегии адвокатов позволяют ему эффективно осуществлять организационное и методическое руководство работой адвокатуры, решать возложенные на него по действующему законодательству задачи. Он представляет адвокатуру во взаимоотношениях с государственными органами, организациями, учреждениями, общественными объединениями и международными организациями, созывает заседания Президиума и руководит его заседаниями, утверждает председателей президиумов областных и Минской городской коллегий адвокатов, дает согласие на назначение заведующих юридическими консультациями, вносит предложения президиумам названных коллегий об освобождении от должности председателей президиумов этих коллегий и заведующих консультациями, приостанавливает, а в случае необходимости – отменяет решения президиумов коллегии адвокатов.

Председатель Республиканской коллегии адвокатов координирует деятельность постоянных комиссий, вносит предложения на заседания Президиума об их создании, проведении заседаний и т.д. Через Министерство юстиции республики Председатель вносит проекты законодательных актов, регулирующих деятельность адвокатуры, а также отчитывается о своей деятельности перед Президиумом данной коллегии адвокатов.

Для предварительного рассмотрения и подготовки вопросов, относящихся к ведению Республиканской коллегии адвокатов, а также организации и контроля за проведением в жизнь решений Президиума образуются постоянные комиссии: ревизионная, апелляционная, методическая, по совершенствованию законодательства и по связям с государственными органами, общественными организациями и средствами массовой информации, а также международным связям.

Характерной чертой действующего законодательства об адвокатуре является более совершенное и полное правовое регулирование статуса адвоката, его прав, обязанностей, дисциплинарной ответственности, прекращение членства в коллегии адвокатов и аннулирование лицензии на право занятия адвокатской деятельностью.

Здесь хотелось обратить внимание на то, что впервые адвокату было предоставлено право самостоятельно собирать, закреплять

и представлять сведения, касающиеся обстоятельств дела, а также применять в своей профессиональной деятельности технические средства (компьютеры, видео- и аудиоаппаратуру, фото- и киноаппаратуру, множительную и иную технику).

Согласно постановлению Верховного Совета Республики Беларусь «О порядке введения в действие Закона от 15 июня 1993 г. «Об адвокатуре» п. 2 ст. 17 этого закона, регулирующий право адвоката самостоятельно собирать и закреплять сведения, касающиеся обстоятельств дела, должен применяться с момента введения в действие новых уголовно-процессуального и гражданско-процессуального кодексов, т.е. с 2001 и 1999 г. соответственно. Это значит, что, выступая в качестве защитника в уголовном процессе, адвокат вправе опрашивать физических лиц, запрашивать с согласия подзащитного мнения специалистов для разъяснения возникающих вопросов, а также справки, характеристики и иные документы и представлять их органам и лицам, ведущим процесс. Справедливо замечено, что это нельзя рассматривать как адвокатское расследование¹, тем не менее участие адвоката в уголовном судопроизводстве становится более результативным, а при надлежащей правовой регламентации данной процедуры оно может стать таковым и обеспечит состязательность предварительного производства, что пойдет на пользу делу правосудия. Впрочем, для этого защите должно быть предоставлено право прибегать к помощи частного детектива, как, к примеру, в США.

О значении использования компьютеров и других технических средств в деятельности адвокатов, как и других работников юстиции, в наше время говорить не приходится, настолько это очевидно и бесспорно. Президиум Республиканской коллегии адвокатов прилагает немало усилий для обеспечения коллегий адвокатов и юридических консультаций оргтехникой (в частности, компьютерами, ксероксами, факсами и т.д.), что позволит интенсифицировать и облегчить труд адвоката, сделать его более эффективным, сэкономить время, силы и средства и одновременно повысить культуру юридического обслуживания клиентов. Хотя научная организация труда касается всех сторон адвокатской деятельности, особое внимание заслуженно уделяется совершенствованию кодификационной работы, справочно-информационной службы, использованию прогрессивных

¹ Зайцева Л.Л. В новое столетие – с новым Уголовно-процессуальным кодексом // Юстыцыя Беларусі. 2000. № 2. С. 16.

методов и приемов учета и систематизации законодательства, судебной практики.

Нельзя не отметить, что в ст. 17, формулирующей права адвоката, содержится еще одно весьма существенное положение о том, что адвокат при осуществлении своей профессиональной деятельности пользуется свободой слова в устной и письменной формах и пределах, определенных задачами адвокатуры и нормами закона. Высказывания адвоката, затрагивающие честь и достоинство стороны, ее представителя, обвинителя или защитника, свидетеля, потерпевшего, эксперта, переводчика, не нарушающие Правила профессиональной этики адвоката, преследованию не подлежат.

Возможно, было бы полезно и в белорусском законе об адвокатуре закрепить норму более общего характера, редакция которой предложена М.Ю. Барщевским к законопроекту об адвокатуре Российской Федерации, а именно: «Адвокат не может быть привлечен к какой-либо юридической ответственности за исполнение своих профессиональных обязанностей или за действия, связанные с исполнением профессиональных обязанностей, за исключением случаев нарушения им требований законодательства...»¹

В указанном законопроекте содержится еще одна новелла, которая должна, по нашему мнению, привлечь внимание белорусского законодателя. Она сформулирована следующим образом: «Жизнь, здоровье, профессиональные права, честь, достоинство и имущество адвоката находятся под защитой государства. Органы внутренних дел обязаны принять меры к обеспечению безопасности адвоката, членов его семьи, сохранности принадлежащего им имущества, если от них поступило соответствующее заявление»².

В нашей республике 13 декабря 1999 г. принят Закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»³, установивший систему мер государственной защиты жизни, здоровья и имущества указанных должностных лиц, осуществляющих служебную деятельность, выполнение которой может быть сопряжено с посягательствами на их безопасность, близких этих лиц, а также направленный на создание надлежащих условий для отправления правосудия, борьбы с преступностью и другими правонарушениями. Профессиональная

¹ Барщевский М.Ю. Организация и деятельность адвокатуры в России. М., 2000. С. 84.

² Там же. С. 95.

³ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 2, 2/115.

деятельность адвоката – вид правоохранительной деятельности. При ее выполнении также приходится сталкиваться с противостоянием, угрозами, давлением, определенным риском. Выступая в качестве защитника по некоторым уголовным делам, адвокат должен порой проявлять настоящее гражданское мужество. Не менее «опасными» могут быть и гражданские дела. Поэтому необходимо предусмотреть меры государственной безопасности, правовой и социальной защиты в отношении адвокатов – равноправных участников судопроизводства, содействующих осуществлению правосудия, вынесению законных, обоснованных и справедливых судебных решений.

В этой связи следует указать на то, что введение нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь значительно расширило сферу деятельности и права адвоката-защитника в уголовном процессе. В частности, кроме ранее предусмотренных случаев обязательного участия защитника в уголовном судопроизводстве (если в судебном разбирательстве участвует прокурор или общественный обвинитель; либо подозреваемый или обвиняемый являются несовершеннолетними; либо они не владеют языком, на котором ведется производство по уголовному делу; либо в силу физических или психических недостатков не могут самостоятельно осуществлять свое право на защиту; либо обвиняется в совершении преступлений, за которые в качестве меры наказания может быть назначена смертная казнь; между интересами подозреваемых или обвиняемых имеются противоречия и если хотя бы один из них имеет защитника), по УПК 1999 г. (ст. 45) его участие обязательно также и в ряде других случаев. Участие защитника в производстве по материалам и уголовному делу также обязательно, если: об этом ходатайствует подозреваемый или обвиняемый; они являются неграмотными; либо подозревается или обвиняется в совершении особо тяжкого преступления.

С момента допуска к участию в деле адвокат-защитник получил в УПК 1999 г. следующие новые дополнительные права: беспрепятственно обращаться со своим подзащитным наедине и конфиденциально без ограничения количества и продолжительности бесед; знакомиться с процессуальными решениями и протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого или обвиняемого в отсутствие защитника; получать копии итоговых процессуальных решений органов предварительного расследования и суда; как уже отмечалось, собирать по своей инициативе сведения, относящиеся к обстоятельствам

совершенного преступления, и представлять их органу, ведущему уголовный процесс¹.

Действующий Закон об адвокатуре (ст. 18) четко перечисляет и обязанности адвоката, который в своей деятельности обязан точно и неуклонно соблюдать действующее законодательство, использовать все предусмотренные законом средства и способы защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, обратившихся к нему за правовой помощью. Адвокат должен постоянно поддерживать престиж своего профессионального положения в качестве участника осуществления правосудия и общественного деятеля. Он не вправе принять поручение по оказанию юридической помощи лицу в случаях, если он оказывает по данному делу или ранее оказывал юридическую помощь лицам, интересы которых противоречат интересам обратившегося лица, или участвовал в качестве судьи, прокурора, следователя, лица, производившего дознание, эксперта, специалиста, переводчика, свидетеля, понятого, а также если в расследовании или рассмотрении дела принимает или принимало участие должностное лицо, с которым адвокат состоит в родственных отношениях.

Адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, занимать правовую позицию, не согласованную с ним, отказываться без уважительных причин от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. Он не вправе признавать доказанной вину своего подзащитного, если последний ее отрицает. Однако признание вины подзащитным не лишает адвоката права оспаривать такое утверждение и просить об оправдании за недоказанностью его вины. По делам, по которым юридическая помощь в соответствии с действующим законодательством оказывается адвокатом по назначению, освободить его от оказания этой помощи может только орган, который его назначил. Наконец, адвокату запрещается покупать или иным способом приобретать являющиеся предметом спора имущество и права физических и юридических лиц, обратившихся к нему за правовой помощью, как на свое имя, так и под видом приобретения для других лиц.

Как видим, при перечислении обязанностей адвоката закон делает акцент на нравственные аспекты адвокатской деятельности,

¹ Андрейчик Н. Роль адвокатуры в защите прав граждан в связи с принятием нового УПК // Юстыцыя Беларусі. 2001. № 4. С. 8.

что находит развитие в Правилах профессиональной этики адвоката, принятых на съезде адвокатов весной 1994 г. и утвержденных Советом Белорусского республиканского союза адвокатов 31 октября 1994 г. В настоящее время они действуют в редакции, утвержденной 26 ноября 1997 г. Президиумом Республиканской коллегии адвокатов и 23 декабря 1999 г. Первым заместителем министра юстиции Республики Беларусь¹.

Верно подчеркнуто, что в деятельности адвоката чаще и острее, чем в любой другой деятельности юриста, возникают ситуации, разрешение которых зависит от соблюдения не только правовых, но и моральных, нравственных норм². Будучи сводом положений, определяющих требования, предъявляемые к личности адвоката и его поведению при выполнении профессиональных обязанностей, а также к его взаимоотношениям с клиентами, коллегами, органами адвокатского самоуправления, Правила профессиональной этики являются своеобразным компасом, ориентиром в сложной и многогранной адвокатской деятельности, насыщенной нравственными коллизиями и противоречиями. Некоторые из этих морально-этических норм стали законоположениями, носящими императивный характер и не требующими продолжения дискуссий.

Для повышения ответственности адвокатов за выполнение своих обязанностей в соответствии с законом, профессиональными стандартами и этическими нормами целесообразно ввести для адвокатов присягу. Такая идея не раз высказывалась автором этих строк³ и в конце концов, не сомневаюсь, будет реализована. Принятие присяги было обязательным для адвокатов со дня основания адвокатуры в Российском государстве в 1864 г. (отсюда и официальное в то время название адвокатов – присяжные поверенные). Такую традицию надо восстановить, т.к. присяга предусмотрена ныне и для судей, прокуроров, нотариусов, некоторых других работников юстиции.

Присяга для начинающих адвокатов может быть примерно следующего содержания: «Торжественно присягаю честно и добросовестно исполнять обязанности адвоката, руководствуясь законом и своей совестью, хранить профессиональную тайну, соблюдать

¹ Юстыця Беларусі. 2000. № 1. С. 18–20.

² См.: Максимов Л.Г., Максимова Л.П. Профессиональная этика юриста. Мн., 2001. С. 74.

³ См.: Мартинович И.И. Адвокатура и правосудие // Судовы веснік. 1999. № 1. С. 59; Ее же. Организационные формы деятельности адвокатуры в Республике Беларусь в переходный период // Право и демократия: сб. науч. тр. Мн., 1999. Вып. 10. С. 304.

правила адвокатской этики, защищать права человека и юридических лиц».

Полагаю, что для адвокатов, участвующих в судебном заседании по уголовным делам, следует ввести и профессиональную одежду – адвокатские мантии. Внешний облик адвоката, надлежаще оборудованные юридические консультации и рабочие места, а также многое другое, что нередко расценивалось как «мелочи», определяют уровень культуры адвокатской деятельности. Она предполагает, наряду с высоким профессиональным мастерством, также высокую личную культуру, подлинную интеллигентность, надлежащий внешний облик, что имеет не только эстетическое, но и этико-психологическое, воспитательное значение.

Автору этих строк вспоминается крайне негативное отношение к идее Концепции судебно-правовой реформы в Республике Беларусь о введении судейской мантии. Прошло время, и теперь это стало нормой, не вызывающей отрицательных эмоций. Отправление правосудия в судейских мантиях стало привычным атрибутом судебного ритуала. Более того, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в своем постановлении № 14 от 23 декабря 1999 г. «О повышении культуры судебной деятельности и улучшении организации судебных процессов» счел необходимым указать на обязательность ношения судьями мантий при рассмотрении дел¹.

Не приходится сомневаться, что так произойдет и с предложением ввести мантии для адвокатов, участвующих в судебном процессе. Ведь повышение культуры труда путем упорядочения обрядовой стороны судебного процесса рассматривается сейчас как важный шаг к изменению сущности современного правосудия. Поэтому в соответствующие отрасли законодательства предлагается включить нормы, выполняющие функции гаранта культуры судопроизводства². Но верно и мнение, что культуру судебной деятельности нельзя обеспечить только предписаниями, нормативной регуляцией. Это может быть осуществлено целенаправленным формированием нравственного отношения к судебной деятельности, воспитанием нравственных качеств у ее участников³.

В этой связи следует с сожалением констатировать, что до сего времени наблюдается иногда неуважительное отношение

¹ Судовы веснік. 2000. № 1. С. 10.

² См.: Бибило В.Н. Основы культуры правосудия // Судовы веснік. 2000. № 4. С. 33.

³ См.: Дулов А.В. Нравственные основы культуры судебной деятельности // Юстыцыя Беларусі. 2000. № 1. С. 13, 14.

к адвокатам со стороны отдельных участников процесса на предварительном следствии и в суде. Между тем совершенно справедливо замечено, что «нет ничего более унижающего судебскую власть, чем грубость по отношению к одному из участников процесса и благосклонность к другому»¹. Жизнь и практика показывают, что остатки правового нигилизма, обусловленные особенностями нашего исторического развития, весьма живучи не только в сознании простых граждан, но и юристов. Искоренение этого негативного явления – одна из насущных задач нашего времени, в решении которой должны принять активное участие и сами адвокаты. В этом также должны проявиться профессионализм, независимость и достоинство адвокатуры.

Действующий Закон об адвокатуре Республики Беларусь расширил и уточнил основания прекращения членства в коллегии адвокатов. Сохраняя две формы прекращения этого членства (отчисление и исключение), ст. 24 (с изм. от 6 июля 1998 г.) устанавливает следующие для них основания. Отчисление из коллегии адвокатов производится: по заявлению адвоката; при обнаружившейся невозможности исполнения адвокатом своих обязанностей по состоянию здоровья; в случае занятия адвокатской деятельностью вне коллегии адвокатов. Отчисление производится и вследствие недостаточной квалификации, обнаружившейся при аттестации адвоката, а также выезда адвоката на постоянное место жительства за пределы территории области (г. Минска).

Исключение из коллегии адвокатов возможно только по порочащим основаниям и является крайней мерой дисциплинарного взыскания. Исключению подлежат адвокаты в случаях совершения проступка, несовместимого со званием адвоката; систематического нарушения Закона об адвокатуре, Правил профессиональной этики или недобросовестного выполнения своих обязанностей, если за указанные нарушения ранее уже применялись меры дисциплинарного воздействия; выявления обстоятельств, свидетельствующих о незаконных действиях адвоката при получении лицензии на право занятия адвокатской деятельностью; в случаях сокрытия доходов от налогообложения.

Исключение из коллегии адвокатов влечет аннулирование лицензии, которое производится по представлению Президиума коллегии адвокатов либо Квалификационной комиссии

¹ См.: Митрофанов В. Адвокатура сегодня: еще не все вопросы решены // Юстиция Беларуси. 1999. № 1. С. 49.

по вопросам адвокатской деятельности, либо Министерством юстиции самостоятельно. Лицо, в отношении которого принято в установленном порядке решение об исключении из состава коллегии, лишении права заниматься адвокатской деятельностью вправе в месячный срок обжаловать его в суд. Надо заметить, что в отличие от ст. 34 Положения об адвокатуре БССР 1981 г. обжалование в судебном порядке отчисления адвоката из состава коллегии действующим законом об адвокатуре не предусмотрено. Это вряд ли можно признать обоснованным, поскольку отчисление, как указывалось, возможно и по таким основаниям, как состояние здоровья, занятие адвокатской деятельностью вне коллегии, т.е. не исключено возникновение спорных ситуаций, нарушение трудовых прав адвоката.

Как записано в ст. 23 уже упоминавшегося международно-правового акта об адвокатуре – Основных положений о роли адвокатов, последние могут быть членами местных, национальных или международных организаций, создавать их и принимать участие в их заседаниях без угрозы ограничения профессиональной деятельности вследствие своих законных действий или членства в разрешенной законом организации.

Статья 15 Закона об адвокатуре нашей страны устанавливает, что адвокаты вправе на добровольных началах объединяться в республиканские и международные союзы, ассоциации на началах индивидуального или коллективного членства.

В 1990 г. на съезде адвокатов республики было принято решение об образовании Союза адвокатов – общественной организации, объединившей все коллегии адвокатов страны. Высшим ее органом был съезд адвокатов, созывавшийся один раз в три года, а в период между съездами работой Союза руководил совет во главе с Президентом.

По мнению Президента Белорусского Союза адвокатов (ныне Председателя Республиканской коллегии адвокатов Н.И. Андрейчик), причиной, побудившей адвокатов к объединению в переломный для республики период, явилось чувство огромной тревоги и ответственности за судьбу института адвокатуры, который оказался на грани разрушения из-за непосильного налогового бремени. Именно «единство адвокатов, верная позиция председателей коллегий, возглавивших адвокатское движение, поддержка юридической общественности предотвратили развал адвокатуры Беларуси»¹. Среди многочисленных направлений деятельности,

¹ Юстыцыя Беларусі. 2000. № 4. С. 31.

определенных в Уставе Союза, усилия этой общественной профессиональной организации адвокатов были сосредоточены на участии в разработке и принятии проекта закона об адвокатуре, Правил профессиональной этики адвокатов и ряда других важных нормативных документов, а также на вопросах социальной и правовой защиты членов коллегий адвокатов, установлении и расширении международных связей с аналогичными адвокатскими объединениями других государств и т.д.

Надо отметить, что согласно ст. 15 Закона об адвокатуре в первоначальной редакции Союз адвокатов Республики Беларусь наделялся правом законодательной инициативы. Однако Конституция Республики Беларусь 1994 г. (ст. 90), а также ее новая редакция (ст. 99) не включили общественные организации в число субъектов права законодательной инициативы. По нашему мнению, это не способствует развитию законодательного процесса, прямо и косвенно отстраняет от него широкие слои населения, для которых законы принимаются. В будущем было весьма желательно такое право общественным объединениям предоставить.

К сожалению, интенсивность работы Белорусского союза адвокатов резко снизилась, а затем и вовсе прекратилась в связи с образованием в 1997 г. Республиканской коллегии адвокатов, которой по существу были переданы все полномочия этого союза. Между тем Республиканская коллегия адвокатов и Союз адвокатов могли бы не только сосуществовать, но и сотрудничать, принимая во внимание, что союзы (ассоциации) – это профессиональные общественные организации, которые действуют в соответствии со своими уставами и не обладают властными полномочиями по отношению к коллегиям адвокатов и их членам. Их цель, как уже отмечалось, – защита профессиональных прав, чести и достоинства адвокатов, обеспечение высоких стандартов адвокатского мастерства, независимости, единства и сотрудничества адвокатов, в том числе на международном уровне.

Республиканская же коллегия адвокатов, как отмечалось, наделена достаточно значительными властными, можно сказать административными полномочиями в отношении региональных коллегий адвокатов, вплоть до права отмены решений их президиумов.

В Беларуси создано и действует Белорусское отделение Международного союза (содружества) адвокатов, основанного в 1990 г. при непосредственном участии адвокатов республики. Устав БОМССА утвержден Учредительным собранием адвокатов этого

отделения 22 февраля 1999 г. и зарегистрирован Министерством юстиции Республики Беларусь 9 июня того же года.

Белорусское отделение Международного союза (содружества) адвокатов – это независимая общественная организация профессионального характера, объединяющая адвокатов и ученых-юристов и действующая на основе добровольности участия и равноправия ее членов, самоуправления и гласности. Целями названной общественной организации являются содействие развитию и внедрению высоких стандартов профессионального мастерства, профессиональной этики, единство и сотрудничество адвокатов. Основные ее задачи – содействие развитию юридической науки, повышению правовой культуры населения; расширение и укрепление профессиональных и культурных связей адвокатов разных стран; защита прав, свобод, интересов, чести и достоинства адвокатов. Методами деятельности БОМССА являются организация и обеспечение профессиональной учебы в целях повышения профессиональной квалификации адвокатов, организация их стажировки в республике и иных государствах, распространение методической литературы, обмен делегациями, проведение конференций, семинаров, лекций, выставок, а также изучение и обобщение положения адвокатов в правовых системах других государств, пропаганда признанных мировым сообществом принципов и гарантий независимости адвокатуры, осуществление иных видов деятельности, не противоречащих законодательству Республики Беларусь.

Белорусское отделение Международного союза (содружества) адвокатов предусматривает фиксированное членство физических лиц. Членами этого отделения могут быть граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, являющиеся адвокатами или учеными-юристами, активно содействующие реализации целей и задач данной организации, признающие Устав и уплачивающие вступительный и членские взносы. Прием в члены БОМССА производится на основании письменного заявления вступающего простым большинством голосов при участии в заседании не менее $\frac{2}{3}$ членов Президиума.

Высшим органом белорусского отделения Международного союза (содружества) адвокатов является общее собрание, проводимое один раз в год. В период между общими собраниями руководящим органом отделения является Президиум, состоящий из девяти членов, избираемых собранием сроком на 4 года.

Текущее руководство деятельностью белорусского отделения Международного союза адвокатов осуществляет председатель,

избираемый общим собранием. БОМССА вправе иметь в собственности любое имущество, необходимое ему для материального обеспечения деятельности, предусмотренной Уставом, за исключением объектов, которые согласно действующему законодательству могут находиться только в собственности государства.

Реорганизация или ликвидация БОМССА осуществляется по решению общего собрания, если за это проголосовало не менее $\frac{2}{3}$ членов этой организации, участвовавших в общем собрании. Оно может быть ликвидировано также по решению Верховного Суда Республики Беларусь.

Таковы основные принципы организации и деятельности Белорусского отделения Международного союза (содружества) адвокатов, закрепленные в его Уставе от 22 февраля 1999 г.

Как известно, в Российской Федерации действуют Федеральный союз адвокатов России, Гильдия российских адвокатов, Ассоциация адвокатов России, Международный союз (содружество) адвокатов, объединяемые в настоящее время Федеральным Советом адвокатуры РФ, созданным 20 октября 2000 г. для координации деятельности адвокатских объединений и коллегий адвокатов, обеспечения представительства всех российских адвокатов на федеральном уровне, повышения качества оказываемой правовой помощи¹.

По мере реализации принципов демократического правового государства, повышения роли права как регулятора общественных отношений весомым фактором в укреплении законности и правопорядка, охране прав и свобод граждан, поддержании высокого престижа юридической профессии станет корпоративность юристов, формирование их объединений. Это позволит усилить правовую и социальную защищенность юристов, повысить их профессиональное мастерство и уровень нравственных качеств. Современному обществу нужен не просто правовед, а прогрессивно мыслящий юрист-профессионал, способный защищать права и свободы человека. Осознание такой общественной потребности, наличие сходных проблем и близость профессиональных интересов обусловили появление и необходимость расширения объединений юристов республики как в целом (Союз юристов Беларуси, зарегистрированный в качестве неправительственной самоуправляемой общественной организации 10 декабря 1990 г.),

¹ Рос. юстиция. 2001. № 1. С. 43.

так и по конкретным юридическим специальностям. Это в полной мере относится и к адвокатам нашей страны.

Напомним, что в демократических странах существует много разнообразных видов и уровней юридических ассоциаций. Неслучайно известный французский историк, социолог и политический деятель А. де Токвиль назвал в свое время США самоуправляемым обществом, т.е. обществом, которое «правит само и для себя». Более того, современные западные ученые видят будущее демократии в умении пользоваться возможностями ассоциаций, основанных на взаимопомощи и договорных механизмах взаимоотношений. Поэтому повышение активности всех юристов – насущная задача сегодняшнего дня в современной Беларуси.

Труд адвокатов регулируется Законом «Об адвокатуре», уставами адвокатских объединений, другими нормативными правовыми актами и организуется в соответствии с Правилами внутреннего трудового распорядка коллегий адвокатов.

На адвокатов не распространяются нормы трудового законодательства Республики Беларусь. Вместе с тем адвокат пользуется правом на отпуск, на пособие по государственному социальному страхованию и на государственное пенсионное обеспечение. Адвокаты вправе образовывать фонды для социальных нужд, правила образования которых, порядок выплаты, размер отчислений в страховую фонд определяются общим собранием (конференцией) членов адвокатских объединений.

Труд адвокатов, как и во все годы существования адвокатуры, оплачивается из средств, поступивших от физических и юридических лиц за оказанную им правовую помощь. Размер оплаты определяется соглашением сторон, заключаемым в письменной форме, но при отсутствии такового он определяется заведующим юридической консультацией с учетом объема и сложности поручения.

Правила профессиональной этики адвоката (п. 6.2) рекомендуют определять размер гонорара в разумных пределах, принимая во внимание: опыт и квалификацию адвоката, требуемые для оказания юридической помощи на надлежащем уровне; профессиональный авторитет адвоката; новизну и сложность вопросов; необходимые затраты времени и труда; вероятность того, что принятие данного поручения ограничит возможность адвоката одновременно работать по другим делам; сроки, установленные клиентом или обстоятельствами; привлечение специалистов; расходы, связанные с юридической помощью; практику определения гонорара в данном регионе, а также

в регионе, в котором клиент имеет постоянное местопребывание. Однако адвокат не должен принимать поручение на оказание юридической помощи с условием выплаты ему гонорара в зависимости от будущих результатов.

Размер оплаты юридической помощи указывается в письменном соглашении между членом коллегии адвокатов и клиентом, который вносит в кассу юридической консультации обусловленную сумму, а адвокату выписывается ордер, являющийся официальным документом для допуска его следователем и судом к участию в деле.

Согласно Методическим рекомендациям по организации работы юридических консультаций коллегий адвокатов, утвержденных Министерством юстиции 29 марта 2000 г. прием денежных средств от субъектов хозяйствования негосударственной формы собственности за оказание юридической помощи физическим лицам следует производить только при наличии решения общего собрания учредителей по этому вопросу¹. Адвокаты оказывают юридическую помощь субъектам хозяйствования на основании договора, который должен соответствовать примерному договору на юридическое обслуживание, утвержденному Президиумом Республиканской коллегии адвокатов 22 декабря 1998 г., причем данная форма договора применяется при заключении как разовых, так и долгосрочных договоров.

В этой связи следует сказать, что постановлением Президиума Республиканской коллегии адвокатов от 6 января 1998 г. работа адвоката приравнена к должности главного специалиста для расчета должностных окладов специалистов органов областных и Минского городского исполкомов. При этом Республиканская коллегия адвокатов свое решение мотивировала тем, что адвокат – лицо, имеющее высшее юридическое образование, является самостоятельной процессуальной фигурой в уголовном процессе, профессионально независим и единолично отвечает за избранную им правовую позицию при осуществлении защиты по уголовному делу, что требует от него высокой квалификации и ответственности. Однако вряд ли можно считать обоснованной рекомендацию по применению Правил возмещения расходов по оплате труда адвокатов за счет средств бюджета о том, что размер оплаты труда адвоката за день работы не может превышать дневного заработка главного специалиста органов управления областных и Минского городского исполкомов вне зависимости от количества дел,

¹ См.: Юстыця Беларусі. 2000. № 2. С. 45.

по которым адвокат принимал участие по назначению в один день, а также количества лиц, защиту которых адвокат осуществлял по одному делу¹. Здесь явное нарушение принципа оплаты труда по его количеству и качеству, что недопустимо, и тем более, когда речь идет о самоуправляемой корпоративной организации юристов.

Условия и порядок оплаты труда должностных лиц, других работников адвокатских объединений определяются их руководящими органами (руководителями) в соответствии с требованиями уставов и действующим законодательством. Заработок членов коллегии адвокатов, занимающих штатные должности в Президиуме и юридических консультациях, состоит из должностного оклада и сумм, начисленных за адвокатскую деятельность.

Действующим законом об адвокатуре установлено, что адвокаты уплачивают подоходный налог из всей суммы получаемого ими заработка, за вычетом документально подтвержденных расходов, связанных с адвокатской деятельностью. Соккрытие от налогообложения доходов, полученных за оказание юридической помощи, является основанием для аннулирования лицензии, дающей право на занятие адвокатской деятельностью (ст. 24 Закона).

Размер отчислений в фонд коллегии адвокатов, за счет которых она существует, не может превышать, как и прежде, 30 % средств, поступивших адвокату за оказание юридической помощи от граждан и организаций. Как уже отмечалось ранее, коллегиям адвокатов предоставлено право для отдельных адвокатов в случаях, предусмотренных законом, на срок до шести месяцев повышать указанные размеры отчисления, но не более 40 % (ст. 13 Закона).

Коллегии адвокатов производят выплаты в Фонд социальной защиты населения Министерства социальной защиты Республики Беларусь, однако освобождаются от общегосударственных налогов, сборов и иных платежей в бюджет, в том числе от чрезвычайного налога для финансирования расходов по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Фонд коллегии адвокатов расходуется на ее содержание, развитие и материально-техническое обеспечение, включая аренду помещений для Президиума и юридических консультаций, коммунальные услуги, связь; оплату труда должностных лиц и технических работников коллегии, а также адвокатов, оказывающих бесплатную правовую помощь; оплату отпусков; приобретение

¹ Там же. С. 16–17.

юридической литературы, компьютерной техники; изготовление бланков для оформления документов и т.д.

В целях финансирования мер по социальной защите адвокатов в адвокатских объединениях могут быть созданы страховые фонды адвокатов. Правила образования, порядок выплаты, размер отчислений в страховой фонд определяются общим собранием членов коллегии адвокатов.

В республике ждет своего законодательного решения проблема обязательного страхования профессиональной ответственности вообще и профессиональной деятельности адвокатов в частности. Это значит, что каждый адвокат обязан будет заключать индивидуальный договор страхования своей профессиональной деятельности на случай возмещения причиненного им вреда своим доверителям. Тем самым обеспечиваются защита экономических интересов лиц, обратившихся за юридической помощью, и надлежащий уровень юридических услуг, строгое следование закону при выполнении профессиональных обязанностей.

Следует отметить, что обязательное страхование профессиональной ответственности в форме, которая по виду и объему соразмерна рискам, возникающим в результате адвокатской деятельности, предусмотрена в Профессиональных правилах адвокатов Европейского союза с изменениями, принятыми Общим собранием Совета адвокатов Европейского сообщества 28 ноября 1998 г. в Лионе (п. 3.9).

Как свидетельствует эволюция института адвокатуры в Беларуси, одним из самых сложных вопросов ее устройства является вопрос о взаимоотношениях с государством. Он не раз был предметом острых научных дискуссий, ибо касается фундаментальных основ организации и деятельности адвокатуры. Разброс мнений был всегда, как правило, полярный: от полного отказа от государственного руководства адвокатурой до жесткого государственного управления ею. Между тем, определяя содержание данных взаимоотношений, надо учитывать, с одной стороны, что адвокатская деятельность – это свободная профессия, а адвокатура – профессиональная правозащитная организация общественного характера. Но, с другой стороны, адвокатура – особый институт гражданского общества, который выполняет публично-правовую функцию – оказание квалифицированной юридической помощи при осуществлении защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц. Поэтому осуществляемый в определенных пределах государственный контроль

за «правилами игры» (т.е. общее государственное руководство адвокатурой) несомненно нужен, однако без мелочной опеки и вмешательства в ее деятельность, без нарушения принципов автономности и корпоративности.

Действующий Закон об адвокатуре избрал на данном этапе приемлемый вариант указанных взаимоотношений, в рамках которого государство обеспечивает независимость деятельности адвокатуры, доступность юридической помощи, а также сотрудничество государственных органов и органов адвокатского самоуправления в обеспечении защиты прав, свобод и законных интересов граждан, оказания правовой помощи физическим и юридическим лицам (ст. 29).

Осуществляя общее и методическое руководство адвокатурой, Министерство юстиции издает в соответствии с законодательством нормативные акты, регулирующие деятельность адвокатуры; контролирует соблюдение адвокатами законодательства; регулирует уставы коллегий адвокатов; вносит в коллегии представления о привлечении адвокатов к дисциплинарной ответственности; выдает и аннулирует при наличии предусмотренных законодательством оснований лицензии на право занятия адвокатской деятельностью; оказывает содействие в материально-техническом, информационно-правовом обеспечении деятельности коллегий адвокатов. Министерство юстиции наделено правом приостановления решений руководящих органов коллегии адвокатов в случае несоответствия их законодательству.

Местные Советы депутатов и их исполнительно-распорядительные органы в пределах своей компетенции на возмездной основе обеспечивают коллегии адвокатов, юридические консультации пригодными для работы помещениями, оказывают содействие в материально-техническом обеспечении, решении жилищно-бытовых и других социальных вопросов, в необходимых случаях предоставляют адвокатам льготы, в том числе по арендной плате за используемые помещения, осуществляют иные мероприятия, направленные на обеспечение доступности юридической помощи, сотрудничают в этих целях с органами адвокатского самоуправления.

Вместе с тем в будущем желательна либерализация взаимоотношений адвокатуры и государства, как это имеет место во многих зарубежных странах и готовится к осуществлению в Российской Федерации. Здесь государственную политику к адвокатуре предполагается свести к установлению гарантий ее независимости, финансированию расходов адвокатов, оказывающих

бесплатную юридическую помощь гражданам, оказанию содействия адвокатам, их организациям и объединениям в получении необходимых служебных помещений, средств связи и оргтехники, а также к ведению Минюстом РФ и его территориальными органами Реестров адвокатов (ст. 6, 7 проекта Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

В этой связи любопытны результаты социологического исследования, проведенного авторами уже упоминавшейся монографии «Защитник в уголовном процессе». Из 126 опрошенных адвокатов все 100 % высказались против жесткого и 68 % – против общего государственного руководства адвокатурой¹. Впрочем, иного результата по ответам адвокатов на этот вопрос ожидать не приходилось.

Таким образом, анализ положений Закона об адвокатуре с внесенными в него изменениями и дополнениями Законом от 6 июля 1998 г. позволяет сделать общий вывод о том, что действующее законодательство в целом отвечает требованиям времени, обеспечивает население квалифицированной юридической помощью, защитой и восстановлением прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Совершенствование организационных и правовых основ белорусской адвокатуры, тесное взаимодействие в работе Республиканской коллегии адвокатов с Министерством юстиции, другими правоохранительными органами обеспечивают результативность деятельности коллегий адвокатов, их юридических консультаций и отдельных адвокатов по защите прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц. Так, общий процент удовлетворенных ходатайств по гражданским делам в 2000 г. составляет 67 %, по административным – 60%. По уголовным делам процент удовлетворенных ходатайств в 2000 г. вырос по сравнению с 1999 г. на 14 % (с 35 до 49 %). Увеличился и процент удовлетворенных ходатайств о прекращении дел в судах кассационной инстанции (с 14 до 21 %). Отмечен некоторый рост числа заключенных договоров по юридическому обслуживанию субъектов хозяйствования. Выросло и общее число мероприятий по правовой информированности населения².

Вместе с тем необходимы дальнейшие развитие и совершенствование организационных и правовых возможностей адвокатуры,

¹ См.: Басецкий И.И., Василевская В.Л. Указ. соч. С. 42.

² См.: Юстыця Беларусі. 2001. № 2. С. 9–10.

использование опыта других стран и, в частности, новейшего правового опыта соседней с нами России, где летом 2001 г. принят в первом чтении Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹. В отличие от Положения об адвокатуре РСФСР 1980 г. новый закон отражает происшедшие в российском обществе перемены, учитывает историю развития адвокатуры в этом государстве, ее традиции, а также современные тенденции в ее эволюции, связанные с созданием новых организационных структур адвокатской деятельности, параллельным функционированием в стране сети организаций, оказывающих правовые услуги.

Одной из актуальных задач нашего времени является поднятие профессионализма адвокатов, впрочем, как и других юристов, особенно в связи с реализацией в новом УПК конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в суде, а также возможным введением в будущем в белорусское уголовное судопроизводство суда присяжных заседателей, что потребует качественно нового уровня деятельности всей нашей уголовной юстиции. Об этом свидетельствует как дореволюционный, так и современный опыт функционирования суда народных представителей в России. Именно в этом суде с его широкой гласностью, состязательностью, непосредственностью и устностью проявился ораторский талант таких выдающихся русских юристов, как П.А. Александров, С.А. Андреевский, В.И. Жуковский, А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако и многие другие. Особо здесь хотелось бы сказать о нашем земляке В.Д. Спасовиче, которого в свое время называли «королем русской адвокатуры», одним из лучших адвокатов Европы. В.Д. Спасович был не только незаурядным присяжным поверенным, но и талантливым ученым, мыслителем, для которого частный случай нередко мог послужить поводом для поднятия общих вопросов и оценки их с точки зрения политика, моралиста и публициста.

Как отмечал А.Ф. Кони, в речах В.Д. Спасовича рассыпано множество ценных замечаний о деятельности и организации суда присяжных, к которому он первое время после его введения относился с недоверием, высказывал опасение, что нравственно-юридическое развитие народа не подготовило его к участию в свободном суде, не стесненном обязательными правилами суждения, что могло вредно отразиться на правильном отправлении правосудия. «Жизнь и здравый смысл народа не подтверждали этих

¹ См.: Адвокатская деятельность и адвокатура // Рос. юстиция. 2001. № 8. С. 10, 11.

опасений, и Спасович, испытав русских присяжных заседателей на практике, прямодушно и твердо стал на их сторону, не впадая в идеализацию»¹.

Может быть, этот штрих из воспоминаний великого юриста не останется незамеченным, заставит и в наше время задуматься противников суда присяжных над правильностью своей позиции. Как известно, вопреки Концепции судебно-правовой реформы 1992 г. и ст. 8 Закона о судоустройстве и статусе судей в Республике, которые предусматривали введение суда присяжных в белорусское уголовное судопроизводство, из нового Уголовно-процессуального кодекса 1999 г. глава 39, регламентировавшая производство с участием присяжных заседателей, Законом Республики Беларусь от 11 мая 2000 г. № 377-З исключена².

К большому сожалению, и в проекте Кодекса о судоустройстве и статусе судей, которой разработан Национальным центром законопроектной деятельности при Президенте Республики Беларусь и внесен на рассмотрение Палаты представителей Национального собрания, суд присяжных не упоминается вовсе. Между тем этот кодекс должен стать шагом вперед не только с точки зрения законодательной техники, но и, разумеется, содержать демократические нововведения, приближающие белорусскую судебную систему к международным стандартам. Одним из таких общепризнанных стандартов и является суд присяжных заседателей.

Между тем в России упомянутая форма суда успешно действует в девяти ее регионах, а летом 2001 г. Государственная Дума приняла во втором чтении новый УПК, в котором предусмотрен такой правовой институт, что означает практически введение суда присяжных на всей территории Российской Федерации. Это большая победа новой России, значительное демократическое завоевание, т.к. суд присяжных – наиболее совершенная форма уголовного судопроизводства по делам о тяжких и спорных обвинениях, способная демократизировать и гуманизировать не только уголовную юстицию, но и общество в целом. Не будет преувеличением сказать, что суд присяжных, представляющий все слои населения, вызывающий доверие к себе людей, неподкупный и самостоятельный, а значит, наиболее независимый, объективный и беспристрастный, обеспечивающий реальное участие народных представителей в суде – общепризнанная гуманистическая

¹ Кони А.Ф. Собр. соч. М., 1968. Т. 5. С. 117.

² См.: Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 34, 2/152.

ценность, проводник правовых идей, лучшая школа нравственно-правового развития для народа. Нельзя не согласиться с утверждением, что «суд присяжных – величайшее достижение мировой культуры, социальная ценность, от которой нам никак не следует отказываться»¹.

Предвижу, что со временем эта форма суда непременно появится и у нас в Беларуси, где она в дореволюционное время действовала почти 35 лет и положительно себя зарекомендовала, о чем имеются исторические свидетельства. Для нашей страны, только что ставшей на путь демократических преобразований, такой институт имеет фундаментальное, определяющее значение. Его введение обогатило бы и украсило белорусскую правовую систему, усилило правовую защищенность человека и гражданина, минимизировало судебные ошибки, повысив профессионализм работников юстиции и правозащитников, авторитет и доверие к судебной власти населения².

Кстати сказать, международная научная конференция на тему «Участие непрофессионалов в уголовном судопроизводстве в XXI веке», прошедшая в Сиракузах (Италия) в мае 1999 г., также указала на то, что суд присяжных должен рассматривать тяжкие и особо тяжкие преступления, в качестве наказания за которые предусматриваются длительное лишение свободы или смертная казнь. При этом отмечалось, что общемировая тенденция к демократизации общественной жизни в конце XX в. нашла отражение, в частности, в усилении внимания к вопросам расширения участия непрофессионалов в уголовном судопроизводстве³. В данной связи хотелось бы отметить, что в новейшем белорусском законодательстве хотя и сохраняется институт народных заседателей (вместо присяжных), однако рамки их участия в судебном разбирательстве уголовных дел существенно сужаются. В соответствии со ст. 32 УПК Республики Беларусь 1999 г. (в ред. Закона от 11 мая 2000 г.) судья единолично, т.е. без народных заседателей, рассматривает дела о преступлениях, за которые максимальное наказание, предусмотренное уголовным законом, не превышает десяти лет лишения свободы, за исключением дел о преступлениях несовершеннолетних. Последние, как отмечалось, должны

¹ Петрухин И.Л. Суд присяжных: Проблемы и перспективы // Государство и право. 2001. № 3. С. 15.

² См.: Мартинович И.И. Введение суда присяжных в Республике Беларусь – требования времени // Рос. юстиция. 2001. № 8. С. 54.

³ Львова Е. Суд народа в XXI веке (по материалам международной конференции в Сиракузах) // Рос. юстиция. 1999. № 12. С. 10–11.

рассматриваться специальными судами по делам несовершеннолетних либо судьями, имеющими специальную подготовку (ст. 463 УПК).

Следовательно, мировые тенденции на расширение участия народных представителей в судопроизводстве ориентируют на то, чтобы право на суд присяжных стало неотъемлемым элементом национальной правовой системы Беларуси. Его наличие в судебной системе – признак цивилизованности и демократичности государства, гарантирующего гражданину при непризнании своей вины в совершении вменяемого ему тяжкого преступления возможности апеллировать к обществу, к суду общественной совести и последней надежды.

Завершая рассмотрение вопроса о повышении профессионализма адвокатов и факторах, этому способствующих, объективности ради надо констатировать, что уровень адвокатской деятельности в целом и выступлений адвокатов в суде в частности за последнее десятилетие заметно выросли. Об этом свидетельствуют содержание и форма речей адвокатов по уголовным и гражданским делам в вышедших в свет в 1997 и 2000 гг. сборниках¹. Опубликованные в них судебные речи по разнообразным категориям гражданских и уголовных дел хорошо продуманы, аргументированы и доказательны, произнесены хорошим литературным языком, в меру эмоциональны и рациональны. Видимо, именно поэтому решения и приговоры судов, как правило, совпадали с позицией адвокатов. Нельзя не согласиться с мнением Л.Л. Зайцевой, что публикация речей адвокатов способствует улучшению качества выступлений в судах, развитию и совершенствованию судебного ораторского искусства, усилению воспитательного воздействия судебных процессов, повышению уровня осуществления правосудия, а следовательно, и авторитета адвокатуры в обществе и государстве².

Общеизвестно, что речь адвоката в суде – это кульминация, вершина его участия в судебном процессе, ибо в ней подводятся итоги этого участия, анализируются собранные доказательства по делу, дается им правовая оценка, излагается мнение по всем вопросам, подлежащим решению в совещательной комнате судей.

О роли защитника в судебном процессе весьма проникновенно писал А.Ф. Кони. Эти слова знает каждый юрист, но невозможно

¹ См.: Судебные речи адвокатов по уголовным и гражданским делам. Мн., 1977; Сборник речей адвоката М.И. Хвесени. Гродно, 2000.

² См.: Судебные речи адвокатов... С. 12.

их не напомнить читателю еще раз: «Защита есть общественное служение. Защитник не слуга своего клиента и не пособник ему в стремлении уйти от заслуженной кары правосудия. Он друг, он советник человека, который, по его искреннему убеждению, невиновен вовсе или вовсе не так и не в том виновен, как и в чем его обвиняют... Ибо нет такого падшего и преступного человека, в котором безвозвратно был бы затемнен человеческий образ и по отношению к которому не было бы места слову снисхождения»¹.

¹ Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе: собр. соч. М., 1967. Т. 4. С. 63–64.

Заклучение

Белорусская адвокатура, как и вся юстиция в целом, имея свои глубокие исторические корни и традиции, прошла сложный и длительный путь развития. Как самоуправляемая организация лиц свободной профессии адвокатура в Северо-Западном крае Российского государства была введена судебными уставами 1864 г. и в таком качестве просуществовала до установления Советской власти.

Развитие адвокатуры в Беларуси в советский и постсоветский периоды тесно связано с историей судоустройства и судопроизводства, всей государственно-правовой системой, социальным процессом в целом. Являясь институтом гражданского общества, адвокатура вместе с тем имеет публично-правовой статус. Осуществляемые ею профессиональная уголовная защита и гражданско-правовое представительство – составные части системы правосудия.

Изменения в политической системе и экономических отношениях в последнее десятилетие прошлого столетия, обретение республикой подлинного суверенитета обусловили проведение судебно-правовой реформы, демократизацию всех институтов общества и государства, в том числе и адвокатуры, увеличение численности адвокатов, их специализацию, повышение профессионализма, образование новых форм организации адвокатской деятельности, усиление гарантий ее независимости и корпоративности.

Значительно повышены статус этого правового института, его роль в механизме обеспечения защиты прав человека. Закон Республики Беларусь от 15 июня 1993 г. «Об адвокатуре», принятый в рамках реализации Концепции судебно-правовой реформы, получил высокую оценку у экспертов Совета Европы. Внесением последующих изменений и дополнений в этот правовой акт был усилен государственный контроль за формированием и деятельностью адвокатских объединений.

Эволюция института адвокатуры в Беларуси не шла по столбовой дорожке: это был противоречивый, но в целом поступательный путь развития. Теперь важно сохранить и приумножить все ценное, что приобретено на этом пути, обеспечить полное соответствие профессиональных и этических норм адвокатской деятельности международно-правовым стандартам и в первую очередь – основным положениям о роли адвокатов 1990 г. и Профессиональным правилам адвокатов Европейского союза, принятым Общим

собранием Совета адвокатур Европейского сообщества 28 ноября 1998 г. в Лионе.

Углубление интеграционных процессов Союза Беларуси и России, подписание Декларации о создании союзного государства, договора и соглашения об обеспечении равных прав граждан на территории Российской Федерации и Республики Беларусь предполагают, как известно, сближение национальных правовых систем этих государств, унификацию их законодательства, в том числе о судостроительстве и судопроизводстве, а также об адвокатуре и адвокатской деятельности.

К счастью, давно прошло время, когда обсуждался в нашей стране вопрос о том, нужна ли адвокатура. Ныне жизненная необходимость ее как составной, неотъемлемой части национальной правовой системы никем не оспаривается. В современный период дискуссии ведутся о путях дальнейшего развития данного института гражданского общества, повышения роли адвокатуры в защите конституционных прав и свобод граждан, оказании квалифицированной юридической помощи всем, кто в этом нуждается, а также в правовом просвещении народа. Примером может служить Россия, где адвокаты, ученые-юристы и законодатели активно и заинтересованно обсуждают вопрос о том, какой должна быть адвокатура в современном российском обществе. Юридическая общественность Российской Федерации отчетливо сознает, что, как записано в Концепции судебной реформы 1991 г., уровень развития адвокатуры – индикатор состояния законности в обществе, один из признаков реальной защищенности человека.

Внесенный Президентом Российской Федерации В. Путиным в Государственную Думу 25 мая 2001 г. проект Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» призван расширить правовые и организационные принципы данной структуры по оказанию квалифицированной правовой помощи физическим и юридическим лицам, учесть современные тенденции развития адвокатуры, связанные с созданием новых организационных структур ее деятельности, с параллельным развитием сети организаций, оказывающих правовые услуги.

Основные концептуальные положения данного законопроекта следующие: адвокат как единственный субъект оказания юридической помощи; защищенный абсолютной профессиональной тайной и гарантиями своей независимости; право выбора организации своей работы самими адвокатами; единый орган адвокатского самоуправления в регионе, выполняющий ассоциативные функции, но не имеющий, как президиумы нынешних коллегий,

административной власти над адвокатами; запрет межтерриториальных корпораций¹.

Надо думать, что после учета некоторых критических замечаний этот прогрессивный законопроект станет законом, отвечающим новым реалиям и общественным потребностям. Отражая социальную и правовую значимость института адвокатуры, новейшее российское законодательство обеспечит его максимальную независимость от органов государственной власти, а также самоуправляемость – эти главные и необходимые условия надежной защиты адвокатами прав граждан.

В Беларуси также формируется независимая, авторитетная, высокопрофессиональная адвокатура, способная обеспечить выполнение в соответствии с Конституцией правозащитной деятельности на уровне современных требований в целях эффективного осуществления и защиты прав, свобод и законных интересов человека. Только такая адвокатура необходима личности, обществу, государству. Развитие белорусской адвокатуры не завершено. Оно будет продолжаться, как продолжается в Республике Беларусь осуществление судебно-правовой реформы. Процесс совершенствования бесконечен и многогранен, как сама наша жизнь...

¹ См.: Резник Г. Концепция хороша, какова будет ее реализация? // Рос. юстиция. 2001. № 8. С. 16.

Приложения

Приложение 1

Положение об адвокатуре

Принято на III сессии ЦИК С.С.Р. Белоруссии 26 июня 1922 г.
СУ БССР. 1922. № 5. Ст. 84.

Во изменение положения об организации правозащиты на суде от 26 декабря 1921 г. (Известия ЦИКБЕЛ № 27 за 1921 г.) III сессия ЦИК Белоруссии ПОСТАНОВЛЯЕТ:

При Наркомюсте образуется Коллегия защитников по уголовным и гражданским делам. Деятельность Коллегии регулируется особым положением.

Члены Коллегии защитников первого состава утверждаются Наркомюстом по представлению гор- и уисполкомов. В дальнейшем прием членов Коллегии производится Президиумом Коллегии по представлению гор- и уисполкомов с доведением о приеме до сведения Наркомюста, коему представить право отвода принятых новых членов Коллегии.

Примечание. В удостоверение права занятия адвокатурой члены Коллегии защитников обязаны получить от Народного Комиссариата Юстиции свидетельство.

Члены Коллегии защитников не могут занимать должности в государственных учреждениях и предприятиях. Исключение допускается:

1) для лиц, занимающих государственные должности по выборам, кроме работников юстиции; 2) для профессоров и преподавателей юридических наук; 3) для юрисконсультов учреждений и предприятий.

Примечание 1-е. Юрисконсульты учреждений и предприятий, состоящие одновременно членами Коллегии правозащитников, не вправе принимать к ведению дела как учреждений, так и частных лиц, в коих противной стороной является учреждение, где они состоят юрисконсультами.

Примечание 2-е. Юрисконсульты, являющиеся одновременно правозащитниками, не вправе также принимать к ведению дела от частных лиц, если противной стороной является государственное учреждение.

Общее собрание членов Коллегии защитников избирает из своей среды Президиум Коллегии, который утверждается Наркомюстом.

На Президиум Коллегии защитников возлагается: а) наблюдение и контроль за исполнением защитниками своих обязанностей; б) наложение дисциплинарных взысканий на членов Коллегии, с правом обжалования заинтересованными лицами в НКЮ постановлений Президиума Коллегии; в) распоряжение денежными суммами, поступающими в Фонд коллегии в порядке статьи 6-й, г) назначение бесплатной защиты и защиты по таксе в порядке пунктов а и б статьи 5-й; д) организация консультаций для оказания юридической помощи населению по заданиям Народного Комиссариата Юстиции.

Оплата труда защитников производится на следующих основаниях:

а) лица, признанные особыми постановлениями народного суда неимуществами, от всякого вознаграждения защитников по уголовным и гражданским делам освобождаются;

б) рабочие государственных и частных предприятий и служащие советских учреждений имеют право оплачивать услуги защитников по таксе, устанавливаемой Наркомюстом;

в) во всех остальных случаях вознаграждение защитнику определяется соглашением его с заинтересованной стороной.

Защитники вносят из своего вознаграждения процентное отчисление, устанавливаемое Наркомюстом, в фонд Коллегии защитников на расходы по содержанию Президиума Коллегии и по организации юридических консультаций.

Кроме членов Коллегии защитников, допускаются к защите близкие родственники обвиняемого или потерпевшего, уполномоченные представители государственных учреждений, а равно профессиональных, кооперативных и других общественных организаций. Иные лица допускаются только с особого разрешения суда, в производстве коего находится данное дело.

Председатель Центрального
Исполнительного Комитета
С.С.Р. Белоруссии
Наркомюст
Секретарь ЦИК

А. Червяков
А. Гётнер
А. Сташевский

Положение о коллегии защитников
Постановление Народного Комиссариата юстиции
С.С.Р. Белоруссии от 26 июля 1922 г. № 6207.

СУБССР. 1922. № 5. Ст. 106.

Коллегия защитников ССР Белоруссии состоит при НКЮ Бел. Члены Коллегии ведут дела в пределах ССРБ, как по поручению заинтересованных лиц и учреждений, так и по назначению Президиума Коллегии.

Членами Коллегии защитников могут быть лица, удовлетворяющие одному из нижеуказанных требований: а) имеющие практический стаж ответственной работы не менее 2 лет в органах Советской юстиции (судьи, следователи, члены коллегии отделов юстиции, консультанты и правозаступники); б) лица, выдержавшие испытание в особой Комиссии, образуемой под председательством Наркомюста при участии члена Президиума Совнарсууда и члена Президиума Коллегии защитников, по особой программе (приложение № 3).

Примечание. В исключительных случаях испытательные Комиссии по единогласному решению могут освобождать от испытания лиц, по своим познаниям и практической подготовке в области Советского права вполне могущих быть членами Коллегии защитников.

Не могут быть членами Коллегии защитников: а) лица, не достигшие совершеннолетия; б) лица, указанные в ст. 65 Конституции РСФСР; в) лица, состоявшие под следствием или судом по преступлениям, за совершение коих Уголовным Кодексом РСФСР предусматривается наказание в виде лишения свободы или другое более тяжелое наказание; г) лица, ограниченные в правах по судебным приговорам; д) лица, состоящие под опекой; е) лица, исключенные из числа членов коллегии защитников какой бы то ни было губ. или областей Советских республик.

Примечание. Лица, исключенные бессрочно из состава членов Коллегии защитников, могут ходатайствовать вновь о зачислении не ранее, как по прошествии 3 лет.

Члены Коллегии защитников не могут занимать должностей в государственных учреждениях и предприятиях. Исключение допускается: 1) для лиц, занимающих государственные должно-

сти по выборам, кроме работников юстиции; 2) для профессоров и преподавателей юридических наук и 3) для юрисконсультсов учреждений и предприятий.

Примечание 1. Юрисконсульты учреждений и предприятий, состоящие одновременно членами Коллегии правозащитников, не вправе принимать к ведению дела как учреждений, так и частных лиц, в коих противной стороной является учреждение, где они состоят юрисконсультами.

Примечание 2. Юрисконсульты, являющиеся одновременно правозащитниками, не вправе также принимать от частных лиц к ведению дела, если противной стороной является государственное учреждение.

Лица, желающие вступить в число Коллегии, подают соответственные заявления в Президиум Коллегии, представляя при заявлении краткое жизнеописание и необходимые документы. Президиум Коллегии, усмотрев из заявления, что заявитель должен в силу п. «б» ст. 2 настоящего положения подвергнуться испытанию, направляет заявление в испытательную Комиссию.

Постановление Президиума о зачислении или отказе о приеме в число членов Коллегии выносится с указанием мотивов на основании представленных заявителем документов и в необходимых случаях удостоверения о выдержании испытания (п. 6 ст. 2).

Отказ в приеме может быть в течение месяца обжалован в НКЮ, который, по затребовании Президиума Коллегии защитников, в случае признания жалобы уважительной, предлагает Президиуму Коллегии защитников пересмотреть вопрос о зачислении данного лица.

О каждом зачислении в члены Коллегии защитников Президиум Коллегии сообщает в трехдневный срок НКЮ и в Президиум Совнарсуда.

НКЮ в течение месячного срока со дня поступления к нему сообщения о зачислении того или иного лица в число членов Коллегии может отвести зачисленного или выдает ему удостоверение о зачислении в члены Коллегии, при чем о своем решении сообщает в Президиум Коллегии.

Члены Коллегии защитников избирают на общем собрании Президиума Коллегии в числе от 3 до 7 лиц сроком на 1 год. Список членов Президиума Коллегии сообщается в НКЮ и Президиум Совнарсуда.

Примечание. Президиум Коллегии может образовывать в уездных городах уездное бюро защитников, члены которого избираются общим собранием защитников, проживающих в пределах уезда, или назначать из числа уездных защитников своего уполномоченного. Об означенных постановлениях Президиум Коллегии извещает НКЮ и соответствующий уисполком.

Общее собрание Коллегии защитников созывается Президиумом Коллегии или по требованию не менее как одной пятой числа членов Коллегии защитников. Предметами ведения общих собраний являются: а) избрание Президиума Коллегии и заслушивание отчетов Президиума; б) обсуждение общих вопросов, касающихся деятельности Коллегии защитников в целом; в) установление отчислений в фонд Коллегии; г) разработка общего плана организации консультаций для юридической помощи населению, представляемого на утверждение НКЮ.

Примечание 1. Копии протоколов общих собраний препровождаются в трехдневный срок для сведения в Президиум Совнарсуда и НКЮ.

Примечание 2. Для действительности общих собраний по вопросу об избрании Президиума Коллегии необходимо присутствие не менее половины всех членов Коллегии защитников.

К предметам ведения Президиума Коллегии относятся:

а) рассмотрение заявлений о вступлении в члены Коллегии защитников или об отчислении из числа ее членов; б) наблюдение и контроль за исполнением членами коллегии своих обязанностей и наложение на них дисциплинарных взысканий; в) установление порядка назначения бесплатной защиты и защиты по таксе; г) организация консультаций для оказания юридической помощи населению; д) созыв общих собраний членов Коллегии и представление им своих отчетов; е) наблюдение за деятельностью уездных бюро защитников и уездных уполномоченных Президиума Коллегии; ж) распоряжение имуществом и денежными суммами Коллегии; з) принятие мер к охране дел умерших, тяжело больных и устраненных от деятельности членов Коллегии защитников.

Примечание. Копии протоколов заседаний Президиума Коллегии препровождаются в трехдневный срок в НКЮ и президиум Совнарсуда.

Президиум Коллегии может налагать следующие дисциплинарные взыскания: а) предупреждение; б) выговор; в) штраф в фонд Коллегии; г) исключение из числа членов Коллегии бессрочно или на срок. О всех постановлениях по дисциплинарным делам Президиум Коллегии сообщает в НКЮ и Президиум Совнарсуда.

Постановления Президиума Коллегии по дисциплинарным делам могут быть обжалованы в 2-недельный срок потерпевшими членами Коллегии, привлеченными к дисциплинарной ответственности, в НКЮ. Жалоба подается в Президиум Коллегии, который направляет ее со всем делом в НКЮ.

Президиум Коллегии представляет каждые четверть года отчет о деятельности Коллегии, в частности о деятельности консультаций, в НКЮ и Президиум Совнарсуда.

Президиум Коллегии имеет свою печать.

Уполномочение членов Коллегии на ведение дела производится путем выдачи заинтересованному лицом или учреждением доверенности, надлежаще засвидетельствованной в нотариальном порядке, или заявления (словесного или письменного) судебному органу, в котором производится дело.

Примечание. По делам рабочих и служащих, пользующихся правом оплачивать услугу защитникам по таксе, и по делам бесплатной защиты ордер Президиума Коллегии по уголовным делам заменяет таковую доверенность, причем защитник на основании этого ордера пользуется всеми правами, предоставляемыми ему Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР.

Члены Коллегии защитников не могут до окончания дела принимать к своему производству дел противной стороны.

Вознаграждение за ведение дела определяется по общему правилу по взаимному соглашению заинтересованного лица и члена Коллегии защитников. Лица, пользующиеся правом уплачивать вознаграждение по таксе, производят эту оплату согласно правилам, устанавливаемым приложением 1 к настоящему положению. По делам бесплатной защиты необходимые расходы по делу (проезды, снятие копий и т.п.) производятся за счет фонда коллегии защитников постановлениями Президиума Коллегии согласно представляемым счетам.

Все члены Коллегии обязаны участвовать в консультациях, организуемых Президиумом Коллегии.

Члены Коллегии защитников обязаны вести книги дел с записями времени принятия дела, содержания дела, движения дела и также всех поступлений, расходов по делу и расчетов с лицами, дела которых они ведут.

Члены Коллегии защитников, состоящих в уездах, не могут оставлять работы в данном уезде без разрешения Президиума Коллегии.

Отъезды членов Коллегии на время более двух недель из места своего постоянного жительства могут совершаться лишь по предварительному извещению президиума Коллегии и лишь после того, как по всем порученным им делам будут назначены соответственные заместители из числа членов Коллегии.

Члены Коллегии защитников обязаны извещать Президиум Коллегии о всякой перемене своего местожительства.

По делам умерших, заболевших тяжелою болезнью, безвестно отсутствующих или исключенных членов Коллегии защитников Президиум Коллегии назначает заместителей из числа членов Коллегии защитников, которые обязаны принимать все меры к выяснению положения дел, находившихся в производстве замещаемого и докладывать Президиуму Коллегии.

Члены Коллегии защитников обязаны отчислять из получаемого ими вознаграждения суммы, внося их или непосредственно на текущий счет Президиума Коллегии, или через Президиум Коллегии, или Уездное Бюро защитников. Размер отчисляемых сумм определяется приложением № 2 к настоящему положению.

Народный Комиссар Юстиции
С.С.Р. Белоруссии

А. Гетнер

СТАТЬИ

Создание ювенальной юстиции в Беларуси – требование времени

Публикуется по статье:

Мартинovich, И.И. Создание ювенальной юстиции в Беларуси – требование времени / И.И. Мартинovich // Перспективы создания ювенальной юстиции в Республике Беларусь : сб. ст. и материалов / Представительство Дет. фонда ООН (ЮНИСЕФ) в Респ. Беларусь ; под общ. ред. Г.М. Леоновой. – Минск : Тесей, 2004. – С. 6–15.

Одной из актуальных, жизненно важных проблем современной Беларуси является образование ювенальной юстиции, иначе говоря, юстиции для несовершеннолетних правонарушителей. Это обусловлено ростом безнадзорности, беспризорности и правонарушений среди молодежи, ухудшением общей криминогенной обстановки. Нас обязывают к этому международные обязательства, в частности, ратифицированная республикой Конвенция о правах ребенка и Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), утвержденные Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1985 г.

Рассмотрение дел в отношении несовершеннолетних специализированными судами было предусмотрено, как известно, Концепцией судебно-правовой реформы, одобренной Верховным Советом 23 апреля 1992 г., а затем и ст. 31 Закона Республики Беларусь «О правах ребенка» 1993 г. Являясь базовым правовым актом по судебной организации, Закон о судостроительстве и статусе судей Республики Беларусь от 13 января 1995 г. в ст. 1 определил, что в системе общих судов могут быть образованы специализированные коллегии, а при наличии соответствующих условий – специализированные суды, в том числе и по делам несовершеннолетних. Правовая база для деятельности таких судов в принципе создана новым белорусским процессуальным законодательством. Специфика рассмотрения в суде гражданских дел с участием несовершеннолетних, связанных с защитой их прав и интересов,

нашла достаточно полное отражение в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь 1998 г. Уголовно-процессуальный кодекс 1999 г., введенный в действие с января 2001 г., впервые предусмотрел отдельную главу, посвященную производству по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до 18 лет. В ней последовательно проводится пронзительный в международных правовых актах принцип повышенной юридической защиты несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве: рассмотрение уголовных дел в отношении таких лиц предусмотрено специальными судами либо судьями, имеющими специальную подготовку.

Надо также отметить, что необходимость практического решения вопроса о формировании в Беларуси ювенальной юстиции была подтверждена на Втором съезде судей Республики Беларусь в феврале 2002 г. Наконец, на это ориентирует и создание Союзного государства с Россией, где уже создается ювенальная юстиция, а также пусть и не близкая перспектива вступления Беларуси в Совет Европы.

К сожалению, в нашей стране отсутствует исторический опыт специализированного правосудия в отношении несовершеннолетних. Между тем, следует напомнить, что первые суды в мире по делам детей и подростков появились более 100 лет тому назад в США в штате Иллинойс с весьма гуманной целью: не столько судить и наказывать несовершеннолетних правонарушителей, сколько находить решения, отвечающие интересам ребенка и общества, выражаясь современным языком, его социальной реабилитации. Опыт организации и деятельности американских судов по делам несовершеннолетних был глубоко изучен известным русским ученым профессором П.И. Люблинским, обосновавшим идею о необходимости введения таких судов в Российском государстве. Так называемые «детские суды» стали функционировать, как известно, в 1910 г. в Петербурге, Москве, Харькове и некоторых других городах. Однако на территории Беларуси они введены не были. Это объяснялось тем, что все прогрессивные нововведения проводились здесь, как и на других окраинах Российской империи, с большим опозданием, а то и вовсе не осуществлялись. Между тем деятельность первых российских судов по делам несовершеннолетних оценивалась в специальной литературе весьма высоко¹.

¹ См.: Люблинский П.И. Особые суды для юношества в Северной Америке и Западной Европе. СПб., 1908; Люблинский П.И. Суды для несовершеннолетних в Америке как воспитательные и социальные центры. М., 1911.

После революции Советская власть на первоначальном этапе государственного строительства отказалась от судебной юрисдикции по делам несовершеннолетних, образовав для рассмотрения такого рода дел соответствующие комиссии. Затем долгие годы предложения о специализации судей по данной категории дел и тем более о создании специализированных судов по делам несовершеннолетних не находили официальной поддержки в основном, думается, из-за карательной направленности уголовной политики, а также нежелания привлекать внимание к неблагополучной ситуации с детской преступностью. Только в 1989 г., когда общество стало более открытым, а подростковая преступность продолжала расти, в общесоюзном акте – Основях законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве (ч. 3 ст. 23) было предусмотрено образование в союзных республиках составов судов для рассмотрения уголовных дел с участием несовершеннолетних. Это в какой-то мере оживило научную мысль, и у белорусских ученых появились публикации о необходимости создания судов по делам несовершеннолетних¹. Эта идея нашла затем отражение в национальной Концепции судебно-правовой реформы 1992 г. а в последующем, как указывалось, и в белорусском законодательстве. Однако в связи с произошедшими в республике глубокими политическими и социально-экономическими изменениями, значительным ростом и «омоложением» преступности, а также установкой на международные стандарты стало очевидным, что ограничиваться созданием специализированных коллегий или судов по делам несовершеннолетних не следует. Решать эту проблему надо более основательно и радикально, т.е. ставить вопрос о формировании в Беларуси системы ювенальной юстиции, которая должна включать ювенальные суды, ювенальную прокуратуру и адвокатуру, службу квалифицированных психологов и социальных работников и иных специалистов, а также специальные учреждения социальной реабилитации несовершеннолетних и молодежи и т.д.

В проекте Концепции ювенальной юстиции Республики Беларусь, разработанной группой белорусских ученых летом 2003 г. ювенальная юстиция определяется как совокупность правовых, медико-социальных, психолого-педагогических и реабилитационных механизмов, а также иных процедур, программ и мер, предназначенных для обеспечения наиболее полной защиты прав, свобод и законных интересов детей, направленных на создание

¹ Мартинович И.И. Дискуссионные вопросы судебно-правовой реформы // Право и демократия: межведомствен. сб. науч. тр. Мн., 1990. Вып. 3. С. 128.

условий надлежащей профилактики противоправного поведения несовершеннолетних, их ресоциализации и реабилитации, а также взаимосогласования деятельности государственных органов и общественных институтов, ответственных за реализацию указанных мероприятий.

Приведенная дефиниция достаточно полно раскрывает цели и назначение ювенальной юстиции. Однако, видимо, для более точного и определенного обозначения ее инфраструктуры целесообразно указать на наличие в ней самостоятельной подсистемы органов уголовной юстиции, включающих ювенальные органы предварительного расследования, ювенальную прокуратуру, ювенальную адвокатуру, специализированные суды по делам несовершеннолетних и органы исполнения наказания. Это вытекает из самого названия данного социально-правового института – ювенальная юстиция. Но главное в том, что именно с создания системы таких органов на региональном уровне предлагается в ближайшей перспективе начать формирование ювенальной юстиции в нашей республике. Это и понятно. Занимая особое место в предупреждении преступности несовершеннолетних, их ресоциализации и реабилитации, органы уголовной юстиции являются по сути институтообразующей системой ювенальной юстиции, хотя никто не склонен уменьшать значимость всех остальных механизмов и структурных подразделений последней. Только ее комплексная инфраструктура позволит правильно, научно обоснованно решить всю совокупность вопросов, связанных с правонарушениями несовершеннолетних, осуществлением надзора за соблюдением законности, обеспечением надлежащей защиты прав детей и подростков, попавших в орбиту формального правосудия, их последующей социальной реабилитацией.

Ознакомление с зарубежным опытом организации ювенальной юстиции (прежде всего французской моделью), а также ее российской теоретической концепцией и российским законопроектом «О ювенальной юстиции в Российской Федерации» (1996 г.), другими материалами позволили автору в свое время высказать некоторые суждения о модели построения ювенальной юстиции и, в частности, системы органов ювенального правосудия в Республике Беларусь¹. Однако в связи с появлением проекта вышеназванной Концепции

¹ См.: Мартинович И.И. Об организации правосудия в отношении несовершеннолетних в Республике Беларусь // Проблемы развития ювенальной юстиции в Республике Беларусь. М., 2000; Мартинович И.И. Проблемы создания ювенальной юстиции в Республике Беларусь // Юстиция Беларуси. 2000, № 2; Мартинович И.И. В Беларуси созрели предпосылки создания ювенальной юстиции // Рос. юстиция. 2002. № 8.

ювенальной юстиции возвращение к этому вопросу представляется вполне оправданным и целесообразным.

Учитывая переходное состояние общества и государственную ориентацию на постепенное и поэтапное совершенствование системы правосудия, а также необходимость проведения широкого комплекса мероприятий, направленных на полномасштабное внедрение в практику институтов, принципов и процедур, составляющих систему ювенальной юстиции, включая ее материально-техническое и финансовое обеспечение, на первом этапе становления национальной ювенальной юстиции предлагалось образовать специализированные коллегии по делам несовершеннолетних в областных и Минском городском судах, выделить судей по указанной категории дел в крупных районных (городских) судах с одновременным углублением специализации по делам несовершеннолетних в органах прокуратуры, следствия и дознания, внедрить ее в работу коллегий адвокатов. Кстати сказать, такая специализация началась еще в советские времена, но не получила достаточно четкого организационно-правового оформления. Следующим шагом в создании ювенальной юстиции в Беларуси (после накопления определенного опыта) могло бы стать образование в системе общего правосудия автономных, на двух уровнях специализированных ювенальных судов, ювенальных прокуратур и адвокатур, органов предварительного расследования, соответствующих служб социально-психологической помощи. Причем в зависимости от тяжести правонарушения можно предусмотреть три возможных состава: один ювенальный судья – по малозначительным правонарушениям, а также принятию решений о применении к несовершеннолетним принудительных мер, в том числе направлении их в специальные учебно-воспитательные или лечебно-воспитательные учреждения и дача санкции на применение мер пресечения, связанных с лишением свободы; второй состав – ювенальный судья и два заседателя по делам средней тяжести; и суд присяжных в составе ювенального судьи и пяти присяжных заседателей – по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных несовершеннолетними в возрасте от 16 до 18 лет, если обвиняемый не признает себя виновным и заявляет соответствующее ходатайство, т.е. он или его законный представитель настаивают на рассмотрении дела в таком составе. Отмечу, что, несмотря на сдержанное и даже негативное отношение некоторых белорусских юристов, ученых и практиков к этому демократическому институту (о чем свидетельствуют острейшие дискуссии по данному вопросу на научно-

практических конференциях и в Парламенте, а также исключение из УПК Республики Беларусь 1999 г. главы о производстве уголовных дел с участием присяжных заседателей – Закон от 11 мая 2000 г.), введение его в ювенальную юстицию страны крайне важно. Это позволило бы усилить гарантии права обвиняемого на защиту, обеспечить высокое качество осуществления правосудия и досудебного производства по данной категории дел.

В ювенальной системе правосудия, как и в ювенальной юстиции в целом, не менее желательно расширить участие женщин, как специалистов (юристов, психологов, социальных педагогов), так и неюристов (заседателей и работников других служб). Впрочем, на набор, подготовку и содействие продвижению женщин – сотрудников в указанной сфере обращалось внимание в Пекинских правилах.

Заседатели для ювенальных судов (в том числе и присяжные) могли бы привлекаться из особого списка, составленного из педагогов, психологов, врачей и других специалистов, а также лиц, занимающихся или интересующихся проблемами защиты детей и подростков и их воспитания.

В системе ювенального правосудия следует предусмотреть и апелляционную инстанцию в лице соответствующей коллегии Верховного Суда Республики Беларусь. Как обоснованно утверждают авторы теоретической концепции российской модели ювенальной юстиции Э.Б. Мельникова и Г.Н. Ветрова, для суда по делам несовершеннолетних она более приемлема, что подтверждается практикой деятельности таких инстанций в англосаксонской и континентальной системах права¹. Вместе с тем данная судебная инстанция, проверочная по своему назначению, должна быть включена в структуру высшего органа судебной власти системы судов общей юрисдикции еще и потому, что она обеспечит квалифицированный судебный надзор за деятельностью ювенальных судов и дачу разъяснений по вопросам применения законодательства при осуществлении правосудия по этой категории дел. В законе, однако, следует сделать оговорку, что судьбы этой судебной коллегии, как и всех ювенальных судов, должны иметь соответствующую специальную подготовку, т.е. обладать знаниями в области возрастной психологии и педагогики, или иметь стаж работы в системе ювенальной юстиции, или опыт работы с детьми и подростками. Нельзя не заметить, что создание

¹ Правозащитник. М., 1996. № 1. С. 31.

апелляционной инстанции в системе ювенального правосудия не вызовет особых затруднений, поскольку в соответствии с резолюцией Второго съезда судей Республики Беларусь от 21 февраля 2002 г. предусматривается дальнейшее развитие процессуально-го законодательства путем введения апелляционного производства как более действенного правового механизма исправления возможных судебных ошибок, принятых по первой инстанции решений¹.

Касаясь полномочий ювенальных судов, уместно подчеркнуть, что нецелесообразно наряду с судами по делам несовершеннолетних учреждать и специализированные суды по семейным делам, как это вытекает из содержания ст. 1 Закона о судостроительстве и статусе судей Республики Беларусь. В правовой литературе на этот счет высказывается обоснованное мнение о том, что возникшие и развивающиеся преимущественно как органы уголовного правосудия ювенальные суды приобретают цивилистический характер².

Такие суды, именуемые семейными, опекуновскими, патримониальными, по делам несовершеннолетних и семьи, действуют во многих странах мира. Создание органов межотраслевой, комплексной (уголовной и гражданской) судебной юрисдикции предусматривается и в российском законопроекте о ювенальной юстиции, опубликованном в 1996 г. Так, ст. 7 этого проекта под названием «Суд по делам о несовершеннолетних – суд комплексной юрисдикции» гласит, что юрисдикция суда по делам несовершеннолетних является комплексной. Это значит, что данный суд, будучи судом уголовным, может в рамках рассмотрения дел о правонарушениях или преступлениях несовершеннолетних рассматривать связанные с правонарушением или преступлением вопросы, касающиеся опеки и попечительства над несовершеннолетними правонарушителями, о злоупотреблениях родителями их родительскими правами в отношении несовершеннолетних, и принимать по этим вопросам соответствующие решения.

Комплексная юрисдикция ювенального суда по названному законопроекту должна включать и рассмотрение гражданских дел по искам несовершеннолетних, их законных представителей

¹ Резолюция Второго съезда судей Республики Беларусь // Судовы веснік. 2002. №1. С. 13.

² Мельникова Э.Б. Правосудие по делам несовершеннолетних: история и современность. М., 1990. С. 67; Здрок О.Н. Особенности гражданского судопроизводства по делам, связанным с защитой прав и интересов несовершеннолетних // Право и демократия: сб. науч. тр. Мн., 1998. Вып. 9. С. 294.

о посягательствах на имущественные, личные неимущественные, трудовые права несовершеннолетних и иные дела такой категории, касающиеся несовершеннолетних. К ведению суда по делам несовершеннолетних предполагается отнести единоличное рассмотрение судьей дел об административных правонарушениях несовершеннолетних, а также решение иных вопросов, связанных с принятием в отношении их мер воспитательного воздействия и др. Именно такие подходы к определению компетенции ювенальных судов в Беларуси также представляются наиболее рациональными и с правовой, и с организационной, и с экономической точек зрения.

Можно отметить, что эти принципы построения ювенального правосудия и его полномочий заложены в упомянутом проекте Концепции ювенальной юстиции Республики Беларусь.

Для осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних в проекте предлагается трехзвенная система ювенальных судов (межрайонные ювенальные суды, судебные коллегии по делам несовершеннолетних областных и Минского городского судов, судебная коллегия по делам несовершеннолетних Верховного Суда Республики Беларусь) с комплексной юрисдикцией, т.е. отнесением к их ведению уголовных, гражданских и административных дел, где одной из сторон является несовершеннолетнее лицо. При этом межрайонные ювенальные суды действуют как суды первой инстанции в составе судьи единолично и коллегии из судьи и двух народных заседателей. Единолично ювенальный судья рассматривает административные и гражданские дела в отношении несовершеннолетних, а также уголовные дела частного обвинения по первой инстанции; коллегия в составе ювенального судьи и двух народных заседателей – уголовные дела публичного и частно-публичного обвинения о преступлениях, совершенных лицами в возрасте от 14 до 13 лет.

Судебные коллегии по делам несовершеннолетних областных и Минского городского судов, согласно Концепции, могут рассматривать по первой инстанции уголовные дела по обвинению несовершеннолетних в преступлениях против мира и безопасности человечества, против государства, а также в преступлениях, за которые предусмотрена смертная казнь. Эти же судебные коллегии выполняют функции и кассационной инстанции в отношении межрайонных ювенальных судов. Что же касается судебной коллегии по делам детей Верховного Суда республики, то ее предложено наделить полномочиями кассационной инстанции в отношении приговоров и решений соответствующих коллегий областных

и Минского городского судов, а также надзорной инстанции. При ювенальных судах предусматривается институт штатных социальных работников, осуществляющих подготовку дела к судебному разбирательству, подготовку ребенка к осознанию вины. Они же осуществляют функции посредничества, собирают материалы об условиях жизни и воспитания несовершеннолетнего, поддерживают связи с территориальными органами социальной защиты, опеки и попечительства, медико-психологическими центрами. В коллегиях адвокатов могут быть созданы специализированные юридические консультации по делам несовершеннолетних.

Система ювенальных судов рассматривается как составная часть системы общего правосудия, реализуя свои задачи на единой с ними правовой базе. Вместе с тем, учитывая присущие несовершеннолетним психические и социально-психологические особенности, а также ориентируясь на международные нормы и правила и прежде всего установки Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, проект Концепции четко сформулировал специфические принципы ювенального правосудия: повышенная по сравнению со взрослыми юридическая охрана прав и законных интересов несовершеннолетних; двойное представительство интересов последних – профессиональным защитником и законным представителем; социальная насыщенность судопроизводства, выражающаяся в расширении круга вопросов, подлежащих установлению и оценке при отправлении правосудия; его конфиденциальность; максимальная индивидуализация судебного процесса; наконец, приоритет воспитательных мер воздействия и социальных мер реабилитации в отношении детей и подростков.

Еще одним из достоинств проекта Концепции ювенальной юстиции является введение в ювенальное судопроизводство элементов так называемого восстановительного (альтернативного) правосудия. В частности, вид и размер наказания в отношении детей суды избирают не иначе как с учетом решения следующих вопросов: примирение преступника с жертвой; возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, в том числе в натуральной форме, а также морального, физического и психического вреда, причиненного общественно опасными деяниями правонарушителя, и расходов, связанных с фактом содеянного; наконец, учет мнения потерпевшего либо его законных представителей о виде и размере наказания, которое следовало бы назначить обвиняемому.

Феномен восстановительного правосудия вместо возмездной юстиции с ее карательной, репрессивной направленностью получает все более широкое распространение не только в странах Запада (США, Канада, Англия, Франция, Австрия, Германия, Скандинавия), но и в странах Восточной Европы (Чехия, Польша), а также начинает утверждаться в бывших республиках Союза ССР (Украина, Россия). Известно, что суть восстановительного правосудия заключается в том, что упор делается не на «кару», наказание правонарушителя, а на его раскаяние, осознание вины и примирение с жертвой преступления, возмещение нанесенного им ущерба, вреда (психологического, морального и имущественного). Внедрение в уголовное правосудие социально ориентированных технологий позволяет во все большем масштабе заменять лишение свободы альтернативными мерами, а следовательно, является весьма перспективным, особенно по делам несовершеннолетних. В связи с этим следует согласиться с мнением о том, что в существующем уголовном процессе Беларуси реальные предпосылки для развития начал восстановительного правосудия содержит институт примирения, которое допускается Уголовно-процессуальным кодексом по делам частного обвинения (п. 5 ч. 1 ст. 29 и ч. 4 и 5 ст. 427 УПК)¹.

Надо отметить, что в последние годы в связи с переходом в республике на новую уголовно-правовую законодательную базу практика примирения обвиняемого с потерпевшим наблюдается по делам не только частного, но и публичного обвинения с применением ст. 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Последняя предусматривает, что лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим. Как известно, к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, относятся умышленные преступления и преступления, совершенные по неосторожности, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше двух лет или иное более мягкое наказание. Понятно, что по делам такого рода должна тем более допускаться практика примирения обвиняемого с потерпевшим, если речь идет о несовершеннолетнем правонарушителе. Использованию социально ориентированных технологий (элементов восстановительного правосудия)

¹ Зайцева Л.Л. Особенности производства по делам несовершеннолетних в уголовном процессе Республики Беларусь // Права человека и правосудие по уголовным делам в Республике Беларусь: сб. науч. ст. Мн., 2003. С. 104.

по делам о преступлениях несовершеннолетних, несомненно, следует отдавать предпочтение при решении вопроса об их уголовной ответственности. Впрочем, более широкому применению ст. 89 Уголовного кодекса при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних, как и других аналогичных положений нового законодательства, способствовали бы соответствующие разъяснения Верховного Суда Республики Беларусь. Тем самым стимулировалось бы внедрение элементов восстановительного правосудия по этой категории дел в практику работы судов общей юрисдикции до полного формирования системы ювенальной юстиции.

Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что в УПК Республики Беларусь, впрочем, как и в ГПК, следовало бы предусмотреть процессуальный механизм примирительного производства, как это рекомендуется сделать в новом УПК Российской Федерации, который в ст. 25 допускает прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон. Несомненный интерес в этом отношении представляет для нас Рекомендация № 19 Комитета министров Совета Европы государствам – членам Совета Европы «Посредничество в уголовных делах», принятая 15 сентября 1999 г.

Как обоснованно отмечает исполнительный директор Центра «Судебно-правовая реформа» (Москва) М. Флямер, в Рекомендации описан подход к построению альтернативы традиционному судебному разбирательству в современном праве и уголовной политике, а также предполагается использовать модель посредничества в судопроизводстве не только как альтернативу, но и как дополнение, «доступное на всех стадиях управления правосудия»¹.

Подводя итоги вышесказанному, можно констатировать, что создание в нашей стране ювенальной юстиции – веление времени. Неотложно требуется официальное принятие Концепции национальной модели ювенальной юстиции и на ее основе соответствующего закона о ее организации и функционировании.

Разумеется, что, формируя систему ювенальной юстиции, необходимо учитывать не только зарубежный опыт, но и специфику страны, ее исторические и культурные традиции, особенности национальной правовой системы, а также уровень и возможности экономического развития.

¹ Флямер М. Уголовно-правовое посредничество как способ примирения сторон // Рос. юстиция. 2003. № 9. С. 16.

При решении сложных вопросов организации ювенальной юстиции и наполнении ее конкретным содержанием надлежит непременно руководствоваться ценнейшим предписанием ст. 40 Конвенции ООН о правах ребенка, которое гласит: «...государства-участники признают право каждого ребенка, который, как считается, нарушил уголовное законодательство, обвиняется или признается виновным в его нарушении, на такое обращение, которое способствует развитию у ребенка чувства достоинства и значимости, укрепляет в нем уважение к правам человека и основным свободам других и при котором учитывается возраст ребенка и желательность содействия его реинтеграции и выполнению им полезной роли в обществе». Соблюдение всех этих условий и требований явится залогом создания эффективной системы ювенальной юстиции в Республике Беларусь.

Судоустройственное право в системе белорусского права

*Публикуется по статье:
Мартинovich, И.И. Судоустройственное право
в системе белорусского права / И.И. Мартинovich //
Судовы весн. – 2009. – № 3. – С. 59–61.*

Опубликование в журнале «Судовы веснік» актуальных материалов не только по судебной практике, но и по концептуальным проблемам правовой науки оправданно и необходимо. Одной из таких публикаций последнего времени является статья старшего преподавателя кафедры международного права Белорусского института правопедения В. Пастуховой «Судебное право как новая отрасль права» (2009. – № 1. – С. 75–79).

Разделяя в целом позицию автора статьи о выделении в системе права судоустройственных правовых норм в самостоятельную отрасль, вместе с тем представляется необходимым внести по затронутым вопросам некоторые уточнения и пояснения. Дело в том, что вопрос о признании судоустройства самостоятельной отраслью права (В. Пастухова предлагает ее называть «судебным правом») не раз был предметом научных дискуссий в советское время. Последняя из них проводилась в конце 50-х годов прошлого столетия¹. В ней приняли участие и белорусские ученые-юристы, в частности, была опубликована статья автора данной публикации в соавторстве с И.С. Тишкевичем под названием «Судоустройство и прокурорский надзор как самостоятельные отрасли советского права и как учебные дисциплины»².

¹ Алексеев С.С. О теоретических основах классификации отраслей советского права / С.С. Алексеев // Советское государство и право. – 1957. – № 4; Строгович М.С. Уголовно-процессуальное право в системе советского права / М.С. Строгович // Советское государство и право. – 1957. – № 4.

² Мартинovich И.И., Тишкевич И.С. Судоустройство и прокурорский надзор как самостоятельные отрасли советского права и как учебные дисциплины / И.И. Мартинovich, И.С. Тишкевич // Вопросы уголовного права и процесса: сб. ст. – Вып. 1. – Минск, 1958. – С. 211–226.

Надо заметить, что вопросы научной классификации отраслей права, определение места отдельных отраслей в системе права, уточнение предмета некоторых юридических учебных дисциплин привлекали и будут привлекать внимание правоведов всегда, поскольку всестороннее обсуждение и правильное решение всех этих вопросов имеет принципиальное значение для успешного развития правовой науки, совершенствования законодательства и учебного процесса юридических вузов. Как известно, включение тех или иных юридических норм или институтов в соответствующие отрасли права не является произвольным, а должно основываться на учете содержания и специфики регулируемых правом общественных отношений. Путем изучения объективных закономерностей развития права юридическая наука устанавливает, на какие отрасли распадается вся совокупность правовых норм и институтов. Причем развитие правовых институтов и отраслей права находится в прямой зависимости от эволюции регулируемых ими общественных отношений. Наличием этой объективной закономерности и объясняется тот факт, что в процессе трансформации права отдельные правовые институты, являвшиеся ранее составными частями какой-либо отрасли права становятся самостоятельными отраслями, имеющими свой предмет и метод правового регулирования, источники, принципы и институты. Так произошло, в частности, и с судоустройством, которое, как указывалось, предлагается именовать «судебным правом». Однако вряд ли это наименование приемлемо, поскольку оно не раскрывает содержания предмета этой отрасли права и к тому же неудачно еще и потому, что, как совершенно правильно в свое время отметил профессор М.С. Строгович, «система права не строится по ведомственному принципу»¹. За новой отраслью права, регулирующей общественные отношения, складывающиеся в процессе организации судебной власти и органов судейского сообщества, должно быть сохранено устоявшееся, традиционное, можно сказать, классическое международное наименование – «судоустройственное право» или просто «судоустройство», как это принято и в нашей правовой науке и законодательстве. Об этом свидетельствует и название Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. (далее – Кодекс)². Замечу, что и в странах ближнего и дальнего зарубежья, в англосаксонской и романо-германской (континентальной) системах

¹ Строгович М.С. Уголовно-процессуальное право в системе советского права / М.С. Строгович // Советское государство и право. – 1957. – № 4. – С. 109.

² Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей. – Минск, 2007. – 148 с.

права используется такое наименование данной отрасли права. К примеру, в США в Своде законов имеется 28-й раздел «Судоустройство и судебный процесс».

Что касается наименования «судебное право», то в нашей правовой науке, как и ранее в советской и ныне российской, под ним принято понимать комплексную отрасль права, объединяющую судоустройственное и процессуальное право, точнее, процессуальные отрасли права¹, к чему ученые-юристы относятся также неоднозначно.

С принятием в нашей республике летом 2006 года впервые в истории Кодекса закончился, можно утверждать, процесс формирования судоустройственного права – новой отрасли права. Для такого вывода есть все основания. Этот кодифицированный правовой акт, являясь достижением судебно-правовой реформы, поднял на качественно новый уровень правовое регулирование организации судебной власти и ее носителей – судей, дал полное и всестороннее изложение во внутренне согласованном виде всего нормативного массива по соответствующей сфере общественных отношений, учел новейшие идеи правовой мысли и правового опыта, устранил противоречия и дублирования в законодательстве. И здесь уместно обратить внимание на то, что идея о необходимости кодификации белорусского судоустройственного законодательства не раз начиная с 1980 года обосновывалась в научных публикациях². Однако воспринята она была лишь в результате решений съездов судей Республики Беларусь и осуществления судебно-правовой реформы. Сохраняя преемственность с прежним законодательством о судоустройстве, этот правовой документ содержит, как принято сейчас говорить, ряд инновационных положений, имеющих концептуальное значение для развития органов правосудия и правовой системы в целом, и прежде всего нормативное закрепление единства судебной системы с сохранением уже сложившейся к тому времени полисистемной судебной организации, наличием ее трех составных частей: Конституционного Суда, общих судов и хозяйственных судов (ст. 4, 5 Кодекса). При этом допускается внутренняя и внешняя специализация в судах общей и экономической юрисдикции. В соответствии с ч. 2 ст. 28 Кодекса

¹ Мурадян Э.М. Судебное право / Э.М. Мурадян. – СПб., 2007.

² Мартинович И.И. О систематизации республиканского законодательства о судоустройстве / И.И. Мартинович // Вестник Белгосуниверситета. Серия 3. – 1980. – № 2. – С. 65; Мартинович И.И. О судебной власти и судебной организации Республики Беларусь / И.И. Мартинович // Межвузовский сб. науч. тр. Право и демократия. – Вып. 6. – Минск, 1994. – С. 39–40.

в системе общих судов могут создаваться специализированные суды: по делам несовершеннолетних, семейные, административные и другие, а в системе хозяйственных (ч. 2 ст. 59) – суды по банкротству, земельные, налоговые и др. Таким образом, провозглашенный в Концепции судебной реформы принцип функционального разделения организационных форм судебной власти, т.е. полисистемность судебной системы (присущая большинству стран мира) и зафиксированный затем в ст. 109 Конституции Республики Беларусь, обеспечивает максимальный доступ к правосудию, создает оптимальные условия для специализации судов и судей, что в конечном итоге повышает эффективность и качество судебной деятельности, надежней защищаются права и законные интересы граждан и юридических лиц, интересы общества и государства.

Кодекс характеризуется и более совершенной законодательной техникой. В нем 6 разделов, 22 главы, 193 статьи (в Законе о судоустройстве и статусе судей в Республике Беларусь 1995 года – 6 разделов, 11 глав и 90 статей). В белорусской юридической печати Кодекс неоднократно подвергался всестороннему анализу¹. В предлагаемой вниманию читателей статье предпринята попытка лишь подчеркнуть его фундаментальное значение для выделения в системе права судоустройственного права как самостоятельной отрасли. Как и общепризнанные классические отрасли права, судоустройственная отрасль имеет свой предмет и метод правового регулирования, свои институты и принципы, на что обоснованно указано в вышеназванной статье В. Пастуховой.

Второй вопрос, по которому хотелось бы высказать некоторые суждения, – это вопрос о предмете учебного курса «Судоустройство». Правильное решение этого вопроса имеет немаловажное практическое значение, ибо позволяет рационально составить учебную программу, устранить ненужное дублирование в преподавании, способствует более глубокому изучению программного материала студентами-юристами.

Начну с того, что эта учебная дисциплина в советское время неоднократно меняла свое наименование. В послеоктябрьское

¹ Мартинович И.И. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей 2006 г. – достижение судебной реформы / И.И. Мартинович // Право и демократия: сб. науч. тр. – Вып. 19 / редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2008. – С. 227–236; Мартинович И.И. Кодификация законодательства о судоустройстве – качественно новый уровень правового регулирования организации судебной власти в Республике Беларусь / И.И. Мартинович // Юстиция Беларуси. – 2006. – № 10. – С. 17–21.

время вплоть до 1954 года изучался курс «Советское судоустройство», затем в течение 20 лет – «Организация суда и прокуратуры в СССР», с середины 70-х годов прошлого столетия – «Суд и правосудие в СССР», с 1988 года – «Правоохранительные органы в СССР», наконец, в суверенной Беларуси с 1992 года на юридическом факультете Белгосуниверситета в соответствии с новым учебным планом преподается курс «Судоустройство». По существу, этот учебный курс приобрел свое первоначальное, «историческое», традиционное название (кстати, используемое и до революции). Представляется, что это наиболее научно обоснованное, адекватно отражающее его содержание наименование. Хотя замечу, что в некоторых юридических учебных заведениях нашей республики, а в Российской Федерации в особенности, эта учебная дисциплина именуется и по-другому: «Организация судебной власти», «Суд и правоохранительные органы», «Судоустройство и правоохранительные органы», «Правоохранительные органы». Причем в России преобладает название «Правоохранительные органы». Такой разницей в наименовании данного учебного курса не случаен. Он отражает многообразие подходов к определению предмета учебной дисциплины, объясняется неразработанностью некоторых базовых дефиниций и положений науки о судебной организации, отсутствием законодательных определений таких понятий, как правоохрана, правоохранительная деятельность, правоохранительные органы, система органов правоохраны, система правоохранительных органов и др.

Известно, что становление демократического правового государства, одним из конституционных принципов которого является разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 6 Конституции Республики Беларусь), предопределило выделение судебной власти в самостоятельную и независимую ветвь единой государственной власти, придав суду как органу этой власти в системе других государственных органов, выполняющих правоохранительные функции, особый статус и особое значение. Вот почему, еще раз подчеркну, наименование упомянутой учебной дисциплины «Судоустройство» предпочтительнее. Оно оптимально точно раскрывает содержание ее предмета – изучение судоустройственного права, иначе говоря, правовых норм, регулирующих устройство суда, его построение, организацию и компетенцию, статус судьи, а также органов судейского сообщества, их организационное и материально-техническое обеспечение.

Вместе с тем с учетом комплексного, пропедевтического¹ характера учебного курса его предмет этим не исчерпывается. Кроме теории и истории судоустройства, действующей организационной структуры судебной власти и правового статуса ее носителей, он включает систему знаний о задачах и организации правоохранительных органов, содействующих суду в осуществлении правосудия (прокуратура, органы предварительного расследования), юстиции, адвокатуры, иных организационных форм оказания правовой помощи (нотариат, юридическая служба, оказание юридических услуг по лицензиям субъектам хозяйствования). Студенты получают необходимые сведения об организации юстиции в некоторых странах ближнего и дальнего зарубежья, что способствует изучению правового опыта мирового сообщества в условиях развития международного сотрудничества, процессов глобализации и интеграции. Таким образом, данная учебная дисциплина, будучи самостоятельным курсом, является как бы введением к изучению таких профилирующих юридических курсов, как гражданский, хозяйственный, уголовный и административный процессы, прокурорский надзор и др. «Судоустройство» как учебная дисциплина вооружает студентов знаниями, без которых невозможно стать квалифицированным, первоклассным юристом. Курс «Судоустройство» (впрочем, как и другие юридические дисциплины) формирует у будущих юристов правовое мышление, учит умению оперировать юридической специальной терминологией, развивает правовую культуру. Как никакой другой юридический курс, «Судоустройство» содействует воспитанию у студентов – будущих молодых специалистов высоких нравственных качеств, пониманию того, что они призваны служить таким универсальным, общечеловеческим ценностям, как истина, справедливость, закон, права человека. Словом, рассматриваемая учебная дисциплина – органическое звено в системе профессиональной подготовки юристов широкого профиля и узких специальностей к практической деятельности в системе юстиции, в органах законодательной и исполнительной власти, в сфере бизнеса и международных отношений. Именно этому назначению отвечает Типовая учебная программа для высших учебных заведений «Судоустройство» по специальностям 1-23 01 06 «Политология» (по направлениям), 1-2401

¹ Пропедевтический (др.-греч. – предварительно обучаю) подготовительный; П. курс – вводный курс, систематически изложенный в сжатой и упрощенной форме, предваряет углубленное изучение дисциплины (Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М., 2005. – С. 663).

01 «Международное право», 1-2401 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право», утвержденная Министерством образования Республики Беларусь 3 июля 2008 г. (Регистрационный № ТД – Е. 063/тип. Минск, РИВШ, 2008). Эта учебная программа, апробированная многолетней практикой преподавания данного учебного курса, соответствует требованиям времени, и вряд ли целесообразно ее изменение в ближайшие годы.

Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей 2006 г. – достижение судебно-правовой реформы

*Публикуется по статье:
Мартинovich, И.И. Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве
и статусе судей 2006 г. – достижение судебно-правовой реформы /
И.И. Мартинovich // Право и демократия :
сб. науч. тр. / редкол. : В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. –
Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 227–236.*

Введение

Прошло пятнадцать лет реализации в Республике Беларусь Концепции судебно-правовой реформы, одобренной Верховным Советом Республики Беларусь 23 апреля 1992 г.¹ Являясь составной частью глубоких политических и социально-экономических преобразований, которые проводятся в стране в целях формирования демократического правового государства, многоукладной рыночной экономики и гражданского общества, эта реформа – одно из важнейших направлений деятельности всех органов государственной власти и управления республики.

Утверждение самостоятельной и независимой судебной власти в качестве основного гаранта прав и свобод граждан, действенности законов потребовало принципиальных изменений в судостроительстве и судопроизводстве белорусского государства. Одним из значимых событий последнего времени явилось принятие и вступление в силу с 13 января 2007 г. Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей (далее – Кодекс)².

¹ Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1992. – № 16. – Ст. 270.

² Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 107. – 2/1236.

Основная часть

Идея о необходимости кодификации белорусского судоустройственного законодательства не раз обосновывалось в юридической печати¹. Это и понятно, поскольку кодификация – качественно новый уровень правового регулирования, позволяющий дать полное и системное изложение во внутренне согласованном виде всего нормативного материала по адекватной сфере общественных отношений, использовать новейшие достижения правовой мысли и правового опыта, устранить противоречия и дублирование в законодательстве.

Как показывает юридический анализ содержания Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей, в нем учтены десятилетний опыт применения Закона о судоустройстве и статусе судей 1995 г.², рекомендации юридической науки, более полно отражены общепризнанные принципы и нормы международного права. Суды в Кодексе предусматриваются в качестве центрального механизма разрешения социальных конфликтов, защиты прав и свобод человека и гражданина, достижения гражданского мира и согласия. Тем самым этот правовой акт обеспечит дальнейшую демократизацию, укрепление и развитие национальной судебной системы, повышение правового положения носителей судебной власти, окажет позитивное влияние на совершенствование организации и деятельности правоохранительных органов, содействующих суду в осуществлении правосудия.

Переходя к конкретному рассмотрению инновационных положений Кодекса, надо прежде всего заметить, что в нем более последовательное развитие и конкретизацию получили конституционные принципы построения и функционирования суда, состав, порядок комплектования и компетенция отдельных звеньев судебной системы и органов судейского сообщества, статус судей и народных заседателей, а также кадровое, организационное и материально-техническое обеспечение судебной деятельности и многие другие вопросы судоустройства.

¹ Мартинович, И.И. О систематизации республиканского законодательства о судоустройстве / И.И. Мартинович // Вестник БГУ. Сер. 3. – 1980. – № 2. – С. 65; Мартинович И.И. О судебной власти и судебной организации / И.И. Мартинович // Право и демократия: межвузов. сб. науч. тр. – Минск, 1994. – Вып. 6. – С. 39–40; Мартинович И.И. К вопросу о кодификации законодательства о судоустройстве / И.И. Мартинович // Теоретическое и правовое обеспечение реформы в сфере борьбы с преступностью в Республике Беларусь: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 22–23 апреля 1991 г.). – Минск, 1999. – С. 282–283.

² Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1995. – № 11. – Ст. 120.

С удовлетворением следует отметить, что в новом кодифицированном правовом акте впервые нормативно закреплена единство судебной системы Республики Беларусь с сохранением прежней модели организации судебной власти. Это единство обеспечивается путем: установления ее организации Конституцией и Кодексом; соблюдения всеми судьями предусмотренного законодательством порядка судопроизводства; признания обязательного исполнения на всей территории страны вступивших в законную силу судебных постановлений; единства статуса судей; финансирования судов из средств республиканского бюджета (ст. 4 Кодекса).

Принципиально значима фиксация в ст. 9 Кодекса принципа участия граждан в осуществлении правосудия. Дело в том, что ни в Основном Законе страны, ни в Законе о судостроительстве и статусе судей это руководящее положение не нашло прямого отражения, в отличие, к примеру, от Конституции Российской Федерации и Украины и их судостроительных законодательных актов. Так, Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г. в соответствии с п. 5 ст. 32 Конституции РФ предусматривает три формы участия граждан в судебном рассмотрении дел: в качестве присяжных, народных и арбитражных заседателей (п. 1 ст. 1)¹. В Украине участие народа в качестве народных и присяжных заседателей закреплено в ст. 124 Основного Закона и в ч. 3 ст. 5 Закона о судостроительстве от 7 февраля 2002 г.² Тенденция на расширение участия представителей гражданского общества в судопроизводстве проявляется в последние годы и в других странах СНГ (в частности, в Республике Казахстан³, а также многих других государствах мира.

К сожалению, наш законодатель отверг идею Концепции судебно-правовой реформы о введении в республике суда присяжных и до минимума сузил участие граждан в судебном рассмотрении дел в качестве народных заседателей. Их участие предусмотрено по действующему Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь (ст. 32) лишь по уголовным делам о преступлениях, за которые может быть назначено наказание свыше десяти лет лишения свободы, и по делам о преступлениях несовершеннолетних. Причем эти дела рассматриваются в составе одного профессионального судьи и двух народных заседателей.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 1.

² Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). – 2002. – № 27–28. – Ст. 180.

³ Тейман С. Введение народного участия в отправлении правосудия в Республике Казахстан // Рос. юстиция. – 2004. – № 6. – С. 61.

Закрепление в Кодексе о судостроительстве и статусе судей руко-водящего начала участия граждан в осуществлении правосудия позволяет надеяться, что рамки привлечения представителей общественности в белорусское судопроизводство будут со време-нем расширены. Ориентация на профессиональный суд, которая предлагается некоторыми юристами, хотя и может быть оправ-дана с экономической точки зрения, противоречит нашему наци-ональному менталитету и национальным правовым традициям, а также взятому курсу на создание правового государства для на-рода, для Человека.

Одним из бесспорных достоинств анализируемого нормативно-правового акта является правовая регламентация в нем не толь-ко вопросов организации и компетенции системы общих судов (районных (городских), областных (Минского городского) судов и Верховного Суда Республики Беларусь), как было прежде, но и Конституционного Суда Республики Беларусь и хозяйственных судов (областей и города Минска, Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь). Военные суды (межгарнизонные и Бело-русский военный суд) по-прежнему включены в систему судов об-щей юрисдикции во главе с Верховным Судом, в составе которого, наряду с другими, действует военная коллегия.

Согласно ч. 2 ст. 5 Кодекса Конституционный Суд Республики Беларусь определен как орган судебного контроля за конституци-онностью нормативных правовых актов в государстве, осуществ-ляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства. Это положение находится в полном соответствии с содержанием ст. 116 Конституции Республики Беларусь, рас-крывающей юридическую природу этого специализированно-го органа правовой охраны Основного Закона страны. Общие суды осуществляют правосудие посредством гражданского, уго-ловного и административного судопроизводства, хозяйствен-ные – посредством хозяйственного и административного судопроизводства (ч. 3 и 4 ст. 5 Кодекса). Таким образом, эти положе-ния концептуально отличают Кодекс о судостроительстве и статусе судей от предыдущего правового акта о судебной организации 1995 г., поскольку он не включал Конституционный Суд в судеб-ную систему республики (ст. 1 и 17) и не реглировал организацию судов экономической юрисдикции.

Словом, в Кодексе, как и в предшествующем законодательном акте о судостроительстве, вместо существовавшей в советское время многие десятилетия централизованной судебной системы как со-ставной части командно-административного аппарата, установлена

полисистемная, децентрализованная судебная организация, состоящая из трех параллельно действующих подсистем (частей): 1) Конституционного Суда Республики Беларусь; 2) общих и 3) хозяйственных судов. При этом допускается внутренняя и внешняя специализация в судах общей и хозяйственной юрисдикции. В соответствии с ч. 2 ст. 28 Кодекса в системе общих судов могут создаваться специализированные суды: по делам несовершеннолетних, семейные, административные и др., а в системе хозяйственных (ч. 2 ст. 59 Кодекса) – суды по банкротству, земельные, налоговые и др.

Думается, что установка на создание специализированных судов перспективна и целесообразна в связи с переводом к многоукладной рыночной экономике, усложнением общественных отношений и соответствующего законодательства, ростом численности и многообразия коллизий и противоречий в различных сферах жизнедеятельности общества.

Провозглашенный в Концепции судебно-правовой реформы 1992 г. принцип функционального разделения организационных форм судебной власти (присущий, кстати, судебным системам большинства стран мира) и зафиксированный затем в ст. 109 Конституции Республики Беларусь и судоустройственном законодательстве, неизбежно увеличивая количество судов и судей, обеспечивает максимальную доступность правосудия, снижает нагрузку судей, создает оптимальные условия для их узкой специализации по определенной категории дел, что в конечном итоге повышает эффективность и качество судебной деятельности, более надежно защищаются права и законные интересы граждан и юридических лиц, интересы государства и общества.

В этой связи надо сказать, что в ближайшие годы для Беларуси особенно актуально введение судов по делам несовершеннолетних как центрального системообразующего звена ювенальной юстиции. Нас обязывают к этому международные обязательства, в частности ратифицированная республикой Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г., Закон Республики Беларусь о правах ребенка 1993 г., Уголовно-процессуальный кодекс. Своевременно ставить вопрос об этом и в контексте Итоговых выводов и рекомендаций от 13 июня 2002 г. Комитета по правам ребенка ООН – контролирующего международного органа (п. 51). Необходимость практического решения этого вопроса подтверждена Вторым съездом судей Республики Беларусь в феврале 2002 г. Группой белорусских ученых подготовлен проект Концепции о ювенальной юстиции. Учитывая важность и архисложность формирования в стране

ювенальной юстиции с включением так называемых восстановительных (примирительных) процедур, социально ориентированных технологий, автор этих строк высказывал предложение о необходимости обсуждения проекта Концепции о ювенальной юстиции в Парламенте страны с последующим принятием Закона «О ювенальной юстиции» или «Организации юстиции в отношении несовершеннолетних»¹. Повторяя это предложение, вновь замечу, что в Кодексе по-прежнему не содержится императивной нормы, обязывающей создать специализированные органы правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

Привлекающим внимание инновационным положением анализируемого правового акта о судоустройстве является появление в судебной системе республики апелляционной инстанции для проверки правильности не вступивших в законную силу судебных постановлений судов первой инстанции путем повторного судебного разбирательства (допрос свидетелей, потерпевших, проведение экспертиз и т.д.) и вынесения нового решения, которое является окончательным, либо подтверждение ранее постановленного судебного акта. Апелляционный порядок пересмотра судебных решений избавит судебную систему от многократного рассмотрения судебных дел, т.е. от волокиты и, следовательно, грубых нарушений прав и законных интересов участников процесса. Повысится качество и эффективность правосудия, его оперативность и экономичность. Упраздненная в 1918 г. Декретом о суде № 2 апелляция в новых исторических условиях может стать действенным правовым институтом, который поднимет на качественно новый уровень деятельность судов по отправлению правосудия.

В Беларуси апелляционный порядок пересмотра судебных решений, предусмотренный в качестве одного из принципов модернизации судоустройства и судопроизводства Концепцией судебно-правовой реформы, был введен лишь двенадцать лет спустя Законом от 6 августа 2004 г., вступившим в силу с 7 марта 2005 г.² Апелляционные инстанции созданы и действуют в первичном звене системы судов хозяйственной юрисдикции, т.е. в хозяйственных судах областей и г. Минска (ст. 61 Кодекса). Что касается общих судов, то, как предполагается, они должны появиться с введением апелляционного производства

¹ Мартинович И.И. Проблемы создания ювенальной юстиции в Республике Беларусь / И.И. Мартинович // Юстиция Беларуси. – 2000. – № 2. – С. 39.

² Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2004. – № 138–139. – 2/1064.

в гражданском и уголовном процессах. Статьи 35 и 45 Кодекса допускают при необходимости образование кассационных и апелляционных, а также иных судебных коллегий для специализированного рассмотрения дел в областном (Минском городском), Белорусском военном судах и Верховном Суде Республики Беларусь. Обеспечению единства судебной практики в масштабе страны, единообразному пониманию и применению общими и хозяйственными судами законодательства будет способствовать правовое урегулирование в Кодексе оснований и порядка проведения совместных заседаний членов Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь (гл. 5 разд. 2 Кодекса).

Значительными нововведениями отличается в принятом Кодексе раздел III (гл. 6–15), посвященный правовому регулированию статуса судьи и народного заседателя. Характеризуя эти новации, следует сделать прежде всего акцент на уточнении и повышении в соответствии с мировыми стандартами требований к кандидатам на судебные должности, а также введении института кандидата в судьи.

В ст. 94, формулирующей требования к лицам на должность судьи общего и хозяйственного судов, в числе первых из них указывается, что гражданин Республики Беларусь, претендующий на указанную должность, кроме возраста не моложе 25 лет, высшего юридического образования с присвоением квалификации «юрист», стажа работы по специальности не менее трех (ранее двух) лет, не совершивший порочащих его поступков, сдавший квалификационный экзамен, должен владеть белорусским и русским языками. Это требование соответствует ст. 17 Конституции Республики Беларусь, которая провозглашает названные языки государственными и позволит равноправие языков в суде сделать более реальным, обеспечить их равновесие в использовании и функционировании в сфере правосудия.

Устанавливая одинаковые требования для кандидатов в судьи общих и хозяйственных судов, Кодекс определил, что на должность судьи Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, как и Верховного Суда, может быть назначено лицо, имеющее стаж судебной работы не менее пяти лет (прежде требовался стаж работы по специальности юриста такого же срока). Вполне логично предусмотрен в ст. 95 Кодекса стаж работы в должности судьи для кандидата, на должность председателя, заместителя председателя районного (городского), межгарнизонного военного, специализированного суда, а также областного (Минского

городского), Белорусского военного судов, хозяйственного суда области (г. Минска) соответственно не менее трех и не менее пяти лет.

Занятие вакантной должности судьи в системе как общих, так и хозяйственных судов осуществляется на конкурсной основе (ранее это предусматривалось лишь в Законе о хозяйственных судах 1998 г.).

Положительный результат квалификационного экзамена, который сдается экзаменационной комиссии (действует при Верховном Суде и Высшем Хозяйственном Суде Республики Беларусь), является основанием для зачисления кандидатом в судьи. Надо отметить, что институт кандидата на судебную должность предложен Концепцией судебно-правовой реформы 1992 г., разработчики которой опирались на опыт введения такого института Учреждениями судебных установлений 1864 г. (ст. 407–419).

Квалификационная коллегия судей дает оценку деловым и морально-психологическим качествам претендента на судебную должность и осуществляет функции конкурсной комиссии, т.е. принимает решение о регистрации в качестве кандидата в судьи или отказе в этом. При наличии вакантной должности судьи квалификационная коллегия судей рекомендует зарегистрированного ею кандидата на судебную должность для назначения на эту должность и прохождения специальной подготовки, о чем информирует Министерство юстиции Республики Беларусь.

Специальная подготовка включает обучение до одного года в специализированном учебном заведении (Институте переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета, открытого в 1998 г.) с совмещенной стажировкой в одном из судов республики под руководством опытного судьи, назначенного соответственно Председателем Верховного Суда или Председателем Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь (ст. 93 Кодекса). Условия и порядок прохождения специальной подготовки на должность судьи, а также ее программа определяются Министерством юстиции совместно с высшими судами. Словом, в Кодексе решен вопрос о порядке замещения судейских должностей, формировании судейского корпуса. По сути, как и в Российской Федерации и в некоторых других странах, этот процесс проходит две стадии: 1) отбор кандидата на должность судьи на конкурсной основе; 2) наделение его судейскими

полномочиями путем назначения (избрания) в установленном порядке на вакантную судебную должность. Предусмотренный Кодексом порядок отбора, зачисления кандидатом в судьи и специальной подготовки на должность судьи позволит повысить качественный состав судебных кадров, выполнение на предъявленном уровне стоящих перед ними задач. Видимо, заботой о профессионализме судей продиктовано включение в ст. 90 Кодекса нормы о том, что судьи Конституционного Суда после истечения срока их полномочий (11 лет) могут быть назначены (избраны) на новый срок. Судьи же общих и хозяйственных судов после пятилетнего пребывания на судебной должности могут быть назначены на новый срок или бессрочно (п. 4 ст. 99 Кодекса). Насколько оправданны такие нововведения – покажет время, практика их применения.

В третьем разделе Кодекса регламентированы и многие другие вопросы, касающиеся статуса судей и народных заседателей, а именно: аттестация судей и присвоение им квалификационных классов, дисциплинарная ответственность судей, приостановление, возобновление и прекращение их полномочий, отставка судей, государственная защита судей и народных заседателей, материальное и социальное обеспечение, наконец, вопросы правового положения народного заседателя.

Следует отметить, что в основном в Кодексе воспроизводятся нормы предшествующего законодательства, хотя имеются и некоторые новые положения. К сожалению, отдельные из них, как представляется, не всегда отвечают демократическому направлению развития белорусского судоустройства. В частности, вряд ли целесообразна передача принятия решений по результатам рассмотрения дел о дисциплинарных проступках судей председателям соответствующих и вышестоящих общих и хозяйственных судов (ст. 119 Кодекса). Квалификационные коллегии судей правомочны теперь осуществлять лишь дисциплинарное производство в отношении судей за совершение ими дисциплинарных проступков (за исключением проступков о несоблюдении судьями правил внутреннего трудового распорядка) и принимать заключения, имеющие рекомендательный характер. Это не только значительно усложняет процесс привлечения судей к дисциплинарной ответственности, но и ограничивает полномочия органов судебного самоуправления, представляет определенную угрозу для судебной независимости.

В целом же нужно заметить, что вопросы, связанные с компетенцией, порядком формирования и деятельностью органов

судейского сообщества, урегулированы в новом правовом акте по судоустройству с достаточной полнотой и не вызывают критических замечаний. Как и ранее, к ним отнесены: съезд судей Республики Беларусь; Республиканский совет судей; конференции судей областных (Минского городского) судов, конференции судей военных судов и конференции судей хозяйственных судов. Первичным звеном системы органов судейского сообщества являются квалификационные коллегии судей Верховного Суда Республики Беларусь, квалификационные коллегии судей областных (Минского городского) судов, квалификационные коллегии судей военных судов и квалификационные коллегии судей хозяйственных судов.

Согласно ст. 144 Кодекса основными задачами органов судейского сообщества названы: поддержание авторитета судебной власти; обеспечение соблюдения судьями в их профессиональной деятельности и личном поведении требований, предъявляемых к ним Конституцией Республики Беларусь, иными актами законодательства и Кодексом чести судьи; защита прав и законных интересов судей; содействие реализации гарантий независимости и неприкосновенности судей; совершенствование судебной системы и судопроизводства.

В Кодексе урегулированы основные вопросы обеспечения деятельности судов и органов судейского сообщества. Последний (шестой) раздел посвящен заключительным положениям.

Обеспечивая системное и сравнительно полное регулирование соответствующей области общественных отношений, Кодекс выгодно отличается от своего предшественника – Закона о судоустройстве и статусе судей 1995 г. и, в частности, более совершенной законодательной техникой. В нем шесть разделов, 22 главы и 193 статьи (в Законе 1995 г. – шесть разделов, 11 глав и 90 статей).

Заключение

Таким образом, сохраняя преемственность и вместе с тем развивая и обогащая демократические основы организации суда, совершенствуя правовое положение судей, Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей 2006 г. открывает новую страницу в истории судебной власти и судебной организации белорусского суверенного государства. В нем учтены десятилетний

опыт применения Закона о судоустройстве и статусе судей 1995 г. и рекомендации юридической науки. Более полное отражение получили принципы и нормы международного права. В новом кодифицированном правовом акте впервые нормативно закреплена единство национальной судебной системы, дана правовая регламентация организации и компетенции как системы общих судов (что было прежде), так и Конституционного Суда Республики Беларусь и хозяйственных судов. В соответствии с мировыми стандартами повышены требования к кандидатам в судьи, введены институт кандидата на судебную должность и специальная их подготовка.

Начальный этап создания белорусской прокуратуры

*Публикуется по статье:
Мартинovich, И.И. Начальный этап создания
белорусской прокуратуры / И.И. Мартинovich //
Законность и правопорядок. – 2009. – № 2. – С. 68–71.*

В последние годы, особенно в связи с созданием государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» и ежеквартальным выходом в свет правового научно-практического журнала «Законность и правопорядок» – печатного органа прокуратуры, заметно оживилась научная разработка актуальных проблем прокурорского надзора. Требуют более глубокого исследования вопросы истории прокуратуры Беларуси, прежде всего новейшей истории, советского и постсоветского периодов, ибо, как известно, без прошлого нет будущего. Это чрезвычайно важно в современных условиях, когда происходят изменения в национальном законодательстве, направленные на укрепление правового демократического государства.

С удовлетворением следует отметить, что это понимают белорусские правоведы. В частности, справедливо обращается внимание на то, что изучение истории создания прокуратуры позволяет лучше осмыслить ее предназначение, место в системе иных государственных органов, историческую необходимость возложенных на нее задач и функций¹, что без изучения анализа и обобщения опыта деятельности прокуратуры в прошлом немисливо решать вопросы повышения эффективности этой деятельности в настоящее время².

¹ Кеник, А.А. Прокурорский надзор: учебн. пособие / А.А. Кеник. – Минск: Амалфея, 2005. – С. 40.

² Глюков, А.К., Пиришук, И.И., Сокол, С.С. Прокурорский надзор в Республике Беларусь: учебно-методическое пособие / А.К. Глюков и [др]. – Минск, 2001. – С. 50.

Читателям журнала будет небесполезно ознакомиться с малоизвестной, но весьма интересной и значимой историей становления института прокурорского надзора в Белорусской ССР, восстановленной по архивным документам, выводами и их оценкой видными советскими учеными-юристами.

Это тем более актуально ввиду приближения 87 годовщины со дня образования белорусской прокуратуры. Так, 26 июня 1922 г. в целях осуществления надзора за законностью и в интересах правильной постановки борьбы с преступностью постановлением III сессии ЦИК БССР была учреждена Государственная прокуратура и принято первое Положение о прокурорском надзоре в БССР¹.

Учреждение прокуратуры в БССР (впрочем, как и в РСФСР, УССР и ЗСФСР) было важным историческим событием общественной и государственной жизни, поскольку способствовало укреплению законности в условиях новой экономической политики, усилению охраны прав и законных интересов трудящихся. Надо подчеркнуть, что в нашей республике вследствие ее пограничного положения вопросы укрепления законности приобрели особую остроту и значимость. Это и привело к тому, что в Беларуси в соответствии с решениями II Всероссийского съезда деятелей советской юстиции уже в начале 1922 года были учреждены органы охраны революционной законности, взявшие на себя функции органов прокуратуры.

Правовой основой организации и деятельности органов охраны революционной законности явилось Положение о Народном комиссариате юстиции БССР, утвержденное Президиумом ЦИК БССР 3 января 1922 г. Этим нормативным актом устанавливались должности прокуроров при высших судах республики: прокурор Кассационного трибунала, прокурор Революционного трибунала, а также товарищи прокурора, состоявшие при Совете народных судей и выполнявшие функции надзора за законностью в уездах.

Обязанности прокурора Кассационного трибунала выполнял нарком юстиции, который назначался Президиумом ЦИК по представлению Совнаркома республики. Нарком юстиции назначал прокурора Революционного трибунала, а товарищи прокурора по представлению прокурора Революционного трибунала утверждались в должности наркомом юстиции.

Дня руководства деятельностью этих органов в аппарате Наркомата юстиции был образован отдел охраны революционной законности в составе заведующего отделом (наркома юстиции)

¹ СУ БССР. – 1922. – № 5. – Ст. 83.

и двух товарищей прокурора. На отдел возлагались такие задачи, как организация обвинения, наблюдение за производством дознания и следствия, предварительное заключение по делам, направленным в порядке кассационного и надзорного производства в высшие судебные инстанции, рассмотрение жалоб о незаконных действиях и возбуждении уголовного преследования, наблюдение за местами заключения. Отдел структурировал и контролировал деятельность товарищей прокурора в уездах, анализировал и обобщал данные об их работе, проводил совещания и т.д.

В марте 1922 года были созданы отделы охраны революционной законности и на местах – в пяти уездах республики (Борисовском, Бобруйском, Игуменском – ныне Червенском, Мозырском и Слуцком). В Минском уезде такой отдел не учреждался, потому что на его территории, как и в Минске, надзор за законностью и функцией по руководству работой прокуроров возлагались на отдел охраны революционной законности Наркомата юстиции БССР. Уездные отделы охраны революционной законности состояли из товарища прокурора, одного-двух народных следователей, секретаря-делопроизводителя и курьера¹.

Из архивных материалов – отчетов товарищей прокурора по Борисовскому, Бобруйскому и другим уездам следует, что товарищи прокурора начали свою работу в январе 1922 года. Значит, есть все основания утверждать, что в Беларуси уже в начале 1922 года были заложены правовые и организационные основы института прокурорского надзора².

О первых шагах в деятельности органов охраны революционной законности в Беларуси в архивах сохранилось немного материалов (отчеты о деятельности отдела охраны революционной законности, а позднее – отдела прокуратуры Наркомата юстиции БССР за период с 1 февраля по 1 августа 1922 г.; информационный бюллетень, состоящий из докладов товарищей прокурора, за период с 1 апреля по 15 мая 1922 г.; сводки за апрель – июнь этого же года; распоряжения и приказы наркома юстиции БССР и др.)³. С момента основания в республике органов охраны революционной законности формируются основные направления прокурорского надзора: надзор за законностью в деятельности органов дознания и следствия, надзор за законностью судебных постановлений, надзор за законностью приговоров, надзор

¹ Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 99. – Опись 1. – Д. 109. – Л. 4 (машинопись).

² Там же. – Д. 71. – Л. 1.

³ Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 99. – Опись 1. – Д. 91. – Л. 56.

за соблюдением законности в деятельности органов государственного управления (общий надзор). Отметим, что в Беларуси на этот процесс оказали влияние установки IV Всероссийского съезда деятелей советской юстиции, проходившего 26–28 января 1922 г. в Москве, на котором было принято решение о централизации системы органов прокуратуры и наделении последних правом осуществления надзора за законностью в различных сферах государственной деятельности, в том числе сфере управления.

Анализ архивных материалов свидетельствует о том, что большая часть работы по борьбе с преступностью в первой половине 1922 года сконцентрировалась именно в прокуратуре¹, или, как она тогда называлась, в органах охраны революционной законности.

Согласно Положению о Наркомате юстиции БССР от 3 января 1922 г. следователи в уездах назначались товарищами прокурора и утверждались прокурором Революционного трибунала. Принципиальное значение для осуществления надзора за предварительным расследованием имели распоряжения и приказы наркомата юстиции БССР. В частности, в его распоряжении от 26 мая 1922 г. предлагалось все следственные дела и поступившую по ним переписку направлять непосредственно через заведующего отделом охраны революционной законности, от которого зависел дальнейший ход дела. Производство всех арестов и обысков, исходивших от товарищей прокурора или следователей, также должно было утверждаться заведующим указанного отдела². Последний санкционировал изменение меры пресечения, выдавал разрешение на посещение домов принудительных работ.

Следовательно, в Беларуси уже в первые месяцы 1922 года были созданы предпосылки для положительного решения вопроса о передаче следственного аппарата в систему органов прокуратуры, что и было осуществлено в марте 1924 года, т.е. на четыре года раньше, чем в РСФСР³.

Особенно много внимания уделялось в это время организации поддержания обвинения в суде. Работники органов охраны революционной законности ясно понимали, что от поддержания обвинения в суде во многом зависят правильность разрешения дела,

¹ Гапановіч, М.М. З гісторыі заснавання пракуратуры ў Беларускай ССР / М.М. Гапановіч // Весці АН БССР. – 1959. – № 4. – Серыя грамадскіх навук. – С. 123.

² Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 99. – Опись 3. – Д. 83. – Л. 10.

³ Там же. – Д. 257. – Л. 14; Мартинович, И.И. Судостроительство и прокурорский надзор в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) / И.И. Мартинович. – Минск: Изд-во БГУ, 1960. – С. 44.

общественно-воспитательный эффект судебного процесса, авторитет этих органов.

В отчетах товарищей прокурора приводятся данные об их участии в судебных процессах в качестве обвинителей. Из них следует, что обвинение поддерживалось по всем делам, имевшим общественное значение (о разбойных нападениях, умышленных убийствах, бандитизме, нарушениях трудового законодательства и др.). Так, в сводке прокурора по Бобруйскому уезду за период с 5 апреля по 5 мая 1922 г. указывается, что в этом месяце он выступил обвинителем в судебных процессах 9 раз, а в следующем месяце планирует выступить 11 раз¹. Это немало, если учесть, что у товарищей прокурора в уездах не было помощников и всю работу они выполняли лично.

Сложнее обстояло дело с осуществлением надзора за законностью в органах государственного управления. Это направление прокурорского надзора в первые годы деятельности прокуратуры не получило достаточного развития. Что же касается первой половины 1922 года, то в это время только начинают намечаться его контуры. Было много неясного, неопределенного. Но в целом практика шла по правильному пути: прокурор Революционного трибунала и товарищи прокурора в уездах присутствовали на заседаниях исполнительно-распорядительных органов (кроме Совнаркома, ЦИК и ЧК), опротестовывали противоречащие закону постановления и распоряжения, проводили проверки исполнения законов на местах. В сводке товарища прокурора по Бобруйскому уезду за май 1922 года отмечалось, что к нему регулярно поступают постановления и приказы местных органов власти и он «незаконномерных действий, явно противоречащих декретам и указаниям рабоче-крестьянской власти, не наблюдал»². Такого же рода сообщения поступали из Борисовского и других уездов республики.

Словом, анализ деятельности органов охраны революционной законности в БССР подтверждает вывод о том, что к моменту принятия Положения о прокурорском надзоре в БССР в области организации и осуществления прокурорского надзора за законностью был накоплен весьма ценный опыт. Это обстоятельство отмечал на III сессии ЦИК БССР (26 июня 1922 г.) нарком юстиции А.Х. Гетнер. Выступая с докладом, он подчеркивал: «...у нас в Белоруссии существовали правозащитники и прокуратура. Правда, прокуратура не имела детального Положения... Мы имели

¹ Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 99. – Опись 1. – Д. 105. – Л. 3, 21.

² Там же. – Д. 91. – Л. 43.

адвокатов и прокуратуру 6 месяцев, и у нас есть опыт в этом отношении»¹.

В информационном докладе отдела прокуратуры Наркомата юстиции БССР, направленном в отдел прокуратуры Наркомата юстиции РСФСР в ответ на письмо заместителя наркома юстиции РСФСР Н.В. Крыленко об обмене информацией по вопросу организации и деятельности прокуратуры, указывалось, что введение в действие Положения о прокурорском надзоре в БССР не встретило особых препятствий, поскольку к этому времени в сфере организации и осуществления прокурорского надзора в республике уже имелась неплохая база².

Важно подчеркнуть, что с первых шагов органы охраны законности в Беларуси опирались на помощь общественности, поддерживали тесную связь с населением. Вот что пишет об этом товарищ прокурора по Бобруйскому уезду в своем докладе в Наркомат юстиции БССР: «...организация прокурорского надзора была весьма доброжелательно встречена как рабочими города, так и крестьянством уезда. Профессиональные организации и советские учреждения начали обращаться с многочисленными запросами правового характера, которые тут же по мере возможности получали свое разрешение. Крестьяне из далеких деревень и окраин уезда обращались с жалобами на действия местных властей, как то: волисполкомов, органов милиции и т.д... требуя разъяснения незаконных действий и... отмены таковых. Были случаи, когда представители селений и деревень являлись к прокурору [с вопросом], где им приобрести тот или другой кодекс или декрет»³.

Значительны заслуги в организации органов охраны революционной законности, а затем и прокуратуры Беларуси первого наркома и первого прокурора БССР А.Х. Гётнера. Об успешном выполнении непростых обязанностей руководителя советской юстиции в Беларуси красноречиво свидетельствуют изданные им приказы и распоряжения. Должности наркома юстиции и прокурора БССР А.Х. Гётнер занимал с 1922 по 1925 год. Есть все основания увековечить память этого деятеля юстиции Беларуси, назвав его именем одну из улиц Минска. Полагаем, что соответствующее представление могли бы внести в Минский горисполком Генеральная прокуратура и Министерство юстиции Республики Беларусь.

¹ Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 6. – Опись 1. – Д. 79. – Л. 19, 103–104.

² Там же. – Фонд 99. – Опись 1. – Д. 91. – Л. 16.

³ Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 99. – Опись 1. – Д. 91. – Л. 64.

Создание органов охраны революционной законности в Беларуси в начале 1922 года – это проявление смелого творческого поиска в строительстве государственной системы и решении вопроса о направлениях и средствах укрепления законности, это начало истории белорусской прокуратуры, вступительная часть ее сложного пути развития.

Выступление автора с докладом на научной конференции в Москве, посвященной 50-летию со дня образования советской прокуратуры (20–21 апреля 1972 г.)¹, вызвало оживленную дискуссию: признать, что Белоруссия первой из советских республик учредила институт прокурорского надзора, было не просто. Некоторые ученые-юристы пытались опровергнуть неопровержимое: исторические факты, документы, историю². Другие, в частности профессор М.Ю. Рагинский – известный юрист-практик и теоретик, помощник Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе над основными военными немецкими преступниками (1945–1946 гг.)³, решительно поддержали белорусских исследователей⁴.

На наш взгляд, этот белорусский феномен, безусловно, заслуживает должного внимания и официального признания.

¹ Мартинович, И.И. Становление прокурорского надзора в Белорусской ССР / И.И. Мартинович // Совершенствование прокурорского надзора в БССР: материалы научной конференции, Москва, 20–21 мая 1972 г. – М., 1973. – С. 305–312.

² Пастревич, И.П. Из истории прокуратуры в Белоруссии // Социалистическая законность. – 1971. – № 11. – С. 34.

³ Рагинский, М.Ю. Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника Нюрнбергского процесса. – М.: Политиздат, 1986. – 207 с.

⁴ Рагинский, М.Ю. К разработке истории советской прокуратуры / М.Ю. Рагинский // Совершенствование прокурорского надзора в СССР: сб. ст. – М., 1973. – С. 301–302.

Почему нам нужен суд присяжных заседателей

Публикуется по статье:

Мартинovich, И.И. Почему нам нужен суд присяжных заседателей / И.И. Мартинovich // Юстиция Беларуси. – 2012. – № 4. – С. 8–10.

В послании Президента Республики Беларусь о перспективах развития системы общих судов, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454 среди других мер, направленных на повышение эффективности деятельности указанных судов, предлагается «рассмотреть вопрос о возможности введения института присяжных заседателей».

Будучи одним из разработчиков Концепции судебно-правовой реформы (20-летие которой отмечается в текущем году), считаю своим научным долгом еще раз¹ высказать мнение по этому дискуссионному актуальному вопросу.

Начну с того, что точнее было бы вести речь не о введении, а о возрождении на белорусской земле суда присяжных. Ведь известно, что институт присяжных заседателей действовал на территории Северо-Западного края (Беларуси) до Октябрьской революции, с 1883 по 1917 г., т.е. почти 35 лет. Более того, прообразом этой формы уголовного судопроизводства в Великом княжестве Литовском были войтовско-лавницкие суды в городах (Минск, Брест, Несвиж и др.), получавших магдебургское право, т.е. самоуправление².

Деятельность суда присяжных в Северо-Западном крае оценивалась современниками положительно. Тридцать лет спустя после

¹ См.: Мартинovich И.И. Судебно-правовая реформа в Республике Беларусь / И.И. Мартинovich, М.И. Пастухов. – Минск, 1995. – С. 57–72; Мартинovich И.И. О суде присяжных в Республике Беларусь / И.И. Мартинovich // Вестник БГУ. – 1993. – Сер. 3. – №2. – С. 55–58.; Мартинovich И.И. Будет ли возрожден суд присяжных в Беларуси / И.И. Мартинovich // Российская юстиция. – 1997. – №5. – С. 9; Мартинovich И.И. Суд присяжных: отсрочка введения, перспективы / И.И. Мартинovich // Вестник БГУ. – 1998. – Сер. 3. – №1. – С. 62–65.

² Доўнар, Ю.П. Судовая рэформа XVII стагоддзя у Вялікім княстве Літоўскім / Ю.П. Доўнар. – Мінск: БДУ, 2007. – С. 74.

его введения опытные юристы-практики (председатели и прокуроры судебных палат) считали этот суд как «лучшую форму суда, которую только можно себе представить для разрешения большей части серьезных уголовных дел»¹.

А великий юрист России, государственный и судебный деятель, публицист и просветитель А.Ф. Кони в одной из своих статей писал, что «суд присяжных есть суд жизненный, имеющий облагораживающее влияние на народную нравственность, служащий проводником народного правосознания»².

Также проникновенно и убежденно писал о суде присяжных известный русский правовед Г.А. Джаншиев, называя его одной из ярких звезд в мрачной ночи судопроизводства России. Без суда присяжных, утверждал он, «немыслим независимый суд», а без «независимого суда немыслимо торжество закона и уважение к закону»³.

В советское время, придя к власти, большевики на первых порах пытались реформировать суд присяжных, но уже осенью 1918 года полностью от этого отказались, заменив его институтом народных заседателей, который действует в Беларуси по сей день.

Объективности ради надо заметить, что к суду присяжных как наиболее демократической форме суда лояльно относился вождь пролетариата и основатель Советского государства В.И. Ленин. В своих статьях («Бей, но не до смерти», «Каторжные правила и каторжный приговор» и др.) он решительно выступал против сужения подсудности суда присяжных, а тем более его упразднения⁴.

Суверенная Беларусь, провозгласив построение демократического правового государства, пошла по пути утверждения самостоятельной и независимой судебной власти как гаранта прав и свобод человека и гражданина, действительности законов.

Одобренная Верховным Советом Республики Беларусь 23 апреля 1992 г. Концепция судебно-правовой реформы, предложив программу модернизации отечественной судебной системы, предусмотрела введение суда присяжных заседателей: при межрайонных (окружных) судах в составе одного профессионального судьи и семи присяжных заседателей, при областных (Минском городском) судах – трех профессиональных судей и расширенной коллегии присяжных заседателей, состоящей из девяти народных представителей.

¹ Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство / Н.Н. Розин. – СПб., 1914 – С. 132.

² Кони А.Ф. Собрание сочинений / А.Ф. Кони. – М., 1966. – 390 с.

³ Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда) / Г.А. Джаншиев // Историко-юридические этюды. – М., 1914. – С. 6.

⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – Т. IV. – 1967.

Предполагалось, что так называемый «малый» суд присяжных заседателей будет рассматривать уголовные дела о преступлениях, за совершение которых предусматривалось наказание не свыше 10 лет лишения свободы, если обвиняемый не признавал себя виновным.

В суде присяжных заседателей с расширенной коллегией присяжных заседателей при областных (Минском городском) судах должны были рассматриваться уголовные дела о преступлениях, за совершение которых возможно было назначение наказания свыше 10 лет лишения свободы или смертная казнь, если обвиняемый не признавал себя виновным.

Надо заметить, что вопрос о введении суда присяжных в Республике Беларусь был остро дискуссионным при обсуждении проектов Конституции, Закона о судостроительстве и статусе судей, Уголовно-процессуального кодекса.

Следует напомнить, что Конституция Республики Беларусь 1994 года (далее – Конституция), в отличие от Конституции Российской Федерации 1993 года и Конституции Украины 1996 года, не предусматривала участие в судебном разбирательстве уголовных дел присяжных заседателей. Вместе с тем в ней закреплялся руководствующий принцип коллегиального, а в случаях, предусмотренных законом, единоличного рассмотрения дел в судах (ст. 114 Конституции).

Такая формулировка позволила конструктивно решать вопрос о суде присяжных в первом базовом судостроительном законе белорусского государства – Законе Республики Беларусь от 13 января 1995 г. «О судостроительстве и статусе судей» (в настоящее время утратил силу).

Согласно ч. 2 ст. 8 этого Закона уголовные дела о преступлениях, за совершение которых предусматривалось наказание в виде смертной казни, если обвиняемый не признает себя виновным и требует суда присяжных, рассматривались в составе одного судьи и коллегии из семи присяжных заседателей.

Однако введение суда присяжных из года в год откладывалось, пока не было принято решение, что в существующих социально-экономических условиях введение такого суда невозможно. Законом Республики Беларусь от 11 ноября 2002 г. ст. 8 из Закона о судостроительстве и статусе судей в Республике Беларусь была исключена.

В Кодексе Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. участие граждан в осуществлении правосудия предусматривалось в качестве народных заседателей (ст. 9). В соответствии со ст. 32 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Беларусь уголовные дела о преступлениях, за совершение которых законом предусмотрена мера наказания свыше десяти лет лишения свободы или смертная казнь, а также дела о преступлениях

несовершеннолетних рассматриваются в судебных заседаниях в составе профессионального судьи и двух народных заседателей. В единой коллегии все вопросы дела решаются простым большинством, что приводит к пассивности народных заседателей, делает их участие в рассмотрении дела, как правило, формальным.

По личному глубокому убеждению представляется, что введение суда присяжных в белорусском суверенном государстве – веление времени, обусловленное процессами углубления и расширения в нашей стране демократии, построением государства для народа, ориентированного на все более активное участие граждан в государственной и общественной жизни, в том числе и в осуществлении правосудия.

Как известно, мировая практика знает две формы участия народа в отправлении правосудия: участие представителей гражданского общества в судебном рассмотрении дел в качестве заседателей (шеффенов) и в качестве присяжных заседателей. Первые образуют с профессиональными судьями единую судейскую коллегию и все фактические и юридические вопросы дела решают совместно. Эта форма суда присуща странам романо-германской или континентальной системы права (Германия, Франция, Италия и др.), а также советской модели права и современной Беларуси. Вторая форма участия граждан в разбирательстве судебных дел, когда они – присяжные заседатели – образуют самостоятельную коллегию, без участия профессиональных судей решают вопросы факта (виновно ли лицо в совершении преступления) и выносят обвинительный или оправдательный вердикт. Это свойственно судопроизводству англо-саксонских стран (США, Англия, Канада и др.) и некоторым европейским странам (например, Испания), а также дореволюционной и современной России.

Вопрос о том, какая из этих форм участия представителей гражданского общества в осуществлении правосудия является лучшей, наиболее эффективной, остается в мировой юриспруденции дискуссионным.

Видимо, выбирая ту или другую форму участия народных представителей в суде, следует учитывать национальные традиции, уровень развития экономики и культуры и прочие обстоятельства, но прежде всего, как представляется, их социальную полезность (ценность).

И с этой позиции наиболее оптимально участие представителей гражданского общества в отправлении правосудия в качестве присяжных заседателей, не связанных профессиональным авторитетом постоянных судей, самостоятельно и независимо решающих фактические вопросы дела, опираясь на свой здравый смысл, житейский опыт и совесть. Тем самым они обеспечивают самостоятельность и независимость судебной власти, проще говоря, ее неподкупность и неуправляемость.

Суд присяжных – важная гарантия права обвиняемого на защиту и прав человека в целом. Доказано, что суд присяжных способствует повышению профессионализма уголовной юстиции. Являясь одной из форм народовластия, он содействует формированию гражданского общества, нравственно-правовому воспитанию населения, развитию его социальной активности. Поэтому нельзя не согласиться со словами известного российского ученого юриста И.Л. Петрухина о том, что «суд присяжных – величайшее достижение мировой культуры, социальная ценность, от которой нам никак нельзя отказаться»¹.

Следует с удовлетворением констатировать, что новая Россия не отказалась от возрождения такой формы уголовного судопроизводства. В 1993–1994 годах суд присяжных был введен в порядке эксперимента в 9 регионах страны, а с 2003 года – на всей территории Российской Федерации, включая Вооруженные Силы. Возрождение суда присяжных заседателей – важное демократическое достижение современного российского государства. Несомненно, что этому способствовала твердая позиция по этому вопросу Президента Российской Федерации В.В. Путина, поддержавшего идею о возрождении суда присяжных в России. Опыт правового регулирования уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей соседнего с нами государства – Российской Федерации заслуживает внимания белорусского законодателя.

Вместе с тем, учитывая территорию и численность населения в нашей республике, белорусский суд присяжных, как и было предусмотрено в ст. 8 Закона о судопроизводстве и статусе судей 1995 года в первоначальной редакции, может состоять из одного профессионального судьи и семи присяжных заседателей, образующих самостоятельную коллегию. К компетенции этого суда целесообразно отнести уголовные дела о преступлениях, за которые предусмотрены такие виды уголовного наказания, как пожизненное заключение или смертная казнь, если обвиняемый не признает себя виновным и ходатайствует о рассмотрении его дела с участием присяжных заседателей.

Введение такого суда (малочисленный состав и ограниченная подсудность) не будет связано со значительными ресурсными и временными затратами, а также не приведет к существенному увеличению нагрузки на судей вышестоящих общих судов, при которых будет действовать эта форма суда.

Замечу, что аналогичной позиции по этому вопросу придерживается Председатель Верховного Суда Республики Беларусь

¹ Петрухин, И.Л. Суд присяжных: проблемы и перспективы / И.Л. Петрухин // Государство и право. – 2001. – № 3. – С. 15.

В. Сукало в своей статье «Белорусское правосудие: пути совершенствования и развития»¹.

Итак, на вопрос, почему нам нужен суд присяжных заседателей, следует ответить: прежде всего, потому что это востребованная и апробированная временем форма народовластия, участия представителей гражданского общества в отправлении правосудия.

Процедура формирования и процессуальные формы деятельности суда присяжных (случайная выборка из числа избирателей кандидатов в присяжные заседатели, подбор присяжных путем жеребьевки, их немотивированные и мотивированные отводы сторонами и т.д.) обеспечивают самостоятельность и независимость судебной власти, максимальную объективность и беспристрастность судебного разбирательства. При малейшем сомнении в виновности обвиняемого присяжные выносят оправдательный вердикт, т.е. признают невиновным преданное суду лицо. Это значит, что при отправлении правосудия с участием присяжных заседателей последовательно осуществляется презумпция невиновности (ст. 26 Конституции), устраняется обвинительный уклон в деятельности суда и правоохранительных органов, участвующих в уголовном судопроизводстве. Все это повышает качество работы, профессионализм уголовной юстиции. Как следствие – гарантируется право обвиняемого на защиту, права человека в целом.

Суд присяжных повышает также социальную активность граждан, является важным средством их нравственно-правового воспитания, воспитания в духе уважения к закону, справедливости и милосердия.

В заключение надо сказать, что суд присяжных, как и все в этом мире, имеет свои уязвимые места. На них обычно и акцентируют свое внимание его противники. Но, несомненно, достоинства этой формы уголовного судопроизводства превосходят ее недостатки.

Есть все основания утверждать, что суд присяжных не идеальная, но наилучшая форма суда по уголовным делам, когда обвиняемый отрицает свою вину, а ему грозит суровое наказание (пожизненное заключение или смертная казнь), и он ходатайствует о рассмотрении его дела с участием присяжных заседателей.

Введение суда присяжных в Республике Беларусь не только украсит, но и обогатит отечественное судоустройство и судопроизводство и правовую систему в целом, сделает их более демократичными, эффективными и цивилизованными.

¹ См.: Сукало В. Белорусское правосудие: пути совершенствования и развития / В. Сукало // Судовы веснік. – 2011. – №4. – С. 8.

Кодификация белорусского судоустройственного законодательства в новейшей истории

*Публикуется по статье:
Мартинovich, И.И. Кодификация белорусского
судоустройственного законодательства в новейшей истории /
И.И. Мартинovich // Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць
ва ўсходнееўрапейскім цывілізацыйным кантэксце :
зб. навуk. прац, прысвечаных 90-годдзю з дня нараджэння
праф. І.А. Юхо. – Мінск : БГУ, 2012. – С. 388–392.*

В начале XXI в. в Беларуси впервые за всю ее историю была осуществлена кодификация судоустройственного законодательства. Как указывается в Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, одобренной Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205¹, именно кодификации принадлежит приоритетная роль в процессе создания единой и гармоничной системы правовой регламентации общественных отношений.

Ретроспективный историко-правовой анализ правовых актов по судебной организации в БССР (впрочем, как и в других бывших союзных республиках) показывает, что организационные формы судебной деятельности регулировались общесоюзными законами, а также республиканскими преимущественно подзаконными нормативными правовыми актами (Положениями о судоустройстве БССР 1923, 1924, 1925 и 1931 гг.). Лишь с конца 50-х гг. XX в. в связи с расширением суверенных прав союзных республик в БССР были приняты Законы о судоустройстве в 1959 и 1981 гг. Как и многим другим законодательным актам советского периода, им были свойственны такие недостатки, как политическая идеологизированность,

¹ Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 46. – 1/3636.

декларативность, схематизм, несовершенство законодательной техники и др.

В суверенной Беларуси в постсоветское время задача совершенствования судоустройственного законодательства была поставлена в Концепции судебной-правовой реформы, одобренной Верховным Советом Республики Беларусь 23 апреля 1992 г.¹

Как известно, являясь составной частью глубоких политических и социально-экономических преобразований, которые проводятся в стране в целях формирования демократического правового государства, многоукладной экономики и гражданского общества, судебная-правовая реформа – одно из важнейших направлений деятельности всех органов государственной власти и государственного управления республики. Ее главными целями признаны: создание правовой системы, способной обеспечить функционирование правового государства; утверждение самостоятельной и независимой судебной власти как основного гаранта прав и свобод граждан и других участников правоотношений; воплощение в законодательстве демократических принципов организации и деятельности правоохранительных органов, отвечающих общепризнанным принципам международного права и научным рекомендациям. В разделе IX Концепции – Реформа законодательства – указывалось на необходимость кардинального обновления действовавшего законодательства, которое «по форме и содержанию должно отвечать духу времени, общественным потребностям, научным подходам и практическому опыту, соответствовать международно-правовым стандартам». Исходную базу в реформе законодательства закладывал проект Конституции Республики Беларусь.

Принятие Закона о судоустройстве и статусе судей было намечено уже на первом, подготовительном этапе судебной-правовой реформы (10.1.2 Концепции).

13 января 1995 г. Верховный Совет Республики Беларусь принимает Закон Республики Беларусь «О судоустройстве и статусе судей Республики Беларусь»². Этот комплексный законодательный акт был значительным шагом вперед в совершенствовании организационных форм суда и статуса судей. Однако, несмотря на всю его значимость для становления судебной власти в Республике Беларусь, Закон 1995 г. не урегулировал с должной полнотой вопросы судебной организации и статуса судей, в особенности касающиеся Конституционного Суда Республики Беларусь и хозяйственных судов. В этой связи Первый съезд судей Республики Беларусь, состоявшийся

¹ Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1995. – № 16. – Ст. 270.

² Там же. – № 11. – Ст. 120.

5 декабря 1997 г., в своей резолюции поручил Республиканскому совету судей совместно с Конституционным, Верховным и Высшим Хозяйственным судами разработать предложения по совершенствованию национальной судебной системы, пересмотру соответствующих положений Концепции судебно-правовой реформы и Закона Республики Беларусь «О судоустройстве и статусе судей в Республике Беларусь», других актов законодательства и приведению их в соответствие с Конституцией Республики Беларусь¹.

В ст. 53 Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь указывалось на необходимость принятия единого нормативного правового акта о судоустройстве и статусе судей более высокого уровня. Это отмечалось и в резолюции Второго съезда судей Республики Беларусь².

Уместно отметить, что идея кодификации белорусского судоустройственного законодательства не раз начиная с 1980 г. обосновывалась в научных статьях автором этих строк³. Однако востребована она была, как указывалось, лишь в результате проведения судебно-правовой реформы.

29 июня 2006 г. впервые в истории Беларуси был принят Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей⁴. Этот кодифицированный правовой акт поднял на качественно новый уровень правовое регулирование организации судебной власти и статуса ее носителей – судей, дал полное и всестороннее изложение во внутреннем согласованном виде всего нормативного массива по соответствующей сфере общественных отношений, учел новейшие идеи правовой мысли и правовой опыт, устранил противоречия и дублирование в законодательстве о судоустройстве и статусе судей. Более того, можно утверждать, что с принятием Кодекса о судоустройстве и статусе судей закончился процесс формирования судоустройственного права как новой отрасли в системе белорусского права. Для такого вывода есть все основания. Эта отрасль права, как и другие, общепризнанные классические отрасли, имеет свой

¹ Первый съезд судей Республики Беларусь. Документы и материалы. – Минск, 1998. – С. 162.

² Резолюция Второго съезда судей Республики Беларусь // Юстиция Беларуси. – 2002. – № 2. – С. 7–8.

³ Мартинович И.И. О систематизации республиканского законодательства о судоустройстве / И.И. Мартинович // Вестник Белгосуниверситета. – Серия 3. – 1980. – № 2. – С. 65. Мартинович И.И. О судебной власти и судебной организации в Республике Беларусь / И.И. Мартинович // Право и демократия: межвузовский сб. науч. тр. – Вып. 6. – Минск, 1994. – С. 38–40.

⁴ Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 107. – 2/1236.

предмет и свой метод правового регулирования, свои институты и принципы и свой отраслеобразующий закон¹.

Сохраняя преемственность с ранее действовавшим законодательством о судоустройстве, Кодекс содержит, как принято сейчас говорить, инновационные положения, имеющие фундаментальное значение для развития органов правосудия и правовой системы в целом. И прежде всего, это нормативное закрепление единства судебной системы с сохранением уже сложившейся к тому времени полисистемной судебной организации с наличием ее трех составных частей: Конституционного Суда, общих и хозяйственных судов (ст. 4–5 Кодекса). При этом допускается внешняя и внутренняя специализация в судах общей и экономической юрисдикции. В соответствии с ч. 2 ст. 28 Кодекса в системе общих судов могут создаваться специализированные суды: по делам несовершеннолетних, семейные, административные и другие специализированные суды, а в системе хозяйственных судов (ч. 2 ст. 59) – суды по банкротству, земельные, налоговые и др. Таким образом, провозглашенный в Концепции судебно-правовой реформы принцип функционального разделения организационных форм судебной власти, т.е. децентрализация судебной системы, присущая большинству стран мира и зафиксированная затем в ст. 109 Конституции Республики Беларусь, обеспечивает в максимальной степени доступ к правосудию, создает оптимальные условия для специализации судов и судей, что в итоге повышает эффективность судебной деятельности, а значит надежней защищает права и законные интересы граждан и юридических лиц, интересы общества и государства.

Принципиально значима фиксация в ст. 9 Кодекса такого основополагающего начала, как участие граждан в осуществлении правосудия, что непосредственно вытекает из ч. 2 ст. 3 Основного закона нашей страны. Отклоняя идею Концепции судебно-правовой реформы о введении в республике суда присяжных заседателей, законодатель предусмотрел участие граждан в отправлении правосудия в качестве народных заседателей в порядке и случаях, предусмотренных законодательством, а именно по уголовным делам о преступлениях, за которые может быть назначено наказание свыше десяти лет лишения свободы, и по делам о преступлениях несовершеннолетних. В связи с развитием демократических начал в общественной и государственной жизни есть основания

¹ Мартинович, И.И. Судоустройственное право в системе белорусского права / И.И. Мартинович // Судовы веснік. – 2009. – № 1. – С. 75–79.

надеяться, что рамки участия граждан в судебной деятельности будут расширяться. Ориентация только на профессиональный суд противоречит нашему национальному менталитету и национальным правовым традициям, а также взятому курсу на создание государства для народа, для человека.

Значительными нововведениями отличается в Кодексе раздел III (гл. 6–15), посвященный правовому регулированию статуса судьи и народного заседателя. Характеризуя эти новации, следует сделать в первую очередь акцент на уточнении и повышении в соответствии с мировыми стандартами требований к кандидатам на судебные должности, а также введение института кандидата в судьи. Кодекс содержит ряд других норм концептуального значения, отличается более совершенной законодательной техникой¹.

Вместе с тем достоинства Кодекса о судоустройстве и статусе судей не следует и переоценивать. Процесс совершенствования и развития белорусского судоустройственного законодательства, как и законодательства в целом, будет продолжаться. Жизнь, как известно, не стоит на месте. Даже по истечении пяти лет после принятия этого кодифицированного правового акта становится очевидным, что имеется немалый потенциал для дальнейшего совершенствования организационных форм судебной деятельности, организационной структуры судебной власти и правового статуса судьи, эволюционного развития судоустройственного законодательства и соответствующей отрасли белорусского права. И прежде всего, это углубление специализации судов и судей, введение ювенальных судов и административной юстиции, апелляционных судебных инстанций в системе общих судов, расширение участия представителей гражданского общества в отпращивании правосудия и др.

¹ Мартинович И.И. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей 2006 г. – достижение судебно-правовой реформы / И.И. Мартинович // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып 19 / редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2008. – С. 227–236; Мартинович И.И. Кодификация законодательства о судоустройстве – качественно новый уровень правового регулирования организации судебной власти в Республике Беларусь / И.И. Мартинович // Юстиция Беларуси. – 2006. – № 10. – С. 17–21.

Инновационное развитие белорусской адвокатуры – вызовы времени

*Публикуется по статье:
Мартинович, И.И. Инновационное развитие
белорусской адвокатуры – вызовы времени / И.И. Мартинович // Юстыцыя Беларусі. – 2013. – № 4. – С. 37–39.*

В статье исследуется инновационное развитие адвокатуры в суверенной Беларуси; значение Закона от 30 декабря 2011 года «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» для дальнейшего совершенствования организации и деятельности белорусской адвокатуры.

6 апреля 2013 г. исполнился год со дня вступления в силу Закона от 30 декабря 2011 г. «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» (далее – Закон 2011 года), получившего широкий резонанс среди юридической общественности республики. Закон 2011 года справедливо оценивается как знаковое событие в развитии белорусской адвокатуры. Результатом реализации Закона должно стать «комплексное реформирование института адвокатуры в республике, которое позволит повысить качество и профессионализм оказания юридических услуг, обеспечит доступность правовой помощи»¹.

Через год после вступления в силу Закона 2011 года есть повод еще раз обратиться к вопросам инновационного развития белорусской адвокатуры в новейшей истории.

Двадцатилетний путь развития белорусской адвокатуры в постсоветский период тесно связан с глубокими политическими и социально-экономическими процессами, происходившими в стране

¹ Коваленко Е. Новации законодательства об адвокатуре как средство развития белорусского рынка юридических услуг / Е. Коваленко. – Юстыцыя Беларусі. – 2012. – № 1. – С. 21–22; Чайчиц В. Становление адвокатуры Беларуси / В. Чайчиц, Т. Матусевич. – Юстыцыя Беларусі. – 2012. – № 7. – С. 23.

в конце 80-х – начале 90-х годов и в последующие годы XX века, формированием демократического правового государства, главной целью которого стала защита личности ее прав, свобод и интересов.

Программным документом для модернизации адвокатуры, как и всей правовой системы, является Концепция судебно-правовой реформы (далее – Концепция), одобренная Верховным Советом Республики Беларусь 23 апреля 1992 г.¹ Самостоятельный (VI) раздел Концепции посвящен адвокатуры и гарантиям оказания юридической помощи.

Идеи Концепции воплотились в Законе Республики Беларусь «Об адвокатуре», принятом 15 июня 1993 года (далее – Закон 1993 года)², высоко оцененном экспертами Совета Европы.

Содержавшиеся в Законе 1993 года нововведения были направлены на улучшение правозащитной деятельности адвокатуры в условиях перехода к рыночным отношениям, развития предпринимательства, становления демократического правового государства.

Открывая новый этап в истории отечественной адвокатуры, Закон 1993 года на уровне международных принципов и норм и в первую очередь Основных положений о роли адвокатов (принятых ООН в 1990 году) урегулировал организацию и деятельность названного правового института. Его подробный анализ дан в публикациях белорусских юристов³.

Напомним лишь, что Законом 1993 года повышен статус адвоката и ужесточены требования к лицам, желающим заниматься адвокатской деятельностью. Впервые в истории белорусской адвокатуры предусмотрены сдача квалификационного экзамена и получение специального разрешения (лицензии) на занятие адвокатской деятельностью. Законом Республики Беларусь от 30 апреля 2003 г. было предусмотрено, что адвокатская деятельность может осуществляться лишь лицами, являющимися членами коллегий адвокатов.

Инновационным в Законе 1993 года было и положение о допущении наряду с традиционными коллегиями адвокатов также образованных в частном порядке на добровольной основе иных адвокатских образований (фирмы, бюро, конторы) и адвокатов,

¹ Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1992. – № 16. – Ст. 270.

² Там же. – 1993. – № 20. – Ст. 242.

³ Мартинович И.И. Адвокатура Беларуси: история и современность / И.И. Мартинович. – Минск: Тесей, 2002. – С. 106; Адвокатура Республики Беларусь / И.И. Мартинович и др.; под общ. ред. И.И. Мартинович, Н.В. Калмыковой. – Минск: Тесей, 2011. – С. 20–116.

практикующих индивидуально. Однако они не были поставлены в равные условия с областными и Минской городской коллегиями адвокатов и оказались вне государственного контроля. Поэтому 3 мая 1997 г. Декретом Президента Республики Беларусь № 12 «О некоторых мерах по совершенствованию адвокатской и нотариальной деятельности в Республике Беларусь» деятельность этих адвокатских образований была приостановлена, а затем и прекращена. Вместе с тем по решению соответствующей коллегии адвокатов допускалось оказание юридической помощи адвокатами в иных организационных формах при условии обеспечения всех возложенных на коллегии адвокатов и их юридические консультации обязанностей по оказанию бесплатной юридической помощи, а также защиты по назначению органов, ведущих уголовный процесс. Иные организационные формы адвокатских образований стали действовать в виде специализированных юридических консультаций, занимающихся узкопрофильным обслуживанием клиентов по отдельным отраслям права.

Для усиления комплексного руководства коллегиями адвокатов, согласования и координации их деятельности в 1997 году образована Республиканская коллегия адвокатов. Заметим, что республиканские органы адвокатского самоуправления действовали в Беларуси и в советское время: с 1924 по 1938 год и с 1961 по 1965 год, т.е. в общей сложности 18 лет. И сейчас национальная ассоциация адвокатов, объединяя территориальные коллегии, успешно выполняет свои задачи.

Анализируя инновационное развитие адвокатуры в Беларуси, необходимо подчеркнуть фундаментальное значение для ее развития и совершенствования Конституции Республики Беларусь 1994 года (далее – Конституция). Положения ст. 62 Конституции о праве граждан на юридическую, в том числе адвокатскую помощь, нашли отражение и развитие в ныне действующем Законе 2011 года. В нем в соответствии с общественными потребностями в расширении и качественном улучшении юридической помощи, с учетом отечественного и приемлемого зарубежного опыта, научных достижений, а также критических замечаний и предложений, высказанных в ходе обсуждения законопроекта, в том числе адвокатским сообществом¹, системно и всесторонне урегулированы вопросы организации и деятельности адвокатуры. По сравнению с Законом 1993 года он более совершенен и в плане законодательной техники.

¹ Андрейчик Н. Адвокатура в Белоруссии: настоящее и будущее / Н. Андрейчик // Юстыцыя Беларусі. – 2010. – № 8. – С. 9–14.

Поскольку главной действующей фигурой адвокатуры является адвокат, Закон 2011 года определяет его правовой статус. Так, согласно ст. 7 Закона 2012 года адвокатом в Республике Беларусь может быть физическое лицо, являющееся гражданином Республики Беларусь, имеющее высшее юридическое образование, прошедшее в установленных Законом случаях стажировку и сдавшее квалификационный экзамен, получившее специальное разрешение (лицензию) на осуществление адвокатской деятельности и являющееся членом территориальной коллегии адвокатов.

В отличие от редакции ст. 7 Закона 1993 года новым законодательным актом добавлена стажировка для всех лиц, желающих заниматься адвокатской деятельностью, но сроки ее прохождения зависят от стажа работы по специальности (при стаже не менее трех лет – от трех до шести месяцев, при стаже менее трех лет – от шести месяцев до одного года). Для облегчения доступности юридической помощи установлено, что при заключении срочного трудового договора (тоже новелла) с территориальной коллегией адвокатов (в случае направления претендента на стажировку в юридическую консультацию) может быть предусмотрено условие об обязанности стажера после прохождения стажировки и получения лицензии отработать два года в указанной в договоре юридической консультации. Нет сомнения, что данная норма Закона 2011 года при ее реализации позволит обеспечивать квалифицированной юридической помощью население в проблемных в этом отношении районах республики.

Положительно и то, что Законом 2011 года предусмотрено прохождение стажировки под руководством опытного адвоката со стажем адвокатской практики не менее пяти лет, в случае несдачи стажером квалификационного экзамена по решению совета территориальной коллегии адвокатов адвокат может быть отстранен от руководства стажерами на срок до двух лет. Это также повысит ответственность адвокатов за руководство стажерами и обеспечит их должную подготовку к сдаче квалификационного экзамена.

Вместе с тем представляется, что от прохождения стажировки целесообразно было бы освободить претендентов, имеющих ученую степень по юридической специальности, либо продолжительный безупречный стаж работы по такой же специальности (допустим, не менее пяти лет). Это обеспечит приток в адвокатуру, наряду с молодыми специалистами, положительно себя зарекомендовавших юристов-практиков и позволит успешнее решать вопросы специализации в адвокатской деятельности.

Выдача и продление действия лицензий на право занятия адвокатской деятельностью на основании заключения квалификационной комиссии по-прежнему прерогатива Министерства юстиции Республики Беларусь. К сожалению, срок действия лицензии Законом 2011 года не определен. В подзаконных актах он устанавливается по-разному (5–10 лет). Думается, что было бы оптимальным выдавать лицензии на срок 10–15 лет, а со временем отказаться и от лицензирования претендентов на адвокатскую профессию, ограничившись сдачей квалификационного экзамена Квалификационной комиссии и ее решением о присвоении либо отказе от присвоения статуса адвоката. Такой правовой механизм получения статуса адвоката установлен в России. При этом в п. 3 ст. 12 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года записано, что «статус адвоката присваивается претенденту на неопределенный срок и не ограничивается возрастом адвоката». В случаях, предусмотренных законом, Совет адвокатской палаты соответствующего субъекта Российской Федерации принимает решение о приостановлении или прекращении статуса адвоката.

Повышению ответственности адвокатов, их нравственно-духовному воспитанию способствовало бы и введение присяги перед началом профессиональной деятельности. Как известно, в Республике Беларусь она введена для лиц многих юридических профессий (судей, прокуроров, сотрудников Следственного комитета, нотариусов). В вышеуказанном Законе Российской Федерации (п. 1 ст. 12) установлено, что решение Квалификационной комиссии о присвоении статуса адвоката вступает в силу со дня принятия присяги. Кстати, это общепринятый стандарт. Вспомним и нашу дореволюционную историю. Название адвокатов – присяжные поверенные – связано именно с принятием адвокатской присяги.

Инновационное развитие белорусской адвокатуры, несомненно, проявилось и в значительном расширении видов юридических услуг, таких как правовая работа по обеспечению хозяйственной и иной деятельности, по вопросам привлечения инвестиций, проведению правовой оценки документов и действий и др. Помимо этого, адвокаты вправе выступать примирителями в примирительных процедурах, медиаторами в медиации, третейскими судьями в третейских судах.

Профессиональная защита прав и интересов клиентов по уголовным, гражданским делам, делам, возникающим из хозяйственных (экономических) споров, и делам об административных правонарушениях в общих и хозяйственных судах, органах, ведущих

уголовный или административный процесс, осуществляется только адвокатами.

Известно, что представление интересов клиентов в судах любой специализации – мировая практика. Теперь она воспринята и нашей страной, что в полной мере отвечает современным потребностям рынка, бизнеса, физических и юридических лиц. В принципе на это же направлены и изменения в организационных формах адвокатской деятельности. Согласно ст. 29 Закона 2011 года эта деятельность может осуществляться в адвокатском образовании в форме юридической консультации, адвокатским бюро либо индивидуально. Адвокат, приняв решение стать учредителем (участником) адвокатского бюро или осуществлять адвокатскую деятельность индивидуально, должен иметь стаж работы в качестве адвоката или лица, осуществляющего юридические услуги на основании свидетельства об аттестации юриста, не менее трех лет. Эти решения подлежат согласованию с советом территориальной коллегии адвокатов. Отказ в согласовании может быть обжалован в судебном порядке в месячный срок со дня его принятия.

Таким образом, в отличие от юридических консультаций, которые действуют в республике более 90 лет, адвокатские бюро и индивидуальная адвокатская практика – востребованные временем формы адвокатских образований (по примеру России, да и других стран, организационной формой индивидуальной адвокатской деятельности может и у нас стать адвокатский кабинет).

Принципиальное значение имеет и закрепление в Законе 2011 года положения о том, что юридические консультации и адвокатские бюро могут быть специализированными в соответствующих отраслях права и (или) направлениях деятельности. Особенности порядка создания и деятельности специализированных адвокатских образований могут устанавливаться актами Президента Республики Беларусь (ст. 32 Закона 2011 года). Так, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 12 сентября 2012 г. № 405 в целях совершенствования оказания юридической помощи на территории Республики Беларусь и иностранных государств учреждена специализированная юридическая консультация «Белинюрколлегия». Осуществляет она свою деятельность в качестве обособленного подразделения с правами юридического лица Минской городской коллегии адвокатов, имеет права и обязанности, принадлежавшие ранее специализированной Белорусской коллегии адвокатов, т.е. обеспечивает оказание юридической помощи гражданам и юридическим

лицам Республики Беларусь на территории Республики Беларусь и за ее пределами, иностранным гражданам, лицам без гражданства, а также иностранным юридическим лицам на территории Республики Беларусь, включая розыск наследников и генеалогических исследований.

Жизнь подтвердила полезность и перспективность специализации в организации работы адвокатов, поскольку в республике, как отмечалось ранее, наряду с общими функционируют специализированные юридические консультации (по обслуживанию субъектов хозяйствования, правовому обеспечению сделок с недвижимостью и др.).

Целесообразной представляется и специализация адвокатов по делам несовершеннолетних. Ведь, как известно, наше государство делает первые шаги в направлении создания ювенальной юстиции, частью которой станет так называемая ювенальная адвокатура: она сможет осуществлять правозащитную деятельность по делам детей и подростков, способствовать предупреждению правонарушений, а также реабилитации и ресоциализации несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом.

Узкая специализация адвокатов благотворно отразится на качестве правовой помощи, оказываемой ими.

На современном этапе развития белорусской адвокатуры законодателем избран приемлемый вариант взаимодействия адвокатуры с государством и общественными объединениями (гл. 6 Закона 2011 года). Государство гарантирует адвокатам возможность осуществления адвокатской деятельности и способствует созданию необходимых условий, обеспечивает независимость деятельности адвокатуры, доступность юридической помощи, а также сотрудничество государственных органов и органов адвокатского самоуправления в обеспечении защиты прав, свобод и интересов граждан, оказания юридической помощи физическим и юридическим лицам. Полномочия Министерства юстиции Республики Беларусь, перечисленные в ст. 38 Закона 2011 года, позволяют ему выполнять обязанности по общему и методическому руководству адвокатурой.

Вместе с тем по мере укрепления и развития адвокатуры как института гражданского общества, профессионального сообщества адвокатов, не входящего в систему органов государственной власти и местного самоуправления, ее взаимоотношения с государством, как представляется, будут приобретать все более либеральный характер. При этом государство гарантирует независимость адвокатуры, доступность и социальную ориентированность

ее деятельности, обеспечивает в случаях, предусмотренных законом, оказание юридической помощи за счет государственных средств. Одна из актуальных задач органов государственного управления в лице Министерства юстиции – обеспечение качественного состава адвокатского корпуса, содействие повышению квалификации членов адвокатского сообщества.

Повышение профессионализма адвокатов (впрочем, как и других юристов) особенно значимо в плане реализации положений Послания о перспективах развития системы общих судов, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454 и, в частности, поручения «рассмотреть вопрос о возможности введения института присяжных заседателей». При положительном решении этого вопроса потребуются качественно новый уровень деятельности всей уголовной юстиции, включая адвокатуру. Об этом свидетельствует как дореволюционный, так и современный опыт России. Именно в этом суде с его широкой гласностью, устностью и состязательностью проявился ораторский талант многих юристов того времени, в частности, нашего земляка В.Д. Спасовича, считающегося одним из лучших адвокатов Европы.

В заключение следует отметить, что белорусская адвокатура как негосударственное, некоммерческое объединение юристов-профессионалов, построенное на принципах добровольного членства и самоуправления, прежде чем получить общественное признание, прошла длительный и непростой путь развития. Особенно интенсивно, с ориентацией на международно-правовые стандарты, шло совершенствование ее организации и деятельности в постсоветское время в суверенной Беларуси. Современный этап ее организации и повышения качества оказываемой ею юридической помощи открыт Законом 2011 года, ведь, как известно, развитие и положение адвокатуры в обществе – показатель надежной защиты прав, свобод и законных интересов личности в государстве. Мы вправе утверждать, что в Республике Беларусь формируется независимая, высокопрофессиональная, социально-ориентированная адвокатура, способная обеспечить оказание квалифицированной юридической помощи всем, кто в этом нуждается. Своей деятельностью адвокатура способствует утверждению в обществе принципов законности, справедливости и гуманизма.

Библиографический список трудов И.И. Мартинович, опубликованных в настоящем издании

Монографии

1. Мартинович, И.И. История суда в Белорусской ССР (1917–1960 гг.) / И.И. Мартинович. – Минск : БГУ, 1961. – 175 с.
2. Мартинович, И.И. Гласность в советском уголовном судопроизводстве / И.И. Мартинович. – Минск : Изд-во БГУ, 1968. – 74 с.
3. Мартинович, И.И. Общественные суды БССР в социалистическом строительстве / И.И. Мартинович. – Минск : Выш. школа, 1978. – 112 с.
4. Мартинович, И.И. Адвокатура Беларуси: история и современность / И.И. Мартинович. – Минск : Тесей, 2002. – 176 с.

Статьи

1. Мартинович, И.И. Создание ювенальной юстиции в Беларуси – требование времени / И.И. Мартинович // Перспективы создания ювенальной юстиции в Республике Беларусь : сб. ст. и материалов / Представительство Дет. фонда ООН (ЮНИСЕФ) в Респ. Беларусь ; под общ. ред. Г.М. Леоновой. – Минск : Тесей, 2004. – С. 6–15.
2. Мартинович, И.И. Судостроительное право в системе белорусского права / И.И. Мартинович // Судовы весн. – 2009. – № 3. – С. 59–61.
3. Мартинович, И.И. Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей 2006 г. – достижение судебной реформы / И.И. Мартинович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 227–236.

4. Мартинович, И.И. Начальный этап создания белорусской прокуратуры / И.И. Мартинович // Законность и правопорядок. – 2009. – № 2. – С. 68–71.

5. Мартинович, И.И. Почему нам нужен суд присяжных заседателей / И.И. Мартинович // Юстиция Беларуси. – 2012. – № 4. – С. 8–10.

6. Мартинович, И.И. Кодификация белорусского судоустройственного законодательства в новейшей истории / И.И. Мартинович // Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнеўрапейскім цывілізацыйным кантэксце : зб. навук. прац, прысвечаных 90-годдзю з дня нараджэння праф. І.А. Юхо. – Мінск : БГУ, 2012. – С. 388–392.

7. Мартинович, И.И. Инновационное развитие белорусской адвокатуры – вызовы времени / И.И. Мартинович // Юстыцыя Беларусі. – 2013. – № 4. – С. 37–39.

Научное издание

Наследие права

Изабелла Ивановна Маргинович

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Ответственный за выпуск

Д.В. Домогацкий

Редакторы:

Л.Ф. Остроумова, Е.П. Собалева

Компьютерная верстка

О.П. Карасюк

Подписано в печать 30.09.2016. Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 35. Уч.-изд. л. 31,16. Тираж 300 экз. Заказ 636.

Издание выпущено по заказу ООО «ЮрСпектр».

Издательское унитарное предприятие

«Редакция журнала “Промышленно-торговое право”».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/232 от 24.03.2014.
1-й Загородный пер., 20, (13-й этаж), каб. 7, г. Минск, 220073.

ООО «Юстмаж»

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 2/68 от 19.03.2014.
Ул. Калиновского, 6, Г 4/к, комн. 201, г. Минск, 220103.